

О П Ы Т Ы
ИЗУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
И
И С Т О Р І И.

ОПЫТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

И

И С Т О Р И И.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОПИСАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ИВ. ЗАБЪЛІНА.

ЧАСТЬ У

Изданіе К. Солдатенкова.

ЦѢНА 2 РУБ.

МОСКВА.

Типографія Грчева и К., у Пречистенскихъ в. д. Шиловой.

1872.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ родился тридцатаго или «противъ» тридцатаго мая 1672 года, въ четвертокъ, на память Исаакія Далматскаго, *въ отдачу часовъ ночныхъ*, т. е. на исходъ ночи или, по другимъ извѣстіямъ, въ шестомъ часу ночи, также за полтретья часа до дня, что по теперешнему счету будетъ означать часъ по полуночи ¹⁾.

Соблюдая тогдашніе обычаи и порядки быта, царь Алексѣй Михайловичъ въ тотъ же часъ указалъ послать *съ вѣстью* къ боярамъ, окольныхчимъ и ближнимъ людямъ, а также и къ гостямъ. О посылкѣ къ митрополиту (тогда было междупатріаршество) и духовнымъ властямъ современныя записки не говорятъ ни слова; но извѣстно, что повѣстка посылалась не только къ нимъ, но даже и во все важнѣйшіе московскіе монастыри, и особенно къ Троицъ въ Сергіевъ. Отъ царицы также посылались съ вѣстью, или, какъ тогда говорили, со

---

¹⁾ Часы дѣлились въ то время на дневные и ночные; дневные считались съ солнечнаго восхода, а ночные съ заката. Съ 25 мая по тогдашнему счету было 17 часовъ дневныхъ и 7 ночныхъ. 30 мая солнце восходитъ въ 3 ч. 18 м., заходитъ въ 8 ч. 40 м., — следовательно тогдашній первый часъ ночи соответствовалъ поледниѣ десятому по полудни, а первый часъ дня — поледниѣ четвертому по полуночи. Если принимать, что начало дня считали въ то время съ трехъ съ половиною часовъ, то выраженіе за полтретья часа до дня будетъ означать часъ по полуночи.

здоровьемъ, къ женамъ бояръ, окольныхихъ и ближнихъ людей, вообще къ *боярынямъ приѣзжимъ*, такъ называвшимся въ отличіе отъ *дворовыхъ боярынъ*, которыя жили во дворцѣ.

Во второмъ часу дня или въ пять утра заблаговѣстили въ большой успенскій колоколъ къ молебну. Въ это время все уже было готово къ царскому торжественному выходу. Въ сопровожденіи грузинскаго, касимовскаго и сибирскихъ царевичей, бояръ, окольныхихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, полковниковъ солдатскихъ выборныхъ и стрѣлецкихъ полковъ, государь шествовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ и совершенно было молебствіе. Послѣ молебна митрополитъ Питиримъ со властями, 3 митрополитами, 3 архіепископами, и 1 епископомъ и со всѣмъ соборомъ поздравилъ государя съ новорожденнымъ. За тѣмъ поздравляли царевичи, боярство и всякихъ чиновъ люди, бывшіе на выходѣ, при чемъ грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ, стоявшій въ главѣ синклита, произнесъ обычную поздравительную рѣчь. Изъ Успенскаго собора государь шествовалъ въ соборъ Архангельскій, потомъ въ монастыри Чудовъ и Вознесенскій и на возвратномъ пути, въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ и совершалъ обычное богомолье ¹⁾.

¹⁾ Нельзя не остановиться на томъ обстоятельстве, что весь этотъ торжественный выходъ былъ наряженъ въ такое короткое время. Въ теченіе четырехъ часовъ съ минуты родивъ всѣ были увѣдомлены, и всѣ парадно собрались къ торжеству. Это, кромѣ многихъ другихъ данныхъ, можетъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ, что Петръ родился въ Кремлѣ, а не въ Измайловѣ и не въ Коломенскомъ, навѣ утверждаютъ даже до сихъ поръ нѣкоторые измыслители. Миллеръ еще въ 1787 году считалъ эти мнѣнія неосновательными, но самыми простыми и здравыми соображеніями. „Весьма неумовѣрно, говорить о томъ, чтобы государыня царица, на послѣднихъ дняхъ своей беременности, изволила ѣздить въ Коломенское, или въ Измайлово и ожидать тамъ своего отъ бремени разрѣшенія; чего безъ многихъ затрудненій учиниться не могло. Разрѣдная записка

Возвратившись во дворецъ, государь, въ Столовой палатѣ, пожаловалъ изъ думныхъ дворянъ въ окольные отца царицы, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, и своего *друзя Сергеевича* — Артамона Матвѣева. Въ тотъ же день пожалованы были въ лучшие дворяне дядя царицы Федоръ Полуехтовичъ Нарышкинъ, Авраамъ Никитичъ Лопухинъ и московскій ловчій Аванасій Ивановичъ Матюшкинъ. Отслушавъ потомъ обѣдню, государь, по случаю общей радости, справилъ въ Передней и обычное родинное угощеніе водкой, винами и разными сластями. Принесено было питье, яблоки, дули, груши и другіе «овощи» въ патокѣ, въ ковшахъ. Изъ собственныхъ рукъ государь подавалъ водку и фряжскія вина боярамъ, окольнымъ, думнымъ людямъ, дякамъ и полковникамъ стрѣлецкимъ; головамъ и полуполковникамъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ подносилъ водку передъ Переднею въ сѣняхъ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Все справлено было по обычаю, и не подавали только *коврижки* и *взвару*, необходимыхъ принадлежностей этого угощенія, которыхъ подача, какъ увидимъ, была отложена до другаго времени.

По порядку вскорѣ слѣдовало дать во дворцѣ родинный столъ; но черезъ три дня по рожденіи младенца наступилъ Петровъ постъ; въ воскресенье праздновали день Всѣхъ Святыхъ и было заговѣнье. — Приготовиться такъ скоро, въ два дня къ большому торжественному столу было невозможно и для дворцовога хозяйства и для гостей, потому что къ родинному столу гости по коренному обычаю должны были явиться съ да-

---

того же числа свидѣтельствуеть, что государь царь Алексѣй Михайловичъ во второмъ часу дня присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи въ несловесномъ Успенскомъ соборѣ, для сего благополучнаго роженія отпращивающъ. Могло ли сіе сдѣлаться, если изъ Коломенскаго или Измайлова о томъ въ городъ повѣстять, духовенство собрать, и государю самому оттуда же молебствію прійхать надлежало?« Собр. разн. записокъ о жизни Петра Великаго, *Туманскаго*. V. стр. 118.

рани для новорожденного. Нельзя однакожь было отлагать на долгое время веселое пиршество. 2 іюня въ воскресенье, въ самое заговѣнье, государь далъ приватный столъ одному боярству съ дьяками, *безъ зову и безъ мѣста*. Столъ накрытъ былъ въ Золотой Царицыной палатѣ. Въ числѣ яствъ важнѣйшее мѣсто занимали здѣсь *коврижки и взварь*: «Великій Государь жаловалъ всѣхъ водкою, а заѣдали коврижками, яблоками, дулями, пибремъ, смоквою, сукатомъ въ патокѣ и иными овощами; а какъ начали ѣсть, напередъ носили *взварь* въ ковшахъ». Въ то же время передъ палатою, въ проходныхъ сѣняхъ, кормлены Благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у *крестовъ*, т. е. въ царскихъ моленныхъ комнатахъ. Этихъ небольшимъ столомъ и заключились предварительныя торжества.

Наконецъ насталъ Петровъ день, въ который праздновались именины новорожденного и назначены были крестины. Крестины были совершены въ Чудовомъ монастырѣ, у Алексѣя Чудотворца въ трапезѣ, передъ обѣденою, въ 3 часу дня. Крестилъ духовникъ царя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ. Восприемниками были старшій братъ Петра царевичъ Федоръ Алексѣевичъ и тетка царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденного въ церковь, то по пути кропиль святой водою дворцовый рождественскій священникъ Никита, весьма уважаемый въ то время за святость жизни. За крещенье государеву духовнику дано отъ государя: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 60 зол.; сорокъ соболей въ 80 руб., атласу таусиннаго 10 арш. Отъ царицы: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 9 зол.; сорокъ соболей во 100 руб.; кашки кюфтеру темно-лазоревою 10 арш. Отъ царевича: сорокъ соболей во 100 руб., обьяри гвоздичной 5 арш., 50 золотыхъ; чудовскому архимандриту Іоакиму: кубокъ вѣсомъ фунтъ 14 зол., сорокъ соболей во 100 руб., байберекъ таусинной; рождественному

священнику Никитѣ 50 руб., дьяконамъ: чудовскому Пахомию 20 рублей да объари таусивной 5 арш., екатерининскому Ивану сукна кармазину, тафты зеленой, по 5 арш.

На другой день, 30 іюня, также въ воскресенье, послѣ обѣди, во дворцѣ собрались духовенство «съ образы и съ дары», боярство, гости, выборные гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и конюшенныхъ слободъ и изъ городовъ отъ посадскихъ, также съ родинными дарами. Родинный столъ былъ данъ въ Грановитой Палатѣ въ этотъ же день. Отъ другихъ столовъ родинные столы отличались неизвѣстнымъ количествомъ подаваемыхъ гостямъ всякаго рода *сахаровъ*, *пряниковъ*, и «овощей», вареныхъ и сушеныхъ. Столъ новорожденного Петра въ буквальномъ смыслѣ загроможденъ былъ этими разнообразными издѣліями старинныхъ приспѣшниковъ. Между ними самое видное мѣсто занимали и служили украшеніемъ царскаго пира огромныя коврижки и литыя сахарныя фигуры птицъ, змій и т. д. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарныхъ орла въсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полпуда, попугай полпуда и т. п. Былъ сдѣланъ также и *городъ сахарный Кремль съ людьми, съ конными и съ пѣшими* и другой *городъ* четырехугольный съ пушками (крѣпость). Въ то же время и царица давала родинный столъ боярынямъ въ своей Золотой Палатѣ. Изъ сахаровъ и «овощей», поданныхъ ей за столъ, коврижка большая изображала гербъ государства Казанскаго; орлы, лебедь, утя и другія птицы были того же вѣса, какъ за столомъ царскимъ. Былъ здѣсь также городъ сахарный треугольный съ цвѣтами, двѣ палатки и кровать сахарная. Каждый изъ гостей получалъ по большому блюду съ разнообразными сахарами: зеренчатыми, леденцами и конфетами, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными *полосами* и проч. Количество сахаровъ и разныхъ заѣдокъ со-

размѣрялось впрочемъ со степенью значенія каждаго изъ гостей. Младшіе члены пира, т. е. люди низшихъ разрядовъ получали меньше высшихъ. Это были обычные роднинные подарки въ то время. Они раздавались гостямъ послѣ стола, и каждый уносилъ гостинцы съ царскаго пира домой. Тѣмъ изъ знатныхъ, которые почему-либо не могли быть на пиру, сахары посылались обыкновенно на домъ. Такимъ же образомъ черезъ четыре дня, юля 4, справленъ былъ и *крестинный столъ*, которымъ и заключились придворныя торжества по случаю царскихъ родинъ ¹⁾.

Теперь остановимся на первыхъ заботахъ и распоряженіяхъ касательно самого младенца. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ предметѣ, по свойству доступныхъ намъ матеріаловъ, будутъ по преимуществу касаться одной только вѣтшной стороны воспитательныхъ заботъ того времени. Но соберемъ и эти скудныя и сухія крупицы, можетъ-быть и онѣ не будутъ бесполезны при изученіи дѣтскихъ лѣтъ Великаго Преобразователя.

Одно изъ первыхъ распоряженій въ отношеніи новорожденнаго касалось дѣла благочестиваго и душеполезнаго. Съ дѣтства снимали *мѣру*, долготу и широту, и въ эту мѣру, на кипарисной или липовой дскѣ писали икону тезоименитаго его ангела. На третій день по рожденіи Петра, 1 юня, царь Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ повелѣлъ писать мѣру сына искуснѣйшему въ то время иконописцу Симону Ушакову. На кипарисной дскѣ длиною одиннадцати, а шириною трехъ вершковъ, Ушаковъ назнаменилъ образъ живоначальныхъ Троицы и Апостола Петра и успѣлъ написать только однѣ ризы иконы, до лицъ, потомъ заскорбѣлъ, сдѣлался болѣнъ. Лица дописывалъ не менѣе искусный иконописецъ Федоръ Ко-

¹⁾ Дополн. въ 111 т. дворц. разрядовъ, ст. 463.

ловъ. Эта *мра рожденія* доселѣ сохраняется надъ гробомъ Императора. Но само собою разумѣется, что многое изъ заботъ о новорожденномъ предшествовало еще самымъ рѣшительнымъ. Выборъ мамы, напримѣръ, рѣшался конечно гораздо прежде. Наготовѣ были и всѣ распоряженія по выбору кормилицы — «жены доброй и чистой и илекомъ сладостной и здоровой». Справки о такихъ качествахъ не могли быть ведены скоро, такъ-сказать въ торопяхъ, когда уже настала въ томъ рѣшительная нужда. Въ мамы Петру назначена была сначала *княгиня Ульяна Ивановна Голицына*, а потомъ боярыня *Матрена Романовна Левонтьева*; кормилицей была *Нелила Ерофеева* ¹⁾, изъ какого чина, неизвѣстно.

Намъ не встрѣтилось извѣстій ни о первомъ помѣщеніи младенца, ни о колыбели и другихъ потребностяхъ, заготовленныхъ для первыхъ его дней. Впрочемъ можно составить себѣ понятіе объ этихъ предметахъ изъ записокъ о ихъ заготовленіи въ послѣдующее время. Вообще нужно замѣтить, что дѣтская колыбель и дѣтская одежда отличались царскимъ богатствомъ и были далеки отъ той простоты, какую можно предположить, судя по простотѣ самыхъ вкусовъ тогдашняго общества; тѣ же цѣнныя золотыя ткани, дорогіе мѣха и т. п. являлись и у дѣтской колыбели. Такъ черезъ годъ (1673 г.) именно къ Петрову дню, къ именинамъ царевича, ему устроена *новая колыбель* изъ турецкаго золотнаго бархата — «по червчатой землѣ репши велики золоты да репейки серебряны невелики, въ обводѣ морхъ зеленъ», — подбитая хлопчатой бумагой, на тафтяной рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ червчатымъ венецейскимъ; яблока у пялецъ обшиты обьярью по серебряной землѣ «травы золоты съ шолки розными». Въ то же время сдѣланы *пуховыя* и *бумажяныя*, т. е. перинка и

¹⁾ Книга Крѣпостная 7181 г., № 524, въ Арх. Ор. Пал.

тюфячекъ. Для пуховика нижняя наволочка скроена изъ тверскаго полотна, лучшаго въ то время, а верхняя изъ желтой тафты, длиною въ два аршина. Пуху лебяжьего, чистаго, бѣлаго, пошло полпуда. Такой же величины былъ скроенъ и бу-мажникъ, покрытый червчатою тафтою; хлопчатой бумаги употреблено десять фунтовъ. Подушки или взголовья также были пуховыя, изъ лебяжьего пуху, покрытыя тафтой. Колыбель и перинки дѣлались каждый годъ, по мѣрѣ того, какъ подрасталъ ребенокъ. Дорогія ткани съ старыхъ, *оставныхъ* колыбелей употреблялись нерѣдко на *церковное строенье*, что признавалось благочестивою мыслию того времени дѣломъ богоугоднымъ и благополезнымъ въ отношеніи самого дитяти. Въ концѣ 1673 года изъ дорогаго бархата съ *оставныхъ* двухъ колыбелей Петра, съ *меньшей*, т. е. самой первой и со второй, описанной выше, обшиты двѣ новыя хоругви въ Успенскій соборъ и сдѣлано въ Новодѣвичій монастырь пять епитрахилей да пять поручей ¹⁾. Впрочемъ обыкновенное легкое дѣтское платье и постельные предметы шились большею частію изъ тафты желтой, бѣлой, иногда червчатой и другихъ цвѣтовъ. На зимнее время они подбивались мѣхами изъ червовъ бѣлыхъ и лисьихъ. Такъ въ сентябрѣ 1672 года, когда Петру было только три мѣсяца, скроены ему чулки изъ желтой тафты на бѣлыхъ черевахъ. Въ эту же осень и зиму ему сшиты одѣяла, одно изъ бѣлой тафты на бѣлыхъ черевахъ, другое изъ желтой тафты на лисьихъ черевахъ. Съ того же времени ему стали шить и обыкновенное платье. Пятимѣсячный, онъ носилъ уже золотные кафтаны; но на первый разъ (декабря 2) ему сшили *зимумъ* (коротенькій кафтаецъ) изъ бѣлаго атласа на собольихъ пупкахъ, съ пятью золотными пуговками. Черезъ недѣлю (декабря 11) сшить *кафтаны*, также на соболь-

¹⁾ Ibid. № 524.

ихъ пухахъ, изъ объари — «по червчатой землѣ, по ней струя и травы золоты съ серебромъ, въ длину аршинъ, въ плечахъ поларшина, рукава длиною $8\frac{1}{2}$, вершковъ, въ корени 4 вершка, въ запястьѣ $2\frac{1}{2}$, вершка; въ подолѣ ширина $2\frac{1}{4}$, аршина», — вездѣ пушено съ большимъ запасомъ. Въ тотъ же день скроенъ и *холодный кафтанъ*, такой же мѣры, изъ объари — по алой землѣ, по ней струя и травы золоты, — на тафтяной подкладкѣ. Въ апрѣлѣ 1673 г. скроена ему *ферезя* — объаря ала струя серебряна, на тафтяной желтой подкладкѣ, обшита кружевомъ нѣмецкимъ плетенымъ — золото съ серебромъ, и украшенная двумя гнѣздами *аламовъ* или запанъ, низаныхъ жемчугомъ, и двумя завязками съ серебряными кистями, также низаными жемчугомъ. Однимъ словомъ, достигнувъ году, царевичъ Петръ ходилъ уже въ полномъ тогдашнемъ нарядѣ, отличавшемся обыкновеннымъ въ царскомъ быту богатствомъ. У него была шапка, обнизаная жемчугомъ съ камнями; шапка бархатная червчатая съ собольими околкомъ; нѣсколько паръ обнизныхъ башмаковъ; богатый *олашель* — «объаря по червчатой землѣ, по ней травы золоты съ серебромъ», — съ нашивкою и кружевомъ, низаными гурмыцкимъ жемчугомъ (597 зеренъ) и съ 6 изумрудными пуговицами на золотыхъ спинахъ или закрѣпкахъ; ферезя, описанная прежде, болѣе десяти кафтановъ шелковыхъ и золотыхъ и т. д. Гардеробъ его съ каждымъ годомъ, или точнѣе съ каждымъ мѣсяцемъ получалъ приращеніе и разнообразился новыми предметами тогдашняго костюма. Въ ноябрѣ 1673 года царевичу сшить *наирудники* изъ червчатого атласа съ тремя серебряными вызолочеными и украшенными финифтью пуговицами; сшить *чуа* (родъ кафтана) изъ алаго атласа на собольемъ мѣху съ 12 золочеными пуговицами и съ серебрянымъ кружевомъ; скроены теплыя *рукавицы* изъ камки двояличной шедкѣ алъ да желтъ, на собольемъ мѣху, и обито су-

дно червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ ¹⁾). Сначала гардеробъ Петра хранился въ государевой мастерской палатѣ, т. е. въ гардеробной его отца, а потомъ брата царя Федора. Но въ 1676 г., декабря 14, царь Федоръ Алексѣевичъ указалъ: брата своего государева в. г. царевича и в. к. Петра Алексѣевича *сундукъ* раковинный (украшенный перламутромъ) съ его в. г. царевичевымъ платьемъ, за печатью хоромною в. г. ц. и в. к. Наталіи Кириловны, а въ немъ платье ѣздовое теплое и холодное, фerezей и чюги и кафтаны ѣздовые, и однорядки суконныя, и шубы и опoшнн обьяриинныя, золотныя и серебряныя и гладкія и зуфныя, и фerezей и зипуны золотныя жъ и серебряныя и атласныя и камчатныя и тафтяныя и шапки бархатныя двоиморхіе и гладкія и суконныя съ запаны и съ петли жемчужными, — изъ своей в. г. мастерской палаты взять въ царицыну мастерскую палату... и съ того числа указалъ в. г. брату своему царевичу Петру Алексѣевичу кроенье платью быть въ царицыной мастерской палатѣ, а что къ тому кроенью надобно будетъ и то имать изъ его государевы мастерскіе палаты ²⁾).

Царевичъ съ своимъ особымъ штатомъ, мамою, кормилицею и разными служебными лицами помѣщался въ отдѣльныхъ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ, которыя внутри убирались обыкновенно сукномъ. Но у Петра одна комната въ августѣ 1673 года была обита *серебряными кожами*. Черезъ два года по рожденіи ему выстроены были отдѣльные хоромы, въ которыхъ полы, частію стѣны, оконныя рамы покрыты были сукномъ червчатымъ авбурскимъ и багрецомъ. Такимъ же сукномъ былъ покрытъ и столъ. *Полавочники* на лавкахъ были сшиты изъ багрецу съ каймами изъ бѣлаго сукна, по которому нашиты травы изъ сукна желтаго и лазореваго. Ме-

¹⁾ Книга Кроильная 7181 г., № 524.

²⁾ Ibid. 7185 г., № 528 А. О. П.

жду переднихъ оконъ стѣна обита хлопчатой бумагою и по полотну тафтою червчатою, вѣроятно для того, чтобъ отъ стѣны не дуло. Въ июль 1674 года въ эти же хоромы сдѣланъ суконный *миндерь*, т. е. тюфякъ, который вляли на лавки. Кроме лавокъ и скамей въ хоромахъ Петра было вызолоченное *мьсто* (родъ креселъ), сдѣланное въ 1674 г., и *кресла*, сдѣланныя въ 1677 году, обитыя рудожелтымъ бархатомъ съ золотнымъ широкимъ галуномъ; застѣнокъ ихъ или спинка была обита сафьяномъ червчатымъ; къ нимъ сдѣлана скамейка, обитая по хлопчатой бумагѣ червчатымъ сукномъ. Въ 1675 году ему сдѣлали столикъ, росписанный красками, золотомъ и серебромъ ¹⁾. Тогда еще вмѣсто стеколъ въ рамахъ или оконницахъ употребляли слюду, слѣд. изъ слюды же были сдѣланы и оконницы въ хоромахъ Петра. Въ мартѣ 1676 года поручено было искуснѣйшему живописцу того времени Ивану Салтанову написать въ хоромы царевича оконницу: «въ кругу орла, по угламъ травы, по слюдѣ; а написать такъ чтобъ изъ хоромахъ вквозе видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобъ невидно было». Здѣсь высказалась та мысль древняго воспитанія въ царскомъ быту, въ силу которой дѣти бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ, царевичи лѣтъ до 13, а царевны на всю жизнь.

По свидѣтельству Крекшина, которое подтверждается и другими указаніями, младенецъ Петръ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣтямъ, у которыхъ раннее развитіе умственныхъ силъ шло рядомъ съ раннимъ развитіемъ силъ физическихъ. Ребенокъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ и крѣпкимъ сложениемъ. «Бѣ возрастень и красень и крѣпокъ тѣломъ», замѣчаетъ Крекшинъ. На это указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что чрезъ полгода онъ начиналъ уже ходить. Въ

¹⁾ Книги Арх. Оп. П. № 524, 528, 539. и др.

половинѣ декабря 1672 года сдѣланы ему *ходлячія* или *походлячія* кресла, на колесахъ, обитыя на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ ¹⁾).

Въ то же время являются разнообразныя игрушки и игры, которыя также могутъ свидѣтельствовать, что и смыслъ и силы дитяти возрастали быстро, такъ что въ забавахъ своихъ онъ скоро поравнялся съ старшими братьями Федоромъ и Иваномъ. Черезъ годъ, къ именинамъ, царевичу сдѣлали деревяннаго коня или *потышную лошадку*, во всемъ уборѣ. Конь былъ обтянутъ жеребьячею выдѣланною кожею; сѣдло съ стремянами, пряжами и запряжниками было вызолочено и высеребрено сульфурнымъ золотомъ и серебромъ. 1 октября 1673 года сдѣлано нѣсколько мелкихъ игрушекъ, противъ сахарныхъ образцовъ (т. е. конфетъ) — звѣря, львы, лошади, пушки. Въ ноябрѣ устроенъ потышный стулецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ катался въ хоромахъ. Въ февралѣ 1674 года органистъ Симонъ Гутовскій сдѣлалъ царевичу *клевикорды* — струны мѣдныя. Въ то же время онъ починивалъ царевичу *цымбалы* нѣмецкаго дѣла и купилъ для этого *римскую струну* длиною два аршина. Въ августѣ 28 онъ дѣлалъ еще двои *цымбалы* и *страменцы*. Въ декабрѣ къ празднику Рождества царевичу были подарены *цымбальца книжскою* въ сафьянномъ аломъ переплетѣ съ золотымъ наводомъ, съ застежками изъ серебрянаго съ шелками галуна. Въ теченіи этого и слѣдующаго года цымбальца и страменцы довольно часто починивались. 1675 года въ маѣ къ страменцамъ потышнымъ для починки было куплено 204 стальныхъ иглы. Въ апрѣлѣ 1674 г.,

¹⁾ Книга Арх. Оп. П. № 524. Въ царскомъ быту дѣти учились ходить также посредствомъ *водильнаго нагрудника*. Сынъ Михаила, царевичъ Иванъ (род. 1 іюня 1633 г.) началъ ходить двухъ лѣтъ, въ 1635 г. Въ это время ему шили нагрудникъ съ водилками. См. *Домашній бытъ царей*, статья 6. От. Зап. т. ХСIV: ст. 56.—

на святой, царевичу устроили въ хоромахъ *качель*, на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ бархатомъ. Качели на святой были обычнымъ увеселеніемъ въ тогдашнемъ общежитіи, а потопу и забавы царевича не могли отставать отъ обычныхъ порядковъ жизни и ему сдѣлали качель. Такъ точно зимою онъ катался съ горъ въ потѣшныхъ саняхъ. Такія сани были ему сдѣланы 13 декабря 1677 года, когда ему былъ шестой годъ ¹⁾. Лѣтомъ, еще двулѣтняго, его возили въ потѣшной кареткѣ, которая сдѣлана 9 юля 1674 года. 1675 г. въ маѣ бояринъ Артемювъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ударилъ челою царевичу Петру: «карету маленькую, а въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатныя, пряжки вызолочены, начелники, и гривы и нахвостники шитые, а кругъ кареты рѣзи вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены, да вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдъ вызолочено, да кругъ кареты стекла хрустальные, а на стеклахъ писано цари и король всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркнѣ, а въ ней рѣзи, а кругъ кареты бахромы золотныя. Да *виноходца* рыжа, попона аксамитная, а на ней муштукъ нѣмецкой съ яшмы, начелки и нагивки и нахвостникъ шиты; да *снезиря* нѣмецкаго» ²⁾. Въ этой самой кареткѣ царевичъ слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ 19 сентября того жъ года. Очевидецъ этого выѣзда, Лизекъ пишетъ, что вслѣдъ за поѣздомъ царя показался изъ другихъ воротъ дворца, поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ Иванъ Грибоѣдовъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели двѣнадцать рослыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки пигмейной породы; по бокамъ шли четыре карлика, и

¹⁾ Кн. Арх. О. П. № 524, 531.

²⁾ Дворц. Разр. т. III ст. 1419.

такой же сзади верхомъ на крохотномъ конькѣ (вѣроятно на яноходцѣ подаренномъ Матвѣевымъ).

Лѣтомъ въ июлѣ 1675 года Петру построена была *потль-шая баба* деревянная во всемъ нарядѣ, въ кикѣ низаной съ каменьемъ и съ пелопелы и съ рясы, серьги и ожерелье низаное съ каменья жъ, зарукавье низаное съ каменья жъ въ лѣтнякѣ и шубкѣ». 5 октября бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, шедъ отъ государя съ Верху въ посольскій приказъ, приказалъ по государеву указу купить игрушекъ серебряныхъ или какихъ добыть можно. Тогда же взято въ серебряномъ ряду у торговаго человека Ивана Федорова: «ящикъ съ малыми сосудцы серебряными, и въ томъ числѣ палка-дело, столъ, два шандана стѣнныхъ, два шандана столовыхъ витыхъ, кресла, ловеникъ (кувшинъ), солонка, перешница, рукомойникъ, росольникъ съ накрышкою, четыре блюда, четыре торелки, три ложки; а вѣсомъ въ нихъ серебра 2 ф. 38 золотниковъ цѣною и съ дѣломъ по 15 рублей фунтъ». Въ тотъ же день тѣмалые сосудцы Матвѣевъ занесъ къ государю, а потомъ они занесены были къ царевичу Петру ¹⁾. Въ 1676 году къ святой недѣлѣ велѣно живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками: «гнѣздо голубей, гнѣздо ракутокъ, гнѣздо кинареекъ, гнѣздо щеглять, гнѣздо чижей, гнѣздо борановъ, а у борашковъ слѣзать, чтобъ была будто шерсть по нихъ суцая».

И по этимъ отрывочномъ указаніямъ можно уже судить, что запасъ игрушекъ былъ значителенъ и весьма разнообразенъ. Но само собою разумѣется, что для ребенка несравненно привлекательнѣе были игрушки и игры воинскія. Онъ нравятся дѣтямъ по многимъ весьма естественнымъ причинамъ, которыя

---

¹⁾ Дѣла приказныя Моск. Г. Архива М. И. Д. Сообщено Н. В. Колачевымъ.

кроются въ самой натурѣ челоѣка. Въ нихъ ребенокъ находитъ больше простора для той подвижности, живости характера, которая по преимуществу всегда сопровождаетъ дѣтскій возрастъ. Онъ здѣсь находитъ больше простора для *дѣла, дѣйствія*, для пребы и употребленія возрастающихъ силъ и смысла. Сдѣлаемъ хронологическое обзорѣнне встрѣтившихся намъ указаній о воинскихъ *мощьшкахъ*, которыя въ разное время были изготовлены царевичу Петру въ теченіи первыхъ семи или осьми лѣтъ.

Въ 1674 году, 20 іюня, куплено царевичу вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ въ саадашиномъ ряду девять лучковъ жильничковъ по 20 к. за лучокъ, да восемь гнѣздъ северегъ (родъ стрѣлъ) по 4 к. за гнѣздо. Замѣтимъ, что въ это время Петру было только два года, а Ивану восемь лѣтъ. Іюля 14 живописецъ Иванъ Безминъ писалъ царевичу красками, золотомъ и серебромъ — «пять *эмаменъ* маленькихъ по разнымъ тафтамъ, съ обѣ стороны солнце и мѣсяцы и звѣзды. Августа 3 иконописецъ Фелдоръ Матѣевъ серебрилъ два *лука* маленькихъ. Августа 5 сшиты четыре *прапорца* тафтяныхъ, красныхъ и бѣлыхъ. Августа 10 сдѣлано шесть *барабанцовъ*. Въ декабрѣ изготовляли царевичу *въ подмостъ* къ Рождеству два *набата* (бубны), на которые куплено: кожа, струны, мѣдныя кольца и колокольца. Одинъ изъ этихъ набатовъ, декабря 19, живописецъ Иванъ Салтановъ писалъ золотомъ и красками. Тогда же къ этому набату куплена *тесъма* (поясъ) золотная съ серебромъ, съ серебряною оправою: пряжами, запряжниками и наконечниками. Въ то же время иконописецъ Фелдоръ Нянинъ писалъ золотомъ и красками *барабанецъ*.

Въ 1675 году, 2 мая, купленъ свурокъ и струны къ барабану, а 22 сдѣланъ еще барабанъ барабанщикомъ Прокоф. Ерешевымъ. 11 іюня на Воробьево отвезенъ деревянный конь

царевичу. 11 іюля живописецъ Дорофей Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣхи*: топорокъ съ обушкомъ, топоръ простой, чекавецъ, пятокъ ножиговъ, топоръ посольской, молотокъ, пятокъ шариковъ, а въ тѣ шарика положены колокольцы (бубенчики). 25 ноября живописецъ Дорофей Ермолаевъ золотилъ *пушечку* съ станкомъ и съ колесы, потѣшную, царевичу въ Преображенское. 1 декабря сдѣланы шахматныя маленькія доски и вызолоченъ лукъ въ потѣшное лубье. Кромѣ того велѣно росписать еще четыре лучка недомѣрочковъ, «а чтобъ были тѣ луки цвѣтны». 15 декабря Дорофей Ермолаевъ росписывалъ цвѣтно баканомъ, ярю и золотомъ изготовленныя всякія потѣхи: пять древокъ, пять прапоровъ тафтяныхъ, на нихъ звѣзды, а въ каймахъ травы; четыре топора круглыхъ, три топора съ обушки, два топора простыхъ, два буздукана, двѣ булавы, четыре ножика, двѣ пары пистолей и карабиновъ, «а тѣ потѣхи», отмѣчено въ запискѣ, начиная съ пушечки, «сдѣланы царевичу Петру въ походъ», когда онъ выѣхалъ въ Преображенское.

1676 г. въ мартѣ царевичамъ Петру и Ивану станочникъ Андр. Васильевъ дѣлалъ потѣшныя *пистолы*, *карабины*, *пищали* винтованные съ деревянными замками и стволами. 24 апрѣля велѣно выписать красками *волчки*. Мая 15 сдѣлано Петру въ лубье саадашное саадакъ стрѣлъ, по счету 17, да столыникамъ на расходъ десять гнѣздъ стрѣлъ яблонovýchъ съ бѣлохвостовыми перьями, срѣзней, томаровъ; да десять гнѣздъ стрѣлъ березовыхъ съ простыми перьями. 2 іюня сдѣлано два лука недомѣрочковъ жилинниковъ. Іюля 11 Дорофей Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣшныя шры*: пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка. 31 августа онъ же золотилъ и красками прописывалъ барабанецъ маленький. 30 сентября, купленъ поясъ сабельный шелковый, турецкаго дѣла и при-

вязанъ къ саблѣ потѣшной, у которой ножны были обтянуты изомъ зеленымъ съ мѣдною золоченою оправою.

1677 года, юля 11, скроены *потѣшныя полы*, въ киндякахъ желтомъ, лазоревомъ, червчатомъ, вѣроятно къ маленькимъ шатрамъ.

1678 года, марта 11, скроено *потѣшное знамя* въ дорогахъ осиновыхъ ясенныхъ да въ червчатыхъ кармазиновыхъ. Знамя это въ хоромахъ царевича приняла боярыня Матрена Леонтьева. Черезъ три мѣсяца, юня 12, скроено другое *потѣшное знамя*, средина тафта вишнева, каймы тафта двоелична шолкъ червчатъ да лазоревъ; крестъ дороги рудожелты. Сентября 16 шить *потѣшный солнечникъ* суконный на тафтѣ.

1679 года, 5 мая, снова скроено потѣшное знамя съ желтыми тафтаными каймами. Мая 15 стрѣльщикъ Вас. Емельяновъ сдѣлалъ шесть гнѣздъ (стрѣлъ) северегъ и томаровъ къ шести лучкамъ недомѣрочкамъ жильничкамъ и выкрасилъ ихъ шафраномъ; а лучникъ Кондратовъ дѣлалъ къ тѣмъ лучкамъ тетявы. 15 юля скроены *потѣшныя полы*, также вѣроятно къ шатрамъ, въ киндякахъ, въ зеленомъ да въ червчатомъ, черезъ полотнище. 7 августа боярыня Матрена Леонтьева взяла въ хоромы царевича десять аршинъ сукна темнозеленаго *робяткамъ* на кафтаны. 8 сентября она же взяла два аршина тафты желтой *робяткамъ* на кушаки, пару соболей да половину полы хребтовъ бѣлыхъ; робяткамъ къ шапкамъ на тули; а 26 сентября взяла царевичу на потѣху тафтѣ бѣлой, алой, желтой, зеленой, лазоревой по аршину; 29 на *потѣшныя прапорцы* взяла тафтѣ разныхъ цвѣтовъ 6 вершковъ, да 3 вершка тафты желтой, аршинъ сукна краснаго, четверть аршина сукна червчатого. Ноября 30 сабельники Оружейной Палаты, Прохоръ Ивановъ съ товарищи, дѣлали царевичу изъ клеу и липы потѣшныя сабли, полами, кончары, топорки, а

станочникъ Андрей Васильевъ дѣлалъ изъ липы пару пистолей да пару карабиновъ. Декабря 22 живописецъ Дорофей Ермолаевъ писалъ красками два топорка, булаву, шестоперъ, пистоль, карабинъ, потѣшныя деревянные.

1680 года, февраля 11, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ принялъ въ хоромы царевичу аршинъ тафты червчатой, а сказалъ, что на потѣшныя прапорцы. Около того же времени одѣты были и царевичевы четыре карлика въ малиновые суконные кафтаны на бѣломъ мѣху, съ золочеными пуговицами. Изъ того же сукна имъ сшиты шапки и рукавицы ¹⁾).

Изъ этого перечня случайно уцѣлѣвшихъ извѣстій, отрывочныхъ, лишенныхъ желаемой полноты, по крайней мѣрѣ въ отношеніи хронологической послѣдовательности, ясно уже видно, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ окруженъ былъ товарищами-ровесниками. Количество потѣшныхъ знаменъ, прапорцовъ, барабанцовъ и т. п. показываетъ, что все это заготовлялось на цѣлый маленькій полкъ, который и должно разумѣть подъ именемъ упомянутыхъ *робятокъ*. Ровесники робятки были спальники, стольники, карлики, составлявшіе обыкновенный дѣтскій штатъ каждаго изъ царевичей и раздѣлявшіе съ нимъ дѣтскія игры. За исключеніемъ карликовъ они набирались изъ дѣтей бояръ и особенно изъ родственниковъ царицы, близкихъ или дальнихъ, которыхъ она выбирала къ себѣ въ стольники и тѣмъ приближала ко двору свое родство.

Вотъ имена нѣкоторыхъ ихъ спальниковъ и стольниковъ, находившихся въ числѣ робятокъ при Петрѣ въ первое время: Нарышкины—Левъ, Мартешьянъ, Ѳедоръ Кириловы; Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы; Кирила Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ;

¹⁾ Книги и дѣла въ столбцахъ Арх. Оп. II. № 528, 531, 539 и др.

Гаврила Головкинъ, сынъ постельничаго Ив. Сем. Головкина; Автамонъ Головинъ, Андрей Матвѣевъ, кн. Андрей Мих. Черкасскій, кн. Вас. Лавр. Мещерскій, кн. Ив. Дан. Великого-Гагинъ, кн. Ив. Ив. Голицынъ, Ив. Род. Стрѣшевъ; кромѣ того Григорій Фед. Балакиревъ, справлявшій должность стряпчаго у кюка; карлы: Никита Гавриловъ Комаръ, Василій Родионовъ, Иванъ и Емельянъ Кондратьевы.

Безсомнѣнія обычныя игры съ сверстниками въ скоромъ времени исполнѣ были исчерпаны и мало уже интересовали даровитаго ребенка, въ которомъ, какъ говоритъ Крекшинъ, отъ самыхъ первыхъ лѣтъ видима была природная военная охота и храбрость, и ни къ какимъ другимъ забавамъ и увеселеніямъ онъ не прилежалъ, а желалъ только вѣдать военное ученіе. На четвертомъ году царевичъ является уже *полковникомъ*; полкъ набранъ былъ изъ возрастныхъ, т. е. въ отношеніи къ нему и названъ его именемъ *Петровъ полкъ*. Крекшинъ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: государь Алексѣй Михайловичъ «повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ съ знаменъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами, и богато убрать и наименовать оный полкъ *Петровъ*. Царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ государь своею персоною всегда наблюдалъ». Конечно запискамъ Крекшина въ полной мѣрѣ довѣрять нельзя; старикъ любилъ, и очень, разнаго рода украшенія, любилъ однимъ словомъ посочинительствовать, видя въ томъ одну изъ главныхъ задачъ своего труда. Однакожь его сочинительство едва ли простиралось до того, чтобъ выдумывать фактъ; онъ только узнанные имъ факты, изъ рассказовъ ли очевидцевъ или изъ современныхъ документовъ, любилъ окружать красотами повѣствованія, любилъ даже драматизировать событія въ

ущербъ ихъ простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтобъ рассказанный имъ какой-либо фактъ не носилъ въ своихъ существенныхъ чертахъ всей правды дѣйствительнаго, а не вымышленнаго дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ томъ, что царь Алексѣй дѣйствительно присовокупилъ къ играмъ своего сына—по всѣмъ видимостямъ ребенка умнаго, живаго, какъ говорятъ, затѣйнаго, — маленькій полкъ Петровъ и самъ руководилъ игрою. Все это было простымъ, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ общаго характера дѣтскихъ игръ въ царскомъ быту. Военскія игрушки, какъ мы уже замѣтили, были весьма обыкновенны и составляли любимую потѣху дѣтей. Въ такихъ игрушкахъ провелъ свое дѣтство и самъ царь Алексѣй; въ 1634 г. ему скованы были даже латы ¹⁾. Сохранился также маленькій шлемъ, слѣданный въ 1557 г. сыну царя Ивана Васильевича царевичу Ивану Ивановичу, когда ему былъ только четвертый годъ. Но принимали ли эти игры въ прежнее время какое-либо правильное устройство, такъ сказать систему, выходили ли они изъ круга простыхъ потѣхъ почти въ школьное ученье, какъ было у Петра, — намъ неизвѣстно. Знаемъ, что царевичи играли съ своими спальниками и стольниками, изъ которыхъ безъ сомнѣнія могли также составляться маленькіе полки, что было неизбежно по самому свойству подобныхъ игръ. Царевичи особенно любили тѣшиться стрѣляньемъ изъ луковъ. Впрочемъ обстоятельства, окружавшія игры царевичей и самый характеръ дѣтей не могли быть одинаковы, однообразны и слѣдовательно не могли вести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Для одного военскія потѣхи утрачивали свою прелесть вѣсть съ возрастомъ и оставались наравнѣ съ другими игрушками:

¹⁾ Домашній бытъ царей, ст. 6, От. Зап. т. XCIV, стр. 70.

царевичъ, становясь взрослымъ, *большими*, смотрѣлъ и на дѣтскія игры уже какъ *большой*. Для другаго, каковъ былъ Петръ, дѣтскія игры получали значеніе дѣла, значеніе школьной науки и съ годами пріобрѣтали только новыя силы и новыя формы, послѣдовательно и можно сказать органически восходя отъ ребяческихъ потѣшекъ до полныхъ маневровъ, по плану обдуманному и правильно исполненному. Однимъ словомъ Петръ, еще ребенкомъ, изъ обыкновенныхъ своихъ потѣшекъ создалъ полный курсъ военной науки. Въ этомъ отношеніи его можно признавать первымъ кадетомъ, и притомъ кадетомъ, который прошелъ весьма разумную и основательную школу.

Итакъ, если разсказъ Крекшина объ устройствѣ маленькаго полка, съ названіемъ Петрова, справедливъ и если дѣтскій полкъ, вооруженный, обученный, исполнявшій формальности дисциплины, не могъ же образоваться самъ собою, при помощи однихъ дѣтей, а требовалъ руководителя, учителя, фельдфебеля, то естественно предположить, что былъ же этотъ учитель, устроившій игру, обучавшій полковымъ дѣйствіямъ и дисциплинѣ не только малолѣтнихъ *солдатъ*, но и самого трехлѣтняго полковника Петра. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія вообще о первоначальномъ ученіи и объ учителяхъ Петра до чрезвычайности скудны. «Имена способствовавшихъ къ обученію сего дражайшаго государя намъ не оставлены», замѣчаетъ Миллеръ, справедливо предполагая, что были вѣроятно и другіе учителя, кромѣ Зотова и явившагося уже въ послѣдствіи Франца Тиммермана. Однакожь весьма было бы любопытно знать имя перваго учителя въ воинскихъ играхъ Петра, перваго человѣка, который своими наставленіями, своимъ вліяніемъ не могъ не оставить въ воспитаніи ребенка болѣе или менѣе замѣтнаго слѣда.

Французъ Нѣвиль, въ своихъ извѣстіяхъ о Московіи 1689

года, пишетъ между прочимъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, не за долго до своей кончины, назначилъ гувернеромъ къ Петру полковника Мenezіуса, шотландца, который и занимался съ нимъ до начала царствованія царя Іоанна, слѣд. вообще до того времени, какъ правленіе перешло въ руки царевны Софіи. Тогда онъ былъ удаленъ отъ Петра въ Смоленскъ по назначенію на службу. Извѣстіе весьма сомнительное, если подъ словомъ гувернеръ разумѣть дядьку — воспитателя, ибо въ дядьки назначались люди *честные* породою, обыкновенно изъ боярскаго круга. Даже и въ учителя грамотѣ выбирали обыкновенно изъ русскихъ и преимущественно изъ умныхъ, тихихъ и толковыхъ подьячихъ. Ни той, ни другой должности иностранецъ занять не могъ, да и самая мысль объ этомъ не могла придти въ тогдашніе умы уже по одному отчужденію тогдашней жизни отъ всего иноземнаго. Но если среди прямыхъ и положительныхъ убѣжденій вѣка такой фантъ былъ рѣшительно невозможенъ, то существовала сторона быта, гдѣ иноземное легко допускалось и не смущало своимъ приближеніемъ строгихъ взоровъ старины. Эта сторона въ царскомъ домашнемъ быту принадлежала потѣхамъ, увеселеніямъ и забавамъ, а также и дѣтскимъ играмъ. Сюда иноземное проникало свободнѣе подъ видомъ бездѣлицъ, востоящихъ серьезнаго вниманія. Намъ извѣстно уже, что дѣти царя Михаила, Алексѣй и Иванъ, и ихъ столбники были одѣты даже въ нѣмецкое платьѣ, *курты* и т. п. ¹⁾, въ то время, когда нѣмецкое платьѣ строго было запрещено, такъ что сначала и самые иностранцы должны были ходить въ русскомъ же платьѣ. У Никиты Ивановича Романова, который любилъ иноземные обычаи и рядился по-нѣмецки, выѣзжая однакожь въ такомъ нарядѣ только на охоту, патриархъ отобразилъ нѣмецкій

¹⁾ Домашній бытъ царей, статья 6. Отеч. Зап. т. XCIV.

костюмъ и сжегъ какъ вещь, по нѣкоторымъ понятіямъ, грѣховную. Но какъ бы то ни было фанатическое преслѣдованіе иноземнаго линалось своей силы въ кругу дѣтскихъ забавъ, гдѣ иноземное являлось, какъ нами замѣчено, подъ видомъ потѣхи и слѣд. не имѣло какъ бы никакого значенія. Такъ *нѣмецкіе* или *фряжскіе потѣшные листы* въ XVII вѣкѣ принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ предметамъ дѣтскихъ забавъ и даже въ извѣстной долѣ служили весьма полезнымъ назиданіемъ. О содержаніи ихъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нихъ получалось покрайней мѣрѣ наглядное знакомство со многими предметами иноземнаго быта, которые были осуждены мнѣніемъ вѣка. Всѣ печатные нѣмецкіе листы съ изображеніемъ священныхъ предметовъ официально провозглашены были еретическими, а такое осужденіе бросало значительную уже тѣнь и на всѣ другіе листы или гравюры западнаго происхожденія, и особенно въ отношеніи изображеній, которыхъ тогдашній человекъ не могъ себѣ растолковать, за отсутствіемъ необходимыхъ познаній. Припомнимъ также *нѣмецкія карты* и особенно *потѣшныя книги*, рыцарскія повѣсти о Бовѣ, о «Петрѣ златыхъ ключевъ», которыя, какъ и фряжскіе листы, могли войти къ намъ только подъ видомъ игрушекъ, потѣхъ, виѣстѣ съ игрушками и куклами привозными. Все это даетъ намъ нѣкоторое право заключить, что для подобной же потѣхи могъ быть введенъ въ хоромы малолѣтнаго царевича Петра *нѣмецъ*, обучавшій его съ сверстниками потѣшному ратному строю. Въ этомъ смыслѣ и должно понимать гувернерство Менезіуса, упоминаемое Невилемъ. И въ самомъ дѣлѣ, комужъ было поручить образованіе маленькаго полка, какъ не нѣмцу, да притомъ, какъ говорятъ, пользовавшемуся при Дворѣ уваженіемъ. Самый чинъ *полковника*, предполагаетъ полкъ, устроенный на нѣмецкую ногу, по образцу выборныхъ солдат-

скихъ и рейтарскихъ полковъ, которые тогда были уже заведены и въ которыхъ начальные люди были большею частію изъ нѣмцевъ же. Еслибы полкъ устроенъ былъ по русски, то Петръ былъ бы названъ *воеводоу, воловою*, а не полковникомъ.

Менезіусъ, какъ мы сказали, родомъ былъ шотландецъ и славился, какъ знатокъ всѣхъ европейскихъ языковъ. «Я былъ пріятно удивленъ, говоритъ Нѣвиаль (встрѣтившись съ Менезіусомъ въ Смоленскѣ), найдя человека его достоинствъ въ варварской странѣ, ибо кромѣ познанія въ языкахъ, которыми генераль (такъ называется Нѣвиаль Менезіуса) говорилъ превосходно, онъ многое видалъ въ свѣтѣ, и въ жизни его случалось съ нимъ достойное разсказа. Обозрѣвши большую часть Европы, поѣхалъ онъ въ Польшу, предполагая отсюда пробраться въ Шотландію. Но въ Польшѣ завязалась у него интрига съ женою одного Литовскаго полковника. Мужъ заревновалъ, примѣтя частыя посѣщенія гостя, и велѣлъ слугамъ своимъ умертвить его. Полковница увѣдомила о томъ своего друга; онъ вызвалъ мужа на дуэль, убилъ его, принужденъ былъ бѣжать и попался въ руки Москвитянъ, тогда воевавшихъ съ Польшею. Сначала обходились съ нимъ, какъ съ военнопленнымъ, но когда узнали причину его бѣгства, то предложили: либо служить въ царскихъ войскахъ, либо отправляться въ Сибирь. Онъ соглашался лучше на послѣднее, но отецъ нынѣшнихъ царей пожелалъ лично его видѣть, нашелъ въ немъ любезнаго человека, принялъ его ко двору и далъ ему 60 крестьянъ. Потомъ женился онъ на вдовѣ нѣкоего Марселиуса, который былъ первымъ основателемъ желѣзныхъ заводовъ въ Московіи, приносящихъ нынѣ царямъ ежегодно дохода до 100,000 кронъ» ¹⁾). Дѣйствительно Павелъ Гаври-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ 1841 г., № 9.

ловичъ Менезіусъ былъ приближенъ ко Двору и неразъ исполнялъ разныя порученія даже и по дипломатической части. Нёвилъ и Лизекъ именуютъ его генераломъ; Нёвилъ рассказываетъ, что онъ, возвратившись изъ посольства въ разныя государства Европы, произведенъ былъ въ генераль-маіоры, а ѣздилъ будто бы съ предложеніемъ къ папѣ о соединеніи на нѣкоторыхъ условіяхъ Русской Церкви съ Латинскою. Но это былъ ложный слухъ, весьма естественно возникавшій между иностранцами-католиками, по поводу посольства въ Римъ. Менезіусъ ѣздилъ на Западъ съ объявленіемъ, что «Салтанъ Турской наступилъ на Польское государство войною, что поэтому необходимо всѣмъ окрестнымъ государямъ общими ихъ войсками соединиться въ помощь Польшѣ и на оборону всѣмъ окрестнымъ христіанскимъ землямъ» ¹⁾. Это полномочіе достаточно уже говорить въ пользу Менезіуса, какъ человѣка, заслужившаго довѣріе при Дворѣ, и по своимъ познаніямъ, и по личнымъ достоинствамъ и талантамъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 16 октября 1672 года и возвратился, разумѣется, безъ успѣха, 28 марта 1674 года. Сначала онъ былъ *пльшаною строю маіоръ*, а послѣ посланничества является уже *полковникомъ рейтарскаю строю 5 полка*. Должно быть чинъ полковника нашей службы соответствовалъ генераль-маіорскому чину на Западѣ.

Кромѣ главнѣйшаго полномочія, Менезіусу поручено было также приговорить въ Русскую службу «двухъ трубачей самыхъ добрыхъ, которые бы въ ученія свидѣтельствованы, *на высокой трубѣ танцы трубить*; да рудознатныхъ мастеровъ, самыхъ же добрыхъ, которые знаютъ золотую и серебряную руды, и плавильщиковъ человѣкъ трехъ или четырехъ» ²⁾. Порученіе о музыкантахъ можетъ отчасти

¹⁾ Памятники Дипл. Спом. т. IV. стр. 753 и др.

²⁾ Тамъ-же, стр. 796.

служить указывать, что Менезіусъ, какъ бѣжалій человекъ, не дозволяють быть и при устройствѣ комедійной горюлки или вообще театра. Который также это предъ его посыланіемъ заведѣлся при Дворѣ и большія частіи устроивался въ селѣ Преображенскомъ. Что Менезіусъ имѣлъ какое то отношеніе къ этимъ въбѣжаніемъ еще забавно въ царсконъ быту, на это указываютъ также и одинъ рассказъ Анзекъ.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда, пишетъ Анзекъ, нѣмецкіе комедіанты должны были представлять комедію, которая, какъ они уверяли, доставитъ большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ. Это былъ балазсёръ, заслужившій своими шутовскими и ловкими дѣйствіями всеобщее удивленіе, особенно русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и порочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою. Въ самомъ дѣлѣ надъ его фокусами нужно было призадуматься. Напримѣръ: онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собою поднимаютъ вѣсны и деньги. Какъ мы ни присматривались къ его штукамъ, но никакъ не могли отгадать причины странныхъ явленій. Нѣжны и нѣкоторые изъ Русскихъ просили послать оставить его въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царьцѣ; но желаніе ихъ не было исполнено. По отъѣздѣ нашемъ, слухъ дошелъ до царя и онъ тотчасъ послалъ вслѣдъ за нами генерала Менезіуса, бывшаго некогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу-фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ, и объяснивъ желаніе царя, просили отпустить названнаго слугу и уверяли, что царь отдаритъ его щедро и тотчасъ отпустить назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царьцу.» По всему вѣроятію, выборъ Менезіуса для подобныхъ

порученій не былъ случаенъ; поручали ему какъ знатоку дѣла, какъ человѣку болѣе другихъ извѣстному и способному выполнить такое порученіе. Съ другой стороны это раскрываетъ близость его къ Матвѣеву и вообще къ людямъ, бывшимъ тогда въ силѣ, а слѣдовательно и личную извѣстность самому царю.

Такимъ образомъ сказаніе Нѣвля легко можетъ быть объяснено въ томъ смыслѣ, что Менезіусъ, подъ видомъ потѣхи, обученія солдатскому строю, введенъ былъ и къ царевичу Петру. Съ паденіемъ Матвѣева удаленъ былъ и Менезіусъ, какъ человѣкъ изъяслявшій особенную ревность къ Петру и его сторонѣ. Онъ посланъ былъ въ Смоленскъ, какъ говоритъ Нѣвль. Въ 1679 году дѣйствительно ему назначенъ походъ съ полкомъ къ Кіеву противъ Турокъ ¹⁾). Въ 1683 г. Менезіусъ снова является при Дворѣ въ качествѣ переводчика на конференціи съ Шведскимъ посольствомъ ²⁾), а въ 1689 г. онъ въ Смоленскѣ встрѣтилъ Нѣвля, также въ качествѣ переводчика и пристава. Вообще свидѣтельство Нѣвля едвали можно отвергать вполне; лично познакомившись съ Менезіусомъ, онъ безъ сомнѣнія передалъ о немъ свѣдѣнія, какія слышалъ отъ него самого ³⁾).

Но какъ бы то ни было, Менезіусъ ли, другой ли кто, во всякомъ случаѣ, если вѣрить словамъ Крекшина объ устройствѣ Петрова полка, раннія потѣхи Петра не могли быть ведены безъ руководства человѣка, знавшаго дѣло; а если при томъ существуетъ свидѣтельство о гувернерствѣ Менезіуса, то мы имѣемъ возможность принять это свидѣтельство за достовѣрное.

¹⁾ Книги Разрядныя, томъ II, стр. 1159 и др.

²⁾ *Баронъ Мейербергъ*, соч. Адаунга, стр. 343.

³⁾ *Лосергъ и потѣхи Петра Великаго до 1689 года*, г. Устрялова, въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. LXIX. Отд. II, 41.

Военное дѣло требуетъ строгаго порядка, строгой точности и отчетливости въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, строгаго подчиненія общему строю дѣла, однимъ словомъ, требуетъ всего того, что воспитываетъ, укрѣпляетъ и укореняетъ чувство долга. Можно съ достовѣрностію полагать, что все это въ отношеніи воспитанія дѣтей въ царскомъ быту было совершенною новостію во дворцѣ царя Алексѣя Михайловича. Извѣстно, что и прежде царевичи потѣшались воинскими играми и до этого времени они можетъ быть начальствовали маленькою ратью изъ спальниковъ и стольниковъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ, собственно царедворческомъ полку, они все-таки оставались царевичами. Между малолѣтною ратью и ими существовало всегда огромное разстояніе, которое не представляло ни одной точки, гдѣ бы возможно было уравненіе отношеній царственнаго ребенка съ дѣтьми царедворцевъ. Мы видѣли, что игры Петра начались съ того же; ему набраны для забавы дѣти царедворцевъ. Но живой, умный, необыкновенно дѣятельный ребенокъ не могъ конечно остановиться на этомъ и безъ сомнѣнія устройство особаго полка было вызвано какими либо новыми его затѣями, которыя по живости его характера могли возникать ежечасно. Новый полкъ, сформированный по правиламъ дисциплины, былъ шагомъ впередъ, и шагомъ весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Царевичъ однакожъ и здѣсь отдѣлился отъ толпы царедворческихъ дѣтей чиномъ полковника. Это очень понятно. Если въ прежнихъ играхъ онъ оставался на каждомъ шагѣ царевичемъ, то и въ новой сферѣ забавъ, естественно, онъ долженъ былъ занять первенствующее мѣсто между сверстниками, ибо понятія о царственномъ значеніи его лица не могли допустить даже и въ мелочахъ никакого уравненія съ другими. Такимъ образомъ царевичъ-полковникъ повидимому игралъ прежнюю роль. Но на дѣлѣ было не такъ. Весьма важно было то, что полковникъ,

если и стоялъ выше солдата по своему чину, то онъ совершенно уравнивался съ солдатомъ предъ лицомъ дисциплины, порядка, военного строя и вообще обязанности службы. И тотъ и другой равно несли тяжесть и отвѣтственность общаго дѣла, которое, хотя бы и въ забавѣ, все-таки становилось выше лица, представляло сущность, безъ которой не могла вестись самая забава и которой, волею неволею, а необходимо было подчиниться. Свѣтлому, еще ничѣмъ не затертому, уму ребенка тотчасъ же раскрылась эта сущность, эта *служба*, для всѣхъ равная въ своихъ требованіяхъ. Трехлѣтній полковникъ, являясь съ полковымъ рапортомъ къ государю-отцу, могъ ясно представлять себѣ, что онъ уже не только царевичъ-сынъ, но и простой солдатъ, несущій свою обязанность, службу, долгъ, ибо «реченіе солдатъ, какъ и тогда понимали, означало всѣхъ людей, которые при войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго»¹⁾). Такимъ, какъ кажется ~~на~~ первый взглядъ, мелкимъ различіемъ въ положеніи ребенка нельзя пренебрегать, особенно когда желаемъ выяснитъ сколько ибудь причины того или другаго направленія въ его развитіи. Новое положеніе вслѣдъ за собою влечетъ и новое понятіе, новое представленіе въ умѣ о своемъ значеніи, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ. При этомъ должно замѣтить, что игры и игрушки для ребенка представляютъ такую же серьезную дѣйствительность, какъ и для взрослыхъ дѣльными занятія въ собственномъ смыслѣ. Ребенокъ, когда говоритъ, что онъ *играетъ*, вовсе не то думаетъ, что большой, опредѣляющій этимъ словомъ пустую, по своимъ понятіямъ, дѣятельность ребенка. Каждая кукла, каждый предметъ забавы, игра всякаго рода для ребенка такъ же важны и знаменательны, какъ вообще дѣльные занятія взрослыхъ или большихъ.

¹⁾ «О воинскомъ дѣлѣ», соч. Адама Вейде, 1698 г., рукопись.

Итакъ въ качествѣ полковника, являясь рапортовать о дѣлахъ полка, ожидая повелѣній, исполняя ихъ, царевичъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, по необходимости долженъ былъ знакомиться съ существеннымъ дѣломъ своей забавы, т. е. съ порядкомъ, правильностію, отчетностію воинскихъ занятій, съ ежечаснымъ трудомъ, съ очевидной потребностію ученія и знанья. Онъ не остановился на томъ, на чемъ многіе могли остановиться, именно на стремленіи только повелѣвать, которое такъ было свойственно его положенію; напротивъ, геніальность его тѣмъ особенно и обозначается, что, вникнувъ въ сущность дѣла, онъ съ полною радостію подчинился вполнѣ всѣмъ условіямъ воинской науки, поставилъ выше всего не пустыя формы, ни къ чему не ведущія, а *ученье, хитрость* ратнаго дѣла, которая одна только его и интересовала. А съ этой стороны, не смотря на малыя лѣта, его потѣхи теряли уже значеніе обыкновенной дѣтской забавы и становились дѣломъ серьезнымъ, которое, въ глазахъ его, равнялось съ обученіемъ грамотѣ и другимъ предметамъ, не носившимъ имени потѣхъ и потѣшекъ. Что маленькій Петръ такъ именно понималъ свои воинскія игры, это доказывается тѣмъ, что онъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе расширялъ кругъ этихъ игръ и восходилъ постепенно отъ простаго полковаго ученія ружейнымъ выметкамъ и разнымъ приѣмамъ фронта, *ручными хватками*, какъ тогда выражались, къ артиллерійской стрѣльбѣ, къ инженерному дѣлу, къ созиданію земляныхъ окоповъ и крѣпостей, къ осадѣ и штурмованію этихъ укрѣпленій, къ разнымъ эволюціямъ на водѣ и къ мореходству. Въ такомъ пониманіи своей забавы, онъ рѣшительно расходился съ мнѣніемъ вѣка, съ своими современниками, которые уже гораздо послѣ узнали значеніе этихъ, какъ бы пустышныхъ, однимъ словомъ потѣшныхъ дѣлъ геніальнаго ребенка.

Понятнѣ это была самая лучшая и, при тогдашнихъ средствахъ образованія, самая разумнѣйшая школа для развитія природныхъ дарованій ребенка. Здѣсь пытливыи дѣтскіи умъ ежеминутно находилъ себѣ дѣло. Если ручныя *ухваты*, ружейныя выметки, шагистика и тому подобныя упражненія первоначальной науки представляли мало пищи для соображеній и разсужденій, приучая только къ *бодрому, безскучному* труду, то практическое примѣненіе этихъ упражненій, штурмы и осады и т. д., давали широкій просторъ умственнымъ силамъ, вызывали ихъ къ дѣятельности самостоятельной. А для ребенка, какъ и вообще для человѣка, нѣтъ выше радости, какъ видѣть плоды своей дѣятельности, чувствовать себя побѣдителемъ труда, однимъ словомъ чувствовать силу своихъ дарованій. Вотъ почему, когда Петръ взялъ приступомъ первый потѣшный городокъ, радости его при этомъ событіи не можно было описать, какъ свидѣтельствуешь Крекшинъ. Это было полное торжество безскупнаго труда и дѣтской мысли, неутомимо работавшихъ въ воинскомъ ученьи съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ благотворны были потѣхи Петра для развитія физическихъ силъ ребенка. Необыкновенно крѣпкое сложеніе и цвѣтущее здоровье, которымъ онъ обладалъ, служить полнымъ доказательствомъ, какъ были полезны эти дѣятельныя воинскія игры.

Многое также въ этой школѣ послужило задаткомъ въ опредѣленіи и направленіи нравственной стороны. Привычка къ труду неутомимому и безскупному, привычка къ лишеніямъ разнаго рода, какія необходимо являлись при исполненіи различныхъ обязанностей, строгій порядокъ и точность въ дѣйствіяхъ, безъ чего невозможенъ былъ правильный и усѣбный ходъ дѣла, т. е. самой игры, а слѣд. строгость и нелицензіанность взысканій за нарушеніе установленнаго порядка—

все это, хотя и въ маломъ видѣ; хотя и въ зародышахъ представляло богатую почву для развитія тѣхъ высокыхъ нравственныхъ качествъ, совокупность которыхъ явила безпримѣрный образъ въ исторіи государей.

Но важнѣе всего по своимъ послѣдствіямъ было то, что Петръ въ этой только школѣ могъ выяснитъ себѣ великую истину, ставить дѣло выше лица, общую цѣль выше личной цѣли, и въ этой только школѣ могъ послѣдовательно низвести свое значеніе со степени царевича до степени полного солдата, а потомъ перваго работника и слуги государству. Мы замѣтили уже, что чинъ полковника былъ первымъ и важнымъ шагомъ, шагомъ именно къ тому, чтобъ сдѣлаться полнымъ солдатомъ. Если цѣль хорошаго солдата быть генераломъ, какъ говорятъ, то несравненно высшая цѣль предстоить генералу, и особенно такому, каковъ былъ Петръ, готовившійся управлять громаднымъ и при томъ неустроеннымъ государствомъ; эта-то высокая по своей нравственной основѣ цѣль заключается въ томъ, чтобъ быть полнымъ солдатомъ, т. е. войти въ сферу низшей чернорабочей дѣятельности, до подробностей узнать ея требованія, нужды, труды и подвиги, однимъ словомъ, сродниться съ нею и такимъ образомъ получить законную возможность разумно ею повелѣвать, разумно употреблять ея силы на общую пользу. Сдѣлавшись *рядовымъ*, ставъ *въ ряду* обыкновенныхъ служебныхъ лицъ, Петръ тѣмъ самымъ вошелъ въ незнакомый для царевичей и по многимъ причинамъ недоступный доколѣ кругъ простыхъ и прямыхъ отношеній между сверстниками-сослуживцами. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ черною работою и искренно полюбилъ ее, какъ существенную основу всякаго дѣла. Взглядъ его и на свое призваніе и на людей по необходимости долженъ былъ измѣниться. Прежнія формы отношеній къ подчиненной средѣ, всѣ эти *чины* и *чинность*, были забыты, сдѣлались

даже сѣтѣнныи и удалены на задній планъ; впереди поставлено было дѣло, трудъ и работа, а потому и каждый истинный работникъ становился для Петра не только сослуживцемъ, товарищемъ, но близкимъ другомъ. Къ такимъ людямъ онъ привязывался всѣмъ сердцемъ, глубоко цѣнилъ и уважалъ ихъ. Всѣ обыкновенныя, существующія, отличія и различія людей совершенно сгладились передъ этимъ новымъ опредѣленіемъ ихъ значенія и достоинствъ. А какъ важно и благотворно было это новое начало отношеній для государственной дѣятельности, тому служить доказательствомъ вся эпоха преобразованій, явившая столько талантовъ, способностей, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя до того времени или дремали среди умственного застоя или почитались контрабандою.

Кромѣ того при этомъ непосредственномъ, ближайшемъ знакомствѣ съ чернымъ трудомъ и его представителями могъ съ большою силою выработаться и тотъ необыкновенный даръ умѣнья открывать въ людяхъ способности и таланты, выбирать полезныхъ дѣятелей, даръ, которымъ въ высшей степени обладалъ творецъ новаго порядка въ русской жизни.

Вообще время первоначальныхъ потѣхъ Петра по своему значенію для его исторіи заслуживаетъ подробнаго изученія и тщательныхъ разысканій.

Но вотъ среди дѣтскихъ игръ и потѣхъ наступило наконецъ время *книжнаго ученія и писанія*. Крекшинъ рассказываетъ, что книжное ученіе, подъ руководствомъ Зотова, началось 12 марта 1677 года, т. е. когда царевичу былъ на исходѣ пятый годъ. Дѣйствительно, въ царскомъ быту обученіе грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста. Но принимая въ соображеніе дѣтство Петра, которое, какъ отчасти уже видѣли, весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно усомниться въ точной справедливости этого свѣдѣтельства и тѣмъ болѣе, что Крекшинъ умалчиваетъ о томъ,

съ азбуки ли началъ Зотовъ обученіе или съ другихъ книгъ, слѣдовавшихъ по тогдашнему курсу за азбукою. При томъ Крекшинъ писалъ объ этомъ, безсомнѣнія, по преданію, по разсказамъ. Наводитъ насъ на сомнѣніе одно официальное указаніе, которое, хотя и не представляетъ прямого свидѣтельства по этому предмету, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. Изъ расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа узнаемъ, что подьячій тайныхъ дѣлъ Григорій Гавриловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 г. писалъ въ *хоромы* къ государю *азбуку* и *часословъ*. 26 ноября, когда вѣроятно онъ окончилъ свой трудъ, ему выдано въ награду 10 рублей, а 27 числа въ соборѣ Николы Гостунскаго служили молебенъ *для многочлѣтняго здравія* царевича Петра Алексѣевича, за что причту выдано: протопопу 10 р., тремъ священникамъ по 5 р., двумъ дьяконамъ по 3 р., дьячку полтора рубля, тремъ понамарямъ по 25 алтынъ. Извѣстно, что ученіе всегда начиналось молебномъ, который служили не только дома, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли ученіе грамотѣ съ этого времени, то есть слишкомъ за годъ раньше, чѣмъ свидѣтельствуется Крекшинъ. Къ тому же былъ обычаемъ ученіе начинать съ пророка Наума, т. е. съ 1 декабря. Что же касается до того что азбука и часословъ были писанные, а не печатные, какихъ уже передъ тѣмъ временемъ было нѣсколько изданій, то безсомнѣнія они были написаны крупнымъ уставомъ и съ разными украшеніями, что на первый разъ для ребенка было даже необходимо.

Впрочемъ наше предположеніе требуетъ еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за неимѣніемъ которыхъ остановимся на разсказѣ Крекшина. Наступило пять лѣтъ царевичу, но возрастомъ и остротою разума онъ одаренъ былъ не по лѣтамъ. Отца онъ лишился на четвертомъ еще году. Царь Фе-

дору Алексѣевичъ старшій братъ Петра «своими любими царевича и зрѣнія его ради часто приходя къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кирилловнѣ», посоветовалъ однажды, что время посадить его за гранету. Нужно было сыскать учителя, кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писанію. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ бояринъ Федоръ Соковининъ ¹⁾ донесъ ихъ величествамъ, что имѣется мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ Зотовъ. Государь повелѣлъ представить его. Не объявляя Зотову о царскомъ рѣшеніи, Соковининъ привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ комнатныхъ вышелъ и спросилъ: «кто здѣсь Никита Зотовъ?» Зотовъ объявилъ себя. — «Государь изволитъ тебя спрашивать, пойдн скорѣ», — сказалъ комнатный. При этихъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпачетство, такъ что не могъ двинуться съ мѣста. Онъ вовсе не подозрѣвалъ по какому случаю долженъ былъ предстать предъ свѣтлыми очн государя. Комнатный взялъ за руку кроткаго и смиреннаго учителя и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но оробѣвшій учитель просилъ, чтобъ дали хоть малое время, когда придетъ въ пачетъ. Постоявъ немного, сотворилъ онъ крестное знаменіе и пошелъ за комнатныхъ во внутренніе покои къ царскому величеству. Государь милостиво принялъ его, пожаловавъ къ рукѣ. Началось испытаніе: Зотову велѣли писать и потомъ честь книги. Къ испытанію былъ призванъ Симеонъ Полоц-

---

¹⁾ Соковининъ въ 1676 г. былъ думнымъ дворяниномъ, а въ 1678 г. окольничимъ. См. Двор. Разр. т. IV. За 1677 годъ разрядовъ не сохранилось и потому неважно, когда именно Соковининъ подалъ имъ окольничіе.

кій, мужъ премудрый въ писаніи, который, разсмотря писаніе и слушавъ чтеніе Зотова, объявлялъ государю, яко право то писаніе и глаголъ чтенія. Проэкзаменованный учитель былъ отведенъ Соковнинымъ къ царицѣ. Когда Соковникъ представилъ его, царица, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ избранному учителю съ слѣдующею рѣчью: «Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь,—вручаю тебѣ едиnorodнаго моего сына. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху Божию и благочинному житію и писанію». До сихъ поръ Зотовъ мало понималъ въ чемъ дѣло. Услышавъ повелѣніе царицы,—весь облился слезами, упалъ къ ея ногамъ и, тресаясь отъ страха и слезъ, проговорилъ: «нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище». Государыня, повелѣвъ встать, продолжала: «Прими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоимъ я извѣстна». Зотовъ же не возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелѣвъ встать, пожаловала его къ рукѣ и приказала явиться наутрѣ для ученія царевича». На другой день утромъ, въ присутствіи царя Федора, патриархъ, сотвори обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ, посадивъ царевича на мѣсто, сотворилъ ему земное поклоненіе и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патриархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь—дворъ, государыня—двѣ пары богатаго платья и весь уборъ.

Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вместе съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученіе письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ *царевичевой буквари*

(прошши) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ *учительномъ каломъ*, шириною въ 1½ арш., вышиною въ аршинъ, который въ 1680 г. былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 г. алымъ атласомъ.

Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое, какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствие положительнаго указація по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ кромѣ Зотова въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще *учитель* Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который можетъ быть и былъ учитель пѣнія.

Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ *исторіи*, для храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно *потышными*. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями и просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и *училищъ*, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками городовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ

книжки лучшии драгги мастертвомъ, красками: грады, нелты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи людскія съ прописями, т. е. съ текстомъ, и распредѣлгъ все эти книги и училща по разнымъ поколѣмъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе сказывалъ: «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его царя Алексея Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальныя нужные походы, бои, взятые города, и koliko претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ колкиа благополучія государству приобрѣли, и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла в. к. Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владимира и Александра Невскаго и о прочихъ». А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе рассказанныхъ исторіи и подвиговъ и переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными *науками*, присовокупяя, что безъ нихъ державнымъ монархамъ невозможно быть. Разсказъ Крекшина вполне подтверждается современными официальными свидетельствами. Въ описаніи царскаго домашняго быта ¹⁾ мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣтей или точнѣе передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ тому времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла довольно правильный составъ. Книжки съ картинками историческаго содержанія назывались *царственными*, потому что показали исторіи царствъ. Все другіе предметы, изображенныя въ картинкахъ, свѣтскаго содержанія, носили имя *юшманныхъ*, увеселительныхъ, служившихъ для забавы, ибо *юшманомъ* учились, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ почиталось одно только *Св. Писаніе* и вообще книги церковно-

¹⁾ См. Зап. т. ХСVII.

учительныя. По этому и всѣ эстанны, гравюры, привозимыя съ Запада, также носили названіе потѣшныхъ, фрискскихъ и нѣмецкихъ листовъ. Такимъ образомъ Зотовъ не былъ первымъ вводителемъ этой методы знакомить дѣтей съ разными предметами быта и тогдашнихъ знаній посредствомъ картинокъ, какъ можно бы отчасти заключить изъ словъ Крекшина. Онъ могъ сдѣлать только болѣе обширное приложеніе этой методы при обученіи Петра. Еще князь Щербатовъ, издавая въ прошломъ столѣтіи разные *манускрипты* подъ именемъ «царственной книги», «царственного лѣтописца» и «древняго лѣтописца», которые были украшены множествомъ картинъ, замѣтилъ, что эти книги составляли нѣкогда одно цѣлое и на основаніи словъ Крекшина предположилъ, что сіи сочиненія могли быть употреблены для науки Петру Великому. Дѣйствительно въ расходныхъ запискахъ 1677 года встрѣчаемъ указаніе, что 24 марта, дьякъ Андрей Юдинъ принесъ въ Оружейную палату, которая въ то время завѣдывала иконописными и живописными работами, «*книгу царственную ее величества*, писана на александрѣйской бумагѣ въ десть, была переплетена, и изъ переплету вывалилась, и многіе листы означены, а не выцвѣтены, шестьсотъ тринадцать листовъ, а на тѣхъ листахъ тысяча семдесятъ два мѣста (рисунковъ); а приказалъ тое книгу разцвѣтить иконописцамъ; а которые драмы листы въ той книги и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ: тое книгу выдалъ ему отъ в. государя (Федора Алексѣевича) изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову съ товарищи на подрядъ, по уговору за дѣло со всякаго *мануса* (рисунка) по 6 денегъ. Такимъ образомъ время, когда эта книга поступила въ руки мастеровъ для возобновленія, именно 24 марта, совершенно совпадаетъ съ началомъ обученія Петра Зотовымъ (12 марта). Припомнимъ,

что тогда же царица Наталія Кирилловна повелѣла отдать Зотову и всѣ историческія книги съ кунштами. Нѣтъ сомнѣнія, что это та самая книга, по которой Петръ знакомился съ русскою исторіей и которая потомъ въ безпорядкѣ найдена Щербатовымъ и издана подъ именемъ лѣтописцевъ. Теперь она принадлежитъ патриаршему книгохранилищу и приобретаетъ въ глазахъ любителя старины новую цѣну, какъ памятникъ первоначальной науки великаго Преобразователя.

Потѣшныя книги и потѣшныя фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частію къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ потѣшный, какъ мы замѣтили, разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности. Поэтому потѣшныя книги и потѣшные листы могли быть сказочнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательные или, какъ свидѣлствуетъ Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли, дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и т. п. Впрочемъ доступныя намъ официальные указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изображеніями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Извѣстно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ 8 января 1675 года, когда царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимофей Резанецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, расцвѣтивъ ее шафраномъ, виницейскою ярью и бѣлыми. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 г. иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также писалъ книгу шафраномъ на толстой и гладкой доброй бумагѣ, по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой. 20 іюня иконописецъ Федоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и расцвѣчивалъ

сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго Б. М. Хитрово. 1680 г. января 15, и февраля 17, Тимофей Рязанецъ раздѣчивалъ шафраномъ потѣшныя тетради по приказу боярина Род. Матв. Стрѣшнева. 19 марта одна потѣшная книжка была переплетена въ алый бархатъ. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Они не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смысливать. Сестрѣ Петра царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ officialныя записки сообщаютъ, что въ 1680 г. 11 марта царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 г. 29 апрѣля стольникъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ въ хоромы взялъ *сто листовъ фряжскихъ* ¹⁾). Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ комнатахъ, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно, на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка, эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе наукъ. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединились и рисованныя, вѣроятно пополнявшіе выборъ печатныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карцъ Ивановъ писалъ царевичу «на Александрѣйскомъ

¹⁾ Книги Арх. Оп. П. № 240 и 543.

лихъ красннх и заботнх: *двадцать мѣсяцевъ и больше любезные противъ того какъ въ столовой въ подвальныхъ написано*, то есть въ плафонѣ столовой комнаты.

Такии образои курсъ обученія былъ по преимуществу *практическій, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили*. По содержанию онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ никакой заранѣе опредѣленной системы, но за то какъ намъза болѣе соответствовалъ вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика, соответствовалъ именно той сторонѣ, которая имѣетъ съ первыми его играми, присвоила такой *дѣльнымъ и хѣтательный* характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки. «По немногимъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи, замѣчаетъ Крекшинъ, а *книжное ученіе* только имѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ изучетъ или памятью остро прочиталъ... Егда сѣмя благихъ учений вкоренился въ сердце юнаго отрока, тогда разжеся любовью, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, созидать грады, и таяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать». Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой книги съ рисунками, фряжскіе карты и разныя куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятии и забавахъ ребенка, съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его *увлеченій* объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ *дѣятельнаго* служебнаго дѣла.

На началъ 1682 года у хороиъ царевича была устроена *высокая* *академія*, на которой поставлены *потѣшные*

деревянный *шашеръ* и *поязынная изба* — это было вѣчто въ ротѣ воинскаго стана. На площадкѣ стояли *рогатки* и *деревянные мушкетеры*, изъ которыхъ, вѣроятно посредствомъ какого-либо механизма, стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Соберемъ опять свѣдѣнія о изготовленіи съ этого времени разныхъ потѣшныхъ воинскихъ предметовъ. 23 марта 1682 г. бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ приказалъ починить два потѣшныхъ барабана, присланныхъ изъ хоромъ царевича, да вновь сдѣлать большой барабанъ «противъ стрѣлецкихъ». Новый барабанъ съ кожей, шнурами и деревомъ стоилъ рубль. Изготовленные барабаны поданы въ хоромы. 13 апрѣля Стрѣшневъ снова выдалъ изъ хоромъ потѣшный барабанъ для починки за ново. 13 января 1683 г. велѣно сдѣлать въ хоромы двѣ пушки деревянные, мѣрою одна въ длину аршинъ, другая въ полтора аршина, на станкахъ, съ дышломъ и съ колесы окованными; пушки внутри опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колесы расписаны зеленымъ аспидомъ (подъ мраморъ), всѣ украшенія на нихъ, каймы, въ кругахъ орлы и клейма и репы были оловянные литыя. 26 марта пушки поданы въ хоромы.

6 мая 1683 года, въ 12 часу дня, Петръ, уже царь, выѣхалъ для потѣхъ въ село Воробьево и прожилъ тамъ все лѣто до половины августа, возвращаясь въ Москву только на нѣсколько часовъ, по совершенной необходимости, для присутствія при церковныхъ торжественныхъ службахъ и церемоніяхъ и по случаю приѣма посланниковъ. Судя по многимъ указаніямъ расходныхъ записокъ дворца, воинскія потѣхи въ это время шли съ большою дѣятельностію, барабаны немилосердно пробивались насквозь и высылались въ Москву, въ Оружейную палату для починки. Еще предъ выѣздомъ, мая 3 былъ присланъ для починки потѣшный большой барабанъ, у котораго верхняя кожа во многихъ мѣстахъ была пробита и

струны изорваны. Мая 7 присланы для починки три потѣнные барабана; мая 9 два пробитыхъ барабана возобновлены и росписаны красками; мая 20 присланы два барабана, одинъ большой, другой маленькій; кожи у нихъ всѣ проломаны. Потомъ дошло дѣло и до пушекъ, но уже не деревянныхъ, а мѣдныхъ и желѣзныхъ. 4 іюля стольникъ Гаврила Ивановъ Головкинъ выдалъ отъ государя изъ хороша *«шестнадцать пушекъ малыхъ, и въ томъ числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большія на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменьшѣ тѣхъ на полковыхъ же станкахъ, три пушки верховыя съ станками, двѣ пушки безъ станковъ большія, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдныя, двѣ пушки желѣзныя безъ станковъ, а приказалъ къ первой пушкѣ сдѣлать два станка одинъ полковой, другой волоковой; а которыя пушки безъ станковъ, къ тѣмъ пушкамъ придѣлать станки полковыя и росписать красками цвѣтными, а старыя станки починить и колеса придѣлать новыя»*. Въ іюлѣ же, вѣроятно полковымъ музыкантамъ, *симвощикамъ*, сдѣлано 25 сипошъ (лудокъ) деревянныхъ точеныхъ, кленовыхъ. Извѣстіе о приведеніи въ порядокъ мѣдныхъ и желѣзныхъ пушекъ даетъ понятіе, что пушки эти были уже въ дѣлѣ. Дѣйствительно, въ этомъ Воробьевскомъ походѣ къ обыкновеннымъ экзерциціямъ и потѣхамъ присоединились и потѣхи огнестрѣльныя. Въ маѣ, на Воробьевѣ, пушкарскаго приказа гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла русскими мастерами и учениками произведена была *кошьяная огнестрѣльная стрельба* подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Симона Зомера, выѣхавшаго въ 1682 году и служившаго капитаномъ въ Выборномъ полку душнаго генерала Агея Алексѣевича Шепелева. 27 мая выдано этимъ мастерамъ по портищу сукна. Въ другой разъ они награждены августа 17, причѣмъ вообще сказано, что «государь пожаловалъ за нихъ *многіе огнестрѣльныя потѣш-*

ные стрѣльбы, что они стрѣльбы дѣлали въ походѣ въ селѣ Воробьевѣ предъ великимъ государемъ, мая 30 для стрѣльбы.

Такимъ образомъ 1683 годъ былъ, кажется, первымъ годомъ, когда Петръ перенесъ свои потѣхи въ поле. Событія 1682 года, когда онъ сдѣлался царемъ и слѣдовательно получилъ болѣшую свободу и большій просторъ въ своихъ забавахъ, не позволили воспользоваться въ то же лѣто пріобрѣтенною властію вполне распоряжаться необходимыми средствами для расширенія круга любимыхъ забавъ: тому мѣшала стрѣлецкая смута.

Къ этому же 1683 году, еще къ началу кампаніи, какъ можно выразиться, относится безъ сомнѣнія и тотъ анекдотъ, по поводу псовой охоты, который рассказываетъ Крекшинъ. «Любоумудрый и трудолюбивый монархъ и въ дѣтскихъ лѣтахъ не дѣтскими и не псовыми и птичьими охотами забаву имѣлъ, но отдѣтска любилъ военныя науки, для чего набралъ невзрослыхъ и малыхъ и съ ними упражнялся, создавъ гряды, ведя апроши, штурмуя, полевые конные и пѣшіе полки уча экзерциціи, и даже имя свое написалъ въ списокъ съ рядовыми солдатами». Но такія потѣхи и труды естественно не могли нравиться царедворцамъ, столбникамъ, дѣтямъ бояръ и другихъ сановниковъ, обязанныхъ быть при немъ по наряду, по службѣ. «Бывшіе въ лѣтахъ и жившіе въ лѣностяхъ, продолжаетъ Крекшинъ, возмнили себѣ въ великій трудъ и беспокойство эти полевыя потѣхи и выхваляли государю охоту со псы и птицы, себѣ въ облегченіе». Петръ согласился потѣшиться этою охотою, назначилъ день. Когда все было готово, прибылъ на мѣсто, онъ предложилъ собранію, что желаетъ охотиться только съ самими царедворцами, а не съ ихъ холопами и велѣлъ служителямъ ѣхать по домамъ, а псовъ отдать ихъ господамъ. Такимъ образомъ псарня очутилась на рукахъ у са-

нихъ бояръ, которые своры привязали къ сѣдламъ или вадѣли на руки. Но по непривычѣ къ дѣлу новыхъ псарей, псария вскорѣ замѣшалась; а съ нею замѣшались и кони и, освиръпѣвъ, скакали по полю, влача псовъ и выбивая изъ сѣдла наездниковъ, изъ которыхъ многіе едва живы остались. Это доставило большое увеселенье государю. На другой день Петръ назначилъ охоту съ птицами и спросилъ царедворцевъ, желаютъ ли еще веселиться? Поняли царедворцы, что не ложить сердце у государя къ этимъ забавамъ и отrekliсь. Тогда Петръ спросилъ ихъ: псарями ли лучше быть или свѣтлыми воинами; въ шнурахъ псовыхъ лучше ли находить забаву или въ оружіи? Нѣтъ, въ оружіи слава всесвѣтлая, отвѣчали царедворцы. «А когда всесвѣтлая слава въ оружіи, такъ зачѣмъ же къ охотѣ отъ дѣлъ царскихъ меня отвлекаете, и отъ славы къ безславыю. Я царь и подобаетъ мнѣ быть воину, а псы приличны пастухамъ и тѣмъ подобнымъ». Можно было бы усомниться въ справедливости этого разказа или по крайней мѣрѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ одиннадцатилѣтнимъ царемъ, тѣмъ болѣе, что Крекиннъ вообще любитъ влагать въ уста своего героя краснорѣчивыя и разумныя не по лѣтамъ рѣчи; но имѣя въ виду весь ходъ дѣтскихъ забавъ Петра, можно съ полною вѣрою допустить, что онъ такъ именно мыслилъ о своемъ призваніи и слѣдовательно могъ такъ именно повести разсказанное событіе и такъ выразить царедворцамъ свое мнѣніе о назначеніи царя, какъ перваго въ царствѣ воина. Что же касается до того обстоятельства, что случай этотъ относится къ Воробьевскому походу 1683 года, то на это указываютъ расходныя записки, въ которыхъ между прочимъ находимъ, что 21 апрѣля для царя были приготовлены *трои нитяные своры* и *три ременные ошейника*, а 2 мая куплена *живая лисица съ дѣтскими* за два рубля, которая вѣроятно въ концѣ мая и была отвезена въ село Воробьево, ибо за проводъ

ей туда выдано 2 июня постельному сторожу Тимошкѣ Федорову четыре алтына¹⁾).

Въ то время, какъ одиннадцатилѣтній царь Петръ забавлялся на Воробьевыхъ горахъ воинскими потѣхами, въ Москву, въ июлѣ, прибылъ секретарь шведскаго посольства и извѣстный путешественникъ по Азiи Кемпферъ. Онъ видѣлъ обоихъ царей, Петра и слабого брата его Ивана, которые принимали посольство въ Грановитой Палатѣ. Разсказъ Кемпфера объ этой аудiенции особенно любопытенъ въ отношенiи того впечатлѣнiя, какое произвелъ на путешественника младшiй царь Петръ. Оба ихъ величества, пишетъ онъ, сидѣли на двухъ серебряныхъ креслахъ, на возвышенiи въ нѣсколько ступеней. Надъ каждымъ кресломъ висѣла икона. Одежда царей блистала золотомъ и дорогими камнями. Вмѣсто скипетровъ они держали въ рукахъ длинныя золотыя жезлы. «Старшiй сидѣлъ почти неподвижно съ потупленными, сокрытыми почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; младшiй напротивъ тою взиралъ на всѣхъ съ открытыми прелестными лицомъ, въ коемъ, при обращенiи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юности; дивная его красота плѣняла всѣхъ предстоющихъ, такъ что, еслибъ это была простою состоянiя дѣвица, а не царская особа, то безъ сомнѣнiя всѣ бы должны влюбиться въ него». Кемпферъ даетъ Петру даже 16 лѣтъ, если это не описка или не опечатка издателей его сочиненiя. Когда посланникъ, произнесъ рѣчь, подалъ королевскiя грамоты, старшiй царь Иванъ Алексѣевичъ, протянувъ внезапно и преждевременно руку свою (для цѣлованiя), привелъ посольство въ немалое замѣшательство. «Послѣ того оба царя встали и, приподнявъ нѣ-

¹⁾ Книга арх. Ор. П. № 253.

сколько шапки, спросили о здравіи короля. При семъ молодой наставникъ старшаго царя поднялъ его руку и такъ сказать взялъ оною его шапку. Младшій же царь по живости своей поспѣшилъ встать и сдѣлать вопросъ ¹⁾, такъ что его старшій наставникъ принужденъ былъ удержать его, дабы дать старшему брату время встать и виѣсть съ нимъ вопросить ²⁾

Другой случай, характеризующій живость Петра, еще трехлѣтняго ребенка, рассказываетъ въ своихъ запискахъ Лизекъ. Австрійское посольство, котораго онъ былъ также секретаремъ, прибывшее въ Москву въ началѣ сентября 1675 г., было принято царемъ въ Коломенскомъ дворцѣ, потому что царица желала видѣть церемонію вѣзда и приѣма пословъ, не бывъ разумѣется видимою сама; загородный же дворецъ представлялъ къ тому всё удобства. Во время аудіенціи царица съ семействомъ находилась въ смежной комнатѣ и смотрѣла на церемонію чрезъ отверстіе не совсѣмъ притворенной двери. Но по окончаніи приѣма маленькій князь, младшій сынъ, замѣчаетъ Лизекъ, открылъ потаенное убѣжище матери, отворивъ дверь прежде нежели послы вышли изъ аудіенцъ-залы ³⁾.

Къ сожалѣнію, о подобныхъ случаяхъ, о дѣлахъ его дѣтства, мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Крекшинъ рассказываетъ еще о томъ, какъ маленькій Петръ жаловался брату Феодору на новаго Годунова, боярина Языкова, который предлагалъ и даже дерзновенно будто бы выговаривалъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, жаловавшейся на утѣшеніе въ покояхъ, выѣхать въ другой дворецъ, можетъ-быть одинъ изъ загородныхъ. Видя печаль матери по поводу этого предложенія, царевичъ однажды сказалъ Зотову: «идемъ, да поклонюся брату

¹⁾ По обычной формулѣ: Его королевское величество братъ нашъ и пр. по здорову.

²⁾ *Баронъ Мейербергъ*, изд. Алаунгома, стр. 337 и слѣд.—

³⁾ *Ж. М. Н. П.* 1837, ноябрь, стр. 356.

моему, царю Θεодору Алексѣевичу». Ни Зотовъ, ни царица не знали будто бы о его намѣреніи. Пришедъ къ царю, онъ держалъ, при всемъ синклитѣ, слѣдующую рѣчь: «Жалобу приношу на Годунова, нарицаемаго Языкова, который хочетъ меня нечестно и съ матерью моею выслать изъ дома моего отца и отъ тебя, любезнаго моего брата, какъ древній Годуновъ царевича Димитрія. Если онъ (Языковъ) тебѣ и угодеиъ, то я все-таки хочу жить вмѣстѣ съ тобою въ однихъ чертогахъ, чтобъ спасти жизнь свою отъ этого убійцы». Облившись слезами и обратясь къ предстоявшему синклиту, онъ заключилъ: «или я не сынъ державнаго царя Алексѣя, что мнѣ уже и въ домѣ отца моего и угла нѣтъ?» Царь Θεодоръ обლობызалъ ребенка, посадилъ возлѣ себя на тронѣ и, оправдывая Языкова, сказалъ, что повелѣлъ въ прибавку дать царицѣ новое помѣщеніе во дворцѣ. Это было въ 1679 году. Около этого времени дѣйствительно построены были для царицы Наталіи съ сыномъ новыя хоромы, приыкавшія къ патриаршему двору. Языковъ, думая, что царевичъ жаловался по наученію Зотова, употребилъ все свое вліяніе, чтобъ удалить его отъ царевича. Въ 1680 г. Зотовъ былъ посланъ съ посломъ Тяпкинымъ въ Крымъ для заключенія мира; но по возвращеніи попрежнему оставался при Петрѣ учителемъ.

Припомнимъ также нѣсколько указаній о кормилицѣ Неонилѣ Ерофеевой, которую ребенокъ, какъ видно, любилъ и очень заботился объ устройствѣ ея домашнихъ дѣлъ. Въ сентябрѣ 1683 года она погорѣла. Петръ пожаловалъ ей, для пожарнаго разоренья сто рублей, и когда она снова построилась, въ концѣ октября, послалъ къ ней на новоселье хлѣбъ-соль, то есть хлѣбъ, купленный за 6 денегъ и оловянную солонку съ солью, купленную за три алтына двѣ деньги.

Въ 1684 году кормилица Неонила задумала выйти замужъ. Государь далъ ей на приданое тысячу рублей: 500 рублей

1 мая и 500 рублей 30 августа: сумма по тому времени весьма значительная. Она вышла замужъ за князя Львова и съ той поры именовалась уже княгинею Неонилою Ерофеевною, состоя въ чиновныхъ спискахъ придворнаго царичьина штата первую подъ дворовыми или придворными боярынями, гдѣ она упоминается еще и въ 1695 году. Въ 1692 г. марта 24 государь пожаловалъ ей, вѣроятно также на новоселье, четыре пары соболей, одну въ 20 руб., другую въ 15 р. и двѣ по 10 р. ¹⁾).

Въ этой попыткѣ собрать мелкія указанія о дѣтствѣ Петра мы останавливаемся на 1683 годѣ, отлагая до другаго времени и новыхъ поисковъ описаніе послѣдующихъ потѣхъ, перенесенныхъ въ 1684 году въ Преображенское, гдѣ съ потѣхами почти незамѣтно слѣлось и великое дѣло преобразования.

---

¹⁾ Книги Арх. Ор. Пал. №№ 258, 295 и 567.

ХАРАКТЕРЪ НАЧАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

(Нѣсколько замѣчаній о „Замѣткѣ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ г. Купріянова.)

Не безъ интереса мы встрѣтили *Замѣтку для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, напечатанную г. Купріяновымъ въ 1855 году почти въ одно время и въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 163), и въ «Москвитянинѣ» (№ 10), и за тѣмъ снова перепечатанную въ Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщенія (августъ 1855). Для насъ лично *Замѣтка* эта особенно любопытна въ томъ отношеніи, что она вызвана нашею статьею «Домашній Бытъ Русскихъ Царей прежняго времени» (ст. седьмая, «Отеч. Записки» 1854, № 12) и составляетъ въ сущности замѣчанія на нашъ трудъ, сдѣланныя г. Купріяновымъ съ цѣлью устранить наши недомолвки, неполноты, ослабить слишкомъ рѣзкіе и односторонніе наши выводы — однимъ словомъ, съ желаніемъ съ своей стороны способствовать по возможности дальнѣйшей разработкѣ любопытнаго и въ высокой степени важнаго предмета, каковъ именно характеръ прежняго народнаго образованія. Каждый изъ насъ очень хорошо понимаетъ, какъ важны и дороги такія замѣчанія среди труда, къ которому отъ времени, отъ постоянного близ-

...слишком присмотришься.
...постоянно вблизи наблюдать
...нагу теряет способность
...горизонт стѣсняется, и мно-
...своей ясности и истинности.
...блгонамѣренное замѣчаніе, лишь
...местомъ, приноситъ изы-
...оно расширяетъ горизонтъ его
...или исправляетъ, указывая
...даны, даетъ новое освѣщеніе, а мног-
...односторонностями еще болѣе ут-
...заставляя снова осмотрѣться, снова
...данныя, на которыхъ построены тотъ
...однимъ словомъ, каждое такое замѣча-
...кь улучшенію труда. Сверхъ того
...критическія замѣтки бываютъ иногда
...избралъ предметъ
...ученыхъ вопросовъ, вообще
...своемъ сужденіи о своей работѣ, хотъ
...изъ ряда общихъ мѣстъ... Вотъ
...съ которыми мы встрѣтили «Замѣт-
...Небуждаемые тою же высокою важностью
...автора, вызвала эту «Замѣт-
...и неоднократное перепечатаніе ея
...сдѣлать нѣсколько объясненій и
...предметъ дѣйствительно любопытенъ
...отчетливаго, всесторонняго
...сперы весьма-часто вызываются не
...негрѣшностями, ошибками или не-
...во взглядахъ, различіемъ
...на предметъ изслѣдователя.

Тотъ или другой взглядъ на предметъ, такое или иное пониманіе предмета изслѣдователь получаетъ или готовымъ отъ известной школы, или приобретаетъ постепенно, такъ-сказать практически, на мѣстѣ дѣла, по мѣрѣ непосредственнаго и долгаго изученія фактовъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, какимъ способомъ приобретено данное пониманіе предмета, а въ томъ, вѣрно ли это пониманіе, вѣрно ли оно опредѣляетъ ту *дѣйствительность*, изъ среды которой выработано. Но во многихъ случаяхъ нельзя не отдать преимущества самостоятельной работѣ предъ школьными положеніями, принимаемыми на вѣру безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Есть множество умовъ, для которыхъ школа, то-есть кругъ понятій, принятыхъ на вѣру, вполне замѣняетъ непосредственное наблюденіе, непосредственную дѣятельность мысли. Такіе умы, однажды навсегда рѣшившіе всѣ вопросы, бываютъ совершенно непроницаемы въ дѣлѣ убѣжденія, въ дѣлѣ истиннаго, по возможности всесторонняго пониманія предметовъ; никакая очевидность и осязательность приводимыхъ доводовъ не въ силахъ противиться ихъ упругости... Къ каждому предмету изслѣдованій или наблюденій эти умы подходятъ съ запасомъ уже готовыхъ выводовъ или положеній и въ своихъ размышленіяхъ останавливаются только на такихъ фактахъ, которые способны подтвердить эти задушевные положенія, оставляя въ сторонѣ, безъ малѣйшаго вниманія и даже пониманія, все то, что съ ними не согласуется. Къ каждому предмету они подходятъ не съ цѣлью узнать предметъ, а съ цѣлью найти въ немъ подтвержденіе своимъ любимымъ положеніямъ. При всей относительной пользѣ такого направленія въ наукѣ, это направленіе наноситъ ей несравненно болѣе вреда, загромаждая ее матеріально невѣрными поясненіями и водворяя въ ея области ложныя заключенія, съ которыми, когда они усилатся до значенія авторитетовъ, борьба бываетъ всегда трудна...

«Замѣтки» г. Купріянова. Существен-
 нымъ переворотомъ нашихъ рѣзкихъ поло-
 женій, что въ старину педагогія наша не была су-
 хой, что обученіе грамотѣ сопровождалось
 ласковымъ утѣшеніемъ, радостно-
 стью и любовнымъ обычаемъ», какъ писали то-
 гда, что это самое составляетъ замѣчательную
 черту русской педагогіи, или дидактики, какъ гово-
 рятъ въ «Замѣткахъ». Во вторыхъ, что кругъ дре-
 внейшихъ, вопреки нашему мнѣнію, не ограничивался
 только самыми самонужнѣйшими церковными книж-
 ками, а включало въ себя и учебныя, а именно
 обученіемъ механизму чтенія, а выѣщала
 и некоторыя научныя (по другой редакціи: ученныя)
 книги, а именно грамматику и ариметику и необходи-
 мыя для общаго образованія. Хотя скромный авторъ и не
 придаетъ своему важнаго значенія своимъ замѣткамъ, но
 они представляютъ весьма существенное про-
 сужденіе. Постараемся по возможности
 насколько справедливы эти замѣчанія, на сколь-
 ко они оправдываютъ и дополняютъ нашъ трудъ.

Въ третьей послѣдней статьѣ: «Домашній Бытъ
 первоначальнаго образованія въ до-петровскомъ
 вѣкѣ», авторъ замѣчаетъ, что въ тогдешнее время «выучиться гра-
 мотѣ было такъ трудно: это была такая сухая и тяжелая
 наука, въ настоящее время едва-ли можно соста-
 вить себѣ понятіе. Старинная грамота являлась дѣтямъ
 чуждою и любящей няню, какъ теперь, въ возмо-
 жности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣ-
 тямъ, а являлась она сухой и суровымъ дидакаломъ,
 въ одной рукѣ и съ розгой въ другой.
 Старинная педагогія наказаніе вообще признавала нераз-
 делымъ составомъ науки». Называя сухимъ, тяжелымъ

и суровымъ трудъ стариннаго обученія, мы наитрены были обозначить и, надѣясь, обозначили этими выраженіями не только сторону строгаго понужденія учиться, но и сторону самаго метода въ преподаваніи, сторону учебныхъ пособій, букварей и другихъ книгъ. Все это вмѣстѣ для ребенка пяти или десяти лѣтъ было дѣйствительно сухо, тяжело и сурово. Доказательствомъ можетъ служить составъ тогдашнихъ букварей и книги, употреблявшіяся въ первоначальномъ чтеніи. Въ подтвержденіе же нашихъ словъ о значеніи наказанія въ древней педагогикѣ, мы указали на картинку, которую начинается букварь Бурцова и которая изображаетъ *училыще*, гдѣ одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ предъ строгимъ дядькалономъ, готовящимся наказать его розгой. При усменіи старой дѣйствительности, такими изображеніями пренебрегать нельзя: они служатъ вѣрнымъ отраженіемъ понятій и жизненныхъ положеній своего времени. За тѣмъ мы привели *увѣщаніе* вообще о пользѣ наказанія, изъ букваря 1679 года. Смыслъ этого увѣщанія тотъ же, что и смыслъ упомянутой картинки.

Хощени, чадо, благъ разумъ стянати,
Тщиси во трудѣхъ вышу пребывати.
Временемъ раны нуди естъ терѣти,
Нбо тѣхъ крѣпъ безчипують дѣти.
Розга накону, бича большинъ трѣбѣ...
Та орудія глуныхъ исправляють,
Плоти цѣлости ничтоме вредяють.
Розга умъ острить, память возбуждають
И волю злую въ благу прелагають.
Учить Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службу ходити...
Жель дѣтнвыма въ дѣлу поумдають,
Ремдннхъ слушати во всекъ поучають...
Цѣлуйте розгу, бичъ и мезль любайте:
Та суть безвпннв, тѣхъ не проглажайте,
И руцъ, амо ванъ нзымъ налагають,

Ибо не ала языкъ, но добра желатиъ ..
 Сіе же слово за даръ благъ возмите,
 Не злословьте ни, но благословите:
 Иже языкъ благихъ вселчсанихъ молаю...

Но, приводя эти собственно книжныя свидѣтельства, мы желали ихъ подтвердить фактами изъ живой дѣйствительности и съ этою цѣлью сдѣлали выписку, въ подстрочной выноскѣ, изъ «Записокъ» Данилова. Выписка эта весьма живо, хотя и довольно рѣзко, односторонне, характеризуетъ значеніе лозы въ старинномъ книжномъ обученіи. Мы полагали, что и этихъ свидѣтельствъ будетъ достаточно, чтобъ уяснить дѣло и безъ того ясное... Г. Купріяновъ не соглашается съ нашимъ заключеніемъ, что положеніе старины: «розга хоть иѣма, да придаетъ ума», имѣло дѣятельную силу у нашихъ предковъ, что наказаніе было неразлучнымъ спутникомъ обученія. Выписку изъ «Записокъ» Данилова, какъ относящуюся къ позднѣйшему времени, онъ считаетъ *неумѣстной*. . Но почему же? Неужели лоза дѣйствительно вошла въ употребленіе только съ XVIII столѣтія? Мы думаемъ, что изображенная на первомъ листѣ букваря въ 1634 году, воспѣтая стихами въ букварѣ 1679 года и описанная Даниловымъ въ 1730 году—пресловутая лоза въ-теченіе этихъ ста лѣтъ едва-ли могла что утратить изъ того значенія, какое придавали ей старинныя дидаскалы и педагоги. Какъ бы то ни было, г. Купріяновъ, въ параллель къ выпискѣ изъ «Записокъ» Данилова и въ пополненіе статьи нашей, приводитъ *другое извѣстіе, болѣе древнее*, чѣмъ записки умнаго майора, именно: дѣлаетъ *маленькую* выписку изъ «Степенной Книги», изъ которой видно, что первый всероссійскій митрополитъ Михаилъ, при заведеніи (первыхъ) училищъ (при св. Владимірѣ)—«призываше всѣхъ сихъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочиниѣ учить юныя дѣти, яко-

же словесенъ книжнаго разума, также благоправію и правдѣ, и любави, началу пренудрости—страху Божію, и чистотѣ, и смиренномудрїю. Учити же ихъ не яростїю, ни жестокостїю, ни гнѣвомъ, не радостевиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ поученїемъ и ласковымъ утѣшенїемъ, да не унывають, не ослабѣвають; прїемле и часто послушнвати и наказывати ихъ, предавати и комужде ихъ урокъ ученїа съ разсужденїемъ, протїво коекождо силы, и со ослабленїемъ, да не унывають» и проч. Первый російскїй митрополитъ дѣйствительно могъ дать такое наставленїе, благословляя на трудъ первыхъ учителей. Возможность такого наставленїа оправдывается тѣмъ болѣе, что истори плакали о дѣтахъ, отданныхъ въ ученїе, какъ о мертвцахъ, думая, что расстаются съ ними навсегда; плакали, безъ сомнѣнїа, и дѣти, плохо понимая въ чемъ дѣло. Можетъ-быть, нїтъ въ виду это обстоятельство, составители «Степенной Книги», вѣрные общему характеру своего труда, вѣрные главной своей дѣлк: изобразить *благочестїе русскїхъ началодержателей* по степенямъ ихъ родословіа, нашли весьма приличнымъ приписать такое наставленїе первому всеросійскому митрополиту, точно такъ, какъ находили приличнымъ постоянно впадать въ уста святителей и князей благочестивыя рѣчи, которыя, хотя и не были дѣйствительно говорены, но нѣли весьма важное значенїе для сочиненїа, налагавшаго и теорїю, и исторїю благочестїа.

Древнїй лѣтописецъ, достовѣрнѣйшїй свидѣтель въ этомъ случаѣ, о наставленїи митрополита Михаила не говоритъ ни слова, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ можетъ современнїй намъ изыскатель утверждать свое положенїе на сказанїи, сочиненномъ спустя болѣе пятисотъ лѣтъ послѣ дѣйствительнаго событїа, и какъ могло имѣть это наставленїе обязательную силу для учителей въ то время, когда оно не

было еще и написано, и, наконецъ, какъ можетъ оно, въ такомъ случаѣ, составлять *замѣчательную черту древней русской педагогикѣ* или даже и *дидактикѣ*?

Это наставленіе, даже и со времени своего выхода въ свѣтъ, то-есть съ половины XVI-го вѣка, не имѣло и не могло имѣть ни малѣйшей обязательной силы въ учебномъ кругу: оно нисколько къ нему не относилось и оставалось только съ значеніемъ литературнаго памятника, и для своего и для послѣдующаго времени. Вліянія этого наставленія мы не видимъ даже и въ «Стоглавѣ», который принадлежитъ тому же времени. Вотъ глава *о училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ*: «И мы о томъ по царскому совѣту соборнѣ уложили: — въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ... избрати добрыхъ, духовныхъ священниковъ и діаконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ ниѣхъ ползовати, и грамотѣ, и чести и внести горазды; и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, -чтобъ священники и дьяконы и все православные христіане въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей наученію грамотѣ и на ученіе книжнаго писма и церковнаго пѣнія, псалтырнаго, и чтенія валаишнаго; и тѣ бы священники и дьяконы и дьяки, избранные, учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ; наипаче же сего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія... чтобъ имъ... пришесть въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину... Да учениковъ же бы есте своихъ во святыхъ церквахъ Божіихъ наказывали и поучали страху Божію и великому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и пѣнію и конарханію по церковному чину; а учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи бы сказывали по дан-

тому вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобъ ученики ваши всѣ книги учили, которыя Соборная Святая Церковь приемятъ, чтобъ потомъ и впродъ могли не токмо себѣ, яе и прочихъ пользовати и учить страху Божию о всѣхъ полезныхъ. Такъ же бы учили своихъ учениковъ чести и шти и шсати, сколько сами ушють, ни что же скрывающе, но отъ Бога изды ожидающе; а и здѣ отъ ихъ родителей дары, почести приемяюще, по ихъ достоинству». Нельзя не видѣть, что «Стоглавъ» мало заботится о томъ, какъ учить грамотѣ—радостовидно, любовнымъ обычаемъ, или строго—мало заботится, потому что въ то время вопросъ о наказаніи, какъ и вездѣ при начальномъ водвореніи грамотности, былъ вопросомъ второстепеннымъ. Прежде всего нужно было водворить, распространить грамотность; заботы о смягченіи суровости преподаванія, заботы объ улучшеніи и упрощеніи способовъ обученія и съ этою цѣлью самыхъ учебныхъ книгъ являются уже гораздо послѣ... Мы учимся грамотѣ вотъ ужъ слишкомъ восемьсотъ лѣтъ, но, положа руку на сердце, можемъ ли сказать, что эти вопросы и въ наше время разрѣшены совершенно—въ наше время, которое уже болѣе ста лѣтъ пользуется всѣми выгодами просвѣщенія и общественнаго развитія и которое въ этомъ отношеніи несравнимо съ стариною XVI и XVII столѣтій. Вотъ почему тамъ, гдѣ дѣло шло о дѣлѣ, а не о возможностяхъ, гдѣ являлось практическое выполнение всякаго рода наставленій въ отношеніи начального обученія, тамъ, именно въ старинныхъ букваряхъ, предлагаются совѣты не о радостовидномъ страхѣ и т. п., а вообще о необходимости и пользѣ наказанія въ младыхъ лѣтахъ, особенно при обученіи грамотѣ. Это было общимъ положеніемъ тогдашней дѣйствительности; частности, которымъ представлялась возможность миновать это общее положеніе, не имѣютъ силы въ разрѣшеніи настоящаго вопроса.

При этомъ должно замѣтить, что никакой фактъ минувшей жизни, какъ бы ни былъ онъ мелокъ и незначителенъ, нельзя разсматривать и объяснять отдѣльно отъ всей среды, гдѣ онъ имѣлъ дѣятельную силу. Всѣмъ извѣстно, что XVI и XVII столѣтія и не у насъ однихъ отличались, сравнительно съ настоящимъ временемъ, особенною суровостью, не говоря уже о предшествовавшихъ вѣкахъ. Если необходимы были *правезжи*, необходимы были *ботомы*, какъ исправительное и понудительное средство для уклонявшихся отъ существовавшихъ въ то время юридическихъ и нравственныхъ опредѣленій, то едва-ли можно хорошо понять, что именно въ воспитаніи и начальномъ обученіи, словомъ, въ древней педагогіи, не существовало подобныхъ же средствъ, а существовало, наоборотъ, самое высокое, гуманное направленіе, достижимое только несравненно болѣе развитому обществу. Нѣтъ, дѣйствительность всегда вѣрна себѣ! Въ параллель къ наставленію «Степенной Книги», мы, съ своей стороны, укажемъ XVII главу «Домостроя»: *како дѣти учить и страхомъ спасати*. «Домострой» не то, что «Степенная Книга», хотя онъ явился почти въ одно съ нею время. Его совѣты, наставленія, опредѣленія, кромѣ неизбежныхъ общихъ мѣстъ, представляютъ множество практически-оправданныхъ истинъ и живутъ до настоящихъ дней въ русскомъ народѣ, хранятся какъ отеческія преданія. Слѣдовательно, онъ не *могъ* только *имѣть*, а дѣйствительно имѣлъ обязательную силу для тогдашняго быта, потому-что самъ явился какъ результатъ этого быта, послѣдній выводъ его разнообразныхъ условій. Вотъ что говоритъ «Домострой», касаясь воспитанія и практически оправдывая свои положенія по этому предмету: «Казни сына своего отъ юности его, и покоишь ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. И не ослабѣй бѣя младенца: аще бо жезломъ (лозою) бѣиши его, не умреть, но

здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избав-
 лаши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нѣхъ грозу
 свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамини лицѣ
 своего; да въ послушаніи ходитъ; да не свою волю пріимиши
 и въ неразуміи прокудишь дѣвство свое, и сотворишь ты знае-
 нымъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ ты предъ множествомъ
 народа; аще бо отдамъ дщерь свою безъ порока, то яко велико
 дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися: при концы не
 постыжеша на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны,
 да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ
 юзда, и порадуешися о немъ въ мужествѣ; и посреди злыхъ
 похвалишися, и зависть примутъ враги твоя. Воспитаи дѣ-
 тище съ прещеніемъ, и обрѣцеша о немъ покой и благосло-
 веніе. Не смѣйся къ нему, игры твоя: въ малѣ бо ся осла-
 били, въ велици поболели, скорбя; и послѣ же яко оскоми-
 ны сотвориши души твоей. И не дажь ему власти во юности,
 но сокруши ему ребра, донележа растеть, а, ожесточавъ, не
 повинеть ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь души, и
 тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и
 посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла».

Можно было бы много привести подобныхъ параллелей,
 наставленія которыхъ имѣли дѣятельную силу въ нашемъ
 древнемъ обществѣ, ясно выражали его требованія, его пони-
 маніе—словомъ, выражали дѣйствительность.

Такимъ образомъ, по крайнему нашему убѣжденію, *попол-
 леміе* г. Куприннова изъ «Степенной Книги» мы рѣшительно
 не можемъ принять въ соображеніе при обсужденіи столь
 важнаго предмета, каковъ характеръ прежняго народнаго обра-
 зованія, и по тому же крайнему убѣжденію полагаемъ, что
 поступили совершенно правильно, «не взявъ его во вниманіе
 и отгннувъ его, какъ исключеніе и частный случай». Кстати
 здѣсь мы обозначимъ свою точку зрѣнія на предметъ, кото-

рый стараемся по мѣрѣ силъ разъяснять. Для насъ въ изъясненіяхъ старины важно и дорого не то, что могло быть, а то, что дѣйствительно было и жило. Наша забота—вынести на свѣтъ минувшую дѣйствительность во всѣхъ ея частныхъ, такъ-называемыхъ, мелкихъ явленіяхъ жизни, избѣгая по возможности авторскаго суда надъ этими явленіями, который, по нашему мнѣнію всегда болѣе или менѣе грѣшитъ односторонностію. Наше дѣло собрать эти мелкіе факты виновной дѣйствительности, предоставляя судъ надъ ними и краснорѣчивое ихъ разъясненіе—имъ же самимъ. Оттого во многихъ случаяхъ мы предпочитаемъ говорить словами древнихъ актовъ и записокъ, полагая, что приводимыя нами данныя станутъ несравненно яснѣе и живѣе отъ присутствія той рѣчи, которая служила нѣкогда ихъ живымъ выраженіемъ. Оттого мы мало дорожимъ тѣми сказаніями и свидѣтельствами, въ которыхъ находимъ на первомъ мѣстѣ *сочинительскій* трудъ, вмѣсто простаго, безхитростнаго или, какъ говорятъ, наивнаго изображенія того, что и какъ было. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи памятники юридическіе, частную домашнюю переписку, записки, писанныя безъ намѣренія посочинительствовать, мы несравненно ставимъ выше, чѣмъ сочиненія, наполненныя не рѣдко чужими риторическими украшеніями, безцвѣтными и ничего болѣе не выражающими, какъ только сочинительское намѣреніе рассказать простое событіе съ особенною плодовитостію и какъ можно высокопарнѣе. Еслибъ цѣль наша заключалась въ томъ, чтобы представить не дѣйствительность русской старины, а свое воззрѣніе на нее, тогда наши статьи могли бы растянуться неизмѣрно широко, ибо наставленій и разсужденій, общихъ мѣстъ, въ родѣ «Степенной Книги», въ нашихъ памятникахъ встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ фактовъ жителя-бытья, живой дѣйствительности.

«Другой выводъ, что главнѣйшею и почти единственною цѣлю книжнаго образованія встарину была потребность государства въ церковно-служителяхъ, и что кругъ древняго воспитанія тѣсно ограничивался изученіемъ только самоучитѣйшихъ церковныхъ книгъ, почти исключительно обученіемъ механизму чтенія, этотъ выводъ (говорить г. Курціановъ) намъ *кажется слишкомъ рѣзкимъ и одностороннимъ*. Первую часть нашего вывода авторъ опровергаетъ слѣдующимъ образомъ: «Правда, въ характерѣ древняго русскаго воспитанія первенствовалъ элементъ духовный; но онъ не былъ исключительнымъ: государство столько же нуждалось въ грамотныхъ людяхъ для цѣлей гражданскаго управленія; судебная часть всегда ввѣрялась лицамъ свѣтскимъ и съ достаточнымъ образованіемъ; при каждомъ князѣ, безъ-сомнѣнія, находилась всегда особая канцелярія изъ людей не только грамотныхъ, но и знакомыхъ съ необходимыми науками въ общезжитіи, словомъ, изъ людей, по времени, образованныхъ. Уцѣлѣвшіе отъ весьма давняго времени памятники нашей письменности, особенно же юридическаго и историческаго содержанія, писались, безъ-сомнѣнія, не исключительно же лицами духовнаго званія. Наконецъ и сами князья получали книжное образованіе (кто жь въ этомъ сомнѣвался?); для доказательства укажемъ хотя на Ярослава I, Владиміра Мономаха и отца его Всеволода, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Владиміръ Мономахъ: «Яке же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣаше пять языкъ, въ томъ бо честь есть отъ нѣхъ земль». Вотъ еще любопытное извѣстіе Первой Новгородской Лѣтописи, доказывающее, что князья снмолу обучались: «Той же зимы (1341 г.) пріѣхалъ Михаилъ княжичъ Александровичъ съ Тферн въ Новгородъ къ владыцѣ, сынъ крестыный, грамотъ учиться». — Мы удивились этой особенной заботливости, особенному старанію доказывать, что

не одни духовные, но и свѣтскіе обучались грамотѣ, получали и имѣли книжное образованіе—удивились потому, что никогда не думали противнаго и рѣшительно не понимаемъ, какъ возможно было изъ нашей статьи вывести подобное заключеніе. Мы сказали, что грамотность въ древней Руси первоначально вызвана была единственно только потребностью въ наставникахъ вѣры, въ церковнослужителяхъ; что она являлась какъ необходимѣйшее и важнѣйшее условіе для зараждавшагося духовнаго чина, первыя и ближайшія требованія котораго опредѣляли и самый составъ ея; что составъ этотъ съ теченіемъ времени нисколько не измѣнился, не принималъ въ себя никакихъ новыхъ, а тѣмъ болѣе постороннихъ предметовъ; что грамотность въ этомъ первобытномъ составѣ отъ духовенства стала постепенно переходить въ народъ, въ кругъ образованія гражданскаго; что и здѣсь она осталась неприкосновенною и свято сохранялась въ теченіе семи столѣтій и сохраняется даже теперь у большей части простаго народа, какъ самый обыкновенный, домашній курсъ обученія; что до Петра Великаго она была распространена по всѣмъ сословіямъ, была общенародною и вездѣ единообразною: дѣти первостепеннаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ самымъ книгамъ, какъ и дѣти простолюдина... Составъ древней нашей грамотности или полный курсъ начальнаго обученія о которомъ мы по преимуществу и вели рѣчь, заключалъ въ себѣ чтеніе, письмо и пѣніе; какъ видно и изъ приведенной выписки изъ «Стоглава».

О дальнѣйшемъ образованіи въ *византийскомъ быту* мы замѣтили, что оно не составляло еще существенной, неизбѣжной потребности и принадлежало, такъ-сказать, къ роскоши; поэтому не имѣло еще ничего опредѣленнаго и всегда условливалось болѣею или мѣншею любезнательностью лица, которое, не удовлетворяясь первоначальнымъ курсомъ книжна-

го ученія, самъ уже избирала тотъ или другой путь самообразованія, тѣ или другія книги для удовлетворенія своей любознательности.

Послѣ всего сказаннаго въ нашей статьѣ, неужели требовалось доказывать существованіе грамотности и въ свѣтскомъ быту? Намъ кажется, авторъ «Замѣтки» слишкомъ увлекся своими пополненіями, то-есть тѣми лѣтописными указаніями, которыхъ мы не привели въ своемъ трудѣ и которые свидѣтельствуютъ, что князья получали книжное образованіе, учились грамотѣ. Но къ чему послужили бы эти указанія для насъ? Мы не имѣли въ виду собрать всѣ отдѣльныя извѣстія объ обученіи князей. Задача наша состояла въ томъ, чтобъ уяснить начальное происхожденіе и составъ древней грамотности, а не въ томъ, чтобъ доказать ея существованіе: въ этомъ, надѣемся, никто до сихъ поръ не сомнѣвался.

Также точно г. Купріяновъ доказываетъ, что кругъ книжнаго обученія встарину не ограничивался однимъ только чтеніемъ и письмомъ, а вмѣщалъ въ себѣ и нѣкоторыя научныя познанія, напримѣръ, грамматику и ариметику. «Грамматика (говоритъ онъ) существовала у насъ съ давнихъ поръ и упоминаетъ грамматическіе труды Іоанна, епископа болгарскаго, Максима-грека, Зизанія и Смотрицкаго». Для большаго же удостовѣренія, что грамматика *дѣйствительно* будто-бы *входила въ кругъ школьнаго образованія*, г. Купріяновъ приводитъ выписку изъ предисловія къ грамматикѣ Федора Максимова, составленной по повелѣнію Петра Великаго для новгородской Грекославянской Школы и изданной въ Санктпетербургѣ въ 1723 году.

Сдѣлавъ намъ упрекъ за неумѣстную выписку изъ «Занесокъ» Данилова, почтенный изыскатель приводитъ самъ свидѣтельство, которое не только вполне уже неумѣстно, но, сверхъ того, рѣшительно противорѣчитъ главной его мысли.

Грамматика Максимова относится ко времени, когда действительно были заведены школы съ цѣлью преподаванія грамматики; она и составлена для одной изъ такихъ школъ. Но въ чемъ же должна удостовѣрять приводимая выписка изъ этой грамматики? Что грамматика входила въ школьное образованіе при Петрѣ? — объ этомъ никто не спорить, да и фактъ на-лицо: грамматика Максимова. Что грамматика входила въ школьное образованіе до Петра?—объ этомъ вотъ свидѣтельство Максимова, приведенное въ выпискѣ самимъ г. Куріиновымъ: «Вина же наипаче собранія (сочиненія этой грамматики) есть сія: ибо егда благоволи Богъ... повелѣніемъ Петра Великаго, отца отечества... чрезъ тщаніе и усердіе любознательнаго рачителя преосвященнаго Іова митрополита, въ Великомъ Новѣградѣ начатися грекославянскому ученію отъ словеснѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ; и понеже тогда, яко нова бѣ школа, къ требованію своему типоизданныхъ славенска діалекта грамматикъ *развъ единыя не имяше*; но сія аще и обрѣташеса, обаче пространнымъ расположеніемъ сочиненная, дѣтямъ же во ученіи возниися быти продолжительна, а разуму и памяти ихъ множества ради отяготительна; наста нужда собрати отъ различныхъ вкратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней обдержатся славянская реченія, російски вмаѣ разумѣваема». Чтожь касается до выраженія въ томъ же предисловіи Максимова: «Сего убо ради сія (то-есть, грамматика вообще) во всѣхъ школахъ, яко прочихъ наукъ основаніе, первѣе преподается», то оно служитъ только заключеніемъ авторскаго разсужденія объ общемъ значеніи грамматики и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято какъ свидѣтельство историческое.

О грамматикѣ въ своей статьѣ мы замѣтили, что она первоначально принята была какъ «необходимое *орудіе* къ раз-

сужденію високаго, во святыхъ книгахъ лежащаго, разумѣнія». Притомъ она не входила въ составъ общаго (то-есть, школьнаго) образованія, а была спеціальнымъ ученіемъ, необходимымъ только для духовныхъ лицъ, посвящавшихъ себя ученымъ занятіямъ, напримѣръ, исправленію книгъ, переводамъ. Если подъ словами «школьное образованіе» должно, какъ слѣдуетъ, разумѣть общее образованіе, то изученіе грамматики относилось къ до-петровскому школьному образованію почти такъ же, какъ къ теперешнему школьному образованію относится изученіе санскритскаго языка. Кто же скажетъ въ настоящее время, что санскритскій языкъ входитъ въ школьное образованіе? Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ новую параллель къ выпискѣ г. Купріянова. Вотъ предисловіе Ѳеодора Поликарпова къ изданію грамматики Мелетія Смотрицкаго, вышедшему въ 1724 году, двумя годами раньше грамматики Ѳеодора Максимова:

«Предисловіе любомудрому читателю.

«Достохвалнаго и въ челоѳчествѣмъ жителствѣ зѣло благопотребнаго, сего грамматическаго художества (отъ свободныхъ наукъ единаго) о пользѣ, силѣ же и дѣйствѣ, на разныхъ языкѣхъ, отъ различныхъ премудрыхъ божественнаго писанія учителей и витѣшнихъ мудрецовъ, премногимъ похвалъ вѣнцамъ соплетеннымъ бывшимъ, возниѣхъ излишно быти, еже здѣ гугнивымъ моимъ языкомъ и тупою тростію, о тѣхъ же повторятъ, любезный читателю.

«Сего ради, остава премудрымъ о томъ витѣйствовати, нынѣ, вины (или причины), отъ многихъ нѣкія, сего новопечатнаго грамматическаго изданія вкратцѣ, простымъ словомъ, изъясляю вашему любомудрію.

«Первая: Понеже, непостижимымъ промысломъ Создателя нашего Бога (въ Его же рудѣ цареву сердце), явился любо-

мудрѣйшему всероссійскому нашему монарху Петру, того имене и дѣлъ высокихъ Первому, чрезъ неусыпное его царское величества тщаніе, превлазное и православное свое государство, яко же иными военными высокими науками и всякими нужными механическими хитростми, украсити и обогатити, тако и седши свободныхъ наукъ еллинно-греческа и латинска діалектовъ училищами наполнити, въ нихъ же не точію грамматика, риторика, философія, но и самая ееологія цвѣтетъ изобилно; а *славянская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподававшаяся, за оскудѣніемъ сихъ книгъ*, и отъ сего нужда зависить учащимся не малая: ибо аще оная грамматика и издавна бѣше не единожды печатію, но всеядца времени продолженіемъ едва гдѣ обрѣтается, *аки искра въ пепелъ сокрываема*¹⁾.

«Вторая: Яко любоудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози, вынѣ, различная государства пчелоподобно облетающе, да отуду соберутъ себѣ благовонныя различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли, себѣ и прочимъ оныхъ желателемъ, сладкій, на славенскомъ діалектѣ, сотъ, переводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ представить, но основательнаго къ переводу орудія (грамматики) лишаящася, и сами множицею того не получаютъ, и иныхъ не удостояютъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти.

«Симъ убо недостаткомъ обязаны суще мнози преводницы, покусившіися съ еллинно-греческаго и иныхъ діалектовъ преводити, въ неудобопостижныхъ богословскихъ и догматическихъ писаніяхъ, видѣ же и въ історіальныхъ не мало погрѣшина и погрѣшаютъ, яко же есть видѣти многи приклады въ поправленныхъ книгахъ премудраго Максима-грека, званіемъ и знаніемъ філософа изящнаго, и во иныхъ новаго превода книгахъ и писаніяхъ.

¹⁾ Сравни. приведенное выше свидѣтельство Максима.

«Третія: Яко издревле російскимъ дѣтководцемъ и учителемъ обычай бѣ, *и есть*, учить дѣти малыя въ началѣ Азбуцѣ, потомъ Часословцу и Псалтири, таже писати; по сихъ же нѣдѣи преподають и чтеніе Апостола; возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и Священныя Библіи, и Бесѣдъ Евангельскихъ и Апостольскихъ, и къ разсужденію высокаго во оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія; а истаго на таковое разсужденіе орудія (еже есть грамматика) онымъ напредъ не показываютъ, почему бы всякое реченіе, періодъ и все слово разбирати, и въ подобающій чинъ располагати, и крѣмую въ немъ силу разума разсуждати.

«И тако, читающе по своему разсужденію мнози о Вѣрѣ погрѣшаша и до нынѣ погрѣшаютъ, впадающе въ свое суетное мнѣніе и незнающе осмочастнаго чинорасположенія: аще и разумѣють, яко и послѣднему малоцѣнному рукодѣлію безъ приличнаго ему орудія немощно своего совершенства получить, колики же паче высоту и глубину книжныя премудрости (ея же ничто потребитѣ и честитѣ въ житіи чловѣку) безъ приличнаго орудія, невозможно разумѣти»...

Таково было положеніе грамматическаго преподаванія въ російскихъ школахъ даже при Петрѣ, до 1724 года. Оно вызвало новое, исправленное изданіе старой грамматики Смотрицкаго, оно же вызвало и новую грамматику Максимова. Что же касается до старинны до-петровской, то, несмотря на грамматическіе труды Іоанна, экзарха болгарскаго, Максима-грека, Зизанія, Смотрицкаго, о ней весьма основательно и справедливо говорятъ, что «благочестивая старина боялась западной новизны». Поэтому образованіе въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось у насъ немногимъ болѣе изученія букваря ¹⁾.

¹⁾ „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи“, г. Смирнова. М. 1855. Стр. 3.

Подтвержденіємъ этому, кромѣ множества другихъ свидѣтельствъ, служитъ образованіе типографскихъ справщиковъ, корректоровъ, которымъ, какъ людямъ болѣе другихъ по времени образованнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи грамматики, поручалось изданіе церковныхъ книгъ и которые при всемъ томъ грамматики не знали. Вотъ что пишетъ о нихъ монахъ, грекъ Арсеній, исправлявшій при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, вмѣстѣ съ троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, Требникъ: «иные изъ нихъ едва и азбуки умѣютъ; а то вѣдаю, что незнаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласныя и согласныя, и диегласныя; а еже осмь частей слова разумѣти, и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа, и времена, и лица, званія же и залогы, то имъ ниже на разумъ всаживало ¹⁾». Это было въ началѣ XVII-го столѣтія. Все остальное время до Петра протекло въ постоянныхъ заботахъ правительства о водвореніи ученія *свободныхъ мудростей*, изъ числа которыхъ на первомъ мѣстѣ была грамматика. Заботы эти подъ-конецъ увѣнчались учрежденіемъ Славяно-греко-латинской Академіи. Выше мы видѣли, что говорить о состояніи грамматическаго ученія, даже и въ это время, ученикъ и наставникъ академіи, Ѳеодоръ Полякарповъ.

«Сверхъ-того (продолжаетъ г. Купріяновъ), доказательствомъ грамматическаго знанія въ старину могутъ служить и древнія рукописи, большая часть коихъ писана вѣрно, отчетливо и даже изящно; принятая въ нихъ орфографія соблюдалась строго, отъ начала до конца... чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ она писана лучше и правильнѣе; искаженіе текста рукописей грубыми описками и дурное правописаніе началось у насъ не позже половины XVI-го вѣка, съ введеніемъ полууставнаго почерка, скорѣеюш, и съ измѣненіемъ древняго пис-

¹⁾ Такъ же.

чаго матеріала — пергамена на бумагу. Это замѣчаніе, какъ ни кажется съ перваго взгляда страннымъ и несоответственнымъ, однакожъ въ сущности справедливо, какъ засвидѣтельствуешь, надѣмся, каждый русскій археографъ, знакомый съ нашею древнею письменностью».

Мы надѣмся, напротивъ, что не только каждый русскій археографъ, но, что еще важнѣе, и каждый русскій филологъ, знакомый съ нашею древнею письменностью, засвидѣтельствуешь, что это мнѣніе *вс-сущности* не совсѣмъ справедливо. Разбирая строго, въ сущности, нѣтъ ни одного памятника изъ древней нашей письменности, который былъ бы писанъ грамматически-правильно, съ строгимъ соблюденіемъ отъ начала до конца принятой орфографіи, вѣрно, отчетливо. Что многіе изъ нихъ писаны даже изящно — въ этомъ не будутъ сомнѣваться. А вотъ именно въ отношеніи *принятой орфографіи* знатоки дѣла замѣтятъ, что не только въ различныхъ реченіяхъ, но нерѣдко въ одномъ и томъ же словѣ принятая орфографія вовсе не соблюдалась. Неправильное правописаніе, искаженіе текста описками или, вѣрнѣе, внесеніемъ въ него руссизмовъ, областныхъ реченій и формъ, стало входить въ древнія рукописи съ того времени, какъ началась борьба устнаго употребленія языка съ письменнымъ преданіемъ, съ правописаніемъ *книжнымъ*, какимъ въ древней Руси было правописаніе древне-болгарское или древнее церковно-славянское. А борьба эта началась на первой же копіи, писанной съ болгарскаго подлинника русскимъ писцомъ. Здѣсь все дѣло заключалось въ бѣльшей или мѣньшей добросовѣстности переписчика, въ бѣльшемъ или мѣньшемъ работѣнномъ *переводѣ* подлинника. Встрѣчаются иногда рукописи, писанныя съ древнихъ подлинниковъ, даже въ XV, XVI столѣтіяхъ, но такъ грамматически-правильно, вѣрно съ оригиналомъ, что превосходятъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые тексты XI, XII столѣтій,

писанные на пергаментѣ. Если писецъ не принадлежалъ къ умникамъ, онъ списывалъ буква въ букву, черта въ черту; а если онъ *мудровалъ*, то его мудрованія сильно отражались и въ его копіи. Писцы того и другаго разряда, безъ-сомнѣнія, могли жить и списывать копіи съ древнѣйшихъ текстовъ и въ XI и въ XVI столѣтіяхъ... Но само собою разумѣется, чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ больше водворялось своеволіе писцовъ, то-есть тѣмъ болѣе водворялось въ древнемъ текстѣ реченій и формъ съ устнаго употребленія языка, которыя писцы нерѣдко вносили въ заміны реченій и формъ древнихъ церковно-славянскихъ, для нихъ мало понятныхъ, а иногда совершенно неясныхъ; и въ этомъ случаѣ прежде всего и больше всего страдала орфографія.

Согласимся, однакожь, съ г. Куцріяновымъ, что чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ она писана грамматически-правильнѣе, хотя и не всегда съ строгимъ соблюденіемъ принятой орфографіи. Но дѣло въ томъ, какое заключеніе мы выведемъ въ отношеніи грамматическихъ познаній, распространенныхъ будто бы въ древней Руси, изъ этого замѣчанія, которое и самъ авторъ признаетъ страннымъ, несоответственнымъ? Неужели допустимъ, что знаніе грамматики въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ, при св. Владимірѣ или Ярославѣ, было обширнѣе, правильнѣе, тверже, чѣмъ въ послѣдующія времена? Мы думаемъ, что и на первый, какъ говоритъ авторъ, и даже на другой взглядъ это покажется очень страннымъ; а вѣстѣ съ тѣмъ, это именно и указываетъ на рѣшительное отсутствіе твердыхъ грамматическихъ познаній; ибо съ утратою письменнаго преданія, которое замѣняло для нашихъ писцовъ упомянутыя познанія, вторженіе устной рѣчи не встрѣтило никакихъ принятыхъ правилъ ни въ грамматикѣ вообще, ни въ орфографіи въ особенности, и шло съ полною свободою, постоянно вытѣсняя древнѣйшія и потому правильнѣйшія реченія и формы.

«Чтожь касается до необходимости имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія въ начальной математикѣ (или ариѳметикѣ), это ужь само собой ясно (говорить г. Купріяновъ); познанія въ этой наукѣ нужны не только для государственнаго человѣка, но и для каждаго въ домашней жизни. Значительное развитіе вѣншей и внутренней торговли, особенно въ княжествахъ Новгородскомъ и Псковскомъ, можетъ служить отчасти доказательствомъ, что счетная и торговая часть были и у насъ въ старину не вовсе безъизвѣстны». — Кто же можетъ удовлетвориться подобными соображеніями, и неужели можно приступать къ разрѣшенію или уясненію предметовъ *высокой важности* съ разсужденіями, основанными единственно только на пресловутомъ *если*? Если была торговля, то, слѣдовательно, были и математическія свѣдѣнія; если было государство, то слѣдовательно были и образованные чиновники... *Само собой ясное*, при посредствѣ слова «если» бываетъ совершенно неяснымъ, когда хорошенько всмотрѣшься въ дѣйствительность. Чтò должно разумѣть подъ этии *нѣкоторыми свѣдѣніями въ начальной математикѣ, или даже и въ начальной ариѳметикѣ*, какъ послѣ исправить это выраженіе авторъ? Научныя ли это свѣдѣнія, о которыхъ собственно мы и рѣчь ведемъ, или опытные, то есть приобрѣтены ли они предварительнымъ ученіемъ или приобрѣтены на мѣстѣ дѣла, простою наглядкою, навыкомъ, постояннымъ опытомъ? Каменьщикъ, плотникъ, не умѣющій ни читать, ни писать, не имѣющій понятія о цифиря, объ учебныхъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, *имѣетъ* эти свѣдѣнія, когда опредѣляетъ вѣрно количество матеріала на постройку, помимо научной архитекторской сметы? Крестьяне, неумѣющіе иногда даже правильно выговорить слово ариѳметика, *имѣютъ* эти свѣдѣнія, когда дѣлятъ между собою лугъ, поле на равныя части, безъ помощи астролябіи и геометрическихъ выкладокъ, а тѣмъ не

меня довольно вѣрно, на удивленіе ученому специалисту-землѣтру? Все это и многое другое въ томъ же родѣ бываетъ, да и нерѣдко. Такіе факты всегда приводятся, какъ доказательства крѣпости и здравости русскаго простаго ума и смысла. А торговое дѣло и теперь въ простомъ быту ведется большею-частью безъ всякихъ свѣдѣній въ начальной математикѣ, по одному навыку, повривычной, съ малолѣтства пріобрѣтенной сметкѣ, которая съ незапамятныхъ временъ зашѣняетъ для простаго русскаго человѣка и вообще образованіе и въ особенности образованіе специальное.

Надѣмся, что г. Купріяновъ не полагалъ обозначать приведенныхъ примѣровъ выраженіемъ *свѣдѣнія въ начальной математикѣ*, потому что рѣчь шла о начальномъ обученіи, о школьномъ образованіи. Вполнѣ понимая высокую важность предмета, каковъ характеръ прежняго образованія, мы не осмѣливались вносить въ наши статьи голословныхъ разсужденій и, не встрѣтивъ въ доступныхъ намъ источникахъ никакихъ свѣдѣній о томъ, входила ли ариметика въ кругъ школьнаго образованія, мы зашѣтили, что «совершенно неизвестно, входила ли въ составъ первоначальнаго образованія грамматика, счетная или цифирная мудрость, называвшаяся также ариемословіемъ». Что она была *извѣстна* нашимъ предкамъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: они дали имя ей *счетная мудрость*, и поздѣе — *цифирь*; но что предки наши обучались ариметикѣ въ школахъ наравнѣ съ Часословомъ и Псалтырью, что она входила въ начальное школьное образованіе—въ этомъ мы крѣпко сомнѣваемся. Вотъ что говорить по этому поводу ближайшій свидѣтель до-петровской старины, знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, въ «Словѣ на похвалу Петра Великаго», произнесенномъ 29-го іюня 1725 года: «Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Естьли на самое малѣйшее

нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, одѣяніе, и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и ширванія, и прочіе благопріятныя обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ намъ научилъ? и чимъ мы прежде хвалились, того нынѣ стыдимся. Что же рещи о Ариметикѣ, Геометріи, и прочихъ математическихъ искусствахъ, которыми нынѣ дѣти Россійстии съ охотою учатся, съ радостью навываютъ, и полученная показываютъ съ похвалою: таи прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ цирклникъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а есть ли бы гдѣ нѣкое явилося ариметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано». Припомнимъ кстатѣ нѣмецкіе календари, которые казались такъ мудрены при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, такъ напугали боязливые тогдашніе умы и были даже сожжены ¹⁾. Припомнимъ исторію о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, гдѣ такую важную ролю играетъ книга черная—лечебникъ, *что писаны многиа статьи цифирью*... Но еще ярче выразились понятія нашихъ предковъ о математическихъ свѣдѣніяхъ въ московскомъ преданіи о Сухаревой Башнѣ, въ которой при Петрѣ были устроены первыя въ Россіи математическія, *цифирныя* школы. Сухарева Башня отъ пребыванія въ ней математиковъ, учителей и учениковъ, получила въ то время нарицательное имя; Сухарева Башня значило то же, что математическій факультетъ, академія. Кантемиръ въ седьмой своей сатирѣ, проводя параллель между добрымъ, хотя и простымъ человѣкомъ, и человѣкомъ, имѣющимъ разумъ острый, но злое сердце говоритъ:

---

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. г. Устреловскимъ, V, 67.

Хотѣли бы вы духи пунши были наборъ полюбивши,
 Съ частомъ советомъ ужъ избралъ бы крестный,
 И составилъ бы я съ ланшъ серпантъ разукъ острый.
 Выбралъ бы я все добро тому, кто съ чужого
 Станется шурить добра, хоть онъ нашего
 (чтоу знаетъ, и рубить число должно въ палу¹⁾);
 А грощъ не далъ бы беречь другому, что въ спалу
 Одну свернуть глотать мотъ, в лѣсъ, и ваши,
 Хоть числать онъ лучше всей Сухаревой Башни.

На Сухаревой Башнѣ дѣлались астрономическія наблюденія, физическіе опыты и т. п.; отсюда распространялись въ народѣ астрономическія предсказанія—все это вѣстѣ съ преподаваніемъ математики, съ мудренными выкладками, геометрическими линіями, непонятными цифрами и буквами; все это, *чуждое* для толпы простыхъ людей, образовало постепенно понятіе о Сухаревой Башнѣ, какъ о мѣстѣ колдовства, чернокнижія. Рассказываютъ, что тамъ и до сихъ поръ оберегаются злыми духами *черныя* книги, закладенныя въ стѣну²⁾. Особенно видное мѣсто въ этомъ преданіи принадлежитъ графу Якову Владимовичу Брюсу, знаменитому въ то время ученому, математику и физику, а потому и знаменитому чернокнижнику. Его именемъ названъ даже одинъ старинный календарь съ предсказаніями и т. п., пользующійся въ народѣ до сихъ поръ необыкновеннымъ авторитетомъ.

Таковы были понятія нашихъ предковъ о математическихъ свѣдѣніяхъ, понятія, порожденныя тою боязливостью ума, которая съ древняго времени считала науки математическія и

¹⁾ Простонародный способъ счисления. Наши крестьяне ведутъ рсходомъ свои посредствомъ палочекъ, на которыхъ зарубаютъ, вмѣсто десятковъ, крестики, а вмѣсто единицъ—престыи черты. Такія палочки называются у нихъ бирками. Сочиненія Кантонира. Сиб. 1836. стр. 106.

²⁾ Можно полагать, что къ числу этихъ черныхъ книгъ народъ относилъ и известную арметнику Магинцаго.

физическія, геометрію, астрологию, астрономию и пр., науки *отреченными*, проклятыми.

Если изложенныя выше замѣчанія можно допустить въ отношеніи положеній г. Куріянова о грамматикѣ и арифметикѣ, то чтожь мы должны сказать о *достаточномъ образованіи свѣтскихъ лицъ*, которымъ ввѣрялась встарину судебная, часть, о *необходимыхъ наукахъ въ общежитіи*, съ которыми были знакомы люди, составлявшіе особая канцеляріи при древнихъ князьяхъ, вообще о людяхъ, во времени *образованныхъ*? Въ чемъ заключалась эта образованность времени? Что это были за науки, необходимыя въ тогдашнемъ общежитіи? Это фразы, которыя ничего не даютъ уму любопытнаго наблюдателя старины. Это соображенія, имѣющія весьма шаткое основаніе, выведенныя изъ предположеній, что если было государство, то оно не могло существовать безъ чиновниковъ, достаточно образованныхъ; если была торговля, да еще притомъ, какъ говорятъ весьма обширная, цвѣтущая, то она не могла существовать безъ достаточныхъ познаній, хоть въ начальной математикѣ; если было общежитіе, то были и необходимыя для него науки. Все это довольно-последовательно и основано на законахъ ума разсуждающаго, соображающаго, но, должно замѣтить, мало знакомаго съ дѣйствительными явленіями исторической жизни народа. Ходомъ обыкновенныхъ логическихъ выводовъ невозможно вѣрно опредѣлить минувшую дѣйствительность. Историческая логика имѣетъ свои законы, которые еще добываются наукою; и пока, за отсутствіемъ этихъ законовъ, мы должны руководствоваться въ историческихъ опредѣленіяхъ однимъ только ближайшимъ, непосредственнымъ знакомствомъ съ фактами, съ дѣломъ. Прежде, нежели скажемъ, что встарину были науки, необходимыя для тогдашняго общежитія, приведемъ лучше два-три положительные факта,

которые могли бы дать хоть малѣйшее понятіе объ этихъ наукахъ.

Старинную, до-петровскую нашу образованность можно весьма-вѣрно опредѣлить тѣмъ же словомъ, которымъ она сама себя опредѣляла: *книжность*;—книжность именно въ томъ частномъ смыслѣ, въ какомъ она означаетъ только *начитанность*. Главный характеръ этой книжности былъ духовный, церковный, потому-что и самое слово *книги* означало въ древнее время единственно только священное писаніе и книги церковныя вообще. Съ теченіемъ времени, особенно къ концу XVII-го столѣтія, въ эту книжность вошли нѣкоторые посторонніе предметы, сочиненія историческія (хронографы), географическія (космографіи), средневѣковыя повѣсти, романы; но они, по существу своему, не въ силахъ были измѣнить общаго направленія книжности, ибо это не были науки, а были отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія, исполненныя средневѣковыхъ басенъ. При всемъ томъ эти пришлые элементы старинной нашей книжности весьма-значительны: они служили посильнымъ удовлетвореніемъ безызывыхъ, но тѣмъ не менѣ сильныхъ требованій пытливаго ума, почувствовавшего, что кругъ знанія несравненно обширнѣе и разнообразнѣе того направленія, которое поставлено было границами для человѣческаго развитія.

Что же касается до судебной части и до княжескихъ канцелярій, гдѣ сидѣли лица, по мнѣнію г. Купріянова, съ достаточнымъ образованіемъ, знакомыя съ необходимыми науками въ общежитіи, то здѣсь даже и старинная книжность не всегда процвѣтала: ее вполнѣ замѣняла практика, *навыкъ*, тотъ навыкъ, который существовалъ и въ торговомъ дѣлѣ, и въ ремесленномъ, и въ земледѣльческомъ, и во всѣхъ другихъ *художествахъ*. Это образованность *приказная*, навыкъ вести дѣло, составлять бумаги по существовавшимъ об-

разцамъ, подыскивать указы, статьи судебниковъ или уложений. Это образованность дѣловыхъ бумагъ, гдѣ всѣ науки, необходимыя въ обществѣ, заключались въ массѣ практическихъ знаній о состояніи, средствахъ, силахъ страны, тѣхъ знаній, которыхъ нельзя было не знать, завѣдывая тою или другою частью управленія, тѣмъ или другимъ приказомъ, тою или другою областью, вообще знаній, которыя приобрѣтались постоянною практикою, а не научно, не изъ школы. Весьма естественно, что въ этомъ разрядѣ лицъ чаще, нежели въ другихъ, могли являться люди съ большимъ государственнымъ смысломъ, каковы, напримѣръ, были думные дьяки и нѣкоторые изъ бояръ и другихъ сановниковъ.

Вообще, имѣя въ виду только извѣстныя доселѣ данныя по этому предмету, мы не въ состояніи согласиться съ г. Купріяновымъ, что въ до-петровской старинѣ существовали науки, необходимыя въ обществѣ, дававшія образованіе тому или другому разряду лицъ—не въ состояніи согласиться потому, что боимся произнести слово: «науки» всуе, безъ того понятія, которое придается ему теперь. Мы согласимся, если старинныя науки обозначали то же, что *наука* въ извѣстной пѣснѣ про Василья Буслая, котораго мать отдавала учиться грамотѣ и

Громота ему *ес наука* пошла;
Посадила его перомъ писать,
Письмо Василью *ес наука* пошло;
Отдавала она его вѣтью учить,
Пѣтье Василью въ *наука* пошло...

Это мѣсто, объясняя значеніе *науки* въ нашей старинѣ, любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на составъ тогдашняго общаго школьнаго образованія.

Но, можетъ-быть, и здѣсь приводимыя нами свидѣтельства и наши сужденія, покажутся рѣзкими и односторонними. При настоящемъ положеніи дѣла, не имѣя возможности согласить-

ся въ противномъ, мы должны ожидать, что рѣзкія и одностороннія наши замѣчанія будутъ исправлены не одними только фразами, но и приведеніемъ положительныхъ данныхъ *о качествахъ и количествахъ* свѣдѣній, обращавшихся у нашихъ предковъ и составлявшихъ эти необходимыя въ общежитіи науки. Чтобъ разрѣшить этотъ въ высшей степени интересный вопросъ, или, по-крайней мѣрѣ, приблизиться къ его разрѣшенію, недостаточно упомянуть голословно, что де наши предки (хотя бы и высшихъ разрядовъ) обладали достаточнымъ образованіемъ, что были тогда необходимыя въ общежитіи науки, напримѣръ, свѣдѣнія въ начальной математикѣ и т. п., а необходимо представить *точные, документальныя* указанія о томъ, что именно знали или могли знать наши праотцы, представить массу, сводъ свѣдѣній по тому или другому отдѣлу знанія, массу свѣдѣній, посредствомъ которыхъ приобреталось достаточное образованіе. Нельзя сказать, чтобъ это было легко: здѣсь требуется хорошее знакомство съ древнею нашею письменностью. Все знаніе, всё *наукамъ* до-петровскаго времени или черпались изъ тогдашнихъ книгъ, преимущественно рукописныхъ, или выразились, были записаны въ этихъ книгахъ; слѣдовательно, нуженъ внимательный пересмотръ всего, что относится къ отдѣлу, напримѣръ, математическихъ свѣдѣній, грамматическихъ, географическихъ, историческихъ и т. д. — всѣхъ свѣдѣній, которыми обладала старина. Это нелегко, но необходимо при разрѣшеніи настоящаго вопроса; ибо тогда дѣло выяснится само-собою: тогда мы достоверно будемъ знать все богатство или бѣдность — однимъ словомъ, и количественную и качественную стороны нашей древней образованности; а де тѣхъ поръ по необходимости будутъ являться сужденія или рѣзкія до односторонности, или мягкія до голословности. Въ нашей последней, седьмой, статьѣ о «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей», мы представили опытъ

такой работы относительно первоначального образованія. По новости дѣла, наши выводы дѣйствительно могли показаться рѣзкими и односторонними. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что весьма часто не выводы бываютъ рѣзки, а самые факты, которые влекутъ данный выводъ, несогласующійся хотя и съ добрымъ, но преждевременно составленнымъ воззрѣніемъ на предметъ. Разработка же русской старины еще въ первой порѣ: она молода и неопытна, оттого и рѣзости и односторонности въ ея сужденіяхъ неизбѣжны. Но чтò выгодно для успѣховъ науки — общія мѣста, надъ которыми она засыпаетъ, или рѣзкіе факты и выводы, которые всегда возбуждаютъ ея дѣятельность? Конечно, рѣзкость фактовъ и выводовъ можно смягчать или, вѣрнѣе, разжижать краснорѣчивымъ многословіемъ. Но съ какою цѣлю?... Мы вообще не думаемъ, чтобъ нужно было подрумянивать и преукрашать старину подлѣнными цвѣтами. Такія усилія будутъ рѣшительно безплодны, ибо истина, рано ли, поздно ли, возьметъ верхъ. Старина имѣетъ свои неотъемлемыя и высокія достоинства, хотя и не такія, какія хочется намъ видѣть. Достоинства эти могутъ раскрыться только при добросовѣтномъ, безпристрастномъ ея изученіи, при изученіи, проведенномъ искренно, нелицеприятно, нелицеприятно, со всею строгостью здраваго пониманія, не взирая ни на какія уклоненія старой дѣйствительности отъ нашихъ собственныхъ идеаловъ, составляемыхъ большею частью на-досугъ, вдали отъ копотливыхъ, мелочныхъ, черныхъ работъ, которыя тѣмъ не менѣе служатъ вѣрнымъ путеводителемъ къ познанію правды-истины.

РУССКАЯ ЛИЧНОСТЬ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЪ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

*Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сер-
гѣя Соловьева, томъ тринадцатый. М. 1863.*

Съ тринадцатаго тома г. Соловьевъ начиняетъ новую серію своего труда, именно *исторію Россіи въ эпоху преобразованія*. Книга эта читается съ особеннымъ интересомъ. Интересъ возбуждается уже самымъ предметомъ разсказа, а еще болѣе живостью изложенія, его прѣстотою и ясностью—этими дорогими качествами, которыя все съ большею и съ большею силою выступаютъ въ трудахъ автора. Непосредственное, прямое знакомство съ источниками, а главное, особенное уваженіе къ *старому слову*, къ *старой рѣчи*, которыми всегда характеризуется изложеніе Исторіи Россіи, приносятъ свои добрые плоды — вырабатывается, хотя и постепенно, складъ разсказа, вполне соответственный характеру событій и лицъ, что составляетъ немаловажное преимущество историка, ибо такимъ только складомъ разсказа дается правильное, истинное, а не фальшивое освѣщеніе всей картинѣ, всему повѣствованію. Извѣстно, сколько было внесено въ разработку нашей исторіи фальшивыхъ, ложныхъ по-

нтіи и представленіи только по той причинѣ, что употреблялись не соответственныя дѣлу слова. Кажется, все равно было употреблять, что *Юанки*, что *Иванъ*, Иоаннъ Иоанновичъ, Иванъ Ивановичъ; а между тѣмъ, при употребленіи первой формы, какъ воздымались и топорщились, восходили на токули представленія о лицахъ и самыхъ событіяхъ; какимъ ощущеніемъ отзывалось понятіе о каждой весьма простой и обыкновенной личности. Какія иллюзіи происходили, напримеръ, отъ неумѣстнаго и несоответственнаго употребленія словъ: государь и государство! Можно было бы по поводу этого вопроса написать прелюбопытную книгу. Г. Соловьевъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ въ исторіи простымъ житейскимъ языкомъ, которымъ всегда выражались и самые памятники, сколько нибудь удалявшіеся отъ стариннаго церковнаго риторства. Высокриторское понятіе объ Иоаннѣ Иоанновичѣ онъ перевелъ на простое и вполне осязательное, пластическое понятіе объ Иванѣ Ивановичѣ. Мы помнимъ какъ это оскорбляло старовѣровъ исторіи; въ иныхъ журналахъ являлись даже протесты, отстаивавшіе эту *высоту словесъ*, эту идеализмъ «Степенной Книги», и ея товарищій и наследникъ, противъ реализма живой рѣчи, и стало-быть живыхъ и естественныхъ понятій. Повидимому, это были только мелочи; но такими мелочами выразился поворотъ съ риторскаго пути въ обработкѣ исторіи. Съ того времени риторскіе фонды историческаго повѣствованія стали сильно падать, и въ настоящее время не имѣютъ уже никакой цѣны. Нужно ширею замѣтить, что еще очень немногіе изъ изслѣдователей сознаютъ, что старое слово, старый складъ рѣчи, есть такой же историческій фактъ, какъ и всѣ другіе историческіе факты, и что покидать его въ повѣствованіи, значило бы лишить это повѣствованіе самаго живаго и жизненнаго выразителя старины. Конечно, нельзя легко побѣдить трудности, съ

которыми приходится бороться при писании из истинно живого старинной речи. Здесь требуется широкое знание и тактъ; въ противномъ случаѣ перефразированія и другія складныя явленія объясняются въ рѣчь, если можно выразиться, неосторожно и неуклюжею манерою, который всегда составляетъ только скарлатину объ истинномъ словѣ истинника. Если въ исторіи г. Соловьева и встрѣчаются примѣры не слишкомъ строгого отношенія къ истинѣ словъ истинника, то они являютъ накупились общими складными расказами, который, какъ мы забыли, съ каждымъ годомъ исторіи приобретаетъ все болѣе старинной простоты, выразительности и правды.

Въ этой части своего обширнаго труда, болѣе чѣмъ половину книги авторъ посвятилъ изображенію Россіи передъ эпохою преобразованія. Мы говоримъ «изображенію» потому, что въ действительности этотъ обзоръ внутренняго состоянія русскаго общества въ послѣдніе годы XVII ст. есть рядъ эскизовъ, начертанныхъ съ большою заботою дѣломъ, съ строгою основательностію и, что важнѣе всего, безъ всякаго историческаго иллюзіи, безъ всякой непоходячей сентиментальности, которая столько вредитъ разумному пониманію исторіи.

Рисуя эскизы, авторъ, конечно, не могъ обрабатывать каждую часть общей картины съ тою полнотою, какою, пожалуй, стали бы требовать отъ него спеціалисты и которая была бы, разумеется, весьма уместна въ подробной исторіи. О внутреннемъ состояніи нашего общества передъ реформою можно было бы написать не одинъ томъ. Но необходимо помнить, что авторъ не пускался въ изслѣдованію, а писалъ изображенію, именно только картину того состоянія общества, изъ котораго возникло само преобразованію. Для его дѣла очень достаточно и такой картины. Всегда возможно находить множество вопросовъ и запросовъ автору, почему онъ те и те опу-

стиль, того не принявъ во вниманіе, о томъ вовсе забыть, и т. д. Въ нашихъ критикахъ и рецензіяхъ подобныя вещи случаются весьма часто. Многіе такъ поступаютъ съ желаніемъ выказать богатство собственныхъ познаній, а большая часть изъ совершеннаго невниманія къ тѣмъ задачамъ, какія ставитъ для своего труда самъ авторъ, изъ совершеннаго забвенія той истины, что автора можно судить и осуждать только на основаніи собственныхъ же его посылокъ или какихъ либо претензій. Все это происходитъ отъ того, что въ журналистикѣ мы вообще очень рѣдко изучаемъ книги: мы только бѣгло поленнакруемъ, охотимся въ нихъ за ошибками, какъ въ лѣсу за зайцами; оттого, разумѣется, дѣльная и основательная книга, требующая непремѣнно внимательнаго изученія, большею частію проходитъ въ нашихъ журнальныхъ обзорѣніяхъ или вовсе безъ отзыва, или съ одною только голословною рекламою, въ то время, какъ дюжину книгъ компіляціи всегда тщательно разбираются и рассматриваются, потому что вовсе не требуютъ изученія, а иной разъ даже и чтенія. Такииъ способомъ веда дѣло, журналистика распространяетъ въ обществѣ огромную массу свѣдѣній, никому почти не нужныхъ, ни къ чему не приложимыхъ и исчезающихъ въ обществѣ оборотѣ знанія безслѣдно, какъ исчезаютъ метеоры и большинство самыхъ журналовъ и газетъ.

Какъ бы ни было, не смотря даже на многія неполноты, изображеніе внутренняго до-петровскаго быта Россіи, написанное г. Соловьевымъ, вполне достигаетъ своей цѣли, т. е. очень вѣрно, безпристрастно и вполне основательно характеризуетъ эпоху, «то именно время, какъ выражается авторъ, когда преобразованія сильно стучались въ двери, когда уже наредился преобразователь». Впечатлѣніе, производимое этииъ изображеніемъ таково, что переходъ вами самымъ осязательнымъ образомъ выступаетъ не только совершенная неизбѣж-

ность реформы, в стало-быть непосредственно от проницательности изъ условий того же старого русскаго быта, но и политическая необходимость такой именно реформы, какою она являлась, т. е. реформы Петровской въ нѣмецкомъ стилѣ, а не Алексѣевской или Федоровской въ древне-русскомъ или византийско-русскомъ стилѣ, о которой нѣмы до снѣхъ веры еще мечтають. Вы чувствуете, что реформа была исполнѣ дѣломъ самаго народа, дѣланіемъ лучшихъ и наиболее здоровыхъ его элементовъ, что Петръ въ дѣйствительности является только проводникомъ, исполнителемъ великихъ народныхъ стремленій и совершаетъ переворотъ, хотя и въ нѣмецкомъ стилѣ, но совершенно не-русски, тѣмъ складомъ здраваго, чисто-русскаго ума, какой лежитъ въ основѣ всего русскаго развитія, и характеризуетъ всѣ великія, рѣшительныя событія нашей исторіи. Нѣкоторыя декорации и костюмы, въ которыхъ, какъ для извѣстнаго времени, по необходимости являлась реформа и которые такъ смущаютъ наше національное чувство своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ, но въ состояніи скрыть отъ зрячихъ глазъ чисто-русской, исполнѣ народной сущности переворота, невидимой только для глазъ ослѣпленныхъ нѣмецкими же идеями саморазвитія. Въ этомъ отношеніи книга г. Соловьева даетъ самыя точныя и полезныя свидѣтельства и своимъ здоровымъ, свѣтлымъ взглядомъ на дѣло должна разсѣять множество накопившихся въ нашихъ понятіяхъ разныхъ туманныхъ представленій о нашей исторіи.

Г. Соловьевъ начинаетъ свое повѣтвованіе съ тѣмъ, не мастерски написаннымъ общимъ очеркомъ того плана, по которому сложилось историческое развитіе до-петровской Россіи. Затѣмъ, по принятому имъ порядку въ предумышлѣнныя обзорныя внутренняго быта, онъ описываетъ сначала бытъ московскаго государя, его слугъ — бояръ, и вообще военную силу государства, потомъ приказную силу, городъ и земства

всадское и сельское, съ нѣхъ торговлею и промышлени и съ нѣхъ отношеніями другъ къ другу и къ правительственной власти; состояніе духовенства и церковные вопросы; вмѣстѣ съ тѣмъ излагають характеристику экономической и нравственной несостоятельности общества, и, наконецъ, обзорѣніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ памятниковъ характеризуетъ жизнь и направленіе умовъ тогдашняго общества.

Чтобы выяснитъ себѣ состояніе и характеръ общества въ данную эпоху, необходимо остановить свое вниманіе на характеристическихъ чертахъ отдѣльной личности, жившей и дѣйствовавшей въ эту эпоху. Въ личности всѣ узлы, разгадка и разъясненіе всему, всѣхъ вопросовъ, какіе ставятъ не только разработка прошедшаго народной жизни, но и современное развитіе народа. Раскройте существенныя черты личности въ данное время и тогда будетъ понятно, почему въ это время, а не другое время, возбуждались тѣ или другія событія, почему такъ или иначе разрѣшались жизненные политическіе и общественные вопросы, почему такой, а не иной характеръ принимали и эти событія и разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ. Говоря о личности въ этомъ смыслѣ, мы разумѣемъ общій ея типъ, общія черты *люди* данной эпохи. Эти общія черты собрать не слишкомъ трудно, потому что такъ называемые передовые, дѣйствующие и дѣлающіе люди эпохи, своими дѣяніями, поступками, или же записанными мыслями и представленіями, всегда сами рассказываютъ о томъ, въ чемъ ихъ сила и что особенно ими движетъ и управляетъ. Но говорить о массѣ, ибо это и въ нравственномъ, и въ политическомъ смыслѣ есть дѣйствительная Земля или почва, всепроникающая, какъ народъ самъ себя и разумѣетъ, глубоко вътрѣ сиродѣлая этихъ словожъ весь смыслъ и все широкое значеніе собственнаго призванія.

Передовые люди и всеміе дѣлающіе и дѣйствующие люди —

цвѣтки, вырастающіе на этой почвѣ. Они въ себѣ олицетворяютъ всё свойства и всё соки этой родственной имъ почвы, и въ этомъ отношеніи нисколько не нарушаютъ общаго физическаго закона, что какова почва, таковы и произрастенія. Однимъ словомъ, передовые люди, въ томъ или другомъ отношеніи, прямо или косвенно, служатъ всегда полною характеристиккою общества, а стало-быть всего народа, т. е. своей родной почвы. Это происходитъ даже и тогда, когда они дѣлаются выразителями идей, какъ говорятъ, навъанныхъ съ вѣтру, т. е. идей чуждыхъ народной жизни или собственно чуждыхъ извѣстнымъ ей представленіямъ и формамъ, ибо и это чужбое всегда является съ своеземнымъ характеромъ выраженія.

Не только каждый вѣкъ, но и каждое поколѣніе носитъ свой особенный типъ личности, каждое поколѣніе создаетъ собственный типъ дѣйствующаго лица, въ которомъ, не смотря на многообразіе жизненныхъ отношеній и положеній, всегда встрѣчаются одни и тѣже, общія тому поколѣнію основы дѣйствій, поступковъ и даже помысловъ. Эти-то общія основы и необходимо обнаружить, если желаемъ знать, каково было общество въ извѣстную эпоху.

Итакъ прежде всего остановимся на условіяхъ личной жизни въ эпоху, когда приближалась реформа. Представимъ, что намъ пришлось бы родиться въ половинѣ XVII ст., при добромъ и благочестивомъ царѣ Алексѣѣ. Отъ этой эпохи до нашего времени прошло только 200 лѣтъ, а между тѣмъ условія жизни, и умственной, и нравственной, и общественной, и даже политической, такъ измѣнились, что, пожалуй, не всё повѣрять, и особенно не повѣрять порицатели Петра, если мы скажемъ, что въ эпоху царя Алексѣя Русскіе переживали еще первобытный, древнѣйшій періодъ своего развитія, періодъ народнаго мифа и народнаго эпоса, періодъ безсозна-

толькомаго творчества въ поэзіи и бессознательныхъ дѣяній и подвиговъ въ жизни, вообще періодъ наивнаго дѣтства, исполненнаго живою вѣрой въ мистическія и мистическія представленія древности. Но если на самомъ дѣлѣ было такъ, а въ этомъ насъ увѣряютъ самымъ нагляднымъ образомъ наши почтенные историки древней нашей литературы и письменности, если на самомъ дѣлѣ было такъ, то намъ легко представить, какими вліаніями подвергалось дѣтство и вообще первые лѣта человѣка въ ту эпоху. Мы не станемъ перечислять факторовъ самаго широкаго, хотя во многихъ случаяхъ и поэтическаго, суевѣрія и суевѣстства, какое окружало сначала мать-родильницу, а затѣмъ колыбель ребенка. Это была особая атмосфера, исполненная невыразимаго страха предъ наважденіемъ нечистой силы, передъ порчею, колдовствомъ и всѣхъ свѣтскихъ вѣдѣствомъ. Ребенокъ вырасталъ посреди таинственныхъ и чудесныхъ дѣйствій, сосредоточенныхъ на томъ, чтобы защитить его отъ разнообразныхъ демоническихъ силъ, начиная съ *дурманомъ* людскаго глаза и подобныхъ призороковъ и оканчивая *клятымъ* словомъ, которое способно было еще на рожденіи отдать ребенка въ полонъ демону, лѣшему или водяному. Какъ только пробуждался въ ребенкѣ смыслъ, онъ чувствовалъ, что въ каждомъ темномъ углу его кѣлти и двора, въ каждой непроходимой чащѣ лѣса, въ трясинѣ болота, въ омутѣ рѣки, въ глубокомъ и заросшемъ оврагѣ, всюду живетъ невидимая сила, отъ которой жутко и страшно ему, совсѣмъ беззащитному; онъ видѣлъ, что отъ этой невидимой силы жутко и страшно было всѣмъ въ домѣ, большини и малыши, что всѣ вѣревали во что-то такое, о чемъ и подумать было опасно. Вырастая больше и прислушиваясь къ поговѣркамъ и рассказамъ своихъ родителей и родичей о дѣйствіяхъ и дѣлахъ этой силы, онъ и самъ могъ наблюдать разные случаи, несомнѣнно свидѣтельствовавшіе о пеработе-

ниъ всего нравственнаго существа чловѣка какому-то наважденію, о совершенной беззащитности этого существа предъ кознями дьявола. Онъ могъ принѣтнть, что лукавый не только пугаетъ людей, но даже и всоляется въ нихъ, кричитъ, влнчотъ невѣдомыми голосами, бьетъ чловѣка объ полъ, вздымаетъ, какъ колоду и т. д. Это онъ могъ не разъ видѣть даже въ своемъ приходѣ, даже въ церкви. А если бы и не представлялось подобныъ случаемъ, то понятливый ребенокъ могъ увѣрвать въ ихъ дѣйствительность и изъ того только, что большіе, старшіе въ его присутствіи принимали столько благочестивыхъ ибръ протнвъ дьявольскаго наважденія, творнли столько молитвъ, заклинаній, нашептываній, смываній, заговоровъ, освященій и т. д. Нертвко онъ и самъ бывалъ участникомъ подобныхъ дѣйствій; надъ нмъ самимъ все это творилось и совершалось.

Мы дѣлаемъ только самый тонкій абрисъ того, чѣмъ была исполнена нравственная атмосфера, которою дышалъ нашъ ребенокъ. Могутъ замѣтнть, что мы придаемъ нашему значенію суевѣрной и суесвятной средѣ, въ которой воспитывался русскій чловѣкъ за два столѣтія назадъ, что эта среда всегда преслѣдовалась и парализовалась поученіями и распоряженіями духовныхъ отцовъ и самого правнтельства, что слѣдовательно вліяніе, какое мы ей приписываемъ, было не въ такой степени сильно. Мы не станемъ, да и нельзя, отвѣргать, что именно дѣйствія духовныхъ отцовъ и самого правнтельства были направлены къ искорененію суевѣры и многообразныхъ остатковъ язычества. Ихъ усилія, доходившія во многихъ случаяхъ до тунаго пурнзма, не были напрасны. Многие и очень многие совѣтъ было искоренено и истреблено. Но это многое касалось главнымъ образомъ только формъ, внѣшнихъ обрядовъ, въ которыхъ обожнованне олицетворенныхъ лмгическихъ вѣрованій и представленій. Сущность, духъ этихъ

вѣрованій наперекоръ безпрестаннымъ увѣщаніямъ и строгостямъ, оставался нерушимымъ и отличался такою живучестью, что дѣйствуетъ даже до сихъ поръ, не смотря на то, что душлимый воздухъ суетѣрной старины значительно уже пречистился, благодаря послѣдствіямъ реформы, освободившей русскаго человѣка отъ многихъ наважденій и призраковъ.

Но справедливому замѣчанію г. Буслаева, — самая настоячивость, съ какою духовенство и правительство преслѣдовали всѣ знаки *блговеской прелестности* и всѣ явленія *блговескаго дѣйства*, обнаруживала, какъ еще были сильны и свѣжи преданія и представленія иионческой и энической древности. Къ тому же гонители и преслѣдователи языческой старины нисколько не были выше въ своихъ понятіяхъ того, что они гнали и преслѣдовали. Они не умѣли разграничить дѣйствительно языческаго отъ обыкновеннаго мірскаго и провозглашали гоненіе во имя абстрактныхъ аскетическихъ началъ, высоту и чистоту которыхъ міръ-народъ не могъ «вѣстити». Вѣстѣ съ язычествомъ, или вѣрнѣе сказать, вѣстѣ съ извѣстными формами языческихъ вѣрованій, они гнали и самыя невинныя мірскія утѣхи и забавы, наприимѣръ, качанье на качеляхъ, скаканье на доскахъ, игру въ шахматы и шашки, охоту и т. п., изъ чего слагался обычный мірской или свѣтскій порядокъ быта. Такимъ образомъ гоненіе объявлялось собственно не язычеству или какиимъ либо нравственнымъ уклономъ жизни, а напротивъ, всей основѣ народнаго быта, тому эническому складу жизни, который, конечно, не заключалъ въ себѣ никакихъ стихій для водворенія абстрактнаго, неопредѣленнаго начала, отрицавшаго самую жизнь. Сила иионческой еще древности, сила эническихъ и иионческихъ представлений, охватывавшихъ полно и цѣльно всѣ стороны народнаго быта, не легко уступала даже безчеловѣчнымъ строгостямъ преслѣдованій. Да и какъ могла она уступить, когда это

была сама жизнь, дававшая всему свой обликъ, свой строй, свою типическую законченность. Безчеловѣчю преслѣдователей она несла жертвы и этими жертвами свидѣтельствовала только, какъ еще живучи были въ народѣ непосредственныя первобытныя стихіи его созерцанія. Самая книжность, хранительница всяческихъ абстрактовъ, провозглашавшая и поддерживавшая борьбу съ языческимъ бытомъ, отъ прикосновенія къ этому быту утратила чистоту своего призванія и, преобразованная народнымъ началомъ, послужила только новымъ выразителемъ тѣхъ же первобытныхъ эпическихъ и мненческихъ стихій созерцанія. Книжныя ученія, гоня языческое суевѣріе въ различныхъ его видахъ, въ то же время прилежно охраняли и даже распространяли всевозможное суесвятство, вовсе не догадываясь, что они служили тому же дѣлу, что это было тоже самое язычество, невидимо переходившее только въ новыя формы, создававшее только новые образы вѣрованій, что здѣсь смѣнялся только старый дѣдовскій кафтанъ на новый, иного покроя. Такъ древнѣйшія мненческія представленія о физическихъ явленіяхъ, хотя и были приурочены къ другимъ именамъ, тѣмъ не менѣе сохранили полную свѣжесть первобытнаго вѣрованія. Представленіе, напримѣръ, о громѣ несколько не было слабѣе отъ того, что это не былъ ужъ Перунъ, а «возгрѣвѣвый Иліа на колесницѣ». Представленіе о всякой помощи, ожидаемой отъ мольбы тому или другому угоднику, Власію отъ скотскаго падежа, Фролу и Лавру отъ конскаго падежа, Неопалимой Купинѣ отъ пожара и молніи и т. д., несколько не было слабѣе отъ того, если мольба обращалась уже къ инымъ именамъ, вѣсто отвергнутыхъ и забытыхъ. Существо дѣла оставалось тоже: чувствуя свою беззащитность и безвыходность предъ враждебною силою природы, въ виду явленія, котораго ни понять, ни сознать было невозможно, человекъ прибѣгалъ къ зашитѣ и заступ-

ленію силъ благодѣющихъ. Переменялись формы, но чело-
вѣкъ оставался такимъ же, какъ былъ прежде, т. е. исполнен-
нымъ самой живой поэтической вѣры въ чудесное, таинствен-
ное, которое разрѣшало ему всѣ вопросы, отвѣчало на всѣ
его недоумѣнія и сомнѣнія. Творческая мысль требовала дѣ-
тельности, поэтическое чувство требовало вѣры, неотрази-
мый законъ внутренней жизни бралъ свое, и челоѣкъ, не ру-
ководимый свѣтомъ истиннаго знанія, вырабатывалъ себѣ зна-
ніе и вѣрованія на началахъ первобытнаго міеа, который былъ
единственнымъ и исключительнымъ источникомъ его совер-
данія. Весь міръ въ его глазахъ былъ подѣленъ между доб-
рыми и злыми духами, которыхъ, чтобъ спасти собственное
существованіе, онъ долженъ былъ умилостивлять или заклин-
кать. Все, что ни происходило передъ его глазами и въ фи-
зическомъ, и въ нравственномъ мірѣ, все, что ни совершалось
въ его жизни съ нимъ самимъ, съ его родными и ближними,
что ни совершалось даже въ общественномъ и политическомъ
быту, — все это онъ иначе не могъ объяснить, какъ дѣйстви-
віемъ непостижимой и недомыслимой силы, предъ которою
его собственное существо казалось совершенно ничтожнымъ,
совершенно бессильнымъ и беззащитнымъ. Начиная съ како-
го нибудь *мышьяка*, *куроклика*, *стѣлотреска*, *узо-
звона* и тому подобныхъ прихѣтъ и повѣрій, которыя такъ
тревожили и смущали его покой въ домашнемъ быту, и вое-
ходя до представленій о томъ, что, напримѣръ, Самозванецъ
былъ исчадіемъ дьявола въ действительномъ, а не метафо-
рическомъ смыслѣ, всѣ подобныя мелкіе и крупныя случаи
жизни объяснялись не природою вещей, не природою челоѣ-
ческой жизни и челоѣческаго развитія, а кознями и наваж-
деніемъ лукаваго бѣса, сверхъестественными силами. Начи-
налъ ли писатель того вѣка рассказы о какомъ либо событіи,
заглавиемъ обществу или какому либо лицу бѣдѣ, первая

мысль его была о враждебных кознях бѣса, и потому онъ начиналъ свое повѣствованіе известнымъ общимъ мѣстомъ, стереотипною фразою тогдашней книжности: «Врагъ, искони въкъ нехота видѣти добра роду человѣческому, вложи мысль въ челоѣцы», или: «Ненавидая врагъ роду христіанскаго, хотя привести въ послѣднюю пагубу, вложи въ челоѣцѣхъ мысль такую... Вида врагъ царя праведна и свѣта и вложи вражду въ бояры... Исконикъ врагъ нашъ діаволь, не хотя добра роду христіанскому, приводая на послѣднюю пагубу, вложи мысль царю... Паки же врагъ нашъ діаволь, не хотяи роду христіанскаго видѣти въ добрѣ, вложи въ челоѣцы лукавство... Богу же попускающу, а врагу дѣйствующу... И искони въ россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои...» Прелюбимая подобныя мысли, писатель, разумѣется, очень легко объяснялъ всѣ неслыны, темныя дѣла и событія того въка... При господствѣ такихъ вѣрованій, понятій и представленій въ житейской средѣ выносилось убѣжденіе, что челоѣкъ не имѣетъ собственной нравственной свободы, нравственной самостоятельности, что онъ есть только рабочае орудіе постороннихъ силъ, злодѣющихъ или благодѣющихъ. Это убѣжденіе выразительнѣе всего олицетворялось въ представленіи, что у каждаго челоѣка на правомъ плечѣ присутствуетъ ангелъ хранитель, а на лѣвомъ — соблазнитель бѣсъ. Выходить, что они управляли помышленіями и поступками челоѣка, который, такимъ образомъ, самолично освобождался отъ всякой вины въ собственныхъ дѣаніяхъ. Богу попускающу, врагу дѣйствующу, говорилъ онъ, разбирая причины грѣха и соблазна, въ которыхъ впадалъ. Успокоительная и все раздѣшающая фраза: лукавый попуталъ, служила самымъ лучшимъ разъясненіемъ и оправданіемъ всякаго нравственнаго безобразія. Если же и приходила мысль о самостоятельномъ отношеніи къ этикъ общимъ представленіямъ о

причинности грѣха и наденія, если пробуждалась мысль о по-
вѣрѣ ходячихъ апофегивъ съ истинными разумными основаніа-
ми нравственности, то и она, эта свѣтлая и снѣлая мысль со
страхомъ прогонялась, какъ то же сатанинское искушеніе и
заважденіе.

Такова была нравственная и умственная атмосфера, въ
которой зарождались первыя понятія, создавались первыя пред-
ставленія чело́вѣка въ ту эпоху. Онъ вырасталъ посреди са-
мыхъ разнообразныхъ вліяній первобытной непосредственно-
сти, въ широкой и богатой обстановкѣ эпическихъ и мненче-
скихъ представленій и вѣрованій. Мало того, что онъ подвер-
гался этимъ вліяніямъ ребенкомъ, они сопровождали его и въ
возрастное время, не оставляли до самой смерти. Онъ самъ
дѣлался творцомъ различныхъ суевѣрныхъ представленій, ско-
ре и свободно выраставшихъ въ его воображеніи, настроен-
номъ на общій ладъ съ наследственнымъ эпическимъ созерца-
ніемъ всей жизни. Конечно, и мы, въ дѣтскія лѣта, теперь
даже, испытываемъ вліяніе этихъ мненческихъ и эпическихъ
представленій, такъ родственныхъ дѣтскому уму и дѣтской
фантазій; но у насъ есть *школа*, есть цѣлый періодъ жизни,
отданный развитію и обогащенію ума знаніемъ, которое по-
томъ уже само собою сокрушаетъ всѣхъ идоловъ дѣтскаго
вѣрованія. Не то было съ чело́вѣкомъ въ XVII ст. Для него
не существовало этой школы, т. е. не существовало никакой
сколько нибудь цѣльной, правильной системы *образованія*,
не существовало никакого порядка, никакой послѣдовательно-
сти въ передачѣ даже тѣхъ свѣдѣній, какія были ходячими въ
то время. О развитіи и образованіи ума никто не помышлялъ.
Напротивъ, на науку или вообще на знаніе смотрѣли съ *суе-
вѣрною боязнью*. «Будемъ много знать, скоро состаримся»,
гласитъ народная поговорка; и теперь еще въ народной массѣ
ходятъ понятія, что, *наширивъ*, кто прочтетъ всю Библию, не-

ка и въ дѣтствѣ, и на возрастъ. За битаго двухъ небитыхъ даютъ, говоритъ пословица, выражая тѣмъ преимущества нашей старинной общенародной школы и ученя. Въ этой-то школѣ воспитывался и умъ и нравы ребенка, и съ этого-то пастбища, которое по естественнымъ причинамъ оставляло его до самыхъ возрастныхъ лѣтъ ребенкомъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи, онъ вступалъ въ жизнь, становился дѣтелемъ, членомъ обществія.

Весьма основательно и глубоко вѣрно замѣчаетъ г. Соловьевъ, что «для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что превосходно выражаетъ слово: *образование*. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое несколько не соответствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ являлся предъ обществомъ преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразования, русскіе люди учили дѣтей своихъ; и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные; безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, за то были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. *Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились*» (161 стр.)? Есть мнѣнія, которыя утверждаютъ противное и стараются доказывать, что образованность XVII вѣка была столько сильна, что мало даже нуждалась въ петровской реформѣ и только требовала постепенныхъ улучшеній и распространеній своего состава.

Дѣйствительно, мы знаемъ, что и въ то время были люди *ученые, книжники и философы*, какъ ихъ тогда называли; но большею частію это были православные иноземцы или

ученики иноземцевъ— Грековъ сначала, а въ послѣдствіи ученыхъ изъ западной и южной Руси.

Къ тому же такихъ личностей было очень и очень немного, даже въ средѣ іерарховъ, призванныхъ по самому своему положенію быть учеными, книжниками и философами. Такимъ образомъ весьма справедливо, что о подобныхъ исключеніяхъ изъ общаго порядка и рѣчи быть не можетъ, если хотимъ судить правильно о характеристикѣ *образованія* общераспространеннаго, общедоступнаго, открытаго всякому. Мы знаемъ, что въ половинѣ XVII ст. существовали книги грамматичныя, арифметичныя, космографіи или географіи, хронографы или всемірныя исторіи и т. п., но многимъ ли были они доступны? Ихъ изучали, читали только специалисты, какими на самомъ дѣлѣ и были тогдашніе знатоки грамматичнаго ученія. То, что теперь, какъ неперемѣнное условіе, входитъ въ систему общаго образованія, тогда принадлежало одной лишь специальности, явленію исключительному. *Общее* образованіе, т. е. собственно обученіе, доступное каждому, составлявшее элементарный курсъ тогдашней грамотности, заключалось въ наученіи чтенію по азбукѣ, часослову и псалтырю, и именно по часослову и псалтырю, безъ которыхъ не представлялось и возможности выучиться грамотѣ или быть грамотнымъ. За тѣмъ слѣдовало наученіе письму и церковному пѣнію.

При этомъ необходимо замѣтить, что и въ такомъ, можно сказать, техническомъ составѣ, грамотность не входила въ общую потребность, что и такой грамотникъ не представлялъ общаго явленія, а былъ также своего рода специалистомъ, почему верѣяко, въ силу этой специальности, пріобрѣталъ непререкаемое право поступать въ священно и церковно-служителей, или же въ подьячіе. Грамотность всегда наиболѣе и сосредоточивалась только въ средѣ этихъ двухъ специальныхъ занятій, имѣвшихъ дѣло съ книгами и бумагами.

Самый взгляд тогдашнего общества на грамотность, какъ на искусство техническое, въ родѣ какого-либо мастерства, прикладное къ известнымъ специальностямъ жизни, еще лучше показываетъ, что въ ней совсѣмъ почти не искали того образующаго элемента, посредствомъ котораго человѣкъ развивается умственно и нравственно. Старинный *книжный* человѣкъ не былъ въ глазахъ своего общества человѣкомъ образованнымъ въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. человѣкомъ развитымъ, просвѣщеннымъ. Онъ, напротивъ, представлялся какимъ-то техникомъ по части книжнаго ученія, который на всякій бывающій случай могъ приводить примѣнныя свидѣтельства и рѣчи писанія, могъ разрѣшать смущенія и сомнѣнія известными поученіями, затверженными слово въ слово, что впрочемъ было совершенно необходимо съ технической точки зрѣнія, такъ какъ порча текстовъ собственными словами и выраженіями могла бы только обнаруживать плохое познаніе книжности или даже ересь.

Отсюда понятно, почему наша старая книжность съ теченіемъ времени выработала столько общихъ фразъ, общихъ мѣстъ, общихъ приемовъ ученія и разсказа, взятыхъ слово въ слово изъ тѣхъ или другихъ текстовъ писанія. Это былъ мертвый, техническій языкъ, мало, а мѣстами и совсѣмъ непонятный простымъ людямъ. Тѣмъ не менѣе онъ почитался неприкосновенною святынею. Припомнимъ съ какими затрудненіями вводилась въ XVII ст. устная проповѣдь, переводъ книжныхъ словесъ на простой, всѣмъ понятный языкъ. Г. Соловьевъ приводит по этому поводу слѣдующій случай: «въ Периской сторонѣ, въ отчинномъ городкѣ именитаго человѣка Григор. Ди. Строганова — Орлѣ, священникъ по настоянію вотчинника согласился не *читать*, а *говорить* проповѣди, какъ уже дѣлалось тогда въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Московской области. Но какъ приступить къ дѣлу?

Взять проповѣди Симеона Полоцкаго—слогъ неудобенъ: простѣйшимъ людямъ «за высоту словесъ тяжело слышать»; взять переводы проповѣдей Златоуста (которые обыкновенно читались въ церквахъ)—ихъ не понимаютъ не только слушающіе, но и читающіе; не только миряне, но и священники прямо говорятъ, что писаны иностраннымъ языкомъ. Священникъ взялъ бесѣды Златоуста, но сталъ излагать ихъ простѣйшимъ языкомъ, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даромъ нововводителю: начали его бранить, смѣяться надъ нимъ, не щадяи укорительныхъ словъ, подучали другъ друга не слушать его проповѣдей, кричали: «прежде здѣсь были священники добрые и честные, да такъ не дѣлали, жили по просту; и мы жили въ изобиліи; а этотъ съ чего взялъ вводить новизну?» Такихъ укоровъ, конечно, не было достаточно; главнымъ образомъ нужно было указать, что тутъ кроется еретичество. Въ отвѣтъ невѣжественной толпѣ священникъ говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ: Обрѣтаются въ родѣ моемъ такіе слѣпые вожди: думаютъ, что мудры, а на дѣлѣ грубѣйшіе невѣжды, говорятъ: *что намъ въ книжахъ учительныхъ? достаточно часослова и псалтыря*. Правду говорить, достаточно, если кто знаетъ силу въ нихъ написаннаго, но это знаніе далеко отъ тебя и отъ разума твоего. Безумецъ! сидя за полными чашками въ корчемницѣ, ты рассуждаешь, въ корчемницѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви связанъ безгласіемъ, плѣненъ неразуміемъ. Говорятъ, что довольно, если священникъ книгу читаетъ передъ народомъ въ церкви, а устное ученіе укоряютъ и еретичествомъ называютъ. Безумецъ! кого къ еретикамъ причисляешь? Патриарховъ, пророковъ, апостоловъ!»

Это обличеніе служило самою лучшею характеристикомъ тѣхъ понятій о книжности, какія существовали въ русскомъ обществѣ даже въ концѣ XVII ст. Оно указываетъ, что часо-

словъ и псалтырь были не только корнемъ, но и вершиною грамотности и всего книжнаго ученя, покрайней мѣрѣ въ понятіяхъ большинства даже самихъ учителей народа. А какъ выучивались эти основныя книги общаго образованія? Учили ихъ, какъ говорится, въ долбешь, безотчетно и бессмысленно. Да и какъ иначе возможно было ихъ заучивать, если, съ одной стороны, существовало благоговѣйное и справедливое увѣреніе въ неприкосновенности текста, а съ другой — или незнаніе силы написаннаго, что случалось очень часто, или же рѣшительная невозможность удобопонятно протолковать ребенку эту силу, что могло случаться еще чаще.

Молитвы и церковныя пѣсни, послѣдованія повседневныхъ церковныхъ службъ — вотъ содержаніе обѣихъ книгъ: какъ возможно было иначе изучать ихъ, какъ не зазубриваніемъ наизусть.

Само собою разумѣется, что отъ такого способа изученія молитвъ и грамотъ не одинъ языкъ перебалтывался, перебалтывались и понятія ребенка, и не мудрено, что самыя молитвы и мольбы обращались иногда къ Успенію, къ Введенію, а не къ лицу самой Богородицы.

Такимъ образомъ весь кругъ первоначальнаго и такъ сказать общаго образованія въ то время заключался въ изученіи церковно-служебныхъ моленій и порядковъ, въ какомъ слѣдовали эти моленія и службы. Все это могло только еще въ большей силѣ поддерживать то эпическое настроеніе ума и фантазій, которое составляло основу народныхъ воззрѣній, основу самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ вынести умъ ребенка изъ этого курса стариннаго книжнаго наученія?

Но какъ бы ни было, одинъ уже *маужь* грамотѣ очень часто выдвигалъ челоуѣка впередъ. Онъ становился начетчикомъ книгъ, а слѣдовательно *толковникомъ* и вождемъ для другихъ, становился для темной толпы оракуломъ, разрѣшав-

нннмъ сомнѣннн и смущеннн. Темныя люди, особенно по украинннмъ, съ жаждой слушали словеса такого оракула, поучавшаго ихъ «отъ писаннн.» Но что же давалъ темнымъ людямъ этотъ оракулъ-начетчикъ, какой смыслъ и какой былъ характеръ его бесѣды, его словесъ и ученнн? Какнн книги и что именно въ книгахъ онъ читалъ, когда дѣлался обладателемъ грамотности? Что выбиралъ онъ изъ книгъ? Какнн медовыя соты питали его испытующнн умъ? На это можетъ отчасти отвѣчать уже самый составъ *прописей* или *азбуки скорописнаго письма*, по которымъ грамотникъ выучивался писать. Сюда старинная грамотность заносила свои ходячнн апофегмы, а вмѣстѣ съ ними и образцы той мудрости и того умствованнн, которыя составляли предметъ ея исканнн и въ то же время характеристику ея умоначертаннн. Такъ какъ человѣческая и всякая мудрость по эпическимъ представленннмъ является не иначе, какъ въ образѣ загадки, то и мудрецъ-грамотникъ, вскормленный эпическими вѣрованннми и понятннми, озадачивалъ дѣтскнн умъ вопросами и загадками, извлеченными изъ разныхъ книжныхъ мудрованнн.

Вопросъ. Что небесная высота и земная широта и морская глубина? *Отвѣтъ.* Небесная высота — Отецъ, земная широта — Сынъ, морская глубина — Духъ Святой. *В.* Стоять море на пяти столпѣхъ, царь речеть: потѣха моя, а царица речеть: погибель моя. *О.* Море есть чара вина, пять столповъ — пять перстовъ, царь есть тѣло, а царица — луна. *В.* Древянъ ключъ, волянъ замокъ, заецъ убѣже, а ловець утопе. *О.* Ключъ — Моисеовъ жезлъ, замокъ — Черное море, заецъ — Моисей пророкъ, ловець — Фараонъ утопа въ Черномъ морѣ. *В.* Которая вещь ни съ небесъ спиде, ни ангель, ни человекъ, а по Христѣ святъ бысть и многнн чудеса творить? *О.* Животворящнн крестъ Господень, на немъ же распять бысть отъ Жидовъ и т. п.

Такъ какъ скорописныя азбучки или прописи составлялись самими учителями и въ отношеніи своего состава были очень разнообразны, то понятно какъ разнообразны были и самыя вопросы или мудрыя загадки. Конечно, для ребенка все это были простыя прописи, образцы для упражненія въ письмѣ, но они не безъ вліянія оставались на его умъ и понятія. Они настраиали дѣтскій умъ на извѣстный складъ, давали ему извѣстное направленіе. Необходимо замѣтить, что прототипомъ, а также и источникомъ всѣхъ подобныхъ вопросовъ и загадокъ была извѣстная апокрифическая *Бесѣда трехъ славянскихъ*, ходившая въ то время во множествѣ списковъ и въ различныхъ редакціяхъ и содержаніемъ своимъ смутившая даже одного изъ нашихъ ученыхъ современниковъ. Г. Шевыревъ, на пути въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, остановившись въ одномъ изъ селеній, въ домѣ не раскольниковомъ, какъ онъ замѣчаетъ, а у православнаго крестьянина, нашелъ, между прочимъ, у него и списокъ этой бесѣды, изложенной въ вопросахъ и отвѣтахъ. «Съ грустію, говоритъ путешественникъ, прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанныя четко *самыми грубыми и дикими варварствомъ и нечестиво* названныя бесѣдою тріехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Что, кромѣ нечестива и нечестія, почерпнеть крестьянину въ этомъ писанинѣ, которое *выставилъ въ изобъ своей почтѣ у се. образовъ, и постоянно держитъ передъ собою?*—*Вопросъ.* Кому первая грамота дана отъ Христа? *Отвѣтъ.* Каифѣ апостолу!!... Что есть пошь не поставленъ, дякоу отиетникъ и яраче, что и писать страшно (!!). Какая грубость въ этой загадкѣ: что есть, вошь корову родилъ? Амигъ родилъ себѣ жену Еву. Какая дикость въ этомъ понятіи о церкви: что есть камень приближище зайцемъ? Камень коровъ, а зайцы людѣ. Что за понятіе о лицѣ Божіемъ: ли-

це Божіе свѣща горить передъ образомъ Божиємъ. Что за познанія въ анатоміи! Много ли въ человѣкѣ костей? 245. Много ли, въ человѣкѣ жилъ? 365». Не привожу другихъ грубѣйшихъ загадокъ, которыя привести больно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я записалъ все это. Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ русскій простолюдинъ, какъ впрочемъ и всякій русскій, въ противную сторону удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія православной нашей церкви *)! Конечно, такой взглядъ на этотъ памятникъ старинной нашей книжности свойственъ больше пуристу-церковнику, чѣмъ даже пуристу-историку литературы. Но не въ этомъ дѣло. Здѣсь интереснѣе всего фактъ, что такая книжность-грамотность живетъ въ народѣ и до сихъ поръ, что стало быть, до сихъ еще поръ существуютъ причины, элементы, которые поддерживаютъ ея жизнь. И чѣмъ же виновны не только эта грамотность, но даже и эти причины, элементы? Это самыя кроткія и невинныя созданія умственной изслѣдовательности народа, неимѣющаго другихъ средствъ и другихъ путей разрѣшать себѣ столько вопросовъ, незамѣтно и естественно возбуждаемыхъ его созерцаніемъ. Чѣмъ же виновна та почва, которая питаетъ это созерцаніе, почва эпическихъ и мифическихъ представленій, еще далеко не угасшихъ и въ настоящее время. Вся вина тутъ въ томъ, что такъ все родилось и возрасло на полной степной свободѣ, безъ всякой помощи со стороны школы, т. е. науки, научнаго образованія. Вся вина въ томъ, что на лугу выросли травы и цвѣты, которые по свойству почвы и по условіямъ мѣстности и климата непременно и должны были вырасти. Можно грустить, страшиться, болѣть и негодовать, гнать и запрещать, но естественный законъ останется тѣмъ же, чѣмъ онъ есть, и наши болѣзнованія, гоненія и страхи не

---

*) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерской монастырь, часть 1, стр. 133.

въ силахъ измѣнить его, если, вмѣсто страховъ и гоненій, мы не призовемъ къ дѣлу свѣтъ истины, свѣтъ знанія, который одинъ только и способенъ вывести насъ изъ всяческой тьмы; а для этого, конечно, безъ всякихъ страховъ и стыдливыхъ ужимокъ, мы должны прежде всего обнародовать и огласить все, что ни есть въ насъ темнаго. Прежде всего намъ нужно узнать, кто наши враги, то есть узнать все наши застарѣлыя порочныя и темныя стороны, нужно раскрыть и огласить ихъ для всеобщаго зрѣнща, по тому что такіа порочныя и темныя стороны почитаются иногда за великія добродѣтели и поддерживаются всѣми мѣрами.

Старинный грамотникъ, обучившись псалтырно читать, а также и писать, предоставлялся самъ себѣ въ дальнѣйшихъ своихъ исканіяхъ знанія и разрѣшенія возникавшихъ въ его умѣ и смущавшихъ его вопросовъ. Какъ пчела, съ которою онъ очень любилъ себя сравнивать, онъ лѣталъ по цвѣтамъ тогдашней книжности, собирая усердно медъ знанія доступнаго этой книжности, медъ книжной мудрости. Онъ выбиралъ наиболѣе сладкіе, наиболѣе пріятные ему *цвѣтчики* изъ всего, что ни встрѣчалось ему на пути. Изъ такихъ-то цвѣтковъ и составлялись очень извѣстныя въ народѣ *цвѣтчики*, особые сборники разныхъ статей, замѣчавшіе для каждаго грамотнаго домашнюю маленькую библіотечку. По составу этихъ цвѣтчиковъ—сборниковъ и можно угадать, какой именно медъ мудрости прежде всего отыскивался.

Воспитанный и вскормленный на мнѣстическомъ и эпическомъ молокѣ, если возможно такъ выразиться, обучившись грамотѣ съ безотчетнымъ заучиваніемъ различныхъ молебій, что еще больше давало пищи эпическому чувству, — старинный грамотникъ, по естественному влеченію своего дѣтскаго ума, вовсе не освѣщеннаго знаніемъ положительнымъ, устремлялся при чтеніи добываемыхъ имъ книгъ на такіе именно предметы,

на такіа мудрствованія, повѣствованія, сказанія, поученія и т. д., которыя вполне гармонировали съ его мысленнымъ настроеніемъ, съ требованіями и потребностями его воображенія и чувства; онъ устремлялся съ особою жадностію на все чудесное, таинственное, сверхъ-естественное, сказочное и загадочное. Къ тому же ему несравненно легче было добывать книги, тетради и сборники именно такого характера. Такія книги наиболѣе были распространены, потому что наиболѣе требовались. Книжки, содержащія въ себѣ чистое писаніе, были очень объемисты, а потому очень дороги и рѣдки, и стало быть рѣдко кому доступны. Всего чаще грамотнику попадались разныя *тетрадки, листовые сборники сельскіе*, даже *толстые сельскіе сборники* и худыя *манаканунцы* (помоканонцы), которые такъ преслѣдовало духовное правительство и которые однакожь народъ *держалъ у себя отъ отцевъ и прадедовъ*, т. е. сохранялъ ихъ, наперекоръ запрещеніямъ, какъ умную и мудрую старину.

Это были, какъ мы сказали, домашнія бібліотеки, гдѣ всегда можно было найдти нѣсколько статей, такъ или иначе возбуждавшихъ цѣлительность ума, уносявшихъ воображеніе въ область таинственнаго, неразгаданнаго, чудеснаго, въ ту область, которая всегда такъ привлекательна для человѣка, какъ и для цѣлаго народа, переживающаго возрастъ вѣрующаго наивнаго дѣтства; особенно были любимы статьи съ *толкомъ, притчи съ толкомъ*, т. е. съ толкованіемъ разныхъ недомыслимыхъ и загадочныхъ вопросовъ, почему они и излагались обыкновенно въ вен росахъ и *толкахъ*, или отвѣтахъ, иногда въ формѣ діалога, подобно бесѣдѣ трехъ святителей. Можно сказать, что это была въ своемъ родѣ научная разработка писанія, которая являлась у насъ вмѣстѣ съ самыми текстомъ писанія въ древнѣйшихъ его переводахъ. Первоначально переведены были именно такіа части текста, которыя были претолкованы, и

протолкованы въ известномъ характерѣ, объяснявшемъ почти все символически и иносказательно. Этотъ-то символическій характеръ толкованія и послужилъ основой и, такъ сказать, образцомъ для дальнѣйшихъ, уже своеобразныхъ сочиненій въ томъ же духѣ. Здѣсь-то и высказывалась вся философія, вся метафизика и премудрость тогдашней общенародной грамотности, все ея умозаключеніе.

«Аще *творимися мудры*, вопрошаетъ эта грамотность, *смысли ми слову сему смылу*», и ставитъ за тѣмъ рядъ загадочныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Неродивыйся умре, а родивыйся неумре? умершій не истлѣ? рѣка среди моря течеть? живеть въ огни скачетъ? рѣка подѣ землею? среди моря крестъ? и т. д. Вопросъ—что есть внукъ, рече бабѣ: положи мя у себѣ, и рече ему баба: како ты положу у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внукъ есть Христосъ, а баба—земля. Вопросъ. Тѣло ли есть въ образѣ, или образъ въ тѣлѣ? Толкъ: образъ въ тѣлѣ. Паки: премудрость ли есть въ челѣ, или душа въ мудрости? Толкъ: мудрость ѣсть въ души»... Вопросъ: что есть роса аермоискская, сходящая на горы сіонскія? Отвѣтъ: роса есть Духъ Святый, аермонъ—чистота тѣлесная, а гора—церковь; а сходящее—вѣра, любовь и мирь.—Вопросъ: что есть мѣра отъ востока до запада? Отвѣтъ: солнце и луна и звѣзды.—Вопросъ: что есть правда и что истина? Отвѣтъ: Правда Христосъ, а истина Богородица. Сиде бо правда съ небесе и облечеса во истину, сиречь Христосъ облечеса во плоть.—Вопросъ: что есть роди мя отецъ, азъ же родихъ себѣ жену, жена же моя родина отцу моему матеръ? Отвѣтъ: отецъ есть Христосъ, созда Адама и отъ ребра его роди жену ему Еву, а Ева же родина ему дѣти, а дѣти его родина Святую Богородицу, Матерь Христа Бога... и т. д. *)

*) Г. Шаповалъ: „Русскій Расколъ“ и рукописные сборники нашей библиотеки.

Всѣ такіе вопросы съ толкомъ, въ большинствѣ случаевъ походившіе на какія-то недомыслимыя провѣщанія оракула, представлявшія дѣйствительную мудрость въ реальномъ ея смыслѣ, какъ она и понимается народомъ, т. е. какъ затруднительность, непостижимость, уважалась имъ тѣмъ болѣе, что совершенно совпадали съ общимъ характеромъ и настроеніемъ народныхъ воззрѣній, отвѣчали требованіямъ младенчествующаго, но все-таки испытующаго ума, который, не обладая главною своею силою—знаніемъ, наукою, по необходимости блуждалъ и блудилъ въ метафизическихъ потемкахъ.

Здѣсь книжность и писаніе являются только средствомъ, матеріаломъ, изъ котораго народъ на старой наследственной мнѣшеческой почвѣ создаетъ новые образы вѣрованій, новые символы своего сознанія. Въ этомъ-то претвореніи книжныхъ сказаній, книжныхъ фактовъ въ вѣщескую и мнѣшеческую плоть и заключается весь смыслъ нашей до-петровской общенародной грамотности, весь ходъ ея развитія. Это была своего рода культура, своего рода образованность, созданная непосредственнымъ собственнымъ разумѣніемъ народа, которая поэтому обладала значительными жизненными силами и шла параллельно съ остальнымъ развитіемъ народа, общественнымъ и политическимъ, въ иныхъ случаяхъ даже управляя тѣмъ и другимъ.

Въ розысканіяхъ и изслѣдованіяхъ о нашей древней литературѣ, мы должны удѣлить особое мѣсто разъясненію этой народной грамотности или образованности, которая при внимательномъ изученіи явится намъ въ такой же цѣльности и законченности, какъ и остальныя стороны народнаго развитія. Во многомъ намъ препятствуетъ еще устарѣлый взглядъ на эту грамотность, такъ рельефно выраженный г. Шевыревымъ по поводу одного изъ ея памятниковъ; но при помощи такой

разработки предмета, какую даютъ намъ превосходные историко-литературные труды послѣдняго времени, особенно труды г. Буслаева, можно ожидать, что вопросъ выяснится надлежащимъ образомъ и подъ словомъ: грамотность русскаго допетровскаго общества, мы будемъ разумѣть не совокупность, почти механическую, различныхъ словесныхъ памятниковъ, съ указаніемъ, что они обнаруживаютъ красоты эпической поэзіи, раскрываютъ народные миры или же обнаруживаютъ только заблужденія и даже ереси народа, а будемъ разумѣть извѣстный складъ образованности, возвращенной, хотя и изъ чужаго матеріала, но на собственной почвѣ, собственными усиліями, собственною духовною работою, и безъ малѣйшей вины въ томъ, что эта своеземная грамотность, по естественному ходу народнаго развитія, разошлась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ чистотою книжнаго ученія. Книжное ученье, писанье представляло дѣйствительно огромный капиталъ духовнаго просвѣщенія, но капиталъ, лежавшій въ теченіи восьми вѣковъ въ недоступныхъ для народа хранилищахъ, лежавшій непроизводительно и очень мало способствовавшій обогащенію, т. е. просвѣтленію народнаго сознанія. Народъ во все это время пробавлялся малыми крупницами, упавшими къ нему съ этого богатаго стола, работалъ, какъ умѣлъ, надъ этими крупницами и, разумѣется, бѣдствовалъ и умственно, и нравственно, наживая себѣ только умственные и нравственные мозоли и затвердѣлости отъ этой тяжелой и мрачной мысленной работы, въ какой онъ оставался по необходимости. Никто изъ охранявшихъ и старательно опекавшихъ его умъ и вѣру не только ни разу не подумалъ о распространеніи знанія, науки, хотя бы въ самомъ маломъ объемѣ и въ самой стѣсненной формѣ, но и всячески открещивался отъ этого страшнаго супостата и врага.

Для образованія права, для наученія *како жити христі-анамъ*, народъ имѣлъ неисчислимый матеріалъ. Вся книжность исключительно была направлена въ эту именно сторону всѣми своими поученіями, словами, великимъ множествомъ апофегизъ и разныхъ практическихъ истинъ, сказаніями о благочестивой и богоугодной жизни; но для образованія ума, для наученія *какъ думать* о явленіяхъ міра и даже о самой нравствен-ности, какъ мысленно объять и разъяснить горизонтъ смут-ныхъ, неострашимыхъ вопросовъ объ этомъ чудномъ мірѣ, гдѣ, что ни явленіе, то загадка, что ни шагъ, то вызовъ на борьбу, за которую необходимо слѣдовала или побѣда ума, разоблачавшаго въ чемъ дѣло природы, или его порабощеніе, его безсильное приниженіе предъ этимъ дѣломъ и всякимъ ея созданіемъ; вообще для борьбы съ неотвѣзчивыми запросами пытливой мысли, — для всего этого народъ, какъ и въ отдель-ности каждый человекъ, не имѣлъ никакого орудія и никакихъ средствъ. Не удивительно, что онъ былъ побѣжденъ въ этой борьбѣ. Онъ, по писанію, зналъ время, когда и какъ соверши-лось творчество природы, онъ зналъ о томъ, что *было*. Но онъ не находилъ отвѣта, отчего бытіе было такимъ, какими онъ его видѣлъ, онъ не находилъ прямого разрѣшенія своихъ гаданіямъ о сущности, о *матери* всѣхъ вещей и предметовъ, какіе представлялись ему наиболѣе важными и существен-ными.

Отчего зачался у насъ бѣлый свѣтъ?

Отчего зачалось солнце красное?

Отчего зачался младъ свѣтелъ мѣсяць?

Отчего зачались звѣзды частыя?

Отчего зачались зори утреннія, вечернія?

Отчего зачались ночи темныя?

Отчего зачались вѣтры буйныя?

Отчего буйны вѣтры воюются?

Отчего у насъ въ землѣ громы пошли?
 Отчего зачались дожди дробные?
 Отчего зачался миръ-народъ Божій?
 Отчего взяты тѣлеса наши?
 Отчего зачались кости крѣвкія?
 Отчего у насъ кровь руда наша?
 Отчего у насъ умъ разумъ?
 Отчего у насъ наши помыслы?
 Отчего у насъ въ землѣ цари пошли?
 Отчего зачались князья, бояры?
 Которая земля землямъ мати?
 Который царь надъ царями царь?
 Который городъ городамъ мати?
 Которая церковь церквамъ мати?
 Которое море морямъ мати?
 Кое озеро озерамъ мати?
 Которая рѣка рѣкамъ мати?
 Которая гора горамъ мати?
 Которое дерево деревьямъ мати?
 Которая трава травамъ мати?
 Который камень всѣмъ камнямъ мати?
 Которая рыба рыбаиъ мати?
 Которая птица птицамъ мати?
 Который звѣрь звѣрямъ мати?
 Которая книга книгаиъ мати?

Всѣ эти вопросы—отчего *зачало* и гдѣ *мати* вещей, свидѣтельствующіе о глубокой жизненности и пытливости народнаго ума, старинный человекъ разрѣшалъ себѣ частію по тѣмъ представленіямъ, какія искони существовали въ его мистическомъ созерцаніи, а большею частію изъ тѣхъ источниковъ грамотности, которые были ему болѣе доступны по своей родственности съ тѣмъ же древнимъ созерцаніемъ. Въ

этой такъ-называемой отеченной, метафизической грамотности онъ изложилъ ближайшіе отвѣты на свои запросы, такіе отвѣты, которые нисколько совпадали съ его рожнями энически-ни воззрѣніями и представленіями. Вотъ почему отеченная грамотность становится образованностью народа. Она быстро распространяется, можетъ быть, и потому что строгія запрещенія и преслѣдованія, направленные противъ нея, не всегда и даже очень рѣдко доходили по назначенію: слишкомъ широко и далеко разошлася и расселася народъ, хранившій и творчески разработывавшій эту грамотность. *Голубиная* или *Глубиная книга*, въ которой выразилась народная дума о тайнахъ бытія, о *матеряхъ* всѣхъ вещей, есть вѣнецъ и наилучшая характеристика этой грамотности-образованности. Изъ нея мы заимствовали приведенные вопросы, богатство и существо которыхъ обнаруживаютъ, что народный умъ ни разу не застывалъ въ долгій періодъ своей, мрачной, безотрадной и тяжелой жизни. Источники отвѣтовъ, высказанныхъ этою *Глубинною книгою*, очень легко прослѣдить въ тѣхъ же *жолтыяхъ сельскихъ сборникахъ* и разныхъ *цѣлтыкахъ*, о которыхъ мы упоминали. Ближайшимъ источникомъ послужила знаменитая «Бесѣда тріехъ святителей», а также статьи, составлявшіяся въ подраженіе ей или по ея образцу, статьи собственнаго произведенія. Въ подобныхъ статьяхъ, какъ мы замѣтили, выразилась философская, такъ сказать, метафизическая сторона народной грамотности, сторона умственныхъ отвлеченій, различныхъ мудрованій, всяческихъ *слубиль*, гдѣ являлись всевозможные вопросы, какіе только могли приходиться на умъ старинному грамотнику-мудрецу. Характеристика такихъ вопросовъ приведена нами выше, ихъ же текстомъ.

Область чувства, нравственныя и эстетическія требованія народа питались въ его грамотности легендарными сказаніями и повѣствованіями, гдѣ проходила тотъ же мническій и эни-

ческій мотивъ созерцанія, претворяшій каждый фактъ жизни, каждое даже книжное сказаніе въ собственную эпическую и эпическую плоть. *Сельскіе толстыя* сборники были наполнены такими легендами, повѣстями и житіями, изъ которыхъ особенно любимыми и, стало-быть, наиболее распространенными являются сказанія и житія въ родѣ повѣстей о Бѣсноватой Соломоніи, о Саввѣ Грудцынѣ, Петрѣ и Февроніи, и разныя мелкія сказанія. Вообще, сверхъестественное, чудесное составляетъ основную стихію этихъ сказаній. Здѣсь съ особенною рельефностью выступаютъ общіе любимые мотивы тогдашнихъ вѣрованій и представлены именно повѣствованія о борьбѣ человѣка съ демоническими силами, о козняхъ и наважденіяхъ этихъ силъ, обуревавшихъ нравственное существо тогдашнихъ людей. Живость этихъ вѣрованій и представлений была такъ велика, впечатлѣнія, производимыя подобными сказаніями и легендами, были такъ сильны, что эта сторона грамотности не оставалась въ жизни только словомъ, но очень часто претворялась въ дѣло, воспитывая характеры, управляя поступками и даже подвигами людей. Многіе сами безотчетно становились въ дѣйствительности героями тѣхъ идеаловъ, образы которыхъ такъ живо рисовались подобными сказаніями. Савва Грудцынъ, Соломонія и т. п. были не только литературными, но и жизненными типами, подобно любимымъ типамъ современныхъ намъ повѣстей и романовъ.

Такихъ образомъ, если русскій человѣкъ XVII ст. не могъ пользоваться, въ своемъ воспитаніи и развитіи, тѣмъ благомъ, какое доставляетъ намъ теперь школа, т. е. научное образованіе, если, какъ говоритъ г. Соловьевъ, для него не существовало этого переходнаго періода жизни между дѣтскою и обществомъ, и онъ долженъ былъ вступать въ жизнь тѣмъ же ребенкомъ съ младенческими наивными понятіями и представленіями, — то все-таки нельзя забывать о томъ, что и тогда су-

ществовала извѣстнаго рода образованность—грамотность, что эта грамотность имѣла весьма значительную долю вліянія на его образъ мыслей и понятій и, стало быть, служила своего рода школою для этихъ мыслей и понятій, своего рода образованіемъ, которое, хотя и приходило уже въ возрастное время, являлось безъ всякой системы и порядка, однакожь всегда успѣвало дать уму, чувству, воображенію, созерцанію извѣстный строй и складъ, руководившій помысленіями и дѣлами людей. Эта образованность—грамотность тѣмъ болѣе имѣла вліянія, что въ основѣ своего направленія нисколько не расходилась съ общимъ складомъ народныхъ воззрѣній; во многихъ отношеніяхъ она служила освященіемъ этихъ воззрѣній и литературнымъ ихъ выраженіемъ, почерпая отъ нихъ же свои силы и дѣйствія, въ свою очередь, на нихъ распространеніе и утвержденіе. Русская жизнь XVII вѣка явила множество фактовъ этого обоюднаго вліянія на человѣка непосредственныхъ своенародныхъ вѣрованій и грамотныхъ сказаній. Суевѣріе и суесвятство было самою дѣйствующею нравственною силою, предъ которой оказывались слабыми самыя повидному крѣпкіе и относительно образованные умы вѣка. Въ существѣ дѣла, это была поэзія, сторона живыхъ вѣрованій, сторона поэтическаго творчества народной жизни «Вся жизнь древней Руси, говоритъ г. Буславевъ, была проникнута поэзіею; потому что всѣ духовные интересы были понимаемы только на основѣ самаго искренняго вѣрованья, хотя бы источникъ этого послѣдняго и не всегда былъ чисто христіанскій. Множество примѣтъ, зачатій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго нитъ цѣлаго, была не собственно языческая, и не чисто христіанская, но какая-то смутная, фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами

христіанскаго міра соединилось нѣчто другое, болѣе согласное съ мнѣніями возрѣніями народнаго эпоса.... Отличительною чертою этого смутнаго состоянія духа было до страха доходящее убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ болѣе важномъ случаѣ жизни, можетъ внезапно оказать свое необычайное дѣйствіе» *).

Въ такомъ моментѣ живаго вѣрованія мы встрѣчаемъ даже самого царя Алексѣя, человѣка вполнѣ передоваго, привычнаго, по свидѣтельству современниковъ, многимъ философскимъ наукамъ, т. е. весьма начитаннаго и любознательнаго. Въ письмѣ своемъ къ Никону о смерти патріарха Іосифа, онъ рассказываетъ, между прочимъ, что прійдя въ церковь проститься съ покойникомъ, онъ никого не засталъ изъ лицъ, назначенныхъ сидѣть у гроба; одинъ лишь священникъ говорилъ псалтырь, и тотъ кричалъ во всю голову и всѣ двери растворилъ отъ великаго страха, что у покойнаго въ утробѣ шумѣла грыжа, внесло животь и лицо почало пухнуть... «Я думалъ, что онъ ожилъ и двери растворилъ для того—хотѣлъ бѣжать», рассказывалъ священникъ государю. «И меня прости, владыко святой, присовокупляетъ царь, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животь, какъ есть у живаго, да и мнѣ прійде *помышленіе такое отъ врага*: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавить; а вѣсь только я, да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я, перекрестясь, да взявъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ и въ землю итеть, чего бояться?....» Если такой человѣкъ, какъ царь Алексѣй, сильный и свободный уже однимъ

*) Истор. очерки русской народной словесности и искусства, т. II, 31.

сознаніемъ своего достоинства, вынужденъ былъ испытать борьбу съ суевѣрнымъ страхомъ предъ оставками покойника, то что же могло случаться съ людьми простыми, которыхъ умственный горизонтъ былъ несравненно ограниченнѣе, а нравственныя силы были угнетены и поработаны не однимъ только суевѣрнымъ страхомъ, но еще болѣе, можетъ быть, низменностью общественнаго положенія. Эти-то простые люди очень часто становились творцами различныхъ суевѣрныхъ именческихъ образовъ, въ дѣйствительное существованіе которыхъ они вѣровали съ живою искренностью. Одною изъ самыхъ обыкновенныхъ формъ такого творчества былъ навѣтъ, наважденіе и такъ называемая порча, сопровождаемая почти всегда вселеніемъ въ человека бѣсовской силы. Г. Соловьевъ приводитъ для характеристики времени нѣсколько случаевъ этого навѣта «Въ 1671 году, на дорогѣ въ Польшу пойманъ былъ подозрительный человекъ Ивашка Клеопинъ. Оказалось, что онъ въ Польшу шелъ съ тѣмъ, чтобъ тамъ за него стали, а назваться было ему въ Польшѣ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣвичемъ, умершимъ незадолго до того времени. Онъ еще во младенчествѣ былъ принесенъ въ домъ Алексѣя Клеопина, гдѣ и крещенъ; и называлъ онъ Алексѣй его *Ивашкой царевичемъ*. Свидѣтели его зятѣи, и въ томъ числѣ поппъ Кузьма, учившій его грамотѣ и писанью, и обличаемый имъ въ еретичествѣ, въ знаньи и держаньи у себя еретическихъ книгъ, показали, что Ивашка Клеопинъ умовреженъ, а умовредство ему учинилось тому шестой годъ и почалъ забываться въ то время, какъ онъ былъ на государевой службѣ, отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблюю сѣчь, а брата своего постѣкъ саблюю, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говорилъ, что онъ Ивашка *процалъ* (дѣлалъ чудеса) и исцѣлялъ многихъ людей и надъ матерью своею родною хотѣлъ неистов-

ственное дѣло учинить и самъ ножемъ рѣзался и въ огонь бросался и платье на себѣ драгъ. Отецъ Ивашки Алексѣй Клеопинъ, объявилъ, что Ивашка 20 лѣтъ слишкомъ отъ него изъ деревни бѣжалъ въ лѣсъ, потому что умовреженъ, и говорилъ всякія многія непристойныя слова и называлъ себя великимъ человѣкомъ, царевичемъ... Съ пытки Ивашка говорилъ: отецъ его родной Алексѣй Клеопинъ, а царевичемъ сталъ называться собою, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу было пошелъ собою наговорить Поляковъ, чтобъ шелъ войною на Луки Великія; а въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всѣхъ поклязалъ, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ. Ивашку повѣсили».

«Другой случай былъ въ Москвѣ. Въ 1651 г. Ѳеодоръ Шоловцовъ въ допросѣ объявилъ: отданъ онъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ (на исправленіе) черному попу Ильѣ, да съ нимъ же сидѣлъ подъ началомъ иноземецъ Кроковскій, и онъ испилъ у того иноземца квасу и у него въ брюхѣ почало шумѣть, и чааетъ, что въ тѣ поры онъ испорченъ. И послѣ того ходилъ онъ по отпуску изъ монастыря къ себѣ на дворъ, и пришедъ въ монастырь, учалъ говорить псалтырь, и въ тѣ поры передъ нимъ зашумѣло, какъ бы пролетѣлъ ангелъ или бѣсъ, и ангелъ велѣлъ ему Богородицы образъ со стѣны снять, да того, что непригоже образамъ кланяться, и онъ, снявъ со стѣны образъ да крестъ, положилъ на землю, и крестъ началъ вспрядывать, и онъ на образъ и на крестъ вступалъ ногами, а то дѣло Божье учинилъ онъ, то не просто, по ангелову велѣнію. А началъ онъ помышлять недѣль съ десять и больше, что иконамъ кланяться не подобаетъ, потому что Богъ на небесахъ, а то образъ Божій. Когда ему сказали, что Богъ невидимъ, мы св. иконы почитаемъ, а иконная честь на первообразное восходитъ, то онъ отвѣчалъ: всякому человѣку можно Бога ушными очами видѣть. Тому недѣли три или четыре

говорилъ ему казеннаго приказа дьякъ Захарь Онуфриевъ: худо у насъ то учинено, гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, тутъ торгуютъ и образами, и ему Федору съ тѣхъ поръ *вмѣстивлось* въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ поклоняться. Не стало Кодашевца Рагозина, а ему Федкѣ былъ другъ большой, и онъ по немъ тужилъ и плакалъ долгое время, и отъ той кручины ходилъ внѣ ума, и началъ мыслить о св. иконахъ, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные небрежьемъ и продаютъ въ торгу просто. И какъ государь праздновалъ въ соборной церкви Ризѣ Господней и онъ Федька началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на денежномъ дворѣ, кралъ, объявить и отдасть, и государь его пожалуетъ, вину его отдасть, и начнетъ его Федьку жаловать, и онъ надѣяся на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небеси, а иконамъ достойно ли поклоняться? Чтобъ государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь бы указалъ для иконъ устроить дворъ особый и писать тѣ иконы всѣмъ иконописцамъ справчиво, и приставилъ бы къ иконному дѣлу честныхъ людей. И какъ онъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ и приведенъ былъ въ келью, и тутъ стоялъ образъ Спасовъ Нерукотворенный, и онъ Федька началъ на тотъ образъ смотрѣть, и тотъ образъ началъ претворяться разными видами.

Если мы поглубже вникнемъ въ эти свидѣтельства, которыхъ факты вовсе не были какими-либо исключительными, необычайными и чрезвычайными явленіями, — наоборотъ въ тогдашней дѣйствительности ихъ можно было встрѣчать походя, — если мы прослѣдимъ до корней это *умовреженіе*, или это: *вмѣстилось въ мысль*, то въ какой ясности представятъ намъ всѣ умственные и нравственные смуты, двигав-

нія русскою жизнью предъ наступленіемъ реформы *). Все это было непосредственнымъ дѣломъ той особенной культуры понятій и представленій, которая вырастала и распространялась постепенно въ теченіе всей нашей до-петровской исторіи, претворяя древнѣйшія иищескія и эпическія воззрѣнія народа и занесенныя изъ-чужа грамотныя сказанія въ нѣчто своеобразное и своеобразное, въ известномъ смыслѣ дѣльное и законченное. Здѣсь умомъ и мыслью, а слѣдовательно, и нравственнымъ поступкомъ управляла своего рода логика, въ силу которой были неизбежны и совершенно послѣдовательны всѣ явленія, выразившіяся въ упомянутыхъ смутахъ народа. Здѣсь существовало особое, вполне законченное *умомащертаніе*, по которому какъ по готовому плану создались всѣ отдѣльныя, частныя и личныя случаи жизни и весь строй общественныхъ дѣяній. Трудно еще по случаю малой обработки предмета, выяснить основныя, коренныя умоположенія

---

*) Въ Сиб. Вѣдомостяхъ 1863 г. № 283, гдѣ печатана эта статья, ее сопровождаетъ: „*Приглашеніе духовнаго цензора*: Чтобы поглубже вникнуть, не угодно ли принять во вниманіе слѣдующее: Навѣтъ, наважденіе, при нихъ извѣстныя личности. Спрашивается: просто ли дѣло творческаго воображенія разсказъ объ этомъ? Вѣрованіе народное въ таинственную, чарующую, одинокую словенъ—арамесскую силу идетъ вистаря, проходитъ вѣва, держится до нынѣ: что за причина такого вѣрованія? Необразованность? Но если и въ настоящее время отнестись къ совѣсти образованныхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, — если и она и въ настоящее время, волей не волей, во наблюденіямъ надъ собой въ своихъ семействахъ, въ кругу своихъ знакомыхъ встрѣчаются лица въ лицу съ подобными явленіями и признають дѣйствительность ихъ: Вопросъ: можно ли признавать за причину извѣстности подобныхъ явленій немудъ старинными людьми въ нашемъ отечествѣ ихъ необразованность? Нѣтъ ли право некоторыя забрасывать такія явленія своимъ взглядомъ, или одинокую словенъ—необразованности оговаривать ихъ, не войдя въ силу и значеніе ихъ точно, разсенокъ. За чѣмъ въ этомъ случаѣ лишаютъ вѣрмъ голосъ народный, его громадное свидѣтельство и при томъ вѣвовое? За чѣмъ не принять во вниманіе, внушаемой таинныя свидѣтельности?“

этой культуры, но не трудно усмотрѣть, что она была выработана и закончена до убѣжденія въ рѣшительную непогрѣшимость собственнаго авторитета. Ея авторитетъ всегда съ такою силою высказывался во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ въ XVI и особенно въ XVII ст. Весь смыслъ старообрядческихъ движеній въ эту эпоху заключается именно въ борьбѣ этого авторитета старой, всюду водворившейся культуры понятій и созерцаній съ стремленіями общества выйти на прямой и свѣтлый путь дѣйствительнаго знанія, на путь просвѣтляющей науки, которая, въ самыхъ своихъ началахъ, тѣмъ же авторитетомъ была отречена, какъ источникъ всякой ереси. Въ существѣ дѣла и старообрядчество и расколъ отстаивали не одни только старыя книги, обряды и формы, перстосложеніе, алялуію и т. п.; это были только видимые знаки, стороннія или даже, какъ напримѣръ поведеніе Никона, случайныя причины начавшейся борьбы. Они, внутри своего чувства и разумѣнія, отстаивали дѣлность, неприкосновенность и независимость всего строя жизни, созданнаго вѣками, они боролись за дѣлность стараго умоначертанія, которому грозилъ страшными перемѣнами духъ наступающей новины—реформы, они боролись за старую образованность, за родную культуру. Подъ именемъ *старой вѣры* люди XVII ст. разумѣли извѣстный *уставъ, домострой* всей жизни, органическую совокупность вѣрованій, воззрѣній и представленій, дѣлность своего міросозерцанія. Если одна часть, меньшинство общества, предчувствовало и инстинктивно призывало реформу, то и старовѣры тоже предчувствовали, но отрицали реформу, какъ ту силу, которая по необходимости должна не только переставить обычай, но и совсѣмъ упразднить старый корень міросозерцанія, тѣ мнѣшескіе и эпическіе источники жизни, съ которыми такъ сроднилось и сжилось это міросозерцаніе. Такимъ образомъ, борьба поднялась не за персты, а

за начала жизни, и очень естественно, что она велась, какъ говорится, не на животъ, а на смерть, тѣмъ болѣе, что въ началѣ борьбы и въ самомъ ея разгарѣ обѣ стороны стояли еще на одной и той же почвѣ: умственный поворотъ общества не успѣлъ еще совершить своего круга и сознательно уяснить свои собственныя задачи.

«Если въ XVII вѣкѣ, говоритъ г. Соловьевъ, *явились* (?) люди, которые, смѣшивая существенное съ несущественнымъ, готовы были умереть за двуперстный крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что другіе, употреблявшіе трехперстное сложеніе, всѣ вдругъ поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное отъ несущественнаго и снисходительно смотрѣть на заблужденія меньшей (?) братіи. Люди, которыхъ авторитету они подчинялись, сказали имъ, что трехперстное сложеніе правильнѣе; они приняли это болѣе правильное употребленіе и этимъ поразнились отъ людей, оставшихся при двуперстномъ сложеніи; но во взглядѣ на важность дѣла они нисколько не разнились; какъ послѣдователи двуперстнаго сложенія были убѣждены, что это необходимое условіе для спасенія, и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божиими, слугами антихристовыми, съ которыми нельзя имѣть никакого сношенія, точно также должны были смотрѣть на нихъ и противники ихъ, ибо вовсе не было условій, по которымъ бы они могли смотрѣть иначе. Церковный мятежникъ! Мятежникъ противъ самого Бога! Что могло быть хуже этого? Какое снисхожденіе можно было оказать такому человѣку? Люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило некажать въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ—ясный знакъ, что *взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же*, властвіе чего могла быть только ожесточенная борьба, безъ уступокъ

и сдѣлокъ. Перемена взгляда, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго, могло явиться при вліяніи новыхъ условій не ранѣе, какъ слишкомъ черезъ столѣтіе; тутъ только явилась и возможность снисхожденія, возможность уступокъ и сдѣлокъ. Архіерей въ родѣ московскаго митрополита Платона, могъ явиться только во второй половинѣ XVIII, а не во второй половинѣ XVII вѣка, когда происходило, напр., слѣдующее: въ 1655 году прислали Бѣлоруссовъ въ Вологду и священники обратились къ архіерею съ вопросомъ, пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требами? Архіерей—къ патриарху, и тотъ отвѣчалъ: «если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать» (стр. 143, 144).

Приведа этотъ тонкій и глубоко вѣрный анализъ дѣла, мы никакъ не можемъ однакожь согласиться съ авторомъ, что причины раскола, причины его *народженія* главнымъ образомъ заключались будто бы въ столкновеніи старыхъ учителей народа съ новыми. Онъ объясняетъ народженіе раскола такимъ образомъ: сказавъ сначала, какъ вообще была настоятельна нужда въ учителяхъ и какое затрудненіе представлялось отыскать учителей не иновѣрныхъ, которыхъ опасались, но православныхъ, которыхъ наконецъ нашли въ лицѣ южно-русскихъ и греческихъ ученыхъ, авторъ продолжаетъ: «Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой великороссіанинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха по латыни и по гречески, сталъ ученіе своего стараго учителя, своего отца духовнаго, говорилъ, что *и то не такъ, и другое не такъ*, и что отецъ духовный многое неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные.

Свѣтопреставленіе! Янца курицу учать! Чего ждять добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи виѣстѣ съ латынью учать разными ересями, но мало того, что русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ, хотять еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни; хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексея Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, *народился*, народился изъ неминуемаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ протопопамъ: книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что виѣсто исправленія, книги испорчены, и патриархъ поручаетъ снова исправлять книги новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и кѣмъ? пришлыми кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи что знаютъ, чему учать! сами-то православны ли! *Народившійся уже прежде расколъ выросъ*. Легко понять впечатлѣніе, произведенное на многихъ объявленіемъ старыхъ учителей, не потерявшихъ своего авторитета, что новые учителя, греческіе и кіевскіе монахи, принесли новизны, ереси латинскія: западные русскіе люди давно уже связались съ латинянами, да и Греки отступили отъ православной вѣры, и книги свои печатають въ латинскихъ типографіяхъ. Большинство удержалось при авторитетѣ церковнаго и гражданскаго правительства, принявшаго сторону новыхъ учителей; но известная часть народонаселенія объявила себя на сторонѣ старыхъ учителей, вслѣдствіе чего должна была отсоргнуть авторитетъ церковнаго, а виѣстѣ съ тѣмъ и гражданскаго правительства, «раскольщики, церковные мятежники

явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, въ ихъ глазахъ, гнала правую вѣру, — власти антихристовой. То, что, по извѣстному закону, бываетъ всегда и вездѣ слѣдствіемъ внезапнаго освобожденія отъ какого-бы то ни было авторитета, произошло теперь и въ Россіи въ области раскола. Отвергнувши разъ авторитетъ церковнаго правительства, единое для всѣхъ обязательное ученіе и правило, расколъ, не имѣя возможности составить изъ себя церкви съ единымъ правительствомъ, долженъ былъ расприснутъ на множество толковъ по множеству толковниковъ, не сдерживаемыхъ въ своихъ толкованіяхъ никакою властью, никакимъ авторитетомъ. После того какъ разъ извѣстный авторитетъ, власть отвергнута, является сильное стремленіе высвободиться отъ всякаго авторитета, отъ всякой власти, отъ всякихъ общественныхъ и нравственныхъ узъ. Гусситское освобожденіе въ Чехіи отъ авторитета римской церкви быстро повело къ таборству, къ коммунизму; Лютерово освобожденіе въ Германіи отъ авторитета той же церкви повело къ такому же явленію въ анабаптизмъ. Подобное же стремленіе къ крайностямъ свободы явилось и у насъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ толкахъ» (стр. 141).

Все это дѣйствительно такъ представляется, если смотрѣть на происхожденіе раскола съ внѣшней, такъ-сказать официальной стороны, какъ смотрѣло, напримѣръ, въ то время духовное и гражданское правительство. Что *личныи* элементъ — столкновеніе между новыми и старыми учителями и отверженіе послѣдними авторитета церкви, — имѣлъ въ этомъ дѣлѣ значительную долю вліянія, это несомнѣнно. Такъ исключительно представлялось движеніе раскола правительству и такъ оно понимало его до послѣднихъ лѣтъ. Мятежъ, слѣдовательно, начинаніе *лицъ*, слѣдовательно дѣйствіе и движеніе *личныхъ* страстей и стремленій; стоить только обезсмыслить этотъ

личнымъ составъ раскола, личный его элементъ, и дѣлу конецъ. Но извѣстно, что такой взглядъ никогда не доводилъ до дѣли и въ практическомъ пониманіи событій, подобныхъ раскольническому движенію; тѣмъ менѣе онъ можетъ быть примененъ въ приложеніи къ исторической задачѣ. Историкъ можетъ глубже вникать въ причины каждаго событія. Есть ему время и есть полныя средства дорыться до корней событія, чего, разумѣется, не въ силахъ сдѣлать современникъ, а тѣмъ болѣе современникъ-правитель, всегда стоящій въ необходимости вести борьбу, прежде всего, съ внѣшними только проявленіями внутреннихъ народныхъ силъ, между тѣмъ какъ для историка эти внѣшнія проявленія имѣютъ уже второстепенное значеніе. Причины раскола и происшедшей вмѣстѣ съ нимъ умственной и нравственной розни заключались главнымъ образомъ не въ личныхъ столкновеніяхъ учителей, а въ столкновеніи старой, уже авторитетной культуры общества съ новыми его стремленіями. Если церковное и гражданское правительство пользовалось авторитетомъ, то и эта культура имѣла столько же сильный авторитетъ. Отсюда ведетъ свое начало и то явленіе, что оба стана ведутъ борьбу однимъ и тѣмъ же оружіемъ. Повторимъ снова весьма справедливыя слова г. Соловьева: «люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило исказить въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ — ясный знакъ, что взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же». Этотъ взглядъ и составляетъ то, что мы обозначаемъ именемъ старой культуры, и умственной, и нравственной. Большинство народа въ этомъ случаѣ играло, какъ обыкновенно, пассивную роль. Оставаясь при прежнемъ, живя тою же старою культурою, оно только лишь безъ противорѣчій выслушало и приняло нова распоряженія. Энергическое меньшинство начало борьбу

и раздѣлилось на два стана, изъ которыхъ одинъ звалъ реформу, не видя, однакожъ, всѣхъ ея послѣдствій, другой отвергалъ ее во имя цѣльности восьмидѣтковаго развитія. На сторонѣ одного была авторитетная внѣшняя власть, а следовательно большинство. Тѣмъ только въ началѣ онъ и былъ силенъ, потому что сила новыхъ идей мерцала еще въ будущемъ, въ жизненномъ ихъ развитіи. Противники стояли за старое и на своей сторонѣ имѣли еще большую власть внутреннюю, власть преданія, власть привычки, власть всего строя жизни или всей культуры, которую создала эта жизнь, — вотъ почему они и имѣли такой обширный успѣхъ въ своемъ претивоборствѣ и не были побѣждены внѣшнимъ принужденіемъ. Здѣсь во всей силѣ обнаружился только неизмѣнный законъ жизни и исторіи, что складъ внутренняго развитія нельзя перестроить наружными, чисто внѣшними понужденіями, что внутреннее устройство дома, планъ, разищеніе и обширность его комнатъ невозможно преобразить, передѣлывая или совѣсть закладывая только двери, окна, давая различный фасадъ дому или различную форму его кровлѣ. Еслибъ было понято, что это не личный мятежъ нѣсколькихъ старыхъ учителей, а движеніе всей жизни, отстаивавшей цѣльность и неизмѣнность своего міросозерцанія, свой строй и домострой, выработанный вѣками, тогда невозможны были бы и тѣ событія, какими сопровождалась борьба, и на оборотъ, возможнѣе была бы скорая побѣда.

Сѣмена расколоченія, это смѣшеніе существеннаго съ несущественнымъ, святаго съ суесвятнымъ и суевѣрнымъ положены были въ понятіе народа очень рано, съ самыхъ первыхъ вѣковъ нашего христіанства. Они вѣстѣ съ эпископскимъ и мѣщанскимъ складомъ всей жизни, дали особое, своеобразное направленіе народной грамотности, которая и доставляла богатые источники для распространенія и развитія различныхъ

толковъ раскола и даже различныхъ сектъ. Тотъ же духъ и характеръ вопросовъ, недоумѣній, сомнѣній и смущеній, какимъ отличается народная грамотность въ XVII ст., накануне самой реформы, тотъ же духъ и характеръ выразился очень рельефно, изрипнѣвъ, въ известномъ «Кириковомъ вопрошаніи, иже вопроша епископа новгородскаго Нифонта» и въ другихъ подобныхъ статьяхъ, внесенныхъ даже въ число «Законыхъ правилъ» древняго номоканона. Младенческое пониманіе вѣроученія, такъ свойственное первому времени распространенія христіанства, въ общемъ своемъ характерѣ, оставалось почти недвижимымъ въ теченіе всего до-петровскаго періода исторіи. На его основѣ развилась грамотность народа и образовалась известная культура понятій, съ глубокою вѣрою въ собственный авторитетъ, весьма много способствовавшая умственной и нравственной розни народа. Одно изъ главнѣйшихъ уположеній этой культуры заключалось въ искреннемъ и самомъ живомъ убѣжденіи, что «никого силою нельзя заставить Богу вѣровать», какъ выразился нѣкто Василій Отневъ въ письмѣ къ своимъ московскимъ друзьямъ, по поводу того, что «принялъ онъ съ новгородскимъ митрополитомъ Никономъ (на пути въ Соловки, къ мощамъ св. Филиппа), силою заставляя говѣть». Случайно сказанное—это слово выражаетъ, однакожь, истину убѣжденія, общаго всему народу, общаго по общему духу представленій и вѣрованій народа. Нигдѣ столько не искалъ свободы русскій человекъ, какъ въ этомъ внутреннемъ задушевномъ ширѣ своихъ созерцаній.

Онъ искалъ вѣры, почерпаемой силою убѣжденія, а не силою принужденія, и всю свою исторію засвидѣтельствовалъ свою преданность этому истинно-христіанскому глубоко-человѣчному воззрѣнію, которое вовсе не могло побуждать его къ тому, чтобы проповѣдь христіанской вѣры утверждалась въ народѣ мечемъ и огнемъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ об-

щій характеръ его собственнаго крещенія и его отношеній къ язычеству ииородцевъ; таковъ былъ общій духъ распростра-ненія христіанства по всей русской землѣ. Той же свободы и силы живаго убѣжденія онъ искалъ и у себя дома, въ собственныхъ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ вѣроученію. Истины вѣры и ея догматовъ онъ стремился претворить въ живыя силы собственнаго сознанія; онъ неустанно въ теченіе 8-ми вѣковъ работалъ на этомъ пути и если заблуждался на немъ, то несравненно меньше по своей винѣ, чѣмъ по винѣ извѣстныхъ обстоятельствъ. Понятно, что при скудныхъ силахъ своей грамотности, отличавшейся совершеннымъ отсутствіемъ хотя какой либо доли положительнаго знанія, онъ скорѣе удалялся въ область представленій эпитическихъ и мионическихъ, чѣмъ въ область отвлеченныхъ положеній чистаго ученія, которыхъ не могъ еще осилить его младенчествующій умъ. Потребность живаго пониманія вѣры, онъ выразилъ въ своей поэтической дѣятельности, которая «стихами» пропѣла его религіозныя думы, «стихами» изображала его любимыя религіозныя типы. Тоже поэтическое творчество его духа въ религіозной сферѣ послужило главнымъ источникомъ для созданія различныхъ сектъ и *согласій* его отпаденія отъ истинной церкви. Начало ихъ скрывается совсѣмъ не такъ близко, какъ мы полагаемъ. Они сами большею частію не понимаютъ своего происхожденія и стали съ большею силою обнаруживаться только въ то время, когда, по ходу развитія народной жизни, стали обнаруживаться и выясняться всѣ ея элементы. Какъ произведеніе извѣстной культуры понятій и представленій, извѣстной сферы міросозерцанія, они выросли естественнымъ и незамѣтнымъ для исторіи путемъ, тихо и скрытно, внутри народнаго духа, не озареннаго просвѣтительнымъ свѣтомъ науки и потому блуждавшаго еще въ полужыческой, полумионической непосредственности.

ЖЕНЩИНА ПО ПОНЯТІЯМЪ СТАРИННЫХЪ КНИЖНИКОВЪ.

Книга о зловрачныхъ женихъ, згло потребна, а желамъ досадна. (Старинная рукопись.)

Предки наши не были равнодушны къ вопросу: что такое женщина? Мыслящіе, книжные люди того времени употребили не мало стараній и много тогдашней учености, чтобы разрѣшить эту интересную загадку. Оставаться равнодушнымъ было невозможно, потому что женщина — важнѣйшій узелъ семейной жизни — не могла же не имѣть особеннаго значенія для общества, которое жило и руководилось по предписанію семейными, патриархальными понятіями. Въ сѣмѣ нельзя было отказать ей въ самостоятельномъ голосѣ, въ долѣ извѣстныхъ правъ, которыя во многихъ случаяхъ ставили ее въ равныя отношенія къ мужчинамъ. Но признать за женщиною какія-либо права — значило признать за ней долю нравственной свободы, а этого древній нашъ предокъ никакъ не могъ допустить, ибо вовсе не понималъ, чтобы *женское естество* дѣйствительно обладало тѣмъ же человѣческимъ достоинствомъ, тѣми же дарами, какіе принадлежали мужчинамъ, какъ человѣку въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны, немного успокоенія приносило и отрицаніе этого достоинства

въ существѣ. Авторъ эмпирически изучившись на личномъ опыту, писалъ о немъ, писалъ даже много въ женскомъ платьѣ. Чтѣли тогда женщины? впрочемъ прости. Свободно для женщины или, добротъ или даже начало любить въ ней, добротъ или даже «состраданіе» или милость?

Чтѣ женщины свободно—это было рѣшено окончательно и не подлежало уже сомнѣнію. Женщина, при разрѣшеніи этого вопроса, любила востановить въ женщинѣ, любилъ принимать на себя зачатки порочнаго членства. Стала себя, въ лицѣ протеста, въ гласѣ тула моего партия, она ослѣпительному нутромъ приняла въ заключеніи, что женщина—существо въ отвлеченіи въ виду некое, зависящее, несвободное, что она господствуетъ ей, что она собственно женщина, а не человекъ, ибо это она первоначально было притворство только снѣ одному. Въ этотъ смелый шагъ разстановила себя и глубоко-антисемитское выраженіе: кость отъ костей и плоть отъ плоти носѣ, которое, вытѣсь съ другими первобытными вытѣсьми о изначаленіи женщины, легло основаніе общаго убѣжденія кѣмъ възкомъ. Последствіе этого убѣжденія сличилось очевидно, и не для чего много говорить объ немъ. И тѣмъ критиче было это убѣжденіе, чѣмъ ниже была степень народнаго образованія и развитія. Тамъ, гдѣ общеніе руководилось по преимуществу семейнымъ, кровнымъ началомъ, гдѣ общественность еще не была пробуждена,—тогда ли женщина имѣть какое-либо другое значеніе, кромѣ значенія половаго, опредѣленнаго различными родовыми отношеніями? Общественность, выставляя на сцену жизни личность, какъ идею, возстановляя равенство лицъ, равновѣсіе жизненныхъ отношеній, возстановляя въ то же время и утраченныя права женщины, ибо женщина, являясь членомъ общественной жизни, органомъ общественности, сама собою уже входитъ и во все принадлежащія ей человѣческія права. Общественный союзъ основывалъ

на уменьшии челоуѣческаго достоинства въ его членствѣ, на уменьшии личности, на приуменьшии достоинствъ челоуѣческаго. Въ немъ всѣ члены равны: каждый представляетъ самостоятельное, равноправное лицо. Общественность возводитъ лицо до лица, и въ каждомъ своемъ членѣ прежде всего признаетъ не имя, не произношеніе, не состояніе и знаніе, словомъ—не чинъ, имя, фамилію, а идею челоуѣка, идею челоуѣческаго достоинства. Напротивъ того, въ томъ бытіи, гдѣ въ людскихъ отношеніяхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ и всѣмъ управляютъ отношенія родства и по нимъ устроятся самыя формы общественности, нѣтъ собственно лица, равноправнаго личностей, челоуѣковъ общественнаго союза: тамъ есть только члены союзу, члены родствъ, *омочество*, старшіе и младшіе, дѣды, отцы и дѣти: то-есть вообще *ребякиа, чады*. Союзъ родства, не существуя своему, не допускаетъ никакого равенства между своими челоуѣки. Смыслъ по себѣ здѣсь никто не имѣетъ значенія, ибо союзъ родства не признаетъ личныхъ достоинствъ: онъ разсчитываетъ только достоинства старшинства (семейнаго, родоваго, служебнаго — все равно, потому что и служебное старшинство понимается, какъ старшинство родовое), и по этимъ достоинствамъ опредѣляетъ *честь* челоуѣка, то-есть совокупность правъ, которыми онъ долженъ пользоваться въ обществѣ, *честь*, принадлежащую собственно не лицу, а той степеню родства, какою представляло лицо. Взаимныя отношенія другъ къ другу въ такомъ устройствѣ обществѣ опредѣляются *омочкою, оможествомъ*: по имени челоуѣку нѣкто даетъ, но отчичъ его жалуютъ, то-есть по личнымъ правамъ въ немъ признаютъ, а права отчества, права *омечка*, родовыя, следовательно права вѣщныя, случайныя. *Омечкій* смыслъ воздѣ имѣетъ преимущество передъ другими. «Челоуѣкъ не славна родителя, говорилъ тогдашніе житейскіе мудрецы, а высокоумень, зки птица безъ крылъ, убивается о

земля, а воздѣтъ не можетъ». Кто терялъ отчество, свой родъ-племя, свою породу, тотъ терялъ видѣствѣ съ тѣмъ и со-ответственныя своей отчине права, дѣлался сиротомъ, человѣкомъ безправнымъ для общества. Цѣлые разряды народа, утративъ во видѣствѣ вѣкъ отчество, свою породу, утратили видѣствѣ съ тѣмъ и величанье по отчеству: ихъ называли только именами. Да и тутъ были степеня: меньше прѣзъ видѣствѣ чело-вѣкъ, больше значеніе онъ пользовался въ обществѣ — его называли даже полуименемъ: Васька, Ганька; при-обрѣталъ чело-вѣкъ какое-либо значеніе — его звали уже Васи-льемъ, Гавриломъ. Новая степеня значенья давала и новую степеня величанья; прибавляли отчество и говорили: Васи-лій Ивановъ, Гаврила Петровъ. А доходилъ чело-вѣкъ, умѣлъ ли, богатствовъ, заслугами, или чѣмъ другимъ, до самостоя-тельнаго органа тогдашней дѣйствительности, — отческое начало подносило ему высшую отческую честь, которую оно обратило даже въ особенную награду за службу, оно жалова-ло чело-вѣка *вицемя*, то-есть прибавкою къ отческому про-званію частицы *вицъ*. И вотъ изъ Васьки, Василья Иванова, вырасталъ наконецъ Василій Ивановичъ. Ребятъ-дѣтей и ре-бятъ людей вианшихъ, *чермыцъ* разрядовъ кликали всегда по-луименемъ; возрастныхъ, въ томъ и другомъ смыслѣ — дѣ-дымъ именемъ; возмужавшимъ прибавляли отчество, а стар-шихъ, дѣдовъ и отцовъ, опять въ томъ и другомъ смыслѣ, величали съ *вицемя*. Такъ сильны были кровныя патриар-хальныя понятія въ старой нашей дѣйствительности. Теперь еще есть украинны, гдѣ назвать кого по отчеству только, безъ имени, значить выразить особенное уваженіе этому лицу, оказать особенный почетъ. А если съ величаньемъ соединя-лось понятіе о мѣрѣ *чести*, *почести*, какую воздавали ли-цу, то, естественно, приведенныя степеня величанья указы-ваютъ и на систему житейскихъ отношеній между людьми.

Отношенія эти развѣшивались, смотря по отчнѣ лица и по старшинству членовъ каждой отчины, каждаго рода, представляя такимъ образомъ необозримое неравенство отчиннаго достоинства, которымиъ различались люди. Каждый носилъ особенную *чеснь*, какую давало ему отчество, то-есть особенную мѣру почета, по которому онъ занималъ мѣсто въ обществѣ, и которая подчинялась самымъ многообразнымъ случайностямъ, слѣдовательно не представляла ничего положительнаго и неотъемлемаго. Каждый въ обществѣ принимался быть не самъ по себѣ, какъ вообще человекъ, человѣческая личность, а каковъ былъ по отчнѣ; отсюда постоянное мѣстничество, не въ службѣ только, а въ каждодневной жизни, особые уставы, порядки, кого и какъ принимать, гдѣ сажать и т. п. О равенствѣ общественныхъ правъ понятія не было. Въ старинной нашей общественности, которую въ строгомъ смыслѣ называть такъ рѣшительно невозможно, не было двухъ лицъ, которыя обладали бы въ обществѣ равными правами. Если такія и являлись, положимъ на обѣдѣ, то самое сидѣнье за столомъ тотчасъ же дѣлало ихъ неравными, потому что за столомъ садился по семейному, родовому старшинству. Одного мѣста двое занимать не могли, слѣдовательно кто-нибудь долженъ былъ сѣсть *ниже*. Хотя старина и поговаривала, что «бываютъ въ пирахъ и въ бесѣдахъ глухие люди, хотя и вперед сидятъ, и тутъ ихъ обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ и находятъ», тѣмъ не менѣе это *ниже* или *выше*, принимаемое за основаніе людскихъ отношеній, было оскорбительно для тѣхъ, кои были или считали себя равными.

Выраженіемъ нашей старинной общественности, и почти единственнымъ, былъ *пирь-бесѣда*; оттого въ народной эпосѣ, въ богатырскихъ пѣсняхъ, имъ большею частію начинается разсказъ.

На ирку-бесѣдѣ люди собирались дѣлать проиш, воселиться другъ съ другомъ; следовательно, здѣсь ны должны искать тѣхъ формъ обществія, въ которыя выразилось начало, управлѣнное людьми во взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ. Какъ мы встрѣчали, какъ принимали другъ друга или проиш на этихъ ирку-бесѣдахъ? Было ли это свободное, ничего не связывающее и не тѣснѣющее собраніе людей, съ цѣлю провести время въ *общество*, и дѣйствительно ли собиралось здѣсь *общество*, то-есть совокупность лицъ другъ другу равныхъ или, по крайней мѣрѣ, равно съ другими принимаемыхъ, равно съ другими чествуемыхъ? Еслибы это было такъ, то къ чему сталъ бы заводить ассамблеи Петръ Великій, избавившій насъ отъ всѣхъ старинныхъ церемоній и многообразныхъ загородъ, наставленныхъ патриархальными понятіями, чтобъ велически стѣснить свободные шаги лица? Нѣтъ. Древній ирку-бесѣда не представлялъ *общества* въ теперешнемъ смыслѣ. Это было собраніе людей, которые разсчитывали свои отношенія другъ къ другу, не *отчиму*, но отеческой чести. Человѣкъ опредѣлялся его принадлежностью къ извѣстному разряду родовой, наследственной чести. Чѣмъ выше была *морода* человѣка, тѣмъ онъ былъ *старше*, тѣмъ большій ему почетъ давали, на высшее противъ другихъ мѣсто сажали. За такими разсчетами человѣческая самостоятельная личность не была видна. Лице, являясь въ тогдашней общественности, впередъ всего несло свою отчину, *дядьму*, честь своего отечества, а отечествомъ признавался даже каждый служебный разрядъ лицъ. Въ началѣ честь, высота породы или отечества опредѣлялась конечно наследственностію занатій, которыя въ первобытномъ обществѣ представляли своего рода службу землѣ, и по мѣрѣ пользы, значительности для общества этой службы, были выше, почетнѣе, сильнѣе, нежели другія. Военный, въ послѣдствіи служивый въ собствен-

нонъ смыслѣ разрядъ народа стоялъ на первомъ планѣ, выше другихъ, торговый выше ремесленного или посадскаго, ремесленный выше земледѣльческаго, и смерды были послѣдними въ этой дѣстанцѣ. Съ развитіемъ государственности явилось много и другихъ разрядовъ чести; но первобытное дѣленіе людей осталось въ своей силѣ, и новые разряды должны были къ нему примѣриваться, приравниваться. Порода военного разряда, княжеская, боярская, дворянская, почиталась высшею породою, оттого съ такою щекотливостію она и охраняетъ вездѣ свою честь. Каждый служебный разрядъ, каждый членъ людей имѣлъ свою степенъ чести, которая считалась его породою, его отчествомъ, такъ что каждый чинъ въ этомъ смыслѣ представлялъ какъ бы особый родъ, богѣ или менѣе честный, почетный, старшій. Человѣкъ, выходя изъ кровнаго, родоваго, патриархальнаго быта въ государственный, иначе и не могъ опредѣлять своихъ новыхъ отношеній какъ на основаніи прежнихъ же своихъ понятій. Точною его отправленія была семья и родъ, родственное старшинство и меньшинство, которое онъ усматривалъ всюду и облекъ имъ служебныя и другія отношенія, явившіяся съ развитіемъ государственности. Во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ старшій уклонялся въ роль отца, младшіе разужили себя дѣтьми. Родственные отношенія были преобладающими началомъ въ старомъ нашемъ обществѣ. Служебную честь (въ обширномъ значеніи) каждый понималъ какъ родовое старшинство, почиталъ ее своею породою, своимъ отчествомъ.

Собирались люди на пирь-бѣсѣду — они сажались по старшинству чиновъ, — не по старшинству ранговъ, которыхъ не существовало, а по старшинству родовыхъ чиновъ, то-есть разрядовъ народа, бояре съ боярами, дворяне съ дворянами, посадскіе съ посадскими и т. д. Каждый разрядъ, какъ мы сказали, представлялъ *отчество* для его членовъ, то-есть

рода, къ которому они принадлежали. По этому отчеству или отчичь гостямъ и мѣсто даютъ и жалуютъ, чествуютъ ихъ. Приходитъ на пиръ къ князю Владимиру богатырь Алеша Поповичъ, — князь прежде всего спрашиваетъ, какъ его зовутъ: по имени можно мѣсто дать, по *изотчеству* пожаловать. Алеша отвѣчаетъ:

„Меня, государь, зовутъ Алешю Поповичъ.
Изъ города Ростова, сынъ стараго пона соборнаго.

Владимиръ князь обрадовался, говорилъ такovy слова:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
По отчеству садися *въ большое мѣсто, въ передній уголокъ*.
Въ *другое* мѣсто богатырское,
Въ дубову славию противъ меча;
Въ *третье* мѣсто, куда самъ захощь.

Почему князь предлагаетъ Алешѣ, по его отчеству, первое, большое мѣсто въ переднемъ углу? Потому что отчество Алеша, *поповичъ*, чествовалось встарину всегда выше другихъ отчествъ. Священническому чину должно было оказывать велию вѣру и любовь, и повиновение и покорение. Священникъ всегда и занималъ первое мѣсто на пирахъ-бесѣдахъ. До сихъ поръ народъ говорить, что въ *передній уголъ* садятся или попь или дуракъ, обозначая въ первомъ случаѣ неотъемлемое, освященное обычаемъ право, а въ послѣднемъ—человѣка, какъ тогда говорили, нечувствительнаго, неискускаго, неученаго, невѣжду, лишенаго смысла и понятій о добромъ порядкѣ въ житейскихъ отношеніяхъ. Пріѣзжаетъ на пиръ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ — его сажаютъ «по край стола, да по край скамьи», то-есть на послѣднее мѣсто, по его крестьянской порядѣ ¹⁾).

¹⁾ Месивитинникъ, 1843 г., № 11. стр. 14. Для богатырей существовало впрочемъ на пирахъ у Владимира особое мѣсто, *другое* по счету,

Какъ не были равны честью разряды, чины народа, такъ не были равны честью и члены каждаго разряда. Они не могли *жопьшатся жьстами* и състь, кто куда сълъ. Одинаковый чинъ, уравнивая своихъ членовъ въ правахъ служебныхъ, нисколько не уравнивалъ ихъ въ тогдашнемъ общежити, въ тогдашней общественности. Здѣсь каждый изъ членовъ не былъ самостоятельнымъ представителемъ своего званія, равнымъ съ другими; онъ былъ представителемъ известнаго *отечества*, известнаго, болѣе или менѣе *честнаго*, почетнаго, породистаго рода, и этимъ отечествомъ становился выше или ниже другихъ своихъ сверстниковъ, своей братьи по чину, разряду. Здѣсь ни у кого не было своего самостоятельнаго лица, а всякій представлялъ только известный номеръ своего отечества, по которому и входилъ въ общую ну-

дбовая сванья. Нужно замѣтить, что высшія мѣста были на лавкѣ, отъ передняго угла и сванья ставилась съ противоположной стороны стола. Говорятъ, что на богатирскихъ пирахъ Владимира, богатыри садилась на сваньѣ по по-аристократическому праву породы, что такъ сидѣлъ и бояринъ, и коновничъ, и смнъ гостя (купца), и крестьянинъ, что былъ *есмъ* или *роемъ* *мочетъ*, что, входя на пиръ, они колялись, кланялись *внцъ* и на *есъ* *четыре стороны*, что это былъ поклонъ *общественный*, *есмъ* *раемъ* и т. д. Говорятъ все это по случаю изложенія богатырскихъ пѣсенъ и характеристикъ богатырей (Статья г. К. Асанова въ IV т. Русской Бесѣды.) Но въ тѣхъ же пѣсняхъ, въ сомагннш, мы находимъ мало подтвержденій этимъ словамъ. Даже общественный поклонъ на четыре стороны, всѣмъ равнымъ, не могъ быть таковымъ въ действительности, потому что дѣлалъ *есмъ* на четыре разряда и начинался съ передняго угла, гдѣ обыкновенно сидѣли *старшіе*, *болшеіе*, слѣдовательно прежде всего воздавалъ честь старшимъ, а затѣмъ доходилъ и до младшихъ. Онъ былъ общъ и равенъ въ отношеніи только въ каждому изъ четырехъ разрядовъ. На богатирской сваньѣ садилась богатыри разныхъ *отечествъ*; мѣста на сваньѣ не были равны: одно было выше, другое ниже, начинался же такъ отъ передняго угла. Мѣста же давались не отечеству и служили выразіемъ известнаго почета, и если они не были равны, то слѣдовательно не были равны и почетъ. Богатырь-бояринъ садился всегда выше четыри-крестьянина.

мерацию мѣсть. Котошихинъ рассказываетъ, что въ царской Думѣ и за столомъ, бояре, окольные и думные дворяне сажались на лавкахъ по чинамъ, то-есть бояре, окольные, дворяне, каждый чинъ отдѣльно, но бояре подъ боярами сажались уже по роду своему и по чести, то-есть по отчиму, кто кого честиѣ породю, а не по службѣ, и не по тому, кто кого старѣ въ чину, *хотя кто и сегодня можаловалъ, —наутрѣ, по породѣ своей, учнетъ сидѣти выше.* Вълѣдствіе того бояре, царю свойственные по паритѣ (напримѣръ отецъ царицы), въ Думѣ и за столомъ у царя не бывали, потому что имъ подъ нынѣшними боярами сидѣть стыдно, а выше неугодно, что *породю не высоды.* Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же самыя правила свято наблюдались и въ частномъ быту. На каждомъ пиру отношенія людей устранивались по этой же системѣ, и каждый кругъ знакомства въ старину вмѣщала въ своихъ границахъ подобныхъ же представителей бѣле честнаго или менѣе честнаго отчества, представителей, среди которыхъ лице безъ отчества, или съ малымъ отчествомъ, хотя бы и семи пядей во лбу, не имѣло ни малѣйшаго значенія и садилось все-таки ниже другихъ. Высота чести каждаго рода, каждаго отчества опредѣлялась, разумѣется, старшинствомъ его служебнаго значенія. Являлся предокъ на пиръ, и первая мысль его была о мѣрѣ почести, какую должны ему воздать хозяинъ пира и гости, — первая мысль была о томъ, чтобъ *сѣсть на своемъ мѣстѣ, по отчиму,* не ниже того, кого онъ считалъ ниже себя. Съ другой стороны, хозяинъ пира точно такъ же былъ озабоченъ, чтобъ *по отчиму востю мѣсто дать,* чтобъ *не обезчестить востю мѣстомъ,* потому что такое безчестье не забывалось и никогда не прощалось. Такое безчестье «Домострой» ставитъ на ряду съ другими преступленіями, нарушавшими добрый порядокъ общежитія, присовокупляя, что «тотъ отомъ или пиръ,

гдѣ мѣстою обезчестятъ, бѣсомъ на утѣху, а Богу на гнѣвъ, а людямъ на позоръ и на гнѣвъ и на вражду, а обезчестивши срамъ и на оскорбленіе». Вотъ чтѣ говорить по этому повелю одно древнее слово: «прежде бо приндуть на пиръ и всакъ восхождеть сѣсти на вышнемъ мѣстѣ; а кто сядеть на нижнемъ мѣстѣ, и доколѣ трезвъ, молчать, а ненавидить сѣдѣща въ честнѣ мѣстѣ, и прежъ положить гнѣвъ въ сердца, и егда зашется, иступленъ ума бываетъ. И начнетъ мыслити срамотити и мешеть нанъ злая рѣчи; и аще сей претерпитъ, онъ же пакы съ досажденіемъ глаголетъ ему. И тойубо такоже отъ пѣнства не умолчитъ и бываетъ брань; и потомъ единъ единаго ножежь закалаеть. Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, точію въ пѣнственныхъ бесѣдахъ и играхъ, пачеже о праздницѣхъ». Припомнимъ кстатѣ *старину* про Илью Муромца. Выше мы упомянули, что на пиру у князя Владимира, Ильѣ, по его крестьянскому отчеству, дали послѣднее мѣсто, по край стола да по край скамьи. Илья выпилъ чашу большую, оберучную, на одинъ духъ, выпилъ другую — его маненько ошабурило... онъ хотѣлъ поладиться, да поправиться—

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
 Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
 А у князя въ ту пору да въ то времячко
 Еще столъ идетъ да во полу-столѣ,
 Еще пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
 За столомъ сидятъ гости-богѣра,
 Еще все купцы да торговые,
 Еще сильныи могучи богатыри,
 Свято-русскіе воины.
 Попрималъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Попрималъ онъ ихъ да во большой уюло.
 Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 Помышалъ ты еси мѣста да ученыя.
 Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя.

— Как точно вы знаете, что Лили Иттинович оскаржилась
 маме, маме, из-за этого она и ушла.
 — Так, он и я, вы же знаете.
 — Конечно, и я тоже знаю.

— Как же вы можете сказать, что Лили Иттинович оскаржилась
 маме, маме, из-за этого она и ушла? Из-за этого она ушла
 потому что Лили Иттинович была очень близка маме. Вероятно,
 она была очень близка маме, поэтому она и ушла. Вероятно,
 она была очень близка маме, поэтому она и ушла. Вероятно,
 она была очень близка маме, поэтому она и ушла.

— Но вы же и сами не знаете, почему она ушла.
 — Но вы же и сами не знаете, почему она ушла.

— Вероятно, это была очень близкая связь, поэтому она и ушла.
 — Вероятно, это была очень близкая связь, поэтому она и ушла.
 — Вероятно, это была очень близкая связь, поэтому она и ушла.

— Но вы же и сами не знаете, почему она ушла.
 — Но вы же и сами не знаете, почему она ушла.
 — Но вы же и сами не знаете, почему она ушла.

— Вероятно, это была очень близкая связь, поэтому она и ушла.
 — Вероятно, это была очень близкая связь, поэтому она и ушла.
 — Вероятно, это была очень близкая связь, поэтому она и ушла.

— Со мной никак, возмущая человек, переводил его только
 из одной нижней сферы отчужденных отношений в другую, выс-
 шую, как канцелярь Пожарский из столичных высказаний
 был в баре, а Минин из посадских в лучшие дворы
 (но в баре, однако, из которых многие, как выразился
 Минин, во время общей опасности «но за ночь сидели»); но
 в этой новой высшей сфере чин встречал непроборную
 силу отчужденных счетов и подчинялся ей. Никакие заслуги и
 мининские таланты не могли поставить человека во главе его

пошли сворстниковъ по чину. Между ними онъ занималъ мѣсто уже не порохъ, но отчинъ. Если дворяне подъ дворянами садились не отчинъ, то отчина Минина, *художествомъ воладаря*, указывала ему самое послѣднее мѣсто въ числѣ дуинныхъ дворянъ. Тотъ же счетъ прилагается и къ самому князю Пожарскому. Въ день своего коронаванія, царь Михаилъ Федоровичъ пожаловалъ князя Пожарскаго изъ стальныхъ въ бояре, разунтется за предшествовавшую его службу. Дуинный дворянинъ Гавриилъ Пушкинъ, который, по церемоніямъ того времени, долженъ былъ находиться при объявленіи Пожарскому гусударева жалованья, тотчасъ же сталъ бить челомъ *въ отечество* на князя Дмитрія, что ему у сказки стоять (при объявленіи жалованья) меньше князя Дмитрія быть неимѣстно, потому что родители ихъ (Пушкиныхъ) меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали. Такъ было въ официальномъ быту, такъ было и въ частномъ быту, гдѣ мѣсто на пирахъ давалось также всегда по отчинъ, потому что другаго распредѣленія мѣсть за столомъ, другой формы отношеній не существовало, и кто бы ни пришелъ на пиръ, хоть добрый молодецъ, ветераншій свое отечество, какъ въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи», ему все-таки давали мѣсто по расчету отчинному, сообразная и прибирывая его личныя достоинства и значеніе къ отчинному распорядку мѣсть. Въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи» этотъ распорядокъ мѣсть раскрывается нѣсколько определеннѣе:

Принималъ молодецъ на честномъ пиру,
 Крестилъ онъ лицо свое блуде.
 Непопался чуднымъ образомъ,
 Билъ челомъ онъ добрымъ людямъ
 На всѣ четыре стороны.
 А что видятъ молодеца люди добрые,
 Что горазды онъ креститься,
 Ведетъ онъ все по писанному ученію,

Кладуть его люди доброе 'вѣдь руки,
 Посадили его на дубовой овалъ,
 Не въ *большое* мѣсто, не въ *меньшее*,
 Садить его въ мѣсто *среднее*,
 Гдѣ садить дѣти гостиныя.

Такимъ образомъ чужаго молодца за *вѣжливый* и *учелый* приходъ посадили въ среднее мѣсто, гдѣ сидѣли дѣти гостей занимавшихъ большія мѣста: его сравнивали честью съ отеческими дѣтьми ¹⁾. Для молодца, потерявшаго отечество, то-есть значеніе *добраго* человека, это былъ почетъ немалый. Но молодецъ на пиру не веселъ сидѣть, и вотъ *добрыя* люди его спрашиваютъ:

Что еси ты, добрый молодецъ,
 Зачѣмъ ты на пиру не веселъ о'днимъ,
 Кручиновать, сворбенъ, нерадостенъ,
 Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
 Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
 Чара ли залена вина до тебя не дохаживала!
 Или мѣсто тебя не по отеческимъ твоемъ?
 Или инамо дѣти тебя изобадѣли?
 Или глупые люди ибнудры
 Чѣмъ тебѣ молодцу насѣбялся?
 Или дѣти наши въ тебѣ не ласковы?

Въ другой пѣснѣ, о подвигахъ Хотена, Хотенъ встрѣчаетъ свою мать, идущую съ пира не въ радости, тѣмъ же вопросами:

Што же ты, моя родна матушка,
 Идешь домой не въ কর্মести, не въ радости? —

¹⁾ Такъ, полагаемъ, должно толковать это выраженіе: — „Гдѣ сидѣть дѣтми гостиныя“. За отсутствіемъ другихъ указаній, мы не имѣемъ основаній заключать, что здѣсь говорится о торговыхъ только людяхъ, о гостяхъ изъ Гостиниой Сотни, а не вообще о гостяхъ собраннаго пира. Слѣдующія строки стиха ясно означаютъ, что это были дѣти гостей пира. Но не должно разумѣть, что эти дѣти были только мальчики: здѣсь могли сидѣть также и молодыя, какъ и приходшіи на пиру.

Али мѣсто те дали не по вѣщанью,
Али чирой тоби да обвѣдали,
Али шьяница дуракъ не насѣлся ли?

Вотъ несприятности и оскорбленія, какія можно было встрѣтить на старшинныхъ нашихъ ширахъ, и во главѣ ихъ стоитъ *мѣсто не по вѣщанью*. Вслѣдствіе того, чтобъ *срядить честный ширъ*, нужно было его срядить не только *въжествомъ*, какъ говорится въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи», но прежде всего *отечествомъ*, потому что само *въжество*, то есть добрый порядокъ, приличіе заключалось уже въ понятіи о достолажномъ распредѣленіи и чествованіи гостей по ихъ отечествамъ. Итакъ, отечество, отчина, родовое, а не личное, не общественное значеніе лица полагалось главнѣйшимъ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній въ нашемъ древнемъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ древній ширъ-бесѣда представлялъ какъ бы собравшійся родъ-племя, гдѣ самъ ли хозяинъ или гость, занимавшій почетное, большое мѣсто, обыкновенно въ переднемъ углу, представлялъ лице старѣйшины рода, лице домоладыки, ибо въ домашнемъ семейномъ быту это мѣсто всегда принадлежало главѣ семейства, домохозяину. Остальные были какъ бы сродичи, занимавшие мѣста по степенямъ сродства, родственнаго большинства и меньшинства, такъ точно какъ въ домашнемъ быту занимали эти мѣста члены семейства. Распредѣленіе лицъ по семейному старшинству послужило формою для распредѣленія лицъ и въ гражданскомъ быту. Здѣсь была семья, а не *общество*, слѣдовательно не было и общественного равенства членовъ. Здѣсь всё дѣлилось на старшихъ и младшихъ, такъ точно, какъ всё дѣлится на старшихъ и младшихъ въ семьѣ, въ родѣ.

Самъ по себѣ здѣсь никто не имѣлъ значенія, никто не имѣлъ никакихъ правъ, положительно ему принадлежащихъ, какъ самостоятельной человѣческой личности, какъ самостоятель-

ному органу общественности, которой въ строгомъ смыслѣ тогда и не существовало. Каждый опредѣлялся не человѣческими своими правами, а правами и значеніемъ своей *оличности*, которая въ столкновеніяхъ лицъ естественнѣе имѣла относительное старшинство или меньшинство, то-есть значенію своего представителя. На томъ же нру одинъ могъ занять первое, следовательно, самое почетное мѣсто, когда отчина его была старше всѣхъ другихъ; но когда являлся представитель еще старше по отчинѣ, то первый необходимо долженъ былъ пересѣсть ниже, не имѣя никакого права протестовать противъ своего пониженія, и протестуя только въ такомъ случаѣ, если пониженіе было незаконно съ отчинной точки зрѣнія, то есть, если первое мѣсто занималъ младшій по отчинному разсчету.

При господствѣ патриархальныхъ началъ въ людскихъ отношеніяхъ, когда лице разсматривалось только со стороны отчиннаго старшинства и меньшинства, трудно было развиться той уравнивающей всѣхъ силѣ, которую называютъ обыкновенно *обществомъ*. Такъ какъ исходною точкою нашего стариннаго общежитія была патриархальность, то и всѣ новыя формы общежитейскихъ отношеній, даже противоположныя ей по своей сущности, какія по необходимости должны были являться вслѣдствіе поступательнаго развитія государственности, принимали все таки обликъ патриархальности. Патриархальность всему придавала свой цвѣтъ, свой колоритъ, потому что была самою существенною и общею почвою нашего развитія. Древнее наше *общество* состояло изъ отцовъ и дѣтей: все почему-либо высшее, старшее, значительное, принимало въ тогдашнихъ понятіяхъ значеніе отцовъ, все низшее, младшее—значеніе недорослей, дѣтей. Въ массѣ эти понятія довольно сильны еще и теперь.

Такииъ образомъ еся и мужчина не имѣлъ значенія самостоятельной, полноправной личности, самостоятельнаго, полноправнаго органа въ обществѣ, и заимствовалъ свой вѣсъ, не отъ понятій объ обществѣ, общественности, а отъ понятій объ отчествѣ, опредѣлялся только своими патриархальными, отчичными отношеніями, то какіиъ же значеніемъ могла пользоваться въ то время женщина? Мы видѣли, что убѣжденія массы не признавали въ ней свободы, самостоятельности и не другихъ причинамъ. Въ родительскомъ союзѣ она естественно ставилась на ряду съ младшими членами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ домовладыкѣ, ибо не мать, а отецъ давалъ значеніе семьѣ и роду, не другое что, а отчина давала ходъ и значеніе сыну и дѣтямъ-ребятѣмъ. Въ этомъ союзѣ женщина имѣла одно значеніе: она была *жсела* ¹⁾). Въ этомъ заключалась единственная сущность ея назначенія, единственная сущность ея человѣческой доли. Степени родства присвоивали ей конечно и другія имена, но сущность не измѣнялась. Женщина все-таки оставалась *жсеною*: мать—жена, исполнившая свое призваніе, свое назначеніе; дочь—слѣдовательно невѣста и слѣ-

---

¹⁾ Положеніе женщины въ нашемъ первоначальномъ обществѣ и колкая и вѣрная характеристика этого обществѣ, слѣды котораго сохранялись долго, да не исчезли совсѣмъ даже и въ настоящее время, представлены въ превосходныхъ и въ высокой степени основательныхъ статьяхъ Б. Д. Каволина, по поводу книги „Бытъ Русскаго народа, соч. А. Терещенки“, помѣщенныхъ въ „Современникѣ“ 1848 года. Выводы и положенія этихъ статей, равно и другихъ того же автора, касавшихся того же предмета, по нашему крайнему разубѣженію, должны служить точкою отправления для нашего послѣдователя нашей общественной старины. Нужно враще съ такою не основательностію поколебать силу этихъ выводовъ, а затѣмъ ухе, на просторѣ, создавать свои воззрѣнія на общественный каизъ быть въ древнюю эпоху, на характеръ и значеніе нашей древней общины и т. д. До тѣхъ поръ противоположными воззрѣнія будутъ только частыми умерзрѣніями и не будутъ убѣдительно.

довательно тоже жена, нѣющая выполнить свое призваніе. Положеніе дочери въ древнемъ обществѣ еще яснѣе можетъ раскрыть сущность тогдашнихъ понятій о женщинѣ. Тамъ для дочери одинъ только былъ выходъ, именно выходъ замужъ; въ этомъ, какъ мы сказали, заключалась сущность ея призванія. Если этотъ единственный выходъ чѣмъ-либо преграждался, то дочь теряла уже всякое значеніе для общества. Общество чуждалось ея, и она волею-неволею, должна была идти вонъ изъ *міра*, то-есть идти въ монастырь. «Которыя дѣвицы увѣчны и стары, говоритъ Котошихинъ, и замужъ ихъ взять за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригають въ монастыряхъ, безъ замужства». Слѣдовательно, такихъ дочерей удаляли изъ общества, какъ членовъ вовсе излишнихъ и нигуда не пригодныхъ. Къ-тому же значенію дочери какъ невѣсты, какъ будущей жены, склонялись и родительскія попеченія и заботы о ней. «Вскормить, вспоить и замужъ выдать въ цѣлости, въ дорбомъ здоровьи», вотъ существенная цѣль заботъ, выраженная не разъ въ древнихъ памятникахъ. Недремлющее вниманіе обращено было особенно на то, чтобъ сохранить доброе здоровье будущей жены. «Кто у васъ имать дщерь, положи на ней грозу свою, да ходитъ въ послушаніи, да не свою волю приимиши, въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ тя въ посмѣхъ знаемымъ твоимъ, и при множествѣ народа *порода* посрамится. Аще бо отдаши безъ порока дщерь свою, то велику добродѣтель сотворишь еси и отъ всѣхъ похваленъ будеши». — «Человѣче! имаша скоть, смотри надъ нимъ; будеши пожиточень, корми его; имаша дщери, сохранно держи ихъ, да и тѣлеса ихъ блюдами будутъ. Не являй свѣтла лица къ нимъ. Егда чистыя замужъ отдаши, то велико дѣло учиниши, сохранивъ дѣвство».

Если женщина получала въ древнемъ обществѣ значеніе только подъ видомъ жены, какъ придатокъ, кость мужа, и

если жена немислима безъ мужа, то, естественно, лишаясь мужа, она лишалась и своего самостоятельнаго значенія. Съ смертію мужа, она становилась вдовою и слѣдовательно въ общественномъ мнѣніи сиротою; весьма часто удалялась тоже въ монастырь и во всякомъ случаѣ облакалась во *вдовью одежду* ¹⁾, какъ знакъ своего сиротства, какъ знакъ того, что въ міру, въ обществѣ, значенія она уже не имѣетъ. Въ уставѣ «о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ и о церковныхъ людѣхъ», приписываемомъ князю Владимиру, вдовицы, наравнѣ съ другими *убосими* лицами и сиротами, отдаются подъ покровительство церкви, дѣлаются *церковными людями, убосими*. Народъ свои понятія о сиротствѣ, беззащитности вдовы выразилъ мѣткою пословицею: «побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мірѣ — вдова да дѣвка».

Однимъ словомъ, женщина въ древнемъ обществѣ носила въ своемъ значеніи только идею жены, въ тѣснѣйшемъ, только половомъ значеніи этого слова. Не понимая и не признавая въ ней личной самостоятельности, человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ, предокъ не могъ, разумѣется, съ словомъ женщина соединять того понятія, какое теперь ему придается. Да и самое слово *женщина* едва ли знакомо нашей древней письменности. Оно явилось съ развитіемъ общественности, въ то уже время, когда сама женщина вступила въ общественную жизнь, заняла принадлежащее ей мѣсто и тѣмъ внесла въ общество новое о себѣ понятіе.

Но отрицая въ женщинѣ нравственную самостоятельность, мужчина не могъ на этомъ остановиться. Онъ доказывалъ, что и умъ ея есть собственно умъ жены — слабъ, малосмысленъ и шатокъ. Извѣстно, что несвободное состояніе всегда и вез-

¹⁾ Платье *вдовьяе*, то-есть темныхъ цвѣтовъ, которые обозначались также и словомъ *смирныя*, смиранный, вообще траурный.

дѣ вообѣждало сознѣніе даже въ сѣннѣ способности чело-
вѣка, утратившаго свои человѣчскіе права. Черны, черную
дымъ, какурнѣты, во лѣтнихъ сѣнахъ, приносились всегдѣ люди
тонкими, каменныя дѣлались даже похваляющимися вообще ны-
сать, тѣмъ тѣмъ, какъ и лѣтніе члены въ родительскомъ совѣтѣ,
считались несовершеннѣйшими физически, считались недорос-
лами и въ умственномъ зрѣніи. «Всего какъ Богъ послалъ, гово-
рили молодые иждѣ саздѣи, угощя гостей отвождя въпротѣ,
—вѣтъ надѣлали какъ родители, да ути кашъ не созрѣлъ...
Состарѣлся, научился». И дѣйствительно, во волятияхъ стар-
шихъ, чтобъ быть умнымъ, нужно было состарѣться, нужно было
быть старшимъ. Достоинство челоѣка шростало во иѣрѣ того,
какъ онъ старѣлся со старшинствомъ, которое приходило само со-
бою и ставило челоѣка въ почетное отношеніе къ остальнымъ
членамъ союза: только старшинству предоставлялась способность
мыслить и разсуждать, право давать рѣшительный голосъ во
вѣхъ дѣлахъ. Старшинство само по себѣ служило уже доказа-
тельствомъ, что челоѣкъ уменъ, способенъ, знающъ. «Не пус-
кайся, сыне, на стара челоѣка, если онъ и немощенъ, но уна
его не свѣдаешь», говорили книжники. Оттого всякое предъ-
явленіе ума со стороны младшихъ и безъ позволенія старшихъ
почтѣлось дерзостью, наглостью, и обращалось самими же млад-
шими въ укоръ. Гдѣ не личныя достоинства, а внѣшнія, случай-
ныя отличія управляютъ людскими отношеніями, тамъ, какіе бы
таланты ни имѣлъ младшій членъ, онъ не можетъ ими поль-
зоваться, даже не смѣетъ предъавлять ихъ безъ одобренія
старшихъ. Въ противномъ случаѣ это будетъ высокоуміе, гор-
дость ума, которая принадлежала къ порочнымъ наклонностямъ.
Еслибъ даже младшій членъ былъ уже самъ значительно старъ,
но были бы при томъ еще старѣйшіе его, то и въ такомъ слу-
чаѣ онъ все-таки состоялъ недорослемъ въ отношеніи къ этимъ
старѣйшимъ. Уже вслѣдствіе патріархальныхъ отношеній, жен-

щина, какъ младшій членъ въ отношеніи къ доновладыцѣ, не должна была снѣтъ «свое сужденіе имѣть». Но кромѣ того старина и вообще считала женскія способности несовершенными. «У бабы волесть дологъ, да умъ коротокъ», говоритъ народъ. «Умъ женскій не твердъ, говорили старыя книжники, аки храни непокровенъ; мудрость женская, аки оплотъ неокончатъ, до вѣтру стоятъ — вѣтръ повѣетъ, и оплотъ порушитъ; такъ и мудрость женская, аки оплотъ; до прелестнаго глаголанія, и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немошнѣиши суть разумы женстїи; въ нечувственныхъ ничтоже могутъ умное постигнути». Наконецъ, книжники характеризовали женскій умъ только злыми качествами и говорили, что «женская мудрость—звѣриная лютость». А если и дѣйствительно жена обладала умомъ, по крайней мѣрѣ житейскимъ, практическимъ смысломъ, то и тогда, особенно при людяхъ, она не должна выражать ниужу ни своего сужденія, ни своего умнаго понимать дѣло. Это было неприлично. Вотъ, наприимѣръ, наставленіе *молодымъ* по случаю отводнаго стола, который они давали своему родству послѣ свадьбы. «Молодому князю со княгиней (новобрачными) подобаетъ вопрошати старыхъ людей: какъ и что въ добрыхъ людяхъ ведется, кого какъ чествовати и про какой случай? Всему тому есть обычай вепоконъ вѣка; да и дѣло то не писаное, а уложено старыми людьми недаромъ, и должно вершиться безъ всякой поруки, чтобы не было на смѣхъ и позоръ. Буде молодой князь и его княгиня похотятъ справлять свадебный отводъ... прежде всего сыскать зватаго, человека стараго, который бы смыслилъ свое дѣло, зналъ кого и какъ позывать по старому обычаю... Молодому князю просить зватаго позывать дорогихъ гостей: туте вымолвить прежде всего тестя съ тещей, по имени и по отечеству, съ поклономъ и почетомъ. Далѣй того молвить про крестнаго отца съ матерью, про дѣда и бабу: а то все

говорить по имени и по отчеству... Княгиня молвить только поклонъ отцу съ матерью. *Ино то не женское дѣло, кою звать и кою чествовать, и какъ чему быть; да и не стать въ слугъ при людяхъ, своимъ умомъ наказывать. На то есть глава, мужъ законный; на то есть советъ безъ людей, съ очи по очи* ¹⁾:

Но отрицаніе шло дальше и шире... Существенныя черты женщины, какъ самостоятельнаго, свободнаго лица, красота женственныхъ нравовъ, женственнаго характера, вся женственная *доброта*, — были отвергнуты, осуждены, находились подъ запрещеніемъ, какъ порожденіе зла, какъ сѣти соблазна, какъ грѣхъ неискупный... Это воззрѣніе возникло уже прямо изъ книжныхъ понятій. Если красота женскаго лица пробуждала естественное человѣческое чувство, и въ чловѣкѣ пробивался ключъ невѣдомыхъ эстетическихъ стремленій, — предокъ исполненный стариннаго ученія о женщинѣ, приходилъ въ ужасъ, почитая это обаяніемъ, сѣтями дьявола.

«Не помысли красотѣ женстей, учиши книжники, не падайся на красоту ея, не насладишися рѣчей ея и не возведи на нея очей своихъ, да не погибнешь отъ нея. Бѣжи отъ красоты женскія невозвратно, яко Ной отъ потопа, яко Лоть отъ Содома и Гоморра... Человѣче, не гляди на жену многохотну и на дѣвицу краснолицную, да не впадеши нагло въ грѣхъ... Не дай женѣ души своея... дѣвы не глядай, съ мужатицею (замужнею) отнюдь не сиди—о добротѣ бо женстей мнози соблазнишася, даже и разумныя жены прельщаютъ... Взоръ на жены раждаетъ уязвленіе, уязвленіе раждаетъ помышленіе, помышленіе родить разженіе, разженіе родить дерзновеніе, дерзновеніе родить дѣйство, дѣйство же исполненіе хотѣнія, исполненіе же хотѣнія родить грѣхъ, грѣхъ же родить смерть и иже его

¹⁾ Сказанія Русскаго народа, *Саварова*, т. 2. стр. 114.

по смерти понинеть осужденіе и по осужденіи—вѣчное мученіе... Человѣче, отвори лицѣ свое отъ жены чужія прекрасныя, не зри прилежно на лице ея: красоты ради женскія мнози погибоша. Красота жены веселитъ сердце человѣка и введеть человѣка въ жалость на всякое желаніе. Человѣче, съ чужою женою на единѣ николи же бесѣдуй, ни возлагай съ нею за столомъ лажтей своихъ; словеса ея яко огонь попадаютъ, и похоть ея яко попадаютъ пламя, отрезвися умомъ и отскочи женѣ блудивыхъ... Наконецъ вотъ общее опредѣленіе, что такое женщина: «что есть жена? Сѣтъ сотворена, прельщающаи человѣки (въ сластехъ) свѣтлыиъ лицемъ, высокою выею, очами назирающаи, ланитами склабящися, языкомъ поющаи, гласомъ скверняющаи, словеса чарующаи, ризы повлачающаи, ногами играющаи... въ добротѣ женстей мнози прельщаются, и отъ тоя (доброты) любовь яко огонь возгарается... Отъ жены начало грѣху и тою вси умираемъ... Много бо бѣсе помощи въ женахъ...»

Итакъ женщина въ умахъ книжныхъ мудрецовъ была олицетворенный грѣхъ, пагубный соблазнъ; всѣ ея природныя дары служили только сѣтью, прельшеніемъ, погубленіемъ душъ... Но по крайней мѣрѣ оставались же у ней какія-либо добродѣтели, какія-либо нравственныя качества, которыя уважало старое общество? Да, мужчина-мудрецъ постоянно твердилъ, что *жена добрая вънецъ мужу своему*. Но какими же дорогими каменьями украшалъ онъ этотъ вѣнецъ? Чѣмъ выслагась и блистала добрая жена? Что именно признавалось въ ней добродѣтелью? «Жена добра любитъ страду (работу) и воздержаніе отъ всего зла. Жена благоумна составъ дому и нѣвнѣю спасеніе. Жена добра, которая умѣетъ доиъ строити; не печется о дому мужъ ея. Жена добра—трудолюбива и молчалива... Если кто избрываетъ жену добру, тотъ человѣкъ велику благодать принметъ отъ Бога и предъ

людьми: жена добра есть подобна кораблю плавающу, куплю въ немъ дѣютъ и великое богатство избираеть, и у купца сердце веселится, тако и жена добрая и разумная и послушная мужу своему въ домъ много добра собираеть: встаетъ рано и утверждаетъ локти свои на дѣло, а персты свои на вретено, сердце на радость и на веселіе, и мужа своего веселить безпрестанно, и послушаетъ его въ словѣ и въ дѣлѣ, и рукодѣянiя своего облечетъ мужа своего въ перфиру свѣтлу и хвалимъ бываетъ мужъ ея отъ добрыя жены, посреди людей добрыхъ въ бѣсѣдѣ»¹⁾... Но идеалъ доброй жены яснѣе выражается въ тѣхъ наставленiяхъ женамъ, которыя наполнены статьи, разсуждавшiя о домостроительствѣ, о томъ, *какъ льпо жить мужу съ женою*. «Ты мужа имѣй во всемъ честна и бойся его и во всемъ честь воздавай ему и повиновеніе... Достойтъ повиноватися женамъ къ мужамъ своимъ, а не пререкovati имъ, но послушливымъ быти, понеже послушнымъ Богъ подаетъ честь и славу, а не послушливымъ горькую муку... Добра жена и покорлива вѣнецъ мужу своему есть»... Нельзя не замѣтить, что всѣ качества *доброй* жены, здѣсь изображенныя, сводятся къ двумъ главнымъ: это *покорливость* и доброе *домоводство*, качества, устремленныя только къ личному благополучію и благоденствію мужа. Дѣйствительно такая жена составляла вѣнецъ мужу своему, составляла счастье мужа, счастье, какое только было достижимо по понятіямъ того времени. О счастьи самой жены, о домѣ, здѣсь мало, или вовсе не говорится, потому что и благополучіе жены и благополучіе дома заключалось уже въ благополучіи и благоденствіи домовладыки. Что было хорошо для него, то должно быть хорошо и для всего дома, для жены и домочадцевъ. Покорливость, повиновеніе, послуша-

¹⁾ Изъ „Повѣсти о мужескомъ полу и женскомъ“.

нѣ, молчаливость и т. п. отрицательныя добродѣтели жены приносили положительное благо мужу; дни его текли въ невозмутимомъ спокойствіи, въ полномъ просторѣ его личной воли, не встрѣчавшей въ своихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшихъ преградъ. Оттого добродѣтели эти ставились всегда выше другихъ ¹⁾, впереди другихъ, какъ единственная основа домашняго счастья. Оттого также книжники не щадили красокъ для изображенія обратнаго отношенія между мужемъ и женой. «Ни въ скотѣхъ скотъ коза, писали книжники, ни въ рыбахъ рыба ракъ, ни въ птицахъ птица сычъ, ни въ звѣряхъ звѣрь бѣхъ, ни въ человѣкахъ человѣкъ, которымъ мужемъ жена владетъ»... «Яко коня держать уздою, тако и жена водить угрозою»...

Таково ученіе о женщинѣ, распространенное въ нашей старинной книжности. Но въ книжности оно не оставалось: *писанное слово* всегда внушало глубокое уваженіе къ истинамъ, которыя оно предлагало. Масса читала, слушала эти мудрыя апофеогмы, усваивала ихъ своимъ понятіямъ, созидала по нимъ свои убѣжденія и по нимъ же строила свои отношенія въ жизни дѣйствительной. Если красота женская понималась только какъ грѣховный соблазнъ, если отъ этой красоты нужно было бѣжать невозвратно, какъ отъ потопа, какъ отъ Содома и Гоморры, если все, чѣмъ украшаетъ теперь женщина нашу общественную жизнь, почиталось дьявольскою прелестью, и вся *добродѣта* женская вола только къ паденію, къ пагубѣ душевной, къ глубинѣ адовой, если наконецъ въ женщинѣ не подозревали ни малѣйшей нравственной твердости и видѣли въ ней только необузданное стремленіе къ грѣху, къ паденію, присовокупляя пословицею, что «дѣвичій стыдъ до порога:

¹⁾Замѣчательно, что в наше время книжники совершенно согласны съ старыми относительно женскихъ добродѣтелей. См. статью г. Филиппова, въ „Русской Бесѣдѣ“, т. I. Критика, стр. 88—89.

как переступила такъ и забыла», — то, послѣ всего этого, какъ легко былъ выводъ и путь къ тому, чтобы устранить причины соблазна, остановить дѣйствія этой пагубной заразы! Какъ легко человѣкъ, исполненный древняго ученія о женщинѣ, могъ придти къ рѣшенію, что для женщины *добро есть нечать*, что она должна жить сокровенно, во внутренней клятѣ дома, ибо каждый шагъ ея внѣ дома становился соблазномъ или для нея самой, или для другихъ, возводившихъ на нее очи, каждый шагъ ея велъ къ паденію! «Лучше есть кому имѣть козу во дворѣ, замѣчали книжники, нежели дочь велику не въ грозѣ (то-есть не въ строгости и не взаперти). Коза бо по улицамъ ходитъ—млеко въ домъ приносить, а велия (большая, взрослая) дочь, если начнетъ часто изъ дому исходить, то велий срамъ и безчестье отцу и матери и всему роду принесеть». Укажемъ кстати, что въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ, живо рисующихъ старую дѣйствительность, женщина носить также и этотъ надкій, сластолюбивый образъ, начертанный съ такою рѣзкостью книжниками. Богатырскія пѣсни вообще замѣчаютъ, что

Женское дѣло прелестное,
Прелестное, перенадчивое.

Нигдѣ не выразился такъ ярко грубый, животный эгоизмъ времени, какъ именно въ этомъ пониманіи, что женское существо всегда обуреваемо похотнымъ неистовствомъ, что потому женщина—отрава добродѣтели и чистоты мужчины. Много говорилъ мужчина о томъ, что *«вс окомъ и вс жеку вѣсть равно есть»*, истощалъ всѣ краски стариннаго слова, чтобъ ярче и рѣзче изобразить опасность, предстоящую каждому, кто приближался къ женщинѣ, и ни слова не сказалъ о себѣ, о томъ, что если падалъ въ соблазнъ, воспламенялся лицеарѣніемъ жены, то слѣдовательно въ самомъ же себѣ

несмъ и то нехстоство похоти, которое прослѣдовалъ въ женщинѣ и отъ котораго такъ старательно уберегалъ себя. Нисколько не подозрѣвая себя виновникомъ и участникомъ зла, онъ смотрѣлъ на женскій образъ, какъ на вѣтшнюю причину своего паденія, какъ на болѣзнь, заразу, отъ которой необходимо было спастись бѣгствомъ, прекращать къ ней пути. Исполненный мудрости вѣка и сдѣлавшись мужемъ, отцомъ, предокъ разумѣется ничего не могъ лучше придумать, какъ держать жену и дочерей на карантинномъ положеніи, то-есть посадить ихъ въ *высокій теремъ*: пусть смотрятъ на мѣръ изъ косячатаго оконца, пусть не соблазняютъ ихъ мѣръ своею близостью, да и онѣ не соблазняютъ мѣра своею *добротою* женскою. «Видѣна дѣвка мѣдяна, а не видѣна золотая. Дѣвица въ терему, что запрещенный плодъ въ раю», поговаривали народныя пословицы. Безсომнѣна, этотъ взглядъ на женщину послужилъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ, подавшихъ поводъ къ заключенію женщинъ въ высокіе терема. Онъ былъ такъ сказанъ канвою для другихъ убѣжденій, по которымъ женщина, какъ запрещенный плодъ, должна быть скрывается отъ всенародныхъ очей. Самое огрубѣніе нравовъ, которое представляетъ ближайшую, видимую причину удаленія женщины, и которое въ отношеніи къ женщинѣ выражалось въ безстыдныхъ обидяхъ, наглыхъ оскорбленіяхъ, въ безчестьи всякаго рода,—самое огрубѣніе нравовъ питалось, поддерживалось тѣми же низкими, варварскими понятіями о женщинѣ, которыя ничѣмъ не обуздывали наглого своеволія мужчины. Сознавая свою высоту передъ женскимъ существомъ, онъ, по неразвитости своей, считалъ за ничто всякое оскорбленіе лицу безправному... Кто жъ объявлялъ себя защитникомъ женщины? Защищали ее мужъ, отецъ, защищали родъ-племя, семья. Здѣсь женщина имѣла значеніе, какъ членъ семьи, хотя и подчиненный домовладыкѣ. Но и въ этой защи-

тѣ скрывался семейный эгоизмъ: мужъ объявлялъ покровительство своей женѣ, а не женщины, родъ-племя защищали собственного члена, а не женщину, и тетя и другой защищали свое, кровное, и защищали съ тою мыслию, чтобъ не принять на себя срама и безчестья, чтобъ «не посрамилась перода при множествѣ народа», чтобъ «не прійти въ посмѣхъ знаемыхъ своимъ». Женщина, не получавшая этого единственного покровительства, предоставлялась самой себѣ, а это значило, что она предоставлялась всѣмъ случайностямъ своего беззащитнаго положенія. Повторимъ народную пословицу: «Побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мирѣ вдова да дѣвка», весьма ясно означающую беззащитное сиротство женщины, какъ говорятъ, непристроенной. Семья, родъ-племя, охраняя честь женщины, охраняли прежде всего свою собственную честь, честь породы. По крайней мѣрѣ это явно обозначается въ со-вѣтахъ и *наказаніяхъ*, какъ *льпо* жить человеку и какъ вести семью, особенно дочерей. Естественно, что тамъ, гдѣ честь породы была выше, старше, имѣла большее значеніе, гдѣ ее продолжали и возвышали поколѣнія, гдѣ, слѣдовательно, и береженіе чести было строже, щекотливѣе, тамъ — именно въ знатныхъ и богатыхъ слояхъ общества — приняты были мѣры къ сбереженію чести жены, дочерей и пр., самыя дѣйствительныя, какія только можно было поставить противъ грубыхъ стремленій вѣка: женщину удаляли въ теремъ. «Мущины, пишетъ Маскѣвичъ, не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не позволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, живущій въ столицѣ домоу, имѣетъ для жены церковь (домовую) не въ дальнемъ разстояніи отъ своего двора. Если же случится бояринъ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыя дверцы, съ окнами изъ прозрачныхъ,

какъ стекло, каменной (изъ слюды), или изъ бычачьего пузыря: отсюда она видитъ каждаго, ее же никто разглядѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу, или выходитъ изъ оной... Комнаты для женщинъ строятся въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ входъ со двора по лѣстницѣ, но ключъ отъ онаго хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ женскую половину можно пройти только чрезъ его комнату. Изъ мужчинъ не пускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же за комнатами женскими обгороживается такимъ высокимъ палисадникомъ (тыномъ), что развѣ птица перелетитъ черезъ оный. Въ этомъ-то мѣстѣ, женщины прогуливаются¹⁾. «А гости коли случатся, наставляетъ «Домострой» хозяйку дома, и ихъ подчивать питіемъ, какъ пригоже: а самой пьянаго питія, хмѣльнаго, не пити. А питіе и ѣству и всякой обиходъ приноситъ одинъ человекъ сверстный (довѣренный), кому приказано, а мужескъ полъ тутю, и рано и поздно, отнюдь, никакже, никакими дѣлы, не былъ бы; кромѣ того, кому приказано сверстному человеку, что принести или о чемъ спроситься, или о чемъ ему приказати... а иному никому тутя дѣла нѣтъ». Если теремъ охранялъ отъ соблазна, прегрѣшая пути грѣховной гибели, охранялъ женщину отъ буйства и неистовствъ вѣка, сберегалъ ее честь, а слѣдовательно и честь рода-племени, то естественно, что и честь эта тотчасъ же нарушалась, какъ скоро женщина выходила изъ терема, являлась на всенародныя очи. Такъ дѣйствительно и было. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что женщина невозвратно теряла доброе имя, если показывалась людямъ. «Состояніе женщинъ самое плачевное, пишетъ Герберштейнъ; ибо ни одной не почитаютъ честною, если не живетъ дома взаперти, и не охраняется такъ, чтобы никуда не выходила».

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитрѣ Самозванцѣ. V. Стр. 62.

Самъ собой разувается, что прутья этикъ книжнїи о женнїи сложились постепенно: постепенно приобретають новыя силы, новую силу, и въ явленїи убѣдительности и въ ученїи книжнннхъ, съ особенннхъ старанїемъ избирать свои эмфатныя оторуты, какъ весть съ ннѣшнѣмъ человѣчскою мудрости, вешию отъ вѣка. Въ этомъ-то смыслѣ сборннхъ книжннхъ изреченїи и весть ннѣшннхъ началъ. Многочисленнѣ вѣка, въ лицѣ грубого жонкнхъ ннѣшннхъ съ одной стороны, и въ лицѣ прележеннхъ, трудннхъ книжннхъ, съ другой,—успѣли ннѣшннхъ окончательно доказать, что женннхъ не свободна, что она собственно жена, а не женннхъ, что *прележеннѣ и добротнѣ ея*, то-есть женственннхъ ея сущность, ннѣшннхъ такое благотворное явленнѣ на прележенннхъ въ ннѣшннхъ человѣчннхъ началъ — есть собственно источникъ соблазна, нравственннхъ растленннхъ, погнбелн душевною. Изъ доказательствъ возникли крупннхъ убѣжденннхъ... Женннхъ также убѣдилась во всегъ, что ни толковали о ней книжннхъ мудреннхъ и ученнхъ. Униженннхъ, загнннхъ ннѣшннхъ вѣка, она, дѣйствннхъ, ннѣшннхъ утратила изъ своей человѣчннхъ природы, и болншнхъ частнѣ оправдывала составленннхъ о ней ходячїи понятїи. Но если легко было доказать, и еще легко убѣдннхъ и убѣдннхъ, то-есть совершенно извратннхъ понятїи толпы и понятїи самой женннхъ, то было не только трудно, но и рѣшннхъ невозможно останоннхъ въ женннхъ естественннхъ, въ высшей степеннхъ законннхъ стремленннхъ къ нравственннхъ самостоятельности, противъ которыхъ не могла даже бороннхъ ея и она сама, вполне убѣжденннхъ, что стремленннхъ эти есть преступленнѣ противъ нравственннхъ положенїи вѣка, что, на прнннхъ, непокореннѣ, непослушаннѣ домовладыкѣ *во всякомъ случаѣ* есть беззаконнѣ и грѣхъ.

Здѣсь-то и возникла та отчаянннхъ борьба между *мужемъ* и *женою*, между понятїи толпы и дѣйствїи жены, выра-

жавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистію, озлобленіемъ существа слабого, порабощеннаго, униженнаго почти до презрѣнія. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія и нисколько не сознавая самостоятельныхъ своихъ правъ, женщина перенесла всю энергію своей непризнанной воли въ сферу домашняго мелочнаго тиранства, домашнихъ мелочныхъ преслѣдованій, булавочныхъ уловокъ, гдѣ способности ея, не имѣвшія другаго выхода, изощрились въ немощной силѣ. Какъ бы въ отищеніе за утрату человѣческихъ правъ, за отсутствіе всякаго пониманія истинныхъ отношеній между мужчиною и женщиною, между мужемъ и женою, женщина явилась мужчиною въ образѣ *злой жены*. Это былъ послѣдовательный, самый естественный выводъ тѣхъ общихъ убѣжденій относительно женской свободы, которыми жило и руководилось древнее общество. *Злая жена* явилась результатомъ древнихъ воззрѣній на женщину, древнихъ отношеній къ ней мужа, явилась результатомъ той действительности, гдѣ все было отдано мужу, и все отнято у жены. *Злая жена* явилась терновымъ вѣтцемъ для мужа, потерявшаго смыслъ истинныхъ, человѣчныхъ отношеній къ женѣ. И мужчина глубоко чувствовалъ это него, это безвыходное, неумолимое бѣдствіе... Его отчаяніе излилось въ нескончаемыхъ апофеогмахъ, изреченіяхъ, пословицахъ, ярко рисовавшихъ и злую жену, и собственную его бѣду. Съ какою-то озлобленною радостію онъ выбираетъ эти изреченія отвсюду и изъ писанія, и отъ *вѣликихъ* мудрецовъ, приводитъ въ свидѣтельство бездну повѣстей, анекдотовъ, исторій, изображавшихъ женщину въ самыхъ черныхъ, въ самыхъ нестойкихъ краскахъ. Рукописные сборники, эти маленькія настольныя бібліотеки нашихъ предковъ, куда они закосили все любопытное, назидательное для нихъ, все интересовавшее ихъ любознательность, наполняются изреченіями, повѣстями, бе-

сѣдами, прикладами (пришѣрами), словами о злыхъ женахъ, о женской хитрости, лести, коварствѣ, о женскихъ козняхъ и т. д. *Пчелы*, то-есть избранныя слова, «еже мало глаголаши, а много разумѣи», несутъ обильный сѣтъ для характеристики злой жены. Это была общая тема разглагольствій и разсужденій въ старинной нашей книжности, это былъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ жизни. Образъ злой жены слился въ тогдашнихъ понятіяхъ съ образомъ женщины вообще, и ни одному мудрецу не пришло въ голову протянуть руку беззащитному существу и сознаться, по крайней мѣрѣ, что зло пришло отъ его же мудрости. Нѣтъ, объясняя происхожденіе зла, онъ путалъ сюда одного только дьявола, а самъ простосердечно и во всемъ умывалъ руки. Люди, которыхъ умственный горизонтъ, не стѣсненный книжными фразами, былъ обширнѣе, и свободнѣе, понимали корень зла и указывали на него; но голосъ ихъ былъ голосъ вопіющаго въ пустынь. «Московского государства женской полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ неученые, и необычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опрѣчь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому мочно дознаться, отчего-бъ имъ быти гораздо разумными и сильными; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому-жъ люди видяють мало». Въ то время, какъ уже въ нѣкоторыхъ умахъ пробуждались такія мысли, книжные мудрецы, вѣрные основному положенію своихъ умствованій, приходили къ убѣжденію, что въ женскомъ существѣ нѣтъ добрыхъ началъ, что *женское естество — естество злое*. «О, зло всего злѣе злая жена!» восклицалъ въ отчаяніи горестный мужъ. «Что сильнѣе?» вопрошали книжники. — «Сильнѣе огонь, что все поалаетъ и

подаеть, а огня сильнѣе вода, понеже угашаетъ огонь; а воды сильнѣе вѣтръ, потому что ее мутитъ и волненіе творитъ, а вѣтру сильнѣе гора, потому что отъ него недвижима, а горы сильнѣе человѣкъ, потому что ее раскопаетъ и владѣеть ею, а человѣка сильнѣе хмѣль, яко отъниметъ у него руки и ноги и всю крѣпость его, а хмѣлю сильнѣе сонъ, а сна сильнѣе злая жена, потому что и трезва мужа своего безъ ума и безъ памяти его сотворитъ»... Послѣ такихъ выводовъ какъ легко было, и въ самомъ дѣлѣ, усомниться въ добромъ естествѣ женщины, какъ легко было задать вопросъ: доброе или злое естество имѣетъ женщина? На этотъ-то вопросъ и служить отвѣтомъ *книга о злонаправныхъ женахъ* или «Бесѣда отца съ сыномъ еяекательна отъ различныхъ писаній и богомудрыхъ отцовъ, отъ премудраго царя Соломона и отъ Іисуса Сирахова и отъ многихъ философовъ и отъ искусныхъ мужей, отеческое преданіе къ сыну о женстей хитрости и злобѣ и о сыновней добротѣ, обонѣхъ вкушѣ, слово».

Мы передаемъ содержаніе этого памятника старинной нашей письменности съ необходимыми сокращеніями, подновивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для бѣльшаго удобства въ чтеніи, самыя выраженія и обороты старинной рѣчи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно только его содержаніе. Въ нашемъ собраніи есть три списка этой *бесѣды*; одинъ изъ нихъ принадлежитъ концу XVII столѣтія, а два писаны въ XVIII. Другъ отъ друга они отличаются многими разнорѣчіями, а одинъ весьма значительными вставками и распространеніями на ту же тему. Видно, что каждый редакторъ почиталъ необходимымъ внести и съ своей стороны кое-какія черты, по своему вкусу, дополнявшія яркость общей характеристики.

Бесѣда идетъ между отцомъ и сыномъ. Не должно однакожь полагать, что здѣсь бесѣдуютъ два поколѣнія, старое и моло-

дое, различныя по направленію и вкусамъ; здѣсь просто бесѣдуетъ опытность съ неопытностью, старость съ молодостью; на сторонѣ первой, разумѣется, поучительный тонъ и затѣя полная побѣда.

Начиная бесѣду, отецъ прежде всего указываетъ на грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ черезъ общую праматерь Еву. «Адамъ не прельстися, говоритъ онъ, но жена его Ева советомъ змииннымъ прельстися и тоя ради вины отъя Богъ все самовластіе отъ жены; съ тѣхъ поръ она покорена мужу своему и во всемъ повинуется ему, не имѣетъ ни единыя власти надъ нимъ, мужъ глава ей и господствуетъ ею во всемъ, понеже преступила повелѣнія и восхотѣла быти свободна. Зри, сыне, яко отъялъ Богъ отъ жены самовластіе (самостоятельность), да вопреки не глаголетъ мужу своему.

— «Это истинно, отвѣчаетъ сынъ, но истинно также и то, что «благодѣтельствуя своему созданію послалъ Богъ съпротивно печали и клятвы благословеніе, и вмѣсто Адама новый Адамъ, Христось, и вмѣсто Евы благословенная Богородица Марія: вся нова бысть и женское племя благословися; якоже бо жена, и по смерти, мужа своего спасаетъ и дому строительница бываетъ и вѣнецъ мужу своему сплетше на главу полагаетъ, и яко сладкія воды отъ усть ея истекають, и горестъ мужу своему улаждаетъ, милосерда, чадолюбива бываетъ, и домъ свой всякими добродѣтельными наполняетъ, безкровныхъ покрываетъ безпомощнымъ помогаетъ, бѣдныхъ призираетъ, нагихъ одѣваетъ, алчныхъ питаетъ, жадныхъ знамяетъ, больныхъ въ темницахъ посѣщаетъ и, по писанному, всего сильнѣе жена бываетъ. Жена царемъ одѣяніе сотворяетъ и царей порождаетъ, ибо всякъ человѣкъ отъ жены рождается и сосцами питается, *не суть злое естество женское.*

— «Нѣтъ, сыне. Знай, что въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ одна отъ тысячи такова обрящется... Если и сосцами ея питаемся,

то множицею отъ нитъ и кровію вѣнчается. Отъ женъ многія убійства сотворишася, и много крови проліяшася, и царства разоришася, царіе погибоша и живота лишисася, села и домы разсыпашася. Горе царству тому, нитъ же жена властелнствуетъ; горе, горе и дому тому, нитъ же жена владѣтъ; зло мужу тому, который жены слушаетъ. Увы мнѣ! Въ нынѣшнемъ родѣ сія содѣвается: многіе человѣцы городами владѣютъ, а женамъ своимъ работаютъ. Извыкли бо жены ихъ въ зеркала смотрѣться и вапами лица своя помазываютъ, и брови свои сурьмами поднимаютъ, и многовиднымъ себе украшеніемъ украшаютъ, и многихъ очеса на видѣніе красоты своей привлекаютъ; упрашаютъ тѣлеса своя, а не душу; уды своя связали шелкомъ, а лбы полтинули жемчугомъ, ушеса своя позавѣсили каменіемъ, да не слышать гласа Божія, ни святыхъ книгъ Писанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія. Познали путь заблужденія. О мужіе, отъ кого есте пріиал сей обычай многая полагати украшенія на женахъ своихъ? Отъ сего вамъ нѣсть пользы, ибо женны хотѣнія—всегдашняя мужу сухота... И того бываетъ, что долги взимаютъ, понеже своего не имѣютъ, а жену украшаютъ. А егда кто хотѣнія ея не исполнить, и тогда она въздыхаетъ и плачетъ и шепчетъ; ни худа, ни добра не говоритъ; очи свои измѣнитъ, носъ покуситъ, и что мужъ ея молвитъ — и она пыхнетъ и предъ нимъ охаетъ, плачетъ; день и ночь гнѣвъ держитъ; и мужъ ея отъ нея покоя не имѣетъ. А она глаголетъ: инныя жены ходятъ хорошо и красно, и все люди ихъ почитаютъ; а же бѣдная въ женахъ, возненавидѣнная, и всеми незнаема и укоряема. Почто ты мнѣ мужъ! Лутче бы я тебя не знала и сердце мое не терзалось бы, зря тебя несмысленна. Я была дочь отца богатого и матери добрая и племени славнаго. Только была бы я дѣвицею — былъ бы мнѣ мужъ, отца омынь богатыя, и была бы я госпожа добру многу и вездѣ бы честна бы-

... Хочеть убо ово жена, нѣкъ оя вси малши и любши. Если же яву показатъ—ту она вознесаши и витлеть въ работу, и тузу и работу и началу порезать. Аще глаголетъ нужь сеи мочитъ, то всѣхъ еси любши, нгу же она любитъ, тако и всѣхъ силъ въ величии нѣтъ, которыя она возводитъ. И всѣхъ хочеть большину нѣтъ, нгдѣ же не хочеть никому покоритися, ни послушати, но всѣгда хочеть начальствовать и все хочеть вѣдати и унѣти; если чего не унѣть и не знаетъ, а глаголетъ унѣю и знаю; если будетъ прекрасна и лѣна, взоромъ красна и лѣна образомъ, многы юныхъ человекъ очеса зрѣти на себя привлечеть; яко лонецъ сѣтию рыбы уловить, то и сия злая жена злохитростию своею незлобныхъ человекъ ко грѣху привлечеть. Также и женскій разумъ какъ хранина неокровенна, и какъ вѣтрило, наверхъ горъ скорообратно вертящеса... Мнози челоницы злохитрыми лестями прельщаются добродѣтельными женами, ово разумомъ, ово смѣхотворными утѣхами и краснословесіемъ и дарованіемъ и прочими лестями міра сего прельщаются. Если же (будеть) не добродѣца, или глупа, или блудлива, или больна, или горда, или гнѣвлива, или нынѣ порокомъ повреждена, къ тому невозможно нынѣ поняти, доколѣ она жива. Если хоцеша, сыне мой, безъ печали жити, заключаетъ отецъ, то лучше тебѣ не женитися и послѣ не тужити.

— • Но Писаніе свидѣтельствуеть, отвѣчаетъ сынъ: оставить человекъ отца и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину. Богъ дастъ нѣѣ жену добродѣцну и всякими добродѣтелями украшену—смиреніемъ и молчаніемъ, и всякимъ послушаніемъ, и доброуміемъ, пощеніемъ, нищелюбіемъ, рукодѣіемъ, нескверноложіемъ: таковыя жены милости-у Бога просятъ и мужи своя спасаютъ, и дома своя всякимъ изобиліемъ и богатствомъ наполняютъ. А когда

дома буду, и о доброй женѣ возрадуясь и о дѣлѣхъ ея. Чужой радости не желаю, но всегда своя радость въ дому моемъ будетъ.

— «Добро будетъ, отвѣчаетъ отецъ, если будетъ такъ, какъ ты говоришь. Блаженъ ты и жена твоя. Жена добрая, какъ лоза плодovitая. Но если, грѣхъ ради, житіе свое злѣ препроводишь и не такоу жену обрящешь, какъ желаешь, то всегда отъ нея поскорбишь и въ горести сердца скажешь: блаженъ тотъ, который дѣвствомъ живетъ. Да! горе, горе тому мужу, если обрящетъ онъ жену прохирливую, льстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медвѣдицу, львицу, змию скорпию, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу!...

— «Не могу разумѣть твоихъ словъ, спрашиваетъ сынъ. Объясни мнѣ, какое подобіе зло женское имѣетъ съ сими злыми звѣрями?

— «Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и про *прохирливую* жену. Дѣла дѣлать не хочетъ, а какъ мужъ придетъ, она лежитъ, шипитъ, стонетъ, воздыхаетъ, охаетъ. Мужъ скажетъ ей: жена! что ни о чемъ не радѣешь? И она, если и здорова, отвѣчаетъ: немогу (то-есть больна, нездорова). Это не строительница дому, одежды не сошьетъ, а если что мужъ и припасетъ, такъ она своимъ прохитрствомъ все изгубитъ.

«Слыши, сынъ мой, про *сварливую* и *злоязычную* жену. Имѣетъ языкъ, какъ бритву острую, на всякаго челоуѣка нападетъ, какъ левъ, всѣхъ злословитъ, укоряетъ, осуждаетъ и на всѣхъ ядъ своего языка испущаетъ; какъ бѣсноватый песъ брешетъ на всѣхъ.

«Слыши, сынъ мой, про *лукавую* и *крадливую* жену. Умъ имѣетъ предъ мужемъ своимъ остръ; никакъ мужъ не можетъ лукавства ея разумѣть, ибо не живетъ съ нимъ единодушно, а мыслитъ въ сердцѣ своемъ такъ: если мужъ мой умретъ, а

жизнѣ мнѣ не прикажетъ (ниѣнія не оставитъ), и мнѣ за другаго мужа идти не съ чѣмъ, никто меня, убогую, за себя не возьметъ, и говоритъ себѣ: теперь я всему добру господжа; учиню себѣ сокровище тайное, чтобъ мужъ мой не вѣдалъ, и начну у мужа красть. А мужъ того не вѣдаетъ, а она крадетъ. И скажетъ ей мужъ потомъ: жена, что обвиняюхомъ и доиъ нашъ въ великой скудости? Она, лукавая жена, говоритъ: «те грѣхъ ради нашихъ». Сія крадливая жена все ниѣніе у мужа своего изгубитъ и оба обвиняють.

«Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и *блудивую* жену. Если мужъ откуда въ домъ свой придетъ и она на срѣтеніе къ нему исходитъ, ланитами склабящися, очами веселящися и нравомъ уничижающися; мужа за руки принимаетъ и одѣяніе совлачаетъ; словами льститъ; является мужу своему во всемъ добра и вѣрна. Лобзая его, говоритъ: пойди, господине мой, свѣтъ очей моихъ, сладость гортани моей, зрѣти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ни единого слова мнѣ безъ тебя молвити ни съ кѣмъ не хочется, и лицо мое отекло, и сердце мое окаменѣло... А когда взгляну на тебя, свѣта моего, то возрадуюсь и составы мои разступаются, и дрожать всѣ жилы тѣла моего отъ великой радости; руки мои слабѣють. Бракъ мой любовный предъ моими очами! Когда услышу сладкія твои словеса, то не умѣю что и отвѣчать: мои уста не отверзактятся отъ великой радости. Огнь въ сердцѣ моемъ горитъ, и лицо мое палитъ, и всѣ составы мои грѣются... Если мужъ ея юнъ будетъ, она его вскорѣ оболѣститъ и обლობызаетъ. Если же дома его не случится, и она близъ оконца присѣдитъ, сѣмо и овамо зреть... тутъ-то со смиреніемъ не сѣдитъ: скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движеть, сапогами стучить, руками плещеть, какъ прельстившая блудница Иродіада; белрами трясеть, хребтомъ вихляетъ, главою киваетъ, гласомъ

ноеть, языкомъ глаголетъ бѣсовская, ризами повлачается, подобна Иродіадѣ чинится, многимъ юношамъ угождаетъ и всякаго льститъ.

«Слыши, сынъ мой, про *колдунью* жену и *еретицу*. Излѣтска (съ лѣтскихъ лѣтъ) начнетъ у бабъ, у волхвовъ учиться колдовать и колдованнаго искать, и спрашивать начнетъ, какъ бы ей замужъ выйти и какъ бы ей мужа своего околдовать на первой нощи и въ первой банѣ. И отыщетъ колдуновъ и колдуней и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою шепты начнетъ творити и подъ ноги подсыпати, и въ подушки и въ постелю вшивати, и сыметъ платье и около головы обноситъ (и порты рѣжетъ, надъ челою втыкаетъ), и всячески надъ мужемъ своимъ чаруетъ. А мужъ ничего того не вѣдаетъ. Коренья и отравы и всякія волшебныя статьи надъ мужемъ своимъ чинитъ; сердце мужа своего высосетъ и тѣло его изсушитъ, и красоты въ лицѣ его не оставитъ, и въ очахъ свѣтлость погубитъ, и разумъ его отъиметъ, и всѣмъ людямъ въ попомненіе его сотворитъ. Все это твоя, потомъ мужа своего возненавидитъ, а другихъ возлюбитъ и смертное зелье сыщетъ, и найдя удобное время, смертнымъ ядомъ его опопитъ или смертнымъ кусомъ окормитъ, какъ несоарѣлый класъ пожветъ прежде времени. Такова есть колдунья жена и еретица.

«Слыши, сынъ мой, про *медвѣдцу* и *львицу*. Когда медвѣдца узритъ человѣка, то главу свою нахлѣтитъ, а очи стиснетъ и посупитъ въ землю и злобно пыхнетъ на человѣка, нападеть и задушитъ его. Такъ и злая жена: главу свою нахлѣтитъ, очи посупитъ, уста стиснетъ и на мужа своего злобою локнетъ, и на выю его *сило* (петлю) наложить, и гортанное дыханіе займетъ, и такъ злѣ скончается. А звѣрь львица въ дѣбри и въ пустыни на всякаго человѣка и звѣря наскочетъ и разтерзаетъ,—такъ и злая жена, въ пустыни вѣка сего, какъ

ланы, на всякое челоука поскрѣтитъ и дивочаство съмѣтъ
вощезивидѣтъ и рыби разтерзаетъ и тѣло крошѣ обогрѣтъ
и власи искореняетъ, но мужа рызаетъ и истерифицируетъ зу-
бы, зли лавочныи усты, узавдетъ; ни поиметъ, ни поиметъ, ни
конию мужа своего закажетъ, но правохъ злѣе ланы
бызаетъ¹⁾).

Слыши, сынъ мой, про злию скорпию. Злиа ролъ въ
ползунихъ велии злобою злѣишѣи всѣхъ родохъ; изначал
велие зло сотворилъ челоуку и проклятъ отъ Бога, того ради
и пресыкается по земли чревоиъ своимъ. Того жъ роду и
скорпиа и жаба и черепаха: если бьешь или козешь или стрѣ-
ляешь. ничто ей не вредитъ; только разжегши класи и брать
ее и въ огнѣ сожечь. Такъ и злая жена въ челоукахъ, злѣе
всѣхъ (челоукъ). Слыши, сынъ! Изъ куста вываззаетъ злиа
и узритъ челоука и бѣжитъ отъ него, а злая жена подлѣ
мужа своего лежитъ, а злѣишѣи дуюнъ на него дышитъ. Ся
истинная завзунная злѣя. Доколѣ мужъ ея по ея праву хо-
дитъ и вопреки ей не глаголетъ, то и она ему терпитъ. А
когда чѣмъ мужъ ей погрозитъ, и она на него что злѣя шп-
нитъ. Если мужъ за ея нестество бьетъ ее жезломъ или
пизаніемъ или за власы рваніемъ, то злую жену ничто веиметъ,
но только раздражаетъ ее; а она злобою своею, какъ злѣя,
въ сердце его стѣкнетъ, и онъ отъ нея конецъ приимлетъ, а
по времени и сама умретъ; и если не покается, то въ огонь
ввержена будетъ, и тогда она окаинная окажется.

•Слыши, сынъ, про *ехидну*. Ехидна какъ родитъ чадъ сво-
ихъ, то скоро ихъ возненавидитъ, и хочетъ ихъ съѣсть, а
когда съѣстъ, то они прогрызають у нея утробу и на древо

¹⁾ Въ одномъ изъ списковъ налагаской „Бесѣды“ противъ этой статьи
на полѣ отмѣчено: „1-е Подобное оной заповѣди молъ жена Пеласія
во всемо сходство имлетъ“. Точно также и противъ слѣдующей
статьи, о злѣишѣи скорпиѣ, отмѣчено: “и 2-е и сіа подобна во всема.”

угодать, и она от того умирает ¹⁾). Ей охидиѣ уподобилася выѣшніи дѣвцы. Многія бываютъ мухамъ жецы, во утробѣ нѣютъ блудомъ прижито дѣтя, а родити еще не время, и онѣ чрево свое гнетутъ и утѣсняють и помышляютъ себѣ, егда отроча изъ чрева изыдутъ и како бы задушити его своими колѣни, и тѣмъ дѣвическую свою печаль избыть: таковой женской злой нравъ; дѣвицею именуется, ибо образомъ яко дѣвица, а нравомъ — истинная блудница. Кому прилучится, зри ее: ходить быстро, очами обзорлива, нравомъ буява и во всемъ нестова (и ни въ чемъ несчастлива).

«Слыши, сынъ, про змію *василиску*: такова суть, что зрѣніемъ убиваетъ человѣка, гдѣ зазрѣтъ, такъ и побиваетъ. Такова змѣя василиска, стрѣлами своими, вельми люта, человѣка умерщвляетъ. Такъ и *прокудливая* ²⁾ жена нравомъ злое змѣи василиски бываетъ, потому что прехитро себя украшаетъ: высокіи сандалии обуваетъ, вѣжды свои оциплетъ, дугами учинитъ, лице и выю вапами (красками) увапнѣтъ и румяностію украситъ; въ очи черноты пуститъ; въ одѣяніе червленное (багряное) облачится; перстни на руки возлагаетъ; верхъ главы своей золотомъ и драгимъ каменіемъ украшаетъ и на лукавыя дѣла тщится. Когда грядетъ путемъ — ступаетъ тихо, легко, главу кротко обращаетъ и очами не вскорѣ взираетъ и всѣ составы свои къ прелести человѣче-

¹⁾ Здѣсь сказаніе о охидиѣ отчасти не согласуется съ древними свѣдѣніями и дѣлается смутное, можетъ-быть для того, чтобы подобіе болѣе соответствовало слѣдующей за тѣмъ характеристикѣ. „Кхидиа есть змѣя, но не имѣетъ человѣчь образъ, ани дѣвица, а отъ носа периодическый образъ имѣетъ.“ Это сирена. Въ отношеніи дѣторожденія, о ней существуетъ чудовищный разсказъ, по которому естественнымъ становится, что дѣти, когда прасѣвали изъ чрева рождаются, прогрызли чрево матери и только такимъ образомъ могли выйти на свѣтъ.

²⁾ *Прокуда* (область) провазникъ, шалуцъ, хитрый, лукавый человекъ, притворщикъ, обманщикъ.

своей ухищраеть и многія души огненными стрѣлами устраиваетъ, яко ядомъ змииннымъ. Видѣнїемъ своимъ юныхъ убиваетъ; какъ разслабленные они бывають.

«Сынъ мой, слыши про *асмида*. Велики золь естествомъ своимъ, а роду змѣнна семьдесятъ два, а сей аспидъ первый отъ нихъ злобою, и въ которую страну вселится, сотворитъ ее пусту. А нравомъ таковъ: не можетъ слышать звука трубнаго, но разбиваетъ себя о камень и скончается ¹⁾). Такъ и злая жена не можетъ слышать добраго ученїя, уши свои заткнеть непокоренїемъ и жемчугомъ драгимъ завѣситъ, какъ аспидъ хоботомъ. Въ который домъ такая жена вселится — сотворитъ его пустъ; ибо мало бываетъ злобы, противъ женской злобы, ибо женская злоба всемъ злобамъ корень».

Но все эти портреты, какъ ни были рѣзки ихъ очерки, какъ ни были ярки ихъ краски, не могли еще совершенно убѣдить юношу въ зломъ естествѣ женщины. Многія черты, несмотря на все старанїе выставить ихъ въ дурномъ свѣтѣ, явили, наоборотъ, много мягкаго, прелестнаго, и влекли неопытную мысль даже въ противоположную сторону. По крайней мѣрѣ юношѣ трудно было согласиться съ такимъ старческимъ ученїемъ о женщинахъ. Нужно было воспитать себя особеннымъ образомъ, въ особенной сферѣ понятїй, какова напримѣръ была старая наша

---

¹⁾ Есть два сказанїя объ аспидѣ. По одному, аспидъ зѣва крылатъ, носъ имѣеть птичїй и два хобота (то-есть хвоста); живеть въ горахъ на камняхъ, видомъ нестра воляшии двѣтою; не можетъ слышать трубнаго звука. По другому сказанїю, аспидъ лицо имѣеть дѣвичье и власы дѣвичья, хоботъ змѣевъ, ноги василисковы, крылья велики тверды и вѣло остры, железо и камень коресѣняютъ поносамъ, живеть также въ горахъ каменихъ въ приориѣ. Доволя его посредствомъ игра на трубахъ. Нестеленный трубнымъ звукомъ, аспидъ протыкалъ себѣ хвостомъ уши, агибаласъ въ кольцо и отъ напряженїя лопаласъ. Кровь разливалася по каменией массѣ и окрашивала ее въ темноснїй цвѣтъ. Оттуда-то и происходитъ камень *асмида*, подъ которымъ встарину разувѣла также и иранеръ.

вѣдливость, чтобы въ каждомъ женственномъ поступкѣ, усматривать зло и лукавство. Юноша только еще вступалъ въ жизнь, не искушенъ опытомъ, и обаяніе женской красоты еще въ юной мѣрѣ владычествовало надъ нимъ.

Онъ снова указываетъ отцу на писаніе: — «Лучше жениться нежели разжизниться. Какъ печь палима огнемъ, такъ и юношество вожделѣнію женскому разжигается. Огонь естественный вѣтромъ поревается, время и мѣсто согрѣшенію полагается. А женская мягкая красота прельщаетъ, — на ню же взираю и веселъ бываю.

— «Ну, если ты не разумѣешь моихъ словъ и всего, что я тебѣ сказалъ, такъ слушай, доскажу тебѣ, отвѣчаетъ отецъ. — Помнишь грѣхопаденіе первыхъ чловѣкъ. Увы мнѣ! вся злая мя постигоша тебя ради жено прелестная; ты незрѣлое зерно пожала серпомъ лукавства зѣбна, власть на рабство прележила, въ очахъ свѣтъ помрачила:.. отъиди отъ меня; уже не терплю совѣта твоего лукаваго, ниже будетъ о тебѣ помышленіе мое... Слыши, сынъ, сколько отъ злыхъ женъ пострадала: Ной праведный... Лотъ праведный... Слыши про Іосифа прекраснаго, какъ онъ отъ жены терпѣлъ, въ темницѣ сидѣлъ... Слыши про царя Давида, какъ даже смерть хотѣлъ принять, увидѣвъ Вирсавію, жену Уришну, красну зельни...»

Исторія всегданняя учительница чловѣка и путеуказательница, произвела и здѣсь свое впечатлѣніе. Юноша поколебался, ибо доказательства были слишкомъ очевидны и вполне для него убѣдительны. — «Писаніе говоритъ, замѣтилъ онъ — не щади жезла, уча сына своего, его же любишь; и вотъ твоими словами смыслъ мой укрѣпился, разума наполнился твоимъ ученіемъ, опасное житіе позналъ, укрѣпился и искусенъ сталъ.

— «О нѣтъ, сынъ мой, прерываетъ его отецъ, — не думай этого, какъ ты говоришь. потому что дивна вещь сія — жена

оно Адамъ выскочилъ, а худина бьется и сварится, какъ болтъв какой: силу и силу свербитъ, а нитъ болтъ. Не проважася. Слышь мой, не говори въ утъ своемъ: я разу-вель. Не уповай на мудрость свою, на нужество и на храбрость свою, чтобъ жить съ этикъ неукротимымъ зѣрень: его смѣрности и безстудства не можешь укротить. Кто Соломона мудре былъ? а жена лукавая мудрость его пресунилъ, какъ рѣку ниво текущую; обратила его на загубу, пророче. Слышь кара дивила. Слыши, слышь мой про Саломона сильнаго: жена не убоялась его силы, усидила на колѣнахъ своихъ и остригла волосы, въ которыхъ была сила его, и сотворила на него паруганіе иноплеменникавъ. Слыши про царя Александра Македонскаго, какъ былъ храбръ; отъ Палестинскія страны и отъ Востока всѣ царства нѣра покорилъ, а отъ жены бѣлъ отравленъ зелиемъ... За тѣмъ слѣдуютъ другіе примѣры, тѣ особенно ярко выступаютъ Продіада, но внушенію кото-рой устѣна была глава Іоанна Предтечи.

— Такова есть лютость женская, злой жены. Сколько отъ нихъ сильныхъ, храбрыхъ и святыхъ мужей пострадало! Чего хвалять самъ не можеть сотворить святыхъ, то женою тво-дитъ. Она есть оружіе вражіе, мечъ сатанинъ к оболгатель-ница святыхъ... Нѣкій человекъ, добронравенъ, жилъ съ злою женою и нѣтъ семь сыновъ, а всѣ въ совершенномъ уже возрастѣ были. Однажды, по многону ея злонавію, онъ мучилъ ее, наказалъ жезломъ. Она и убѣжала въ нѣкоторую пещеру къ затворнику, старцу честну, и плакала при дже-мѣ, толкуще, глагола: пришла къ твоей святини, чтобъ уйти отъ смерти напрасной. Онъ привалъ ее въ пещеру. Жестръ оболгетилъ его оказывая... Всякой разъ, какъ мужъ мучилъ ее, она прибѣгала въ пещеру и говорила: уморю мужа и свободна буду. Старецъ сказалъ: умори. И уморкла мужа и свободна была, по одному, — всѣхъ уморила, а седьмой

ушел во градъ и все разсказалъ народу, и вышли люди къ нещорѣ и сожгли огнемъ и старца и жену. Объ этой повѣсти не могу и говорить, очи мои саѣпать; кто не прослезится о погибелѣ старца: здѣсь огнемъ окончался и въ будущемъ вѣкѣ мукамъ предается... Очи мои слезы испустиша, душа моя спалися и сердце мое всколебася! Сколько лѣтъ старецъ подвизался, со многими бѣсы браняся, а съ женою злою въ малое время прельстился и погибъ. Надъ этою повѣстью каждый челоуѣкъ призадумается. О злая жена!..

— Отецъ! говоритъ сынъ, ты утомился, отяготился тяготю, объясня такъ подробно дѣйствія женской злобы: Скажи мнѣ слово вкратцѣ: что лихая жена и что злоба ея? Скажи мнѣ, да напишу твои слова на сердцахъ моихъ.

— Жена злая, говоритъ отецъ, душевная тѣота, домовная буря, многимъ потопъ, неудержимая стрѣла, запазушная змя, сердцу коше, умнымъ соблаженіе и очамъ поползеніе и тайвань обличеніе, покомще змѣино, смертоносная бѣда, всеглашній плачь, неоставляющая трясавица (лихорадка) и неутолимая огневница (горячка). Какъ невозможно мертвеца удержать въ живущей хранинѣ, такъ невозможно удержать злая жена злыхъ словесъ. Подобно перечесу сюду свербить, а нидѣ болить. Добрая жена какъ очи въ тѣлѣ, а злая жена какъ струпь въ лядвяхъ. Лучше на необузданномъ конѣ ѣздить, чѣмъ жить съ лихою женою. Лучше со львомъ въ пустынѣ жить, чѣмъ съ лихою женою. Лучше желѣзо варить, чѣмъ съ лихою женою жить; лучше трясавицею лежать, чѣмъ съ лихою женою жить: трясавица держа да отнустить, а злая жена никогда злобы своей не покинетъ. Лестъ возстающая, самохотная печаль, ратница злая, грѣхочительница, темнымъ вождь, дьяволя вѣсть, гостинница несомная, совокупленница бѣсовская, несытая похоть. Какъ ровъ глубокий не наполнится водою, какъ огонь не угасается дровами, такъ и злая жена

никогда не насытитъ хотѣніе свое, и злоба ея не умалится, ииѣтъ сокровище нечистое, источникъ безпрестанно кипящій злая злобы. А въ которомъ дому у мужа будетъ злая жена, не почто тому ходить на погребеніе мертвыхъ плакать; дома у него всегдашній плачь! Охъ, охъ, охъ! увы, увы, увы! горе, горе, горе, тому мужу!»

И говорить сынъ отцу:—«Отче мой! уже слухи моя наполнишася твоего наказанія, уже душа моя ужасеся и разумъ мой умилися и сердце мое восколебася, стоя предъ твоими очами.

—«Сыне мой! я ничего не выдумалъ, не отъ себя дѣлаю эти укоризны. Женское естество вельми зло. Все, что я говорилъ, все это я видѣлъ и нашелъ въ писаніи. Сыне мой, послушай меня»!...

Дѣйствительно въ писаніи, то-есть въ письменныхъ памятникахъ того времени, вопросъ о злой женѣ, о женской злохитрости, о женской перепадчивости, какъ мы уже замѣтили, былъ однимъ изъ обыкновенныхъ, ходячихъ вопросовъ. И если въ современной литературѣ, съ пробужденіемъ понятій объ истинномъ значеніи женщины, о ея самостоятельныхъ правахъ, являются нерѣдко произведенія, изображающія ее жертвою ликои воли или жертвою нелицыхъ житейскихъ отношеній, то встарину наоборотъ жертвою выставлялся мужчина, — жертвою женской злобы, хитрости и перепадчивости. Въ книгахъ того времени существуетъ множество анекдотическихкихъ разсказовъ, гдѣ, по дѣйствіямъ, женщина вообще мало отличается отъ демона. «Ни демонъ разумѣеть, что женскій полъ умѣеть», замѣчаетъ одинъ такой разсказъ о томъ, «какъ баба дьявола обманула».

Однажды царь Соломонъ захотѣлъ испытать мужескій разумъ и женскій. Призвалъ онъ любимаго своего боярина Джкира и сказалъ: милъ ты мнѣ и возлюблю тебя паче всѣхъ, если со-

творишь волю мою и убьешь свою жену; отдашь за тебя дочь свою, лучшую изъ всѣхъ. Много дней повторялъ это царь, но Дикирь не соглашался. Царь даетъ ему свой острый мечъ и говоритъ: когда уснетъ твоя жена, отсѣки ей голову. Пришелъ Дикирь съ мечомъ въ домъ свой, увидѣлъ жену, спящую на постели съ двумя малыми дѣтьми, содрогнулся и не могъ исполнить царской воли, рече въ сердцаѣ своемъ: «како усѣкну снѣи мечомъ подружіе свое и разрешюлю чада своя?» Позвалъ его царь и спросилъ: сотворилъ ли повелѣніе мое? Дикирь смущенно отвѣчалъ: не могу сотворить. Тогда царь призвалъ жену инога боярина и сказалъ ей: вельми любима ты миѣ изъ всѣхъ женъ и больше тебя возлюблю, если сдѣлаешь, что велю; поставлю тебя царицею. Заколи своего мужа, отсѣки ему голову, когда будетъ спать, вѣтъ этимъ мечомъ. Жена отвѣчала: рада, царь, исполнить твое повелѣніе. Но Соломонъ, съ мудростію своею разумѣя, что жена дѣйствительно готова убить своего мужа, далъ мечъ *продляи*, тесть тупъ. Пришедъ въ домъ свой и увидѣвъ мужа спящаго, жена тотчасъ исполнила повелѣніе, потре мечомъ по горлу его, думая, что остръ мечъ тотъ, и что легко заколетъ мужа. Мужъ пробудился и въ испугѣ подумалъ, что пришла разбойники. Когда же увидѣлъ жену съ мечомъ, спросилъ ее: почто подружіе мое надо мною умышляешь, хотя меня убить. Отвѣчала жена: языкъ человеческій оболстилъ меня... Мужъ хотѣлъ созвать людей, но скоро понялъ, что жену научилъ царь Соломонъ, желан испытать, что мужъ не захочетъ убить свою жену, а жена всегда готова убить своего мужа. И написалъ (царь Соломонъ) сію повѣсть въ сборникъ и рече во всемъ писаніи своемъ: «Мужа обрѣтохъ въ тысящи, а жену во тѣи не обрѣтохъ добрую».

Такия хитро составленныя повѣсти очень были назидательны и для книжныхъ и для простыхъ людей, подготовленныхъ

бездисциплинарными изречениями на ту же тему. Нужно впрочемъ забыть, что большая часть подобныхъ рассказовъ, и особенно свѣтскаго содержанія, появилась у насъ въ переводѣхъ съ польскаго, во второй половинѣ XVII столѣтія. Можно пожалуй забыть, что такими образомъ, то-есть посредствомъ переводовъ изъ чуждой намъ литературы, внесено къ намъ много такого, что не отъѣчало ни нашей мысли, ни нашихъ вкусовъ, что было совершенно чуждо нашей дѣятельности... Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Переводы являлись въ то время безъ всякой мысли о спекуляціи (тогда еще ни книжная торговля, ни типографское дѣло не были достаточно распространены для этого), но съ единственною мыслию принести поученіе и назидательное увеселеніе читающей, еще незначительной массѣ. Каждый изъ переводившихъ былъ только органомъ настоятельной потребности общества увеличить кругъ своихъ свѣдѣній, уяснить себѣ то, что смутно еще бродило въ общественной мысли. Поэтому переводы носили самыя удовлетворительныя отвѣтомъ общей потребности *сознанія*, едва зарождавшагося въ то время. Они дѣйствительно и принесли болѣе или менѣе значительную ясность, опредѣленность, отчетливость, тѣмъ понятіямъ, которыя во многихъ случаяхъ представляли еще хаотическое состояніе. Такъ и понятія о женщинахъ къ концу XVII столѣтія, посредствомъ переводныхъ статей, выработались въ отчетливыя, и потому, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкія положенія, къ какимъ принадлежитъ и изложенный нами памятникъ. Лучшимъ доказательствомъ, что эти переводныя статьи приходились какъ разъ въ мѣрку понятій и потребностей тогдашней жизни, можетъ служить то, что они быстро распространялись въ спискахъ и выпискахъ, наполнявшихъ разнообразныя сборники, что многіе рассказы, взятые оттуда, ходятъ въ народѣ даже въ настоящее время. Извѣстенъ наприимѣръ анек-

доть о женѣ, упорно спорившей съ мужемъ изъ одного только слова и стоявшей на своемъ даже и въ то время, когда разсерженный мужъ, по одному разсказу, употреблялъ въ доказательство смертные побои, а по другому—утопилъ ее въ рѣкѣ. Этотъ анекдотъ встрѣтился намъ въ ряду правоучительныхъ и назидательныхъ повѣстей, извлеченныхъ изъ римскихъ духовныхъ писателей и переведенныхъ въ XVII столѣтїи съ польскаго, подъ именемъ Великаго Зеркала — книги огромной, заключающей, въ полномъ своемъ составѣ, болѣе восьмисотъ разсказовъ. Анекдотъ сей, или *приложъ* (примѣръ), носитъ, разумеется, соответственное характеру книги и тогдашнимъ общимъ понятїямъ о женщинахъ, приличное заглавіе, именно: «Жестокосердіе или непокорство: нѣсть гнѣва паче гнѣва женскаго, ни жестокосердіа и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго». Мы передадимъ его вполне и безъ измѣненій. « Мужъ съ женою одною иде черезъ ниву, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена. Жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющуся мужу много. Егда же мужъ глаголаше яко покошена, а жена глагола пострижена. Мужъ же на гнѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду. Егда же въ водѣ вяще не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перста ни на подобіе ножницъ, являющи, яко бысть пострижена и сопротивляющися даже до смерти ».

Когда общественная мысль вырабатываетъ свои понятїа въ опредѣленные, ясныя и потому несомнѣныя положенїа, когда смутныя представленїа, бродившія въ умахъ, хотя бы на примѣръ о женской злобѣ, являются въ законченныхъ образахъ, когда народный бытъ приобретаетъ такимъ образомъ новую рѣзкую черту, и если эта черта есть явное уклоненіе отъ истины, — въ это только время человекъ и убѣждается во лжи, въ негнѣности своего предыдущаго развитїа, и съ это-

го только времени и представляется возможность другого взгляда на жизнь, другого пути для мысли. Къ концу XVII столѣтія, въ нашей жизни многое ярко обрисовалось, многое получило послѣднія, окончательныя черты, и поворотъ жизни и мысли былъ неизбеженъ; онъ и предчувствовался лучшими людьми эпохи, которые время отъ времени дѣлали попытки выйти на свѣжій путь... Счастливы мы, что реформа, происшедшая въ русской жизни, не только дала необыкновенную силу и крѣпость народному организму, но и послужила выѣстъ съ тѣмъ очищеніемъ отъ многихъ грѣховъ, нажитыхъ невѣжествомъ и самодовольною снѣсъю умственной исключительности.

ИЗЪ КНИГИ „ЗЛАТОУСТЬ“.

Въ числѣ книгъ духовно-назидательнаго чтенія, особенно любимыхъ нашими предками, весьма важное мѣсто занимали сборники поученій и духовныхъ Словъ, называвшіеся Златоустами, Златоструями, Изшарагдами, Торжественниками, и проч. Сборники эти составлялись бѣльшею частію изъ переводныхъ сочиненій Отцовъ Восточной Церкви и особенно изъ поученій и бесѣдъ Іоанна Златоуста, отчего и получали преимущественное названіе Златоустовъ. Составъ и объемъ подобныхъ сборниковъ весьма различенъ; нѣкоторые составлялись *выборомъ* изъ немногихъ только избранныхъ *словъ*, почему либо важныхъ для составителя, который *выбиралъ* или выписывалъ ихъ изъ другихъ полнѣйшихъ сборниковъ. Въ другихъ находимъ собраніе Словъ и поученій, расположенныхъ по днямъ Великаго поста (Златоустъ постный), а въ иныхъ по днямъ цѣлаго года, въ теченіи котораго они прочитывались. Порядокъ и число статей, хотя и заключали въ себѣ много сходнаго, но были произвольны; каждая редація имѣла свои особенности и въ выборѣ Словъ и въ ихъ расположеніи.

Въ отношеніи къ исторіи древней отечественной словесности эти сборники въ высшей степени важны и любопытны; они едва ли не единственные литературные памятники нашей древности, принимая литературу, разумѣется, въ настоящемъ ея смыслѣ, какъ выраженіе народной жизни въ извѣстную эпоху. По крайней мѣрѣ многія явленія нашей древности нигдѣ не выступаютъ съ такою опредѣленностью, такъ ясно, какъ въ памятникахъ этого разрада. Несмотря на то, что въ со-

ставъ сборниковъ, какъ мы сказали, входили большею частію переводныя слова и поученія Отцовъ Греческой Церкви, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ нихъ произведенія Русскихъ проповѣдниковъ, съ несомнѣнными признаками чисто Русской современности и Русскаго народнаго бытѣ. Труды нашихъ почтенныхъ ученыхъ Калайдовича и Горскаго, открывшихъ столько замѣчательнаго въ этомъ отношеніи, уже достаточно показали высокое значеніе разсматриваемыхъ сборниковъ для науки.

Но кромѣ того, по нашему мнѣнію, не менѣе значительны и важны и самыя переводныя Слова и поученія, изъ которыхъ по преимуществу составлялись сборники. Они важны по вліянію, какое оказывали на народное убѣжденіе и вообще на религиозно-нравственное образованіе нашихъ предковъ, почерпавшихъ изъ этого источника правила благочестивой жизни во всѣхъ подробностяхъ.

Не имѣя въ виду обстоятельнаго изученія этихъ сборниковъ, котораго должно ожидать отъ знатоковъ дѣла, мы ограничимся въ настоящемъ случаѣ просмотромъ одного только Златоуста притомъ одной только половины этого сборника. Рукопись хранится въ Архивѣ Оружейной Палаты (N 3); она писана на лощеной бумагѣ полууставомъ XVII вѣка. Впередѣ оглавленіе: *«Главы настоящія сія книги, глаголемыя Златоустъ, другія половины, съ четверга послѣ Всехъ Святыхъ, первыя недѣли»*. Начинается со 131 и оканчивается 357 главою, такъ что на каждый день приходится по главѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя виѣщаютъ въ себѣ по нѣскольку Словъ. Вообще рукопись составляетъ второй переплетъ полнаго Златоуста, потому что самая перемѣта тетрадей, содержащихъ въ себѣ каждая по 8 полулистовъ, начинается также съ 28 тетради. Внизу первыхъ трехъ листовъ оглавленія находится любопытная отмѣтка крупною скоропи-

съмъ конца XVII столѣтія: *Государьши Царицы хоромная*. Далѣе по тетрадамъ, начиная съ 29, внизу, отмѣчено полууставомъ: *Книга, глаголемая Златоуста, другая пологила, пона Стефана Внифантіева келейная*.

Такимъ образомъ рукопись сама по себѣ любопытна какъ памятникъ Царскаго быта; неизвѣстно только которой изъ Царицъ она принадлежала.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на то любопытное обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ Словахъ разсма- триваемаго Златоуста встрѣчаются параллельныя мѣста, почти слово въ слово, съ извѣстнымъ Домостроемъ. Вообще нужно замѣтить, что первыя главы Домостроя, въ которыхъ заключается поученіе и наказаніе отца духовнаго, написаны ведъ сильнымъ вліяніемъ духовныхъ словъ и поученій, которыя Домострой или сокращаетъ или выписываетъ только нѣкоторыя выраженія почти всегда слово въ слово, безъ всякой перемѣны, разиѣщая выписки по приличнымъ мѣстамъ въ кушъ своей собственной редакціи. Такъ въ первыя четыре главы и отчасти въ седьмую вошло, между прочимъ, нѣсколько апофегизъ, почти слово въ слово изъ «Измарагда» или «Слословна» Цареградскаго патріарха Геннадія—статьи, довольно часто встрѣчающейся въ рукописяхъ и даже напечатанной при букварѣ 1679 года.

Другія главы Домостроя выбраны изъ разныхъ Словъ Златоуста. Въ главахъ XI, XII и XIII видно заимствованіе изъ слова св. муч. Панкратія, въ субботу 9-ю послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 189, и изъ Слова Святыхъ Отецъ о жи, въ субботу 3-ю, гл. 147.

Глава XX Домостроя «*Похвала женамъ*» почти вся составлена изъ Слова Іоанна Златоуста «о женахъ добрыхъ», гл. 157. Сюда вошли цѣлыя фразы безъ измѣненій и только съ особою перестановкою противъ Слова.

Но лучше всего на подобныя заимствованія указываетъ глава XVII: «Какъ дѣти учить и страхомъ спасти». Большая часть ея есть ничто иное, какъ сплошная выписка съ незначительными вариантами изъ «Слова отъ притчей къ родителямъ и къ чадамъ» въ пятокъ 5 недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 160.

Домострой, глава XVII:

«Казни сына своего отъ юности его, и поконтъ ты на старость твою и дасть красоту души твоей. И не ослабляй бѣи младенца; аще бо жезломъ бѣши его, не умреть, но здравіе будетъ: ты бо бѣи его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ; да не свою волю приимиши, и въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ ты знаемымъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ ты предъ множествомъ народа; аще бо отдаши дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похваляшися: при концы не посто-

Слово отъ притчей къ родителемъ и къ чадамъ.

.... «Наказуай сына своего отъ юности его, и оны ты поконтъ на старость твою и дасть красоту души твоей. Не ослабляй бѣи младенца; аще жезломъ бѣши его не умреть, но паче здравъ будетъ; ты бо бѣи его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти.. Аще ли имаши дщери, положи на нихъ грозу свою и соблюдеши я отъ тѣлесныхъ грѣхъ, да не посрамятся лице твое. Аще ли отдашь дщерь свою замужъ безъ порока, то аки велико дѣло совершилъ будеши, и посредѣ собора похваляшися о ней, и при кончии не постонеши на ню. Аще любиши сына своего, учащай ему раны, да возвеселишися последи о немъ. Накажи его доколѣ юнъ, и егда взмужаетъ, по-

неши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ-млада, и перадуешися о немъ въ мужествѣ: и посредизлыхъ похвалишися и зависть при- нуть враги твои. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрещеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велици по- болиши, скорбя; и послѣ же аще оскомины творили души твоей. И не даждь ему власти во юности, не сокруши ему ребра, донележе растеть, а ожесточавъ не повинеть ти ся, и будетъ ти досаженіе, и болезнь души, и тщета домо- ва, погибель имѣнію и укор- ривна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властію платѣжъ и досада зла».

Въ другомъ сборникѣ XVI вѣка, который принадлежитъ нашей библіотекѣ и также можетъ назваться Златоустомъ, мы находимъ *Слово, како подобаетъ родителема каз- нимъ чада своя*, которое есть ничто иное, какъ помѣщен- ная здѣсь статья Домостроя.

Впрочемъ и приведенное нами Слово «отъ притчей», такъ сходное съ Домостроемъ, если оно и Русское сочиненіе, то

радуешися о немъ, и посредѣ знаемыхъ похвалишися, и за- висть принять врагъ твой. Воспитай дѣтищитвое съ пре- щеніемъ и обрещеши покой о немъ и славу и благословеніе отъ Бога. Не смѣйся и не играй со младенцомъ своимъ, в малѣ бо ослабишися, а во мнозѣ поскорбиши и поболши о немъ и послѣди аще оскомины зубоиъ, тако печаль сотвори- ши души своей. Не давай во- ли дѣтищу во юности его, но сокруши ему ребра донележе растеть. Еда како ожесто- чавъ не повинеть ти ся, и бу- деть ти отъ него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь не- шала, и тщета дому, и по- гибель имѣнію, и укорь отъ сосѣдъ, и посмѣхъ предъ вра- ги, а предъ властію платѣжъ и зла досада...»

въ свою очередь, безъ сомнѣнiя, также составлено выборомъ изъ словъ переводныхъ, что у нашихъ древнихъ проповѣдниковъ было въ большомъ ходу и даже въ особенномъ уваженiи. Въ большой части ихъ поученiй нельзя не замѣтить записыванiя, *выбора* изъ переводныхъ творенiй Отцовъ Церкви. Такъ и въ настоящемъ случаѣ въ упомянутомъ Словѣ находимъ одно мѣсто, сходное съ Словомъ Іоанна Златоуста о женахъ, въ среду 5 нед., гл. 158, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Аще кто у васъ имать дщерь, положи на ней грозу свою, да ходитъ въ послушанiи, да не свою волю приними въ неразумiи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ тя въ посмѣхъ знаемымъ твоимъ и при множествѣ народа порода посрамится. Аще бо отдаши безъ порока дщерь свою, то велику добродѣтель сотворилъ еси и отъ всѣхъ похваленъ будеши....»

Нельзя не остановится на этомъ глубоко-знаменательномъ мѣстѣ Домостроя... Мы думаемъ, что въ немъ яснѣе всего высказывается то влiявiе на нашу древнюю жизнь, которое, безъ сомнѣнiя, вызвало одно изъ любопытнѣйшихъ ея явленiй, объясняемое до сихъ поръ или Монгольскимъ игомъ или недостаткомъ общественной безопасности въ періодъ княжескихъ междоусобiй и народныхъ смуть. Мы говоримъ о строгомъ обычаѣ, который отаѣлялъ женщинъ отъ общества мужчинъ, назначивъ имъ уединенную жизнь въ теремахъ и вообще въ особой женской *половѣ* древнихъ боярскихъ хоремъ. Можетъ быть, на первый разъ слова наши покажутся парадоксальною натяжкой; но мы убѣждены, что внимавъ внимательно въ основныя черты нашего стараго быта и въ то влiявiе, которое оказывали на него преповѣди и поученiя Отцовъ Восточной Церкви и преимущественно Іоанна Златоуста—нельзя будетъ не согласиться, что въ этомъ, а не въ другомъ какомъ источникѣ мы должны искать древняго нашего взгляда на женщину и вообще на всѣ семейныя домашнiя отношенiя.

Мы уже замѣтили, что въ разсматриваемомъ Златоустѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ сборникахъ, въ числѣ переводныхъ поученій и Словъ, встрѣчаются нерѣдко поученія оригиналыма, т. е. принадлежащія Русскимъ проповѣдникамъ, болѣею частію безъ именъ, съ однимъ только заглавіемъ: *Слово св. оцемъ*, или просто *Слово* о томъ-то. Мы не будемъ здѣсь упоминать о статьяхъ, принадлежащихъ извѣстнымъ уже проповѣдникамъ древней Руси; замѣтимъ только, что въ сборникѣ находится Слово Кирилла Туровскаго, отнесенное впрочемъ къ Иоанну Златоусту, гл. 134 *). Судя по значительнымъ вариантамъ, которые указываютъ болѣе на другой переводъ, нежели на разнорѣчащій списокъ, это слово едва ли можетъ быть приписано Кириллу Туровскому. Въ самомъ списокѣ, по которому издалъ его Калайдовичъ, оно также отнесено къ Иоанну Златоусту; въ сборникахъ же оно весьма часто попадаетъ съ заглавіемъ: *како крестіаномъ жьжити*. Сравни напр. рукоп. Царскаго подъ N 179, л. 287. Вообще этотъ предметъ требуетъ еще тщательной повѣрки.

Въ числѣ безъименныхъ Русскихъ поученій, находящихся въ разсматриваемомъ сборникѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ *Слово о правдѣ*, въ среду 18 недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 249. Начало его: «Премудрый Соломонъ глаголетъ: слышите Царіе и разумѣйте».... Далѣе говорится: «аще же убо вѣрный Царь въ нынѣшнее время испытываемъ, то во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ Россійскаго языка, невѣны правотвѣрующа Царя. И аще вѣроу правъ есть, достоятъ ему негнѣстно списати, разсмотря же ко благополученію всѣхъ сущихъ подъ нимъ. Не однимъ вельможами, ежъ о исправленіи вещися, но и до послѣднихъ. Вельможи бо суть потребни, но ни отъ конхъ своихъ трудовъ не изволятся; въ началѣ

---

*) *Памят. Слов.* XII в. N. VI.

же всего потребни суть ратаевѣ, отъ нихъ трудовъ есть хлѣбъ, отъ хлѣба же всѣхъ благихъ главизна... Ратаевѣ беспрестани различна работная ига подъемяють, овогда бо дають серебряныя оброки, а иногда ямская собранія, овогда же ина. Елицы жь отъ даропитательныхъ чловѣкъ сихъ послани бывають царскихъ ради собраній, сіи же подлѣ царскаго указа и себѣ много съ нихъ же собирають. Еще же сихъ ради послани яжде-нія ради коней, въ ямская расточенія много сребра расходится. Многа же и ина ратаевѣ обида отъ сего, еже царскіе землетрительни писаріе ѣздять съ южемъ дѣломъ мѣромъ, отдѣляюще царевымъ воиномъ землю въ мѣру и всякому землю вразнѣ полагають, и симъ много медлятъ и многа брашна у ратаевъ изъядають. И многа царства прочтохомъ, а сего обычая невѣдѣхомъ... Ямская же правленія вся подробену достоятъ устроить отъ града по росписанію до другаго града. Симъ, елицы во градѣхъ продающе и скупующемъ и прикупы богатѣюще, достоятъ имъ яремъ сей между всѣхъ градовъ носить, понеже многа прибытка стяжатели суть. Кромѣ же сего ярму ничесогоже никіихъ улишеній да не сподобятся, но во вся грады безо всякихъ возданій, купующе и продающе, и сего ради нарицаемая правленія ямская отъ града до града по написанію исправляти симъ достоятъ. Симъ же всякъ мятежъ въ земныхъ умалится, и писаремъ умаленія, зборы преста-ну(ть) и мзды неправедныя отлучатся».

Въ Словѣ «Св. Отець, како жити хрестіаномъ», гл. 204, любопытно одно мѣсто, относящееся къ древнимъ языческимъ вѣрованіямъ. Предлагая правила благочестивой богоугодной жизни и выставляя чловѣческія немощи и пороки, Слово говоритъ между прочимъ: «Сему же и ина подобна вина: немощъ волжбою лечать и наузы чарованія, бѣсомъ требы принести и бѣса, глаголемаго трасцю *) творять отгоняющи, и елици-

*) По другимъ спискамъ *трасвицу*.

ская слова пишуть на яблоцѣ и кладуть на престола въ годъ службы. Се есть проклято. Того дѣла многи казни отъ Бога за неправды наша находятъ, не рече бо Богъ лечитися чарованіи и наузы, ни (въ)встрѣчу, ни въ полась, ни въ чехъ вѣровати: то есть поганско дѣло. Аще ли кто отъ христіанъ тако сотворитъ, горши поганыхъ осудитса».

Въ другомъ сборникѣ, въ Словѣ св. отца Моисея, «о ротахъ и о клятвахъ» это же самое мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: «Емужь другая вина подобно тому: жертву привосять бѣсомъ, недуги лечатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трысцю, мнѣтса(я) прогоняюще нѣкими ложными писмяны, проклятыхъ бѣсовъ еленьскихъ пиша имяна на яблоцѣхъ покладають на святѣй трыпезѣ въ годъ люторгѣи и тогда ужаснутса(я) со страхомъ ангельская воинства....»

Любопытно также Слово «о корчмахъ и о пьянствѣ», въ четвергѣ 18 недѣли, гл. 250, направленное противъ невоздержанія въ винѣ, и вообще противъ «пьянственной напасти». Оно касается и нѣкоторыхъ земскихъ обычаевъ, говоря: «аще бо въ земныхъ обычаехъ свидутса къ питію пьянственному мужи и жены, тутъ же привдуть и нѣции кошунницы, имуще гусли и скрипѣли и согѣли и бубны и виня бѣсовскія игры, и вредъ мужатицами играюще, бѣсяся и скача и скверныя пѣси припѣвая. Сія же зраче жены и уже сѣдятъ отъ піяньства аки обуморены. Крѣпость бо трезвеная изсяче и будетъ ей желѣние сатанинскому игравію. Мужу же ея такоже ослабѣшу и бываетъ сѣмо и овамо очлиа согляданіе и помизаніе. И кійждо мужъ чужей женѣ питіе даетъ съ лобзаніемъ и ту будетъ и рукавъ пріятіеи злотайнымъ речемъ силѣтеніе и связь диволя. Жена бо прежде еднаго искуса срамъ имать, а егда искустса, уже срама не имать, и въ томъ обыкши блудница бываетъ, первѣ бо всяко блудницѣ навѣтъ диволю бываетъ въ

бесѣдахъ пиянственныхъ. Также и душегубство во пьянствѣ: преже бо придуть на ниръ (продолженіе см. выше стр. 139).

Замѣтимъ еще Слово о церковномъ строеніи, содержащее наставленіе священникамъ о порядкѣ, какой должно наблюдать въ храмѣ, сохраняя его чистоту и благолѣтіе. Вывѣтъ съ тѣмъ Слово обличаетъ древній обычай сохранять въ храмахъ имущество частныхъ лицъ: «Не полагайте въ церкви ничтожъ домовнаго, ни питія, ни яденія, ни злата, ни сребреникъ, ни ризъ мірскихъ, развѣ книгъ, и свѣща и кутія и фіміяна.... того ли ради церковь поставлена, ежъ домовныя потребности полагати. Аще бы не полагали въ церквахъ мірскаго имѣнія, никако бы злодѣе, татіе и разбойницы и ратницы и иновѣрцы не входили во церкви красти. Не церковныхъ бо ради вещей татіе крадутъ, но мірскаго ради богатства, полагаемаго въ церквахъ; съ тѣмижъ и церковныя вещи взимають....»

ЗАМѢТКА О СТАРИННЫХЪ ПОВѢСТЯХЪ.

У насъ много издано и постоянно издается много древнихъ памятниковъ и разнаго рода историческихъ матеріаловъ; итогъ ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ и, несмотря на то, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе открывается, что мы еще далеко не знаемъ всего богатства нашей старой письменности. Ученые наши библіографы, то-есть тѣ люди, которымъ хорошо знакома старая письменность, которые, по-крайней-мѣрѣ, если не прочли, то пересмотрѣли сотни, тысячи рукописей, трудятся какъ-то уединенно, нисколько не слѣдя за общимъ ходомъ историческихъ изысканій, не вникая въ вопросы, возникающіе въ наукѣ, и даже считая всѣ новѣйшіе труды по русской исторіи за ничто такое, надъ чѣмъ не слѣдуетъ останавливать своихъ наблюденій. Излишній педантизмъ ставитъ ихъ внѣ круга общей дѣятельности и оттого труды ихъ не приносятъ наукѣ той пользы, какой она въ-правѣ требовать. Рукописи они описываютъ, какъ они сами же выражаются, порицая другъ друга, болѣею-частью *по корешкамъ*, то-есть выписываютъ одни только заглавія рукописей и разныхъ мелкихъ статей, заглавія, по которымъ вообще очень трудно составить какое-либо понятіе о содержаніи книги. Поэтому изслѣдователь, при всемъ желаніи отыскать по такому каталогу что либо полезное и нужное для своихъ изысканій, весьма-рѣдко достигаетъ цѣли: заглавія ничего ему не говорятъ, а самыя рукописи болѣею частью недоступны. Но для когожь и для чего жь издаются такіе каталоги? Опись переплетовъ важна только для хозяина библіотеки, а не для публи-

ки. Что можно, напримѣръ, заключить о слѣдующей рукописи изъ «Обстоятельнаго Описанія Славяно-Россійскихъ Рукописей графа Толстаго» (М. 1825): «Отд. Ц. № 314. Театральное представленіе въ стихахъ. Заглавный листъ утраченъ. Скорописная рукопись конца XVII вѣка, на 77 листахъ». Что это за театральное представленіе? Можетъ-быть, это переводъ какого-нибудь извѣстнаго, славнаго драматическаго сочиненія, можетъ-быть и вовсе не важная вещь, но во всякомъ случаѣ рукопись любопытная. Отчего жъ не обозначить ея содержанія?.. Мы могли бы очень много привести подобныхъ примѣровъ, но остановимся только на одномъ. Извѣстный теперь «Домострой» по «Обстоятельному Описанію» былъ извѣстенъ еще съ 1825 года. Но кто же зналъ его содержаніе? Библиографы списали его заглавіе и описали только наружные признаки рукописи: «Книга глаголемая Домострой, имѣетъ въ себѣ вещи зѣло полезны, поученіе и наказаніе всякому православному христіанину мужу и женѣ и чадомъ и рабомъ и рабынямъ. Полууставная рукопись конца XVII вѣка, на 179 листахъ» — вотъ и все! Содержаніе этой любопытной книги, благодаря «Обстоятельному Описанію», оставалось тайною до 1850 года, когда рукопись случайно попала въ руки любителей и тотчасъ же была издана, какъ единственный и замѣчательнѣйшій памятникъ нашей старины... Допустимъ даже, что въ 1825 году слово *обстоятельный*, въ отношеніи описанія рукописей, имѣло другое значеніе, не столь полное и широкое, какъ оно понимается теперь; это и оправдывало бы ученыхъ библиографовъ, еслибъ не было извѣстно, что рукописи точно такъ же описывались и въ 1845, и въ 1848, и даже очень недавно.

Единственнымъ образцомъ дѣльной и ученой библиографіи остается до-сихъ поръ «Описаніе Рукописей Румянцовскаго Музея» г. *Востокова*. Зато какъ и благодарна наука это-

и добросовѣтному труду, изъ котораго из-
 не перестаютъ черпать! Конечно, подобное опи-
 сать нелегко, по крайней мѣрѣ несравненно труд-
 жели прочесть одно только начало рукописи, не загля-
 а въ ея средину...

Мы коснулись этого предмета съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы
 указать одну изъ важнѣйшихъ причинъ, почему такъ мало
 знакома намъ старая наша письменность. Дѣйствительно, ес-
 лись съ 1825 года рукописи были описываемы въ точномъ
 смыслѣ обстоятельно, то какое богатство приобрѣла бы нау-
 ка въ этихъ описаніяхъ! сколько бы вопросовъ она уяснила,
 не говоря ужъ о томъ, что наши свѣдѣнія о русской старинѣ
 были бы полнѣе, вѣрнѣе и не существовалъ бы цѣлый рядъ
 ошибочныхъ, поверхностныхъ толкованій и взглядовъ на нее.
 Старые ученые, особенно въ «Москвитянинѣ», не разъ упре-
 кали и постоянно упрекаютъ молодыхъ въ незнаніи и непони-
 маніи русской исторіи. Если это справедливо, то кто же вино-
 вать? Тотъ, кто, имѣя въ рукахъ полныя, богатые средства,
 не подготовилъ надлежащимъ (то-есть ученымъ) образомъ той
 пчелы, на которой вырастаетъ теперь пустоцвѣтъ...

Въ числѣ памятниковъ нашей древней литературы есть
 много *повѣстей, исторій, прикладовъ, злого трепет-
 мыга и умильныхъ*, болѣею частью переводныхъ съ латин-
 скаго и польскаго. Повѣсти эти и «приклады» составляли,
 такъ сказать, свѣтское чтеніе у нашихъ предковъ, весьма
 имъ любимое, по сказочному, чудесному и дерзко до край-
 ности *натуральному* характеру, который преобладалъ въ
 сочиненіяхъ этого рода. Читались они очень прилежно, чему
 свидѣтельствомъ могутъ служить самыя рукописи, носяція
 на себѣ всѣ признаки частаго употребленія. И вообще это
 была *отрада въ скукѣ*; вкусъ читателя, не слишкомъ раз-
 витый, исполнѣ удовлетворялся всѣмъ, что предлагали ему

тогдашніе переводчики. И не только въ XVII столѣтіи, но даже и въ первой половинѣ XVIII, эти повѣсти составляли почти единственное чтеніе въ тогдашнемъ обществѣ средней руки. Въ одномъ сборникѣ подобныхъ повѣстей конца XVII столѣтія, подъ названіемъ: *Исторія изъ Римскихъ Дялій*, находимъ любопытную отиѣтку женскимъ почеркомъ XVIII столѣтія: *сія книга въ сукъ отрада, когда Василій Теодоровичъ въ судъ, нескимъ времяразделитъ*. (Рукописи И. Н. Царскаго № 313). Весьма любопытно также, что въ числѣ переводныхъ статей, встрѣчаются сочиненія, бывшія въ большомъ ходу въ европейскомъ обществѣ въ среднихъ вѣкахъ. Напримѣръ, *Стеванитъ и Измелатъ*, греческая передѣлка арабскаго подражанія *Калилы и Димны*, потомковъ извѣстнаго индійскаго творенія *Панча-Тантры*, также *Исторія о семи мудрецахъ, Варлаамъ и Иосафатъ* и проч. Можно бы составить весьма любопытную монографію по этому предмету. Будемъ ожидать дѣятелей.

Между переводными повѣстями нарѣдка появляются и оригинальныя русскія, въ основѣ которыхъ почти всегда лежитъ какое нибудь истинное событіе, которое обыкновенно и рассказывается весьма просто, какъ было дѣло, безъ всякихъ прикрасъ и повѣствовательныхъ хитростей.

Одна изъ любопытнѣйшихъ русскихъ оригинальныхъ повѣстей—*Повѣсть страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивленія достойна*—относится къ временамъ цзя Михаила Теодоровича и рассказываетъ о любви и искушеніяхъ вѣского Саввы Грудцына. Не менѣе любопытна, хотя и въ другомъ родѣ, другая *Исторія о Фроль Скобѣевъ*.

Исторія эта (см. «Москвитининъ» 1853 г. № 1), безъ всякаго сомнѣнія, истинное происшествіе, которое первоначально ходило въ простомъ рассказѣ и потомъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія было записано со словъ рассказчика вандо-

ларскій слогомъ того времени. Самое прошествіе, по многимъ даннымъ, можетъ относиться къ концу XVII столѣтія. Но въ этой *запискѣ* оно, конечно, потеряло много характеристическихъ красокъ.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, «Исторія» эта была передѣлана и, можетъ быть, по другому разсказу, потому что въ этой передѣлкѣ находятся значительныя пополненія и даже перемѣны. Передѣлка любопытна не менѣе подлинника; въ ней сохранены многія черты стараго и притомъ московскаго быта, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. Самый разсказъ несравненно болѣе оживленъ и очень выразительно характеризуетъ извѣстный разрядъ московскаго общества въ половинѣ XVIII столѣтія. Однакожь, имена дѣйствующихъ лицъ замѣнены другими: вмѣсто Фрола Скобѣева является Селуянъ Сальниковъ, вмѣсто Нардина-Нащокина — Кашковъ, вмѣсто Аннушки — Грунюшка, вмѣсто Ловчикова — Собакинъ и проч. Впрочемъ, главные событія и даже порядокъ повѣствованія остаются тѣ же. Передѣлка эта напечатана въ собраніи подобныхъ же оригинальныхъ и переводныхъ повѣстей, изданныхъ *Иваномъ Новиковымъ*, подъ заглавіемъ «Похожденіе Ивана Гостинаго Сына, и другія повѣсти» (2 ч. Спб. 1785—1786).

ДЛЯ БИОГРАФИИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Извѣстно, что Семень Медвѣдевъ, въ монашествѣ Сильвестръ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей второй половины XVII ст., былъ сначала подъячимъ. Родился онъ въ Курскѣ, — но тамъ ли поступилъ въ это званіе или же подъяческая служба его началась въ Москвѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Современники его засвидѣтельствовали только, что «родомъ бѣ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій»; что служилъ онъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ (слѣдов. въ Москвѣ) вмѣстѣ съ Федоромъ Шакловитовымъ, въ одномъ чинѣ и имени. Но когда все это было, въ какихъ именно годахъ, современники не упоминаютъ, но простой и очень понятной причинѣ, потому что для нихъ дѣлей вовсе не были важны и даже нужны такія подробности. Имъ необходимо было только обличить его въ отступничество отъ православія и въ еретичествѣ.

Позднѣйшіе описатели его жизни, затрудняясь скудостью свѣдѣній, вдавались по необходимости въ предположенія, не всегда вѣрныя. Митр. Евгенийъ говоритъ, что Медвѣдевъ сначала служилъ подъячимъ въ Курскѣ, а потомъ уже въ Москвѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Г. Сахаровъ свидѣтельствуетъ, что онъ «служилъ подъячимъ въ Губной избѣ, въ Курскѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Приказа Тайныхъ Дѣлъ». Преосв. Филаретъ Харьковскій, Курскую и Московскую службу Медвѣдева совокупляетъ въ одно, говоря, что Медвѣдевъ

«вѣсть съ извѣстнымъ Шакловитымъ былъ *Курскій подъячій* (?) въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ».

Изъ предположеній позднѣйшихъ біографовъ выясняется также и то, что Медвѣдевъ, весьма склонный къ книжному ученію, чтобы свободнѣе заниматься книгами, переимѣнилъ мирское званіе подъячаго на монашество. Митр. Евгеній замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи остроуміемъ ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ начитавшись разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Законоохранительскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ». Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Ундольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ— «устраниться шіра и его молвы». Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молчанскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симеономъ Петровскимъ Ситіановичемъ Полоцкимъ». Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти официальные и потому несомнѣнныя. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденія царевича Симеона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей

виѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соответственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабинетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ оченъ часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ по-мимо опубликованія ихъ въ думѣ, какова напр. была его переписка съ воеводами, съ посланми, Ордынымъ-Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. За тѣмъ на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ что они по необходимости становились ближайшими наблюдателями всѣхъ, такъ сказать, кабинетныхъ отношеній государя. Все это, разумеется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ Тайный Приказъ и если молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство служить достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особия дарованія, то испытанный нравъ его вполне оправдывалъ такой выборъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что и умственные дарованія отличили его даже отъ товарищей.

Въ томъ же 1665 году онъ поступаетъ въ *школу, учить-ся по латинямъ и грамматики*, въ школу, которая, можетъ быть, и основывается при мысли, что есть способные и даровитые ученики, готовые съ особенною охотою отдаться наукѣ.

*) Въ это время въ Приказѣ подъячии были: Юрій Наврооровъ, Федоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 16 руб.; Григорій Блужчаревъ, Артемій Степановъ, Сеиенъ Медвѣдевъ, Петръ Кудрявцовъ—по 12 руб.; Иванъ Полискій, Марселъ Ватаалъ—по 10 р. Жены подъячихъ, вѣроятно бывшихъ въ посылкѣ, Кирилъ Демидова, Перенря Оловяникова, тогда не получили по 15 р.

Въ расходныхъ запискахъ Тайнаго Приказа за этотъ годъ изходимъ слѣдующую любопытную статью расхода: 5 іюля подъячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ Ѳеодору Казанцу по указу государеву выдано изъ суммъ приказа *сто рублей* «къ хорошему строенію, что въ Спаскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) *учитца по латинямъ* подъячимъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ *Семену Медвѣдеву* да *дворцовымъ Семену* да *Ильи Казанцамъ*». 30 іюня выдано еще 70 рублей къ тому же хорошему строенію, причемъ замѣчено, что *жить* въ этихъ хоромахъ *для ученья подъячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ*, слѣдовательно тому же Медвѣдеву. Хоромы, безъ сомнѣнія, къ осени были построены и Медвѣдевъ поселился въ новой школѣ. Очень вѣроятно, что онъ же былъ и старостою въ новозаведенной школѣ, ибо съ того времени изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ ему выдавались постоянно деньги на отопленіе и освѣщеніе школы.

Такъ 7 декабря онъ получилъ *для ученья грамматики* на покупку сальныхъ свѣчъ 20 алтынь; декабря 19, *для грамматическаго ученья* на покупку дровъ 2 рубля. Черезъ мѣсяць, 14 января 1666 года, онъ получилъ для того же *грамматическаго ученья* на свѣчи полтину. 19 февраля выдано опять на покупку дровъ 2 рубля, 14 марта на свѣчи 20 алтынь. Далѣе, въ 1667 г. октября 13, Медвѣдеву *въ школу* выдано на покупку дровъ и свѣчъ 2 рубля съ полтиною. Въ 1668 г., января 21 снова выдано ему же *въ школу* на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынь.

За тѣмъ мы уже не встрѣчаемъ записокъ о подобныхъ выдачахъ. Онѣ могли прекратиться по случаю перенесенія этихъ расходовъ на другой какой либо источникъ или даже въ другое завѣдываніе. Между тѣмъ Медвѣдевъ все-таки числялся подъячимъ Тайнаго Приказа, и слѣдов. оставался еще ученикомъ школы. 2 февраля 1670 года онъ находится еще въ

числа подъячихъ; въ это число ему выданъ былъ годовой окладъ жалованья на 178 годъ всего 22 рубля *).

Теперь о знакомствѣ Медвѣдева съ Полоцкимъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ осенью 1665 г. онъ поступилъ въ школу учиться «по латинямъ и грамматикѣ», что школа была вновь построена въ Законоспасскомъ монастырѣ по царскому повелѣнію, на деньги Тайнаго Приказа, т. е. на собственные кабинетныя деньги государя. Ктожь былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? Хотя и нѣтъ прямыхъ положительныхъ указаній на то, что учителемъ въ этой школѣ, былъ знаменитый Полоцкій, однако по нѣкоторымъ соображеніямъ почти нельзя въ томъ сомнѣваться. Полоцкій, по собственному его свидѣтельству, прибылъ въ Москву въ 1664 г., то есть не задолго до учрежденія школы. Онъ прибылъ, по всему вѣроятію, по вызову самого царя, узнаваго его лично, еще во время своихъ бѣлорусскихъ походовъ. Много вѣроятнаго, что сначала онъ поступилъ учителемъ къ десятилѣтнему царевичу Алексію Алексѣевичу, котораго ученіе впервые въ Московскомъ дворцѣ было ведено по системѣ тогдашней школьной науки, именно путемъ *ученія граматичнаго*, какъ на славянскомъ, такъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Для *ученія по латинямъ*, можетъ быть, и набранъ къ царевичу іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. По прибытіи въ Москву, Полоцкій поступаетъ прямо въ Верхъ, т. е. во Дворецъ и содержится съ своими челядинцами и даже съ собственными до-

*) Въ 1666 г. онъ получалъ 20 р. Тогда въ Приказѣ подъячии были Юрій Нишигоровъ, Федоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 25 р.; Григорій Ключаревъ, Кирила Демидовъ, Артемій Степановъ, Симеонъ Медвѣдевъ, Артемій Асманцевъ по 20 р.; Иванъ Поляискій, Перохрій Олеваниковъ, Петръ Кудряцевъ по 15 р.; Маркель Ваталинъ 12 р.—Въ 1670 г. въ этия именна въ прибылъ Ермоѣй Поляискій, самый младшій по порядку, поступившій вѣроятно на мѣсто выбывшаго Кирила Демидова, котораго въ спискѣ уже не значится.

надъми на *дворцовый* счетъ. Вся остальная жизнь его въ Москвѣ проходитъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ ко Дворцу и къ царскому семейству. Можно сказать, что онъ былъ придворнымъ ученымъ и первымъ у насъ придворнымъ стихотворцемъ.

Вѣроятность же, что онъ былъ учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича, (а потомъ уже и Федора) можетъ раскрыться въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Въ 1667 году царевичу Алексѣю исполнилось 13 лѣтъ. Онъ былъ всенародно и торжественно *объявленъ* наследникомъ престола. Когда въ честь этого радостнаго всенароднаго событія царь давалъ во дворцѣ, 7 сентября, почетный торжественный столъ, то на обѣдѣ въ числѣ другихъ официальныхъ лицъ находился и *учитель старецъ Симеонъ*, какъ отмѣчено въ современной запискѣ *), сидѣвшій даже *въ особомъ столѣ* въ близости отъ государя, по лѣвую сторону государева мѣста или трона. Этотъ старецъ Симеонъ былъ никто другой, какъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій; и можно догадываться, что потому онъ и удостоенъ былъ чести сидѣть на обѣдѣ объявляемаго всенародно царевича, за особымъ столомъ и притомъ съ именемъ *учителя*, что въ дѣйствительности былъ его учителемъ и призванъ былъ официально торжествовать государственный праздникъ своего ученика. Послѣ стола Полоцкій говорилъ государю рѣчь, сочиненную, вѣроятно, на прославленіе и поучительное изъясненіе этого случая, за что 16 сентября получилъ въ награду атласную соболью шубу. Въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа подъ этимъ числомъ 1667 года записано между прочимъ: «Учителю старцу Семіону Полотцкому 10 аршинъ атласу зеленого по двадцати по шести алтынъ по 4 деньги аршинъ; да

---

*) Записка дневанью 176 года, въ Государственномъ архивѣ М. И. Д.

ему же велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублей, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублей; а пожаловалъ государь его по своему государеву имянному указу для того: въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Грановитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь» *). Награда въ 67 рублей за одну только рѣчь слишкомъ значительна по тому времени и по сравненію съ другими подобными наградами. Безъ сомнѣнія, сюда же входило и вознагражденіе за труды по учительству, по крайней мѣрѣ другіе учителя при началѣ или въ концѣ ученья получали всегда точно такія же награды.

Такъ, *учителю* царевича Федора Алексѣевича *Авванасью Федосѣеву* дано 3 мая 1667 года, когда царевичу было шесть лѣтъ и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а можетъ быть только еще садился учиться, сорокъ соболей въ 50 рублей да камки вишневой травной 10 аршинъ. Ему же въ 1669 году іюля 1, сорокъ соболей въ ту же цѣну и 10 аршинъ камки таусиной хрущатой травы куфтерныя. Другому учителю царевича Федора, Посольскаго Приказа подъячому Панфилу Тимоѣеву **) государь пожаловалъ въ 1670 г. ноября 21, *какъ царевича посадили учить писать* — сорокъ соболей въ 60 рублей да камку кармазинъ зеленой мѣрою 10 аршинъ.

Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, что Полоцкій во Дворцѣ въ 1667 году носилъ титулъ *учителя*. — Царевичъ Федоръ, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ записокъ, имѣлъ уже учителя Авванасья Федосѣева, учившаго его, вѣроятно, грамотѣ, такъ какъ другой учитель Панфилъ Бѣляни-

*) Въ Архивѣ Оруж. Палаты, № 384.

**) По описанію *Бѣляниновъ. Исторія Россіи, г. Соловьева, Т. XIII, стр. 187.*

новъ училъ его только писать, для чего и взятъ былъ изъ Посольскаго Приказа, гдѣ старшинная каллиграфія процвѣтала, какъ необходимая потребность службы въ этомъ Приказѣ. Притомъ, какъ мы замѣтили, въ 1667 г. царевичу Ѳеодору было всего только шесть лѣтъ. Едва ли начальное ученіе грамотѣ могло быть поручено ученому старцу Симеону, который съ большею пользою могъ заниматься *по латиньямъ* и другимъ науками съ старшимъ царевичемъ Алексѣемъ, разстроившимъ даже свое здоровье отъ прилежнаго ученья, такъ что самая смерть его, какъ думали лѣкаря, послѣдовала отъ сидячей жизни. Можетъ быть, Полоцкій поступилъ въ учителя къ царевичу Ѳеодору по смерти царевича Алексѣя, въ 1670 году, когда Ѳеодору исполнилось 9 лѣтъ — возрастъ, съ котораго граматичное обученіе началось и для царевича Алексѣя.

По всему вѣроятію Полоцкому же принадлежитъ первая мысль завести латинскую школу для дворцовыхъ подъячихъ. Время устройства этой школы почти совпадаетъ со временемъ его пріѣзда въ Москву. Мы допускаемъ даже, что хоромы, выстроенныя для школы въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ какъ извѣстно жилъ и Полоцкій, строены были столько же и для ея учителя, т. е. для самого Полоцкаго. Патриархъ Іоакимъ въ своемъ поучительномъ словѣ свидѣтельствуемъ: «Симіона Полоцкаго ученикъ, его наслѣдникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, прельстивыйся отъ книгъ и писаній и словесъ уста- глаголаннхъ учителя своего, онаго Полоцкаго Симеона, *кумно бо съ нимъ въ единой келліи живяше..* » Эта единая келлія и должна быть упомянутая *школа*, общая для учителя и учениковъ, и если не для всѣхъ, то для одного изъ нихъ подъячаго Приказа Тайныхъ Дѣлъ — Медвѣдева, какъ и отиѣчено въ современной запискѣ (см. выше). Что келлія достаточна была для такого именно помѣщенія, — въ этомъ можетъ удостовѣрить выданная на ея постройку сумма 170

Рублей, на которые по тогдашнимъ цѣнамъ можно было выстроить очень помѣстительныя хоромы, какъ на самомъ дѣлѣ эта постройка и названа въ официальныхъ запискахъ. Оставаясь подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ Мелвѣдовъ жилъ въ школѣ съ своимъ учителемъ Полоцкимъ, получая изъ своего же Приказа необходимую сумму на отопленіе и освѣщеніе школьныхъ хоромъ. Безъ сомнѣнія въ этой же школѣ, или вообще при посредствѣ учителя впервые завязано было и близкое знакомство Медвѣдева съ другимъ ученикомъ Полоцкаго, царемъ Ѳеодоромъ, который очень расположенъ былъ къ своему товарищу по наукѣ, какъ это видно изъ собственныхъ его писемъ *).

Окончивъ ученіе, Медвѣдовъ тогда только и почувствовалъ необходимость перейти въ монашество, ибо, какъ умный и дальновидный человѣкъ, очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія.

---

*) Что касается Ѳеодора Шакловитого, то онъ былъ взятъ въ подъячіе Тайнаго Приказа въ 1673 году, когда уже Медвѣдова тамъ не было. Подъячими въ этомъ году были: Герасимъ Бовынинъ, Михаилъ Воиновъ, Артемій Воиновъ, Назаръ Шишкинъ, Андрей Озеровъ, Гаврила Деревинскій; взяты вновь: Ѳеодоръ Шакловитой, Герасимъ Протасовъ, Иванъ Навѣшинъ, Григорій Гавриловъ. Въ томъ же 1673 году 4 октября государь указалъ оладды имъ учинить, между прочимъ, Шакловитому: денегъ въ годъ 22 р., хлѣба 2: чети ржи, овса томъ. Семенъ Медвѣдовъ, какъ выше замѣчено, получалъ томъ 22.; это ведетъ къ предположенію, не поступилъ ли Шакловитый на мѣсто вышедшаго тогда Медвѣдова, почему и былъ верстанъ его же оладокъ?

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

(Его письма и урядникъ охоты.)

Собрание писемъ царя Алексѣя Михайловича съ приложеніемъ Уложенія сокольничья пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова, съ портретомъ царя и снимками его почерка. Издѣніемъ К. Т. Солдатенкова издавъ Петръ Бартеневъ, М. 1856 г.

Мысль собрать въ одно мѣсто письма царя Алексѣя Михайловича заслуживаетъ полной благодарности и отъ изслѣдователей и отъ любителей русской старины. «Письма царя Алексѣя Михайловича, какъ говорятъ издатель и съ чѣмъ мы совершенно согласны, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской письменности. Они исполнены живой занимательности, непосредственно вводятъ читателя въ кругъ понятій и дѣятельности стараго времени и лучше всѣхъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ изображаютъ лице и характеръ писавшаго». Впрочемъ, настоящее собраніе не есть полное собраніе всего, что писалъ когда либо Алексѣй Михайловичъ; сюда вошло только то, что случайно было открыто и напечатано въ разныхъ изданіяхъ. Издатель не безъ основанія предполагаетъ, что еще многое

въ этомъ родѣ можетъ храниться и у частныхъ лицъ и въ государственныхъ книгохранилищахъ. Такъ въ 1851 г., въ одномъ рукописномъ сборникѣ, было найдено весьма замѣчательное письмо царя къ князю Одоевскому. «Будемъ надѣяться (говорить издатель), что, при возрастающей любви къ старинѣ, счастливыя открытія, подобныя находки будутъ повторяться еще не разъ», и будемъ надѣяться, прибавимъ мы, болѣе на трудолюбивыхъ изыскателей, чѣмъ на владѣльцевъ этихъ, казалось бы, дорогихъ для каждаго заслуженнаго рода памятниковъ. Известно, напримѣръ, что историкъ Татищевъ видѣлъ нѣсколько царскихъ своеручныхъ писемъ, и именно такихъ только, которыя писаны были кинноварью: у князя Дмитрія Михайловича Голицына письмо царя Михаила Феодоровича къ Федору Шереметеву, который Голицыну былъ дядь по женѣ; у князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ дядѣ князю Ивану Борисовичу Черкасскому, который былъ двоюроднымъ братомъ царя Михаила Феодоровича *). Новиковъ, въ предисловіи къ изданной имъ «Исторіи о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева» (М. 1785), рассказываетъ, что «царь Алексѣй Михайловичъ писывалъ къ нему (Матвѣеву) обыкновенно въ письмахъ своихъ: *друг мой Сергіевичъ!* что одно изъ таковыхъ писемъ доказывается совершенно, сколь велики были къ нему любовь и довѣренность сего государя. Сіе письмо писано было къ нему изъ Москвы подъ Смоленскъ, гдѣ тогда Артемонъ Сергіевичъ съ войсками находился; а въ немъ, между прочимъ, написано: *пріѣзжай къ намъ скорѣе: дяди мой и я безъ тебя осиротѣли; за ними присмотрѣть некому, а мнѣ посоветывать безъ тебя не съ кѣмъ,*

*) «Судебникъ царя Іоанна Васильевича», изд. 2, М. 1786, стр. 233. Татищевъ неправильно обозначилъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ царя Михаила.

и пр. Таковых писемъ (продолжаетъ Новиковъ) и другихъ извѣстій и собственныхъ Артемова Сергѣевича записокъ и сына его Андрея Артемоновича, *весьма много* находится въ юртѣ князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго его сіятельства князя Василя Извановича Мещерскаго, и которыя онъ, разобравъ, обѣщалъ ко мнѣ прислать. Въ заключеніе Новиковъ выразилъ подобное же желаніе видѣть эти бумаги изданными и употребленными на историческое дѣло. Но гдѣ же эти бумаги, эти драгоценныя письма? Гдѣ письмо цзяра Михаила Феодоровича, котораго собственноручной ни одной строки, сколько помнится, никто еще не видывалъ?.. Все это погубло невозвратно или хранится въ такихъ, можетъ быть, рукахъ, которыя и сами не вѣдаютъ о своемъ сокровищѣ.

Память предковъ у насъ быстро унесена была потокомъ Петровскихъ преобразованій. Скинувъ старинные кафтаны, мы въ ихъ карманахъ оставили, забывши, и всѣ бумаги дѣдовъ, всѣ памятники ихъ прежней дѣятельности, ихъ прежняго значенія, ихъ домашнихъ и общественныхъ отношеній. Не прошло и столѣтій, какъ собственная же наша старина такъ удалась отъ насъ во мракъ временъ, что мы потеряли всякій интересъ къ ея дѣламъ, и почитали ее болѣе за старину ассирийской или вавилонской монархіи, чѣмъ за родное время, отъ котораго въ сущности мы вовсе не были такъ далеки. Но такъ крутъ былъ поворотъ. Мы не успѣли оглянуться, какъ изне прошедшее скрылось отъ насъ уже навсегда. Предъ глазами явились новые предметы, замелькали новые образы; мы погрузились въ созерцаніе новаго пути и воспоминанію о добромъ старомъ времени не было уже мѣста. Въ фамиліальныхъ архивахъ письма предковъ, ихъ родословныя, разрядныя, по которымъ они когда-то считали и завѣшивали свою службу, свое значеніе въ до-петровскомъ свѣтѣ, даже царскія къ нимъ

письма стали насъ мало интересовать. Перебирая всѣ эти тлѣющія курьёзности отжившаго времени, съ которыми мы, разставшись навсегда, не хотѣли уже имѣть ничего общаго, мы выбрали для себя только болѣе существенныя бумаги: это — такъ-называемыя *крѣпости*, акты, документы, утверждавшіе наше владѣніе населенными землями, домами и т. п. Великую важность этихъ бумагъ нельзя было не понять: они обезпечивали за нами тѣ средства, на которыя пріобрѣтали мы если не дѣйствительную образованность и просвѣщеніе, то по крайней мѣрѣ ту внѣшность людей образованныхъ, которая, на первый случай, должна была скрывать нашу русскую лѣнь и неохоту къ ученю. Вотъ почему почти всѣ фамиліи наши архивы наполнены болѣею частью документами только этого рода, то есть *крѣпостями* и вообще бумагами, которыя остались отъ этого крѣпостнаго дѣлопроизводства, и вотъ почему всѣ исторически-дорогіе памятники, эти домашніе клейноды, подвергались самой печальной участи. Такъ, наприимѣръ, знаменитая грамота, данная въ 1613 году земскимъ совѣтомъ князю Дмитрію Тимофеевичу Трубецкому на богатую область Вагу со всѣми волостями, за труды, понесенные имъ при очищеніи Московскаго Государства отъ Лиховъ, писанная на большомъ пергаментномъ листѣ, съ собственными подписями членовъ земской думы, хранилась при Новиковѣ, издателѣ Древней Россійской Вивлююмки, у князя Петра Никитича Трубецкаго, а въ 1847 году находилась въ собственности у частнаго лица, вотчиннаго повѣреннаго, г. Брагина, который и принесъ ее въ даръ Московскому Обществу Исторіи и Древностей *). То же самое случилось и съ письмами царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину: они

---

*) „Древн. Росс. Вивл.“ XV, стр. 211. — „Чтенія“, годъ 3, № 3, протоколъ засѣданія 1847 г. сентября 27.

ходили, ходили по рукамъ и наконецъ куплены были г. Масловымъ, который передалъ ихъ графу С. С. Уварову.

Въ изданной теперь книгѣ эти письма, числомъ 25, занимаютъ первое мѣсто; за ними слѣдуетъ «Урядникъ сокольничья пути»; потомъ четыре письма къ Никону, два письма къ князю Одоевскому и одно къ семейству, всего 32 письма. Собрание скудное, но тѣмъ больше мы должны дорожить имъ. Несмотря на случайность, которая имѣла силу въ сохраненіи этихъ именно писемъ, представивъ не то, что мы желали бы выбрать изъ переписки царя, а только то, что прихотливый случай спасъ отъ безвѣстности или отъ гибели, собраніе это все-таки въ высшей степени важно и служить дѣйствительно однимъ изъ существеннѣйшихъ матеріаловъ для знакомства съ характеромъ Алексѣя Михайловича.

Большая часть писемъ и самыя замѣчательныя изъ нихъ писаны въ первую пору юности царя, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, слѣдовательно интересъ ихъ становится еще значительнѣе. Эпоха первой юности, по многимъ отношеніямъ, принадлежитъ къ лучшимъ днямъ человѣка. При неиспорченной природѣ въ это время въ человѣкѣ живы и стремительны все впечатлѣнія правды и добра; сердце раскрыто и мало еще стѣсняется существующими условіями, хотя и благоразумныхъ, но переносныхъ границъ. Человѣкъ въ это время всегда выскажетъ бытъ, чѣмъ требуетъ опытность мужа, искусившагося въ жизненныхъ отношеніяхъ. Однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ этому служатъ и письма Алексѣя Михайловича. Чтобы яснѣе видѣть, что это былъ за человѣкъ и какія высокія душевныя качества украшали эту живую, любящую натуру, нужно прямо обратиться къ его же собственному слову, къ его рѣчи необыкновенно выразительной, простосердечной, въ высшей степени безпритворной, если можно такъ сказать,

не упоминая извѣстнаго иноземнаго слова. И въ самомъ дѣлѣ, перечитывая эти письма, нельзя не увлечься ихъ необыкновенною искренностью, которая свободно, прямодушно высказываетъ и объясняетъ даже самыя тончайшія движенія чувства. Онъ пишетъ къ Никону о смерти патріарха Іосифа: покойнаго вынесли въ церковь; государь приходитъ проститься и не застаётъ никого такъ-называемыхъ *сидльмцевъ*, которымъ назначено было дежурить у гроба. «Надъ нимъ (пишетъ царь) одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ, говорить, во всю голову кричитъ; а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь?» — «Прости де, государь, страхъ нашель великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло больно грыжа до тебя государя, то-то де меня и страхъ взялъ; часы де въ отдачу; вдругъ взнесло животь у него государя и лицо въ тужъ пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ, я де чайлъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать». — «И меня, прости, владыко святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашель, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого; да и мнѣ прінде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тогчасъ де тебя, вскоча, удавить; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего бояться?...» Человѣкъ, такъ искренно, чистосердечно раскрывающій себя, не могъ принадлежать къ числу людей, которые скрываютъ дѣйствительное, живое лице. Впрочемъ, нужно и то сказать, что въ его время рѣдки были подобныя явленія; тогда большею-частью всякій выражалъ самого себя простодушно и беззащѣтливо, ибо тоглашнія условія жизненныхъ отношеній отличались еще первобытною простотою, а

стало быть и нѣкоторою грубостью и вовсе не были изощрены тонкою политичностью цивилизованнаго обхожденія.

Какъ бы то ни было, но открытая ясная природа служить всегда вѣрнымъ залогомъ добрыхъ качествъ души. Тѣ же письма раскрываютъ намъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣжнаго друга, способнаго на самую горячую привязанность; умная и въ высокой степени правдивая природа царя тотчасъ же могла отличить среди толпы человѣка, сколько даровитаго, столько же исполненнаго и твердыхъ нравственныхъ достоинствъ; родственное себѣ она узнавала издалека и сердечно протягивала ему руку... Извѣстно, кто были эти люди, пользовавшіеся особенною любовью или особеннымъ уваженіемъ государя. Это былъ *собинный другъ* Никонъ, мужъ строгой правды и строгихъ правилъ, это былъ *другъ Сергѣевичъ*, Матвѣевъ, это былъ Ординъ-Нащokinъ... И этихъ трехъ именъ достаточно для того, чтобъ уяснить, чего именно искалъ, что высоко цѣнилъ въ людяхъ государь и на что отвѣчалъ онъ глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Въ 1658 году онъ пожаловалъ мелкаго и небогатаго дворянина Ордина-Нащokinна въ Думу, въ душевные дворяне. «Пожаловали мы тебя Леонасыя (пишетъ государь въ жалованной грамматѣ) за твою къ намъ великому государю *многую службу* и радѣніе, что ты, помня Бога и его святая заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы зводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше великаго государя крестное цѣлованіе исполняешь, намъ великому государю служишь, о нашихъ великаго государя дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворами не слушаешь, и противъ свейскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ...» Здѣсь нравственнымъ достоинствомъ человѣка, нравственной его дѣятельности дано важ-

нѣйшее мѣсто. Вы видите, что пожалованіе, то-есть введеніе въ Думу, приближеніе къ себѣ сдѣлано собственно не за внѣшнія служебныя дѣла, не за дѣянія официальные, по назначенію, которыя хотя и бывають большею частью полезны государству, но не всегда соответствуютъ чистотѣ нравственныхъ побужденій, а сдѣлано пожалованіе за службы и радѣнье такъ сказать домашнія, которыхъ не видитъ, да и не требуетъ официальный свѣтъ, но въ которыхъ ясно обнаруживается благородная сущность добрыхъ направленій души и сердца, слѣдовательно благородная сущность вообще человѣка. Словомъ, въ Ординѣ-Нащокинѣ царь прежде всего цѣнитъ человѣка, а за тѣмъ уже — вѣрнаго и радѣтельнаго слугу.

Но для того, чтобъ можно было съ любовью останавливаться именно на этой, самой существенной, сторонѣ достоинствъ человѣка, чтобъ можно было, среди общей угодли-вости и раболѣпнаго ласкательства, вѣрно оцѣнить только нравственную высоту, истинный обликъ человѣка, необходимо самому обладать тѣми же высокими дарами нравственнаго характера. Письма царя и здѣсь послужать краснорѣчивыми свидѣтелями его свѣтлой, въ высокой степени человѣчной природы. Посланикъ Потемкинъ, въ разговорѣ съ испанскими дипломатами, выразилъ, что «Всемогущій Богъ украсилъ царя дородствомъ, разумомъ, красотою лица, милосердымъ нравомъ; что своею милостію онъ всѣхъ призираетъ; что никто же видя его царское лицо, печаленъ отходитъ»... Дѣйствительно, милосердіе было едва-ли не преобладающею чертою въ характерѣ царя Алексея Михайловича. «Мы всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Божѣ помощники (писалъ онъ къ князю Одоевскому); на то насъ Богъ уставилъ, чтобъ безпомощнымъ помогать». Въ домашнемъ быту почти каждый день государя сопровождался дѣлами милости. Особенно любилъ онъ

нищую братію. На царскомъ дворѣ каждый праздникъ нищимъ давались *кормы* — обѣды; весьма часто столы на нищую братію давались и въ собственныхъ комнатахъ царя, гдѣ онъ изъ своихъ рукъ одѣляя всѣхъ деньгами. Известно также, что подлѣ его хоромъ жили такъ называемые *верховые нищіе*, *верховые богомольцы* — столѣтніе старики, чтимые за ихъ праведную жизнь; кромѣ-того, царь любилъ и особенно чтилъ *странныхъ*, *юродивыхъ* Христа ради. Съ однимъ изъ такихъ странныхъ, Васильемъ Уродивымъ, онъ даже былъ въ перепискѣ и въ письмахъ къ Николу о немъ называлъ его *братомъ*, *страннымъ братомъ*. Въ большіе праздники и по случаю важныхъ семейныхъ событій онъ обходилъ, обыкновенно въ ночное время, всѣ тюрьмы въ Москвѣ, освобождалъ заключенныхъ и раздавалъ имъ щедрую милостыню. Мы не говоримъ уже о дѣлахъ милосердія, обращенныхъ собственно на церковный чинъ и на благолѣпіе Божіихъ храмовъ. Въ отношеніи внѣшнихъ дѣйствій религіозности царь стоялъ, можетъ быть, выше всѣхъ изъ своихъ современниковъ. Но въ этихъ благочестивыхъ знакахъ милости еще не вполне выражается милосердый нравъ, и тѣмъ болѣе, что дѣла милосердія возникали въ то время болѣе изъ обычая, изъ тѣхъ понятій о жизни, которыя полагали въ раздачѣ милостыни всю сущность добра, на какое призванъ человекъ. Милостыня служила почти единственнымъ практическимъ удовлетвореніемъ сердечной потребности дѣлать добро; почти на ней одной только сосредоточивалась вся практическая сторона добродѣтели. Это было ходячее правило доброй жизни, установленное общественною мыслью, которая признавала въ этомъ высшую степень дѣятельнаго добра. Оттого въ древнемъ обществѣ нищій занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ; онъ былъ необходимымъ, существенно нужнымъ звеномъ въ тогдашней общественной цѣпи; безъ него мало представлялось

возможности удовлетворить законнымъ стремленіямъ добраго сердца. Оттого, разумѣется, и нищенство было распростра-
нено въ невмѣрной степени. Такимъ образомъ одна, чисто-
внѣшняя дѣятельность милости еще не можетъ достовѣрно
опредѣлять внутреннихъ, сердечныхъ движеній милосердаго
права. Милосердый нравъ Алексѣя Михайловича яснѣе и при-
ятнѣе выражается въ томъ челоуѣколюбіи и *милостивомъ*
схожденіи къ людямъ, которое являлось вездѣ, гдѣ только
видѣло дѣйствительную нужду въ помощи, которое облекало
и самыя отношенія царя къ людямъ въ чувство дружелюбія и
родственности. Такимъ чувствомъ проникнуто, напримѣръ,
все письмо къ князю Одоевскому о смерти его сына, гдѣ царь
подробно описываетъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія это
печальное для старика событіе. Кто, какъ не близкій родной,
какъ не челоуѣкъ глубоко почувствовавшій чужое горе, могъ
написать эти строки, исполненныя горячаго участія: «И тебѣ
бодрину нашему, и слугѣ, и дѣтемъ твоимъ черезъ итру не
скорбѣть (пишетъ государь, заключая подробности событія),
а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и просле-
зиться надобно, да въ итру, чтобъ Бога нашпаче не прогнѣ-
вать; и уподобитца бѣ тебѣ Іеву праведному» и пр.

Когда Никонъ, бывъ еще митрополитомъ, въ поѣздкѣ своей
за мощами св. Филиппа, сталъ требовать отъ сопутствовав-
шихъ ему свѣтскихъ лицъ строгаго исполненія ежедневныхъ
церковныхъ службъ и правилъ, налагаемыхъ только обѣтомъ
монашества; когда, по этому случаю, возникъ ропотъ, миро-
стивое схожденіе царя явилось тотчасъ же примирителемъ
тамъ, гдѣ менѣе всего нужно было насиліе, строгое понуж-
деніе... «Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановыхъ гра-
мотокъ Хованскаго (пишетъ царь къ Никону), что будто онъ
процалъ, а пропасть свою пишетъ, что будто ты его застав-
ливаешъ съ собою правила ежедень; да и насъ перешептывали

на меня: никогда де такого безчестья не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ; и потомъ и я тебя, владыко святыи, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставляй у правила стоять: добро, государь владыко святыи, учить премудра, премудрѣ будетъ, а безумному мозоліе ему есть... Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лутчи бы де намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ князь Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ; какъ де такъ, что *слою заставляетъ говорить, никою де силою не заставитъ Божу впровать...* Прося Никона сохранить и скрыть это письмо въ тайнѣ, царь послалъ къ нему виѣстѣ съ княземъ Хованскимъ официальную грамоту, въ которой приказывалъ Никону заставить служилыхъ людей только говорить въ Петровъ или Господинъ посты и наказывалъ боярину унимать ихъ отъ всякаго дурна и чтобъ ѣхали съ благочиніемъ, а не съѣхомъ: «зане же и къ намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаеть ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ».

«Милосердіе (говоритъ Рейтенфельсъ) составляетъ вѣнецъ высокихъ добродѣтелей царя, и имъ такъ преисполнено его доброе сердце, что и отъ другихъ требуетъ онъ того же настоятельно. Однажды грузинскій князь (Николай Давидовичъ), изгнанный изъ своего отечества и жившій съ матерью въ Москвѣ, приказалъ обрѣзать носъ и уши своимъ людямъ за некоторые непристойные поступки: когда дошло это до свѣдѣнія царя, то онъ послалъ сказать князю, что «если и впередъ намѣренъ поступить такъ же, то можетъ отправиться въ свою Грузію или куда угодно, а въ Москвѣ подобныхъ жестокостей не терять».

Когда одинъ иностранецъ (говоритъ Коллинсъ) предложилъ государю назначать смертную казнь всякому, кто оставитъ

его знамена, онъ отвѣчалъ, что «это было бы жестоко: Богъ не всѣмъ даровалъ равную храбрость». Въ 1657 году, во время войны со Шведами, одинъ изъ нашихъ отрядовъ потерпѣлъ поражение и храбрый воевода Матвей Шереметевъ, израненный, былъ взятъ въ плѣнъ. Царя не смутило извѣстіе о томъ, что наши побѣжали; ему въ мысль не приходило, что этотъ поступокъ могутъ разсматривать какъ преступленіе; онъ неразумную храбрость называлъ прямо *безнужною дерзостью*; онъ, напротивъ, искренно радовался при настоящемъ событіи, что *люди цѣлы*, и подъ впечатлѣніемъ этой радости писалъ Матюшкину: «Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвея Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людьми и дворяне издрогали (дрогнули) и побѣжали всѣ, а Матвей остался въ отводѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей; да на встрѣчу нѣмцы пришли роты, и Матвей напустилъ и на тѣхъ съ небольшими людьми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли; а людей нашихъ всякихъ чиновъ пятьдесятъ одинъ человекъ убить, да ранено тридцать пять человекъ; и то благодарю Бога, что отъ трехъ тысячъ столько побито, а то всѣ цѣлы, потому что побѣжали, а сами плачутъ, что такъ грѣхъ учинился... А съ кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысячи, нашихъ и болши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвеѣ не тужи: будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести; *радуйся, что люди цѣлы*, а Матвей будетъ попрежнему».

Но милосердый нравъ царя не переступалъ, однакожь, границъ той мягкости и слабосердія, которыя хотя и почитаются иногда за добродѣтель, но въ сущности происходятъ скорѣе отъ душевной лѣни, чѣмъ отъ истинно добрыхъ качествъ сердца. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ *любителемъ* и *врозенъ*, былъ милостивъ и строгъ, строгъ особенно тамъ, гдѣ требовалось исполненіе обязанностей, исполненіе долга. Во время частыхъ выѣздовъ своихъ изъ Москвы онъ очень

заботился о безопасности семейства, о береженіи дворца, въ которомъ, по обыкновенію, для сторожи на лѣстницахъ и у всѣхъ входовъ дневали и ночевали дѣти боярскія. Однажды по этому поводу писалъ онъ къ Матюшкину: «И ты прикажи діаку Петру Арбеневу моимъ словомъ про дѣтей боярскихъ, но сколку у нихъ наряжаютъ человекъ на лѣстницу, и онъ бѣ отнюдь не отходилъ, развѣ для нужды; да и то молъ (молвь) Петру, чтобъ самъ почасту ихъ днемъ и ночью смотрѣлъ, такъ ль всѣ тутъ, да и самъ ты смотри ихъ почасту; да прикажи и то ему: а которова не будетъ, и онъ бы на смерть съкъ батогъ; да и истопничимъ молъ, чтобы и у нихъ бережно было и пьяныхъ бы не было, а за пьянство бы на смерть былъ...» Поручивъ свою любимую потѣху — соколовъ — Матюшкину и Голохвастову, своимъ сверстникамъ по воспитанію, и зная, что успѣхъ каждаго дѣла зависить отъ совѣта и любви между исполнителями, а, можетъ быть, подозревая и вражду между ними, онъ пишетъ къ нимъ: «да однолишно бѣ вамъ съ Васильемъ для Бога и для меня быть въ совѣтѣ и въ любви; а будетъ вы Бога и меня не послушаете, и вы да будете прокляти въ сей вѣкъ и въ будущій... И сокольникомъ приказать, чтобъ онъ такъ же были въ совѣтѣ межъ себя и въ дружбѣ и раздору бѣ межъ ихъ не было никакова».

Въ томъ же письмѣ, давая подробныя наставленія, какъ лучше промыслять соколами, то есть какъ улаживать за ними, беречь ихъ и учить, выдерживать, царь заключаетъ: «Я те-нере кладуся на васъ во всемъ, какъ лутче, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ или Муратъ (имена птицъ), или Булатъ, или Стрелай или Лихачъ или Салтанъ уирутъ: и вы меня и не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ вею кнудомъ перепоротъ, а естли уберезете, и васъ милостиво пожалую, а сокольниковъ также пожалую». Какъ бы ни казались грозными эти повелѣнія, мы все-таки должны

повторить, что строгость царя не была следствием жестокого права, которого онъ не видалъ; она вытекала изъ его понятій о правдѣ и порядкѣ, которыми онъ искалъ всюду, и въ большахъ и въ малыхъ гдѣхъ, во всякой вещи, желал, чтобы никакая вещь безъ благочинія и устроения не была.

Въ 1652 году въ Москву привезены были изъ Соловецкаго монастыря мощи св. Филиппа митрополита, который, какъ извѣстно, погубленъ былъ въ кранолахъ Опричнины, при Грозномъ, какъ защитникъ и печальникъ безвинныхъ жертвъ. Описывая Одолевскому это перевесеніе, рассказываетъ подробно о чудотвореніяхъ святаго, царь останавливается на самомъ событіи: оно являетъ ему глубокий смыслъ. «А какъ его свѣтвы мощи поставили на Лобномъ мѣстѣ — всѣ прослезился: пастырь, гонимый монархическому, возвращается вспять и грядеть на свой престолъ!» Всю жизнь высокій подвигъ святаго страдальца правды, изгнаннаго съ престола ради правды, царь въ его нетлѣнномъ возвращеніи созерцаетъ торжество правды, нѣкогда отверженной и злобно поруганной. «А какъ принесли его свѣта въ соборную и апостольскую церковь (продолжаетъ государь) и поставили на престолѣ его прежебывшемъ, кто не подивится сему, кто не прославить, и кто не прослезится, изгоннаго вспять возвращающагося и зѣло съ честію приѣзжана? Гдѣ гонимый и гдѣ ложный свѣтъ (воскликаетъ царь)? Гдѣ обавники (клеветники), гдѣ соблазнители, гдѣ мздоосязленныя очи, гдѣ хотящія власти воспріяти гонимаго ради? Не всѣ ли злѣ погубоша? не всѣ ли изчозоша во вѣки? не всѣ ли здѣсь месть воспріали отъ прадѣла моего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росіи, и тамо месть вѣчную примуть, аще не покаются?» Увлеченный высокимъ смысломъ событія, исполненный глубокаго чувства торжествующей правды, государь торжественно высказываетъ любимому боярину свое сознаніе правды, свой

взглядъ на сущность царскаго помазанія! Трудно было избрать случай болѣе торжественный и болѣе назидательный для обнаруженія благородныхъ стремленій. Гдѣ жъ, какъ не предъ ликомъ погибшаго за правду, возвѣщать величіе правды, величіе страданій за правду!

«О блаженные заповѣди Христовы! о блаженна истина нелицемерная (восклицаетъ цѣрь)! О блаженъ воистину и треблаженъ, кто исполнялъ заповѣди Христовы и за истину отъ своихъ пострадалъ? Ей, не избраша лутче того, что веселитися и радоватися во истинѣ и правдѣ, и за нее пострадати, и люди Божія рассудити въ правдѣ! А мы великій государь ежедневно просимъ у Создателя и Всещедраго Бога нашего, и у Пречистой Его Богоматери, и у всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ, прошенія ради Матери Своея Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ ради молитвъ, даровалъ намъ великому государю и вамъ бояромъ съ нами единодушно люди Его Свѣтвы рассудити въ правду, *всѣмъ равно*; писано бо есть: судъ Божій николи кривъ не живетъ, развѣ безхитростные прямые статьи (то-есть прямо безхитростной статьи), те и Богъ не възмещетъ. И о всѣхъ христіанскихъ душахъ поболтніе мы имѣемъ, и въ вѣрѣ крѣпкимъ бы и въ правдѣ и во истинѣ, яко же столпомъ стояти твердо, и за нее страдати до смерти, во вѣки и на вѣки». Это рѣчь не заученная, не выбранная изъ книгъ: здѣсь слышится глубокое убѣжденіе челоуѣка, который, сознавая, что судъ Божій — правда, николи кривъ не живетъ или не бываетъ и не долженъ быть, желая въ правдѣ и въ истинѣ стояти твердо, яко же столпомъ, сознаетъ въ то же время, что онъ можетъ иногда и не вѣять правды, безхитростно поступить противъ нея — словомъ, сознаетъ, что онъ, по ограниченности челоуѣческой, можетъ ошибиться. Это-то сознание и указываетъ, что онъ былъ практическимъ органомъ правды, покрайней-мѣрѣ въ

той же исторической мысли, въ какой проваз ходила въ его время. Выказавшее згдсь свое воззрнне проваз онъ ставилъ заоченъ законъ: «а прежде того мы жаловали, къ тебѣ писали, никакъ згдсь намъ государю и самимъ боярамъ, говорить згдъ объ этихъ жалованьяхъ строкать, въ другомъ письмѣ къ Олонецкому, который въ отвѣтъ писалъ, что намъ писать эти рѣчи кара, «прочестъ не разумѣтъ» къ чему писано отъ князя. Такъ покрайней-мѣрѣ можно объяснить это мѣсто въ его отвѣтномъ письмѣ *).

Что проваз кара не была укорительною только, но была въ высшей степени гдательною, дрозическою, на это мы можемъ найти много доказательствъ и въ его государственныхъ и въ домашнихъ гдлахъ. Можетъ быть, въ мелкихъ поступкахъ проваз человека еще больше ужасаетъ, аснѣ раскрывается, нежели въ большихъ.

Такъ мы видимъ Алексы Михайловича дунсиркашикомъ увернаго патриарха Юзефа. Онъ, во древнему выраженію, *спрошилъ душу покойнаго*, клонитъ саволчно во всѣ подробности его домашннхъ гдлъ и самъ перечисляеотъ, потомъ переписываетъ, распродаетъ и раздаетъ да выводитъ *келлеблю къзку*, собственное шущество увернаго. «Съ полторы велѣли, ежели, я самъ ходилъ (иметь онъ къ Николу)... а то кабы я самъ не ходилъ да велѣлъ переписывать во прежнему, и меня просто, владыко святый, ннѣ, что и положены бы не вочену сыскать, потону-что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бѣ раскрали; рѣшая та статья, что записано, а то все безъ записки... А со мною у kolejные кзыны (у веровиси я продажи) были бояринъ В. В. Бутурлинъ, да дунной дворянинъ О. К. Елзаровъ, да дунной

*) „Посвятаннѣ“, 1851 г., № 14-В. Вскла надъ, что г. Бартошевъ провабретъ отвѣтныи писавани въ карю и во всесъ ихъ въ свое издаііе, которое отъ этого вообще много потеряла.

дьякъ Михаилъ Волошевиновъ... Да и въ томъ меня, владыко святой, прости: не много и я не покусился инымъ судамъ (серебр. посуда), да милостию Божіею воздержался и вашими политвами святыми; ей, ей, владыко святой, ни маленкому ничему не точенъ; было бы, владыко святой, и меня столко, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно; а се какой я буду прикащикъ, самому миѣ имать, а денги миѣ платить себѣ жъ? А топере не иѣрно радъ, что ничему не точенъ, ни патріарховыхъ, ни князь Юрьевскихъ (Сулешова) животовъ; ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василей (Бутурлинь) съ товарищи, и имъ не далъ купить, толко лише продалъ я Василью на двадцать на семь рублей, и то изъ мелочи князь Юрьевскихъ, а болши того от(н)юдъ ничего не далъ купить, а и то далъ купить, что никто не купилъ; а я для того себѣ не купилъ, что милостию Божіею, и отца своего благословеніемъ всего много, и того не изжить. Нельзя не остановиться здѣсь на этой необыкновенной строгости, чистотѣ въ пониманіи своего долга, въ пониманіи взятой на себя обязанности. Царь искушается: инныя вещи, можетъ быть, по достоинству своей работы и украшеній, по красотѣ своей, прельщаютъ его; онъ готовъ былъ дать вчетверо противъ ихъ настоящей цѣны, и этого было бы весьма достаточно для удобнаго оправданія своего поступка... притомъ здѣсь казалось и оправдываться не въ чемъ... Но строгая правда беретъ свое: «а се какой я буду прикащикъ, говоритъ царь, самому миѣ имать (покупать), а денги миѣ платить себѣ жъ?» Если допустимъ даже, что поступки царя управлялись въ этомъ случаѣ одною только мыслью, что отъ людей будетъ зазорно, то все-таки должно сознаться, что и въ этой мысли выразился строгій судъ самому себѣ, ибо чѣмъ развитѣе, такъ-сказать, тоньше, иѣже пониманіе правды, чѣмъ внимательнѣе оне къ обще-

ственному суду, къ этому гласу народа — гласу Божью. Его современники, даже самые близкіе къ нему люди, иначе смотрѣли на свои обязанности и едвали когда-нибудь пускались въ такіе глубокіе и строгіе разборы своихъ поступковъ. Общій колоритъ тогдашнихъ нравовъ, тогдашнихъ понятій о долгѣ, обязанностяхъ, о значеніи службы и всякаго общественнаго дѣла, представляетъ рѣшительную противоположность высокимъ стремленіямъ царя. Корыстолюбіе было одною изъ главныхъ дѣйствующихъ силъ въ тогдашнихъ общественныхъ нравахъ. Личный интересъ ставился впереди всего, не потому, чтобъ общество, вслѣдствіе развращенія, утратило всякое сознаніе общественнаго долга, а потому именно, что, по молодости, неразвитости своей, оно еще и не приобрѣло этого сознанія. Службою въ смыслѣ общественнаго дѣла оно почитало только службу военную на защиту земли, и въ этомъ понятіи мало расходилось со всѣми другими народами и племенами, стоящими на первой ступени гражданскаго развитія. Всякую дѣятельность другаго рода, собственно гражданскую, наше древнее общество принимало какъ средство, вознаграждающее за службу, то есть за заслуги на ратномъ полѣ. Само правительство, раздавая должности гражданскаго управленія, руководилось тою же мыслью, и эта мысль была господствующею въ тогдашнихъ служебныхъ понятіяхъ. Оттого и личный интересъ по необходимости являлся передовымъ, главнымъ двигателемъ каждаго лица, принимавшаго на себя какую-либо гражданскую должность; оттого и пользы государства, пользы общества наблюдались большею частью на столько, на сколько онѣ могли служить личнымъ цѣлямъ. Само собою разумѣется, что все это мало относится къ массѣ народа, котораго дѣятельность всегда болѣе или менѣе страдательная; она и называлась *страдаю*. Масса — народъ — историческая почва. Мы говоримъ о той ея части, которой

выпадала завидная доля быть хозяевами этой почвы, действовать на нее, сѣять и пожинаать. Здѣсь-то и раскрывается все неразуміе тогдашняго хозяйства. Дѣйствующія силы были направлены только на то, чтобъ собирать, какъ можно болѣе *дохода*, не тратя ни малѣйшихъ заботъ и стараній объ улучшеніи хозяйства, о благополучіи, благоденствіи почвы — народа. Почти все, что дѣйствительно было сдѣлано для общественнаго устройства, все это явилось не какъ забота улучшить, а какъ предупрежденіе явнаго и совершеннаго разстройства дѣлъ, было вызвано не попеченіемъ, а скорѣе самосохраненіемъ, стремленіемъ спасти дѣло отъ конечной погребели. Таковъ былъ общій характеръ служебной гражданской дѣятельности. Изъ этихъ чисто матеріальныхъ побужденій, изъ этой невѣжественной и неразумной среды выступали, конечно, личности, сознававшія свое призваніе въ идеѣ, сознававшія службу государству, какъ долгъ, а не какъ средство кормиться и наживать вотчины. Но что жь могли дѣлать эти утлые челны въ общемъ водоворотѣ? Они неминуемо гибли, увлекаемые, рано или поздно, общею силой вещей. Ордннъ-Нашокинъ, Матвеевъ, Никонъ были рано унесены и разбиты этимъ теченіемъ... А водоворотъ выдвигалъ на сцену Милославскихъ, Траханіотовыхъ, Плещеевыхъ, дяковъ Чистыхъ и т. п. Корыстолюбіе и взяточничество Ильи Даниловича Милославскаго, царскаго тестя и тестя Бориса Морозова, первого тогда человѣка по вліянію, засвидѣтельствовано не только иностранцами, но и русскими, напримѣръ Котошихинимъ. Самый Борисъ Ивановичъ Морозовъ, любимѣйшій человѣкъ, котораго государь называлъ пріятелемъ и чтилъ вмѣсто отца роднаго, оставилъ по себѣ довольно смутную и едва-ли безгрѣшную память. Свидѣтельствомъ его не безкорыстныхъ дѣлствій по управленію дѣлами государства служить, во первыхъ, люди, которымъ онъ льготилъ и выдвигалъ ихъ, а потомъ

огромное богатство, оставленное имъ послѣ смерти. Нѣкоторые изслѣдователи оправдываютъ Морозова *). Но намъ кажется, что почтенное желаніе оправдать это лице вызвано единственно только уваженіемъ къ достоинствамъ самого государя, у котораго Морозокъ былъ дядькою, кормильцемъ, воспитателемъ и, слѣдственно (такъ, вѣроятно, думаютъ) долженъ имѣть также высокія качества души, какими славился воспитанникъ. Морозокъ могъ имѣть отличныя достоинства, какъ воспитатель, и именно такія достоинства, какія требовались для воспитателя по понятіямъ того времени: онъ былъ честью великъ (добродѣтель), тихъ и разуменъ. Но тотъ же Морозокъ могъ имѣть совершенно другія достоинства, какъ дѣтель правительственный... Какъ бы то ни было, но, по нашему мнѣнію, трудно оправдать челоуѣка, а главное — временщика и администратора, котораго осудилъ единодушный голосъ народа. Глазъ народа — глазъ Божій!.. Итакъ повторимъ: сознаніе долга явилось у Алексѣя Михайловича въ той строгой чистотѣ, въ той святости, которая высоко ставитъ царя надъ его современниками.

Дѣйствія правды, съ другой стороны, выражались у Алексѣя Михайловича и въ его стремленіи дать всякому дѣлу строй и порядокъ. Свои понятія объ этомъ онъ высказалъ по поводу составленія «Сокольниковъ Урядника». «По его государеву указу (говорить этотъ «Урядникъ» въ предисловіи), никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженаго и удивительнаго (исполненнаго красоты) не было; и чтобы всякой вещи честь и чинъ и образецъ писаніемъ предложенъ былъ, потому: хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, никтоже зазрять, никтоже похулить,

*) Царь Алексѣй Михайловичъ, статья г. Зернина, въ „Москвитинѣ“ 1854 г. № 14-й.

всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ потому: честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость; урядство же устанавливаетъ и объявляетъ красоту и удивленіе; строитство же предлагаетъ дѣло; безъ чести же малится и не славится умъ; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстроитство же теряетъ дѣло и возоставляетъ бездѣлье... Что всякой вещи потреба? Мѣрніе, слічіе, составленіе, укрѣпленіе; потомъ въ ней, или около ея: благочиніе, устройство, урядженіе. Всякая же вещь безъ доброй мѣры и иныхъ вышесказанныхъ вещей бездѣльна есть, и не можетъ составиться и укрѣпиться».

Царствованіе Алексѣя Михайловича представитъ много доказательствъ, что высказанныя здѣсь мысли о строитствѣ, порядкѣ, о важномъ его значеніи для всякаго дѣла, даже и для малой вещи, не были только теоретическими представленіями въ умѣ царя, но скорѣе всего были выводами практическаго примѣненія этихъ истинъ въ дѣйствительности. Кроме того, здѣсь открывается новая черта въ его характерѣ: онъ любитъ строитство-урядство не только потому, что это составляетъ, какъ говорятъ, душу дѣла, или, какъ онъ выразился, «строитство предлагаетъ дѣло», но и потому еще, что оно устанавливаетъ и объявляетъ красоту и удивленіе. Слово *удивленіе* старину означало тоже красоту, но, какъ кажется, высшую ея степень. Оно относится большею частью къ внѣшней обстановкѣ предмета и заключаетъ въ себѣ понятія благолѣпія, веледѣпія; удивленіе въ старинныхъ понятіяхъ и представленіяхъ имѣло то же значеніе, что у насъ изящество. И въ современномъ царю обществѣ, можетъ быть, не было человека, который бы болѣе любилъ красоту и удивленіе во всемъ, что касалось внѣшней обстановки тогдашняго

быта. А такъ какъ красота и удивленіе заключались тогда по преимуществу въ блескъ, великолѣпіи, ослѣпительной постротѣ золота, серебра, дорогихъ камней, яркихъ красокъ, изыскъ узоровъ и т. п., то удивительный вкусъ царя, въ этомъ отношеніи, далеко оставилъ за собою все, что въ томъ же родѣ являлось у его предшественниковъ. Царскій дворецъ и дворъ получили при немъ совершенно иной видъ; иностранцы неоднократно высказывали свое изумленіе при видѣ того величія, какимъ окружалъ себя московскій государь. Для удовлетворенія потребностей царскаго вкуса призваны были разнаго рода искусства и ремесла, которыя, подъ влияніемъ и руководствомъ иностранныхъ мастеровъ, постоянно работавшихъ въ царскихъ мастерскихъ, были преобразованы, усилены и въ сохранившихся доселѣ памятникахъ служатъ прекраснымъ свидѣтельствомъ эстетическихъ стремленій Алексѣя Михайловича, по крайней мѣрѣ, въ той степени и въ томъ характерѣ, какъ это было возможно въ его время.

Самая страсть царя къ соколиной охотѣ служитъ также вѣрной характеристикой благородныхъ направленій его вкуса. «Соколиная охота (говорить г. Аксаковъ въ своей посвященной замѣткѣ къ «Уряднику») по преимуществу благородная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ, не о числѣ затравленныхъ гусей или утокъ, тутъ охотники наслаждаются рѣзвостью и красотой соколинаго полета или, лучше сказать, неизмѣрною быстротой его паденія изъ подъ облаковъ, силою его удара». Красоту, поэзію этой охоты царь понималъ едва ли не лучше всѣхъ своихъ современниковъ, всѣхъ своихъ товарищей-охотниковъ, да едва ли не лучше ихъ онъ понималъ и другую сторону охоты, такъ сказать техническую, матеріальную. То и другое ярко выступаютъ въ его письмахъ къ Матюшкину. Необыкновенная забота о птицахъ, доходящая до самыхъ мелкихъ подробностей, точныя указанія какъ вести

ить, учить и наблюдать, подробное описание их *славных* добычъ, совершенныхъ въ его присутствіи — вотъ что болѣею частью наполняетъ эти нѣсны; и въ каждой строкѣ ихъ мы видиме охотника, преданнаго своему дѣлу съ необыкновенною страстью, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. Есть мѣста, которыя, по своей безпритворной изобразительности, обращаютъ особенное вниманіе. Однажды царь поѣхалъ *отмѣдывать*, пробовать птицъ *на добычѣхъ*, и вотъ между Сухова и Напруднаго, то-есть въ мѣстахъ между Бутырскою и Троицкою Заставою, *нахалъ ома прыскъ* *), то есть на тѣженое, торное мѣсто, которое, по весеннему времени, было еще залито водою. «Отпустили сокола Мадина (иметь государь), и онъ хорошо полетѣлъ, да не слѣзъ **), а утки многіе свѣззи и шилохвости и чирята; а въ длину вода та шесть сажень, а поперегъ двѣ сажени, да тѣмъ хорошо, что некуда утечь, нѣтъ иныхъ водицъ близко... Отпустили сокола Семена Шираева ***) дикомытъ: такъ безмѣрно каково хорошо летѣлъ, такъ погналъ, да осадилъ въ одноѣ концѣ два гнѣзда шилохвостей, да полтретья гнѣзда чирять; такъ вдругорѣдъ погналъ, такъ понеслось одно утя шилохвость и шило-

---

*) Г. Барташевъ объясняетъ: „до сихъ поръ въ исковой охотѣ говорятъ: *вздымъ по прыску*, то-есть по такому мѣсту, гдѣ много наплывъ воды, и оттого при проѣздѣ вода *прыщета*“. *Прыскъ*, не отъ прысзать, а отъ прысать, значитъ собственно скорый, сильный бѣгъ; отсюда *запръ прыскачій*, упоминаемый въ древнихъ нѣснахъ. Крокъ-того, *прыскъ* значитъ вообще *слѣдъ*: *прыскъ богатырскій*, *попрыски богатырскіе* — слѣды богатырской ѣзды, богатырскаго бѣга, *напрыски* — лѣпой слѣдъ. „Видѣлъ (сторожовой атаманъ) вверхъ Тору (рѣка) въ ночи и видѣлъ оти многіе и отъ сѣкъ лошадиныхъ прыски и ршанье великое...“ Барташевъ. IX, стр. 361.

**) *Не слѣзъ* — не спустился, не шель на добычу. *Лазить* — забираться вверхъ, *перелазить* — брать вверхъ, отсюда и *перелазка*.

***) Соколы обозначались иногда именами сокольниковъ, ихъ посланныхъ.

стію Божією и твоими молитвами и счастьемъ, какъ еѣ мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась да ушла пѣша въ воду опять: такъ хотѣли по ней стрелять, подзаяли, што худо заразилъ, а онъ еѣ такъ заразилъ, что кишки вонъ; такъ она поплавала неможко да побѣжала на берегъ, а соколъ отъ и сѣлъ на ней»...

Очень понятенъ этотъ восторгъ, эта наивная радость страстнаго охотника, который видитъ торжество своего любимаго дѣла. Увлеченіе царя будетъ для насъ понятнѣе, если привести здѣсь разсказъ г. Аксакова о томъ, какъ совершаетъ свои добычи копчикъ, безъ сомнѣнія, во многомъ уступающій соколу. «Если случится ѣхать лѣсной дорогою, черезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны (говоритъ авторъ), только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышнѣй копчикъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно-зоркими своими глазами: не вылетитъ ли какая нибудь маленькая птичка изъ-подъ ногъ лошади или челоуѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшюю пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычу, то онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сѣлаетъ *ставку* и опять упадетъ внизъ, если снова поднимется та же птичка, или будетъ испугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ... Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому челоуѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ

хорешъ, изящень, увлекателевъ пропещь этой ловли, что не-
премѣнно желаешь успѣха ловцу».

Эту-то изящную сторону соколиной охоты Алексѣй Михай-
ловичъ понималъ вполне и прекрасно изобразилъ ее въ сво-
емъ «Урядникѣ», вѣрно и живописно (слова г. Аксакова)
очертивъ характеристику *добычи* каждой птицы. «И зѣло
потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ
веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья до-
быча (говоритъ восхищенный государь). Безмѣрно славна и
хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утѣшительна и
челига *) кречатья добыча. Угодительна, потѣшна дермлюго-
ма перелазка и добыча. Красносмотрителень же и радостень
высокова сокола леть. Премудра же челига соколя добыча и
леть. Добровидна же и копцова добыча и леть. По сихъ до-
броутѣшна и привѣтлива правленыхъ ястребовъ и челиговъ
истребуихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же досту-
паніе... Будите охочи (обращается онъ къ охотникамъ), за-
бавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно
и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали
всякія». И, конечно, соколиная потѣха представляла живое и
полное, да едва-ли и не единственное удовлетвореніе эстетиче-
скому вкусу царя.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ образова-
ности царя, которая не могла же не отразиться въ его пись-
махъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что старинная наша
образованность заключалась собственно въ *книжности*,
начитанности. Главнымъ основнымъ содержаніемъ ея было
св. писаніе, книги церковно-историческія, догматическія,
учительныя — словомъ, вѣроученіе во всей обширности. Сюда
же присоединялись и отечественныя лѣтописи, Другія свѣдѣ-

*) Челигаки назывались самцы этихъ птицъ.

ны вошли въ нашу письменность или какъ дополнение и объясненіе этой главной основы, напримеръ общенсторически въ хронографы и т. п. собраны, или вызваны были новыми стремленіями и потребностями государства, напримеръ географическія и политическія въ космографіяхъ, въ посольскихъ запискахъ и т. п. Европейскія сношенія заставили позволю обратиться къ географіи, или описанію государствъ... Нужно же было хоть сколько нибудь знать, что за земли и что за народы существуютъ во ту и по сю сторону нашей широкой Московіи; нужно же было имѣть понятіе объ этихъ тридцати царствахъ, тридцати государствахъ, изъ которыхъ являлись къ намъ посланники, купцы, художники, солдаты и т. п. лица. Съ другой стороны, европейскія сношенія познкомили насъ, преимущественно чрезъ Польшу, и съ средне-вѣковой литературой, которая, между прочимъ, доставляла и легкое, увеселительное чтеніе, въ повѣстяхъ, исторіяхъ, прикладахъ, прилогахъ и т. п., хотя и здѣсь преобладалъ все-таки элементъ поучительный, душеполезный.

Начитанность пріобрѣталась не одною только любознательностью: благочестивое обыкновеніе, особенно въ царской быту, начинать и даже мертво оканчивать каждый день не только молитвою, но и чтеніемъ на каждый день духовныхъ словъ, поученій и житій святыхъ представляло одно изъ ближайшихъ средствъ пріобрѣтать самыя обширныя познанія въ вѣроученіи, обширное знакомство съ исторіею церкви. Такимъ образомъ книжность, начитанность приходила сама собою, естественнымъ путемъ исполненія обычныхъ правилъ благочестія. Для дѣйствія любознательности оставались уже другіе отдѣлы свѣдѣній, къ которымъ и обращались пытливыя умы. По своей начитанности, Алексѣй Михайловичъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, и въ этомъ отношеніи, какъ можно полагать, онъ во многомъ былъ

обязанъ вліянію Никона, мужа строгой, крѣпкой правды, великаго, любознательнаго ума. Почитанность Алексѣя Михайловича особенно ярко выразилась въ его письмахъ къ Одоевскому, и именно во второмъ, гдѣ царь, утѣшая старика-боярина по случаю смерти сына его, припоминаетъ приличные событію примѣры изъ Ветхаго Завета объ Іовѣ, изъ Златоуста, изъ житія Варлаама Хутынскаго. Въ письмѣ къ Никону о смерти патріарха Іосифа раскрывается самое точное знаніе церковныхъ уставовъ, обрядовъ и пр. Все это, вмѣстѣ съ другими данными, разсѣянными въ письмахъ, достаточно свидѣтельствуетъ, что царь обладалъ вполне старинною книжностью. Эту книжностью, ученостью того времени отыщется отчасти и предисловіе «Сокольничьяго Урядника», какъ справедливо замѣтилъ и г. Бессоновъ. Иностранецъ Рейтенфельсъ, какъ сейчасъ увидимъ, также свидѣтельствуетъ, что Алексѣй Михайловичъ посвящалъ немало времени на чтеніе книгъ и тѣмъ пріобрѣлъ основательныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Именемъ естественныхъ наукъ Рейтенфельсъ, вѣроятно, обозначаетъ вообще свѣдѣнія о разныхъ предметахъ гражданскаго быта, такъ сказать, практическія, опытыя. Свѣдѣнія о естественныхъ наукахъ у насъ тогда были скудны, отрывочны и составляли еще область чудесъ и басенъ.

Все изложенное служитъ только попыткой выяснить, при помощи изданныхъ, хотя и не новыхъ матеріаловъ, болѣе или менѣе существенныя черты характера царя Алексѣя Михайловича. На сколько мы справедливы въ нашихъ указаціяхъ—судить не можемъ, но думаемъ и доселѣ убѣждены въ томъ, что характеръ Алексѣя Михайловича носилъ въ себѣ прекрасную основу, которая могла бы украсить и лучшее историческое время. Объ этомъ единогласно свидѣтельствовали и иностранцы, видѣвшіе царя, и въ своихъ сужденіяхъ о немъ

показавши своимъ примеромъ быть простростелымъ. Мы отчасти въдобавленіи уже стали сиротчельствомъ, во отъмы иуъ такъ вытравимъ въ крѣпости стужей, что ны рѣшмы привести юта вѣдѣнныа къ елѣ съ бѣдѣннѣ волевою.

Имя Алексея Михайловича Рейтвельдъ, бывшій въ Москвѣ въ 1717 году, роста средняго, нѣтъ лѣтъ больше, крѣпко сложенъ, тѣло довольно тучное, волоса вѣтъ средняго жестку чернѣть и рѣдкѣть, глаза голубые, крѣпкѣ выдвинути на лѣтъ его выказается строгость нѣтъ съ милостію, выказанъ выказѣть выжюну кажеку и выжюна не выжуждаетъ стрѣлъ. Прохъ его истинно царскій: онъ вѣтъ выжѣть, выжѣтываѣтъ, милостивъ, благочестивъ, въ лѣтъ государственнымъ склѣнѣть и вѣтъа точно полнѣтъ выжѣтъ и железѣ неостраженъ. Посвящая немало времени на чтеніе книгъ, онъ прѣбрѣтъ основательныа познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Большую часть дня употребляетъ онъ на дѣла государственныа, немало также занимается благочестивыми размышленіями, и даже ночью встаетъ славословить Господа въ сонѣвѣнїахъ вѣдневоснаго Пророка; на олотъ и въ лагерѣ бываѣтъ рѣдко *); посты, установленныа церковью, наблюдаетъ такъ строго, что въ продолженіе сорока дней предъ Пасхою не пьетъ вина и не ѣтъ рыбы. Въ напитки очень воздерженъ и нѣтъ такое острое обоняніе, что даже не можетъ подойти къ тому, кто пилъ водку. Въ искусствѣ военномъ опытенъ и въ битвахъ неустрашимъ; но, одержавъ побѣду, любитъ лучше удивлять своею милостію, нежели пользоваться правомъ сильнаго. Это

*) Царю въ это время было уже около тридцати лѣтъ, и въ немъ, безъ сомнѣнїа, уже простыла страсть къ охотѣ, доставлявшей ему самую веселую утѣху въ первые годы царствования. Около этого времени царь пристрастился, какъ извѣстно, къ сельскому хозяйству и завелъ огромный хозяйственный хуторъ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ.

деказалъ онъ во время осады Риги. Благодарность царя простирается до того, что бѣдные почти каждый день собираются ко дворцу и получаютъ деньги цѣлыми горстями, а въ праздникъ Рождества Христова преступники освобождаются изъ темницъ и, сверхъ того, еще получаютъ деньги. Когда иностранцы вступаютъ въ русскую службу, то царь даритъ ихъ одежды, лошадей и прочее, какъ бы въ залогъ будущиѣ милостей. Вообще иностранцы теперь живутъ въ Московіи гораздо свободнѣе, нежели прежде. *Алексѣй Михайловичъ* (заключаетъ Рейтенфельсъ) *такой государь, какою желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немиліе имѣютъ*. Почти то же говоритъ о немъ и Колюшинъ: «Наружность императора (пишетъ онъ) красива; онъ здоровъ сложеніемъ; волосы его свѣтлорусые; онъ не брѣдетъ бороды, высокъ ростомъ и толстъ; его осанка величественна; онъ жестокъ во гнѣвѣ, но необыкновенно добръ, благотеленъ, цѣломудренъ, очень привязанъ къ сестрамъ и дѣтямъ, одаренъ обширной памятью, точенъ въ исполненіи церковныхъ обрядовъ, большой покровитель вѣры; и еслибъ не окружало его густое облако доносчиковъ и бояръ, которые исправляютъ ко злу его добрыя намѣренія, то его, безъ сомнѣнія, можно было бы поставить на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями» *). Лизекъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Нынѣшній царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями. Онъ покорила себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько же любятъ его, сколько и благоговѣютъ предъ нимъ. Его безпримѣрныя къ намъ милости достойны того, чтобъ нѣмецкіе писатели увѣковѣчили его имя хвалами». Мейербергъ точно такъ же восхваляетъ милосердый, чело-

*) „Утопія Н. О. Ш. в Д. Р.“ Годъ 1-й, № 1-й, стр. 13.

вѣчный нравъ царя, его приверженность къ вѣрѣ и благочестію и присовокупляетъ: «Истинно достойно удивленія то, что, облеченный высшею неограниченною властью надъ народомъ, пріобыкшимъ безмолвно повиноваться волѣ своего владычества и всякимъ дѣйствіямъ оной, царь сей никогда не позволялъ себѣ оскорблять кого либо изъ своихъ подданныхъ какъ лично, такъ и въ имуществѣ или чести ихъ. Хотя, подобно всѣмъ великимъ людямъ съ живыми чувствами, онъ подверженъ иногда порывамъ гнѣва, но и тогда изъясненіе онаго ограничивается нѣсколькими ударами или толчками». Но какъ бы ни были единодушны хвалы современниковъ, не нужно забывать, что Алексѣй Михайловичъ былъ сынъ времени, сынъ страны и учрежденій; благородныя черты здоровой, человѣчной природы скрывались и даже заглашались въ немъ чертами большаго или искаженнаго вѣка, въ которомъ онъ былъ дѣйствителемъ и который несравненно болѣе дѣйствовалъ на него. Выйдти изъ грубыхъ, жестокосердыхъ началъ, господствовавшихъ въ его эпоху, онъ не могъ, по тому же самому, почему не могъ совершенно освободиться отъ нихъ и великій сынъ его, Петръ, приносившій, можетъ быть противъ сознанія, свою дань ветхой старинѣ и имѣвшій прель отцомъ несравненно болѣе выгодныхъ условій, особенно въ отношеніи обстоятельствъ своего воспитанія и образованія. Такова, впрочемъ, участь каждаго историческаго дѣятеля, даже каждаго изъ насъ... Какъ бы ни были здравы и чловѣчны наши стремленія, сколько бы силъ мы ни употребляли для того, чтобъ очистить, просвѣтить себя въ отношеніи къ средѣ, въ которой вращаемся, все-таки сила этой среды, сила вещей, явить и въ насъ своихъ послушныхъ и покорныхъ дѣятелей, иногда безсознательныхъ, что случается чаще, а иногда даже и сознательныхъ. Вотъ почему для насъ вовсе не кажется страннымъ слышать отъ царя, отличавшагося и-

лосердымъ правомъ, какъ онъ грозитъ, напримѣръ, проклятіемъ Матюшкину и Голохвастову, если не будутъ они въ свѣтъ и любви, какъ онъ грозитъ перепоротъ кнутаомъ всѣхъ сокольниковъ, если умрутъ любимыя его птицы, порученныя имъ береженью, и, наконецъ, какъ онъ кушаетъ непоспѣвшихъ къ смотру стольниковъ. Съ этой же точки зрѣнія мы совершенно не понимаемъ и тѣхъ оправданій этого послѣдняго поступка, какія сдѣлалъ въ своихъ примѣчаніяхъ г. Бартеневъ.

Въ изученіи древности, въ разъясненіи старой жизни — вѣрный способъ найти истину заключается, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ вести это изученіе съ полнымъ безпристрастіемъ, если отчасти и съ заготовленными положеніями и взглядами, что миновать едва ли возможно, то, главное дѣло, безъ фанатическаго упорства въ своихъ скороспѣшно и большею частью поверхностно составленныхъ выводахъ, теоріяхъ, системахъ. Намъ кажется, что достигнуть такого безпристрастія можно въ такомъ только случаѣ, когда въ изученіе древности, исторіи мы внесемъ взглядъ на дѣло и методъ естественныхъ наукъ, будемъ безстрастно, спокойно называть черное чернымъ, бѣлое бѣлымъ, такъ точно, какъ естествоиспытатель безстрастно дѣлаетъ свои изслѣдованія и заключенія при изученіи явленій, фактовъ природы. Въ области естествознанія нѣтъ мѣста легкомысленному глумленію надъ какимъ бы то ни было безобразіемъ. Для естествоиспытателя важенъ ходъ жизни, движеніе естественныхъ силъ. Формы, въ которыхъ являются эти силы, для него равно интересны и поучительны; восхищаясь красивою бабочкою, онъ нисколько не возмущается уродливостью другихъ наѣкомыхъ; а уродство, какъ болѣзнь, какъ видимое уклоненіе отъ нормы, во многихъ случаяхъ для него еще любопытнѣе; уклоненія яснѣе раскрываютъ сущность жизненныхъ силъ. Каждое безобразіе,

уклоненіе отъ нормы, и въ природѣ физической и въ природѣ нравственной, бываетъ результатомъ многихъ и многихъ условій. И тамъ и здѣсь мы должны пристально изучать пути, по какимъ дошелъ предметъ до своего искаженія, должны изучать законы, въ силу которыхъ явилось уклоненіе. Въ нравственной природѣ, которую обнимаетъ исторія, это дѣлается съ высокою цѣлью, именно для того, чтобъ, узнавъ ложный, уродливый путь жизни, предостеречь отъ опасности шествія по немъ современныя или и будущія поколѣнія. Вотъ ближайшая польза изслѣдованій. Но если непозволительно и даже противно легкомысленное глумленіе надъ искаженнымъ человѣческимъ образомъ, то несравненно противнѣе доказательства, что именно этотъ-то образъ и есть красота. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно, напримѣръ, оправдывать настоящій случай — купанье людей въ проруби (какъ говоритъ г. Бартенева), въ проруби, слѣдовательно зимою, въ морозъ. Хороща и награда за такой подвигъ: купальщиковъ кормили обѣдомъ; да хороши и столыники — будущіе бояре: они *наркома* не поспѣвали на смотръ, имѣя въ виду изъ проруби прямо попасть на обѣдъ и ѣсть *вдоволь*. «Да извѣщаю тебѣ (пишетъ государь къ Матюшкину), што тѣмъ утѣшаюся, што столыниковъ безпрестани кушаю ежеутрь въ прудѣ: іорданъ хорошо здѣлана, человекъ по четыре и по пяти и по двѣнадцати человекъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и кушаю; да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, а иные говорятъ: «мы-де наркомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ, да и за столъ посаждать; многіе наркомъ не поспѣваютъ». Г. Бартенева объясняетъ все это слѣдующимъ образомъ: «Іорданъ, конечно, означаетъ здѣсь прорубь въ прудѣ. Ходить на іорданъ говорится доселѣ въ смыслѣ ходить на освященіе воды наканунѣ или въ день Богоявленія Господня, когда

совершается богослуженіе на рѣкѣ или на прудѣ. Простолюдины и доселѣ иногда въ жестокіе морозы купаются въ іорданѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это дѣлается даже по чувству благочестія. Слѣдовательно по этой забавѣ царя Алексѣя Михайловича никакъ нельзя заключать о жестокости и мнимой грубости тогдашнихъ нравовъ.

Простолюдины дѣйствительно и теперь иногда купаются въ крещенской іордани и всегда по чувству благочестія и къ тому же въ благочестивомъ чаяніи очистить себя отъ грѣховъ, принесенныхъ преимущественно святочными играми, переряживаньемъ и т. п., или получить здоровье. Такимъ образомъ это не забава, а дѣйствіе крѣпкой вѣры, и авторъ, конечно, согласится, что есть же какое нибудь различіе въ крещенскомъ купаньѣ, совершенномъ по убѣжденію, и въ крещенскомъ купаньѣ, совершенномъ недобровольно. Безсомнѣнія, находились многіе, готовые на всякій подвигъ изъ угожденія, но кому же прійдетъ въ голову оправдывать такіа побужденія и дѣйствія подвигами, хотя и однородными во внѣшнемъ проявленіи, но вытекающими совершенно изъ другаго источника — чистаго и благороднаго въ своей сущности? Кому прійдетъ въ голову это утѣшительное *слѣдовательно*, въ настоящемъ случаѣ воспрещающее дѣлать заключенія о жестокости и грубости старинныхъ нравовъ? Нужно замѣтить при этомъ, что грубость и жестокость нравовъ ни въ чемъ такъ ярко не обнаруживается, какъ именно въ увеселеніяхъ, забавахъ, разнаго рода удовольствіяхъ, какія существуютъ въ извѣстномъ обществѣ въ извѣстное время. Это самые вѣрные, самые непристрастные показатели общаго состоянія нравовъ, ихъ грубости или мягкости, большаго или мѣньшаго развитія народа. Такія, напримѣръ, общественныя удовольствія, увеселенія и зрѣлища, какъ кулачные бои, чахарда, медвѣжья травля, медвѣжій бой и т. п. служатъ яснымъ сви-

дѣтельствомъ, что эстетическая сторона народныхъ нравовъ далеко еще не развита, что нравы вообще грубы и жестоки. Если человѣкъ находитъ въ танцахъ страшный грѣхъ, бѣсовское скаканье, въ музыкѣ, хотя бы и довольно еще грубой— бѣсовское гудѣнье, и вовсе не замѣчаетъ грѣха въ томъ, что на кулачномъ бою убьетъ до смерти или на-вѣкъ пуститъ калѣкой соперника, то что вы скажете о состояніи его эстетическаго развитія, о направленіи его вкусовъ? Было время, когда съ величайшимъ удовольствіемъ потѣщались шутами, дураками и другими такими же необходимыми лицами въ боярскихъ домахъ; помирала со смѣху надъ тѣмъ, какъ они таскали другъ друга за волосы, царапались до крови и т. п. Не уже ли все это свидѣтельствуешь только о мнимои, а не о дѣйствительной грубости нравовъ? Дѣ, положи руку на сердце, мы по необходимости должны были бы съ этимъ согласиться, еслибъ все это дѣйствительно такъ было, какъ говоритъ г. Бартеневъ. Нужно зрѣніе г. Безсонова, которое, какъ онъ самъ всенародно засвидѣтельствовалъ, видитъ *чище*, свѣтлѣе цѣлой половяны нашихъ историковъ или изслѣдователей, пишущихъ въ настоящее время, нужна его собственная любовь къ русской жизни въ ея историческомъ развитіи, чтобъ открыть въ подобномъ фактѣ человѣчную сторону. Но успокоимся: потѣхи царя Алексѣя Михайловича, хотя и приносили дань вѣку, но никогда не выходили изъ границъ благодушія; не даромъ же его называли милосерднымъ. Объясненіе г. Бартенева опирается главнымъ образомъ на словѣ іордань. Почему-то онъ заключилъ, что іордань значитъ прорубь... Но встарину называли, да и теперь называютъ іорданью, ерданью, плоть съ перилами, или и безъ перилъ, устроенный для водоосвященія на рѣкѣ, или вообще на водѣ, которая въ этомъ случаѣ всегда прообразуетъ священную рѣку Іорданъ. На среднѣиъ плота оставляется свободное для

воды мѣсто, определенное для погруженія св. креста *). Для торжественныхъ водоосвященій, какія совершались въ Москвѣ передъ Кремлемъ, у Тайницкихъ Воротъ, и при которыхъ почти всегда присутствовалъ и самъ государь, такой плотъ украшался великолѣпною *сльню*, навѣсомъ, багдахиномъ, по которой и самая іордань называлась нерѣдко *іорданною сльню*. Притомъ торжественное, всенародное освященіе воды совершалось два раза въ годъ: 6-го января, въ день Богоявленія, и 1-го августа, въ день Происхожденія Честныхъ Древъ Креста, когда, по обычаю, погружался въ іордань и самъ государь. Въ Москвѣ, въ XVII-мъ столѣтіи, это послѣднее водоосвященіе происходило обыкновенно подъ Симоновымъ монастыремъ. Такимъ образомъ купанье стольниковъ могло происходить и въ августѣ, и тогда дѣло принимаетъ иной видъ. Намъ кажется, что это обстоятельство было бы весьма важно для исключительныхъ любителей русской жизни въ ея историческомъ развитіи, еслибъ любители не ограничились однимъ только любленіемъ, а попристальнѣе всматривались бы въ любимый предметъ. Слѣпая любовь — любовь неразумная, а взглянувъ поближе въ любимый предметъ, можно иной разъ открыть и новыя красоты. Такія красоты представляетъ настоящій случай. Дѣло въ томъ, что письмо царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ потѣшеніи и въ которомъ не обозначено времени, когда оно писано, должно относиться къ 1653 году.

---

*) Этотъ водоосъ и назывался собственно *ерданю*. Московскій купца-гость Котовъ, ходившій въ 1623 году въ Персидское царство, упоминаетъ, что въ Испагани видѣлъ ердани (водоосы) напояныя съ водою. Онъ же ерданю называетъ и фонтанъ: „приметь тѣхъ садовъ сдѣлана большая *ерданю* напояная, стоитъ поляна воды, а середъ ердани поставлена труба пѣдная стоячая, и изъ той трубы вода бьетъ (бьетъ) въ верхъ изъ-подъ земли выше человека.“ Временникъ, Кн. 15.

К. иже сего въ томъ году сдѣла въ чиновныхъ спотри столь-
никомъ. и прощанъ и речеи сего. Перу со всемъ служ-
бамъ да Службата. Тамъ же Службата Монастырь.
Службата со сего году. Тамъ же въ чиновныхъ. Царь ви-
дѣлъ въ Московну. Тамъ же Службата въ Москве въ воскре-
сенъ. Тамъ же Службата. Тамъ же Службата. Тамъ же четвертъ
года. Тамъ же Службата и Службата. Въ снѣгъ Царскы Выхо-
ды *) на снѣгъ и въ снѣгъ Службата. Службата, отбѣсно,
въ Службата. Тамъ же Службата. Службата на Дѣлицы Полт
на Службата. Тамъ же Службата. Тамъ же Службата у него были
Колѣкы двѣданы. Тамъ же Службата. Службата оу должно
была въсрѣтены въ Москву. Службата оу начался въ тотъ
же день. въ Службата. Тамъ же Службата. Путь, на кото-
ромъ была Службата. Тамъ же Службата. Службата, можетъ быть,
кажется для Службата. Службата и Службата. Тамъ же Службата.
Недалеко отъ сего мѣста, между труномъ и церковью
Свѣтлы Ославаго, каря всема оставалась въ шат-
розѣ, когда протопила въ монастырь на бочошамъ. Здѣсь же,
безъ сомнѣнія, стояли штры и каря Алексея Михайловича,
въ которыхъ оу корнилъ кузальниковъ обдѣль. Кузальсы
въ юнкъ — дѣло обыкновенное. Въ воступкѣ же царя, судя
по времени, выразилось несравненно болѣе благодушя, не-
жели грубоности и жестокости. Вместо батогахъ, которые по
справедливости слѣдовали неявишиса на спотрь, оу ихъ
купалъ, да и тутъ, чтобъ не остаться въ долгу, корнилъ ку-
зальниковъ обдѣль. Такимъ образомъ строгость царь обра-
тилъ на милость и сдѣлалъ изъ этого для себя забаву, потѣ-
шенъ. Вотъ почему и стольники такъ простодушно говорили:
«мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупають,

*) «Выходы Царей», стр. 288. См. также «Временникъ Истор. Общ.»
и. 17, стр. 201.

да и за столъ посаждать». Многіе дѣйствительно нарочно и не поспѣвали. Нужно притомъ замѣтить, что въ стольникахъ была боярская и дворянская молодёжь, начиная дѣтъ отъ четырнадцати.

Въ нашихъ соображеніяхъ и замѣткахъ о нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ чертахъ характера Алексѣя Михайловича, мы старались показать высокій интересъ изданныхъ матеріаловъ, ихъ важное значеніе при объясненіи старины. Многого мы не коснулись, да и не могли коснуться, потому что это повлекло бы насъ въ большія подробности, неумѣстныя въ настоящей статьѣ *).

---

*) Въ послѣдствіи, въ «Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Импер. Русскаго Археологическаго Общества» (томъ второй, Сиб. 1861). было издано еще нѣсколько писемъ царя Алексѣя, хранившихся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Новые письма не только не измѣняютъ нашихъ сужденій о характерѣ царя, но даютъ еще новыя ярскія, подтверждающія или пополняющія нашъ очеркъ. Въ нихъ милосердый нравъ его еще съ большою силою расуется въ постоянныхъ напоминаніяхъ боярамъ (напр. вв. Лобанову-Ростовскому, вв. Ромодановскому), что они призваны вѣстѣ съ государемъ «не на свое высокоупіе и вышеславіе полагаться, а печаловатися и объ общемъ народѣ, о странахъ и селахъ; любовь и великое попеченіе и разсмотрѣніе и заступленіе имѣти о меньшей братіи Христовой, разумѣти людей Божіихъ въ правду, не раздѣляться, понеже судъ великій бываетъ на великихъ и сильныхъ. Меньшій прощень будетъ и достоинъ милости; вѣрныхъ же и сильныхъ вѣрнее истязаніе идетъ» и т. д. — Во время войны постоянно онъ также твердилъ воеводамъ, чтобъ въ полкахъ солдаты и стрѣльцы большые безъ призранья не оставались, чтобъ своихъ ратныхъ людей отъ грабежу умирать, а будутъ которые отъ грабежу и отъ пошегу упинаться не учнуть и тѣхъ воровъ, пущихъ заводчиковъ, челоука или двухъ казнить. И какъ онъ гнѣвался на бояръ—воеводъ, когда они своими оплошными или неразумными дѣйствіями напрасно губили людей ратныхъ въ битвахъ или не помогали имъ въ осадахъ. «Врагу Креста Христова и новому Ахитовоу князю Григорью Ромодановскому, писалъ царь этому воеводѣ, непославлену во-время полковъ на помощь, Водасть тебѣ Господь Богъ за твою въ нихъ приключенію сатанинскую служ-

Перейдемъ теперь къ обзорѣю собственно издательскаго труда. Всѣ письма раздѣлены издателемъ на четыре отдѣла; къ каждому изъ трехъ первыхъ отдѣловъ предпослано особое введене, заключающее необходимыя историческія, біографическія и другія поясненія. Сверхъ того, послѣ каждого письма отдѣльно слѣдуютъ примѣчанія и вообще объясненія памятниковъ. Издатель не придаетъ ученаго значенія этимъ объясненіямъ и назначаетъ ихъ преимущественно для большинства читателей, хотя въ трудѣ, вмѣстѣ съ издателемъ, участвовали г. профессоръ Бѣляевъ и г. Безсоновъ, первый нѣкоторыми указаніями, второй — филологическими замѣтками. Мы, впрочемъ, хорошо не поняли этой оговорки издателя, что онъ своимъ примѣчаніямъ не придаетъ ученаго значенія и

бу... Ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряешь тебѣ самого Господь Богъ и жена и дѣтки твои узрять такія не слезы, какъ и тѣ плачуть сироты, напрасно побитыи. И самъ ты троевалииный и безглавой некавистивай рода христіанскаго (для того, что людей не послалъ) и намъ вѣрной извѣстивъ и самого истиннаго сатаны смьхъ и другъ діаволовъ впадеши въ божію троекондую, изъ нея же ни кто возвращался...“ И за тѣмъ наполнилъ ему Евангельское слово, какъ явилъ и судиѣ, отъ государей поставленныи, должныи ижеваніе, заступленіе и правду некавистивать нищитъ людыи, печаловатъясь объ общемъ народѣ... Но ничѣмъ такъ не оскорблялось нравственное чувство Алексѣя Михайловича, какъ всею похвальбою, самоудѣляиностью, самоувѣренностью, самохвальствомъ. На эту черту, особливо въ поведеніи бояръ, онъ опалился чрезвѣрно и помыслилъ низъ цѣлми проповѣди о томъ, чтобъ не уповали на свое челоучество и дородство, чтобъ не полагали надежду на свое емсокоуміе и еммеславіе, поучалъ всегда яротости, сиренію, надеждѣ только на Бога. Когда его теста, бояринъ И. Д. Милославскій, похвалился предъ нимъ въ Думѣ, что лишь бы дали ему начальство надъ войскоиъ, такъ онъ приведетъ Польскаго короля плѣнникоиъ, — то царь возмыслилъ нещивоѣрно, разбранилъ стараго теста страдинникоиъ, худыиъ челоуѣчннвоиъ, далъ ему пощечину, надралъ ему бороду, вытолгалъ нишнана изъ поиматы и захлопнулъ двери. См. Исторію Россіи г. Соловьева, гдѣ тамже праведныи нешданнныи письма царя и обозначены его характеръ, т. XII, 336—347.

проч. Что́ здѣсь разумѣть подь словомъ ученое? Если слишкомъ спеціальное, то оговорка противорѣчитъ истинѣ. Самая большая часть филологическихъ объясненій г. Безсонова для большинства нетолько слишкомъ спеціальна, но во многихъ мѣстахъ и весьма туманна, а иной разъ даже мало понятна и для искусившихся специалистовъ. Наконецъ, какъ понимать назначеніе примѣчаній для большинства читателей? Потому ли они назначаются для большинства, что составлены популярно, или потому что составлены поверхностно и, стало быть, неудовлетворительно въ ученомъ отношеніи, хотя, можетъ быть, весьма удовлетворительно для большинства? Должно полагать, да это ясно и изъ общаго характера объясненій, что послѣднее справедливѣе, что оговорка указываетъ именно на недостаточную научную обработку примѣчаній и объясненій, что они составлены, большею частью, подь влияніемъ случайности, не обнимаютъ объясняемаго предмета всецѣло, кругло, полно, а берутъ только то, что можно было растолковать, пользуясь средствами, случайно попавшими подь руку, или случайно пришедшими на мысль. Иное, и весьма многое, осталось такимъ образомъ вовсе безъ объясненій и толкованій. Затѣмъ это же самое повлекло къ недосмотрамъ, неправильностямъ и т. п. Такому роду работы дѣйствительно трудно придавать ученыя достоинства, и потому легче всего предложить ее большинству, какъ такому отвлеченному лицу, на которое всегда можно сослаться, не опасаясь строгихъ дѣятелей и судей. Но если мы лишаемся права предлагать издателю запросы отъ лица науки, то, во всякомъ случаѣ, можемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, имѣя въ виду большинство. Наше вниманіе останавливаютъ, прежде всего, нѣкоторыя толкованія г. Безсонова, того самаго г. Безсонова, который, выступая на поприще изъясненій русской старины, предослалъ свой взглядъ, особаго рода воззрѣніе на современную

ученую дѣятельность по этому предмету. Не такъ давно, въ «Русской Бесѣдѣ» онъ всенародно объявлялъ, что наши историки (онъ считаетъ половину), пишущіе въ настоящее время, ненавидятъ древнюю Русь, терпѣть ее не могутъ, а потому постоянно дѣлаютъ на нее нападки. Изобразивъ очень живописно и наглядно *дурной глазъ* этихъ историковъ, онъ въ одномъ мѣстѣ очень жалѣетъ ихъ, какъ стадо заблудившихся овецъ. Такое обращеніе къ русскимъ историкамъ — не правда ли? очень интересно. Оно рисуется самыми яркими красками не историковъ — ибо они просто-на-просто выдуманы, суть явленія разстроеннаго воображенія, привидѣнія, можетъ быть, необходимыя въ области умозрѣній «Русской Бесѣды» — нѣтъ, самыми яркими красками это обращеніе къ историкамъ рисуется самого автора. Выпишемъ эти, болѣе чѣмъ курьѣзныя строки.

«Это уже судьба ея (древней Руси), и нападки на нее въ современной письменности сдѣлались до того любимымъ и общимъ мѣстомъ, что ими скорѣе можно выиграть, чѣмъ проиграть дѣло (какое?). Такова уже привычка, и всѣ способы изслѣдованія половины нашихъ историковъ болѣе или менѣе сюда сводятся: дѣйствуютъ ли синтетически, синтезъ выражается въ томъ, что напередъ каждое явленіе древней Руси предполагается ущербомъ правды, просвѣщенія или извѣстнаго блага; анализъ въ томъ, что каждое такое явленіе, если оно дѣйствительно дурно, служитъ опорой общимъ выводамъ о всей жизни. Встрѣтится ли гдѣ грубость, вся Древняя Русь изображается грубіяномъ; встрѣтится ли *признакъ* невѣжества, вслѣдъ затѣмъ отрицается всякое знаніе и просвѣщеніе: дурной глазъ, наметавшійся отыскивать скверну даже въ самыхъ чистыхъ явленіяхъ, думаетъ сглазить всю жизнь былую, и своимъ обаяніемъ превратить ее въ пошлость; образъ, рисующійся вверхъ ногами на перепоякѣ больного

зрѣнія, выдается за истинную картину дѣйствительности... Сужденія о древней русской исторіи потому именно бывають такъ часто несправедливы, что ихъ не одушевляетъ искренняя любовь. Любить русскую исторію — значить у иныхъ образовать въ себѣ привычку читать древніе памятники и постоянно писать о нихъ и изъ нихъ на бумагѣ; но это любовь къ занятію, а заниматься можно самымъ ненавистнымъ, пустымъ и пошлымъ предметомъ; и точно, читая нынѣче нѣкоторыхъ писателей нашихъ, невольно думаешь: что за несчастная судьба толкнула ихъ и толкаетъ постоянно на предметъ, котораго терпѣть они не могутъ! Ихъ историческое сочиненіе — звѣрянецъ, въ которомъ водятъ насъ, чтобъ показывать: вотъ верблюды, вотъ медвѣдь. Не достаетъ только вывѣски звѣрянца: и для этого нѣкоторые готовятъ уже краски. Безпристрастіемъ называется у нихъ бессильная холодность; критикой умѣнье отдѣлать отъ хорошаго и выставить на-показъ дурное».

За тѣмъ г. Безсоновъ поучаетъ, какъ слѣдуетъ любить русскую исторію, и говорить, что «любовь къ русской исторіи есть любовь къ *русской жизни* въ ея историческомъ развитіи и любовь только къ тому, въ чемъ развивается *сущность русскаго народнаго духа*», и пр.

Какъ назвать, какое имя дать этому возгласенію? Для того, чтобъ можно было такъ рѣзко и рѣшительно обвинять цѣлую половину русскихъ историковъ въ нелюбви, въ ненависти къ русской исторіи, нужно имѣть достаточныя и твердыя основанія. Публика, какъ нелицепріятный судья въ этомъ и во всякомъ другомъ ученomъ и литературномъ дѣлѣ, не можетъ же удовлетвориться голословностью навѣта и потребуетъ ясныхъ, опредѣленныхъ подтвержденій и указаній. Вынесите на свѣтъ ваши доказательства, укажите эти сочиненія, этихъ историковъ, обнаружьте ихъ несправедливость — всѣ

за это крѣпко вамъ будутъ благодарны, ибо все желаютъ одного, любятъ одно — истину, да и самую русскую жизнь въ ея историческомъ развитіи любятъ на столько, на сколько раскрывается въ ней истина.

Впрочемъ, для нашей цѣли это вопросъ посторонній; мы вызвали его только на тотъ конецъ, чтобъ лучше познакомиться съ авторомъ по поводу его филологическихъ примѣчаній въ подлежащей книгѣ. Намъ кажется, что и приведенное возгласеніе и частью эти примѣчанія порождены разстроеннымъ суевѣрнымъ воображеніемъ.

Въ одномъ письмѣ Алексѣй Михайловичъ приказываетъ Матюшкину, чтобъ крестьяне его вѣдомства, то есть Коношеннаго Приказа, набрали на Ивановъ день, 24-го іюня, разныхъ травъ и корней «цвѣту серабориннаго, травъ империковой и мятной съ цвѣтомъ, и дягилю и дягильнаго коренья по пяти пудв...» Это обстоятельство дало поводъ г. Безсонову рассказать слѣдующее: «Царь велитъ набрать травъ: цвѣту серабориннаго — вѣроятно звѣробой; травы империковой, слячи съ латинскимъ *huregison*, съ греческимъ *ὀπέρικον*, то есть звѣробой; итакъ царь употребляетъ одно названіе русское — серабориннаго, а другое иностранное, знакомое ему, вѣроятно, отъ тогдашнихъ *дожтуровъ* и аптекарей, *не умѣя*, а можетъ быть, не желая различить ихъ и послѣднимъ объясняя только первое». Но почему же сераборинный значить звѣробой и почему сераборинный названіе русское? и откуда это видно, что царь не умѣлъ, или не желалъ, и почему не желалъ различить этихъ двухъ названій? Нѣтъ, г. Безсоновъ, царь очень хорошо звалъ и понималъ о чемъ писалъ; ему очень было извѣстно, что сераборинный вовсе не то, что империкова трава, и онъ очень хорошо умѣлъ отличить шиповникъ отъ звѣробоя, ибо серабаринникомъ, своробаринникомъ, сербалиной назывался, да и теперь по ит-

стать называется шиповникъ. Но это между прочимъ, а главное: вниманіе автора останавливаютъ слѣдующія два обстоятельства: 1) «Охотники издревле умѣли гадать на травахъ, были знатоки полевыхъ травъ и, какъ чаровники, становятся въ отношеніе съ чародѣйскою ночью Ивановой; названіе многихъ травъ напоминаютъ охоту: *лисій хвостъ*, *волчій класъ* (sic), *соколиный перелетъ*, самое *звѣробой*; подобными травами, уваривая ихъ, нѣмецкіе охотники встарину и заколдовывали свои выстрѣлы, равно какъ или заколдованныя пули, примѣшивая сокъ подобныхъ травъ. 2) Царь велитъ набрать травъ на Ивановъ день (24-го іюня); въ эту ночь, какъ извѣстно, собирались и собираются травы, особенно чародѣйскія, и между прочимъ звѣробой (также лопухъ или ренейникъ, медвѣжье ушко, богородская трава, душица или дрокъ, быльда или быльникъ, и т. п.). И въ другомъ письмѣ, отъ 21-го іюня 1657 года, царь опять ставитъ охоту въ какое-то отношеніе къ Иванову дню». (точка!) Къ чему же ведутъ эти обстоятельства и что должны мы здѣсь разумѣть? Приказъ царя о набираниі травъ какое соотношеніе долженъ имѣть съ чародѣйскимъ значеніемъ этихъ травъ, самой охоты и Иванова дня? По простому пониманію, царь писалъ это письмо къ Матюшкину не какъ къ охотнику, къ начальнику охоты, а какъ къ начальнику Конюшеннаго Приказа. Понимавшья въ письмѣ травы были всегда нужны въ домовомъ обиходѣ царей. Изъ серабориннаго цвѣта дѣлалась, напримеръ, сераборинная или гуляфная водка, розовая вода, бывшая тогда въ большомъ употребленіи; другія травы и корни требовались и для аптеки и для пастоекъ, а мята употреблялась и въ квасъ. Чародѣйскаго и притомъ охотнически-чародѣйскаго мы въ этихъ травахъ ничего не примѣчаемъ... Да и всѣмъ извѣстно, что чародѣйскія травы хотя и собираются дѣйствительно на Ивановъ-день, но, однакожь, не цѣлою во-

достью, а также, уединенно, чтобъ никто не зналъ; онѣ даются только одному, да и то съ весьма трудными условіями. Къ тому же невѣроятво, чтобъ нужно было для охотничьихъ чародѣйствъ стнхъ травъ и кореньевъ по пяти пудовъ! На сколько названія многихъ травъ, какъ вы лисій хвостъ, волчій глазъ, или глазъ и т. п., исполняютъ охоту — мы не беремся рѣшить, потому что ничего не видимъ охотничьяго не только въ хвостѣ, или въ глазѣ, но даже и въ соколиномъ перелетѣ: это простые сближенія представленій о травахъ и животныхъ. На Ивановъ же день травы собирались также и потому, что большая ихъ часть къ этому времени достигаютъ полной зрѣлости, или полного цвѣта. Что же касается того, что въ другомъ писемѣ царь велитъ пріѣхать къ себѣ въ Покровское всей своей птичьей охотѣ въ Ивановъ день, то что жъ тутъ чародѣйскаго? это былъ праздникъ, слѣдовательно время какъ-бы законное для увеселенія. А во всѣ эти подробности мы вошли съ тою цѣлю, чтобъ по возможности уяснить себѣ, какимъ путемъ суевѣрное воображеніе создаетъ иногда изъ простой самой вещи что-то таинственное, чародѣйское, создаетъ не только чародѣвъ-охотниковъ, но даже и чародѣвъ-историковъ, которыхъ дурной чародѣйскій глазъ имѣетъ силу превращать все хорошее бывшее въ пошлость.

То же волшебство и чародѣйскій иракъ обнимаютъ и составленное г. Безсоновымъ общее примѣчаніе къ «Соколинцѣму Уряднику». Мы видѣли, что соколиная охота была самою любимою потѣхою, самымъ любимымъ увеселеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Въ 1656 году онъ возвысилъ ее особымъ чиномъ, церемоніальными обрядами, по которымъ происходило возведеніе простыхъ сокольниковъ въ начальныя. Въ то время церемонія представляла одно изъ важнѣйшихъ условій жизни. Мысль, понятія вѣка почитали *чинъ* и *чинъ*

ность не только необходимою формою жизненныхъ отноше- ній, но и лучшимъ украшеніемъ быта. Оттого почти каждый шагъ и въ семейномъ и въ общественномъ быту облакался въ церемонію, совершался *по чину*; старина сохранила намъ множество *чиновъ* и *нарядовъ*, свидѣтельствующихъ объ особенномъ *чинолюбіи* того времени, направлявшихъ и уря- жавшихъ каждое дѣйствіе предковъ. При господствѣ такихъ понятій неудивительно, что и потѣха могла принять также свой *чинъ*, *нарядъ*, *урядъ*, и получила особый урядникъ. Составляя такой урядникъ для соколиной охоты, Алексѣй Михайловичъ дѣйствовалъ, слѣдовательно, въ духѣ времени.

Сущность «Сокольникяго Урядника» заключается, какъ мы замѣтили, въ обрядѣ возведенія сокольниковъ изъ про- стыхъ въ начальные, слѣдовательно это своего рода *чинов- никъ*, *чинъ* поставленія въ должность. Для избираемаго устраивается соответственное торжественное *мѣсто*, на которомъ его обряжали въ знаки его новой обязанности, въ знаки новаго чина, въ который онъ вступалъ; здѣсь же онъ произносилъ рѣчь обѣщанія, послѣ чего ему вручали первый, важнѣйшій и существенный kleinodъ его чина, именно: на- чальному сокольнику — кречета. Торжество, какъ и всегда, оканчивалось церемоніальнымъ столомъ. Все это любопытно и заставляетъ насъ раскрыть по крайней мѣрѣ общія черты урядника.

Поставленіе въ начальные сокольники совершалось слѣ- дующимъ порядкомъ. Прежде всего наряжали, то есть уби- рали Переднюю Избу сокольникяго пути, то есть сокольникяго потѣшнаго дворца, въ которой на первомъ мѣстѣ, въ перед- немъ углу, вѣроятно, на лавкѣ, устраивали *мѣсто* для го- сударя: постилали на лавку коверъ и на него клали сголовье, подушку изъ пуха дикихъ утокъ, для царскаго сѣдалища. Противъ царскаго мѣста среди избы устраивали *мѣсто* для

восемьдесят въ начальныя соколышки. Оно называлось *поладосо*; подразумевали подъ этимъ словомъ поле, главное понятие возрѣвшаго.

Поле это устрѣжалось таковыя образы: клан на полъ стѣно и накрывали попономъ; во угленъ ставили четыре стула для птицъ. На стульяхъ сажали двухъ пречетовъ, савку и санца, а двухъ соколовъ, также санца и савку. Санцы, какъ мы ужь говорили, назывались челнгани. Позади этого мѣста — «поладосо» устрѣжали столъ, на которомъ раскладывали нарядъ птицъ: клубочки, колокольны, обижны, должики и нарядъ соколышка — *шанку горностайную, рукавицу съ притчами, перевязъ* (черезъ плечо) съ небольшою бархатною сумкою, шитою золотомъ въ видѣ птицы райской *самаяла* *), въ которой хранилось *письмо*, а въ немъ писано уставленіе, укрѣпленіе, обѣщаніе нововыборнаго; наконецъ *вабило, ващату* **), *роиз, воложенце*. Около стола стояли чинно рядовые

*) *Галамиз* — птица райская. Старинная восточная свѣдѣтельству-
етъ, что на Восточной Морѣ есть „островъ Магараддій близъ блажен-
наго рая, потому близъ галамизъ, что летаютъ оттуду птицы райскія
галамизъ и онигъ (осеникъ) и благоуханіе извесить чудное“. „Времен-
никъ Истор. Общ.“, кн. 16, стр. 9.

***) *Вабило* — въ соколиной охотѣ состояло изъ двухъ крылъ, пре-
внушественно гусиныхъ, связанныхъ напоротнани крестъ на-крестъ, шур-
понъ, на которомъ и бросаютъ вобило вверхъ, когда канитъ птицу. Но
въ описи охотничьихъ вещей, помѣщенной послѣ „Уридинна“, значится,
что вабила прочать были съ крюки и съ клинны на вершюгахъ
(шалюрахъ), следовательно это уже былъ особый охотничій приборъ,
который, какъ ниже увидимъ, составлялъ часть охотничьяго наряда. Въ
той же описи упоминаются *тулунбасы* и *ващаты*. Тулунбасъ — неболь-
шой барабанъ, родъ бубна или лютни, принадлежавшій къ прибору всад-
ника. По тулунбасу били *ващатою* — родъ палки или небольшой ногой-
ки, которая также составляла принадлежность всадника. По тулунбасу
били обыкновенно переловые всадники какого-либо поѣзда; они употре-
блялись и въ царскихъ и въ боярскихъ выѣздахъ, и на охотѣ, составляли
также принадлежность охотничьяго прибора или наряда; битьемъ по ту-

сокольники и держали птицъ; другіе стояли безъ птицъ подлѣ извокъ; всѣ были одѣты въ лучшее платье. Уряда и устроивъ по чину, одѣвали также и нововыборнаго въ новый цвѣтвой кафтанъ, жалованный государемъ по случаю торжества, и въ желтые сапоги. Въ этомъ первоначальномъ нарядѣ онъ выходялъ до времени въ другую избу. Когда все было готово, государь входилъ въ избу и садился на своемъ государевомъ мѣстѣ. Мало повремена, подсокольничій *бережно* подступалъ къ государю и докладывалъ слѣдующими словами: «Время ли государь образцу и чину быть?» — «Время. Объявляй образецъ и чинъ», отвѣтствовалъ государь. Подсокольничій приказывалъ поднести къ себѣ челига и, мало поноровя, объявлялъ начальнымъ сокольникамъ: «Начальные! время наряду и часъ красотъ». Тогда сокольники церемониально наряжали птицу, клали на нее обнажцы и должикъ, колокольцы и клубочекъ; а затѣмъ наряжали въ большой нарядъ, по чину, и достальныхъ птицъ, которыя отдавались въ вѣдѣніе новаго начального сокольника. Снова подсокольничій чинно подступалъ къ государю и докладывалъ: «Время ли, государь, принимать и по нововыборнаго посылать и украшенія уставлятъ?» — «Время, отвѣтствовалъ государь; принимай и посылай и уставляй». Возвратясь на свое мѣсто, подсокольничій требовалъ рукавицу, вздѣвалъ ее *тихо, стройно*. Потомъ, поправяся и поучиняся и перекрестя лицо свое, принималъ челига — *премудровато и образцовато*; подступалъ къ царю *ближничко, смирно, урядно*; становился поодаль *человѣчко, тихо, бережно, весело*, и кречета держалъ

лунбасу охотники спугивали съ воды утокъ, для травли соколовъ. Выраженіе *дать тулунбаса* могло произойти отъ того, что всадники, при войсѣ, ударили, можетъ быть, зацагомъ пѣшеходовъ, которые гѣснились на пути. Г. Барташевъ объясняетъ тулунбасъ только слѣдующимъ значеніемъ: въ народѣ говорятъ: *дать тулунбаса* — ударить кулакомъ.

честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей. Постоявъ мало, онъ посылалъ по нововыборнаго съ обычною церемонією зва; приходилъ нововыборный также съ обычными церемоніями входа.

Соколенный подъячій являлъ (представлялъ) его государю рѣчью. Нововыборный кланялся до земли. За тѣмъ его торжественно возводили на поляново, между четырехъ птицъ. Въ то же время сокольники брали со стола его нарядъ и держали на рукахъ до времени. Мало подождавъ, подсокольничій опять подступалъ къ государю и докладывалъ: «Время ли, государь, шѣрь и чести и укрѣпленію быть?» — «Время, укрѣпляй», молвить государь. Отходя на прежнее мѣсто, подсокольничій возглашалъ: «Начальные, время шѣрь и чести и удивленію быть». Сокольники подступали къ нововыборному и обряжали его; одинъ, начиная съ младшаго, опоясывалъ *тесью* (родъ пояса), другой надѣвалъ *перевязь*, третій *рукавицу* съ притчами, а старшій, стоя у наряда, держалъ *шанку* до указа. Потомъ подступали подначальные нововыборнаго и обряжали его въ остальной нарядъ, къ лѣвой сторонѣ прицѣпляли за кольцо *вабило*, на правой, также за кольцо, *ващану* и затѣмъ серебряный *розъ*, наконецъ привѣшивали *полотенце*. Мало обождавъ, подсокольничій кликалъ подъячаго, который, подступя къ нововыборному и вынувъ изъ сумки гамбуна *письмо*, читалъ торжественно и громогласно рѣчь. Въ ней излагались причины пожалованія, обозначались награды, даруемая выборному и, въ заключеніе, въ видѣ наказа, объяснялось, какими добрыми качествами долженъ обладать пожалованный начальный сокольникъ и какъ долженъ исполнять свои новыя обязанности. Здѣсь изображался идеалъ премудраго, доброхвальнаго, достовѣрнаго охотника, выражалось *объщаніе* и послушаніе его доброе. Вслѣдъ за тѣмъ пред-

ставлялась и отрицательная сторона, *всякое дурно*, къ которому могъ уклониться человекъ и которое необходимо влекло за собою неумолимый судъ и казнь, такъ точно, какъ первое влекло царскую милость и жалованье. Но чтобъ нововыборный могъ наглядѣе, живѣе представлять себѣ свой долгъ, свое обѣщаніе и ожидаемое, отъ хорошаго или дурнаго исполненія этого долга, *явное добро* или *явное зло* — это добро и зло было изображено *притчами* на рукавицѣ, на которую въ заключеніе рѣчи предлагалось ему смотрѣть. *Притчею*, *притчами* въ то время называлось вообще всякое изображеніе (картина, рисунокъ) назидательнаго, поучительнаго содержанія. На рукавицѣ такія притчи могли быть вышиты шелками или золотомъ и могли быть, что кажется вѣроятнѣе, написаны красками по тафтѣ или другой подобной матеріи *).

Вотъ что читалъ нововыборному соколенный подъячій: «И тебѣ бы, видя нашу государеву такую премногую и прещедрую милость къ себѣ, во всемъ добра хотѣть отъ всея души своея, и служить и работать вѣроу и правдоу, и тѣшить насъ, великаго государя, отъ всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всемъ нашемъ государевѣ повелѣніи быть

---

*) Послѣ намъ встрѣтилась опись сокольничьяго и птичьего нарядовъ, отданныхъ по смерти цари Алексѣи въ 1676 г. апр. 17 въ село Сеновское въ Оружейную Палату. Въ ней между прочимъ описаны: „*рукавица ставленая*, въ которой ставить въ начальныя, бархатъ зеленой, мнатье писано, бахрана золотная. Двѣ *завѣсочки* вѣдочія, одна черная, другая дычатая, что бываютъ на лицахъ отъ жару. *Шанка* горностійная *ставленая*, на ней плащъ (запана) низаной жемчугомъ; въ ней платъ писанной. *Тесла* черная бархатная съ врушвомъ серебрянымъ, на ней *лакомецъ* бархатной низанъ жемчугомъ. *Лакомецъ* птичій тютаной. *Вавило* съ кружомъ серебрянымъ, поясомъ шелкъ съ золотомъ. *Кланыма* рыбой щадровой. *Вацага* шита золотомъ. Четыре *шалыча* вышиты желтымъ. *Списки* съ ливихъ утовъ на александрѣйской бумагѣ двадцать листовъ. *Заплатье* писаное отъ рукавицы. Платъ вѣдочное... Платъ Кизылбашское... Платъ... Пландры...“ Архивъ Оруж. Палаты.

готову съ радостью, и во всякой правдѣ быть постоянну и твердо и однословну и отъ всякаго дурна быть чисту, и за нашею государевою охотою ходить прилежно и безсѣчно, съ радостью и охотою, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любить какъ себя, и ото всякой дурости унимать ихъ безъ всякія хитрости, и имъ не потакать, и во всякомъ ихъ шутовствѣ и нештовомъ дѣлѣ не покрывать, и быть къ нимъ любительну и грозну и во всякомъ непослушаніи ихъ себѣ извѣщать на нихъ подсокольничему. И будетъ по сему нашему государеву указу вся сія исправиши съ радостью, и ты отъ насъ, великаго государя, наипаче пожалованъ будешь. А будетъ учнешь быти неохочъ и нерадѣтеленъ, и во всякомъ нашемъ государевомъ дѣлѣ непослушливъ, лѣнивъ, пьянъ, дуренъ, безобразенъ, и къ подсокольничему и ко своей братьѣ къ начальнымъ сокольникамъ непокоренъ, злословенъ, злоязыченъ, клеветливъ, наносливъ, переговорчивъ и всякаго дурна исполненъ,—и тебѣ нетокмо связану быть путы желѣзными, или подписану за третью вину, безъ всякія пощады, быть сослану на Лену. И будетъ хочешь добра найти или зла, смотри на рукавицу и тамъ явнаго всякаго добра и зла зриши и радоватися начнешь и сумнѣватися станешь. И тебѣ бы, видя нашу государеву милость къ себѣ, намъ великому государю работать безъ всякаго збойства и лукавства: а милость наша государева съ тобою да умножится».

Нетрудно, какъ кажется, догадаться, какого рода, какого содержания были притчи на этой рукавицѣ. Безсомнѣнія, здѣсь были изображены въ лицахъ не только болѣе существенные обряды пожалованія, но и самые предметы награды, напри- мѣръ кафтанъ и т. п. Это было явное, въ лицахъ изображенное добро, которое могъ получить новозбранный за честное и вѣрное исполненіе своего долга. Точно такъ же здѣсь были изображены путы желѣзные и въ лицахъ тюрьма, ссылка на

Лену или казнь безошадная — это зло, котораго могъ ожидать сокольникъ за дурное поведеніе и за дурныя качества.

Выслушавъ рѣчь и посмотрѣвшись на рукавицу съ притчами, нововыборный поклонялся государю до земли одинъ разъ и за тѣмъ читалъ, противъ царской рѣчи, свою рѣчь, которую на письмѣ подносилъ ему подъячій.

«Готовъ тебѣ, великому государю, служить вѣрою и правдою (говорилъ онъ торжественно) и общаю я во всякой правдѣ постояненъ и однословенъ быть и тебя великаго государя тѣшить, и ѣздить и радѣть и ходить за твоею государевою охотою до кончины живота своего, кромѣ всякія хитрости». Исправя рѣчь, нововыборный поклонялся государю до земли *дважды*. Подъячій, свертѣвъ письмо, клалъ его опять въ сумку-гамаюнъ. Вслѣдъ за тѣмъ подсокольникій докладывалъ государю: *„Время торъ сошло“*, то-есть: времена, государь, совершать дѣло? — *„Сшаѣ даръ“*, то-есть: совершай даръ, отвѣтствовалъ царь. Подсокольникій подходилъ къ новопожалованному *весело и дерзостно* и провозглашалъ: «Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ тебѣ свою государеву охоту отдать, челнга кречатья и нынѣ птицы; и тебѣ бы ходить за его государевою охотою прилежно, съ радостью отъ всего сердца своего, и хранить его государеву охоту, яко зѣнницу ока, безо всякія лѣности, со всякимъ опасеніемъ, и его государя тѣшить до конца живота своего безо всякія хитрости...» Съ послѣдними словами подсокольникій отдавалъ новопожалованному кречета. Тотъ принималъ кречета *образцовато, красовато, бережно*; держалъ *честно, смѣло, весело, подпривительно, подлвительно, къ видѣнію челоувчскому и ко красоть кречатьей*; стоялъ *урядно, радостно, уновательно, удивительно*, и, принявъ кречета, не кланялся, доколѣ

шапку положить, потому что шапкою вѣчалось все дѣло. Мало спустя подсокольничій снова возглашалъ, обращаясь къ старшему начальному сокольнику: «Первый начальникъ (имя)! *закръплай* государеву милость!» И первоначальный торжественно клалъ на нововыборнаго горностаиную шапку. Нововыборный тотчасъ же снималъ ее, потому что начальникъ, надѣвая на него шапку, провозглашалъ слѣдующую рѣчь: «Бей челомъ государю, на его государской премногой милости, и памятуи его государеву такую невзреченную и премногую милость, до кончины живота своего, и *объщанія* не забывай, и *послушанія* своего не отбывай, и нашего совѣта не отиѣтай». Выслушавъ рѣчь, новопожалованный поклонялся государю въ землю *трижды*. Потомъ ему подносили поочередно остальныхъ трехъ птицъ, которыхъ онъ, мало подержавъ на рукѣ, возвращалъ поддатнымъ, своимъ подначальнымъ. Когда церемонія приѣма птицъ оканчивалась, новопожалованный снова билъ челомъ государю. Тогда первоначальный сокольникъ бралъ его за руку и ставилъ на начальномъ мѣстѣ, возводилъ на пожалованную степень, то есть ставилъ на первое мѣсто въ ряду прочихъ сокольниковъ. Здѣсь новопожалованному здравствовали, поздравляли его въ государской милости, въ новой чести — подсокольничій и всѣ начальныя и рядовыя сокольники. Чинъ возведенія былъ конченъ. Мало повременя, соколенный подъячій, по государеву указу, звалъ всѣхъ участниковъ торжества къ столу. «Наслаждайтесь по нашей государской милости», присовокуплялъ государь и шествовалъ въ свои хоромы. Ударивъ челомъ на царской милости, сокольники провожали государя до самыхъ воротъ и на прощаньи снова били челомъ. Предъ обѣдомъ сокольники снимали съ птицъ большіе наряды и клали на нихъ меньшіе, переменяли сами платье и потомъ кормили соколовъ живымъ мясомъ, то есть голубями или другими птицами, какія

были за-лицо. Столъ накрывали въ той же избѣ. На столѣ, между прочимъ, клали меньшій кречатій нарядъ, также четыре *золотыхъ* (червонцы), восемь *ефимковъ* (серебряная иностранная монета) и три *идорои*, вѣроятно, *инорои*, *индрои* — можетъ быть фигуры или бляхи съ изображеніемъ единороговъ *). Вещи эти полагались на столъ для чина, какъ особый видъ царскаго жалованья. Государь повелѣвалъ положить ихъ на столъ, *жалуючи* нововыборнаго. Но какое значеніе имѣли эти вещи — неизвѣстно. Неизвѣстно также, съ какою цѣлію стояли у стола поддани новопожалованнаго, одинъ съ *древомъ драгимъ*, другой съ *ласками* и съ *путы золотыми*, и что это были за вещи и что они значили **). Третій подданы становился возлѣ новопожалованнаго съ полотенцемъ и служилъ ему. За столъ шли и сажались съ извѣстными церемоніями и рѣчами, по чину. Кречеть — честникъ также присутствовалъ за обѣдомъ; его держали противъ новопожалованнаго; въ началѣ обѣда на немъ перемѣняли

*) Въ текстѣ эти вещи упомянуты два раза: 1) да тебѣжь жалуочи, мѣди положить на столъ, для чина, *золотыя, ефимки, дорои*; 2) а на столѣ приназываетъ власть... *четыре золотыхъ, восемь ефимковъ, три идорои*... Г. Бессоновъ объясняетъ: „Дорогами, можетъ-быть, назывались ткани, по которымъ ходилъ царь въ торжественныхъ случаяхъ и которыя потомъ раздавались въ видѣ подарковъ и жалованья“. Дорогами дѣйствительно назывались шелковыми полосатыми ткани, какъ это объяснено писателемъ въ другомъ мѣстѣ; но съ остальными согласиться нельзя, потому что его соображеніе ни на чемъ не основано, да и ни чѣмъ подтверждено быть не можетъ. Что же касается инороговъ, индроговъ, то изображенія ихъ, въ XVII-мъ столѣтіи, были въ большомъ употребленіи, потому что въ символизмѣ того времени единорогъ занималъ одно изъ мѣстныхъ мѣстъ.

**) Драгое дерево не означаетъ ли символически мѣстообитаніе сокола, а *ласки* и *путы* — способы ловли этихъ птицъ, и способы ихъ *вымашиванія*, обученія. *Путы*, *опутенки* надѣвались на сокола, когда начинали его вынашивать; въ путяхъ онъ выносился и на ловлю.

нарядъ также по чину, по статьямъ, и потомъ нововыборный самъ кормилъ его крыломъ голубя. Къ сожалѣнію, главы *о ѣствѣ и о рѣчахъ*, о церемоніяхъ во время обѣда въ подлинникѣ не было; сохранилось одно только ея заглавіе. Она могла бы пояснить многое и особенно значеніе помянутыхъ вещей.

Изложенные церемоніи и обряды «Сокольниковъ Урядника» въ общихъ чертахъ сходны, какъ мы замѣтили, съ церемоніями и обрядами другихъ чиновниковъ, существовавшихъ въ нашей старинѣ. Такъ, напримѣръ, *поляново* съ четырьмя стульями для птицъ соответствуетъ, по другимъ чиновникамъ, мѣсту съ *написаннымъ орломъ и градомъ*, около котораго стояли четыре огненника и предъ которыми, также какъ и на поляновѣ, избранный читалъ рѣчь общанія. Какъ написанный градъ въ одномъ случаѣ являлъ будущее поприще возводимого въ чинъ, такъ и поляново символически изображало такое же поприще начальнаго сокольника, и т. д. *).

Г. Безсоновъ, рассматривая «Урядникъ», говоритъ, что, по его мнѣнію, онъ дѣлится на двѣ части: на *дѣятельную* и *умозрительную*. Первая заключается въ описаніи дѣйствій, обрядовъ, церемоній; вторая — въ высказанныхъ понятіяхъ о *красотѣ*. Читатели могутъ ожидать, что эта послѣдняя часть представляетъ вообще умозрительную сторону соколиной охоты. Совсѣмъ нѣтъ. «Урядникъ» попросту дѣлится на предисловіе или введеніе и описаніе обрядовъ. Въ предисловіи сначала довольно основательно оправдывается намѣреніе дать сокольничьему пути, вещи въ государственномъ порядкѣ малой, новый чинъ, образецъ, который ставилъ эту малую вещь въ рядъ вещей честныхъ, повышалъ ее отъ

---

*) Сравни «Чинъ поставленія Митрополита Іоасафа» въ 1539 г. Арх. Эвск. т. I, № 184 и др.

здѣсь кстатн, что выраженіе: «дѣлу время и потѣхъ часъ» понимается несовѣтъ правильно. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и издатель настоящей книги, въ этомъ обозначеніи одного только времени находятъ еще и пространство, и для слова *время* отдѣляютъ большую часть, а для слова *часъ* — меньшую, перемѣняя вслѣдствіе того и самый оборотъ рѣчи: вмѣсто *и*, они ставятъ *а*: дѣлу время, а потѣхъ часъ. Но царь не помышлялъ о томъ, чтобъ потѣхъ изъ цѣлаго времени отдавать только часъ. Въ этихъ словахъ выражена мысль, что всему свое время: и дѣлу и потѣхъ. Въ томъ же «Урядникѣ» *часъ* обозначаетъ также и время: «время наряду и часъ красотѣ, время чести и части твоей быть и часъ приближился твоему веселію, время отдохновенія птицашъ — и часъ обѣда» и пр.

Переходимъ къ дѣятельной части «Урядника». Г. Безсоновъ говоритъ: «Основною чина и наряда охотничьяго были, конечно, извѣстные народные обычай и обряды, совершавшіеся при извѣстныхъ случаяхъ разнообразнаго охотничьяго дѣла: на нихъ есть намеки и ссылки по мѣстамъ въ письмахъ царя. Это была сумма обрядовъ, обычаевъ, преданій, повѣрій, сохранившихся отъ старины; многіе изъ нихъ исчезли для насъ; нѣкоторые выбраны, устроены, приноврелены и разукрашены царемъ при частномъ случаѣ — выборѣ начальнаго сокольника, причемъ и описаны. Царь, конечно, не сочинилъ всѣхъ этихъ обычаевъ: они выбраны, дополнены, благоустроены, а главное — приняли извѣстную, опредѣленную, чиновную службу, государственную форму, вошедши въ разрядъ своего рода правительственныхъ распоряженій». Далѣе авторъ говоритъ, что «во времена Алексѣя Михайловича символы придумывать было поздно, что они составляютъ отличіе исконныхъ народныхъ обрядовъ», что, напримѣръ, при чтеніи письма объ обязанностяхъ охотника, эти обязанности «возвѣщаются

говорится, что государь указалъ быть *новому* сему образцу и чину для чести и повышенія сокольной охоты. Но какими матеріаломъ пользовался составитель? Г. Безсоновъ говоритъ, какъ видѣли, что въ «Урядникъ» вошли какіе-то *исконные* народные обряды, обычаи, преданія, повѣрья, восходящіе даже къ баснословному времени. Въ подтвержденіе, что нѣкоторые дѣйствія и обряды исходили изъ народныхъ преданій, онъ указываетъ *выборъ* сокольника въ начальные, дѣлавшійся общимъ голосомъ подсокольникаго и начальныхъ сокольниковъ, слѣдовательно дѣлавшійся собственно начальствомъ, рѣшеніе котораго и утверждалъ, укрѣплялъ государь. Но что же здѣсь особеннаго? Это явленіе обыкновенное во всякой службѣ: начальники выберутъ, представятъ, а старшій утверждаетъ въ должности; въ данномъ случаѣ оно необыкновенно только потому, что царемъ составленъ, по поводу этого утвержденія, цѣлый *чинъ* — вотъ это любопытно. За тѣмъ далѣе г. Безсоновъ указываетъ на подушку съ пухомъ дикихъ утокъ, на «поляново» и на рукавицу съ притчами. Это дѣйствительно предметы символическіе, да и самый «Урядникъ» есть также символъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти символы заимствованы изъ исконныхъ народныхъ обрядовъ, преданій, повѣрій и пр. Несмотря на увѣренія автора, что во времена Алексѣя Михайловича символы придумывать было поздно, что они составляютъ отличіе только исконныхъ народныхъ обрядовъ, мы не имѣемъ возможности съ нимъ согласиться, ибо очень хорошо извѣстно, что подобные символы сочинялись не только во времена Алексѣя Михайловича, когда они были вообще въ большемъ ходу, но сочиняются даже и теперь. Припомнимъ забавы и потѣхи Петра Великаго, которыя далеко оставили за собой потѣхи его отца, и именно со стороны облеченія ихъ въ торжественныя чины и многообразныя символы.

Въ основѣ «Урядника» ничего нѣтъ народнаго, которое восходило бы къ такой отдаленной древности, какъ думаетъ г. Безсоновъ; нѣтъ даже и такого народнаго, которое указывало бы на заимствованія изъ современныхъ, но собственно народныхъ матеріаловъ. Есть въ немъ нѣсколько обыкновеннѣйшей ежедневной жизни; есть черты поведенія тогдашнихъ людей, но черты эти несущественныя для «Урядника», а только формы тогдашняго быта, ежедневные шаги, которыми опредѣлялись тогдашнія житейскія отношенія. «Урядникъ» въ своей основѣ и по мысли и по исполненію принадлежитъ къ той области формъ и учрежденій, которыя не были выработаны чисто народнымъ развитіемъ, а принесены къ намъ извнѣ, какъ матеріалъ уже готовый; таковы, напримѣръ, всѣ древніе церковные чины и церемоніи и т. п. Да и самая сокольная охота, забава князей, а не народа, забава благородныхъ, а не смердовъ, какъ благородные называли народъ, по всему вѣроятію, не туземнаго происхожденія. Не знаемъ, что было до Рюрика, но сильно подозреваемъ, что она явилась на Руси, по крайней мѣрѣ, какъ забава, а не промыслъ, вѣстѣ съ появленіемъ благородныхъ, свѣтлыхъ князей, пришла къ намъ или съ Запада, или изъ Византіи. Г. Безсонову не понравится указаніе на Западъ: онъ даже о предисловіи «Урядника» замѣчаетъ, что хотя рѣчь въ немъ въ иныхъ мѣстахъ несовсѣмъ будто бы русская, «но она не предполагаетъ заимствованія изъ западной науки, а скорѣе — переводъ съ греческаго». Мы готовы согласиться, что и сокольная охота переведена съ греческаго, если авторъ, не ограничиваясь одними только голыми словами, потрудится хоть сколько нибудь внести сюда гдѣ-то, фактовъ, данныхъ, имѣющихъ разъяснить наше гаданіе.

Если *Соколомъчій Путь* (вѣдомство) имѣлъ прежнія ставленія «Урядника» какое нибудь чинное положеніе, бы.

леченъ въ церемоніи и разные обряды, то все-таки это чиноположеніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть заимствовано изъ народной стихіи, изъ его обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, преданій; ибо народъ скорѣе могъ добывать соколовъ, торговать, промыслять ими, а не забавляться: онъ доставлялъ только средства для этой, по преимуществу благородной, княжеской потѣхи. Нигдѣ, конечно, столько не говорится о соколѣ, нигдѣ не представляется онъ въ такой красотѣ, какъ въ «Пѣснѣ о полку Игоревомъ», одномъ изъ древнѣйшихъ нашихъ литературныхъ памятниковъ; но и тамъ дѣло не объясняется на столько, чтобъ можно было видѣть, что соколиная охота была народною забавою. Поэтому, составляя «Урядникъ», то-есть вообще *чинъ* возведенія въ начальные соколяники, Алексѣй Михайловичъ естественнымъ образомъ долженъ былъ обратиться не къ преданіямъ, повѣрямъ, обычаямъ и обрядамъ народнымъ, а къ подобнымъ же чинамъ, тогда существовавшимъ, которые представляли обильный матеріалъ: стоило только дѣйствія этихъ другихъ чиновъ приноровить къ настоящему дѣлу, ихъ символы перенести на новую почву и дать имъ соответственные этой почвѣ образы и соответственное значеніе. Такъ и было въ дѣйствительности. Любопытный читатель можетъ убѣдиться въ этомъ, сравнивъ новый чинъ Соколяничья Пути съ другими, даже священными чинами, совершавшимися въ то время, о чемъ мы упомянули выше. Но, облакая въ такую торжественную одежду простую забаву, потѣху, царь, чтобъ не встрѣтить неразумныхъ толкователей, по необходимости долженъ былъ оправдать свое дѣйствіе, и вотъ почему Урядникъ говорить, что «по его государеву указу никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженнаго и удивительнаго не было, и чтобы всякой вещи честь и чинъ и образецъ писаніемъ предложенъ былъ, потому — хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна,

никто же задрать, никто же подуть, всякій похвалять, всякій прославить и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образъ положенъ по иртѣ... Всякій же читателю почтай и разумтай и уважай, а языкъ слугителя похваляй, а не осуждай». Къ чему бы нужна была эта рѣчь, еслибъ составитель «Урашики» глядѣлъ на свое дѣло глазами г. Безсонова, исходя повсюду языческую волкляку и суетливо восстанавливая языческіе символы? Тогда не то бы нужно было оправдывать. Составитель считалъ необходимымъ все эти домыслительства потому именно, что дорого понималъ, что престою потѣхъ оны приидеть формы, въ государственномъ быту ея восторженныи, приидеть ея значеніе дѣла въ то время, какъ она почиталась бездѣльемъ, увеселеніемъ, да еще отчасти и грѣховнымъ. Такъ во крайней иртѣ признавалъ великую силу Дюнострай и относилъ ее къ дѣйствіямъ неправеднаго житія.

Что же касается непонятнаго слова *Ярова*, въ которомъ г. Безсоновъ видитъ имя языческаго бога, то оно употреблено въ слѣдующей рѣчи: «И приидеть у него (новомыборскаго) кречета перашъ его поддатель Оедька Кемоловъ, и держитъ кречета до стола, во весь болюшнѣ парадѣ и въ рукавицѣ съ притчани *Ярова*...» Прежде всего здѣсь нужно съ точностью опредѣлить, къ какому слову относится это *Ярова* и дѣйствительно ли оно должно относиться къ «притчигѣ» рукавицы? Можно было бы это объяснить собственнымъ именемъ сокольника *Васаки Ярова*, о которомъ упоминаетъ Голохвастовъ въ отвѣтномъ письмѣ царю *). Но нужно знать, что встарину не было въ обычаѣ называть людей только по фамиліи; фамилія едва-ли когда употреблялась безъ личнаго имени; напротивъ, въ обозначеніи лицъ и въ назван-

*) «Чтения Истор. Общ.» Годъ третій, № 5, стр. 91.

ныхъ матеріалахъ и во всѣхъ другихъ древнихъ официальныхъ памятникѣхъ часто употребляется одно только имя, особенно въ отношеніи лицъ, занимавшихъ низшія должности. Въ нѣкоторомъ смыслѣ имя составляло честь лица, и потому называть кого только по фамиліи значило нарушить эту честь, обезчестить. Такъ, напримѣръ, князья жаловались на безчестіе, когда называли ихъ князьями безъ имени, а по одной только фамиліи, напримѣръ: князь Ромодановской, вмѣсто князь Иванъ Ромодановской. Имѣя это въ виду, нельзя допустить, чтобъ *ярова* значило фамилію Яровъ; всего скорѣе было бы отмѣчено: Васки Ярова, или просто: Васки. Слово это не есть ли такое же сокращеніе рѣчи, какъ и другія подобныя, встрѣчающіяся въ «Урядникѣ»? и тогда оно можетъ обозначать *Ярышкина* Ивана Гаврилова то есть рукавицу нововыборнаго сокольника Ивана Гаврилова Ярышкина. Оно можетъ также обозначать самый способъ или качество держанья на рукѣ кречета. Во всякомъ случаѣ видѣть въ этомъ словѣ имя языческаго бога, или даже какой-либо намекъ на язычество, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, между прочимъ и потому, что, при неоднократномъ упоминаніи рукавицы съ притчами, оно употреблено одинъ только разъ и къ тому же въ концѣ описанія обрядовъ. Еслибъ оно дѣйствительно относилось къ рукавицѣ, какъ обозначеніе происхожденія изображенныхъ на ней притчей, въ такомъ случаѣ составитель «Урядника» скорѣе употребилъ бы его въ началѣ и именно тогда, когда рукавица явилась въ обрядахъ, какъ необходимый клейнодъ при посвященіи сокольника.

Въ «Урядникѣ», какъ мы замѣтили, встрѣчается нѣсколько выраженій сокращенныхъ, на первый взглядъ совершенно непонятныхъ, отзывающихся тарабарщиною, напримѣръ: «Врел Горь сотьло» и пр. Г. Безсоновъ объяснилъ ихъ большею частью весьма основательно: вышло, что это сокращенныя

только рѣчи. Ключъ къ тайной мысли указать было еще прежде изданія этой книги, именно въ статьѣ г. К.: «Современная Охота» в пр., вышедшей въ «Московскую Вѣдомость» 1856 года, № 63. Дѣло казалось бы и просто. Русской старинѣ оказана услуга, за которую она должна была благодарна. Но суетный глазъ автора и здѣсь видитъ неконечные народные образы, видитъ что-то чароутѣское. Г. Безецовъ говоритъ, между прочимъ: «Многія выраженія, произносимыя при образѣ, весьма коротки, почти безвѣстны и носятъ всѣ свойства символическихъ выраженій, произносимыхъ при кончинѣ народныхъ образовъ. Слѣдуетъ бы изъ выдумывать коротко при Алексѣ Михайловичѣ; другое дѣло разукрашенныя и словообильныя рѣчи. Еще болѣе это ясно при выраженіяхъ: *орелъ сова сошало* и т. п. Можетъ быть, эти странныя выраженія объясняются такъ-называемою тарабарскою грамотою, которая употреблялась въ старину; выраженія «Ураинка» отзываются языкомъ восточнымъ, и неудрено, ибо изданія многихъ птицъ и даже свардговъ — чисто восточныя: *Арсланъ, Неслав-бей*, и т. п. Такимъ образомъ обычай народной охоты становится въ связь съ наини восточными, азіатскими словесіями» (стр. 137). Такое предисловіе заставляетъ ожидать глубокія филологическія и лингвистическія разысканія; но, вмѣсто того, авторъ доказываетъ, что это простая сокращенія словъ. Вы ожидаете во крайней мѣрѣ какія либо указанія, для чего сокращения эти рѣчи, эти чароутѣскія вѣщанія, отзываются языкомъ восточнымъ и связующія обычай народной охоты съ наини восточными, азіатскими словесіями? Но дѣло кончено: это сокращенія обыкновенныхъ русскихъ выраженій — и больше ничего... Не позволяйте же спросить: почему было смѣшно выдумывать эти сокращенія при Алексѣ Михайловичѣ, когда известно, что при немъ тайнописаніе было въ большомъ употреб-

ленія, даже по дипломатической части. Большими любителями тайнописи были и старинные наши книжники. Чаще всего они употребляли тарабарскую грамоту, въ которую облекали свои приписки въ концѣ списанныхъ ими рукописей, обозначавшія время списанія и имя трудившагося. Весьма нерѣдко въ концѣ рукописи, вмѣсто *аминь*, они ставили тарабарское *аринь*. Отчего жъ и здѣсь нельзя усматривать связи съ восточными сношеніями нашихъ предковъ? вѣдь слово *аринь* также отзывается языкомъ восточнымъ. Кромѣ того, въ подлежащей книгѣ мы находимъ извѣстіе, что въ числѣ царскихъ писемъ къ Матюшкину было и тайнописное тарабарское письмо; оно состояло почти исключительно изъ собственныхъ именъ, напримѣръ, Борись, Андрей, Родіонъ, Трофимъ, Камитъ, Андрей, Калисть и т. д., и частью изъ односложныхъ словъ: азъ, ахъ и т. п. Первые буквы всѣхъ этихъ словъ по прочтеніи составили слѣдующую рѣчь: *бартъ* (вм. братъ) *какъ тебя здѣсь не стало, то меня и хльбомъ съ закалюю накормить некому* (Предисл. III). Непонятно, какъ г. Безсоновъ опустилъ безъ вниманія такой важный матеріалъ для своихъ туманныхъ соображеній о языческой основѣ «Урядника», о народныхъ исконныхъ обрядахъ, въ него вошедшихъ и восходящихъ къ баснословному происхожденію. Слово *закала* могло бы и здѣсь подать поводъ къ глубокомысленнымъ выводамъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что примѣчанія и толкованія къ изданнымъ памятникамъ во многихъ мѣстахъ обнаруживаютъ весьма поверхностное изученіе этихъ памятниковъ, малое знакомство вообще съ письменностью одного съ ними времени, безъ которой, при всемъ знаніи болгарскаго языка и разныхъ славянскихъ нарѣчій, нѣтъ возможности уразумѣть изданный матеріалъ, и наконецъ даже поверхностное знакомство съ учеными трудами и изданіями, которыми пользовался издатель въ своихъ объясненіяхъ.

Письма первоначально были напечатаны въ «Сборникѣ Муханова», въ «Актахъ Археографической Экспедиціи» и въ III томѣ «Дополненій» къ актамъ историческимъ. Въ послѣднемъ изданіи и въ «Сборникѣ Муханова», они напечатаны съ подлинниковъ. Несмотря на то, текстъ обомъ изданій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнорѣчитъ. Кто правъ, кто виноватъ — судить трудно, не имѣя въ рукахъ подлинниковъ. Г. Барте-невъ взялъ текстъ «Сборника» Муханова, потому что тамъ соблюдено правописаніе оригинальныхъ писемъ. Это имѣетъ основаніе; но въ такомъ случаѣ необходимо сдѣлать *сличіе*, какъ выражается «Урядникъ», то есть сличить оба текста, показать какой изъ нихъ изданъ правильнѣе, въ совершенной близости къ подлинникамъ, даже въ отношеніи ошибокъ правописанія. Это, по нашему мнѣнію, составляло одно изъ главнѣйшихъ условій настоящаго изданія и неизбежную принадлежность сдѣланныхъ къ нему примѣчаній. Да и самимъ толкователямъ во многихъ случаяхъ было бы несравненно легче составлять свои объясненія, которыя у нихъ иной разъ доходили до глубокомысленныхъ разъисканій и соображеній въ то время, когда ларчикъ открывался просто: ошибка или даже и опечатка одного текста обнаруживалась въ другомъ.

Оба текста, какъ кажется, равно грѣшатъ противъ точности издательской. Въ текстѣ «Сборника» читаемъ, напри- мѣръ: кречеть добывалъ птицу добрѣ добро и хотко (ходко), добрѣ *хотко*, а въ текстѣ Актовъ: *хотко, добрехотко*— явно, что послѣднее чтеніе неправильно. Съ другой стороны, въ текстѣ Сборника пишется *утековъ, усекковъ*, а въ текстѣ Актовъ *утенковъ, усенковъ*, что, разумѣется, правильнѣе, хотя и неизвѣстно такъ ли въ подлинникѣ *). Въ

---

*) Впрочемъ, г. Бессоновъ свидѣтельствуетъ, стр. 36, что «самыя охот- никовъ того времени, идущій изъ глубокой старины, любилъ въ названіи

текстъ «Сборника» *конный писарь*; въ Актахъ *конный псарь* — вѣрнѣе, ибо слово писарь вообще рѣдко употреблялось въ старину, да и значило собственно землемѣра, межеваго описчика, межеваго писца. Писарь въ теперешнемъ значеніи назывался тогда подьячимъ, *писчикомъ*; конный же псарь — была обыкновенная охотничья должность; коннымъ псаремъ назывался въ отличіе отъ *пльшаво* псаля. Г. Бартечевъ, не заглянувъ въ Акты, замѣчаетъ, что конный писарь находился, вѣроятно, въ Конюшенномъ Приказѣ, но тогда онъ и былъ бы названъ конюшеннымъ писаремъ. Въ «Сборникѣ»: «У насъ Великаго Государя кречеты добывали каршаковъ: Парфеньевы статьи (сокольника Парфенья), Бердлей 2. Оба *при пльмъ, адинъ и при васъ*. Въ Актахъ — оба *при миль, одинъ и при васъ*. Въ первомъ случаѣ, совершенно не зная о другомъ чтеніи, г. Бартечевъ дѣлаетъ замѣчаніе: *при пльмъ* — то есть *при (немъ), Парфеньи... при васъ*, вѣроятно, описка, *при насъ* (то есть, *при государѣ*). Но прежде, чѣмъ дѣлать это толкованіе, слѣдовало справиться съ текстомъ Актовъ и доказать неправильность тамошняго чтенія, на основаніи котораго можно сдѣлать совершенно противоположное толкованіе: *при миль*, то есть *при государѣ*, *при васъ*, то есть *при Матюшкинѣ* и другихъ охотникахъ, *при всемъ полку*, какъ царь выражается въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, мы не станемъ утомлять вниманіе читателей. Видно, что текстъ, напечатанный въ Актахъ, не былъ употребленъ въ дѣло, что, конечно, весьма странно, и особенно тамъ, гдѣ все-таки видны разнаго рода претензіи. Нельзя, однакожь, сказать, чтобъ г. Бартечевъ уже вовсе не пользовался текстомъ Актовъ: въ двухъ, а можетъ быть и въ трехъ мѣстахъ, повѣряя

итцъ означаніе *акъ* и ближайшее къ нему *акъ*, означанія очень древнія. Поэтому сюда относятся *тусакъ, утскъ* = *утакъ* и пр.

имъ свой текстъ, онъ называетъ его *друмииз спискомз!* Мы уже сказали, что оба текста печатаны съ подлинниковъ. Что жъ значитъ *друмой списокз*? Все это значитъ вообще, что издательская работа была ведена поверхностно и обнаруживаетъ недостаточное изученіе посредствующихъ источниковъ. То же самое обнаруживаютъ, какъ мы сказали, и приѣчанія толкователей. Не останавливаясь на многихъ мелкихъ неправильностяхъ и неточностяхъ, о которыхъ скучно было бы входить въ подробности, укажемъ, для примѣра, болѣе другихъ значительныя.

Въ одномъ письмѣ къ Матюшкину царь, описывая, какъ упалъ въ огонь сонный сокольникъ и чуть было не сгорѣлъ, тотчасъ продолжаетъ: «да *однолишно* бѣ вамъ по вашему указу кречетами и челягами промышлять не оплошно за одно и выпускъ имъ давать и проч.» Г. Безсоновъ слово «однолишно» толкуетъ слѣдующимъ образомъ: «*Однолишно* по всему употребленію нашихъ старинныхъ актовъ (однолишно, однолично), равно какъ по словопроизводству, значитъ: *въ одинъ ликъ*, одинаково, однообразно, также точно; значеніе *непрежънно*, показанное въ Словарѣ Академіи, не оправдывается рѣшительно ни однимъ примѣромъ изъ лѣтописнаго языка нашего» (стр. 25). Эта бойкая, рѣшительная поспѣшность въ заключеніи указываетъ только на недостаточное знакомство съ памятниками, въ которыхъ употребляется слово однолично. Мы, напротивъ, убѣдительно просимъ г. Безсонова привести хотя одинъ примѣръ, подтверждающій его словотолкованіе. Попробуйте въ приведенномъ случаѣ придать слову: однолично—значеніе, возстановляемое г. Безсоновымъ: что выйдетъ? Вотъ еще примѣръ: царь пишетъ въ Кирилло-бѣлозерскій Монастырь: «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, какъ у васъ ярманка минуецца и онъ бы (Морозовъ) у васъ былъ въ монастырѣ попрежнему, до нашего указу; а

однолично бы взял боярина нашего Бориса Ивановича оберечь отъ всякова дурна...» Вотъ приѣзды изъ актовъ: «А ему Ивану того беречь накрѣпко, чтобъ они того пштыя не продавали и пштыя смирно; а драки и зерни у нихъ *одмолчмобв* небыло, и велѣть имъ то пштые пить въ указные дни. А *одмолчмобв* стрѣльцовъ отъ воровства и ото всякаго дурна унимать, чтобъ они никакого дурна не дѣлали, и никомубъ отъ стрѣльцовъ продажъ и насильства *одмолчмобв* не было... А мноземцомъ тутъ прѣзжать не для чего и торговать не съ кѣмъ, и онибъ или назадъ; а *одмолчмобв* съ ними торговать не велѣть, а въ сибирскую сторону ихъ *одмолчмобв* не пропускать», и проч.

Такихъ приѣздовъ множество: стѣишь только развернуть любой томъ актовъ, и вездѣ это слово носить въ себѣ смыслъ крѣпкаго подтвержденія, строгаго, неизмѣннаго исполненія дѣла и ставится большею частью въ концѣ рѣчи, какъ послѣднее слово, подтверждающее неотмѣнность приказа, наказа или просьбы. Такимъ образомъ естественнѣе это слово объяснить словомъ *непремѣнно*, нежели словомъ одинаково, однообразно и т. п. То же почти значеніе имѣетъ и слово *одноконечно*, объясненное неправильно другимъ толкователемъ, г. Бартеневымъ. По его объясненію *одноконечно* значить «на тотъ же конецъ, для той же цѣли и того же употребленія». Но вотъ текстъ: «да купить бы тебѣ иглицъ хвостовыхъ... да прислать ко мнѣ тотчасъ; да купить бы тебѣ *одноконечно* въ ряду коршака...» Въ другомъ мѣстѣ: «Вѣдомо намъ учинилось, что многіе... въ великій постъ не постылись и не съ благочиніемъ ѣдутъ... и тебѣбъ *одноконечно* заставить въ Петровъ или Госпожинъ постъ говѣть...» (стр. 184). Здѣсь также нельзя приложить приведеннаго толкованія безъ нарушенія существеннаго смысла рѣчи.

«*Комьяе* или *конче*, также и *конечно* въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича (говорить г. Бартеневъ) означаетъ: какъ видится, какъ кажется, вѣроятно». Но царь пишетъ: «А я буду поутру въ пятницу *комьяе* къ Москвѣ», или: «я буду въ воскресенье, что будетъ, а то *конче*, что въ понедельникъ, часу въ четвертомъ дни» (стр. 78, 129). Ясно, что царь обозначаетъ здѣсь послѣдній, рѣшительный, конечный срокъ, слѣдовательно, кончяе — непремѣнно.

«*Быть однословку* (стр. 129) говоритъ г. Бартеневъ, поясняя одно мѣсто «Урядника», значить поступать согласно съ дѣломъ и приказаніями, не перечить и не возражать». Но въ текстѣ: «и во *всякой правдѣ* быть постоянно и твердо и *однословку*... общаюся во всякой правдѣ постояненъ и *однословенъ* быть». Ясно, что однословенъ — синонимъ словамъ постояненъ, твердо (въ словѣ, слѣдовательно въ дѣлѣ), ибо говорится это въ отношеніи *всякой правды*, а не въ отношеніи приказаній. *Собинный нашъ другъ* — какъ называлъ царь Никона, значить, по объясненію г. Бартенева (стр. 155) «*личный нашъ другъ, другъ особы нашей*». Что такое *личный другъ*? *Собинный* значить просто *особенный, особенно любимый другъ*. Это могутъ подтверждать и примѣры: *собенникъ, собенница, собика*, приведенные авторомъ. Царь называетъ охотниковъ *достоверными, достоверными и премудрыми*. Г. Безсоновъ говоритъ, что достоверный охотникъ значить «*довѣрчивый, которому достаточно одной вѣры, а ненужно правилъ и знанія (!), который вѣруетъ въ свою удачу и на нее только полагается*. Къ нему не относится «Урядникъ», излагающій искусство ловчаго дѣла». Далѣе: «Охотникъ по любви и страсти, *достоверный*, есть въ то же время *заклятый, присяжный, истый* охотникъ. Охота, говорятъ, пуше неволи. Истый, достоверный охотникъ, по описанію «Урядника», дѣлаетъ бо-

лѣе и пуще того, кто подчиненъ правиламъ, разсужденію, разбирательству. Любопытно, что царь Алексѣй именно окружалъ себя такими истыми и присяжными охотниками». Желали бы мы послушать, что скажутъ объ этомъ разсужденіи охотники, самые страстные, истые; желали бы мы послушать, что дѣлаютъ они на охотѣ съ *одною вѣрой*, безъ правилъ и знанія, безъ разсужденія и разбирательства? Можетъ быть, для извѣстнаго рода *заклятой, присяжной, истой* любви къ русской исторіи и къ русской жизни въ ея историческомъ развитіи и ненужно правилъ и знанія, разсужденія и разбирательства; можетъ быть, здѣсь *достаточно* и единой *вѣры*, на которую полагаясь, можно дѣлать болѣе и *пуще* того, кто подчиненъ правиламъ, разсужденію, разбирательству — но въ охотѣ, смѣемъ увѣрять отъ лица всѣхъ охотниковъ, недостаточно одной вѣры, страсти и любви: съ запасомъ этихъ прекрасныхъ качествъ, какъ бы ни были они сильны, не поймаешь и вороны. Всякое дѣло требуетъ знанія и опытности, которою приобрѣтаются правила; употребленіе же правилъ требуетъ разсужденія и разбирательства. Охота — такое же дѣло, да еще помудренѣе какого либо другаго. Оттого царь и называетъ охотниковъ не только достовѣрными, но и премудрыми; онъ называетъ даже и птицъ въ ихъ добычахъ и ловлѣ — премудрыми.

Разсужденіе г. Безсонова возникло изъ слѣдующаго текста: «Начало же добычи и всякой ловлѣ — разсужденіе охотниковъ временамъ и порамъ; раздѣленіе же птицамъ въ добычахъ. Достовѣрному же охотнику нѣсть въ добычѣ и въ ловлѣ разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и погодѣе въ полѣ». Отсюда одно только заключеніе можно вывести о достовѣрномъ охотникѣ, именно: какъ охотникъ страстный, онъ не стѣсняетъ въ добычѣ и ловлѣ разсужденіями о временахъ и порахъ, нѣсть о томъ, способствуютъ ли охотѣ время и погода, вы-

ѣзжаетъ тѣшиться во всякое время и во всякую погоду. Кроме того, и въ отношеніи птицъ наблюдалась также своя пора, то есть готовы онѣ были для ловли или нѣтъ. Охотникъ не разсуждалъ объ этомъ и тѣшился только ихъ полѣтомъ. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ царскаго письма къ Матюшкину (стр. 70): «Мы поѣхали отвѣдовать (птицъ) на Васильевъ Прудъ: такъ на первомъ дни, летѣли высоко гораздо, да не слазятъ (не спускаются) къ уткамъ, *потому-что еще не жора*, самъ ты вѣдаешь, что Гомина нынѣчи недѣля...» *Достоверный*, не значить имѣющій *достаточно-вѣры*, а *достойный вѣры*, такъ-какъ и достопамятный — достойный памяти, и т. п.

Въ письмахъ царя весьма часто упоминается *осорья* или *асорья*, болотный коршунъ, также *мышеловъ* и *зымолетъ*. Осорью употребляли для травли соколами; она служила *вабломъ* — приманкою. Осорья охотникамъ извѣстна, да и печатныя свѣдѣнія о ней не подъ спудомъ лежать. Но г. Безсоновъ подступаетъ къ ней слѣдующими, глубоко обдуманними филологическими шагами (стр. 35): «Родительный единственнаго числа *осорьы*, внимательный *осорью*, именительный множественнаго *осорьы*, родительный множественнаго *осорей*, слѣдовательно, именительный единственнаго *осорья* (а эта форма въ нарѣчіяхъ славянскихъ чередуется безпрестанно съ формой на *ье*)». Именительный падежъ, хотя и съ трудомъ, найденъ. Но вотъ задача: «По употребленію, впрочемъ весьма частому, неизвѣстно, что это такое» (продолжаетъ г. Безсоновъ). Но какъ же неизвѣстно? Въ письмахъ ясно указано, что это такое. Напримѣръ: «а поскольку пускать осорей и сколько коршака пускать и я вамъ о томъ самъ приказывалъ... всякому кречету пустить по четыре осорья... да коршака по лважды всякому кречету... да купить бы тебѣ... коршака, или осорью, или орлока живыхъ...» Мудрено, чтобъ авторъ

не понять, что именно обозначается здесь под словом *осорья*; но умысел другой тутъ былъ: нужно было показать *корли и формы*. Итакъ, по употребленію неизвѣстно, что это такое, «но по *корлю и формѣ* (рѣшаетъ авторъ) *это должна быть птица*, и именно живущая близъ воды, на водѣ; корень *sr*, во всѣхъ почти прошедшихъ отъ него словахъ, имѣетъ близкое отношеніе къ водѣ (откуда—изъ воды?—знаменитый гуляка по рѣкамъ и морямъ, «Волгской *сурь*» Саяко); отъ корня должна быть форма *sora* или *sara*; предлогъ *o* (какъ и многіе другіе) производятъ окончанія *ья, ъе* (*ялечо—о-ялече*, и т. п.); *осорье, осорья*; форма *sara* или, какъ у насъ должно быть скорѣе, *sora*, отразилась въ сербскомъ словѣ *sarka* — дикая утка, нырокъ; не имѣаетъ сравнить курское *sar-ыа* — родъ коршуна. Если же допустить заимствованіе, то *осорья* могло быть испорчено изъ польскаго *gąsiąg* (гонсёръ) — гусь, гусакъ». (точка.) Такія-то примѣчанія назначены издателемъ преимущественно для большинства читателей! Но что жъ здѣсь пойметъ большинство? Что жъ такое была *осорья*? Дикая утка, коршунъ или гусакъ? Подобнымъ же образомъ г. Безсоновъ объясняетъ *коршаковъ* и *орлаковъ*, и говоритъ, что они не могутъ означать особой породы *коршуновъ* и *орловъ*, ибо сіи послѣднія птицы хищныя, слѣдовательно на нихъ нельзя охотиться съ соколами и кречетами. По всему видно, что *коршакомъ* называлась какая нибудь мелкая, всюду волающаяся птица». *Коршакомъ* и до сихъ поръ на сѣверѣ Россіи называется коршунъ, а охота на нихъ съ кречетами и соколами была обыкновенна и представляла большое увеселеніе, потому что борьба съ коршуномъ труднѣе и мудренѣе, нежели съ другою птицею. Что жъ касается *орлака*, то и онъ приваляется къ породѣ орловъ, хотя и гораздо меньше ихъ, и называется также *болотнымъ орломъ*.

Далѣе: царь одно письмо къ Матюшкину начинаетъ выраженіемъ: *воздороволь*, то есть здоровъ ли? какъ поживаешь? во здорову ли живешь? Г. Безсоновъ, указывая это значеніе, присовокупляетъ: «Поздороволь значитъ собственно: *посль юю, какъ скажу тебѣ здороволь*» (то-есть живешь). Что это такое?

Въ одномъ примѣчаніи (стр. 206), принадлежащемъ г. Бартеневу, читаемъ слѣдующее достолюбопытное объясненіе: «Церкви, часовни, пустыни и пр. обложены были извѣстными суммами, шедшими въ патриаршую казну; *въ случаѣ неплатежа, ихъ закрывали*; но ихъ можно было окупить взносомъ требуемой суммы. Такіе окупы производились по смерти патриарха Іосифа». Это сказано по поводу слова *окупъ*, которое употреблено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Срѣтенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ 2000 рублей... Корнилию митрополиту на окупъ *церковныхъ мѣств* 2000 рублей, а окуплено 15 престоловъ». Такимъ образомъ, по свидѣтельству г. Бартенева, встарину у насъ церкви, часовни, пустыни и прочее были на откупѣ — и у кого же? у патриаршей казны, которая, за неплатежъ оброчной суммы, *закрывала* ихъ, какъ закрываютъ обыкновенно торговые заведенія. Что это такое? Церкви дѣйствительно были обложены данью, но не церкви собственно, а церковный причтъ. Дань эта была вообще незначительна. Конечно, иной причтъ могъ и не доплачивать, оставаться въ долгу, но за неплатежъ не церковь отвѣчала, а причтъ, который въ такомъ случаѣ и окупался благочестивыми и добродетельными дателями; окупался, то есть выкупался изъ долговъ. Но, кромѣ того, церкви имѣли свои земли, имѣли *церковныя мѣста*, съ которыхъ взималась поземельная подать на нужды государства. Здѣсь также могли случаться недонимки, но церквей за это не закрывали, а доправляли недонимку съ людей, которые завѣ-

дывали или временно владѣли этими землями. Являлись и тутъ богобоязненные люди и вносили окупъ, выкупали церковное мѣсто изъ долговъ. А что касается выраженія: окуплено 15 престоловъ, то этимъ обозначено только, что выкуплены долги церковныхъ мѣстъ у пятнадцати церквей. Во всякомъ случаѣ, предметъ этотъ требовалъ осторожнаго обсуждения и надлежащихъ справокъ, а не отважной увѣренности въ непогрѣшимость своихъ соображеній. Маленькій этотъ фактъ остановилъ наше вниманіе еще и по тому обстоятельству, что онъ характеризуетъ отчасти абсолютныхъ любителей русской исторіи и русской жизни въ ея историческомъ развитіи, къ числу которыхъ видимо принадлежитъ и авторъ, съ такимъ усердіемъ доказывающій, что по забавѣ купать людей въ проруби никакъ нельзя заключать о жестокости и мнимой грубости старинныхъ нравовъ. Взявъ на себя обязанность стоять на стражѣ чистоты и безпорочности русской исторіи или русской жизни въ ея историческомъ развитіи, абсолютные любители, въ слѣпотѣ любовной, придаютъ любимому предмету такіа качества, которыхъ, изъ ненависти, не осмѣлятся приписать и чародѣй-историкъ, даже при помощи «дурнаго глаза», превращающаго, какъ извѣстно, все хорошее бывшее въ пошлость. Да полно любовь ли это? Нѣтъ ли здѣсь другихъ какихъ чувствъ и побужденій, которыя такъ ярко драпируются въ чувство любви; ибо кто жъ любящій кричитъ во всеуслышаніе, что онъ любитъ, что онъ одинъ только понимаетъ, что такое любовь къ русской исторіи. Любовь является въ дѣлѣ, а иначе она мѣдъ звенящая, тимпанъ бряцающій. Вы жалуетесь, вопіете, что русскую исторію не любятъ, ненавидятъ; что все хорошее бывшее превращаютъ въ пошлость; что хорошія стороны старой жизни съ намѣреніемъ обходятъ и выставляютъ на показъ только дурное; что историческія сочиненія цѣлой цювины нашихъ историковъ — звѣриецъ, въ которомъ по-

кзываютъ верблюдовъ и медвѣдей: да покажите, ради Бога, хоть разъ, тѣхъ райскихъ птицъ нашего минувшаго, которыми такъ полно ваше воображеніе. До сихъ поръ въ вашихъ возгласеніяхъ мы видѣли только обезображенные, искаженные факты, отважную самоувѣренность и ограниченное знакомство съ предметомъ, любовью къ которому, исключительнымъ пониманіемъ котораго вы такъ рисуетесь передъ публикою, расслаживаете по сценѣ, «какъ разрумяненный трагическій актёръ, махающій мечомъ картоннымъ...»

Вотъ хотя бы и въ настоящемъ случаѣ: вы взяли драгоцѣннѣйшій матеріалъ нашей старины, совокупными трудами г. Бартенева, г. Безсонова, г. Бѣляева вы протолковали его, объяснили публикѣ, большинству читателей — и чтожь вы дали этому большинству? какія понятія о старинѣ вы, исключительные любители русской исторіи, разнесли въ средѣ этого большинства? Что царь Алексѣй Михайловичъ утѣшался купаньемъ столяниковъ въ проруби; что патриаршая казна закрывала церкви за неплатежъ долговъ, оброка? Но вѣдь и этого вы ничѣмъ не подтвердили, а высказали въ голыхъ словахъ... Теперь, видите ли, нужно дѣло; эпоха словъ и праздныхъ разглагольствій прошла, да едва-ли когда и воротится. Мы повторимъ еще: если вы убѣждены, что половина трудовъ по русской исторіи стоятъ на ложномъ пути, даже неизменно искажаетъ дѣло, такъ чтожь васъ удерживаетъ? укажите прямой, правивый путь, обнаружьте зло; но обнаружьте все это не на словахъ, а на дѣлѣ, то есть на фактахъ; ибо развѣ вы не видите, что противники ваши, какъ вы ихъ признаете, выставляютъ впереди всего дѣло, факты, всѣмъ открытые, всѣмъ доступные... А если не находите нужнымъ заниматься въ полемикѣ, такъ представьте свои начала, положенія, выводы, изслѣдованія въ параллель тѣмъ, о которыхъ вы отозвались съ такою самоувѣренностью: тогда и самоувѣ-

ренность эта, равняющаяся почти хвастовству, получить основание и смысл. Да притомъ, что важнѣе всего, уясните намъ сначала, что вы разумѣете въ исторіи подъ именемъ «хорошихъ сторонъ», подъ именемъ «былаго хорошаго» и что такое, по вашему умозрѣнію, дурное? Отчего вы, любители этого хорошаго, нисколько не возмущившись прорубью и закрытіемъ церквей, возмущаетесь верблюдомъ и медвѣдемъ, и именно верблюдомъ, который хотя и не красота, однако съ такою покорностью, терпѣніемъ и, можно сказать, признательностью несетъ свое иго, доставляетъ столько пользы такъ называемому господину природы. Намъ даже кажется, что верблюдъ — извините — въ дѣлѣ цивилизаціи полезнѣе райской птицы, а въ исторіи человечества занимаетъ такую страницу, которой могли бы позавидовать иные племена и народы, угасшіе безъ шума и слѣда... Въ добавокъ, верблюду добродѣтель — терпѣнье — нѣкоторый историкъ ставилъ даже добродѣтелю нѣкоего народа... Но мы почти увѣрены, что отъ абсолютныхъ любителей старины мы ничего не дождемся, кромѣ словъ, словъ и словъ; ибо не разъ уже имѣли случай убѣдиться, что въ разговорахъ о томъ, какъ слѣдуетъ любить старину и какъ ее не любить, всегда слышится несравненно болѣе любви къ собственнымъ идеаламъ, нежели къ предмету разговора, болѣе самоуслажденія и довольства собственными соображеніями, чѣмъ стремленія открыть правду. Извѣстно, что человекъ, довольный собою, доволенъ цѣлымъ міромъ. Правда же достается трудомъ, безпокойствомъ, недовольствомъ; достиженіе ея идетъ путемъ борьбы дѣятельной, неутомляемой... но борьбы не съ противными только убѣжденіями, а прежде всего съ собственными стремленіями къ по- о, съ стремленіями сильными и свойственными всякому говѣку. «Мудріе мужіе (говоритъ Духовный Регламентъ Петра) сіе между собою утвердили пословіе: *Мудраго чело-*

елка свойство есть отмялять мямліе, то есть перейти на новую ступень въ познаніи истины, если ступень эта будетъ открыта и основательно очищена отъ прежняго заблужденія. Напротивъ, «привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человекы (свидѣтельствуеть «Регламентъ»), худшіи бывають отъ неученыхъ, ибо весьма темни сущи, инять себя быти совершенныхъ и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали: не хотять, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися». Дѣйствительно, люди, успокоившіеся на двухъ-трехъ тенденціяхъ, какъ на подушкахъ, не любятъ шума и движенія, съ которыми пріобрѣтается истина, все равно, гдѣ бы это ни было, въ наукѣ ли, въ жазни ли. Каждый новый вопросъ, новый шагъ въ наукѣ, дуновение свѣжихъ, чистыхъ понятій, тревожитъ ихъ сонъ; они вскакивають, вперяють на новые предметы неподвижные, невысдящіе глаза, и въ озлобленіи, что нарушенъ сладкій сонъ, произносятъ нескладныя рѣчи, начинаютъ толковать о нападкахъ на древнюю Русь, о ненависти къ русской исторіи современныхъ писателей, о превращеніи въ пошлость всего хорошаго бываго, о своей искренней любви... «Въ нашей исторической литературѣ (кричатъ они) много уже перебывало разныхъ отрицателей и порицателей всего, относящагося ко древней Россіи: сперва были ратоборцы противъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, а теперь попадаются охотники ратовать *противъ смысла древней русской жизни*, противъ исторіи; но имъ не погубить исторіи, истина всегда останется истинною» *). Все это было бы смѣшно и не стоило бы разговора, еслибъ эти громкіе голоса не находили отзыва въ томъ глѣсу отсталыхъ, застоявшихся понятій, который еще по раз-

*) „Русская Беседа“, т. II, Критика. Статья г. Балкова: „Еще о сельской общинѣ“, стр. 141.

ншия украйлись приваломъ растеть и разростаеся. Иной въ самомъ дѣлѣ вѣритъ, что смыслъ древней русской жизни, русская исторія въ опасности, на краю гибели отъ разныхъ отрицателей и отрицатель... Но дальновидный, незаражонный предубѣжденный читатель легко догадается, что въ опасности, на краю гибели только тѣ узенькія тенденціи, тѣ поверливосты добытые научные результаты, которыми свадце во свѣтъ вѣръ здравствовали, которыми такъ сладко они убавкивали свое созерцаніе, и которые, съ развитіемъ науки — увы! съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оказываются несостоятельными. Кривы, слѣдовательно, подняты не безъ основанія. Здѣсь громко говорить чувство самохраненія: иной вѣдь любилъ, любилъ русскую исторію, толковалъ, толковалъ и вкрякъ и вносъ объ опасности и погубить, ей грозили, а на дѣлѣ вдругъ и обнаруживается, что книжко русскую-то исторію, смыслъ-то древней русской жизни онъ не вѣе всего и понималъ. А почему тутъ зашмалась русская исторія, смыслъ древней русской жизни, такъ это потому, что никакая узенькая тенденція сама собою существовать не можетъ; она, инстинктивно чувствуя свою слабость, всегда избираетъ себѣ щитъ и дощикъ изъ той области, гдѣ спора не бываетъ, или гдѣ споръ затрудненъ уже самымъ нмонемъ дощика. Попробуйте-ка серьезно поднять конь, когда абсолютный любитель русской старины, выгладывая изъ-подъ смысла древней русской жизни, криклетъ ващъ, что вы хотите погубить исторію.

ОХОТНИЧІЙ ДНЕВНИКЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

1657 года.

Исторія русской охоты должна напоминать царя Алексѣя Михайловича, какъ одного изъ *времудрыхъ* (говоря его же словами), *доброродныхъ* и *доброхвальныхъ* охотниковъ. Ни одинъ изъ государей московскаго періода не былъ преданъ охотѣ съ такою горячинею увлеченіемъ, съ такою страстію. Онъ во многомъ напоминаетъ нашихъ первыхъ князей, славныхъ охотниковъ нашей древности, для которыхъ охота представляла не одно только развлеченіе, увеселеніе, но вѣстѣ съ войною была ступенію ихъ жизни, достойнымъ вознагражденіемъ для ихъ богатырскихъ подвиговъ.

Извѣстны охотничьи *жруды* и подвиги Владиміра Мономаха, одного изъ самыхъ типичныхъ героевъ древней Руси, котораго любовь къ охотѣ простиралась до того, что онъ не отдѣлялъ заботъ объ ея *нарядѣ* или устройствѣ отъ обыкновенныхъ заботъ и обязанностей князя, какъ главнаго вождя и судьи въ Русской землѣ, который «на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зинѣ, не дая себѣ упокою, самъ творилъ, что было надобѣ, — и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ держалъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ». Съ тѣми же отчасти чертами является и охотникъ-царь; онъ также неуте-

иной къ своимъ охоткамъ именованъ въ первое время царствованія. Была въ то время, когда еще принималъ участіа въ охотѣ у царевича. Служилъ имъ извѣстно на званіа, особливо великія. Велѣно, держать, но кутонъ особенно наобучилъ охоту соколовъ и на ней сосредоточилъ всю свою геральдику къ охотѣ. До насъ имѣли вѣрные и краснорѣчивые свидѣтели этой охоты. Въ числѣхъ къ своимъ друзьямъ, свѣдѣли и гласили до охоты и сверстивали по волеванію, къ Матюшкину и Голохвастову, государь, съ необыкновенною изобрѣтательностію самъ раскрываетъ свою геральдику привязаннѣ къ этой славной и красной явнѣющей охотѣ, кутонъ весь кругъ, все мелкія подробности были для него предметомъ самыхъ внимательныхъ и попечительныхъ заботъ. Онъ подобно Монаху самъ держалъ нарядъ «о соколѣхъ и о астробѣхъ» — весь нарядъ соколиной охоты, самъ входилъ во все мелочи, указывая какъ ходить за птицами, какъ ихъ беречь и вынашивать, съ иужною заботливостію наблюдая за ихъ здоровьемъ, съ грозой требуя этихъ наблюдений отъ своихъ помощниковъ и съ восхищеніемъ описывая чудный полетъ любимыхъ птицъ и славныя, премудрыя ихъ добычи. Наконецъ для чести и новышенія красныя и славныя птицы охоты сокольниковъ чина, онъ даетъ ей особый *урядникъ* — новое уложеніе и устроеніе ея обрядной части, въ которомъ еще виднѣе раскрывается дорогое значеніе для царя этой охоты.

Предлагаемый *дневникъ* служитъ также любопытнымъ памятникомъ царскихъ заботъ и распоряженій по любимому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствомъ неутомимыхъ «полевыхъ» походовъ государя. Въ маѣ (25 числа) 1650 года царь писалъ между прочимъ къ обоимъ своимъ совѣтникамъ и помощникамъ, Матюшкину и Голохвастову, которые завѣдывали тою, чтобъ они записывали — «въ который день и кото-

раго числа дождь будетъ». Наблюденіе за состояніемъ погоды принадлежитъ къ необходимымъ условіямъ охоты и само собою разумѣется, что повелѣніе царя вызвано было какими либо потребностями или соображеніями, возникшими среди его неутомимыхъ птичьихъ потѣхъ. Въ Урядникѣ сокольника чина онъ говоритъ, что «начало добычи и всякой ловлѣ (есть) разсужденія охотниковъ временамъ и порамъ, раздѣленіе птицамъ въ добычахъ», то есть разсужденіе о состояніи погоды, благопріятствуетъ ли она охотѣ или нѣтъ. Впрочемъ царь далѣе замѣчаетъ, что «достоверному (горячему, страстному) охотнику нѣтъ въ добычѣ и въ ловлѣ разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и погодѣ въ полѣ». Но во всякомъ случаѣ, приказывая вести записки о погодѣ, государь можетъ быть желалъ собрать вѣрныя наблюденія о томъ, на сколько зависятъ отъ погоды премудрыя добычи ловчихъ птицъ, ихъ красносотрительный, высокій летъ. Матюшкинъ и Голохвастовъ отвѣчали на письмо царя, что будутъ записывать и Матюшкинъ въ тотъ же день донесъ, что «на Москвѣ былъ дождь въ обѣдъ и послѣ обѣда невеликъ» *). Вѣроятно съ того времени при дворцѣ стали вести дневникъ, въ которомъ, день изо дня, дѣлали отиѣтки о всѣхъ переиѣнахъ погоды, включая сюда же извѣстія о томъ, какой изъ стрѣлецкихъ приказовъ (полковъ) стоялъ на дворцѣ и около дворца на караулѣ, куда выходилъ или выѣзжалъ самъ государь, кого принималъ у себя и т. п. Безъ сомнѣнія стрѣлецкій же караулъ и велъ этотъ дневникъ, находясь всегда на мѣстѣ и потому имѣя полную возможность дѣлать постоянныя наблюденія надъ погодою. Къ сожалѣнію, любопытныя эти записки дошли до насъ въ небольшомъ отрывкѣ: сохранился только дневникъ 7165

---

*) Ихъ письма, сообщены нами въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн., годъ третій, № 5.

(1657) года, да и то не вполне, ибо начало его утрачено и записки продолжают только съ 29 января *). Но тѣмъ еще ббольшую цѣну долженъ имѣть этотъ отрывокъ, какъ единственный памятникъ, знакомищій насъ, хотя и въ сухомъ перечеѣ, съ охотничьими поѣздками царя въ теченіе всего лѣта. — Время отъ времени, иногда по нѣскольку дней сряду, записки обозначаютъ, когда ходилъ Государь ѣздить на поле и въ какихъ именно поляхъ тѣшилсѧ. Мы слѣдали сводъ или выборку такихъ отрывковъ изъ цѣлаго года и представляемъ ихъ здѣсь въ видѣ охотничьяго дневника. Само собою разумеется, что интересъ этихъ записокъ чисто археологическій; собственно для исторіи охотничьяго дѣла онѣ мало имѣютъ значенія, представляя только перечень царскихъ охотничьихъ выѣздовъ. Но перечень этотъ получаетъ совершенно другой смыслъ, когда мы приведемъ на память известную переписку Царя съ Матюшкинымъ, изъ которой большая часть царскихъ писемъ относится къ обозначеннымъ въ этомъ дневникѣ выѣздамъ. Царь входитъ въ самыя мелкія подробности и съ такою любовію, такъ изобразительно описываетъ чудный леть и славныя добычи своихъ дорогихъ птицъ, что сухой дневникъ, оживленный этими разказами, пріобрѣтаетъ интересъ охотничьихъ мемуаровъ, которымъ что либо подобное рѣдко можно встрѣтить даже и въ наше время, ибо охотники рѣдко берутся за перо, а тѣмъ рѣже за составленіе дневника своихъ походовъ и наблюденій. Чтобы придать сказанный интересъ голому перечню царскихъ поѣздовъ въ поле, мы при-

---

*) Дневникъ писанъ столбцомъ и хранится въ Архивѣ Моск. Дворцовой Канторы. Послѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ встрѣтились намъ такіе же Дневники, писанные въ книгахъ, въ лѣтахъ, съ заглавіемъ: *Записка дневанью*, *Записка дневаньямъ*, 1170, 171, 174, 175, 176 и 181 годовъ. Заглавіе очень ясно обозначаетъ, что это были собственно Записки караульными.

лагаемъ въ концѣ его два письма, особенно любопытныя по своимъ подробностямъ, дающимъ полное понятіе о царскихъ птичьихъ потѣхахъ. До сихъ поръ не было извѣстно къ какому времени, то есть году, относятся эти письма; одно обозначено только мѣсяцемъ и числомъ, апрѣля 11, а другое *мыльмыльмъ днемъ* *). Дневникъ весьма положительно опредѣляетъ годъ писемъ, 7165, и указываетъ даже къ какому мѣсяцу и числу можно приурочить этотъ неизвѣстный «вынѣшній день».

Д Н Е В Н И К Ъ .

7165 (1657).

Февраля въ 16 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь въ походъ, въ свое государево село, въ Семеновское, на потѣшной дворъ; съ Москвы пошелъ въ 8 часу дня, а къ Москвѣ пришелъ полчаса ночи **). И въ тотъ день и въ ночи былъ морозъ.

Апрѣля во 2 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь въ село Измайлово, да въ село Покровское и на потѣшной дворъ въ Семеновское; божественныя литургии слушалъ Государь въ селѣ Измайловѣ; а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ. А пошелъ Государь въ село Измайлово въ часъ дни, а пришелъ во 2 часу ночи. И въ тотъ день было холодно

*) Первое напечатано въ Сборникѣ Мухомова № 162 и въ Антахъ Арх. Эпск. т. IV, № 100, второе — въ Сборникѣ Мухомова № 164 и въ Делехъ въ Антахъ Истор. т. III, № 71, XII.

**) Часы въ то время дѣлились на *денные*, съ восхожденія солнца и *ночные*, съ заката. 18 февраля было 11 ч. дня и 13 ч. ночи; 7 апрѣля было 14 ч. дня и 10 ч. ночи; мая 9 было 16 ч. дня и 8 ч. ночи; 25 мая — 17 ч. дня и 7 ч. ночи. За тѣмъ шло на убывъ, съ 12 іюля.

и вѣтрено, а въ ночи холодно жъ. — Апрѣля въ 4 день, въ субботу, ходилъ Государь послѣ столоваго кушанья на потѣшной дворъ въ Семеновское, а пришелъ въ « » часу ночи. А въ тотъ день было холодно и вѣтрено, а снѣгъ шелъ съ перемѣшкою, а въ ночи было то жъ. — Апрѣля въ 7 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Семеновское на потѣшной дворъ, а къ Москвѣ пришелъ въ послѣднемъ часу дни. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Апрѣля въ 9 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Покровское, и въ томъ селѣ тѣшился; а къ Москвѣ пришелъ въ шестомъ часу дни, и столовое кушанье было на Москвѣ. И въ тотъ день до осмага часа дни было холодно и вѣтрено, а съ того часа былъ дождь до одиннадцатаго часа, а съ одиннадцатаго часа шелъ снѣгъ съ дождемъ до вечера, а въ ночи былъ морозъ. — Апрѣля въ 14 день, во вторникъ... ходилъ Государь въ село Покровское. Съ Москвы пошелъ въ третьемъ часу дни, къ Москвѣ пришелъ на первомъ часу ночи. И тотъ день былъ пасмаренъ и теплъ, а въ ночи было тепло жъ. — Апрѣля въ 21 день, во вторникъ, ходилъ Государь въ походъ въ село Семеновское. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Апрѣля въ 25 день, въ субботу, послѣ ранняго кушанья, ходилъ Государь въ походъ на Тверскіе поля *) тѣшитца, а къ Москвѣ пришелъ на послѣднемъ часу дни. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а съ четвертого часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою. — Апрѣля въ 27 день ходилъ Государь въ Семеновское и на полѣ тѣшился птицами. И въ тотъ день до вечеренъ было ведрено, а послѣ того былъ дождь, а въ ночи шелъ дождь же. — Апрѣля въ 28 день, во вторникъ, на 1 часу дни, ходилъ Государь

---

*) Тверскія поля, безъ сомнѣнія, такъ называемая теперь Ходыня съ окрестными вѣстами по Тверской (Петербургской) дорогѣ.

тѣшитца на поле, а пришелъ къ Москвѣ въ отдачу часовъ лениныхъ. И въ тотъ день съ утра часу до пятого было неназливо и накрапывалъ дождикъ, а съ пятого часу было ведрено и тепло, а въ ночи было тепло жъ. — Апрелья въ 30 день былъ день ведренъ, а ввечеру шелъ дождикъ маленькой не много; и въ тотъ день изволилъ Государь быть въ походѣ въ селѣ Голенищевѣ *).

Маія въ 3 день, въ недѣлю, ходилъ Государь въ село Семеновское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Маія въ 8 день, въ пятокъ, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, что у него Государя на сѣнѣхъ; празновали Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову; а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь празновать чюдотворцу Николѣ въ Угрѣшской монастырь. И дорогою идучи, на Коломенскихъ поляхъ тѣшился. Въ монастырь пришелъ въ 13 часу дни, а стоялъ Государь за монастыремъ въ своихъ царскихъ шатрахъ, и слушалъ малые вечерни у себя Государя въ шатрахъ. И въ тотъ день послѣ обѣда и до вечера шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а въ ночи было холодно. — Маія въ 9 день, въ субботу, на празникъ принесенія мощей, шже во святыхъ отца нашего Николы, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи въ Угрѣшскомъ монастырѣ въ церкви Николы Чюдотворца; и на всеношномъ бдѣніи облачался и служилъ божественную литургію Великій Государь Никонъ, Архіепископъ царствующаго великаго града Москвы, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Патріархъ, съ пестрыми и черными властими и со всеѣмъ своимъ освященнымъ соборомъ. Того жъ дня у Великаго Государя, Его Царскаго Величества

---

*) Гролицкое Голенищево, за Воробьевыми горами, въ 5 верстахъ отъ Дорогомилдовской заставы.

былъ столъ въ селѣ Островѣ *) по комнатѣ, къ Великій Государь Никонъ Патріархъ и власти; и были у стола бояре и околничіе да голова стрѣлцкой Яковъ Соловцовъ. И въ тотъ день до кушанья было ведрено и красно, а послѣ кушанья и до вечера было пасмарно и вѣтрено, а въ ночи былъ морозъ. Того жъ дни послѣ кушанья передъ вечернею ходилъ Государь на Островскія поля тѣшитца. — Маія въ 12 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день до полденъ было ведрено и вѣтрено, а послѣ полденъ шелъ дождикъ съ перемѣшкою часы съ два или болши, а въ ночи былъ морозъ. — Маія въ 14 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле до кушанья и послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи съ вечера громъ и вѣтръ и дождь, и было тепло. — Маія въ 16 день, въ субботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Семеновскія поля. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ Рубцовѣ. Малая вечерня слушалъ Государь у себя Государя въ хоромѣхъ. И тотъ день былъ пасмаренъ и вѣтренъ до обѣда, а послѣ обѣда часа за 2 до вечера шелъ дождикъ невеликъ, а въ ночи было тепло. — Маія въ 21 день, въ четвертокъ, слушалъ Государь завтрянн у себя Государя въ хоромѣхъ, а божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Покровскомъ), а празновали Богородицѣ Стрѣтенія Владимірской иконы. А послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Покровскія поля. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Маія въ 22 день, въ пятокъ, ходилъ Государь тѣшитца **) до столоваго кушанья и послѣ кушанья, и Государыня Царица.

---

*) 20 верстъ отъ Москвы.

**) *Зачеркнуто*: въ Тверскія поля до столоваго кушанья, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рому Собакину.

А въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 23 день, въ субботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Введенскомъ въ церкви *) (пробѣлъ). А послѣ обѣдни до кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами, а кушанье было въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ, а послѣ обѣда пасмаренъ, а въ ночи тепло. — Маія въ 24 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеношного бѣтнія и божественныя литургіи въ соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, а всеношное пѣли вспѣваки, а литургію Государевы пѣвчіе дьяки. Послѣ столоваго кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами. И тотъ день до кушанья былъ ведренъ, а послѣ кушанья до вечера былъ день пасмаренъ и шелъ дождикъ невеликъ, а съ вечера и во всю ночь шелъ дождь великъ. — Маія въ 25 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятей Богородицы (въ Покровскомъ), празновали обрѣтенію честныя главы Іоанна Предтечи. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; а послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дни шелъ дождь, а съ пятого часу и до вечера было ведрено и красно, а въ ночи было тепло, а съ полуночи накраповалъ дождикъ невеликъ. — Маія въ 26 день, во вторникъ, ходилъ Государь на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дни шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а потомъ было и до вечера пасмарно и вѣтрено. — Маія въ 28 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскія поля до столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 29 день, въ пятокъ, слушалъ Государь божественныя (литургіи) у Покрова Пресвятыя Богородицы, и послѣ божественныя литургіи ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе

---

*) Мѣстоименіе этого села указываетъ урочище *Введенскія горы*.

воля. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 30 день, въ субботу, слушалъ Государь божественныя литургіи у Покрова Пресвятыя Богородицы; а до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе поля, а пришелъ за полчаса до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 31 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. Послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рощу, что зовомонъ Собакино. И тотъ день съ утра былъ ведрень, а въ кушанье гремѣлъ громъ и молнія блистала и шелъ дождь великъ, а послѣ того и до вечера было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было тепло.

Іюня въ 1 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Тонинское *). Столовое кушанье въ селѣ Медвѣжковѣ **), и послѣ столоваго кушанья тѣшился жъ. И въ тотъ день шелъ дождь часа съ два, а въ ночи было холодно. — Іюня въ 4 день, въ четвертокъ, былъ дождь часа за два до вечера и шелъ съ полчаса. И въ тотъ день ходилъ въ село Коломенское послѣ столоваго кушанья. А въ ночи было тепло. — Іюня въ 6 день, въ субботу, ходилъ Государь тѣшитца на поле, въ Семеновское. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно. Того жъ дни пришелъ въ село Покровское святѣйшій Никонъ Патріархъ за три часа до вечера. — Іюня въ 10 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Красномъ и ходилъ въ Измайлово, а послѣ столоваго кушанья ходилъ въ Тверскія поля. И въ тотъ день было красно, а въ 9 часу былъ громъ великъ и блистала молнія и шелъ дождь великъ съ полчаса,

*) 12 верстъ отъ Троицкой заставы.

**) 7 верстъ отъ Троицкой заставы.

и потомъ шелъ невеликъ, а въ ночи было тепло. — Юня въ 11 день, въ четвертокъ; ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенскія поля. Кушанье было въ Тюхалахъ *), а вечернее кушанье было въ селѣ Покровскомъ, а пришелъ въ село Покровское въ 2 часу ночи. И въ тотъ день съ утра было пасмурно и тихо, а съ 6 часу и до вечера шелъ дождь съ перетѣшкою, а въ ночи дождь былъ же съ полуночи съ часъ и было тепло. — Юня въ 13 день, въ субботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Черкизовѣ, отъ села Покровскаго 3 версты, и ходилъ на поле до кушанья и послѣ кушанья. И тотъ день былъ красенъ и тихъ, а въ полдни шелъ дождь немногое время, а въ ночи было тепло жъ. — Юня въ 15 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ. И въ тотъ день до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле; а въ ночи было тепло. — Юня въ 16 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья въ Тверскихъ поляхъ, а столовое кушанье было на Воробьевѣ. И тотъ день съ утра былъ пасмуренъ, а послѣ полдень и до вечера шелъ дождь, а въ ночи было тепло. — Юня въ 20 день, въ субботу, ходилъ Государь на поле тѣшитца до кушанья и послѣ кушанья; и въ тотъ день до кушанья былъ громъ и шелъ дождь лобрѣ великъ, а послѣ кушанья шелъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло. — Юня въ 22 день, въ понедѣльникъ, тѣшился Государь на Покровскихъ и на Коломенскихъ поляхъ; столовое кушанье было въ Тюхалахъ, а вечернее кушанье въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день былъ пасмуренъ, а въ ночи было тепло. — Юня въ 25 день, въ четвертокъ, до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Юня въ 26 день, въ пятокъ, слушалъ Госу-

*) Тюхалева роща въ двѣхъ верстахъ отъ Симонова монастыря.

дарь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пречистыя Богородицы. И тотъ день былъ ведрень, а въ ночи было холодно. Того жъ дни ходилъ Государь на Покровскія поля въ рощу и ночевалъ Государь въ селѣ Коломенскомъ. — Іюля въ 30 день, во вторникъ, ходилъ Государь до кушанья и послѣ кушанья на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 7 часу дни шелъ дождь съ перемѣшкою, а съ 7 часу было ведрено, а въ ночи было тепло.

Іюля въ 2 день, въ четвертокъ, до кушанья ходилъ Государь на поле тѣшитца. И тотъ день до обѣда былъ ведрень и тихъ, а послѣ обѣда красенъ да вѣтренъ. — Іюля въ 4 день, въ субботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, и послѣ столоваго кушанья за два часа до ночи пошелъ Государь въ село Коломенское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Іюля въ 6 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было пасмарно и вѣтръ великъ, а въ ночи тепло. — Іюля въ 7 день, во вторникъ, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; и послѣ столоваго кушанья пошелъ Государь тѣшитца на поле, а Государыня Царица пошла изъ села Покровскаго къ Москвѣ за 3 часа до ночи. А Государь пришелъ къ Москвѣ за часъ до ночи. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрѣно, а въ ночи тепло. — Іюля въ 12 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеюшнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокіи, а съ Москвы пошелъ Государь въ село Коломенское въ 13 часу дни. И въ тотъ день шелъ дождь часу до девятого, а съ девятого до одиннадцатаго часу было пасмарно, а съ одиннадцатаго часу шелъ дождь невеликъ, а до вечера, и въ ночи было тепло. — Іюля въ 13 день, въ понедѣльникъ, пошла Государыня Царица съ Москвы въ село Коломенское въ 6 часу

дня, въ началѣ; а въ Коломенское пришла въ 11 часу дня. А до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Юля въ 14 день, во вторникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а послѣ полдень шелъ дождь съ часъ, а въ ночи съ вечера дождь шелъ и до свѣта, съ перемѣшкою. — Юля въ 16 день былъ день ведрень и вѣтрень. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья; а въ ночи было тепло. — Юля въ 18 день, въ субботу, былъ день ведрень, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день послѣ столоваго кушанья пришелъ Государь въ село Коломенское и тѣшился въ Коломенскихъ поляхъ. — Юля въ 20 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь всеошного бдѣнія и божественныя литургіи у Вознесенія Господня (въ Коломенскомъ), а празновалъ Государь Пророку Ильѣ. И въ тотъ день было ведрено, а въ вечеру былъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья. — Юля въ 21 день, во вторникъ, до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Юля въ 22 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи у Всемилоствяго Спаса въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ литургіи до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до 3 былъ туманъ, а въ ночи было тепло. — Юля въ 23 день, въ четвертокъ, до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до третьяго былъ туманъ, а въ ночи было тепло. — Юля въ 24 день, въ пяттокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Островскіе поля, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ пятомъ часу ночи, а Государы-

ня Царица пришла къ Москвѣ въ тотъ же день въ девятомъ часу дни. И въ тотъ день было ведрено, а за часъ до вечера былъ дождь. — Юля въ 29 день, въ среду, съ утра часу въ другомъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Коломенское, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ другомъ часу ночи. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Юля въ 31 день, въ пятокъ... послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ походъ въ свое село Коломенское. И тотъ день былъ ведренъ и красенъ, а въ ночи было тепло.

Августа въ 9 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеобщаго бдѣнія въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за полчаса до свѣта, а пришелъ за часъ до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи былъ дождь невеликъ. — Августа въ 13 день, въ четвергъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за два часа до вечера. — Августа въ 20 день, въ четвертокъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было вѣтрено. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенское. — Августа въ 22 день, въ субботу, ходилъ Государь въ Семеновское тѣшитца, а пошелъ за 3 часа до ночи. И въ тотъ день было ведрено, а какъ Государь былъ на полѣ и въ тѣ поры шелъ дождь невеликъ съ полчаса, а въ ночи было холодно. — Августа въ 24 день, въ понедѣльникъ, послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь на Дѣвичье поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а послѣ полдень вѣтрено, а въ ночи холодно. — Августа въ 25 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле, а кушанье было въ селѣ Коломенскомъ. А съ Москвы пошелъ Государь въ 2 часу дни, а къ Москвѣ пришелъ часы въ отдачу. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи холодно. — Августа въ 27 день, въ четвертокъ, до кушанья, ходилъ Государь тѣшитца на поле,

а къ столовому кушанью пришелъ къ Москвѣ. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно. — Августа въ 30 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеношнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокіи, что у него Государя на сѣнѣхъ, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было холодно. — Августа въ 31 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведрень и вѣтрень, а въ ночи было тепло. Того дни ходилъ Государь за два часа до вечера на Дѣвичьи поля тѣшитца.»

П И С Ь М А .

I.

Суббота, 11 апрѣля, 1657 года.

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи стольнику нашему Аѳонасью Ивановичу Мотюшкину. Писалъ я къ тебѣ напередъ сево, што буду я къ Москвѣ въ понедѣльникъ (6 апрѣля), и я къ тебѣ писалъ, не спрошався съ собою, потому что соколовъ не было, да и не вѣдалъ, что бояринъ Борисъ Ивановичъ (Морозовъ) послалъ къ себѣ по соколы; а привели ихъ въ четвергъ (9 апрѣля) поутру, двухъ: Ширяеву дикомытъ да Модину дикомытъ; только ихъ у себя онѣ вабили съ вервью, а безъ верви отнудъ у нихъ не летавали, ни поворачивали; такъ мы поѣхали отвѣдавать на Васильевъ прудъ — такъ на первомъ дни, въ которой ихъ придели, летѣли высоко гораздо, да не слазятъ къ уткамъ, потому что ещо не пора, самъ ты вѣдаешь, что Ѳомина нынѣча негѣля. А на другой день, въ *ялтышцу* (апрѣля 10), *вчерась* поутру, летѣли хорошо, да не слазятъ; такъ я поѣхалъ къ

и въ кабыло и всьмъ: гдѣ нѣбудь добудь черныцъ да пришли, да в савь прѣйдь ко мнѣ съ голубьни тѣмъ на день на другой; а отъ меня тебѣ: будь здровъ во вѣки аминь. Писать на шапешь стѣну въ селѣ Пзоровскоу, здрала въ 11 день (въ субботу). Купи да пришли хоронилъ на челига соколя колокольцевъ, а деньги изъ дврца: *).

II.

Письма, 12 іюня, 1657 гѣмъ.

«Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца стольнику нашему и Московскому ловчому Овонасью Швановичу Матюшкину, отъ насъ великого государя милостивое слово. Да жалуючи тебя, мнѣ въдѣть, и соколикомъ скажи начальнымъ и всѣмъ: ко твоего прѣзду къ намъ великому государю добылъ Свертѣй каршака, и о томъ къ тебѣ писано; а къ намъ великому государю прѣзжалъ ты прошлые недѣли въ пятницу (іюня 5), а въ четвергъ (іюня 4) той же недѣли добылъ красной кречеть Ганзюнь одного каршака безъ насъ великаго государя, и то мы сами тебѣ сказывали; а ты поѣхалъ отъ насъ великого государя того жъ дня въ пятницу, а на утресъ въ субботу (іюня 6) ходилъ мы тѣмѣтѣ съ челигами, а съ кречеты посылали въ Тверскіе поля соколикомъ Пароенья Тоболина съ товарищи,

---

*) Это письмо, отъ 11 апрѣля, писано, какъ свидѣтельствуеть савь Государь, на Фоминѣй недѣлѣ въ субботу, ибо о пятницу говорится какъ о вчерашнемъ днѣ. Въ 1657 году Святая была 29 марта, следовательно суббота Фоминѣй приходилась 11 апрѣля. Правонаписаніе цара, приближающаго вообще въ выговору, но неадѣ соблюденно въ точности, но этому во придерживавшася и ны полвой точности, перодманъ письма для чтенія, в оставаломъ только нѣкоторыя черты тогдашняго выговора.

и въ Тверскихъ поляхъ Пароеньевы статьи кречеть Нечай добылъ каршака; а въ вечеру тогожъ дня субботы (іюня 6) тѣшились мы великій государь старымъ челигомъ, добылъ двѣ совки въ великомъ верху за Введенскимъ *); съ одною совкою было съ 15 ставокъ, и росшѣлъ ее въ верху такъ, что упала безъ вѣдома, а съ другою съ 20 ставокъ, и тое вырвалъ. А съ кречетомъ Свертаемъ Ивановы статьи Ярышкина послали мы подъ Красное село, и тотъ кречеть добылъ каршака, а поутру тоежъ субботы *при насъ* великомъ государѣ добылъ ворона, а въ понедѣльникъ (іюня 8) нынѣшніе недѣли *при насъ* великомъ государѣ и при всемъ полку добылъ красной кречеть Гамаюнъ каршакажъ подъ Краснымъ селомъ, а ставокъ было 26, а въ седмой вырвалъ, а такъ разбилъ, что пятью или шестью даромъ слѣзъ, а то всего какъ есть ножами и кровлъ и сбилъ его къ земли, а вырвалъ сажени за двѣ отъ земли; да тогожъ дня въ вечеръ Леонтьевы статьи Григорова кречеть Бумаръ добылъ ворона, добре добро, ставокъ было съ 20; да назавтрее, во вторникъ (іюня 9) нынѣшнія жъ недѣли, за Стрѣтенскими вороты, *при насъ* же великомъ государѣ, Пароеньевы статьи кречеть Бердаѣй добылъ каршака, а ставокъ было съ 15, и добывалъ добре добро и хотко; да нынѣшней же недѣли въ пятницу (12 іюня), изъ утра въ 3 часу, безъ насъ великого государя, добылъ красной кречеть Гамаюнъ каршака промежъ Суцова и рощи, что къ Напрудному, при столникѣ нашемъ Князь Юрьѣ Рамадановскомъ, а добывалъ въ великомъ верху долгое время и сбилъ съ верху, и каршака побѣждалъ на утекъ къ рощѣ и хотѣлъ увалитца отъ славной Гамаюна кречета добычи, и не допуская до рощи добылъ его съ верхней ставки, а въ добычѣ ставокъ было съ

---

*) Государь выѣзжалъ тѣшиться подъ Введенскимъ тамъ въ субботу, но 23 мая.

30. Тогожъ дня, изъ утра въ 4 часу дни, Ивановы статьи Ярышкина кречеть Сибирской молодикъ Свертай добылъ каршака подъ Майковымъ болотомъ, а напустили его среди самыхъ Тверскихъ полей, и добывалъ версты съ полторы великимъ верхомъ и розбивъ, добылъ подъ Майковымъ, при столникѣ жъ нашемъ Князь Юрьѣ Ромадановскомъ; а въ добычѣ ставокъ было съ 70, а добывалъ добро опасно и памятно, и ставки были крутые. И всего у насъ великого государя кречеты въ 2 статьяхъ добыли каршаковъ: Пароеньевы статьи Красной—3, Бердаи—2, оба при мнѣ, одинъ и при васъ, Нечай—1; Ивановы статьи Ярышкина Свертай—3, у тебя Михѣевы статьи Дурасъ добылъ 1, да у Князь Федора Ромадановскаго Терентьевы статьи Тулубьева, вчера, въ четвергъ (11 июня), Сибирскій кречеть Ширяй добылъ каршака; и всего 7 кречетовъ добыли 11 каршаковъ, а старш^я челигъ 7 совокъ, на день по двѣ и по три добываетъ; а челиги все по силѣ своей добываютъ, какъ кто сможетъ. Да послали мы великій государь къ тебѣ челига Хорьяка, изыманъ на Резани, привезъ во вторникъ въ вечеру нынѣшнія недѣли сынъ боярской, весь цѣлъ и здоровъ: вы теряете, а мы сыскиваемъ. А потомъ здравствуй да добывай кречетами, а добывъ кречетами по росписи, какова тебѣ дана, кому что добывать, — да пора къ намъ, а кречетовъ не сирава, не ѣди. Да потомъ ты паки буди здравъ. А сокольникомъ всемъ, начальнымъ и рядовымъ, наше милостивое слово. Писано въ селѣ Покровскомъ, нынѣшняго дня (12 июня, въ пятницу).»

Письмо это Государь начинаетъ увѣдомленіемъ Матюшкина, что Свертай (кречеть) добылъ каршака до его пріѣзда, и о томъ, говоритъ, къ тебѣ писано... Дѣйствительно въ другомъ письмѣ отъ 4 июня *) Государь объявляетъ Матюшкину,

*) Дов. въ Аптакъ Истор. III, № 71—У.

что «сибирской кречеть молодикъ Свертѣй добывалъ каршака дикова въ Тверскихъ поляхъ великое время и разбивъ, добылъ славною кречатьею добычею въ великомъ верху...» Въ томъ же письмѣ онъ спрашиваетъ о пропавшемъ кречатьемъ челигѣ, который потомъ отысканъ на Рязани и котораго теперь Государь посылаетъ къ Матюшкину съ замѣчаніемъ: «вы теряете, а мы сыскиваемъ». Все это служитъ подтвержденіемъ, что настоящее письмо писано послѣ 4 іюня, а упоминаніе, что Матюшкинъ пріѣхалъ къ Царю *прошлые* недѣли въ пятницу, на другой день послѣ описанной добычи Свертѣя, ибо 4 іюня было въ четвергъ, и потомъ описаніе потѣхъ внѣшнія недѣли, о четвергѣ которой сказано: вчера въ четвергъ, — заставляютъ полагать, что *мыльшій день*, отищенный Царемъ въ концѣ письма, принадлежитъ пятницѣ, 12 іюня.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Писано въ 1862 г.)

Разработка исторіи, ходъ и характеръ ея повѣствованія и изслѣдовательности всегда неразрывно связаны съ общимъ движеніемъ и направленіемъ современныхъ идей, которыя волею-неволею подчиняютъ себѣ, направляютъ къ своимъ цѣлямъ почти каждый ученый трудъ, какъ бы онъ спеціаленъ ни былъ. Не говоримъ о журнальныхъ и фельетонныхъ разсужденіяхъ и приговорахъ, гдѣ современныя, а большею частію модныя идеи распоряжаются историческимъ матеріаломъ съ безза-стѣнчивостью знаменитаго Ивана Александровича Хлестакова. Говоря вообще, наука исторіи въ большинствѣ случаевъ всегда служитъ для современности какъ средство, какъ необходимый матеріалъ для всевозможныхъ доказательствъ, оправданій, порицаній и отрицаній, для крѣпкихъ подпоръ въ одномъ мѣ-стѣ и для ослабленія или совершеннаго разложенія тѣхъ подпоръ въ другихъ мѣстахъ; однимъ словомъ, разработка историческаго матеріала всегда совершается подъ прямымъ и неотразимымъ вліяніемъ руководящихъ идей и потребностей времени. Поэтому говорить о направленіяхъ и взглядахъ, ка-кіе руководили въ послѣднее время обработкою и изученіемъ

нашей исторіи, значить почти тоже, что говорить о современных направленіяхъ и стремленіяхъ общественной мысли.

Общество, какъ бы оно ни было молодо или дряхло отъ своей неподвижности, во всякое время испытываетъ на себѣ господство той или другой идеи, съ тою разницею, что общество молодое, полное жизненныхъ силъ, переживаетъ и такъ сказать изнашиваетъ такіа идеи съ быстротою, подвижностью и увлеченіями, свойственными всякой молодости, въ то время, какъ общество одряхлѣвшее въ застоѣ, переживаетъ иную идею цѣлыя столѣтія и даже тысячелѣтія. Вліяніе общественной идеи неотразимо; оно распространяется, можно сказать, въ воздухѣ, проникаетъ въ самые непроницаемые умы и убѣжденія, покоряетъ своимъ цѣлямъ самые устойчивые характеры, которые, хотя и противъ сознанія, хотя иной разъ и отрицательно, но всегда неуклонно исполняютъ всѣ велѣнія современной потребности и усердно служатъ въ пользу той же господствующей идеи.

Всякая общественная идея въ своемъ жизненномъ развитіи, въ своемъ неотразимомъ вліяніи на умы и дѣла современниковъ сопровождается въ высшей степени любопытнымъ и знаменательнымъ явленіемъ, именно тѣмъ живымъ воплощеніемъ ея силъ и требованій, которое современники называютъ обыкновенно хаосомъ, броженіемъ общественной мысли, умственной и нравственной неурядицею и разладицею. Не знаемъ, насколько справедливо такое обозначеніе и какая именно точка зрѣнія даетъ вѣрное и твердое основаніе такъ относиться къ этому явленію, ибо понятіе о неурядицѣ возникаетъ изъ понятія о порядкѣ, а какой же нормальный порядокъ долженъ служить мѣриломъ при опредѣленіи беспорядка общественной мысли? Не беремъ ли мы для обозначенія этого явленія беспорядкомъ только одно сонное, апатичное, почему либо молчаливое состояніе общества, когда раздается два-три моно-

полныхъ голоса, а остальное все молчить? Или не беремъ ли мы въ этомъ случаѣ только то понятіе о порядкѣ, какое выработано нашимъ собственнымъ единичнымъ убѣжденіемъ, забывая, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить иѣркою понятія о порядкѣ мысли цѣлаго общества, ибо общественная мысль, нисколько не уклоняясь отъ обыкновенной жизненной человѣческой логики, въ своихъ дѣйствіяхъ и подробностяхъ слѣдуетъ всегда собственнымъ независимымъ путемъ, по законамъ собственного развитія, которые еще далеко не выяснены и не узнаны, а главное не могутъ быть вполнѣ измѣрены законами развитія единичнаго. Тѣ признаки, по которымъ опредѣляютъ у насъ хаосъ и разладу общественной мысли, всегда были и будутъ во всякомъ свободномъ или оживленномъ свободою обществѣ. Такой хаосъ есть неизмѣнное свойство болѣе или менѣе освобожденной общественной жизни; такого хаоса не бываетъ только въ обществѣ порабощенномъ, гдѣ замкнуты уста и мысль насильственно выровнена, какъ деревья въ садовыхъ шпалерахъ.

Очень понятно, что слишкомъ личное и такъ сказать *мѣстное* или партийное воззрѣніе на подобный актъ общественнаго развитія почти всегда приводитъ къ такому именно заключенію о хаосѣ. Для единичнаго ума, особенно, если онъ слишкомъ наклонился въ какую либо одну сторону мышленія, или привыкъ вращаться только около собственной своей оси, становится очень тяжело и невыносимо тѣсно въ этомъ неисчислимомъ разнообразіи пробужденныхъ къ дѣятельности понятій, взглядовъ, сужденій, поступковъ; и тѣмъ хуже онъ себя чувствуетъ, чѣмъ сильнѣе его привычка къ собственному застою, т. е. къ тому образу воззрѣній и убѣжденій, какой до тѣхъ поръ онъ почиталъ исключительно истиннымъ и въ сознаніи котораго признавалъ себя дѣйствительно умнымъ и способнымъ давать рѣшительные отвѣты и опредѣленія на всевозможные

вопросы современности. Усвоивши, по началамъ собственнаго развитія, извѣстный взглядъ на вещи, болѣе или менѣе опредѣленный и построенный довольно логично, установивши точку воззрѣнія твердо и самостоятельно, единичный умъ очень часто такъ и умираетъ въ ясномъ и спокойномъ созерцаніи своей силы и правды. Это всегда случается въ эпохи стоячей жизни, когда въ житейскомъ морѣ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, настаетъ штиль, тишь и гладь. Но въ эпохи поворотныя, когда все теряетъ свои прежнія мѣста, трудненько сохранить это спокойствіе убѣжденія въ собственной единичной правдѣ. Такія эпохи тѣмъ особенно и отличаются, что прежняя иная правда вдругъ оказывается ложью. Долгая и морозная зима вдругъ оказывается весною и возбуждаетъ совѣмъ иныя представленія о божьемъ мірѣ. Силу и основаніе этихъ-то свѣжихъ, оживленныхъ представленій и не бываетъ способенъ выразумѣть единичный умъ, крѣпко и плотно завернувшійся въ тотъ или другой кокончикъ пониманія правды. Они кажутся для него дяки, безобразны, нелѣпы, именно потому, что не подходятъ подъ его умственную и нравственную шѣрку, которую онъ всегда считалъ самою вѣрною и правильною. Онъ теряется, путается и особенно тяготится тѣмъ, что не можетъ ничего понять и разобрать въ этомъ живомъ движеніи современныхъ идей и дѣйствій. Попросту сказать, единичный умъ оказывается глухимъ, когда приходится опредѣлять и выяснять новыя и ему непривычныя положенія и отношенія жизненныхъ идей. По необходимости онъ характеризуетъ современность хаосомъ, броженіемъ, анархією, неурядицею, или начинаетъ пѣть іереміады о погибели нравственности и вѣры, о распаденіи и развратѣ общественной мысли, о растлѣніи и развратѣ молодыхъ умовъ, какъ будто эти молодые умы только вчера растлѣлись и развратились, какъ будто все дѣло разъяснилось, а зло излечилось, какъ

споре происшедшии необычные удачи. Но, разумеется, все это столь естественно, ибо по свойству человеческого ума непротивно каюмо не чинъ нбуудъ объяснить себѣ возмозителъный фактъ, а чинъ не логиче объяснить его, какъ не обидитъ истиноу, которое всегда заключаетъ въ себѣ стальне движущейся истины.

Между тѣмъ, съ научно-исторической точки зрѣнія, общественный идеалъ и броженье, вся эта видная неурядица и разладица, весь этотъ шумный содвигороуиъ представлять только живое воплощенье руководящей идеи вѣка, представлять правильный и послѣдовательный ходъ раскрытія этой идеи въ жизни, и обнаруживать даже известный порядокъ и стройность во всѣхъ подробностяхъ ея проявленія. Дѣло въ томъ, что живонная идея, какъ и всякая нравственная и общественная, следовательно живая и движущаяся истина никогда не возникаетъ и не принимается людьми вполнѣ одинаково и вполнѣ уравнительно. Какъ разнообразны свойства, нравы и умы людей, такъ разнообразно и пониманіе такой истины. Точная истина положительныхъ знаній не находитъ разногласія. Какъ скоро она доказана, всѣ ее принимаютъ съ одинаковыми убѣжденіями въ ея справедливости. Напротивъ того, всякая нравственная истина возбуждаетъ самые разнообразные толки, является въ каждомъ умѣ со всеми особенностями личныхъ стремленій, а оттого каждымъ и понимается различно, по свойству собственнаго развитія, по качеству и количеству свѣдѣній, какими каждый пользуется или успѣлъ воспользоваться.

Такимъ образомъ кажущійся хаосъ общественной мысли въ сущности есть только многообразіе формъ, въ которыхъ проявляется та или другая живонная идея, различно понимаемая и воспринимаемая. Какъ скоро такая идея становится живою силою въ развитіи общества, исходнымъ пунктомъ всѣхъ

общественныхъ и даже домашнихъ отношеній и явленій, то сейчасъ же и возникаетъ хаосъ мысли, броженіе и разладина, т. е. собственно творчество, созидательность формъ и явленій общественной мысли, которыя сами собою рождаются отъ воздѣйствія руководящей идеи на умы, понятія, нравы, вкусы, убѣжденія извѣстнаго общества. Видимый хаосъ образуется изъ того, что каждый понимаетъ дѣло по-своему; по-своему сочувствуетъ ему или отрицаетъ его; по-своему проводитъ и водворяетъ идею въ жизнь, а главное никто не молчитъ, а всѣ говорятъ и спорятъ, сѣшать заявить свою умственную работу надъ современными вопросами. Одна и та же сущность является въ безчисленныхъ видахъ пониманія и толкованія. Очень естественно, что въ этомъ случаѣ высказывается много заблужденій; но торжество этихъ заблужденій не бываетъ продолжительно, и за погибель истины и разумности нечего опасаться. Онѣ восторжествуютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ оживленіе и съ большими увлеченіями выскажутся заблужденія.

Застарѣлыя фрунтовки мысли гнѣваются, когда настаетъ подобный хаосъ и даже ругаются, почитая себя все-таки умнѣе общаго жизненнаго движенія и вовсе не замѣчая, что въ этомъ движеніи обнаруживается очень здоровая сторона общества, которое, въ это время несмотря на неизбежныя заблужденія, шире и многообразнѣе, чѣмъ прежде, раскрываетъ свои созидательныя силы. Конечно, очень трудно и даже невозможно для каждаго сколько нибудь мыслящаго человѣка оставаться совершенно въ сторонѣ, т. е. относиться съ совершеннымъ безпристрастіемъ къ этому живому движенію общихъ и личныхъ идей и стремленій. Нельзя устоять противъ этого всеобщаго быстро разлива общественной мысли. Всякій по необходимости захватывается тою или другою волною общаго теченія, и по необходимости становится одностороннимъ и болѣе или менѣе пристрастнымъ судьей всего того, что выхо-

дѣль изъ круга его привычныхъ созерцаній. Но во всякомъ случаѣ, для наблюдателя-натуралиста такая поворотная эпоха представляетъ чрезвычайно много интереснаго и поучительнаго. Онъ знаетъ ей цѣну и дорожитъ ею тѣмъ болѣе, что такіа эпохи не часто переживаются. Вмѣсто того, чтобы относиться къ ней съ высококѣрнымъ презрѣніемъ и ругательствами, онъ вниательно и пристально изучаетъ и наблюдаетъ ее со всевозможныхъ пунктовъ, подобно тому какъ наблюдаютъ затменіе солнца или другое какое естественное явленіе. Онъ убѣжденъ, что такая эпоха есть лучшее и способнѣйшее время для изслѣдованій надъ законами человѣческаго развитія.

Въ это бойкое время все выходитъ наружу. Жизнь общества раскрываетъ себя безъ всякой застѣнчивости, раскрываетъ всю подноготную, даже противъ собственной воли и желанія. Всѣ нравственныя и умственныя стихіи, которыми существуетъ общество, громогласно заявляютъ свои стремленія, свои свойства, свой жизненный обликъ. Поворотное время особенно тѣмъ и отличается, что подъ видомъ хаоса и броженія, т. е. всякой неопредѣленности и неустановленности, оно съ неумолимою строгостію опредѣляетъ и устанавливаетъ все, что прежде дѣйствительно не было опредѣлено и скрывалось подъ какую либо общую и уже ветхую личную, или прикрывалось какимъ либо общимъ и уже изношеннымъ символомъ. Кто ты и что ты? — вотъ суровые вопросы, съ которыми оно обращается ко всякому общественному дѣятелю и требуетъ категорическаго, прямого отвѣта, устраняя въ этомъ отвѣтѣ всякія вилянья, двуличность и двусмысленность. Эти-то вопросы и смущаютъ людей, которые вовсе не готовились, вовсе не желали бы отвѣчать на нихъ, по той причинѣ, что прямой отвѣтъ, прямо всегда и обнаруживаетъ настоящую завазку того или другаго убѣжденія, носившаго до того времени со-

всѣмъ иную личину. «Печально жить въ это время и нужно много нравственнаго мужества, чтобы спасти себя отъ этого мутнаго водоворота...» замѣчаютъ иные мыслители. Дѣйствительно требуется не малое мужество, чтобы во всеуслышаніе объявить не только истинный смыслъ, но просто какой либо смыслъ своихъ стремленій; чтобъ вмѣсто словъ, словъ и словъ заявить себя какимъ либо дѣйствительнымъ дѣломъ, поступкомъ. Оттого намъ и кажется, что все замѣшалось и забродило, все стало мутнымъ водоворотомъ; а въ сущности замѣшались и запутались мы сами и не знаемъ какъ быть, какъ поступать въ данномъ случаѣ. Въ нерѣшительности, мы, какъ говорится, чертополосимъ, да и думаемъ, что поэтому все на свѣтѣ чертополоснѣе. Вообще въ такую любопытную эпоху шашки переставляются и ходы измѣняются: люди складываютъ личины и являются тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Вчерашніе друзья становятся врагами, вчерашніе либералы и прогрессисты дѣлаются крайними консерваторами, а крайніе консерваторы страшными либералами, вчерашніе западники провозглашаютъ себя славянофилами и т. д. Все опредѣляется и выясняется соответственно своей сущности и своему коренному смыслу.

Мысленная *рознь*, которою всегда характеризуются подобные эпохи, усложняется еще болѣе отъ свойствъ и направленія общественной образованности. Чѣмъ менѣе въ этой образованности научныхъ основаній, тѣмъ легче она поддается всякому умствованію, какое способно возникнуть лишь на школьной скамейкѣ, не изъ ученыхъ, а изъ *учебныхъ* только средствъ знанія. Почти каждое громкое слово, а тѣмъ болѣе каждая громкая фраза въ этомъ направленіи принимается за научный или жизненный выводъ, на которомъ основываютъ заключенія и рѣшительныя опредѣленія по всѣмъ современнымъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Если кто изъ

насъ приносить громадные собственные свои дары и замечательные споры, толки, разсужденія о разныхъ предметахъ науки, искусства, общественной, политичекой, тому очень полезны будутъ весьма много явиться въ жизнь теперешней литературныхъ и даже ученыхъ спорить и разсужденія. Гдѣ не существуетъ ученой литературы, хотя бы и неразвѣной, такъ невозможно и требовать отъ общественнаго ума основательности, зрѣлости, твердости, гнѣвности — этихъ неразлучныхъ спутниковъ положительнаго знания, какое поворачается не изъ учебниковъ только и даже не изъ профессорскихъ только лекцій, а изъ свободнаго и самостоятельнаго обследованія научнаго или общественнаго вопроса въ непосредственныхъ и принять источникахъ его обработки.

Гдѣ, напротивъ того, образованность является только результатомъ цѣлой системы учебниковъ и изъ нихъ только вычерпать свои силы, такъ не удивительно встрѣтить видѣтелизнаго образованія одну только выучку или унственную дрессировку, но самому существу своему всегда бойкую, занозистую и самоуверенную.

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что характеръ нашей теперешней образованности именно таковъ, что онъ даетъ самую обильную пищу нашей мысленной розни. И въ самомъ дѣлѣ: прислушайтесь къ голосамъ и толкамъ, выкините хорошенько въ сужденія и разсужденія, вы сейчасъ замѣтите въ чемъ наша сила. Мы славно уствуемъ и очень мало знаемъ — вотъ сила нашей образованности, а въ то время, какъ, напримеръ, у Англичанина или Нѣмца, ученаго или публициста, научный или социальный выводъ, такъ сказать, самъ вырастаетъ изъ фактовъ, изъ массы умно и здраво переработанныхъ свидѣній, — у насъ торжествуетъ ловкое, изворотливое унствование надъ фактами, надувающее факты, какъ мыльные пузыри, такъ что собственно научныхъ выводовъ у

насъ и не бываетъ; ихъ замѣняютъ бредачія въ обществѣ модныя идеи и идеи, къ которымъ и принимаются историческіе и всякіе другіе факты, какъ пуговицы къ кафтану. Конечно, не мы, теперешніе люди, виноваты въ такомъ направленіи нашей образованности. Вина въ этомъ позади насъ. Намъ по стеченію обстоятельствъ выпала только горестная доля обнаружить, вынести на Божій свѣтъ все то, чѣмъ мы прежде жили, заявить исторіи подробный отчетъ въ томъ, чему и какъ мы научились, что думали, что дѣлали .. Мы теперь переживаемъ критическую эпоху и волею-неволею, сознательно и безсознательно вынесимъ на общій судъ и осужденіе все, что имѣемъ за душою. Задорно обличая старое время, обличая весь современный нашъ бытъ, обличая другихъ, мы въ то же время обличаемъ и уже достаточно успѣли обличить и самихъ себя.

Возможно ли требовать отъ насъ умственного мужества, спокойствія, безпристрастія и основательности въ дѣлѣ мысли, когда уму нечѣмъ было питаться, когда не было возможно ни издать, ни перевести ни одной дѣльной ученой книги, ни одной дѣльной статьи, особенно по отдѣлу тѣхъ именно наукъ, въ основательномъ знаніи которыхъ чувствуется теперь такая необходимость, именно наукъ общественныхъ и историческихъ? когда умная книга, какъ и умный человѣкъ не читались чѣмъ-то въ родѣ ереси и заботливо удалялись отъ насъ, какъ отъ дѣтей опасныя игрушки? Если умъ и знаніе въ дѣйствительности имѣли мало цѣны, признавались какою-то напастью, а не существенною потребностію развитія, то чегожь можно было ожидать отъ общественной мысли, отъ литературы, отъ самой науки, когда вдругъ настала минута высказаться, когда вдругъ повздобилось дѣльно и основательно обсудить самые жизненные вопросы современности? Явились заблужденія, увлеченія, скудная мѣра познаній и совершенная непривычка послѣдова-

только и основательно мыслить — явился, однимъ словомъ, во всей наготѣ результатъ ограниченія и пониженія нашего ума, какъ неутолимый и ничѣмъ неустранимый выводъ жизненной логики. Съ этой только минуты мы и стали серьезно думать о томъ, какъ бы лучше и основательнѣе укрѣпить свой умъ. Помимо правительственного почина, съ которымъ мы такъ привыкли начинать всякое дѣло, въ самомъ обществѣ тотчасъ же возникла самая здравая потребность поросадить на русскую почву по крайней мѣрѣ наиболѣе доступные труды западныхъ ученыхъ и, конечно, въ послѣднія пять лѣтъ въ этомъ отношеніи сдѣлаво несравненно болѣе, чѣмъ въ предшествовавшія тридцать лѣтъ. Этотъ фактъ очень положительно свидѣтельствуетъ не о болѣзненности, а о здравости теперешняго поворота нашей образованности. Не получивъ отъ отцовъ хорошаго умственного наслѣдства, мы сами заботимся, работаемъ и сиѣнимъ устранить этотъ печальный недостатокъ нашего образованія, ибо очень хорошо сознаемъ, что пока не переснажемъ по-русски, не выразимъ русскимъ словомъ всего богатства западной науки, до тѣхъ поръ не будемъ имѣть и своей самостоятельности въ наукѣ, до тѣхъ поръ не выработаемъ своей собственной мысли, до тѣхъ поръ не воспользуемся *самостоятельно* и всѣми добрыми плодами общечеловѣческаго развитія, а напротивъ всегда останемся только прихвостнями и недорослями и западнаго образованія и западной общественности.

Такимъ образомъ понятно, отчего происходитъ наша теперешняя мысленная разногласица. Не презирать и не обвинять мы ее должны, а стараться всѣми силами устранять тѣ причины, накія ее породили. Къ тому же, она не въ такой степени печальное явленіе, какъ думаютъ нѣые публицисты и мыслители. Въ сущности тутъ печалиться не а чемъ, ибо бесполезно печалиться о томъ, что не такъ мы воспитались и

выучились, как бы слѣдовало по теперешнимъ требованіямъ. Лучше пользоваться и употреблять въ дѣло то, что есть. Все-таки теперешнее оживленіе общества, выразившееся въ этой мысленной рознѣ, въ высшей степени отрадно. Она-то, эта мысленная рознь, и обозначаетъ наше пробужденіе, она-то его и характеризуетъ. | Одному тому уже можно радоваться, что и умственные и общественные наши интересы развились теперь въ значительной степени, и мы ежеминутно задаемъ себѣ задачи, ставимъ вопросы и работаемъ надъ ними, кто какъ умѣетъ; къ сожалѣнію, только не въ одномъ тонѣ и не по одному направленію, какъ бы нынѣ желалось. Выходить страшное разнорѣчіе и противорѣчіе во взглядахъ и пониманіи каждаго вопроса и каждой общественной задачи. Но это-то и важно для раскрытія истины. Чѣмъ подробнѣе, хотя бы и съ заблужденіями, осмотрѣно будетъ дѣло, тѣмъ вѣрнѣе и правдѣе мы дойдемъ до цѣли, равно всеѣи желаемой и часовой. Повторимъ опять, что за погибель истины и разумности опасаться нечего. Общественная истина ѣзнимъ обществомъ и возстановится, какъ скоро общество переживетъ и, такъ сказать, износитъ естественное послѣдствіе своихъ прежнихъ началъ жизни.

Наше теперешнее время по многимъ признакамъ очень похоже на время, наставшее передъ реформою Петра. Тогда умственное движеніе общества выразилось въ религіозныхъ и церковныхъ вопросахъ, сомнѣніяхъ и смущеніяхъ, не той причинѣ, что церковность представляла въ то время первенствующую основу всего быта, заключала въ себѣ все тогдашнее знаніе, всю ученость, вмѣщала въ себѣ всю область тогдашняго мышленія, которое утверждалось и питалось почти исключительно только вѣроученіемъ. Церковная книжность для того времени была источникомъ не одной только нравственности, но и всей науки, источникомъ даже общественныхъ

понятій и представлений. Когда прежнія начала, прежніе идеалы жизни, окаменѣвшіе отъ долгаго застоя, были поколеблены стремленіемъ внести въ нихъ разумность, и сдѣланы были нѣкоторыя, самыя необходимыя церковныя и гражданскія реформы, данъ былъ, слѣдовательно, толчокъ общественной мысли, нарушившій сладкій покой умственной и нравственной неподвижности, тогда понятія общества засуетились, перемѣнились и перепутались; настала минута, въ которую необходимо было высказаться, кто какъ и во что вѣрилъ. Обнаружилось, что прежніе одномысленники не узнали другъ друга; прежде ясныя и понятныя для всѣхъ слова вдругъ получали нѣсколько смысловъ... А почему? Потому что пробудился умъ, потребовавшій отчета во всемъ, что онъ признавалъ за истину, потому что шире, чѣмъ прежде, раздвинулся и распространился умственный горизонтъ. Совершенное же отсутствіе образованія собственно умственнаго, чѣмъ особенно отличалось то время, направило шаги проснувшейся мысли и завело ее въ непроходимыя дебри умственной и нравственной розни, раскола, распадѣнія и падѣнія. Пробужденіе общественной мысли, почувствовавшей несостоятельность всѣхъ идеаловъ и всѣхъ положеній современнаго ей быта, естественнымъ путемъ привело одну сторону общества къ коренной реформѣ, а другую къ расколу въ общемъ и обыкновенномъ его значеніи. Всѣ печальныя послѣдствія этого общественнаго пробужденія, всѣ дурныя плоды, какіе были вырощены на той и на другой дорогѣ развитія, были уже непосредственнымъ продуктомъ круга невѣжества, которое составляло коренную основу нашей до-петровской жизни. Теперь, конечно, наше умственное образованіе несравненно выше тогдашняго. У насъ есть наука, уже не въ смыслѣ церковной книжности, а въ смыслѣ дѣйствительнаго знанія... Нашъ умственный горизонтъ неизмѣримо шире, чѣмъ два вѣка назадъ; наши жиз-

ненные вопросы и задачи стали несравненно сложнее, многообразнее и многостороннее... Темь не менее характеристика настоящего умственного пробужденія носить много общаго съ до-петровскимъ пробужденіемъ.

Вслѣдствіе толчка, даннаго нынѣшнимъ царствованіемъ и ходомъ самой исторіи, мысль наша точно также *зошла розно*; точно также мы съ трудомъ стали узнавать другъ друга, и слова, до того времени всѣмъ ясныя и понятныя, вдругъ приобрѣли нѣсколько смысловъ. Однакожь, сущность этой розни, сущность всѣхъ желаній, стремленій, надеждъ, упованій, понимаемыхъ и толкуемыхъ каждымъ по своему — одна, даже та же самая, которая двигала умами два вѣка назадъ. Ее можно очень вѣрно обозначить тѣмъ же старымъ словомъ, которое служило символомъ и для тогдашнихъ убѣжденій. И теперь, какъ тогда, мы ищемъ *спасенія*, мы желаемъ *спасти*сь. Только современное образованіе совершенно измѣнило, или, вѣрнѣе сказать, неизмовѣрно распространило наши понятія объ этомъ спасеніи. Всѣ уже достаточно убѣдились, что религиозное, нравственное спасеніе общества, которымъ исключительно была занята мысль нашихъ предковъ, нераздѣльно съ спасеніемъ политическимъ, т. е. вполне зависитъ отъ наиболѣе правильнаго и разумнаго домашняго и общественнаго устройства жизни, ибо спастись во всѣхъ смыслахъ, значитъ разумно устроить свою жизнь, основать ее на высшихъ нравственныхъ, истинно человѣческихъ началахъ. Такимъ образомъ смыслъ нашего спасенія обнимаетъ уже не церковную, исключительно религиозную сферу, но столько же и еще болѣе сферу гражданскую, мирскую, въ человѣчномъ устройствѣ которой мы и полагаемъ крайній смыслъ своего спасенія. Кромѣ того, мы теперь уже не бѣжимъ въ гѣсы и пустыни искать заветнаго спасенія, и въ этомъ великое превосходство нашего времени передъ прежнимъ. Теперь завое-

важныи просвѣщенія и гражданскаго развитія устранена уже значительная доля причинъ, которыя побуждали къ подобному бѣгству; теперь, и особенно съ настоящаго царствованія, мы можемъ нѣсколько свободнѣе, а потому спокойнѣе разсуждать о нашемъ спасеніи, спокойнѣе обдумывать пути и средства, необходимыя для достиженія общей благой цѣли. Теперь понемногу стали сознать, что страшныя и воплѣ невѣжественныя гоненія возбужденной мысли, какія, напримѣръ, имѣли мѣсто въ до-петровскую и послѣ петровскую эпоху, ведутъ къ самымъ нечальнымъ послѣдствіямъ; что ничто такъ не противится высшему стѣсненію, какъ мысль, свободнѣйшее изъ существъ, и ничто не приноситъ обществу такого неисчислимаго вреда, какъ порабощенная, загнанная мысль, что управлять ею, отклонять ее отъ криваго пути, разлагать и упряднять ее заносчивость, молодой порывъ, увлеченія и заблужденія можно только ея же собственною здоровою силою.

Пути общественнаго спасенія разнообразны и каждое время, каждое общество, какъ и каждый даже человекъ глядитъ на это по своему. Отсюда и выходитъ рознь между людьми, которая и образуетъ различныя толки и согласія, т. е. различныя группы ищущихъ спасенія. Но какая бы рознь ни выходила въ пониманіи и толкованіи этихъ путей, каждое время указываетъ всегда довольно опредѣленно свой собственный путь. Каждое время отличается собственнымъ, ему только свойственнымъ, пониманіемъ спасенія и выражаетъ этимъ известную степень общечеловѣческаго или частнаго народнаго развитія.

Какой же это путь спасенія, по которому хочетъ идти теперешнее время? Какая идея-руководительница господствуетъ въ генерешнихъ умахъ?

Вникая въ смыслъ современныхъ событій, тутошнихъ и заграничныхъ, политическихъ и даже уличныхъ; разбирая кор-

ни поступковъ и всякихъ дѣяній, возникающихъ теперь въ семействѣ, въ школѣ, въ службѣ или, какъ поворотъ, въ общественной дѣятельности не только со стороны молодости, но даже со стороны солидныхъ и степенныхъ людей; слѣдя за изразличіемъ толчковъ оптимизма, мечтаний, развитыхъ идеализаций; прислушиваясь даже къ словамъ, которыя чаще другихъ употребляются, очень легко усмотрѣть, что во всемъ, въ болышомъ и маломъ, въ крупномъ и мелкомъ, обнаруживается ничѣмъ неотразимое, поступательное движеніе одной основной мысли, одного основного и всеобщаго требованія, которое чаще всего обозначается словомъ самостоятельность. Да, все мы въ настоящую минуту болѣзненно одержимы мыслью о самостоятельности... Она носится передъ нами какъ лучшій нашъ идеалъ, не даетъ намъ покоя, наполняетъ наши мысли, располагаетъ наши поступки. Всюду мы требуемъ и отыскиваемъ самостоятельности; на каждомъ шагѣ желаемъ заявить свою самостоятельность; намъ бываетъ стыдно, если мы подчасъ оказываемся несамостоятельными. По новости дѣла, превознесенные идеєю самостоятельности, мы иногда не туда попадаемъ и, разумеется, подвергаемся всей тяжести послѣдствій, какія возникаютъ изъ нашего ошибочнаго пониманія самостоятельности и которыя усложняются еще въ большей степени при воздѣйствіи съ противоположной стороны устарѣвшихъ воззрѣній на этотъ предметъ.

Идея самостоятельности, идея очень старая, но ни въ одно время она не являлась съ такою очертательностью, такъ положительно, а главное, такъ обобщенною. Передъ ея свѣтомъ, тихимъ и спокойнымъ, угасли все, такъ-называемыя, вулканическія стихіи общественныхъ стремленій. Она вноситъ миръ, тишину и разумность во всякій подвигъ, подъятый въ ея пользу. Враги ея очень часто смѣшиваютъ ее съ идеєю революціи; но это застарѣлая привычка запугивать добрыхъ

людей страшилищемъ, не нѣтъ ничево общаго съ теперешнею идеею. Самостоятельность — идея чисто консервативная и существо ея противится всякому революціонному элементу и всегда стремится упразднить его силу и вліяніе. Она вовсе не виновата въ томъ, если повлечется иногда въ старыхъ и уже изломанныхъ костюмахъ: такъ одѣваютъ ее люди, преслѣдующіе свои эгоистическія цѣли и вовсе не сочувствующіе всей послѣдовательности ея требованій. Однимъ словомъ, идея самостоятельности не есть что либо мечтательное, утопическое, проходящее, она есть корень, сущность человѣческаго развитія, и общественнаго и личнаго, корень и сущность самой жизни, потому что въ идеѣ самостоятельности главнымъ образомъ заключено стремленіе къ естественности, къ натуральности, стремленіе жить по собственной природѣ, сообразно съ собственными, а не какими либо чуждыми, заимствованными законами развитія. Въ этомъ смыслѣ ей неизмѣнно принадлежитъ будущее и полная побѣда именно надъ всѣми мечтательными и утопическими путями жизни.

У насъ идея самостоятельности съ особеннымъ оживленіемъ пробудилась со времени послѣдней войны, которая, какъ благодатная гроза, очистила воздухъ нашей умственной и нравственной опоки, вылила всѣ предметы, намъ стало легче. Прежде всего, мы выразумѣли, что сила наша, которую почти всѣ мы заключали въ нашей государственности, оказалась несостоятельною, измѣнила нашимъ надеждамъ, а что важнѣе всего — поколебала нашу самоувѣренность. Вдругъ оказалось, что мы стоимъ непрочо, и вовсе не самостоятельно. Первое побужденіе сдѣлаться самостоятельными, по естественной причинѣ выразилось въ несчастливыхъ протестахъ и обличеніяхъ. Мы тотчасъ пустились въ самый безпощадный анализъ нашей государственности, начали обличать ее на всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ формахъ, въ какія она успѣла

было такъ крѣпко замкнуться. Она оказалась во всемъ шнатовою. Было въ этомъ и нѣкоторое преувеличеніе, но по сущности дѣла, мы обвиняли справедливо, потому что государственность наша многое на себя брала, даже почти все взяла на свою отвѣтственность, а въ такомъ случаѣ за все и про все и должна была отвѣчать. Мы ей приписывали всю вину во всѣхъ даже собственныхъ ошибкахъ. Идя дальше назадъ въ своемъ анализѣ и въ своихъ суровыхъ обличеніяхъ, мы какъ разъ убѣдились, что государство-то собственно и служить помѣхою нашему развитію; да и не то, что теперь только мѣшаетъ намъ, а всегда намъ мѣшало, въ теченіе всей нашей исторіи, и не будь этой помѣхи, мы были бы великій самостоятельный и счастливый народъ. Надо же было найти какую либо причину, чтобъ оправдать свою несамостоятельность, свалить грѣхъ на что либо постороннее, умыть руки въ своей винѣ.

Это была первая тема нашихъ историческихъ мечтаній, изученій, изслѣдованій, повѣствованій и разныхъ утопій, которая не замедлила произвести на свѣтъ множество обличительныхъ изслѣдованій, обличительныхъ критикъ, обличительныхъ рецензій и фельетоновъ, обличительныхъ статей и статейекъ и даже простыхъ возгласовъ и провъщаній, въ которыхъ историческій матеріалъ, историческія знакомыя имена, слова и факты повертывались какъ камешки въ калейдоскопѣ и изображали различныя *фигуры*, болѣе или менѣе замысловатыя и хитрыя. Мы не станемъ поименовывать здѣсь всѣхъ статей и статейекъ — онѣ всѣмъ еще очень памяты, а для другихъ вдобавокъ онѣ представляютъ новый шагъ, новый поворотъ, новую дорогу въ разработкѣ и изученіи историческаго матеріала.

Само собою разумѣется, что отрицая государство и государственность со всѣми ихъ чады и домочадцами, мы должны

были за что нибудь держаться, на чемъ нибудь твердо стоять: точка опоры необходима при всякомъ дѣйствіи, а тѣмъ болѣе въ критикахъ, обличеніяхъ и отрицаніяхъ. Конечно, мы держались идеею самостоятельности, но эта идея слишкомъ обширна, слишкомъ неопредѣленна и потому слишкомъ воздушна. На ней одной трудно удержаться. Ея сущность необходимо почувствовать въ какомъ либо видимомъ, болѣе близкомъ, для всѣхъ понятномъ и наиболѣе осязательномъ образѣ. Въ государственности мы не нашли своей самостоятельности, не нашли своего спасенія, хотя предки наши въ этомъ именно искали и находили свое спасеніе и свою самостоятельность; насъ этотъ образъ самостоятельности не удовлетворилъ. Негодность устарѣвшихъ и старомодныхъ формъ мы возвели въ негодность самого начала. Но точка опоры была готова. Нельзя было долго размышлять. Самое дѣло показывало, что формы—дѣло преходящее, а главное и неизмѣнное то, что мы *народы*, и что самостоятельность наша въ нашей народности. Дѣло прошлое, а необходимо признаться, что для многихъ это старое открытіе было похоже на открытіе новаго свѣта. Такъ стало быть сильно было вліяніе государственности съ ея опекою, что мы въ крайній восторгъ пришли, найдя твердую опору для нашихъ обличеній, отрицаній и всевозможныхъ протестацій. Другіе обрадовались еще и потому, что это давало самую легкую возможность заявить *свое направленіе*, такъ какъ своего-то именно ничего и не оказывалось въ наличности, а между тѣмъ идея самостоятельности нудила и требовала, во что бы ни стало, быть или казаться самостоятельнымъ. Впрочемъ, особую силу и оживленіе понятіямъ о народности придавало упраздненіе крѣпостнаго права, крестьянское дѣло, въ которомъ такъ или иначе мы всѣ поголовно были заятшаны, а потому и не могли оставаться равнодушными къ

той средѣ, къ которой это дѣло относилось непосредственно, т. е. собственно къ народу.

Какъ люди сколько нибудь мыслящіе, всѣ мы старались, кто какъ умѣетъ, выяснитъ себѣ этотъ туманный ликъ. Начались толки, споры, разсужденія и разговоры о народѣ и народности, о томъ, въ чемъ именно сила русской народности и каковы существенныя черты ея характера, что изъ нея выйдетъ и чего не выйдетъ, что она въ силахъ сдѣлать и чего не въ силахъ сдѣлать, чѣмъ она здорова и чѣмъ больна, какія имѣетъ добродѣтели, которыя необходимо развивать, и какіе пороки, которые необходимо истреблять, уничтожать. Всякій съ умиленіемъ припоминалъ подробности крестьянскаго быта, разсказывалъ свои и чужіе анекдоты по поводу столкновеній съ православными мужичками, силясь выяснитъ какую либо общую черту, характеристику народности, подтвердить, доказать то или другое мнѣніе, сложившееся уже о народности. А сколько давно накипѣвшей и ржавой горечи приѣшшивалось въ эти толки и разсужденія, какъ скоро вопросъ касался объ отношеніяхъ народности къ государственности, или государственности къ народности. Съ того времени идея народности, какъ самая ближайшая и такъ сказать наглядная форма самостоятельности, заплонила всѣ умы. Разговоръ такъ шелъ громко и напряженно, что невозможно было вставить въ него другаго слова. Только и слышалось: народъ, народность! Государственники, т. е. люди, выражавшіе сомнѣніе въ абсолютномъ значеніи народа, признавались чуть не еретиками. По свойству нашихъ ходячихъ нравственныхъ понятій и представленій, имъ всегда приписывали даже недостойныя цѣли и стремленія — это и естественно, ибо трудно еще намъ допустить свободное и независимое отношеніе къ предмету, когда очень многіе даже либеральничаютъ изъ разболѣтства, или передъ молою, или передъ лицами.

Литература, какъ выраженіе общественной мысли, какъ выраженіе идей бродящихъ въ обществѣ, прилипающихъ и отрывающихся, подобно волнамъ, обнаружила чрезвычайную суетливость въ стремленіи на народную почву. Газеты и журналы, другъ перодъ другомъ, непрерывно, съѣхали заявлять въ своихъ программахъ, что они исключительно посвящаютъ свое вниманіе, свои усилія и дѣятельность на разъясненіе *коренныхъ* основъ народности, *коренныхъ* народныхъ свойствъ, положившихъ основаніе нашему общественному быту. «Народное» сдѣлалось общою мыслию, даже общими мѣстами всѣхъ литературныхъ произведеній, для которыхъ уже не существовало эстетической, чисто художественной оцѣнки, какъ было прежде, а существовала одна только оцѣнка, одна мѣра — это ихъ народность или то, на сколько они раскрываютъ народные стихи, народные характеры. Повѣсти, драматическія пьесы, рассказы, путевыя записки, стихи, ученые изслѣдованія, даже сборники матеріаловъ — рѣшительно все, всякая литературная форма и всякая спеціальность стремились стать въ уровень съ возникшею и постоянно возраставшею потребностью знать народъ. Всякая форма стремилась дать болѣе или менѣе вѣрное и живое изображеніе народнаго быта, обычаевъ, нравовъ и т. д. Выбранные литераторы предприняли поѣздки на сѣверъ, на востокъ, на югъ, съ цѣлью изучать народность. Въ театрѣ рукоплескали народнымъ спектаклямъ, народнымъ характерамъ, не винкая, можетъ быть, отъ увлеченія, въ самомъ ли дѣлѣ они народны, или только простонародны, въ самомъ ли дѣлѣ это народный складъ ума, характера, нрава, или это обыкновенное балагурство, просто-народное кривлянье. Какъ бы ни было, а самые даже народные литераторы съ большимъ сожалѣніемъ отзывались о томъ горестномъ обстоятельстве, что какъ они ни стараются, что ни предпринимаютъ, а все-таки не напедаютъ, какъ говорится, въ жилу,

т. е. въ народность, что народъ-то собственно все-таки мало ихъ понимаетъ и даже вовсе не читаетъ. Въ ученой средѣ, въ средѣ отвлеченной, народность наконецъ выдѣляется изъ всѣхъ понятій, которыя прежде ее опредѣляли, изъ всѣхъ понятій, которыя опредѣляли вообще наше историческое развитіе. Историки торопливо заявили, что они нацѣлены разработывать «исторію народа», а не исторію государства, и всѣ въ восторгъ пришли отъ этой мысли, фельетонисты даже вскрикнули отъ радости, и убѣдили всѣхъ, что съ этой только минуты мы будемъ жить настоящую исторію. Провинціальная публицистика съ горестію дѣлала упреки гимназистамъ, что они, гимназисты, равнодушны *къ народу*. Говоря объ одной воскресной провинціальной школѣ, гдѣ, вѣроятно, по случайнымъ обстоятельствамъ, занялись ученіемъ семинаристы, а не гимназисты, тамошній публицистъ въ негодованіи восклицаетъ: «Неужели семинаристы опередили въ сочувствіи къ народу гимназистовъ?» Словомъ сказать, съ тѣхъ поръ идея народности стала краеугольнымъ камнемъ нашего общественнаго сознанія. Всякую нашу мысль, всякій трудъ, всякій подвигъ она направляла въ свою сторону. Она сдѣлалась нашею спасительницею и путеуказательницею и совершенно вытѣснила изъ нашихъ понятій тотчасъ же состарѣвшуюся, но прежде очень любимую, европейскую идею прогресса, въ которую мы точно также безусловно вѣровали и которая, какъ оказалось, обманула насъ или по крайней мѣрѣ измѣнила тѣмъ понятіямъ, какія мы о ней составили.

Вмѣстѣ съ «прогрессомъ» потеряла для насъ особенное значеніе и европейская цивилизація и, по мѣрѣ того, сколько теряла въ нашихъ глазахъ Европа, наша мысль о народности пріобрѣтала новыя силы. Мы все больше убѣждались въ своихъ собственныхъ достоинствахъ, въ своей самостоятельности, самобытности, своеобразіи. Всѣ въ одинъ голосъ и теперь

повторяютъ, что «мы не Европа», что иноземныя формы и вѣтри жизни, ея теорія и практика неспособны опредѣлять или выразить сущность и свойства нашей народности, какъ неспособно иной разъ слово выразить новорожденную мысль во всей ея силѣ, со всеми оттѣнками понятія. Мы хотимъ быть сами собою. Эта мысль преслѣдуетъ насъ всюду, и какъ прежде боялись мы казаться не европейцами, такъ теперь боялись казаться не русскими. Журналы и газеты къ своимъ именамъ спѣшаютъ присоединить заветное качество—*русскій*, и пошнитоно упрекаютъ другъ друга въ одностороннихъ увлеченіяхъ западными идеями, теоріями и т. д. Каждый отыскиваетъ точку зрѣнія *русскую*; каждый думаетъ, что стоитъ уже на этой точкѣ, намекая при этомъ, что другіе еще далеки къ своимъ исканіямъ. То же стремленіе породило множество новыхъ журналовъ и газетъ, потому что каждому хотѣлось сказать обществу *свое* самостоятельное *русское слово*, провести самостоятельную русскую мысль, повести *русскую бесѣду, русскую рѣчь*.

Не желая оставаться подражателями Запада, не желая даже сколько нибудь походить на него, мы, по логическому ходу мысли, стали враждебно, едва не съ ненавистью относиться къ реформѣ Петра, какъ къ такому началу, которое стерло, неказило живыя силы нашей народности, отмѣчало, обезличило насъ. Отзываясь, по необходимости, съ снисходительною холодною объ этомъ печальномъ явленіи въ нашей исторіи, мы ставили въ противоположность ему народность, какъ другое болѣе разумное и самое жизненное начало, вполнѣ способное вывести насъ, какъ древнихъ Израильтянъ, изъ этого нѣмецкаго или вообще европейскаго вавилонскаго плѣна. Народъ постепенно выросталъ въ нашихъ мысляхъ сказочнымъ великаномъ, и чѣмъ больше мы сознавали себя Нѣмцами, вообще подражателями Запада, тѣмъ громаднѣе являлся въ на-

никъ глядякъ этотъ великій образъ всего чисто-русскаго, самобытнаго, самодѣтельнаго, самостоятельнаго. Ту потребность самобытной народной силы, потребность личной самостоятельности и самостоятельности, которая зачинаеть теперь въ умы, мы воплощаемъ въ этотъ дорогой образъ и, разумеется, упрощаемъ его всѣми качествами, свойствами, достоинствами, каковыя желаемъ себѣ, по характеру своихъ стремленій и вѣснѣй. Мы открывали такіа коренныя основы русскаго бытія, коренныя народныя свойства, которыя ставили въ туникъ всякаго сколько нибудь здравомыслящаго человека. А къ тому же всѣ эти основы и свойства по большей части составляли только отрицаніе положительныхъ свойствъ западныхъ народностей, нѣмецкихъ, французскихъ, английскихъ, или, вѣрнѣе сказать, отрицаніе вѣснѣй выработанныхъ началъ западной цивилизаціи, которыхъ въ наличности у насъ не оказывалось, и въ параллель которымъ, по стремленію стать въ уровень съ Европою, мы должны были натануть свои самобытные корни и свойства.

Все это, какъ стремленіе, въ известномъ смыслѣ очень похвально; самая идея народности въ своей сущности есть также великая и добродѣдная идея, которая во всякомъ случаѣ принесетъ въ своемъ развитіи и распространеніи немалую пользу, ибо въ ней лежитъ глубокая общечеловѣческая основа и естественное неизмѣнное требованіе жить согласно законамъ собственнаго природнаго развитія, то есть вообще жить свободно и независимо отъ чуждыхъ челоѣческой и, следовательно, народной природѣ стѣсненій. Идея народности, какъ и родоначальница ея, болѣе общая идея самостоятельности есть собственно идея естественности развитія, идея свободы и независимости отъ всего искусственнаго, въ смыслѣ дрессированнаго и потому уродливаго и искаженнаго. Ктожъ не порадуется водворенію и распространенію этой идеи въ

жизни. Но нельзя не сознаться, что постановка вопроса и проведение идеи у нас сопровождается непомерным кривляньемъ, напыщенностью, вообще какою-то театральностью, какими-то претензіями на франтовство, на модный туалетъ или на модный покрой платья, такъ что весь этотъ кличъ о народности походитъ больше на фразу, чѣмъ на дѣйствительную потребность сознанную умомъ, почувствованную сердцемъ, а не занесенную какимъ либо бродячимъ вѣтромъ литературныхъ, историческихъ или политическихъ мечтаній. Въ проведеніи идеи высказывается столько ропотливщины и хлестаковщины, что какъ-то не вѣрится, чтобы вышелъ большой толкъ изъ всѣхъ заявленій, какія были сдѣланы въ ея пользу; по крайней мѣрѣ многое и въ литературѣ и въ наукѣ такъ и остановилось на однихъ этихъ заявленіяхъ. Потому, несмотря на многочисленность и непрерывность заявленій, идея до сихъ поръ не явила въ себѣ ничего положительнаго и служить, повсюду, только протестомъ противъ государственности, или вообще противъ опеки, отрицаніемъ тѣхъ формъ и силъ, которыя управляли нашимъ развитіемъ въ послѣднія столѣтія, то есть, выражаясь попросту, отрицаніемъ всей петровщины въ нашемъ развитіи.

Къ этому еще присоединяется то печальное обстоятельство, что въ протестѣ нашемъ чувствуется больше всего какая-то пассивность невинной жертвы, и вовсе не чувствуется того собственно народного достоинства, какое неотъемлемо принадлежитъ всякой исторической народности, и настоящее пониманіе котораго ни въ какомъ случаѣ не допуститъ представлять народъ чуть не игрушкой разныхъ случайностей. Почти каждая статья исторической изслѣдовательности или критики, трактующая о судьбахъ народа и народности, въ концѣ концовъ представляетъ ликъ народа какою-то угнетенною невинностью, жертвою, самую несчастною и до слезъ жал-

кою жертвою. Это также одна изъ любимѣйшихъ темъ нашихъ теперешнихъ историческихъ и общественныхъ созерцаній. Все мы очень привыкли сваливать грѣхи на вѣдннюю какую-то силу, это коренная основа даже народныхъ нашихъ убѣжденій, и потому все мы, начиная съ Любима Торцова, очень любимъ выставять себя жертвою враждебныхъ силъ и обстоятельствъ, драпироваться въ костюмъ героевъ-страдальцевъ. На это въ условіяхъ нашего сознанія и нашей общественности существуютъ основательныя причины и это явленіе вполне естественно въ силу тѣхъ же причинъ. Но въ приложеніи къ изученію родной исторіи и народности такое воззрѣніе служить большою помѣхою.

Оно-то, противъ даже нашего сознанія, и заставляетъ рисовать нашу народность плачевною жертвою всевозможныхъ и самыхъ жестокихъ случайностей, отъ которыхъ собственно и не удалось намъ развиться какъ слѣдуетъ. Весьма понятно, что здѣсь важную роль играетъ знаменитое слово *еслибъ*, какъ самая твердая и ничѣмъ непобѣдимая основа сужденій и разсужденій; на немъ одномъ почти строится самая большая часть выводовъ и заключеній теперешней изслѣдовательности, которая въ иныхъ случаяхъ прямо начинается этимъ словомъ, а въ другихъ такъ располагаетъ повѣствованіе, что оно само выскакиваетъ, какъ необходимоме заключеніе, и читателю остается только прибавить: «да, еслибъ!..» Еслибъ не Москва, то удѣльновѣчевой быть развился бы у насъ великолѣпно... въ немъ великіе задатки лежали... Еслибъ не Петръ, то мы теперь процвѣтали бы во всѣхъ чисто-русскихъ самостоятельныхъ и самобытныхъ началахъ и основахъ жизни. Еслибъ не централизація, то мы были бы совѣтъ не тѣ; у насъ никогда бы не было ни крѣпостнаго права, ни нѣмецкой бюрократіи, и т. д.; мы были бы совершенно свободны и жили бы припѣваючи, а главное — были бы столько же самостоятельны и

оригинальны, какъ всѣ великія народности Запада. Да, еслибъ «на горюхъ да по порозъ, то-бъ горюхъ черезъ тынъ переросъ», можно справедливо сказать всякій дѣйствительно русскій человекъ съ русскими складомъ мысли, выслушавши всѣ эти еслибы. Тутъ не меньше они, эти еслибы, очень заманчивы для читающей и слушающей публики, заманчивы потому, что при ихъ помощи всякій становится безъ затрудненій солиднымъ и компетентнымъ судьей всей нашей цивилизаціи. Вопросы, задачи, надъ которыми иной Нѣмецъ или Англичанинъ пресидѣлъ бы десять, двадцать лѣтъ, рѣшаются этими способами очень скоро и легко, и главное вполне удовлетворительно. Дальше идти некуда и размышлять не объ чемъ, что особенно и нравится публикѣ, всегда очень занятой собственными дѣлами. Исследованиями ей некогда заниматься. Она за тѣмъ только и обращается къ исторіи, чтобы услышать поскорѣй послѣднее рѣшительное слово. А тутъ рѣшительное слово готово и, что важнѣе всего, это готовое слово какъ разъ бьетъ въ жилу, въ то общее настроеніе нравовъ и кончатій, о которомъ мы только-что говорили. Публика въ восторгѣ и съ искреннимъ сочувствіемъ и даже съ рукоплесканіями принимаетъ историческій выводъ, который закрѣпляетъ ея давнишнія созерцація, что она — невинная ни въ чемъ жертва. Чѣмъ же лучше, какъ не такимъ именно выводомъ можно оправдать и узаконить все то, что накопилось въ насъ съ теченіемъ столѣтій дряблага, лѣнниваго, апатичнаго, всю эту обломовщину, репетиловщину, хлестаковщину, ноздревщину, печоринщину и т. д., все то, что такъ путаетъ насъ и нѣмаетъ намъ сдѣлаться въ дѣйствительномъ смыслѣ самостоятельными. Нельзя сомнѣваться, что и по этому пути объяснится много историческихъ фактовъ, раскроются новыя стороны нашего прошлаго и старшій даже матеріалъ, равно какъ и прѣжніе выводы мы тщательнѣе пересмотримъ, под-

критичнѣ слабѣе нѣста новыми доказательствами, или же совсѣмъ устранить прѣждевременныя и слишкомъ одностороннія заключенія. Но нѣсть съ тѣмъ подобными представленіями о нашомъ прошедшемъ мы распространили значительную долю заблужденій, загрозивши свободной путѣ науки извращенными понятіями, которыя всегда съ такимъ трудомъ возвращаются на правую и истинную дорогу.

Въ этомъ направленіи общественной мысли и литературы къ заветнымъ началамъ собственной народности, въ сущности, нѣтъ ничего новаго. Ново, пожалуй, только то, что направленіе сдѣлалось такъ сказать всеобщимъ. Со времени реформы мы не одинъ разъ становились народниками и руссофиллами, хотя и не въ такихъ размѣрахъ и не съ такими тенденціями, что условливалось степенью, силами и свойствами нашего прежняго образованія и существомъ самыхъ вопросовъ, которые заставляли насъ искать спасенія въ своей національности, или обращали къ ней наши стремленія. Такъ, тотчасъ послѣ смерти Петра, мы заявили свой протестъ противъ иностраннаго вліянія и гнета, и хотѣли-было устроиться по-своему, независимо отъ Нѣмцевъ, но отъ нашей же розни попали еще въ горшную нѣмецкую бѣду. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы мы также вздохнули отъ дѣйствительнаго, прямаго и непосредственнаго нѣмецкаго ига и съ радостью привѣтствовали возвращеніе къ русскому и національному, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что съ этого времени русскими интересами стали заниматься русскіе же люди, которые естественно желали своей землѣ больше добра, чѣмъ иноземцы, и дѣйствительно принесли это добро однимъ уже тѣмъ, что основали, напр., русскій університетъ.

Съ распространеніемъ образованія распространялось и еще ѣще укрупнялось и наше руссофильство, какъ особое на-

правление общественной мысли, мечтавшей о самостоятельности и самобытности.

При Екатеринѣ руссофильское направление обозначилось еще яснѣе и положительнонѣе, чему очень способствовала возникшая въ это время литература и журналистика. Тогда яснѣе, чѣмъ прежде, обозначились, «дежившіе и до нашего времени, два сопротивные и оба вредные предрасудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо». Теперь обыкновенно называютъ эти предрасудки завидничествомъ и славянофильствомъ. Точно такъ-же, какъ теперь, и тогда были люди средніе, которые не творили особаго поклоненія передъ стариною и не восторгались западными модами, т. е. смотрѣли больше на сущность дѣла, а не на покрой того кафтана, въ которомъ это дѣло представлялось. Новорожденная литература слѣдовала по преимуществу этому среднему направлению и жестоко обличала обоихъ сопротивниковъ. Но время отъ времени въ ней раздавались и крайніе голоса, не полъ видомъ сатирическаго опредѣленія этихъ крайностей, а въ видѣ положительныхъ, прямыхъ заявленій. Тогда еще не разсуждали ни о политической экономіи, ни объ общественномъ устройствѣ; поэтому руссофильское направление отстаивало больше русскіе дѣдовскіе домашніе обыкновенія и обычаи и даже привычки. Оно защищало старинный русскій костюмъ, старинный столъ, старинные нравы и т. п., и защищало это съ наивностью человека, который въ действительности сохранялъ еще въ своихъ воззрѣніяхъ и привычкахъ родную старину. Тогдашній Люборусъ разсуждалъ такъ-кии образомъ: «люблю я русскихъ, потому что прѣисхожу отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо, кажется мнѣ, что у нѣтцевъ для русскихъ желудковъ оныя голодноваты. Люблю русскихъ по причинѣ того, что нѣтютъ они, въ раз-

стужкою писателя. Фантасмагическую остроту и ироническую терпеливость. Давно бы хотел узнать, ибо не вхожу в тон, чтоб повторился этого жалованья, а полагаю, что те, которые не хотят, стараются больше собрать денег, нежели жить жизнью. Идти, восторг, салонка, рубцы, ветчина, голландка, французские книги и прочая русская кухня чрезвычайно мила; а стюаж, франкоязычие, рагу, дичь, барбекю, класки съ сметаной, сыру съ черникой и прочую иностранность выразить жалованья — хотя бы для меня и на свете не было... Печатаю русскую омежу для того, что она проста и модна, не так, как иностранная, которая изобилует ненужными поучительными провалами. Кажется мнѣ, что и уборъ волосъ, происходящій отъ мнѣ же, госпожъ иностранцевъ, безпокойство да и снѣженье; ибо не безпокойно ли то, чтобъ сидѣть 3 часа передъ зеркаломъ для того, чтобъ повертѣть изъ волосъ нудю? и не снѣжно ли, чтобъ насыпать голову свою нудю и сдѣлаться прежде времени сѣдымъ? Говорю я по-русски, а другіе языкомъ, хотя нѣсколько и разунтъ, не говорятъ на оный не унѣю, да и не хочу, ибо кажется мнѣ, будто бы они противъ нашего недостаточны, да и расположение ихъ чудно, а въ доказательство тому приложу здѣсь только одинъ примѣръ: у насъ, русскія, если человекъ говоритъ другому человеку, то употребляетъ второе лице, мы, какъ то и быть должно: французы же, напротивъ того (а по милости ихъ и мы), прилагаютъ хотя и второе лице, но уже множественнаго числа, вы, а о пѣнцахъ и говорить нечего....»

Такия и подобныя разсужденія и философствованія не прерывались и въ послѣдующее время, а въ эпоху 12 года они точно также сдѣлались всеобщими, потому что всѣ тогда поголовно стали руссофилами и патриотами. Причина была очень понятна и слишкомъ велика, чтобъ не воодушевиться самою

горячемъ любовью ко всему русскому-родному. Любовь къ отечеству стала тогда руководящимъ чувствомъ, руководящемъ мыслью даже и въ обработкѣ и изученіи историческаго матеріала, не говоря уже о публицистикѣ. Тогда русскія патриотическія добродѣтели свободно и легко натагивались на героевъ собственной исторіи, въ которой даже и не оставалось уже обыкновенныхъ людей, а всѣ дѣлались или великими патриотами, или низкими злодѣями — средины не было. На то была великая и необыкновенная причина, — какъ мы упомянули.

Но вообще руссофильство пробуждалось всегда тѣмъ сильнее, тѣмъ неудовлетворительнѣе оказывалось современное устройство, тѣмъ настоятельнѣе являлась потребность перенѣтъ и улучшеній, тѣмъ, слѣд., живѣе чувствовалась необходимость отыскать прямой и вѣрный путь общественнаго спасенія. Такъ было передъ реформою и во время реформы Петра; такъ, хотя и въ меньшей силѣ, было во время Екатерининскихъ и Александровскихъ реформъ. То же дѣйствіе этого закона въ нашемъ развитіи мы переживаемъ и теперь. Мы теперь, безъ исключенія всѣ, въ большей или меньшей степени, слѣдзали руссофилами, народниками. Такихъ образомъ свѣточъ руссофильства, какъ можно видѣть изъ нашихъ словъ, ни разу не угасалъ. Онъ горѣлъ сильнее, какъ скоро жизнь дѣлала болѣе или менѣе сильный поворотъ къ собственному обновленію. Онъ свѣтилъ упорно, когда даже было очень свѣтло отъ господства другихъ, ему сопротивныхъ идей. Въ прошедшее царствованіе, подъ видомъ славянофильства и подъ влияніемъ нѣмецкой философіи, онъ образовалъ нѣчто въ родѣ какаго-то догматическаго ученія, нѣчто въ родѣ какой-то ученой системы, особой историческоіи школы, которая затронула и поставила на видѣ тѣ именно общественные и историческіе вопросы, какими исполнены наши умы въ настоящую

минутой. И действительно, теперешніе выводы, заявления, заключенія, громкіе и рѣзкіе приговоры въ большинствѣ случаевъ есть только изреченія законченныхъ славянофильскихъ вѣдъ, которыя или проведены дальше, послѣдовательно, или только жиде разведены современными резонерствомъ. Но, разунтется, во старой памяти, почитая славянофильство предразсудкомъ, никто не хочетъ сознаться въ томъ, что онъ послѣдователь этого ученія. Да и нельзя сознаться; а *инициатива* направленія, та *инициатива*, на которой въ одно, и недалекое еще время мы были тоже совѣтъ нѣтъшались. Въ вѣкоторыхъ органахъ было неразъ заявлено, что теперь ни славянофильствъ, ни западниковъ не существуетъ, а существующъ мы — народофилы. Каждый органъ разунтълъ подъ этигъ мы исключительно только одного самого себя.

Въ этотъ-то и сказалась наша любезная *инициатива* — т. е. стремленіе становиться впередъ, стремленіе стоять въ позѣ руководящихъ, передовыхъ людей и исключительно обладать и завѣдывать истиною, или моднымъ направленіемъ.

Можно присвоивать себѣ пальму первенства въ изобрѣтеніи какой угодно новой идеи, особенно когда существуетъ такая страшная потребность на модныя новости въ этотъ родъ; время и здравый разборъ дѣла однакожь раскроютъ прямыя и непосредственные источники этихъ новостей. — Осмотритесь внимательно кругомъ: о чемъ проповѣдуетъ наше слово и въ какую сторону направляется наше дѣло? О чемъ восторженные клики, какого свойства героизмъ особенно требуется общественною мыслью; кто таковъ герой нашей минуты? Самостоятельность — вотъ наша проповѣдь, нашъ героизмъ, и самостоятельный человекъ — нашъ герой. Мы отъ всей души, отъ всего сердца и отъ всѣхъ помышленій желаемъ стоять на собственныхъ ногахъ. Неотражимая и ничѣмъ любимая идея вѣка работаетъ повсюду и является во вся-

кихъ, даже ежедневныхъ мелочахъ, а тѣмъ больше въ пред-
ставленіяхъ о нашемъ прошедшемъ. Теперь мы всё поголовно
ищемъ самостоятельности и безъ-умолку говоримъ о ней; а
такъ какъ мало кто изъ насъ вникаетъ, въ чемъ собственно
должна заключаться самостоятельность вообще, то, по гото-
вому уже слѣду, мы ищемъ и требуемъ самостоятельности
чисто-русской или свято-русской, самой народной, безъ вся-
кой примѣси чего либо иноземнаго, особенно такъ называе-
мыхъ западныхъ теорій. Но припомните, кто-жъ, въ прежнее
время, больше всего говорилъ о народной самостоятельности,
кто настойчивѣе и безъ усталки требовалъ самостоятельности,
и именно русской самостоятельности, самой чистѣйшей рус-
ской самобытности, въ противоположность даже той, которая
несла слишкомъ просторное названіе общечеловѣческой или
вообще человѣчной. Кто хотѣлъ, чтобъ Русь была сама со-
бою, чтобы она была не только самостоятельна, но даже и
оригинальна, своеобразна, какъ всё великія историческія на-
родности; чтобъ русскій человѣкъ походилъ на самого себя,
а не на нѣмца, въ котораго старался передѣлать его Петръ,
принимавшій и понимавшій тогдашняго нѣмца какъ настоящаго
человѣка. Всего этого давно хотѣли, обо всемъ этомъ давно
и много и очень хорошо говорили славянофилы. Мы теперь
въ своихъ историческихъ и разныхъ другихъ мечтаніяхъ о на-
родѣ и народности пережевываемъ лишь то, что гораздо осно-
вательнѣе и несравненно талантливѣе было не одинъ разъ
заявлено въ славянофильскихъ органахъ. Очень понятно,
почему коренные славянофилы не вѣрятъ намъ, отрекаются
отъ нашего славянофильничанья и признаютъ весь этотъ шумъ
о народности ложнымъ видоизмѣненіемъ самаго вертляваго
западничества.

Какъ бы то ни было, но славянофильство восторжествова-
ло, и должно было восторжествовать, потому что оно ставило

вопросъ о самостоятельности опредѣлите, такъ сказать практиче и потону понятию для большинства. Порядъ космополитическнхъ образомъ самостоятельности, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, оно стало родной и всѣхъ вснхъ образъ самостоятельности въ народномъ, исключительно русскомъ смыслѣ. Оно побѣдило, ибо вся сила вещей оказалась на его сторонѣ. Самые ярые нѣкогда западники теперь похваляются даже тѣмъ, что они первые обратились въ славянофильство.

Но если дѣйствительно всѣ теперь славянофильничать, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что западники и западничество исчезли какъ дытъ, что будто теперь и въ самомъ дѣлѣ существуетъ другая особая идея, которая, какъ химическнй реагентъ, разложила прежннхъ направленнх въ самое себя, то есть въ нѣчто такое, чего прежде не существовало и что явилось какъ самокупленне, жизненная связь прежннхъ направлений. Это можетъ такъ показываться только со стороны господствующей идеи вѣка, то есть въ томъ смыслѣ, что всѣ теперь требуютъ одного и говорятъ объ одномъ.

Но требовать самостоятельности и говорить о ней, о ея формахъ и видахъ, о ея разнообразныхъ началахъ, не значитъ еще славянофильничать, и не въ этомъ торжество славянофильства. Весь толкъ въ томъ, кто какой самостоятельности ищетъ. По отвѣту на этотъ вопросъ вы всегда и можете узнать короннаго славянофила или не славянофила и чистаго западника.

Всѣ мы ищемъ самостоятельности и самобытности, но почти каждый понимаетъ ее по своему, по существу своихъ настроеннх, личнхъ вкусовъ, личнхъ стремленнх и идеаловъ. Лучше всѣхъ ее понимаютъ, конечно, простые практическнх люди, не зараженные никакими литературными ученнми и идеями. Они не мечтаютъ о самостоятельности, а въ

самой действительности дѣлаются самостоятельными, отыскивая себѣ точку опоры въ текущихъ жизненныхъ явленіяхъ, въ томъ, что теперь находитесь подъ ногами, а не въ томъ, что когда-то было, да не съумѣло устоять противъ такъ называемыхъ историческихъ случайностей. Напротивъ того, литературные фразеры и мечтатели проводятъ время только въ томъ, что спорятъ и разсуждаютъ, какая должна быть самостоятельность, и вмѣсто того, чтобъ пользоваться каждымъ шагомъ развитія въ смыслѣ самостоятельности, они, наоборотъ, занедозриваютъ своими толками, игнорируютъ почти каждый такой шагъ; иной разъ даже только потому, что не отъ нихъ идетъ инициатива этого шага, то есть не по ихъ умоначертанію вчлняется и располагается дѣло.

Въ идеѣ народности, которая теперь у всѣхъ въ умѣ и на языкѣ, заключается и главное понятіе о свойствахъ исконной или самостоятельности. Мы хотимъ самостоятельности народной, то есть самой чистой русской самостоятельности, основанной на коренныхъ русскихъ свойствахъ и началахъ, слѣдовательно, со всѣми тѣми подробностями, какія опредѣляютъ или опредѣляли эти русскія коренныя основы. Другихъ формъ самостоятельности мы не признаемъ и никакихъ другихъ, особенно иноземныхъ, основъ жизни не приемъ. Западныя теоріи отжили у насъ свое время. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждаютъ всѣ разсуждающіе объ этомъ вопросѣ. Но вѣдь должно сознаться, что все это есть общее мѣсто, которое ничего не показываетъ и ничего не доказываетъ. Что такое *русская* самостоятельность, какія это коренныя основы нашей жизни? До сихъ поръ это не больше какъ іероглифы, символы, амулеты, которые непременно нужно же когда либо отчетливо и подробно растолковать, очертательно выяснить, чтобъ они всѣмъ были понятны. А-то, при словѣ народность, коренная основа народности, всякій Богъ знаетъ о

ность привить къ нему нѣчто такое, что болѣе намъ теперь нужно и свойственно нашему теперешнему развитію, поставить, слѣдовательно, въ необходимость выращать совѣтъ другіе плоды на этомъ корнѣ, совѣтъ не тѣ плоды, какіе онъ выращалъ по собственной волѣ и желанію; словомъ сказать, поставить въ необходимость измѣнить его коренную народность.

Да, если мы не праздны, не всеу произносимъ дорогія намъ слова: народъ, народность, русская самобытность, то мы должны для общей пользы ясно и опредѣленно отнестись къ этому вопросу, специально и подробно обработать тѣ задачи, какія почитаемъ особенно важными въ разъясненіи этого дѣла, должны опредѣленно выразумѣть, чего именно мы хотимъ и какъ именно желаемъ сдѣлаться народными, чисто-русскими. А при этомъ необходимо имѣть въ виду, что народность, какъ цѣльное органическое совокупленіе извѣстныхъ жизненныхъ началъ и ихъ формъ, никакъ нельзя дѣлать на части съ тѣмъ, чтобъ отбросить нынѣ въ сторону какъ ветхій хламъ, а нынѣ по выбору взять себѣ въ пользованіе. Народность — живое цѣлое и механически дѣлать ее невозможно. Берите все, въ чемъ заключается ея жизненная самобытность и оригинальность, тогда вы и будете народными, самобытными и оригинальными, вполне русскими, если вы еще въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что вы не русскіе. Но вѣдь никто изъ самыхъ крайнихъ народниковъ не согласится промѣнять свой теперешній *петровский* комфортъ, просторъ, прохладу и удобства жизни на старинный до-петровский комфортъ и тогдашній просторъ и прохладу; никто вѣдь не рѣшится теперь научать дѣтей писанію по часослову и псалтырю, никто не захочетъ подчинить себя, свою семью и всѣхъ домашнихъ правиламъ, наставленіямъ и наказаніямъ Домостроя, который былъ зеркаломъ и зеркаломъ старой нашей народности и вовсе не

относится къ одному только XVI столѣтію, заподозрѣваемому въ татарщину, а есть произведеніе или сокровищница, гдѣ сложено и совокуплено все нравственное богатство, накопленное предшествовавшими вѣками. На этотъ счетъ дѣло народности можетъ быть покойно. Ея проповѣдники и глашатаи не измѣняютъ себѣ, не измѣняютъ своего быта и порядка жизни по народному идеалу, по завѣтнымъ и кореннымъ народнымъ преданіямъ и началамъ жизни, которые они такъ восхваляютъ; никогда не измѣняютъ тому комфорту, среди котораго такъ шумно разсуждаютъ объ этихъ началахъ, и ни за что не промѣняютъ свой просторъ на уютную, простую, но столько же удобную для человѣка народную обстановку жизни. Пожалуй, они надѣнутъ народный костюмъ, народную шапку, но надѣнутъ шелкъ, а не армячину, надѣнутъ не *крестьянскую* шапку, а шапку *боярскую*, соболю; не прочь они выстроить русскую избу, но избу чуть не кипарисную, и во всякомъ случаѣ тоже боярскую съ златоверхимъ теремомъ.

Такимъ образомъ, должно сознаться, что звонкая проповѣдь о народности, стремленіе къ ея кореннымъ основамъ нейдетъ дальше какихъ либо модныхъ затѣй. Нельзя конечно отрицать, что и въ этихъ модныхъ затѣяхъ, какъ во всякой мелочи, обнаруживается нѣкоторая доля общей теперешней потребности и движущей всѣхъ идеѣ стоять на собственныхъ самобытныхъ ногахъ, и если не въ самомъ дѣлѣ стоять, такъ по крайней мѣрѣ казаться стоящимъ твердо и прочно. Дальше этого нейдутъ и такъ-называемыя народные литературныя направленія. Это тоже своего рода боярскія шапки, въ которыхъ такъ важно и степенно расхаживаютъ иные литературные органы.

Въ этомъ-то горестномъ обстоятельстве и заключается та истина, что наше западничество есть такая же живая общественная сила, какъ и наше стремленіе къ народности, что мы

ему никогда не измѣнимъ и измѣнить не въ силахъ, и оно будетъ здравствовать у насъ до нескончаемыхъ вѣковъ. И славянофильство, или руссофильство, и западничество, во всѣхъ новыхъ своихъ явленіяхъ, во всѣхъ фазахъ своего развитія, въ сущности не какія либо литературныя только партіи, которыя можно легко упразднить постановкою новаго литературнаго направленія. И славянофильство и западничество — только двѣ стороны болѣе или менѣе сознательнаго пониманія дѣйствительности, двѣ жизненныя идеи, которыя во многихъ случаяхъ управляютъ развитіемъ общества. Ихъ исторія начинается очень давно, гораздо раньше Петра, съ тѣхъ поръ, какъ мы стали сознавать, что дѣло безъ Европы не обойдется, что Европа въ дѣйствительности очень намъ нужна. Съ развитіемъ общества онѣ, атѣ идеи, только видоизмѣнялись, принимали на себя новые образы, выставляли новые *ясаки* или символы, которые всегда и служили предметомъ разногласія, разномыслія и даже вражды. Въ извѣстные моменты нашего развитія и по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, то одна изъ этихъ идей торжествовала, то другая. Въ настоящее время оба направленія нѣсколько какъ бы спутались, растерялись, потому что совершающійся поворотъ жизни выбилъ ихъ изъ привычной колеи ихъ умствованій и разсужденій, перенесъ ихъ точки зрѣнія на другія мѣста. Оттого яснымъ и показалось, что они уже вовсе угасли. Нѣтъ, отчаяваться нельзя. Ихъ основы, ихъ начала кроются несравненно глубже, чѣмъ можно предполагать. Онѣ лежатъ въ нравственной природѣ общества и именно въ томъ недовольствѣ настоящимъ ходомъ вещей и устройствомъ жизни, которое всегда вызываетъ мыслящихъ и размышляющихъ людей искать спасенія въ идеалахъ прошлаго, или въ идеалахъ будущаго. Такъ и различіе славянофильства, или руссофильства, отъ западничества, какъ давно уже замѣчено, заклю-

чается въ томъ, что первое смотритъ «въ даль прошедшаго», призывая на спасеніе современности угасшіе образы древней жизни, поклоняясь благоговѣнно предъ этими образами, какъ предъ кивотомъ завета; другое, напротивъ, смотритъ «въ даль будущаго» и по естественной причинѣ считаетъ каждый новый шагъ развитія болѣе близкимъ къ цѣли, т. е. вѣруетъ въ прогрессъ, какъ въ живую силу исторической жизни народа. Оттого, напримѣръ, для перваго государственная дѣятельность Петра представляется какимъ-то чудовищнымъ разгромомъ всѣхъ основаній старой жизни, совершеннымъ искаженіемъ общественной русской природы, гибелью всѣхъ чисто-русскихъ историческихъ началъ развитія, въ то время какъ для другаго Петръ есть представитель высшаго сознанія этихъ началъ. Само собою разумѣется, что ни то, ни другое никогда не согласятся въ своихъ представленіяхъ, потому именно, что смотрятъ въ разныя стороны, видятъ совершенно разные предметы, хотя и носящіе одинакія названія. Государство, община, личность, даже право и т. п., вслѣдствіе различныхъ точекъ зрѣнія, понимаются каждымъ направленіемъ совершенно различно.

Славянофильство не безъ сочувствія отдаетъ напр. должную справедливость государственной дѣятельности Ивана Грознаго, созвавшаго первый земскій соборъ, общее государственное народное вѣче, возстановившаго отчасти самостоятельность земства. Это потому, что въ первомъ русскомъ царѣ выразилось тоже отношеніе къ современной ему дѣятельности. Первый царь, въ своемъ недовольствѣ этою дѣятельностью и въ своихъ стремленіяхъ дать государству лучшей строй и порядокъ, смотрѣлъ, какъ и славянофильство, въ даль прошлаго и оттуда вызывалъ спасающія силы. Но того новаго вина, которое заготовлено было московскимъ ходомъ исторіи, нельзя уже было вливать въ иѣли ста-

рые. Последующее время очень хорошо показало, какъ безуспѣшны были подобныя попытки: волею-неволею нужно было идти впередъ. Это и былъ единственный путь спасенія. По этому пути смѣлѣе своихъ предшественниковъ прошелъ послѣдній изъ царей — Петръ, всегда смотрѣвшій только въ будущее и оттуда ожидавшій всякаго добра и блага. Великая или печальная сущность его реформы въ томъ и заключается, что онъ навсегда разорвалъ связь съ преданіемъ. Можно объ этомъ много горевать и даже гнѣваться на это, но этого уже не воротить. По милости реформы, мы такъ крѣпко забыли свою старину, что въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи не чувствуемъ и не находимъ никакой связи съ нею. Это горько, но это неотразимый историческій и жизненный фактъ. Даже боярскія шапки, разные кафтаны и зипуны, то есть вообще внѣшность, наиболѣе доступную для изученія и пониманія, мы все-таки не умѣемъ возстановить съ археологическою точностью и щеголяемъ въ какихъ-то театральныхъ костюмахъ, столько же похожихъ на наши старинныя, сколько и мы сами похожи на старинныхъ людей!

Однимъ словомъ, мы совсѣмъ выбиты изъ коленъ нашихъ заветныхъ преданій и теперь можемъ только *подражать* нашей древности, какъ напр. въ болѣе отдаленную эпоху подражали византіяцамъ, какъ въ XVII столѣтіи подражали полякамъ, а съ Петра голландцамъ, нѣмцамъ, французамъ, янгличанамъ, надѣвая ихъ кафтаны и заимствуя ихъ образъ жизни. Наше теперешнее обращеніе къ народности есть только новый видъ нашей подражательности и новый фазисъ развитія той стороны нашихъ общественныхъ идей, которую обыкновенно обозначаютъ славянофильствомъ. Мы несколько не сомнѣваемся, какъ уже и говорили, и напротивъ глубоко вѣруемъ, что по этому пути мы несравненно ближе ознакомимся съ непосредственными коренными основами нашего

быта во всѣхъ отношеніяхъ, что глубже выйдемъ въ загадочный смыслъ нашей нравственной, умственной и общественной самобытности, подробнѣе осмотримъ всѣ уголки нашей крестьянской избы, съ цѣлю открыть что либо поучительное, назидательное и *наказательное* для нашего общественнаго устройства. Что будетъ дальше — неизвѣстно, ибо неизвѣстно, какъ долго продолжится господство новаго направленія и не встрѣтитъ ли оно какого нибудь еще новѣйшаго противника. Можно однакожь быть увѣрену, что отъ возстановленія нашей старины, когда дойдетъ до дѣла, одумавшись и узнавши ее получше, мы сами откажемся, ибо приладить ее къ нашимъ теперешнимъ общественнымъ, нравственнымъ и умственнымъ требованіямъ даже невозможно. Слишкомъ она наивна и простодушна, слишкомъ молода для нашего огорченнаго ума и нрава. Если мы когда либо побесѣдуемъ съ нею подольше, поразсмотримъ ее попристальнѣе, то легко увидимъ, что она была опекушка по призванію, ничуть не хуже, если еще не лучше нашихъ нѣмецкихъ опекуновъ и попечителей.

Отыскивая всюду, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, свѣтлыхъ точекъ самостоятельности, мы съ особенною любовью останавливаемся на нѣкоторыхъ *именахъ* самостоятельности, самоуправленія, саморазвитія свободныхъ и независимыхъ отношеній и положеній старой жизни; мы очень рады, что исканіе нашей самостоятельности имѣетъ историческую основу, имѣетъ корни; по легкости, съ какою мы и въ дѣйствительности относимся къ своей самостоятельности, мы удовлетворяемся одними этими *именами* и не только не выискиваемъ, какъ слѣдуетъ, во всѣ обстоятельства дѣла, но даже не позволяемъ напоминать объ этихъ обстоятельствахъ и тотчасъ готовы объяснять такое напоминаніе вовсе не научными а какими либо другими цѣлями. По свойству нашей исторической изслѣдовательности, каждый историческій фактъ,

нѣтъ что имъ расказывать и расказывать имъ отъ его историческаго смысла. Значитъ имъ только выдумать безцѣльную и неимѣющую къ тому ни малѣйшаго отношенія истинности историческую расказку о какой-нибудь изъ современныхъ министерствъ и прочее. Мы не можемъ сказать, что общественыя науки, какъ языкъ и прочіе слова въ качествѣ историческаго языка, имеютъ какое-нибудь свое, собственное только свое значеніе. Если истинно въ затрудненіи требованіи интеллектуальнаго и каждаго другаго предмета, чтобы раскрыть этотъ смыслъ. Мы, на словахъ только беремъ форму, а никакъ не въ удовлетвореніи, лишь бы эти слова совпадали съ какою-нибудь предъ-ставленіемъ о существованіи. Слѣдствіе, которое порождаетъ, углубительная самостоятельность мірастей или феодализма, земскій соборъ и т. п. — все это слова, о которыхъ мы составили совсѣмъ иные понятія, нежели что они значили въ своемъ дѣлѣ. Худо теперь, но мы убеждены, что когда эти слова нѣтъ дѣйствующій извѣстный смыслъ, было еще хуже. Зачѣмъ же обозначать себя и разрисовывать нашу почтенную древность вовсе несвойственными ей красками, вырывать изъ нея замысловатые кастеты, освѣщать ее ложнымъ смысломъ? Что можетъ выйдти изъ такого отношенія къ старинѣ, что можетъ выйдти изъ нашихъ теперешнихъ потребностей и желаній разумныхъ стремленій, когда раскроютъ, что такія измышленныя историческія нити корни нѣтъ ложный смыслъ? Будто потребность хорошаго устройства жизни можетъ доказываться весьма сомнительнымъ и всегда спорнымъ положеніемъ, что такое устройство когда-то существовало! Равнѣ нѣтъ ему болѣе примыхъ и совершенно правдивыхъ, омывъ неотразимыхъ доказательствъ въ современномъ неустройствѣ!

Дѣло въ томъ, что всякое гражданское или народное устройство, какъ бы ни казалось оно съ поверхности хорошо или

дурно, можно оцѣнить по достоинству только въ такомъ случаѣ, если узнаемъ каково жить среди этого устройства отдѣльному лицу, малому и большому, а особенно надѣнькому. Намъ кажется, что въ этомъ вся задача, когда мы разсуждаемъ о какихъ бы то нибыло преимуществахъ одной эпохи передъ другою, или одного народнаго устройства передъ другимъ. Между тѣмъ этого-то базиса въ подобныхъ разсужденіяхъ никогда и не примѣчаютъ и отдѣлываются обыкновенно общими мѣстами разныхъ восхваленій или порицаній только одной внѣшней, кажущейся стороны устройства. Мы уже достаточно искуслись въ томъ, что внѣшній порядокъ нисколько не обозначаетъ, что таковъ же порядокъ и внутри, такъ какъ и всякая внѣшняя форма свободы нисколько не обнаруживаетъ какова эта свобода внутри. Притомъ всегда надо различать *стенную* свободу отъ свободы *гражданской*, свободу толпы, цѣлаго стада, отъ свободы лица, каждой единицы. Такъ и у насъ въ исторіи, напр. старое наше вѣче было свободно, неизмѣримо свободнѣе земскаго собора, но такъ же ли было свободно тогда лице, каждое лице, которое такъ свободно кричало и шумѣло на вѣчахъ? Не было ли еще сильнѣйшей опеки надъ его дѣйствіями, мыслями, понятіями? Въ этомъ весь вопросъ. Единичному лицу рѣшительно все равно, кто бы его ни преслѣдовалъ своею опекою, народная ли шумная толпа вѣча, которая кидаетъ его въ Волховъ за то, что она иначе вѣруеть или понимаетъ вещи, или полицейское ежеминутное внѣшательство въ его дѣла, слова, мысли, опекунскій надсмотръ или надзоръ за его поведеніемъ. Оно чувствуетъ только, что ему тѣсно, горько, больно. А если оно этого не чувствуетъ, то-есть сознательно не примѣчаетъ, какъ и было въ нашей древности, то еще хуже: значить, его развитіе еще покомтся въ пеленкахъ первобытной стѣдвости. Если оно молчитъ и бессмысленно поглядываетъ на все про-

исходящее вокругъ его, уступая на каждомъ шагу не только крупному, но даже и всякому мелкому насилію, если оно не умѣетъ даже отъ собственнаго лица протестовать противъ такого насилія или стойко защищать себя, а ожидаетъ, когда подыметься все стадо, то какъ же не замѣтить въ немъ преобладающихъ началъ стадности и совершенное отсутствіе началъ общественности, гражданственности? Сознющая себя личность никогда не позволитъ себѣ равнодушно относиться даже къ чужому насилію, а всегда, не дожидаясь помощи стада, тотчасъ заявить свое негодованіе по этому случаю. Она стойко и безъ малѣйшихъ сдѣлокъ и уступокъ противится всему тому, что стѣсняетъ существованіе и съ тою же стойкостью охраняетъ то устройство, которое сколько нибудь защищаетъ ея права и требованія. Стадо стѣбитъ разогнать— в дѣлу конецъ, ибо сила стадности не въ отдѣльныхъ единицахъ, а исключительно только въ ихъ совокупности. Сила гражданскаго человѣческаго общества не въ толпѣ, а въ стойкости каждаго отдѣльнаго лица. Оно исключительно сильно одною силою, силою и могуществомъ развитія человѣческой личности. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія яная свободная форма жизни, если будетъ хорошо разслѣдована, обнаружитъ только дѣйствіе первобытныхъ стадныхъ началъ жизни, а вовсе не движеніе и не развитіе гражданской свободы.

Мы замѣтили, что различіе славянофильства отъ западничества состоитъ въ томъ, что одно смотритъ въ прошедшее, другое въ будущее. Западничество полагаетъ цѣлью общественнаго и государственнаго развитія не какую либо народную форму, а человѣческую личность, полную и всестороннюю ея свободу, свободу умственную, нравственную, матеріальную или экономическую. Оно убѣждено, что форма общественнаго устройства есть вещь преходящая, исчезающая, вѣчно измѣняющаяся, что сущность слѣд. не въ формѣ, или нарядѣ.

По его мнѣнію, нарядъ долженъ доставлять только удобство, не стѣснять свободныхъ движеній, защищать отъ непогодъ. Для него все равно, тотъ или другой нарядъ будетъ господствовать въ обществѣ, лишь бы онъ сохранялъ существенное свое условіе, то есть былъ бы свободенъ, способствовалъ здоровому и свободному развитію каждаго изъ его членовъ. Разумная и здоровая свобода личности — вотъ существенная и прямая его цѣль, предъ которою меркнетъ особенное значеніе формы и сохраняется только прикладное, наиболѣе практическое ея значеніе. Оттого западничество мало дорожитъ прошлымъ. Оно ничего тамъ не ищетъ, ибо смотритъ на него какъ на старый дѣдовскій гардеробъ, въ которомъ ничего не выберешь пригоднаго для современной нужды и потребности, но на столько однакожь цѣнить дѣдовскія археологическія достопамятности, что не осмѣливается перешивать и перекрашивать ихъ для собственнаго употребленія, вполнѣ сознавая, что современность не такъ бѣдна, и не въ такой еще нуждѣ, чтобы была необходимость прибѣгать къ такимъ заимствованіямъ.

Западничество, — и въ томъ коренное его различіе отъ славянофильства, — несравненно больше вѣритъ въ собственное богатство, въ собственную способность добыть и нажить еще больше, чѣмъ оставили ему дѣды. Оно вовсе не считаетъ себя такимъ наследникомъ, который только и достоинъ тѣмъ, что происходитъ отъ великихъ чѣмъ либо предковъ, который неспособенъ и нравственно и матеріально увеличить отцовское наслѣдство, а способенъ прожить и пережить только то, что нашелъ или еще найдетъ въ отцовскихъ сундукахъ. Такая мысль отравляетъ его существованіе. Оно хочетъ быть самостоятельнымъ и имѣть независимое положеніе не богатствами, значеніемъ и существовавшимъ когда-то независимымъ положеніемъ отца, а собственными достоинствами развитія и пріобрѣтенныхъ талантовъ. Оно хочетъ стоять на

собственныхъ ногахъ, свѣтитъ собственнымъ свѣтомъ, въ чемъ и думаетъ найти самостоятельность, нисколько не отыскивая ее въ какой либо своеобразности отцовскихъ обычаевъ и жизненныхъ положеній. Въ этомъ смыслѣ должно понимать и такъ называемый космополитизмъ западничества, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ и который отысканъ въ немъ соотривниками.

Какъ мы говорили, оно, базисомъ своихъ надеждъ и чаяній ставитъ развитіе и освобожденіе личности по законамъ развитія общечеловѣческаго, а не мѣстнаго и временнаго, принадлежащаго извѣстной исторіи и извѣстнымъ сочетаніямъ обстоятельствъ, которое поэтому никогда не въ силахъ удовлетворительно отвѣтить на такія требованія. Отсюда и вытекаетъ его стремленіе опредѣлить общую норму развитія, его сочувствіе ко всему тому, что кажется ему съ этой точки хорошимъ и пригоднымъ, гдѣ бы оно ни появлялось, хотя бы у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное равнодушіе къ тому родному, въ которомъ съ той же точки зрѣнія не видно ничего пригоднаго для главной цѣли. Понятно, послѣ этого, почему и всѣ мы (внутри больше или меньше все-таки западники), больше интересовались судьбою міра, чѣмъ собственною судьбою, отъ души радовались движенію общечеловѣческихъ идей и печалились, какъ скоро эти идеи были тормазны противоборствующими элементами. Нельзя не сознаться, что въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, наша собственная судьба, по милости той же петровской реформы, такъ сплелась съ общею судьбою граждански-развитаго и образованнаго челоѣчества, что намъ, еслибъ мы того и желали, теперь ужъ нельзя оторваться отъ общаго потока. Мы осуждены давно уже и задолго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ, какъ жили наши предки. Можетъ

быть, и даже навѣрное, намъ придется перенести еще много неудобствъ на этомъ пути, но чтожъ мы станемъ дѣлать, какимъ способомъ разовьемъ свои родныя коренныя начала при этомъ напорѣ европейскихъ идей и жизненныхъ положеній, которыя не замедлятъ измѣнить и постоянно уже измѣняютъ наши стародавніе обычаи даже и тамъ, гдѣ, казалось, всего святѣе они должны были сохраняться. Вообще западничество ищетъ самостоятельности и свободы единственно только въ плодахъ общечеловѣческаго развитія и точкою опоры ставитъ независимую личность, освобожденную отъ всякихъ историческихъ мозолей. Въ этомъ отношеніи оно влечется направлениемъ, которое вызвало къ жизненной дѣятельности Петромъ, самымъ жестокимъ и безпощаднымъ западникомъ.

Славянофильство, нисколько не оспаривая великаго значенія общечеловѣческихъ элементовъ развитія, ограничиваетъ это значеніе сопоставленіемъ тѣмъ элементамъ въ параллель нашихъ самобытныхъ началъ жизни, которыя по его представленіямъ не менѣе, если еще не болѣе велики и плодотворны. Оно точкою опоры ставитъ самобытность или оригинальность, своеобразность развитія, и потому въ западничествѣ почти ничего болѣе не видитъ, какъ страсть подражательности, грѣхъ безпутнаго заимствованія. Не безъ нѣкотораго тщеславія оно указываетъ, хотя и недостаточно ясно раскрываетъ, наши родныя самобытныя начала общественнаго устройства и самобытныя силы индивидуальнаго существованія. Такъ какъ изрисломъ величія этихъ началъ и силъ служить все-таки западное развитіе, какъ мы уже говорили, то славянофильство въ своей параллели русской жизни съ западною ничего не хочетъ опустить, не хочетъ оставить ни одного пробѣла. Очевидно, что въ иныхъ случаяхъ оно по необходимости становится на ходуля и приходитъ къ такимъ выводамъ и заключеніямъ, въ которыхъ крѣпко усомнится не только

западникъ, но и всякій здравомыслящій человекъ, тѣмъ болѣе, что такія заключенія рѣдко подтверждаются фактическимъ матеріаломъ и носятъ характеръ какихъ-то аксіомъ, которыхъ нѣтъ надобности и подтверждать матеріальными доказательствами.

Исторія, какъ самое эластическое вещество, служитъ въ такихъ случаяхъ только подтвержденіемъ готовыхъ идей, предвзятыхъ или возникшихъ изъ проводимой параллели западнаго съ русскимъ или, вѣрнѣе сказать, изъ отрицанія достоинствъ запада въ пользу достоинствъ русскихъ. Оно иначе и быть не можетъ, потому что сущность славянофильства заключается въ исканіи именно такой самостоятельности и самобытности, которая должна непремѣнно превзойти западную. На западѣ, напр., есть право—слѣдовательно высшая правда; у насъ внутренняя правда—любовь; тамъ демократизмъ, у насъ тоже любовь и братство и т. д., такъ что въ концѣ концовъ въ его воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ есть одни только чисто-религіозныя, православныя представленія, которыя, разумѣется, всегда были и будутъ истинными. Это дѣйствительные и самые важнѣйшіе корни нашего развитія, но въ какой мѣрѣ ими можно объяснять юридическія и общественныя основы русской жизни, этого ясно и опредѣленно до сихъ поръ славянофильство еще не высказало.

Славянофильство убѣждено, что только западничество, разумѣется, въ общемъ смыслѣ, только одно западничество и служитъ помѣхой нашему чисто-народному русскому развитію. Снимите съ насъ это ярмо — и дѣло пойдетъ какъ по маслу. Напрямъ такимъ образомъ на одинъ этотъ пунктъ, оно вовсе не примѣчаетъ, что служитъ само однимъ только отрицаніемъ западничества. Тѣмъ въ дѣйствительности оно и является, приписывая исключительно одному западничеству весь грѣхъ современной неправды и современнаго неурядства.

Таковы, если мы не ошибаемся, въ главныхъ чертахъ свойства двухъ взглядовъ на нашу старину и на современный бытъ, которые руководятъ теперешнею публицистикою и обработкою нашего историческаго матеріала. Они во многомъ видоизмѣнятся, образуютъ различные *толки* и *согласія*, но жизнедеятельная сила каждаго остается одна. Одинъ лучше свои идеалы полагаетъ въ общественныхъ и нравственныхъ образахъ нашего прошедшаго, единственно въ русскихъ или вообще въ славянскихъ началахъ жизни, которые вездѣ искажаются только чуждымъ влияніемъ и которые слѣдуетъ возстановить, чтобы доказать міру великій смыслъ славянскихъ элементовъ и для общечеловѣческаго развитія. Другой тѣ же идеалы ставитъ въ будущемъ и точно также убѣжденъ, что они вездѣ искажаются враждебными исторически-нажитыми влияніями, которыя слѣдуетъ разлагать силою общечеловѣческихъ идей. Несмотря на то, оба направленія по существу своихъ стремленій сходны, ибо желаютъ одного — самостоятельныхъ и независимыхъ началъ и для личнаго и для общественнаго устройства, исходятъ изъ одной и той же самостоятельной идеи вѣка. Въ крайностяхъ, конечно, и то и другое всегда доходятъ до нелѣпаго. Въ такихъ случаяхъ одно утверждаетъ, что во всемъ *русскомъ* все худо, безобразно, дико и т. л.; другое настаиваетъ, что все русское — красота, широта, высота.

Выше мы указали причины, почему въ настоящую минуту, частію въ публицистикѣ, а главнымъ образомъ въ изученіи и обработкѣ роднаго историческаго матеріала, преобладаетъ народное или славянофильствующее направленіе. Такъ какъ каждая идея работаетъ въ обществѣ двумя путями, путемъ отрицанія и путемъ положенія, и такъ какъ первый путь, особенно въ началѣ дѣла, всегда ярче и чувствительнѣе обозначаетъ движеніе идеи, то и народная идея въ своихъ проявленіяхъ вполне подчиняется этому неизмѣнному естественному

закону своего жизненнаго вліянія. Работая отрицаніемъ, она выразилась въ особенномъ сочувствіи къ тѣмъ фактамъ, событіямъ и личностямъ минувшаго, въ которыхъ находила ту же родственную себѣ силу отрицанія. Все отрицавшее и протестовавшее когда либо стало приниматься съ необыкновеннымъ любопытствомъ и сердечнымъ одобреніемъ и подверглось самой внимательной и подробной изслѣдовательности. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и его дѣло, старообрядство и расколъ, Арсеній Мацѣевичъ съ своими дѣлами и т. д. сдѣлались чуть не самыми насущными вопросами изслѣдовательности. Личность Петра, во всемъ виноватая съ этой точки зрѣнія, была обличена самымъ старательнымъ и желчнымъ образомъ. И, Боже мой! въ чемъ его не обличали! Наряду съ справедливыми обличеніями, его обвиняли даже въ томъ, что онъ не имѣлъ теперешнихъ свѣтскихъ приличій, или въ томъ, что, запретивши монахамъ, которые распространяли въ народѣ словомъ и письмомъ проповѣдь о явленіи въ его лицѣ антихриста, что запретивши по этому поводу монахамъ держать въ кельяхъ чернила и перья, онъ будто бы парализовалъ просвѣтительное вліяніе духовенства на народъ, и т. п. И это говорилъ уже не простой присяжный обличитель и обвинитель, а одинъ изъ уважаемыхъ духовныхъ журналовъ. Такъ велика сила современныхъ ходячихъ понятій и представленій о томъ, что мы были когда-то очень самостоятельны и что единственный виновникъ во всей, теперь раскрывающейся, нашей несостоятельности — Петръ. Вообще протестующая самостоятельная идея привлекала особенное вниманіе розысканій къ каждому памятнику, въ которомъ встрѣчала сколько нибудь самостоятельный, независимый голосъ или самостоятельное отношеніе жизни. Даже ученые сборники матеріаловъ наполняются именно такими памятниками, въ-ущеробъ тѣмъ, какъ требовались бы положительными стремленіями науки.

Главная и несомнительная заслуга этого протестолюбиваго направленія заключается въ томъ, что его розыскательностію вынесено изъ архивной таинственности очень много въ высшей степени интересныхъ и важныхъ матеріаловъ, объ изданіи которыхъ нашимъ предшественникамъ позволялось только мечтать. Издаваемые, въ иныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ только модной потребности, они, конечно, далеко не вполне удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ. Вслѣдствіе поспѣшности, торопливости, небрежности, а можетъ быть и малаго знакомства съ условіями подобной работы, нѣкоторые изъ нихъ изданы съ значительными погрѣшностями, даже въ простомъ чтеніи текста, такъ что современемъ все-таки необходимо будетъ сверить ихъ съ оригиналами. Но все это искупается однимъ уже появленіемъ ихъ въ свѣтъ. Надо радоваться и этому одному обстоятельству, ибо неизвѣстно, когда мы дождемся хорошаго систематическаго и вполне научнаго изданія подобныхъ матеріаловъ. Будемъ благодарны и за то, чѣмъ по крайней мѣрѣ безъ архивныхъ затрудненій можемъ пользоваться. Радость наша не будетъ напрасна еще и въ томъ смыслѣ, что до сихъ поръ есть многіе умы, которые не выносятъ еще свѣта исторіи, свѣта исторической правды и робѣютъ предъ каждою рѣзкою по ихъ понятіямъ фразою такихъ матеріаловъ или предъ рѣзкимъ и яркимъ обличительнымъ свидѣтельствомъ старины, думая, что отъ этого потрясется все основаніе общественной нравственности и благочестія. Это-то старческое заблужденіе и удерживало до сихъ поръ подъ спудомъ всякій исторически-важный, но сколько нибудь рѣзкій документъ, и тѣмъ самымъ распространяло въ обществѣ самыя вздорныя и нечѣсныя представленія и понятія о событіяхъ, и о личностяхъ нашей исторіи, понятія, которыя всегда почти видѣли въ худомъ свѣтѣ то, что въ сущности никакъ не было худымъ, и что, разоблачившись, дѣйствитель-

по имени и именин. И конечно, неслучайно, что в этот момент в литературе возникло движение, которое привнесло в историческую науку совершенно новые методы исследования. Источники истории и литературы начали читать не только как произведения литературы, но и как исторические документы. И это только лишь частично изменило отношение к источникам, и во многом изменило. Что же значит исторический документ? Это вот для науки такая категория, которая характеризует документ, который имеет свою историю, историю своего возникновения, и историю своего существования.

История исторического документа. Это понятие, которое возникло во второй половине XIX столетия, связано с именем Э. Гиббона. Его понимание и понимание. Историк так-то понимает о предмете, разделение исторические события и их роль в развитии всего человеческого сообщества историко-литературным и филологическим путем. Справедливо и объяснение статьи Гиббона, и понимание исторического документа, которое стало для науки труднее собственно свое понимание приобрести свой положительный смысл и свое истинное значение, а во всем же лежит основное знание критическое и знание общей обработки истории и всей природы. Конечно, во всем это часть и здесь протестантизм и отрицание старая наука знает также свое дело; но однообразием действия этой силы здесь знание вынуждено строгостью и основательностью метода, который всегда довольно резко отбрасывает многозначную подлую мысль от положительной и заключенной самой наукой.

Напротив того, разработка истории юридического и экономического народного быта страдает именно совершенно отсутствием такого метода, вследствие чего эта история истории народности подчиняется во всем другим тенденциям публицистики, и доставляет только болтовню или концы исторического материала, который вытягивается и натягивается на все кому угодно. Во самом деле, при теперешнем отношении

интересъ къ крестьянскому быту, при неутомкаемыхъ исканіяхъ и восхваленіяхъ коренныхъ, чисто-русскихъ началъ общественного развитія, казалось бы, можно ожидать самыхъ внимательныхъ и подробныхъ, а главное, критическихъ изслѣдованій напр., о древнихъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ крестьянскаго быта, въ которыхъ всегда покоятся эти корни-начала.

Взаимъ того мы получаемъ утопіи о круговой поруки, о стародавней полноправности крестьянъ, объ общинномъ или вѣчевомъ устройствѣ, объ общинномъ владѣніи, о самостоятельной федераціи земель и т. д., которыя являются не съ цѣлю раскрыть дѣйствительныя и положительныя общественныя силы нашей древности со всею полнотою ихъ жизненнаго проявленія, а главнымъ образомъ съ цѣлю доказать, что во всемъ виновата Москва съ ея централизаціею, такъ что наибольшая часть такихъ трудовъ представляетъ въ сущности изслѣдовательность протестующую, а не испытующую, принадлежитъ больше къ сферѣ публицистики, чѣмъ къ сферѣ ученыхъ изысканій и наблюденій, за которыя большею частью выдается. Оттого эта изслѣдовательность ни до чего положительнаго еще не договаривалась, и въ то время, какъ историко-филологическая школа прямо и положительно указываетъ намъ, *что именно было* въ древнѣйшихъ стихіяхъ нашей народности, историко-публицистическая школа результатъ своихъ сказаній, напр. о до-московскомъ нашемъ федеративномъ или удѣльно-вѣчевомъ устройствѣ, сводитъ почти къ слѣдующему положенію: «*что-то хотѣло выйдти и не вышло; что-то готовилось и не додѣлалось!*» какъ весьма характеристично опредѣляютъ удѣльно-вѣчевую эпоху ея же изслѣдователи. Такимъ образомъ съ этой стороны мы, какъ и прежде, остаемся при одномъ только заманчивомъ *что-то, что-то было!*

МАТЕМАТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ИСТОРИИ.

Исследования, замечанія и лекціи о Русской Исторіи М. Погодина. Томъ V. Періодъ удѣльный. Москва, 1857 г.

Пятый томъ «Исследованій» г. Погодина, вмѣстѣ съ IV, VI и VII-мъ, которые вышли прежде, заключаетъ въ себѣ разработку одного только удѣльнаго періода. Авторъ намѣревается выдать еще два тома о томъ же періодѣ, и представить такимъ образомъ вниманію ученыхъ *основаніе его древней Русской Исторіи*, которая явится вслѣдъ за «Исследованіями». Все конечно съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ будутъ ожидать этой исторіи, какъ результата долголѣтнихъ, почтенныхъ трудовъ, наконецъ какъ новаго и твердаго слова, которое изобразитъ намъ наше прошедшее во всей его истинѣ, безъ увлеченій въ ту или другую сторону, безъ умствованій и вышнихъ взглядовъ, которые до сихъ поръ, по убѣжденію автора, только искажаютъ истинный ликъ нашихъ предковъ. Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ, и тѣмъ временемъ будемъ изучать заготовляемые авторомъ основанія его Исторіи, то есть его Исследования, пятый томъ которыхъ передъ нами. Само собою разумѣется, что подобные, основные труды являются не съ тою цѣлью, чтобы доставить занимательное

чтеніе для публики. Такіе труды почти всегда носят на себѣ яркій отпечатокъ черновой работы, неизбѣжную шероховатость и угловатость и вообще всѣ невыгодныя качества только что начатаго дѣла. Специалистъ, мастеръ, оцѣнить съ полнымъ уваженіемъ и участіемъ искусство и прочность заготовленнаго, тотчасъ увидитъ его достоинства и недостатки, приметъ съ восторгомъ даже грубыя, какъ говорятъ, неотесанныя формы, сознавая, что онѣ послужатъ еще къ большей прочности и красотѣ дѣлаго. Но большинство, разумѣется, потребуесть (и съ своей стороны справедливо) вещей оконченныхъ и потому пройдетъ черновой трудъ безъ всякаго вниманія и пониманія, безъ малѣйшаго участія. Кто призванъ дѣйствительно дать основаніе наукѣ, поставитъ краеугольные ея камни, для того конечно судъ большинства не будетъ имѣть никакого значенія. Онъ спокойно будетъ встрѣчать и ту холодность, съ какою принимаетъ большинство его собственные труды, и тотъ незаслуженный восторгъ, съ какимъ это, не рѣдко легковѣрное и легкомысленное большинство принимаетъ вещи слегка, поверхностно оконченныя. Спокойствіе, какъ извѣстно, всегда служитъ самымъ очевиднымъ признакомъ сознающей себя силы; а сознаніе собственной силы, сознаніе того, что я дѣлаю прочное дѣло, что я кладу тѣ неуклюжіе, но твердые камни, которые, хотя и будутъ скрыты глубоко въ землѣ, но составятъ основаніе будущему зданію, — такое только сознаніе и можетъ двигать человѣка на упорный, медленный и неблагодарный, черновой первичный трудъ, настоящая, истинная оцѣнка котораго большею частью лежитъ въ будущемъ, когда выстроится все зданіе. Современное большинство не признаесть черноваго труда; самыя достоинства его, сокрытыя по естественной необходимости въ грубыхъ формахъ, кажутся весьма часто недостатками, а чужіе недостатки всегда и вездѣ давали и даютъ толпѣ широкій просторъ

разсуждать и решать за себя. Только за тем же, что можно сказать и свои решения. В той степени, в которой мы да критику, эти вещи могут казаться не из стороны, велье никто спонтанно не приходит из своего верного самими способами. Иногда даже ввиду действительности мы не можем себе представить, что каренито удивит. Если же не идет речь о каренито и осужденный тут, то мы не можем себе представить, что будь все-таки так. Если человек предельно стал искренно, не признавши своей тайны, да встан готовы сделать и выслушать, пока не изстужат старая жизнь, такой человек может быть весьма интересен и полезен и личную историю. Если человек достигнет из уверенность своего дела, человек уверует в возможность и вложит энергию своего труда все выше и выше не станет очень извостать о том, за чью сторону большинство.

Но с другой стороны, уверенность в успехе своего труда, уверенность в своих силах, не должна являться уверенностью в собственном своей безразличности, в собственном авторитете. Такие отзывы о себе, как например: «что я сказал, то сказал, а что сказал, то правда» — глубоко возмущают и живое и некое чувство истины. Чем более кто претендует на исключительное обладание истиною, на свою непогрязность, тем более тот сам подвергается греху и доходит наконец до совершенного помрачения, то-есть до такого положения, о котором народ отзывался заигнанием: ты его крести, а он говорить пустя. Можно сказать, что даже магия втра в свой авторитет делается первым шагом к отдалению от истины. Это на каждом шагу подтверждает жизнь не одну только индивидов, отдельных частных личностей, но еще более жизнь целых народов — личностей собирательных.

Впрочемъ съ такимъ вопросомъ можно зайти очень далеко. Мы говоримъ только о грустномъ по всей справедливости и неотразимомъ фактѣ, что черновые труды, кротовыя работы не видятъ, не замѣчаютъ и не хотятъ замѣчать современный свѣтъ, что черновые труды предпринимаются и ведутся только людьми, для которыхъ цѣль не увлеченіе за собою современной толпы, а прочность и выгоды будущаго, что сознание этой цѣли служитъ для изслѣдователя тѣмъ свѣтозарнымъ библейскимъ облакомъ, которое и указываетъ путь среди унылой пустыни непризнаннаго труда и воодушевляетъ на новые подвиги.

Говорить о важномъ значеніи для науки «Изслѣдованій» г. Погодина значитъ повторять за другими то, что давно уже сказано, и что признано самою наукой. Общія мѣста, въ которыхъ обыкновенно выражаются гудовыя похвалы, не имѣютъ цѣны ни для науки, ни въ глазахъ ученаго, серьезно смотрящаго на свой трудъ. Онъ скорѣе предпочтетъ указаніе недостатковъ, если бы оно выразилось даже и пристрастно, ибо всегда съумѣетъ найти въ такомъ указаніи дѣльное, хотя бы и рѣзкое слово, исправляющее его трудъ, и отброситъ безъ вниманія все негодное въ этомъ отношеніи. «Найти истину какую бы то ни было, пріятно, говорить г. Погодинъ, — но увидѣть свою ошибку и получить возможность исправить ее, — едва ли не есть пріятнѣе для ученаго, который любитъ искренно свою науку, особенно такую, какъ Отечественная Исторія, и желаетъ ей успѣха болѣе всего.» Кромѣ многихъ другихъ достоинствъ, «Изслѣдованія» г. Погодина имѣютъ то неотъемлемое и полновѣсное достоинство, что они всегда останутся превосходнымъ посредствующимъ источникомъ для изыскателей и въ весьма значительной степени будутъ облегчать разработку источниковъ непосредственныхъ. Къ тому же авторъ въ своихъ розысканіяхъ постоянно стремится дать

последовательно предвзятъ новое истинное, указать ясный путь, выдать на светъ новую истину изъ пробной колесы, въ которой наука всегда движется и тѣмъ замедляяетъ свое движение впередъ. Сводиться съ пробной колесы, тутъ бы и на худшую дорогу, все-таки нужна смелость, решимость, которая, какъ опыты найдти физическій, вѣрный путь, требуетъ всякаго уваженія. Но какъ бы ученымъ историкамъ г. Погодинъ слишкомъ часто заставлялся влияниемъ его строгостью и крайности воздерживаться къ другимъ формамъ же попытокъ найдти истинную истину, къ попыткамъ, которыя только потому ему и не кажутся, что предпринимались другими дѣятелями въ другую сторону пробной колесы. Попросту сказать, онъ страшно недоумеваетъ на всякій опытъ отыскать въ нашей исторической жизни еѣе начало, еѣ управлявшее, осмыслить массу фактовъ еѣею мыслию, однимъ словомъ, найдти физиологическіе законы нашего историческаго развитія. Постоянно, и въ предисловіяхъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ среди своихъ розысканій, почтенный авторъ прославляетъ только свой методъ или путь, по которому ведетъ свои «Исследования», называя его строгимъ путемъ отчетливости, путемъ математическимъ, единственнымъ, ведущимъ прямо къ цѣли. Это бы еще ничего; но дѣло въ томъ, что методъ этотъ противопоставляется теоріямъ, системамъ, внешнимъ взглядамъ, всегда къ нимъ невыгодъ и даже въ совершенное ихъ отрицаніе.

Какой же это методъ? «Методъ, употребленный мною, говоритъ г. Погодинъ въ предисловіи къ I т. «Исследованій», стр. 11, сѣбю почитать сообразнѣйшимъ съ цѣлю; еще болѣе — думаю, что *только посредствомъ его и можно достигать до заключеній вѣрныхъ и положительныхъ*. Прежде всѣхъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать *всю массу*

изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ, объ известности предметовъ, и потомъ уже, нѣтъ нѣтъ передъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ изходитъ къ другимъ связаннымъ предметамъ и вообще ко всей Исторіи, повторяя свои выводы прочими свидѣніями. Работа трудная и нѣтъ легкой, за которую можетъ приниматься всякій юноша, *не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ...* «Методъ я слѣдую постоянно одной, повторяетъ авторъ въ предисловіи къ IV тому, собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, слѣзть изъ между собой, объяснять, и потомъ уже выводить, *сколько можно математически*, заключеніе объ его сущности и значеніи.» «Никакая теорія, даже самая блистательная, восклицаетъ авторъ въ предисловіи къ VIII тому, никакая система даже самая остроумная, непрочны, повторю въ сотый разъ, прежде, нежели соберутся, очистятся, проверятся, утвердятся *бытми, дѣми.*»

Совершенно справедливо. Въ этой истинѣ теперь уже никто не сомнѣвается. Всѣ теперь очень хорошо знаютъ и хорошо понимаютъ, что изъ художественнаго матеріала нельзя построить прочнаго зданія, что первое дѣло — заготовить хорошій матеріалъ, собрать, очистить, проверить, утвердить *бытми, дѣми*. Ктожь теперь въ своихъ изслѣдованіяхъ, сколько-нибудь веденныхъ научно, поступаетъ вопреки этой истинѣ; ктожь при разрѣшеніи своей задачи, не собираетъ, не очищаетъ, не проверяетъ *бытей, дѣй*? Русская историческая наука, благодаря Шлёцеру, давно уже вышла изъ пеленокъ, какими повивалъ ее напяримѣръ отецъ Иннокентій Гизель и К°. Однимъ словомъ, теперь каждый знаетъ, что для разборки и разработки источниковъ необходима критика, высшая и малая, какъ раздѣлялъ ее Шлёцеръ, критика дѣлъ и критика словъ. Впрочемъ г. Погодинъ, главнымъ образомъ, прославляетъ

собственно не критику, а свой методъ, основное положеніе котораго заключается въ томъ, что нужно прежде *собирать всю мьста* изъ источниковъ, собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія и потомъ уже *выводить* заключенія, сколько можно *математически*.

«Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, говоритъ авторъ, чѣмъ имѣю чаще случаи разсматривать плоды, собираемые на другихъ путяхъ, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что *этотъ путь есть единственный, ведущій прямо къ цѣли*, а прочіе увлекаютъ въ сторону, назадъ, или по крайней мѣрѣ замедляютъ успѣхъ.» Въ томъ-то и весь вопросъ — ведетъ ли этотъ единственный путь прямо къ цѣли? Единственнымъ онъ можетъ называться только потому, что онъ обыкновенный путь, по которому восходятъ вообще къ познанію чего-либо, данъ намъ самою природою и составляетъ естественный и потому неизбѣжный пріемъ ума разсуждающаго, ищущаго истины. По этому пути искони добывалось и добывается всякое знаніе, и слѣдовательно создаются всѣ теоріи, системы, высшіе взгляды, какъ результаты знанія. Что хотять узнать — собираютъ о томъ свидѣтельства, опыты, факты, и по свойству или характеру всей суммы этихъ свидѣтельствъ составляютъ заключеніе, выводъ; сводятъ, однимъ словомъ, частности къ общему, то-есть добываютъ теоретическое, отвлеченное положеніе. Вы пожелали написать о какомъ-либо предметѣ изслѣдованіе, диссертацию — что можетъ быть естественнѣе, обыкновеннѣе, когда вы прежде всего обратитесь къ матеріаламъ, къ изученію источниковъ, и что можетъ быть естественнѣе, обыкновеннѣе, когда изъ груди матеріаловъ, источниковъ вы станете извлекать только то, что именно требуется для разясненія вашей задачи, вашего предмета? Перечитывая и перебирая источники, вы конечно останавливаетесь съ особымъ вниманіемъ только на тѣхъ мѣстахъ,

которым прямо или косвенно выясняют и обрисовывают предметъ всякаго изслѣдованія, — вы дѣлаете выписки, вносите въ свои тетради, разумеется, главнѣйшіе, болѣе яркіе факты, мѣста, указанія, и пропуская для облегченія работы множество фактовъ мѣстъ и указаній однородныхъ по содержанию, по качеству. Собранныя такимъ образомъ въ достаточномъ количествѣ данныя по большей части сами собою готовятъ выводъ, подсказываютъ вамъ его, и вамъ остается только выставить его подъ слогасмысли. Вотъ самый обычный и единственный процессъ предварительныхъ работъ по какому-либо изслѣдованію, единственный не потому, что онъ ведетъ будто-бы прямо къ цѣли, а потому, что онъ самый естественный, такой, котораго иначе и придумать человѣку невозможно. И вотъ почему всѣ краснорѣчивыя доказательства, всѣ сильныя убѣжденія и толки о необходимости слѣдовать этому пути кажутся совершенно излишними, и тѣмъ еще болѣе, когда этотъ пресловутый путь выдвигаютъ на такое видное мѣсто при разработкѣ источниковъ, что всѣ остальные приемы изслѣдовательности выставляются какъ-будто никуда негодными и даже вредными, потому-де, что увлекаютъ въ сторону и даже назадъ, и во всякомъ случаѣ замедляютъ успѣхъ науки.

Собираніе фактовъ, заготовка матеріала, какъ дѣло чисто механическое, есть только внѣшняя, матеріальная сторона изслѣдовательныхъ работъ. Человѣкъ не машина, и хотя для собиранія фактовъ *не нужно имѣть особливыхъ способностей*, какъ думаетъ г. Погодинъ, и достаточно одной только механической сноровки, — все-таки мысль возьметъ свое. Механическая работа собиранія все-таки каждую минуту будетъ находиться подъ контролемъ мысли, приводящей частности въ общее, въ единство, безпорядокъ — въ порядокъ... Мысль — вольная птица, свободнѣйшее изъ свободнѣйшихъ существъ на землѣ; она вѣчно въ движеніи, вѣчно торопится,

сдвигнуть дальше и дальше, вперед и вперед — вот девизъ ея дѣятельности. Мысль не въ силахъ долго ждать и сидѣть подлѣ васъ, сложа руки, пока вы будете копаться въ матеріалахъ, черпать по наперстку изъ вашихъ источниковъ, собирать тамъ и сямъ по крупницѣ. Какъ только вы собрали малую толику, мысль тотчасъ же стремится осмыслить эту малую толику, претворитъ собранный грубый матеріалъ въ самое себя — въ мысль. И вотъ вы, не успѣвъ еще порялочно освоиться съ матеріаломъ, не успѣвъ набрать требуемое *математическимъ методомъ* достаточное количество *бышей, дѣй,* — приобретаете уже систему, высшій взглядъ, однимъ словомъ приобретаете мысль, которая вдругъ выводитъ васъ на Божій свѣтъ, озаряетъ вамъ тяжкій путь исканій и розысканій. И какъ освѣжительно бываетъ это первое, какъ бы весеннее вѣяніе мысли среди черной, скучной, копотливой, безотрадной работы, среди чтанья, перечитыванья, выписыванья, сличенья и т. д.; волею неволею вы подчиняетесь этому первому сверкнувшему вамъ лучу, радуетесь ему, какъ ребенокъ, желаете освѣтить этимъ лучомъ всю массу собранныхъ вами фактовъ и даже начинаете при его свѣтѣ новый пересмотръ источниковъ, перевѣрку того, что уже было заготовлено. Но увы! весьма часто такой свѣтъ оказывается недостаточнымъ или, какъ говорятъ, ложнымъ; мало-по-малу онъ гаснетъ, и вы остаетесь еще въ большей тѣнотѣ среди своихъ матеріаловъ и продолжаете тяжелый трудъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не осмыслится, снова не освѣтится мыслию болѣе свѣтлою, сильною, болѣе, слѣдовательно, вѣрною, истинною. Вотъ какинъ путемъ возникаютъ теоріи, системы, высшіе взгляды; то-есть они возникаютъ, рождаются въ одно время съ разработкою матеріала, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ механическое подбораніе фактовъ.— Однакожь приведенныя нами слова г. Погодина можно пожа-

люб растолковать и такъ, что иные изслѣдователи дѣлають прежде выводъ, а потомъ уже подбирають подъ него факты. Къ такому толкованію приводятъ усильные совѣты и доказательства, что прежде нужно собирать свидѣтельства, а послѣ уже выводить заключеніе. Само собою разунѣется, что не въ порядкѣ естества явиться прежде фактовъ выводу; безъ фактовъ, свидѣтельствъ, опытовъ въ наукѣ ничего не добудешь; да и вообще только факты (въ обширномъ значеніи) способствуютъ образованію мыслей, понятій и вселчскихъ заключеній. Какъ бы ни былъ ложень и негѣпъ иной выводъ, а все-таки онъ на чемъ же нибудь да основывается, и слѣдовательно всѣ теоріи, системы, и высшіе взгляды всегда также имѣють какое-либо основаніе. Здѣсь рѣчь можетъ быть только о томъ, каково это основаніе и откуда оно явилось? Явилась ли теорія изъ волнато и по возможности всесторонняго, критически проведеннаго изученія матеріаловъ и вообще изслѣдуемаго предмета, или она возникла какъ мечта по поводу двухъ-трехъ фактовъ, особенно полюбившихся изслѣдователю и подтверждающихъ его задумевныя вѣрованія, однимъ словомъ, возникла ли теорія на той же самой матеріальной почвѣ, которую она слитая осмыслить, или она принесена извнѣ, изъ другой области, которая иной разъ не представляетъ даже ничего общаго съ наукою? Бѣда не велика, если въ первомъ случаѣ выводы будутъ преждевременны, поспѣшны; отъ этого даже трудно и уберечься, ибо мысль, какъ мы замѣтили, неудержимо рвется осмыслить изучаемое дѣло и тѣмъ способствуетъ торопливости, а слѣдовательно и ошибочности выводовъ: но за то, при дальнѣйшемъ изученіи предмета, ихъ скоро можно оставить, легко съ ними разстаться, убѣдившись въ ихъ ложности и преждевременности. Легко, по крайней мѣрѣ несравненно легче разрушить то, что самъ же создалъ... Настоящая бѣда въ наукѣ бываетъ отъ такихъ готовыхъ вы-

ведень и теорій, которые возникают не на сея почвѣ, а при-
нужаются, растут и усваиваются съ младенчества, подъ стѣною
родительскихъ и школьныхъ истинъ, передаваемыхъ обыкно-
венно не иначе, какъ подъ видомъ аксіомъ. Вотъ такіе-то
готовыя выводы и теоріи больше всего путаютъ науку. Но
если трудно и почти невозможно уберечься отъ послѣднихъ
выводовъ, изъ которые такъ-сказать выталкиваетъ самая раз-
работка матеріаловъ, то еще негдѣ возможно оградить себя
отъ вліянія выводовъ готовыхъ, приобретаемыхъ съ младен-
чества и составляющихъ силу личнаго воззрѣнія у каждаго.
Г. Погодинъ повидному не допускаетъ такого вліянія и во-
обще не допускаетъ никакого участія мысли при разработкѣ
матеріаловъ. Его требованія можно выразить такими обра-
зами: приходи къ изученію и разработкѣ источниковъ и мате-
ріаловъ безъ всякой, не только заданой, но вообще безъ вся-
кой мысли, даже безъ знанія другихъ какихъ-либо источни-
ковъ, кромѣ тѣхъ, которые ты нацѣренъ разобрать *); собери

*) Г. Погодинъ проводитъ свои изслѣдованія только по древнѣйшимъ
спискамъ лѣтоисей, не обращая почти никакого вниманія на послѣду-
ющую и даже другіе побочные источники. „Изслѣдованія свои я дѣлаю по
периодамъ и не лѣтоисеямъ; этого никакъ не хотѣть и не могутъ ва-
лять мои безличныя рецензенты“, говоритъ онъ, утверждая тѣмъ, что
по другимъ источникамъ и послѣдующаго хода исторіи ему дѣла нѣтъ.
Нѣтъ, рецензенты это понимаютъ; ихъ только смущаетъ одно обстоятель-
ство: изучая живую жизнь по документамъ, хоти бы и древнѣйшимъ,
документамъ, получаютъ ли мы разумное основаніе дѣлать общія заклю-
ченія объ этой жизни, общіе выводы, которые въ добавокъ считаютъ еще
почти непогрѣшимыми? Периоды времени вѣдь только съ цѣлостной точки
зрѣнія совершенно раздѣлены, а въ исторіи каждый изъ нихъ составляетъ
почтицѣлостную часть общаго организма. Если о XII вѣкѣ не находимъ
свидѣтельствъ въ современныхъ ему запискахъ, то это не значитъ, что
уже все кончено и дѣло сделано въ архивъ: и въ позднѣйшихъ запискахъ
мы непрекѣнно найдемъ эти свидѣтельства, ибо жизнь народа не обры-
вается, какъ книга, въ известномъ періодѣ, а какъ организмъ растетъ въ
ту или другую сторону, равновѣсится, выводитъ изъ влѣбныхъ причинъ

тщательно свои наблюденія, свидетельства источниковъ, факты — они-то тебѣ и дадутъ мысль, и эта мысль и этотъ выводъ представлять истину въ такой чистотѣ, какая только и можетъ добываться изъ перегонки однихъ только чистыхъ фактовъ, безъ всякой подмѣсы теоретическаго умствования, систематическихъ мудрований.

Дѣйствительно въ этомъ, кажется, и заключается основное направленіе трудовъ г. Погодина; по этому-то пути онъ старается вести свои изслѣдованія и приглашаетъ всѣхъ другихъ трудиться подобнымъ же образомъ. Но не мечта ли это, не та ли же эта теорія, вызванная добрымъ, повиданному весьма здоровымъ стремленіемъ найти истину, а на дѣлѣ совершенно неисполнимая? И въ самомъ дѣлѣ — какъ ухитрится мы подойти къ какой бы то ни было работѣ безъ всякой мысли, когда мы исполнены мыслей самыхъ разнородныхъ, самыхъ разнообразныхъ и главное готовыхъ, добытыхъ предками, предшественниками, вообще людьми работавшими и мыслившими прежде насъ, когда еще мы и на свѣтъ не являлись. Теперь готовыя мысли, понятія, идеи носятся въ воздухѣ, мы ими дышемъ; теперь каждый юноша можетъ свободно и легко достигнуть такой маститой силы въ знаніи, до которой въ бывлыя времена добивались только старцы.

Для чего существуютъ самыя школы, университеты, какъ не для того, чтобъ *обогатить* насъ познаніями, то-есть снабдить насъ на всю жизнь готовыми мыслями, выводами, теоріями, системами; для чего трудятся ученые изслѣдователи, какъ не для того, чтобъ отыскивать истину, то-есть *заво-товлять* на будущее время выводы, теоріи и пр.? А воспи-

---

известныя свидѣнія. Для многихъ теперь ясно, что и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, можно еще подѣлать старину XII вѣка и слѣд. находить свидѣтельства, рисующія тогдашнее житье-бытье, то-есть обьясняющія исторію того вѣка.

таніе, которое въ наше время по преимуществу такъ и ведется, чтобъ наполнить насъ какъ можно полнѣе готовыми мыслями, понятіями, теоріями, лишая вовсе самодѣтельности, то-есть добыванія истины, знанія собственнымъ опытомъ, такъ-сказать собственными руками. Итакъ, мы только что не родимся съ готовыми теоріями. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ мы приобретаемъ уже извѣстные понятія, становимся на извѣстную точку, съ которой и осматриваемъ не только нравственный міръ—человѣка, но даже и физическій міръ—природу. А каждая точка даетъ предметамъ свое освѣщеніе, болѣе или менѣе свѣтлое или темное, болѣе или менѣе истинное или ложное. Неполненные такимъ образомъ готовыхъ мыслей, мы вступаемъ въ свѣтъ и съ ними приступаемъ ко всякому дѣлу. *Предразсужденія, пред-убѣжденія*—вотъ изъ чего состоятъ ваше умственное богатство, когда мы начинаемъ дѣйствовать, какъ говорятъ, самостоятельно, то есть когда начинаемъ принимать, прилагать къ дѣлу, повѣрять на дѣлѣ, на практикѣ, приобретенныя готовые понятія и теоріи. Съ этой-то минуты и начинается та закулисная, ни кѣмъ не примѣчаемая борьба готовыхъ теорій съ неутомимыми положеніями дѣйствительности, самой жизни, борьба, изъ которой очень немногіе выходятъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. По большей части она оканчивается недостойными сдѣлками съ тою или другою стороною. Наука, какъ и весь остальной человѣческій міръ, много терпитъ отъ непріятельскихъ вторженій, особенно она терпитъ со стороны «Нравоученія», со стороны разнаго рода «Домостроевъ». Весьма часто какое-нибудь начало, выработанное этими «Домостройши», руководя нравами общества и потому принимаемое въ этой сферѣ какъ аксіома, вторгается какъ аксіома и въ область умственной дѣятельности человѣка и тотчасъ же налагаетъ цѣпи на все, что только проявляетъ движеніе, жизнь ума. Бѣда, если какое-нибудь «Домостройное»

начало вторгнется напр. въ область исторіи. Всякой наукѣ бѣда отъ такого нашествія, но злѣе зла, которому подвергнется въ такомъ случаѣ исторія, трудно вообразить. Исторія есть умершая дѣятельность, такъ же немощно разнообразная и разнородная въ своихъ проявленіяхъ, какъ и дѣятельность живущая. Многообразіе и многообразіе фактовъ исторіи, перешедшихъ въ вѣчность и потому превратившихся въ какія-то отвлеченности, даютъ самую легкую возможность, даютъ всѣ способы употреблять эти факты какъ душѣ угодно. Историческими фактами при извѣстномъ, весьма впрочемъ употребительномъ методѣ можно доказать и опровергнуть любую истину, такъ какъ и любую ложь. Слѣдовательно и всякому положенію нравоученія, когда оно вторгнется въ историческія работы — своя воля. А къ этому присоедините еще силу готовыхъ понятій, большая часть которыхъ передается или принимается обыкновенно также изъ области «Домостроевъ». Вотъ и пойдетъ работа надъ исторіей.

Наслышавшись напримѣръ отъ разнаго рода нянекъ, дома и даже въ самой школѣ, что прежніе старые годы были лучше, люди жили тогда мудрые, всѣ порядки ихъ были разумные, что *коренныя* основы русской жизни были тогда чище, сильнѣе, плодотворнѣе, что теперь все потеряно, все искажено и продолжаетъ искажаться, наслышавшись всего этого, а иногда и начитавшись извѣстнаго рода патріотическихъ книгъ и статей, мы хотя-нехотя располагаемъ по этой канвѣ и свое еще неопытное молодое возрѣніе. Естественное чувство сыновней любви и уваженія къ отцу, къ дѣду и вообще къ старшимъ, вообще къ авторитету семейнаго начала, мы мало-по-малу распространяемъ и на время, въ которое жили наши отцы и дѣды, и на весь порядокъ той жизни. Мы въ восхищеніи отъ древне-русскихъ патріархальныхъ добродѣтелей, которыя повсюду представляютъ намъ трогательнѣйшія черты. умиляющія

до слезъ. Начиная съ умиленной преданности и вѣрности старинныхъ слугъ и оканчивая не менѣе умиленной покорностью старинныхъ женъ, которыя, «оскорбленные во всѣхъ правахъ своихъ, позволяли себѣ только одну тихую жалобу, кроткую покорность судьбѣ», — мы всемъ умиляемся; сквозь слезы такого умиленія намъ умилителенъ и трогателенъ показался даже и самый *православъ*. Мы въ восторгѣ вообще отъ того, что жилось въ то время какъ-то свободнѣе, привольнѣе (и, сказать между нами, своевольнѣе), что отъ этого и солнце было какъ-будто теплѣе и свѣтлѣе и во всемъ довольства было больше. Особенно насъ привлекаетъ это широкое гостеприимство и хлѣбосольство, — это широкое кормленіе, которое, разумеется, безъ помощи чужихъ рукъ, чужихъ потовыхъ трудовъ не могло быть и такъ широко и такъ идиллически патріархально, и которое слѣдовательно кого-нибудь да оставляло же голоднымъ. — А «древне-русская образованность! лежавшая въ основаніи всего общественаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія и создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянно памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному...» Даже и самъ г. Погодинъ говоритъ, что еще «до Татаръ грамотность повсемѣстно была распространена, и весь народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованія.» (Т. VII, 400, 402). Все это и многое другое, при извѣстномъ, болѣе нравственномъ нежели ученомъ возрѣвнн на исторію, возникаетъ само-собою, легко и свободно, какъ возникаютъ обыкновенно всякія мечты. Все это особенно укрѣпляется еще и тѣмъ, что льстить нашему самолюбивому патріотизму, льстить тому чувству собственнаго достоинства, которое еще не на столько развито въ насъ,

чтобы сознать и признавать за собою недостатки. Мы, однимъ словомъ, создаемъ себѣ въ прошломъ какой-то рай, золотой вѣкъ, который при умственной нашей неразвитости и дѣтн, а вслѣдствіе того при полномъ разгулѣ легковѣрія и суевѣрія, съ каждымъ днемъ приобретаетъ все новыя и лучшія краски. И вотъ если съ такою-то закваскою придетъ ны на разработку отечественной исторіи, — какъ намъ тогда уберечься отъ «Доместройныхъ» золотыхъ нашихъ представленій и пред-убѣжденій. Не будемъ ли мы тогда, даже противъ нашей воли, отыскивать въ источникахъ только родственную себѣ струю, только подтвержденій, доказательствъ и оправданій своимъ золотымъ мечтамъ, тѣмъ готовымъ понятіямъ, которыми мы успѣли уже зацѣпиться, не входя еще въ храмъ науки? Основное направленіе нашей мысли, образовавшееся подъ вліяніемъ теплыхъ умилоній отъ старинныхъ «Доместроевъ», всегда возьметъ свое и постоянно будетъ присутствовать въ нашихъ изысканіяхъ и заключеніяхъ.

Мы не думаемъ утверждать, что сила готовыхъ понятій способствуетъ образованію только этого одного, здѣсь представленнаго направленія мыслей. Мы привели для примѣра только лишь направленіе, которое больше другихъ распространено, и потому именно распространено, что слабѣе другихъ льститъ нашимъ личнымъ себялюбивымъ вкусамъ и несравненно легче другихъ подчиняетъ себѣ умъ, вообще недостаточно развитый знаніемъ, умъ спящій. Мы думаемъ только, что отъ готовыхъ понятій, теорій, системъ, намъ спрятаться некуда, что каждый изъ насъ, больше или меньше, всегда исполненъ пред-разсужденій и пред-убѣжденій, и всякое дѣло способенъ толковать и понимать только подъ угломъ своего личнаго воззрѣнія, то-есть такъ, какъ это дѣло согласуется или совпадаетъ съ упомянутыми пред-разсужденіями и пред-убѣжденіями.

Лучшыя-то системы и теоріи и служат самою главною и важнѣйшею причиною, почему истина добывается такъ медленно, съ такими немовѣрными усиліями, упорными трудами, борется съ бою шагъ за шагомъ; — широкое, всемільное господство этихъ системъ было бы крайнимъ бѣдствіемъ для науки, еслибъ не существовало другой разумной силы, которою только и движется наука. Мы говоримъ о критикѣ, первый шагъ которой, самый простой видъ ея, выражается обыкновенно въ сомнѣніи, въ недовѣріи къ авторитету готовыхъ положеній и вообще въ недовѣріи ко всему тому, что не можетъ быть оправдано собственнымъ ли реальнымъ опытомъ или основными, общими законами изыскивающаго и разсуждающаго ума. Въ дѣлѣ науки сомнѣніе, даже въ своихъ крайностяхъ, неизмѣнно выше легковѣрія и суевѣрія; на сомнѣніи утверждается и самая изслѣдовательная способность ума, и потому вредъ даже отъ крайностей такого направленія ничтоженъ, а польза неизмѣрна. Такъ напр. что, какъ не крайности такъ-называемой скептической школы, возбудили изслѣдовательную энергію г. Погодина, заставили его такъ прекрасно, подробно, всесторонне осмотрѣть достовѣрность первоначальныхъ источниковъ нашей исторіи и вообще весь вѣржскій періодъ; кто, какъ не скептическая школа, указала г. Погодину всѣ слабыя, шаткія стороны этого дѣла, которыя онъ такъ достопамятно укрѣпилъ и утвердилъ? До сихъ поръ не простылъ еще этотъ жаръ, съ которымъ онъ поражалъ гдѣ-то своихъ противниковъ; до сихъ поръ онъ какъ-будто еще воюетъ съ скептической школою, и все еще время отъ времени слышатся энергическіе размахи, направленные впрочемъ уже противъ другой школы, не имѣющей ничего общаго съ скептической.

Скептики, если и не вносятъ въ науку ничего осозательно положительнаго, въ чемъ обыкновенно упрекаютъ ихъ легко-

вѣрныя и суетныя, за то они побуждаютъ ее дѣлательность, очеркнуть путь (слова, какъ выходяща на языкъ другія) отъ реченія дѣло истиннаго дѣлательнаго и суетнаго. — А это реченіе не казеннаго? Словные ось только очерченіе дѣлательнаго и суетнаго и слушать можно и нечего вѣрять и единственнаго средствомъ для достиженія истины, вѣрною и истинною образомъ истины отъ всего ему чуждаго и несобственнаго. Чѣмъ собственно отличился послѣдовательный методъ Шлегера, нашего истиннаго учителя, какъ не страшнаго, безощаднаго вѣдѣнія къ авторитету, каковъ бы онъ ни былъ, какъ не строгою до суровости критикою истинности. (Онъ говорилъ: «не каждаго совершенно ни во что умосредоточился, а выслушать и доказать...») (Онъ говорилъ, что «худо пониманна любовь къ обществу подпадаетъ всякое критическое и безпристрастное обработаніе исторіи» — что «легковѣрній, вѣрующій безъ основанія, и суетныя, вѣрующій противъ основанія, позантъ на старую бабу, которая вѣрять только тому, чему вѣрять другіе, которая не можеть разсматривать, не хочеть изслѣдовать, и только что бранится, если нарушить своей-ную ея вѣру». — Самый методъ г. Погодина, во прямой линіи происходящій отъ Шлегероваго, отличается именно тѣмъ почтеннымъ качествомъ, что не вѣрять нѣ-слово, но вѣрять въ чужіе выводы и теоріи и стремится собственнымъ опытомъ достигнуть правды.

Но какъ ни важна, какъ ни разумна въ ученю дѣлѣ сила сомнѣнія, сила критики, все-таки господство готовыхъ понятій, личныхъ предубѣжденій и предразсужденій рѣдко даютъ ей полную свободу. Можно усвоить себѣ строгій изслѣдовательный методъ, и въ то же время, посредствомъ того же строгаго метода, доказывать и оправдывать матку, ложную теорію или ложное положеніе, дѣлящее почему-либо нашимъ лич-

нынѣ вкусомъ или родственное основному направленію нашихъ мыслей. Однимъ словомъ, никакой методъ не въ состояніи спасти насъ отъ вліянія готовыхъ теорій и системъ, особенно если эти теоріи приносятся изъ другихъ сферъ, чуждыхъ наукъ, и даже по сущности своей ей противоположныхъ.

Никто конечно изъ нашихъ изслѣдователей не усвоилъ въ такой степени экзегетическихъ приемовъ Шлёцера, какъ г. Погодинъ, но крайней мѣрѣ никто такъ близко не держится дороги, указанной «въ незабвенномъ» Несторѣ, какъ г. Погодинъ. Но намъ кажется, что многое онъ отдалъ только формальной, вѣшной сторонѣ этихъ приемовъ, ибо, не смотря на строгій повидному пересмотръ фактовъ, иные выводы автора грѣшатъ замѣтною даже для простаго глаза поспѣшностью или свидѣлствуютъ о томъ, чего въ собранныхъ ~~былыхъ~~ ~~совѣтѣхъ~~ не обнаруживается. Вообще, не смотря на строгіе критическіе приемы, все-таки время отъ времени мы встречаемся съ разными предубѣжденіями автора, съ вѣрою въ извѣстные авторитеты, съ особеннымъ, крайнимъ увлеченіемъ одною мыслию, съ особеннымъ также крайнимъ гоненіемъ другой мысли, не принадлежащей къ нашему приходу. Все это, разумѣется, волею и неволею подчиняетъ себѣ правильность, основательность и здравость выводимыхъ результатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ весьма очевиднымъ доказательствомъ, что никакой методъ не въ силахъ устоять противъ предуготовленныхъ воззрѣній и любимыхъ положеній. Къ тому же никакой методъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ не способствуетъ столько господству этихъ воззрѣній, какъ такъ-называемый методъ математическій. — Слагаемые и сумма — что можетъ быть проще, легче и вѣрнѣе этого арифметическаго дѣйствія? соберемъ факты, сложимъ ихъ, и *выидеетъ*—сумма. Положимъ, что историческіе факты суть числа не простые, а именованныя — чтожь? Стоитъ только распо-

ложить их *по именамъ*, по рубриканъ, и характеръ арифметическаго дѣйствія нисколько не измѣнится. Мы уже замѣтили, что такой способъ ученыхъ работъ принадлежитъ къ самымъ неизбѣжнымъ и такъ-сказать азбучнымъ приѣмамъ розыскивающаго и разсуждающаго ума. Арифметическое дѣйствіе выражаетъ здѣсь только неизмѣнный законъ, по которому добывается вообще знаніе. Но если, увлеченные разумностію и необычайною простотою этого закона, мы будемъ настаивать и доказывать, что онъ представляетъ единственный, исключительно вѣрный путь при изысканіи истины и притомъ въ такихъ, напримѣръ, изысканіяхъ, каковы историческія, то естественно, что мы свернемъ съ настоящаго пути. Съ математическимъ взглядомъ на исторію, мы поневолѣ каждый историческій жизненный фактъ, явленіе чисто физиологическое — будемъ разсматривать какъ цифру, какъ мертвую форму и вовсе не увидимъ въ немъ той исторической плоти, которая одна только и даетъ возможность почувствовать истинную минувшій дѣйствительности. Собирая, или вѣрнѣе, подбирая слагаемые съ извѣстнымъ именемъ для произведенія суммы того же разумѣется имени, мы волею и неволею теряемъ изъ виду то обстоятельство, что этииъ путемъ строгой, какъ говорятъ, отчетности вопросъ рѣшается большею частію только со стороны *количества*; вѣрность выводовъ опирается большею частію только на количество фактовъ. Самые слова — *слабейшая*, *сумма*, которыя мы употребляемъ съ цѣлію обратить вниманіе на нашу строгую отчетность въ изслѣдованіяхъ — самыя эти слова, выражая только формы количества, совершенно скрываютъ отъ насъ сторону жизненнаго, физиологическаго качества, которое лежитъ въ каждомъ историческомъ фактѣ, какъ его сущность. Само собою разумѣется, что какъ скоро арифметическое количество будетъ принято за основу изслѣдовательныхъ работъ, то неза-

ітно являється політична можливість пронаводити надъ этимъ количествомъ всѣ дѣйствія — являється возможность не только складувати, но даже и помножати.

Наприкладъ, вотъ хоть въ отношеніи грамотности и образованія въ Удѣльный періодъ. Г. Погодинъ въ VII томѣ своихъ Исследованій пишетъ слѣдующее: «Грамотность и образованіе были у насъ распространены значительно до Татаръ. Доказательствомъ служатъ *множество* письменныхъ произведеній, до насъ дошедшихъ, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ званій и чиновъ... о предметахъ *самыхъ разнообразныхъ*, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ дѣтописи, сказанія, законы, церковные уставы, грамоты княжескія, монашескія, мирные договоры, торговые договоры, поучительныя слова, рассужденія, житія, посланія, странствованія, вопросы и отвѣты, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобіографіи — это такое *обиліе сокровищъ*, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя довольно благодарить судьбу. *Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго*. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ или самимъ написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно.» Вслѣдъ за тѣмъ начинается разстановка слагаемыхъ, которыя поштенныя въ совкупности и должны произвести новое значительное впечатлѣніе, «лучше всякихъ *дружескихъ* отвлеченныхъ доказательствъ и рассужденій», и которыя поэтому заключаются новынъ восклицаніемъ: «вотъ сколько осталось намъ памятниковъ Удѣльнаго періода до Татаръ.» — Вотъ сколько! А сколько же въ самомъ дѣлѣ?

Лѣтописи: собственно одна, Несторова, которую потомъ продолжали въ разныхъ княжествахъ и далеко не во всѣхъ: именно въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Волыни, въ Суздаль, частію можетъ-быть и въ другихъ городахъ. Къ лѣтописнымъ же

трудно прималокать и сказанія, котораго г. Погединъ насчитываетъ до 16.

Законы: — Прокан Ярославова, канѣшенная и распростра-
неннаго его сиванѣли и вукани. — Каричная книга, переве-
денная съ греческаго, два-три первыя устава; сюда же
отнесены и вопросы и отвѣты о первыихъ предметахъ.

Юридическіе акты: 4 гранаты отъ князей, 5 гранаты
отъ бояровъ. (Гранаты было много, но онѣ пропали, запы-
чаетъ авторъ.) Два торговыхъ договора.

Два частныя письма. (Письма были въ общенъ употреб-
леніи, запычаетъ авторъ.)

Десятки рукописныхъ посланій.

Полкины — нѣсколько десятковъ *поучительныхъ словъ*,
включая свои же *разсужденія* и *молитвы*.

Житій около десятка.

Одно ходженіе или описаніе путешествія въ Іерусалимъ, и
одна поэма или Слово о полку Игоревѣ.

Вотъ все *обиліе сокровищъ*, перечисленное г. Поге-
дину.

Положишь, что и этого слишкомъ много для двухъ сотъ лѣтъ
Удѣльнаго періода, когда и гранатность и извѣстнаго рода
образованіе стали еще только водворяться, приниматься на
новой для нихъ почвѣ. Положишь, что этотъ все-таки очень
скудный савсакъ можетъ со временемъ, при новыхъ откры-
тіяхъ, увеличиться вдвое, втрое, вчетверо... Но будетъ ли
ны даже и въ такомъ случаѣ нитъ основательную, здравую
возможность это *множество рукописей*, это *обиліе со-
кровищъ* ставить *неоспоримымъ доказательствомъ по-
всемѣстнаго распространенія грамотности до Та-
тара* и смѣло рѣшать, что *«весь народъ (тогда) стоимъ
на значительной степени нравственной и умствен-
ной образованія.»* Г. Погединъ считаетъ это аксіомой!

(Т. VII, 400, 402.) Вотъ какъ легко, при посредствѣ пате-
нтическаго метода, не только складывать, но и копировать.

Весь народъ стоитъ на значительной степени нравствен-
наго и даже *умствемлаго* образованія!! И доказательства
на это — *множество* рукописей. Не говорить уже о томъ,
какое это множество.

Въ настоящую минуту мы можемъ съ большою смѣлостью
рѣшить, что грамотность у насъ распространена повсемѣстно,
что *весь народъ* стоитъ на значительной степени умствен-
наго образованія — но будетъ ли это правда, особенно послѣ
недавнихъ споровъ даже о томъ, нужна ли вообще грамотность
для народа. А между тѣмъ въ настоящую минуту ходить по ру-
камъ не десятки или, по большей мѣрѣ, сотни рукописей, гъ-
товиснаго, церковнаго или юридическаго, канцелярскаго со-
держанія, — а тысячи, десятки тысячъ книгъ по всѣмъ отрас-
лямъ знанія, о которыхъ и не смѣлось далекихъ и добрыхъ
изнанъ предкамъ. А сколько писателей, духовныхъ витій,
ученыхъ даже, кончь вовсе не имѣлъ Удѣльный да и послѣ-
дующіе періоды. — Мы не указываемъ уже на *количество*
экземпляровъ, хотя въ этомъ случаѣ *множество* будетъ
уже не нечтою, а громадною, миллионною дѣйствительностію,
и мы имѣли бы полное право на такое указаніе, ибо г. Пого-
динъ, приводя свое *множество* рукописей безъ сомнѣнія
разумѣлъ и количество экземпляровъ или редакцій одной и
той же рукописи.

Впрочемъ что говорить обо *всемъ* народѣ. Извѣстно на-
примѣръ, что философія у насъ даже преподается въ ннхъ
заведеніяхъ, что когда-то былъ составленъ цѣлый курсъ фи-
лософіи даже для гимназій, что философскихъ книгъ и статей
на русскомъ языкѣ, старыхъ и новыхъ, можно насчитать по-
жалуй до тысячи, что кромѣ того ихъ, то-есть книгъ и ста-
тей по философіи, несравненно болѣе на иностранныхъ язы-

* * *

мысль и мы можем свободно или пользоваться, ибо знание иностранных языков распространено у нас повсеместно, мысль можно доказать путем строгой отчетности: все это очень дорого известно. Но кто же тот сдѣльчакъ, который скажетъ, основываясь на такія маловѣсныя новинки науки, что философія у нас повсеместно распространена между образованными людьми, что образованная, или хотя уже одна ученая часть нашего общества, стоитъ на значительной степени философскаго образования? Сложное здѣсь можно сдѣлать отличное и сунна будетъ удовлетворительная, а дѣйствительной правды все-таки не будетъ; здоровое же, не инстинктивное, а физиологическое пониженіе дѣла укажетъ намъ, что идеальная, философская сторона нашего образования еще покуда въ самомъ плачевномъ состояніи, что вслѣдъ у насъ преобладаетъ еще страшный, пошлый реализмъ, который на всякую идею смотритъ какъ на контрабанду и путемъ строгой отчетности преслѣдуетъ силою всѣ теории и высшіе взгляды, воспринимая надъ ними, какъ надъ ребяческими малостями.

Дѣло въ томъ, что и малую и значительную степень умственнаго образования въ народѣ должно наблюдать не по количеству рукописей или книгъ, не по количеству писаной или печатной бумаги, а по содержанію и характеру литературной производительности народа. Очертите характеристику умственныхъ занятій и работъ народа въ данную эпоху, укажите вопросы или задачи, около которыхъ двигалась умственная жизнь общества, которые пробуждали, вызывали народный умъ къ дѣятельности, представьте наконецъ хоть въ короткомъ перечлѣ массу не заглавій, а массу знаній, свѣдѣній, какія были въ ходу, въ оборотѣ въ извѣстный періодъ времени, и тогда смѣло указывайте, назначайте степень умственного развитія народа. Канцелярскія бумаги, грамоты, договоры,

частные акты, церковные уставы ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить правильнымъ мѣриломъ умственнаго образованія въ народѣ; а то пожалуй ужасающія горы писаной бумажки, изготовляемыя въ настоящее время каждый день, могутъ привести къ такому громадному выводу о значительной степени умственнаго образованія въ народѣ, что мы рѣшительно потеряемъ въ его безконечной величинѣ. Кроме того никакой историческій вопросъ, историческій фактъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ разсматривать какъ цифру, совершенно отдѣльно отъ той среды, гдѣ онъ имѣлъ жизнь, существованіе и следовательно подвергался вліянію самыхъ разнообразныхъ условій и въ то же время съ своей стороны имѣлъ вліяніе на все его окружающее.

Грантность, образованіе не каменная глыба, которую можно изучать безъ всякаго отношенія къ окружающимъ ее предметамъ: напротивъ, это одинъ изъ важѣйшихъ и существеннѣйшихъ членовъ, двигающихъ народнымъ организмомъ, тѣсно, физиологически связанный со всѣми остальными, чѣмъ только живетъ и дышитъ народное тѣло. Если мы докажемъ, что въ извѣстную эпоху, народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованія, то это будетъ служить доказательствомъ, что и другія стороны народнаго развитія стоятъ на той же «значительной» степени. Да притомъ значительная степень нравственнаго и умственнаго образованія въ народѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться, напримѣръ, безъ значительной же степени гражданскаго устройства этого народа: нравственное и умственное образованіе такіе плоды, для произрастенія которыхъ необходима очень хорошо воздѣланная почва въ отношеніи гражданской свободы и общаго благосостоянія. Конечно они изрѣдка попадаютъ и въ дикомъ состояніи, но такое состояніе все же и называется дикимъ, а не состояніемъ образованности.

Вообще намъ кажется, что такъ-называемый г. Погодинымъ математическій методъ, при несомнѣнныхъ и весьма важныхъ своихъ достоинствахъ, если будётъ ставиться единственнымъ, исключительно прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ, — можетъ несравненно болѣе вредить движенію науки, чѣмъ приносить ей ожидаемую пользу. Молодой другъ исторіи, которому преимущественно свѣтуютъ слѣдовать этому пути, можетъ весьма легко потерять здѣсь изъ виду главнаго и необходимаго своего спутника, свѣточа исторіи, именно историческое пониманіе, то, если можно выразиться, историческое чутье, которое пріобрѣтается не арифметическимъ изученіемъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ, а живымъ пониманіемъ ихъ содержанія, не механическими выписками по извѣстнымъ рубрикамъ, а вниманіемъ въ жизненный смыслъ фактовъ, способностію читать и понимать не одиѣ только строки, но еще и то, что содержится между строкъ и чего не добудешь никакими арифметическими вычисленіями, какъ бы вѣрны и отчетливы они ни были. При математическомъ методѣ, все равно, что при составленіи какого-нибудь отчета, мы достигаемъ только *выфирной правды* и вовсе лишаемся правды дѣйствительной, физиологической. Факты подобраны по сортамъ, цифры сведены и размѣщены въ пристойныхъ графахъ или линейкахъ; все, кажется, на лицо; однимъ взглядомъ можно оживуть и повѣрить весь составленный такимъ образомъ механизмъ по извѣстному вопросу; но правда, которую мы найдемъ въ этомъ механизмѣ, будетъ только оптическимъ обманомъ, отводомъ глазъ. Ее не откроетъ и тотъ, кто внимательно станетъ разсматривать механику, ее потеряетъ даже и тотъ, кто самъ былъ механикомъ и крѣпко трудился надъ составленіемъ строгой отчетности. Погруженный въ добываніе по извѣстнымъ рубрикамъ слагаемыхъ цифръ, и потому разсматривая каж-

мый фактъ, какъ мертвую форму, изслѣдователь неизбежно утратитъ возможность почувать то вѣяніе дѣйствительности, самой жизни, которое носится надъ каждымъ историческимъ фактомъ и которое тогда только чувствуется, когда мы принимаемъ историческій фактъ какъ явленіе фізіологическое, а не какъ цифру. Сверхъ того, фактъ, лишенный своей жизненной почвы, лишенный смысла той дѣйствительности, о которой онъ долженъ свидѣтельствовать, и претворенный такимъ образомъ въ цифру, въ безжизненную форму, доставляетъ, какъ мы уже замѣтили, полнѣйшую возможность поступать съ нимъ какъ съ цифрою, то-есть употреблять его для произведенія какихъ угодно вычисленій, для добыванія какихъ угодно результатовъ. Подтвержденія этому въ математическомъ методѣ встрѣчаются очень часто. Такова напримѣръ и вся первая глава V-го тома Изслѣдованій г. Погодина «О междуусобныхъ войнахъ».

Междуусобныя войны князей, по сознанію самихъ современниковъ, были страшнымъ бѣдствіемъ для Русской земли. Само собою разумѣется, что такъ же смотрѣли на нихъ и наши историки, съ тою только разницею, что одни обозначалъ, описывалъ это бѣдствіе болѣе сильными, яркими красками, другой выражался умѣреннѣе. Въ частныхъ случаяхъ и то, и другое было справедливо, да и общая картина выходила все-таки картиною истиннаго бѣдствія для народа. Вотъ напр. какъ описывалъ междуусобія г. Погодинъ въ изданномъ имъ учебникѣ Русской исторіи: «Съ этого-то времени (послѣ смерти Ярослава) начинаются *безпрерывныя* междуусобныя войны, наполненныя злодѣяніями всякаго рода, — кои впрочемъ не считались злодѣяніями, — грабежами, убійствами, опустошеніями, клятвопреступленіями: сынъ шелъ на отца, братъ на брата, дядя на племянника... Каждый хотѣлъ распространить свое владѣніе на счетъ другаго, хотя и не думалъ о на-

слѣдственной поземельной собственности... Вооруженныя толпы ходили за добычею съ мѣста на мѣсто, и города переходили изъ рукъ въ руки. Самые жители принимали дѣятельное участіе въ сихъ войнахъ и часто возбуждали къ нимъ своихъ князей *)). Конечно съ той поры, когда все это было говорено, много воды утекло и взгляды на событія и эпохи нашей исторіи значительно такъ изменились. Новыя Исслѣдованія г. Погодина также совершенно измѣняютъ наши понятія о междуусобныхъ войнахъ, которыя онъ *«подвергъ строгому, подробному химическому анализу или разложенію— велъ изслѣдованіе путемъ строгихъ, математическихкихъ»*. Но нашъ кажется, что нигдѣ съ такою ясностью и не обнаружился всѣ недостатки математическаго метода, какъ именно въ этомъ изслѣдованіи, въ этомъ химическомъ разложеніи или превращеніи историческихъ фактовъ въ цифры. Планъ этого разложенія слѣдующій: авторъ сначала предлагаетъ описаніе междуусобій собственными словами лѣтописей, то-есть дѣла-етъ сокращенныя выписки погодно; потомъ выписываетъ *одни бранные вода*, то-есть однѣ цифры обозначающія эти года; далѣе тѣ же цифры бранныхъ годовъ ставитъ въ рядъ съ годами мира; распредѣляетъ ихъ *по мѣсту*, гдѣ велась или возникали войны; мѣста съ годами распредѣляетъ по княжествамъ и составляетъ такимъ образомъ *отвлеченныя таблицы* (стр. 45); затѣмъ обращается къ *содержанію* междуусобій, разсматривая, изъ чего они состояли и кому и какой вредъ приносили. Заключение, которое добыто посредствомъ такой операціи свидѣтельствуетъ, что 1) междуусобныя войны были у насъ не непрерывныя, а съ большими промежутками; 2) онѣ были не повсемѣстныя, а ограничивались по большей части малыми пространствами; 3) состояли *часто*

---

*) Начертаніе Русской исторіи для гимназій. Москва, 1837.

членъ. Конечно нѣтъ здѣсь непрерывности математической, но вѣдь исторія не математика, и точность историческая нѣтъ своихъ условій, которыя даютъ историку полное право называть междоусобныя войны непрерывными, безпрестанными, если онѣ въ теченіи двухъ вѣковъ *постоянно* возобновляются черезъ годъ, черезъ два, черезъ 11 лѣтъ, продолжаясь сряду также по два, по три года, по пяти, по семи и одинъ разъ 17 лѣтъ (1146—1162), если даже въ общей сложности на одинъ годъ съ четвертью мира приходится одинъ годъ брани, войны. Къ тому же ужь если пошло на точность, то и въ самомъ словѣ «непрерывно» не заключается еще того смысла, чтобъ войны велись сплошь каждую минуту; всякое періодически повторяющееся явленіе весьма справедливо и точно можетъ обозначаться словомъ непрерывно, безпрестанно. Имѣя все это въ виду, Карамзинъ, а за нимъ и другіе весьма справедливо думаютъ и выражаются, что «въ теченіи двухъ столѣтій отечество наше было *безпрестанно* терзаемо войнами междоусобными». — Годъ мира и годъ войны, восемь лѣтъ войны 1094—1101 и семь лѣтъ мира (1187—1193), одиннадцать лѣтъ мира (1105—1115) и семнадцать лѣтъ войны (1146—1162). Или: изъ 33 лѣтъ мирныхъ (1101—1135) семь лѣтъ брани и изъ 47 лѣтъ брани (1135—1184) восемь лѣтъ мира. Однимъ словомъ, какъ ни вычисляй, все-таки на одинъ годъ съ четвертью мира приходится годъ войны. Чего же болѣе? И что же можетъ быть краснорѣчивѣе такого свидѣтельства?

Что же касается до утвержденія автора, что войны не были *повсемѣстны*, то въ этомъ никогда никто и не сомнѣвался, ибо что такое повсемѣстность? Представить себѣ нельзя войны по всемъ мѣстамъ земли, по всемъ селамъ, городамъ. Древняя Русь сосредоточивалась около Кіева, туда тянула всѣ тогдашніе интересы: около Кіева стало быть по преимуще-

шеству и воевали князя. Но какъ бы то ни было, не смотря на очевидныя, ясныя свидѣтельства, которыя не могъ совершенно скрыть даже и математическій методъ, автору во что бы ни стало хочется доказать, что междоусобныя войны были такъ-себѣ, побранки, полюбовныя стычки, вообще почти безвредныя. Съ этою цѣлю онъ разлагаетъ даже «на составныя части» ихъ содержаніе. Выходитъ, что походовъ было 53, набѣговъ 9, осадъ 50, въ томъ числѣ успешныхъ 26, безуспешныхъ 24, сраженій, кромѣ осадныхъ, большихъ и малыхъ 41. Цыфры эти не совсѣмъ вѣрны, да дѣло не въ томъ. — Собравъ 64 случая походовъ и набѣговъ, авторъ заключаетъ: «Вотъ сколько *войнъ*, которыя состояли изъ однихъ походовъ, *безъ малѣйшаго кровопролитія!* Дѣйствительныя брани, ссоры оканчивались безъ кровопролитія, бѣгствомъ съ одной стороны и свободнымъ занятіемъ города или волости съ другой. Но такими были далеко не всѣ исчисленныя авторомъ; нѣкоторые походы и набѣги принадлежали только къ частнымъ движеніямъ во время войны, другіе служили только началомъ, зачиномъ дѣйствій — все это не даетъ возможности называть подобныя движенія *войнами*, и фраза «*вотъ сколько войнъ*» была бы точнѣе, еслибъ эти войны прямо были названы походами, движеніями. Но фраза явилась не безъ причины. Она явилась подъ вліяніемъ заготовленной уже теоріи, подъ вліяніемъ предразсужденія съ цѣлю представить междоусобныя войны полюбовными схватками. И вотъ одно изъ доказательствъ, что никакой методъ, даже и математическій, не въ силахъ остановить своеволія предразсужденій и готовыхъ теорій, взятыхъ не изъ самаго дѣла, а такъ-сказать съ вѣтру. О другихъ войнахъ безъ малѣйшаго кровопролитія гѣтонисецъ выражается часто однимъ словомъ *зая*, *взя*, *выма*. Но здѣсь-то именно и требовалось бы съ математическою отчетностью опредѣлять значеніе этихъ словъ:

дѣйствительно ли *зая*, *взя*, означаетъ мирное занятіе, безъ малѣйшаго кровопролитія, ибо лѣтописи въ короткомъ разсказѣ о событіи употребляютъ всегда и короткія слова. Такъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи видно, что *зая*, *взя* значило именно насильственное занятіе, съ грабежемъ, плѣномъ и слѣдственно разореніемъ. Мудрено, чтобъ все это обходилось безъ малѣйшаго кровопролитія.

Въ обозначеніи своихъ войнъ безъ малѣйшаго кровопролитія, г. Погодинъ подъ 1066 годомъ пишетъ: «Всеславъ Полоцкій *заямля* Новгородъ». — Новгородская I лѣтопись описываетъ это занятіе слѣдующими короткими словами: «Приде Всеславъ и *взя* Новгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софіѣ. О велика бяше бѣда въ часъ тыи! и панекадѣла съима». Подъ 1094 г. авторъ пишетъ. «Олегу *заямля* Черниговъ». Въ Лѣтописи: «Олегу съ Половци приде Чернигову... Володимеръ затворился въ градѣ — Олегу приде къ граду и пожже около града и монастырь пожже... Володимеръ иде изъ града... Половци же начаша воевати около Чернигова, Ольгови не забранящу, бѣ бо самъ повелѣлъ нитъ воевати». Самъ же Владиміръ (Мономахъ) въ своемъ поученіи свидѣтельствуетъ объ этомъ событіи: «Олегу на ны приде съ Половеческою землею къ Чернигову и бинася дружина моя съ нимъ 8 днѣй о малу греблю (ровъ) и не владуче нитъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьянныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь — и влахъ брату отда своего мѣсто, а самъ идехъ Переяславлю... Се уже третье навело поганыя на землю Русьскую — присовокупляетъ лѣтописецъ: его же грѣха дабы ѿ Богъ простилъ, *занеже много хрестьянъ изублено бысть, а друзи половецкы и рассточени по землямъ...* *)»
Вотъ что означаетъ употребленное авторомъ слово *заямля*.

*) П. С. Р. Л. I, 96, 103.

Далѣ авторъ говоритъ: 1116 г. «Мономахъ изъ Кіева *слышалъ* Глѣба Мшескаго». Въ это время *взяли* Рѣва, Копысь и *взяли* мѣ ширши Дръвотскъ (то-есть взяли преступнонь и плѣнень). 1128 г. «Всеволодъ Ольговичъ *вымалъ* Ярослава дяню изъ Чернигова». Въ Лѣтописи: «Ольговичъ Всеволодъ ѿ (взялъ) стрыя своего Ярослава (въ) Черниговѣ, *изъхавъ* ѿ (то-есть влезанно), а *дружиню* ею *изсече* и *разраби*». Вотъ чтò скрыто подъ словенъ *вымалъ*. Здѣсь въ добавокъ авторъ не точно и увтребилъ это слово, ибо ѿ не значить выгнать, а взять.

1141 г. «Всеволодъ Черниговскій *замалъ* города Юрьвы». — Лѣтопись: «Понна Всеволодъ города Гюрговы конѣ, скотъ, овцѣ и гдѣ что чья товаръ».

1159 г. «Юрій Ярославичъ изъ Турова *ходилъ* къ Путнвилю, Вырю, Зарытону». Въ Лѣтописи сказано *воевалъ*, а это слово всегда означало дѣйствительную войну съ опустошеніями, пожарами, плѣнень, грабежонъ.

1207 г. «Всеволодъ Черниный изъ Чернигова *замалъ* Кіевъ, Бѣлгородъ, Торчоскъ». Въ Лѣтописи: «Всеволодъ Черниный *примель* съде въ Кыевѣ, *много* *за* створиъ земли Рустыи»; а въ чемъ это зло заключалось, свидѣтельствуеть тотъ же лѣтописецъ: «устраишася на Бѣлгородъ и остушиша ѿ, и быеть брань люта, люди же измонегахуса въ градѣ... *придоша* къ Торцьскому — остушиша ѿ, и поганыя (Полощевъ) *расясушиша* *воевати*, они же много *за* створиша по земли, *ялмлюще, сѣкуще* и *села жгуще*...»

Вотъ каковы войны, состоявшія изъ однихъ походовъ, безъ никакого кровопролитія! Подобная же *мажемашичская* *отчетливость* является и въ общенъ обозначеніи этихъ войнъ, которое сдѣлалъ авторъ, сказавъ въ заглавіи: «слѣдующія войны окончилисъ походомъ и набѣгомъ». Мы уже замѣтили, что часто такіе походы, набѣги служили только началомъ

войны. Напришѣръ авторъ говоритъ: 1156 г. «Мстиславъ занялъ изъѣздомъ (внезапно) Володиміръ». Точка. Между тѣмъ этотъ изъѣздъ былъ только началомъ кровопролитія, ибо Юрій пришелъ на Мстислава, стоялъ у Владимира 10 дней, «обсѣдшимъ въ городѣ и многы крови проливахуться межъ ними, друзія же узвляеми умираху», и Юрій «сжалиси о погыбели людстей — възворотися въ Кіевъ, а Мстиславъ иде по немъ до Дорогобужа, воюя и жга села, и много зла створи».

Вообще необходимо замѣтить, что если и можно было собрать нѣсколько случаевъ походовъ, набѣговъ и занятій городовъ, совершившихся безъ кровавой драки, то все же нельзя было называть эти походы громкимъ именемъ *войны* и тѣмъ доказывать, что междоусобіи вообще не отличались кровопролитіемъ. Приведенные прилѣпы могутъ служить весьма достаточнымъ указаніемъ, что эти войны не были или по крайней мѣрѣ далеко не всѣ были такими, какими желалъ представить ихъ авторъ, и что слѣдовательно, не смотря на строгій, математическій путь отчетности, авторъ все-таки подвергся сильному вліянію системы, теоріи и склоннымъ факты, *быти, дѣи* подъ воззрѣніе, которое не могло возникнуть изъ *ближайшаго* разсмотрѣнія источниковъ, а явилось уже готовымъ можетъ-быть даже изъ того только, чтобы сказать что-либо новое, оригинальное, противорѣчащее прежнимъ положеніямъ, или изъ благодушнаго желанія отыскивать въ нашей древней исторіи одну только *добродѣтель*, нравственные и всякія совершенства, вовсе забывая, что цѣль науки есть *правда*, а не относительная историческая нравственность.

Повидимому, авторъ именно и задалъ себѣ эту задачу, чтобы сдѣлать нашихъ предковъ Удѣльнаго періода добродѣтельными, тихими, кроткими, терпѣливыми, однимъ словомъ, аркадекими пастушками. Послѣ упомянутаго заключенія о

войны; состоянникъ будто бы изъ единъ положитъ безъ нагнѣнаго провананта, авторъ продолжаетъ: «застѣтъ, что *соевъ* было не много; житомъ нутей должны были, раздумываясь, доставить ннѣ продовольствіе, котораго было всагѣ въ изобиліи (!!), — а больше вать съ ннѣ, говора вообще, было нечего; живннѣ по сторонамъ могли быть спокойныи». Далѣе: «Вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали по большей части князья... Народъ страдалъ меньше... Князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа; они, по большей части, хотѣли владѣть тѣми городами, на конь каждали, слѣдственно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. (Князья съ воинами сами по себѣ, а поселены сами по себѣ.)» Эта мысль проводится авторомъ и въ другихъ его изслѣдованіяхъ, напр. о городахъ и ихъ обитателяхъ (томъ VII), о волостяхъ, гдѣ онъ не одинъ разъ повтораетъ, что — «война была дѣломъ княжннѣ, а до поселенъ она не касалась. *Приходилось* (поселеннѣ) терпѣть во время походовъ и войнъ междоусобныхъ изрядно, и то по большннѣ дорогамъ». Положеннѣ, что *всѣвъ* было не много, что это были толпы, конъ удобно могли ходить по дорогамъ не раздѣляясь и не затрудняясь нисколько въ продовольствіи (т. VII, 179); но вѣдь толпы эти все-таки ходили по дорогамъ, воевали не въ воздухѣ, какъ привидѣнія, а на землѣ, на которой жили въ селахъ и деревняхъ смерды или вообще *крестіане*, какъ постепенно все чаще и чаще стали обзывать ихъ князья. Какъ бы мала ни была толпа воиновъ, не въ отношеніи къ смердамъ, которые, по утверженію автора, не принимая никакого участія въ войнахъ, *спокойно* продолжали воздѣлывать землю, *спокойно* оставались дома и отдавали для походовъ только лошадей (VII, 184), — въ отношеніи къ тѣмнѣ мирнымъ обитателямъ земли, толпа воиновъ была все-таки явленіемъ не безопаснымъ и даже страшнымъ, осо-

бенно, если мы приведемъ на память существенный характеръ древнихъ войнъ, по коему опустошенія, разоренія неприятельской земли, плѣненіе жителей, почитались единственнымъ условіемъ и главнѣйшимъ средствомъ для достиженія военныхъ цѣлей. Малая толпа, десятки ли тысячъ вооруженныхъ, привыкшихъ къ военному дѣлу людей, были одинаково страшны для смерда, ибо никогда не щадили его на неприятельской землѣ. Грабежъ, опустошеніе, пожаръ, плѣнъ — вотъ что видѣлось смерду въ этихъ малыхъ толпахъ. *Рать* въ смыслѣ войны всегда почиталась Божьимъ наказаніемъ, казнью, посылаемою отъ Бога за грѣхи, и народъ очень хорошо зналъ свойства и характеръ этой казни. Такъ лѣтописецъ, описывая однажды страшную бурю, не находитъ лучшаго подобія для изображенія опустошеній и бѣдствій, произведенныхъ ею, какъ сравнивая ее съ нашествіемъ рати. «Бысть буря велика, ака же не была николи же, около Котельничѣ, говоритъ онъ, — и разноси хоромы и товаръ и клѣти и жито изъ гумень, и *просто реци, ако рать взяла*, и не остана у клѣтѣхъ ничтоже...» Что можетъ быть краснорѣчивѣе этой простой и короткой характеристикѣ тогдашнихъ войнъ, которую вполне подтверждаютъ и всѣ свидѣтельства лѣтописей вообще о междоусобныхъ и другихъ войнахъ. Такая характеристика лежала въ сознаніи народа, и выраженіе лѣтописца вовсе не риторическая фраза. Что за ратью слѣдовали опустошенія, въ этомъ народъ былъ крѣпко убѣжденъ. Въ 1186 г. Смоленяне и Новгородцы пошли на Полочанъ — «и слыша Полочане и слумаша рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смоленяномъ; аще попуститъ ихъ въ землю свою, *аще и миръ сотворимъ съ ними, а много ты зла творятъ, попустятъ ны землю, идучи до насъ; пойдеть къ нимъ на сумежь. И собрашася вси, и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и съ честию, и даша дары*

инюги и уладинася, и разидошася въ страны своя кождо нтъ». Такое убѣжденіе Полочанъ не могло основываться на одномъ только частномъ случаѣ, на походѣ Смоллянъ и Новгородцевъ; оно выразило общее, хотяе мнѣніе, что походъ ратный всегда и вездѣ сопровождается опустошеніемъ земли, то-есть разореніемъ, грабежемъ селъ, волостей. Въ то время таково было право войны. Впрочемъ сильнѣйшія доказательства тому, какъ несправедливо г. Погодинъ объясняетъ характеръ междоусобій, мы находимъ въ его же химическомъ ихъ разложеніи. Составныя части, добытыя при посредствѣ этого разложенія, никакъ не составляютъ того цѣлаго, которое желалъ изобразить авторъ. Доказывая напримѣръ, что вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали *во большей частии* князья, а послѣ князей терпѣли ихъ бояре и дружина, онъ въ подтвержденіе приводитъ 19 случаевъ подъ 16 годами. За тѣмъ продолжаетъ: «много доставалось городамъ» и приводитъ 24 случая подъ 20 годами, къ которымъ должно присоединить также и 56 случаевъ осадъ. — Надо замѣтить, что по утверженію г. Погодина, въ городахъ жили все еще *Варяги*, то-есть потомки пришедшихъ Варяговъ, которые составили военное сословіе или собственно городское. Древніе города, по убѣженію автора, были только военными крѣпостями, острогами. Но если въ городахъ жили только одни воины, то подлѣ городовъ въ посадахъ жили безъ сомнѣнія посадскіе — народъ, и посадъ всегда составлялъ часть города. Осады прежде всего и вредили этимъ посадамъ; ихъ жгли не только непріатели, но весьма часто и осаждаемые. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ все-таки народъ страдалъ больше. Но нѣтъ — *„народъ страдалъ меньше“*, заключаетъ г. Погодинъ, и въ подтвержденіе указываетъ сорокъ случаевъ подъ 30 годами, дѣлая послѣ 1148 г. такое замѣчаніе въ скобкахъ: слѣдующіе (послѣ этого года) *безпрестанные* походы

разумѣется причиняли вредъ населенію. Итакъ къ 40 случаямъ могутъ еще прибавиться хоть 10 *), и вся сумма въ соединеніи съ случаями опустошеній и осадъ городовъ представитъ довольно значительную цифру.

Вообще по разчету автора на 83 года междоусобныхъ войнъ приходится 16 годовъ (19 случаевъ), въ которые терпѣли вредъ князья и ихъ дружина; 20 годовъ (24 случая), въ которые терпѣли вредъ города, кромѣ осадъ (56 случаевъ); и наконецъ 30 годовъ (40 случаевъ), въ которые страдалъ народъ, не включая сюда годовъ съ 1148 по 1156, памятныхъ *безпрестанными походами* и о которыхъ можно судить по выраженіямъ лѣтописей, напр. въ 1153 году: «Бысть плачь великъ по всей земли Галичестѣй...» На 83 года междоусобій болѣе 40 случаевъ опустошенія земли! Чего же больше и какъ же еще больше страдать народу? А разоренія, сожженія и осады городовъ? — Авторъ никакъ не докажетъ, что разоренія и осады городовъ не наносили вреда народу. Мы уже замѣтили, что около городовъ и полъ городами жили мирные земледѣльцы, смерды, пахавшіе землю, сѣявшіе жито. Въ посадахъ жили положимъ ремесленники, торговцы. И осаждающіе, и осаждаемые жгли прежде всего *передіородье*, какъ называется это населеніе лѣтопись, и травили, пасли конями весь хлѣбъ въ окружности. Справедливо, что князья воевали между собою, сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе здѣсь исполнялась на дѣлѣ та извѣстная истина,

---

*) Сверхъ того въ представленномъ авторомъ исчисленіи случаевъ народнаго бѣдствія мы случайно замѣтили пропуски: напр. въ 1142 г. Игорь Ольговичъ подъ Переяславлеиъ, въ которомъ сидѣлъ Вячеславъ, много наноси сотвориша, *села поожгоша и житна поласоша*; въ 1145 г. ходиша вси русскя земля на Галиць и много попустиша *область мз...* Это даетъ поводъ думать, что списокъ этотъ не полный, и легко можетъ быть увеличенъ.

что въ лѣсу рубить, а въ миръ щены летить, что весь вредъ, вся тяжесть бѣдствій отъ междоусобій падали главнымъ образомъ на долю земства, народа. Князья ссорились, мирялись, отнимали другъ у друга города, дружину, имѣнье, а за все и про все расплачивалась земля, и за нихъ миръ и за нихъ брань. Князья даже сами очень хорошо сознавали, вопреки г. Погодину, что Русская земля гибла отъ ихъ усобицъ, и потому, стараясь иной разъ затушить возникшую ссору въ началѣ, предупредить усобицу, они — «не хочае губити Руской земли и крестьяньской крови проливати» — постоянно твердятъ: «не пролейте крови крестьяньскы, ни погубите Рускы земли» — «Рускыи дѣла земля и крестьянъ дѣла не пролейте крови крестьяньскы», — и умирался — крестьянъ дѣла и всея Руской земли. — Точно такъ же смотрѣло на княжескія междоусобія и духовенство, которое иногда принимало на себя даже грѣхъ клятвеннаго преступленія, убѣждая, что — «пролить кровь крестьянну есть лжее, чѣмъ преступити крестоцѣлованіе», что оно (духовенство) приставлено въ Русской землѣ отъ Бога «востыжити князей отъ кровопролитья». А народъ крѣпче того шѣлъ въ своихъ замечательныхъ пѣсняхъ, что отъ княжескихъ усобицъ «свѣтѣмъ жизнь», что «въ князихъ кровельте вѣки чловѣчюи» сократилась!»

А если и духовенство, и князья, и народъ — все современное общество сознавало, крѣпко было убѣждено, что междоусобія вели къ кровопролитію и разоренію, потугловою землѣ, что такъ было и на самомъ дѣлѣ, что земля вообще страдала, гибла, — то какъ же имъ случилось думать, что было-де совершенно наоборотъ, что германъ только князья да одно военное сословіе, которое собственно и воевало, что земство благоустраивало, сполна въодѣлывало землю и германъ только кландалъ во время походовъ, да а то по большаицъ дорогахъ?

Развѣ только одинъ математическій путь, посредствомъ котораго такъ легко и удобно изъ историческихъ жизненныхъ фактовъ составлять *отвлеченныя таблицы*, то-есть обращать эти факты въ цифры и потомъ поступать съ ними какъ требуютъ арифметическія дѣйствія, — развѣ только одинъ этотъ методъ, который такъ высоко ставится г. Погодинымъ, способствовать изъ всякой истины выгнуть какую-угодно ложь и доказать, что междоусобныя войны не только не были кровопролитны и походили на любовныя сиватки, но даже очень много способствовали народному благосостоянію и вообще благоденствію общества. Мы уже замѣтили, что нигдѣ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина прославляемый имъ «путь строгой отчетности» не обнаружился въ такой крайности, какъ именно въ изслѣдованіи о междоусобіяхъ. Вотъ почему мы и желали сказать нѣсколько словъ противъ этого увлеченія теоріею математическаго пути, которая, при теперешнемъ по преимуществу физиологическомъ возрѣвіи на историческія бышья, *дѣломъ*, можетъ положительно вредить изслѣдователямъ и особенно «молодымъ друзьямъ исторіи», только что приступившимъ къ чтенію лѣтописей и другихъ источниковъ. Идя математическимъ путемъ, изслѣдователь никогда не встрѣтитъ на немъ живой души; всюду будутъ являться передъ нимъ однѣ безжизненныя формы, факты, подъ видомъ цифръ слагаемыхъ, — и не смотря на немовѣрное множество этихъ слагаемыхъ, изслѣдователь, руководимый цифирною отчетностью, не въ состояніи будетъ подмѣтить въ нихъ жизненной, органической связи и раскрыть такимъ образомъ правду минувшей дѣйствительности.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРИКРАСЫ ВЪ ИСТОРИИ.

Правленіе царицы Софіи, соч. г. Щебальскаго. Русскій Вѣстникъ 1856 г.

Статья г. Щебальскаго: *Правленіе царицы Софіи*, вызвала общія похвалы, общее одобреніе; всѣ прочли ее съ особеннымъ интересомъ, съ тѣмъ интересомъ, какой рѣдко и очень рѣдко выпадаеть на долю историческихъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не отдать полной справедливости талантливому, необыкновенно живому, текучему изложенію; нельзя было не увлечься этимъ бойкимъ рассказомъ, исполненнымъ *драматизма*, этою яркою изобразительностью, съ какою авторъ представлялъ многія стороны, многія положенія и отношенія избранной имъ эпохи. Все это вполнѣ оправдывало пріемъ, сдѣланный новому таланту, такъ блистательно выступавшему на трудное поприще историческаго дѣла. Вполнѣ заслуженный успѣхъ сочиненія г. Щебальскаго обязываетъ и насъ поговорить подробнѣе о его достоинствахъ и значеніи въ ряду другихъ произведеній русской исторической науки.

Нельзя сказать, чтобъ сочиненію отличалось новымъ взглядомъ на эпоху, или новымъ, неожиданнымъ освѣщеніемъ тѣхъ или другихъ ее сторонъ, былыхъ людей неразработанными или крѣпко объясненными. Кто сколько нибудь знакомъ съ

русскою исторією, тотъ этого не встрѣтитъ въ статьѣ г. Щербальскаго, не встрѣтитъ даже новыхъ подробностей, которыя придавали бы сочиненію свѣжесть труда, самостоятельно разработаннаго по источникамъ, малозвѣстнымъ публикѣ. Если этой любопытной эпохѣ не было до сихъ поръ посвящено отдѣльнаго изслѣдованія, то все-таки ея событія, факты, подробности и сдѣланныя заключенія о причинахъ и слѣдствіяхъ, болѣе или менѣе вѣрныя, давно были извѣстны и всегда составляли введеніе къ исторіи Петра, вступительныя главы этой исторіи. Предшествовавшіе писатели говорили объ этой эпохѣ однимъ подробнѣе, другой короче, смотря по цѣли своихъ сочиненій. Болѣе подробный обзоръ находится у Голікова въ его весьма почтенномъ, по времени, трудѣ: «Дѣянія Петра Великаго». Въ учебникѣ г. Устрялова посвящена этому времени особая статья съ заглавіемъ «Царевна Софія», гдѣ нельзя сказать, чтобъ о семи годахъ правленія Софіи упоминалось только вскользь, мимоходомъ; напротивъ, эта статья представляетъ хотя и сжатый, но весьма удовлетворительный и полный очеркъ этихъ семи годовъ. Само собою разумѣется, что, при теперешнихъ успѣхахъ въ разработкѣ русской исторіи и отечественныхъ древностей, настоятъ потребность посвятить этому времени, какъ и многимъ другимъ, отдѣльное изученіе, настоятъ потребность въ монографіи полной съ отчетливыми, *критическими* изслѣдованіемъ и событія и самыхъ источниковъ.

Вопреки г. Щербальскому, до сихъ поръ не одна эта эпоха образуетъ *проблѣмъ* въ нашей исторической литературѣ и историческихъ понятіяхъ: все XVII столѣтіе есть такой *проблѣмъ*; а между тѣмъ, что можетъ быть интереснѣе эпохи самозванцевъ и эпохи стрѣльцовъ? «Тутъ есть все, что привлекаетъ вниманіе любопытнаго наблюдателя минувшихъ временъ: *драматическое* движеніе, игра страстей, борьба

партіи... Но еще важнѣе: XVII столѣтіе есть то время, когда Московская Русь развилась и выразилась впередъ; всѣ начала, которыя она выработала и которыми жила, были въ это время въ полномъ ростѣ и въ полномъ цвѣтѣ, такъ что къ концу столѣтія стало весьма сильно обозначаться нѣкъ совершенное отцвѣтаніе — стали показываться, съ одной стороны, усилія тѣмъ бы ни было поддержать цвѣтеніе, а съ другой, такія же усилія расчистить землю, взорвать, и насадить новое стѣмя. Въ столкновеніи этихъ усилій, въ столкновеніи историческихъ началъ заключается еще болѣе драматическаго движенія, нежели въ борьбѣ партій, игрѣ страстей, подвигу единственно изъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Конечно, и въ борьбѣ личныхъ цѣлей выражалась борьба началъ, но это надо открыть, замѣтить... здѣсь нуженъ микроскопъ и телескопъ, нужны необыкновенное вниманіе, мелочные, копотливые труды, на которые охотниковъ вообще мало... Да! Напримѣръ, хоть эпоха стрѣльцовъ, эпоха Софій — сколько потребуетъ она трудолюбія, сколько работъ и изслѣдованій, мелкихъ и вовсе неказистыхъ! И для чего? — иной разъ только для того, чтобъ найти истинную средину между двумя совершенно противорѣчащими свидѣтельствами. А сколько нужно пречестъ, пресмотрѣть!... Эпоха царевны Софій необыкновенно богата самыми разнообразными матеріалами; здѣсь есть даже записки русскихъ современниковъ и современцевъ, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе и важнѣе для изслѣдователя, что писаны людьми совершенно противоположныхъ партій; записки иностранцевъ, очевидцевъ дѣла, смотрѣвшихъ на него тоже съ своей точки зрѣнія, слѣдственно представляющихъ какъ-бы новую партію, постороннюю, не принадлежащую къ дѣйствующимъ; множество обнародованныхъ уже актовъ, официальныхъ записокъ и записокъ; множество памятниконъ литературныхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразились

интересы, понятія и даже событія времени. Это только матеріалы, относящіяся прямо ко времени, о которомъ мы говоримъ. Но вѣдь это время — слѣдствіе, результатъ предшествовавшихъ царствованій: тѣ, что жило и дѣйствовало въ эту эпоху, началось, по-крайней-мѣрѣ, хоть за тридцать лѣтъ раньше... Такимъ-образомъ необходимо выкинуть въ исторію царей Федора и Алексѣя, и это тѣмъ болѣе необходимо, что на долю Софьи досталось только *продолжать, оканчивать* тѣ, что было начато при ея отцѣ и братѣ; такова, напримѣръ, вся дѣятельность касательно внутренняго государственнаго устройства; такова же и во внѣшней политикѣ. Новаго она ничего не начинала. Ея правленіе развивало только старыя начала во всемъ — и въ жизни, и въ государственномъ устройствѣ, и во внѣшнихъ сношеніяхъ; ея правленіе, по характеру своему — продолженіе правленія ея брата Федора и отца.

И вотъ такое-то богатство и разнообразіе матеріаловъ, такіе-то труды предстоятъ изслѣдователю этой въ высшей степени интересной эпохи. Нельзя при этомъ не замѣтить, что если недостатокъ, скудость матеріаловъ ставитъ всегда изслѣдователя въ самое затруднительное положеніе, то и богатство ихъ приноситъ немнѣе много хлопотъ и не менѣе затрудняетъ. Здѣсь требуется необыкновенная осмотрительность, здравость пониманія, критическая оцѣнка данныхъ — однимъ словомъ, и *малая* и *высшая* критика, какъ говорилъ Шлёцеръ, отецъ русской исторической критики, требуется вообще *мало искусства* и *много труда*... Но все это, конечно, требуется тамъ, гдѣ намѣрены изобразить эпоху во всей ея исторической истинѣ. Разуиѣется, не всѣ изслѣдователи ставятъ себѣ цѣлью такое изображеніе: иные увлекаются исключительно только *драматическимъ* ходомъ, *драматическою* красотою событій, а впечатлѣніе красоты вездѣ вызываетъ самую живую потребность выразиться, изо-

бразить то, что особенно поразило... Таким образом историческая эпоха, исполненная драматизма, возбуждает желание передать этот драматизмъ, изобразить эпоху только съ этой стороны. Здѣсь уже другія требованія, другой, болѣе свободный и легкій взглядъ на матеріалы и, слѣдственно, другіе результаты труда. Сочиненія, написанныя подъ вліяніемъ этой задачи, заключая въ себѣ, по самому характеру труда, болѣе литературныхъ, художественныхъ, нежели ученыхъ достоинствъ, всегда особенно нравятся публикѣ. Мы думаемъ, что и заслуженный интересъ, съ какимъ принята статья г. Щербальскаго, обуславливается именно этими достоинствами... *Драматическое движеніе*, драматизированіе лицъ и событій и, какъ необходимое слѣдствіе этого, оживленное, бойкое изложеніе, текучій, быстрый рассказъ — все это такіа достоинства, которыя для большинства во многихъ случаяхъ совершенно могутъ заслонить собою историческую правду, фактическую достовѣрность. Публика здѣсь рѣшительно права, потому что сочиненіе главнымъ своимъ характеромъ вполне удовлетворяетъ ея требованіямъ. Публика — вообще человѣкъ страшно занятой: ей некогда останавливаться на вашихъ многотрудныхъ, добросовѣстныхъ и обширныхъ изслѣдованіяхъ; она не находитъ удовольствія слѣдовать за вами по пути критическихъ изысканій — словомъ, по тому тернистому, пустынному, тяжелому пути, по которому идутъ обыкновенно къ истинѣ; ей нужна цѣль пути, результатъ вашихъ трудовъ; она съ удовольствіемъ купитъ у васъ картину, часы, но вы ее не принудите выслушать скучный рассказъ о томъ, какъ висалась картина, какъ дѣлался механизмъ часовъ, какъ постепенно изъ частей возникло цѣло; процессъ вашего труда не интересуется ея. Вотъ почему въ ученыхъ сочиненіяхъ она не любитъ принимать черновой работы, то есть, не любитъ скучныхъ фактическихъ объясно-

ній, посредствомъ которыхъ вы подходите къ истинѣ; она предпочитаетъ только тѣ труды, въ которыхъ и событія, и лица являются и слѣдуютъ одно за другимъ въ *движеніи драматическомъ*, въ оживленной, драматизированной связи, безъ тяжелаго обоза эрудиціи, изслѣдовательности и критическихъ замѣчаній; а это такія качества, которыя въ историческихъ сочиненіяхъ даются только послѣ самой полной, всесторонней разработки предмета или эпохи.

Что жъ мы скажемъ въ настоящемъ случаѣ? Отвѣтъ будетъ неутѣшительный. Кому хорошо извѣстна степень разработки русской исторіи, и особенно исторіи XVII столѣтія, тотъ пойметъ, что на эти весьма сираведливныя требованія со стороны большинства русскіе ученые отвѣчать не могутъ, что еще не настало то время, когда возможны живыя, драматизированныя картины нашего прошедшаго. Если и много у насъ издано матеріаловъ, то они до сихъ поръ еще почти не разобраны и не оцѣнены критически, до сихъ поръ не предпринималось даже первоначальной ихъ разработки, и ученый, приступающій къ изображенію данной эпохи, еще въ началѣ своего труда долженъ рѣшительно потеряться въ предварительныхъ мелочныхъ работахъ... Тамъ, гдѣ для европейскаго ученаго достаточно заглянуть въ какую либо монографію, чтобъ найти нужное подтвержденіе своимъ выводамъ, нашъ ученый принужденъ пересматривать десятки книгъ и теряться въ ихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ. Трудъ можетъ еще больше увеличиться, если къ нему присоединится мелочная точность и добросовѣстность изслѣдователя — качества, весьма почтенныя и всѣми уважаемыя, но совершенно невыгодныя для внѣшней красоты сочиненія, для тѣхъ достоинствъ, которыми такъ увлекается большинство. Слишкомъ добросовѣстный взглядъ на дѣло при сказанныхъ неудобствахъ и разнаго рода трудностяхъ можетъ даже остановить это дѣло въ самомъ началѣ.

И точно, какъ взяться за изслѣдованіе, когда поминутно чувствуешь, что и то и это, должно быть, невѣрно, что нужно еще справиться, порыться, чтобъ дознать наконецъ истину; что, напримѣръ, такой-то фактъ и весьма бы шелъ для картинности изложенія, да что-то онъ сомнителенъ, какъ-то противорѣчитъ той дѣйствительности, которую онъ долженъ рельефно обрисовывать... И задумается изслѣдователь, и пойдетъ справиться — и вотъ передъ нимъ далекая перспектива утомительнаго «мелочнаго труда, въ которомъ теряется половина времени, *сжучаетъ умъ, вянетъ воображеніе*... тигостная жертва, приносимая *достоверности!*» какъ говоритъ Карлзэинъ. Но замѣтимъ снова, что такія жертвы приносятся только тѣми авторами, труженниками науки, которые, можетъ быть, ужъ слишкомъ глубоко сознаютъ строгія требованія истины исторической, слишкомъ исключительно ставятъ вопрѣсь.

Карлзэинъ говорилъ, что «есть *три* рода исторій: *первая* современная, напримѣръ, Фукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; *третья* извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша... Въ *первой* и *второй* блистаетъ умъ, воображеніе дѣписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія; скажетъ: *я такъ видѣлъ, такъ слышалъ*, и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. *Третій* родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному, нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали — или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историкъ, обязанному представлять единственно то, что со-

*
*
*

хранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ». Не смотря на то, что для нашего времени существуетъ одинъ только третій родъ исторiи — родъ весьма ограниченный для таланта, мы встрѣчаемся нерѣдко и съ такими произведенiями, которыя отчасти напоминаютъ первые два рода, то-есть, исторiю древнихъ. А «греки и римляне (какъ говорилъ покойный Т. Н. Грановскiй) смотрѣли на исторiю совершенно другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе *искусствомъ*, чѣмъ *наукою*...» Разумѣется, воззрѣнiе ихъ на историческое дѣло «вытекало изъ цѣлага порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденiи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденiя; съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическiе опыты прошедшихъ поколѣнiй должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ» *). Въ наше время, конечно, не существуетъ такого воззрѣнiя, но за-то сохраняется самый способъ писанiя исторiи, какъ болѣе удобный и легкiй для таланта, для свободы пера; вопросъ берется нѣсколько легче, и историческое дѣло является *искусствомъ* въ смыслѣ описаннаго Карамзинымъ свободнаго украшенiя событiй и лицъ, согласно легковѣрному, диллетантскому взгляду на историческую науку, какъ на способный материалъ для всякаго рода рассказовъ и повѣствованiй, съ проведенiемъ какой угодно заданной мысли.

Все это мы считали необходимымъ сказать, чтобъ яснѣе опредѣлить значенiе и суцiность статьи г. Щебальскаго. Нельзя не замѣтить на первыхъ же страницахъ, что задача автора болѣею частью состояла именно въ томъ *искусствѣ*, о которомъ мы сейчасъ говорили.

*) Сочиненiя Т. Н. Грановскаго, 1, 5.

Никъ въ виду *драматическое дѣйствіе* эпохи, авторъ, разумѣется, останавливалъ свое вниманіе на такихъ только матеріалахъ, которые способствовали достиженію главной его цѣли, которые, если и не придавали иногда драматическаго движенія, за-то доставляли сочиненію необходимыя краски, вообще *картинность*, образительность. Съ этою цѣлію, впримѣръ, въ разсказѣ объ избраніи Петра въ цари, онъ глядеть какую-то смѣсь изъ показаній официальныхъ и записокъ Крекшнина, слѣдуя послѣднимъ, какъ представляющимъ болѣе драматизма. По одной официальной запискѣ избраніе совершилось слѣдующимъ образомъ: патриархъ съ духовенствомъ, высшіе сановники, дворяне и посадскіе, безъ сомнѣнія, выборные, были челомъ обоимъ царевичамъ, Іоанну и Петру, чтобъ они изволили самодержавный скипетръ воспріять, кто изъ нихъ государей изволитъ. Іоаннъ отказался, говоря, что пристойно быть Петру, потому что у него *здравствуетъ мать ея, царица Наталья Кирилловна*, а онъ царствомъ поступается. «И тако на престолѣ учинился царь Петръ Алексѣевичъ и крестъ ему цаловали». По другой, разрядной запискѣ это происходило такъ: духовенство и высшіе чины собрались въ Передней *) для совѣщанія, кому вру-

---

*) Въ одной изъ помѣтокъ домысливаемаго въ Кремлѣ царскаго терема. Передъ крыльцомъ этого терема, на *верхнемъ каменномъ дворѣ* или на площадке между теремомъ и церковью Спаса за Золотомъ рѣшетомъ собраны были и низшіе чины дворникова, гости и посадскіе. Особенно *зусмой*, то есть иностранной толпы, какъ говоритъ авторъ, здѣсь помѣститься не могло; поэтому имъ предлагалъ, какъ и должно быть въ дѣйствительности, что этотъ *дворъ*, площадку, наполнили только *сборные* изъ посадскихъ и другіе, а не вообще народъ. Но вслѣдствіе дано и право входить въ это внутреннее отдѣленіе царскаго дворца. Съ теремнаго крыльца патриархъ говорилъ рѣчь эту *сборному* народу. Но вѣдь авторъ пишетъ, что это было на *Красномъ Крыльцѣ*, передъ которымъ дѣйствительно могла собраться весьма густая толпа народа.

чить царство, и рѣшили, что избранію быть общимъ со-
 мласіемъ всѣхъ людей Московскаго Государства. Младшее
 дворянство, также выборные отъ народа, были призваны и
 поставлены на площадѣ передъ теремнымъ крыльцомъ. Пат-
 ріархъ съ духовенствомъ и боярами вышелъ на крыльцо и
 сказалъ рѣчь, изложивъ обстоятельно, въ чемъ дѣло. Рѣчь
 заключилась вопросомъ: кому изъ двухъ братьевъ быть пре-
 емникомъ Θεодора? Единодушный и единыйгласный отвѣтъ
 былъ; что быть Петру. Патріархъ съ такимъ же вопросомъ
 обратился къ боярству, и получилъ такой же отвѣтъ. Послѣ
 того патріархъ, въ сопровожденіи духовенства и сановниковъ,
 пошелъ къ царевичу и благословилъ его на царство. Тотчасъ
 же послѣдовала и общая всенародная присяга. — Крекинъ
 рассказываетъ это событіе иначе и съ украшеніями, которыя
 у него имѣютъ свою цѣль. По его словамъ, патріархъ съ ду-
 ховенствомъ и бояре съ прочими сановниками предъ избрані-
 емъ разошлись по особымъ палатамъ. Здѣсь-то, въ собраніи
 одного только духовенства, патріархъ сказалъ рѣчь, которую
 приводитъ авторъ, присовокупляя, что она сказана въ общемъ
 собраніи сановниковъ (Ст. I, 20). Духовенство отвѣчало: «да
 будетъ царемъ Петръ, а Іоаннъ, скорбенъ и слабости ради
 тѣлесной, не можетъ править царствомъ». Послѣдовало цѣло-
 ваніе креста. Въ то же время и боярство, въ особой палатѣ,
 само по себѣ «согласно утвердило быть на престолѣ Петру»
 и, войдя къ патріарху, возвѣстило ему свое намѣреніе. «По-
 семъ патріархъ объявилъ всѣмъ, чтобъ возросить
 всѣхъ чиновъ Московскаго Государства. И того ради
 съ духовенствомъ и сановниками вышелъ на крыльцо, что
 передъ Переднею» (а не на Красное, какъ говорить г. Ще-
 бальскій) и сказалъ народу рѣчь, которую заключилъ вопро-
 сомъ: «Кто изъ сихъ преемникъ будетъ, или оба обще
 царствуютъ?» Всѣ отвѣчали: «да будетъ единъ Петръ».

Святитель, благословивъ народъ, повторилъ вопросъ царскому сангиканту: «одному или обще царствовать?» Съ тѣмъ же вопросомъ онъ обратился еще къ лику святительскому; отвѣтъ былъ тотъ же: «да будетъ *едина* Петръ». Послѣ этого всеароднаго рѣшенія патриархъ, въ сопровожденіи духовенства и боярства, пришелъ въ комнаты Петра, благословилъ царевича и потомъ, *сѣвъ на колыни со всѣмъ ликомъ пришедшимъ, употребилъ слово къ Великому Государю. Слово* этотъ заключался въ просьбѣ принять царство. Петръ, десятилѣтній отрокъ, поднявъ патриарха и отказався отъ предложенія, предоставляя царство брату Іоанну. Патриархъ повторилъ *прошеніе*. Петръ повторилъ отказъ. Патриархъ указавъ на слабое здоровье Іоанна «и, приступивши въ къ Великому Государю и къ ногамъ Его Величества собою возоргоша, слезное моленіе творяше, да не презреть ихъ моленія, яко вѣрныхъ рабовъ его и уважившихъ на него... Государь-Царевичъ! не презри моленія рабовъ твоихъ (говорилъ патриархъ) и, сотвори обыкновенное моленіе (молитву), нарекаъ царевича на престолъ всероссійскій, и возьми животворящій крестъ, оскынаъ царское величество». Послѣдовавъ возгласъ архидіакона, многолѣтіе и поздравленія. Читатель легко замѣтитъ, что рассказъ Крешнина принадлежитъ къ тому роду исторіи, который Карамзинъ приписывалъ грекамъ и римлянамъ. Какъ словоохотливый старикъ, какъ партизанъ Петра, Крешнинъ употребилъ всѣ средства, чтобъ выставить дѣло въ такомъ свѣтѣ, который оправдывалъ бы и выборъ Петра на царство и самого Петра, принявшаго царство какъ-бы неохотно, и служилъ бы такимъ образомъ еще болѣеишиъ обвиненіемъ противной стороны. Съ этою цѣлью у Крешнина патриархъ спрашиваетъ боярство и народъ: одному царствовать или общимъ? и нѣсколько разъ повторяетъ этотъ вопросъ; съ этою цѣлью патриархъ становится на колѣни и молить де-

оказавшись отроку о принятіи престола; съ этою цѣлью отрокъ отказывается, не рѣшается принять и т. д. Чтобъ одною чертою опредѣлить характеръ «Записокъ» Крехниина, слѣдуетъ привести разговоръ Петра съ царевною Софьею, пришедшею съ сестрами поздравить его:

«Царевна Софія, желая вѣдать, какой глаголъ отъ Великаго Государя воспослѣдуетъ, особливо же яко бы привѣтствуя Царскому Величеству, рекла: «Въ законѣ ты благочестиваго Государя Богъ да утвердитъ». Великій Царь отвѣтствовалъ: «Во исполненіи закона спасеніе наше есть; всѣмъ долгъ же есть послѣдовать закону; снѣмъ покорность свою вѣнчаетъ прежде, нежели онъ достойную получить изду. Законы предустановленія Божія суть; непреложно должны имъ повиноваться; противность же бесполезна; повиновеніе всегда угождаетъ Богу, какъ жертва, которая пристойна есть къ его самовластной силѣ, понеже мы раждаемся для исполненія законовъ. Промыслъ Божій всѣми вещами и верховною властію управляетъ; и нѣтъ больше власти, какъ обладать самимъ собою и страстями своими. Послушаніе же наше о принятіи престола родительскаго, покорная наша есть воля, и самое лучшее приношеніе, которое бы мы могли принести его челоувѣколюбію. Благодарныя сердца своевольно повинуются; одни только своевольные, слѣпцы не признаютъ предвѣднія и промысла Божія; понеже оной чрезъ столько дѣлъ показывается, сколько вещей есть въ естествѣ. Тамъ большую о себѣ славу, неже животь свой любити хочу; понеже безъ великія славы безщастна есть жизнь». Царевна Софія Алексѣевна глаголъ сей приличествовала своей персонѣ, признавъ, яко извѣстенъ Государь о ея намѣреніи, учиня поклоненіе, изыде отъ Великаго Государя въ покои свои.»

Вотъ какъ отрокъ Петръ, еще при началѣ драмы, проникалъ въ замыслы Софин! Со стороны изслѣдователя, чтобъ

воспользоваться такимъ источникомъ, требовалось здраваго соображенія, тщательной повѣрки этихъ свидѣтельствъ другими, болѣе достоверными; но такъ-какъ дѣло состояло въ драматическомъ движеніи, въ картинности разсказа, то выборъ между разнородными и разнохарактерными свидѣтельствами былъ тотчасъ же рѣшенъ... Мы ужь замѣтили, что о рѣчи, которую патриархъ сказалъ въ собраніи только духовенства, напоминая тому, кто изречетъ рѣшеніе по страсти, жребій измѣнника Іуды, авторъ говоритъ, что она произнесена собравшимся вокругъ патриарха сановникамъ, что потомъ, вышедъ на *Красное Крыльцо*, патриархъ обратился за рѣшеніемъ къ народу, стоявшему здѣсь густою толпою. Вопросъ, обращенный къ народу, представилъ автору случай дать дѣлу *драматическое движеніе*. Онъ говоритъ:

«Не взирая на увѣщаніе и угрозу первосвященника, позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ *быть или не быть*. Поэтому мы не можемъ допустить, чтобъ рѣшеніе этого собранія было произнесено такъ единодушно и спокойно, какъ свидѣлствуютъ дошедшіе до насъ, болшею частію официальные документы. Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло почти изъ вельможъ и духовенства, и потому весьма понятно, что младшій Царевичъ восторжествовалъ въ этомъ собраніи. Но зачѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утвержденіе народу? Какъ извѣстно, обычай совѣщаній народныхъ давно исчезъ въ Россіи *). Кто же могъ слѣзть подобное предло-

---

*) Обычай совѣщаній народныхъ, обычай собирать вече—дѣйствительно уже давно исчезъ въ это время; но еще не исчезъ обычай въ важнейшихъ государственныхъ вопросахъ обращаться къ народу, требовать его мнѣнія. Если дѣло касалось общихъ интересовъ, интересовъ всего государства, бывалъ земскій соборъ; въ частныхъ вопросахъ, напр. объ от-

женіе? (Патріархъ, какъ видѣли выше изъ разсказа Крекинина). Очевидно, приверженцы Софіи, которые опирались на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ, могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благоприятнаго для себя рѣшенія. *Заключеніе наше не опирается, правда, ни на одно изъ словъ ни въ официальныхъ документахъ, ни даже въ частныхъ извѣстіяхъ* (которымъ притомъ противорѣчатъ); но тогда ни въ Россіи, ни въ другихъ государствахъ не существовало обычая обнародывать самыя пренія, а объявлялся только результатъ ихъ: такъ дѣлало правительство въ своихъ официальныхъ актахъ, того же обычая держались и частные люди (всегда ли?), когда вели свои записки. Много любопытнѣйшихъ подробностей погибло такимъ образомъ для насъ безъ всякаго слѣда. Но мы ничѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣренія собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ влияніемъ партизановъ Софіи (слѣдовательно, патріархъ принадлежалъ къ такимъ партизанамъ). Отважившись на это, патріархъ вышелъ на *Красное крыльцо*, у котораго *устою* толпою стоялъ народъ. При видѣ Святителя, сопровождаемаго важнѣйшими сановниками духовнаго и свѣтскаго чина, смолкнулъ смутный говоръ толпы, головы обнажились и посреди глубокаго безмолвія патріархъ произнесъ (слѣдуетъ рѣчь: кому быть царемъ всея Россіи?). Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали объ партіи народнаго приговора. Но еще Софія не успѣла преклонить на свою сторону большинства; тщетно нѣкоторые ея агенты,

---

оставя иѣстинчества и др., собирали выборныхъ изъ тѣхъ сословій, до которыхъ касался вопросъ. Смело намъ извѣстно, послѣдній земскій соборъ, слушавшего и торговаго сословія, былъ 1653 года 1 октября „о Ливонскомъ и Черкасскомъ дѣлѣ.“ Соборное дѣяніе только между слушавшимъ сословіемъ объ отставкѣ иѣстинчества происходило въ торжественныхъ новохъ, 1681 года 24 ноября.

лабрамы из буйной сволочи (!), которою обильно всегда большіе города, *пытались* провозгласить Іоанна; изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ: да будетъ царемъ Петръ! Патриархъ благословилъ народъ и произнесъ: «ему одному или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?» и *шумный* голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему: да будетъ Царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи».

Здѣсь мы видимъ, какъ постепенно собственные соображенія автора, не опирающіяся, какъ онъ самъ замѣтилъ, ни на одномъ словѣ официальныхъ документовъ и частныхъ извѣстій, переходятъ уже въ драматизированныя картины, какъ изъ соображеній возникаютъ событія...

«Съ этимъ рѣшеніемъ (продолжаетъ авторъ), патриархъ возвратился въ палаты царскія, чтобъ волею народа наречь на царство Петра. Благословивъ его, *онъ сталъ на колѣна* и сказалъ: «Престолъ Всероссійскій вдовствуетъ по кончинѣ государя Теодора Алексѣевича. Отъ имени всего народа православнаго молю тебя, прими скиптръ прародителей твоихъ и благоволи быть нашимъ царемъ!» Петръ *подмялъ* престарѣлаго святителя, говорилъ, что чувствуетъ себя еще слишкомъ юнымъ для управленія царствомъ, и просилъ предоставить престолъ старшему брату. (Замѣтьте: все это исполняетъ десятилѣтній отрокъ!) Но патриархъ, поддерживаемый присутствующими, повторилъ, что таково желаніе народа, и упомянулъ объ умственныхъ и физическихъ несовершенствахъ Іоанна. «Государь, говорилъ онъ, не презри моленія рабовъ твоихъ!» И, *не ожидая отвѣта, осыпалъ его крестомъ* и наречь царемъ всея Россіи, а архидіаконъ возгласилъ ему многолѣтіе....»

Трудно понять эту картину, трудно и рѣшительно невозможно представить себѣ патриарха, главу церкви, на колѣняхъ

предъ отрокомъ Петромъ; трудно въ настоящемъ случаѣ представить себѣ патриарха, высшее духовенство и боярство также стоящими на колѣнахъ, умоляющими отрока Петра принять праздный тронъ. Трудно сеобразить, что это, даже слезное, какъ говоритъ Крешкинъ, моленіе вело къ тому, чтобъ, не томъ, не ожидая отвѣта, осѣнить Петра крестомъ и наречь его на царство силою *)).

Но *драматическое* движеніе въ изложеніи событій, въ описаніи лицъ, слѣдуетъ у автора почти непрерывно и, разумеется, очень часто въ ущербъ исторической истинѣ. Такъ въ началѣ своей статьи, говоря о Морозовѣ, о его вліяніи на тогдашнія дѣла, г. Щебальскій заключаетъ:

«Такимъ образомъ могущество Морозова казалось надолго упроченнымъ; по крайней жѣрѣ для этого были приняты всѣ позволительныя и непозволительныя жѣры. *Тѣмъ не мѣнее омы палы* (!). Мѣсто его занялъ другой родственникъ царицы, Иванъ Михайловичъ Милославскій. Человѣкъ этотъ игралъ одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ эпоху, къ которой приближаемся; незнатный по своему происхожденію, онъ умѣлъ вкратъся въ довѣренность къ Морозову во время его могущества, былъ преданнымъ ему человѣкомъ и много работалъ за него. Бракъ же государя съ его родственницею возвысилъ его до той степени, на которой уже не страшны удары временщиковъ. Милославскій, прочно утвердившись при Дворѣ, не страшился болѣе гнѣва, какъ и не искалъ покровительства Морозова, и когда тотъ *палъ*, онъ заступилъ его мѣсто» (стр. 7).

---

*) Въ началѣ своего разсказа объ избраніи Петра авторъ заимствовалъ въ выноски, что принимаетъ въ руководство разсказъ Крешкина, какъ болѣе прочіе подробный, полагая тѣхъ мѣста, гдѣ онъ противорѣчитъ оціанальнымъ документамъ. Но мы видѣли, что, наоборотъ, авторъ *мало* слѣдуетъ Крешкину и беретъ у него именно тѣ только мѣста, которыя противорѣчатъ оціанальнымъ документамъ.

Къ величайшему сожалѣнію, мы должны замѣтить талантливому автору, что здѣсь ни въ одномъ словѣ нѣтъ правды. Въ драматическомъ движеніи, конечно, неизбѣжны весьма частыя *маденія* не того, такъ другаго лица... Но когда же *жал* Морозовъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, дядька и своякъ царю Алексію? Если это случилось послѣ известнаго событія 1648 года, когда онъ посланъ былъ даже въ Кирилловскій монастырь, такъ должно замѣтить, что здѣсь онъ сильно палъ въ народномъ только мнѣніи, нисколько не утративъ своей силы и своего значенія при Дворѣ, и, можетъ быть, нигдѣ такъ не выразилась эта сила и это значеніе, какъ именно въ посылкѣ его въ Кирилловскій монастырь. Вы помните, съ какимъ наказомъ отъ государя онъ былъ отправленъ туда. Добрый государь собственноручно писалъ къ тамошнему игумену: «И вамъ бы сей грамотѣ вѣрять, и дѣлать бы, и уберечь ото всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнюдь бы никто не вѣдалъ, хотя и выгѣдетъ кулы; а если свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть казненымъ; а если убережете его такъ какъ и мнѣ добра ему дѣлаете, и я васъ пожалую такъ, чего отъ зачала свѣта такой милости не видалъ; а грамотку сію покажите ему пріятелю моему». Посылка эта была непродолжительна. Съ возвращеніемъ въ Москву возвратилось и вліяніе и могущество Морозова, которое и угасло только вмѣстѣ съ его смертію, въ 1661 году. Мѣсто его, хотя и неполнѣ, еще при его жизни, занялъ дѣйствительно Милославскій, но не Иванъ Михайловичъ, а Илья Даниловичъ, тестъ государевъ и тестъ Морозова. Вліяніе и сила Ильи Даниловича послѣ смерти Морозова была неограниченна и равнялась той же силѣ первенствующаго временщика. Но въ 1665—1668 гг. Милославскій, разбитый параличомъ, а затѣмъ умершій, уступаетъ эту силу другимъ любимцамъ государя. Она мало по малу распадается между разными ли-

цами — Богданомъ Хитрово, Ординымъ-Нащокинымъ, Матвѣевымъ. Матвѣевъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми по вступленіи Алексѣя Михайловича въ новый бракъ съ Нарышкиною. Иванъ же Михайловичъ Милославскій занимаетъ видную роль только съ воцареніи Ѳедора Алексѣевича. При Морозовѣ онъ былъ стольникомъ и пожалованъ прямо въ околѣнчіе въ 1660 году, слѣдственно, только за годъ до смерти Морозова. Въ 1668 году, то есть шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Морозова и въ годъ смерти Ильи Милославскаго онъ сталъ управлять только Аптекарскимъ Приказомъ. Въ 1678 году, чрезъ три года по вступленіи на престолъ Ѳедора, онъ пожалованъ въ бояре и съ этого года завѣдуетъ дѣлами многихъ весьма важныхъ вѣдомствъ, чтò продолжалось до самой смерти его, въ 1685 году.

Авторъ, впрочемъ, и Милославскому приписываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, паденіе и возстановленіе. Онъ говоритъ, что Милославскій съ избраніемъ Петра удалился отъ дѣлъ, а послѣ стрѣleckаго дѣла, когда Милославскіе взяли верхъ, онъ получилъ Приказъ Большой Казны, то есть завѣдывалъ всѣми доходами государства, слѣдственно, опять сдѣлался членомъ правительства. Замѣтимъ, что это удаленіе и возвращеніе произошло въ теченіе двухъ съ половиною недель. Ужъ одна быстрота такихъ перемѣнъ весьма сомнительна. Намъ кажется, все это только *драматическія краски*, для которыхъ, къ сожалѣнію, авторъ весьма часто жертвуетъ фактической правдою. Приказъ Большой Казны Милославскій получилъ въ управленіе вмѣстѣ съ другими приказами, въ 1678 году, за четыре года до смерти Ѳедора и событій, послѣдовавшихъ за нею *).

*) Милославскій съ 1678 по 1685 годъ управлялъ Приказами: Большой Казны, Большаго Прихода, Володимирской, Галицкой, Новгородской и Невой Четвертой, Иннокентіевъ и Рейтарскихъ.

«Достижни высокой степени значенія при Дворѣ и могущества, Милославскій могъ надвѣяться долго на ней удержаться, потому что Марья Ильинишна даровала царю многихъ царевенъ и царевичей. Но въ 1669 году Марья Ильинишна скончалась; царь, еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, могъ пожелать вступить во вторичный бракъ и положеніе Милославскаго, мало любимаго и уважаемаго царедворцами (за что?), сдѣлалось нѣсколько шатакимъ. Оно сдѣлалось еще болѣе сомнительнымъ, когда сталъ быстро возвышаться въ милости царской Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ» (стр. 8).

Мы уже знаемъ, что Милославскій не игралъ важной роли въ описанное здѣсь время, не стоялъ на высокой степени значенія и могущества, да и при Θεодорѣ онъ не могъ достигнуть этой степени могущества и значенія, хотя авторъ и говоритъ (стр. 10), что онъ занялъ въ это время *первое мѣсто у престола, сдѣлался всесильнымъ*... Были тогда Хитрово и Языковъ, которые одинъ съ другимъ употребляли все усилія, чтобъ воспрепятствовать особенному значенію и могуществу Милославскаго. Припомнимъ, что по этому случаю пишетъ Татищевъ: «Какъ Царь Θεодоръ престолъ принялъ, дядька его Богданъ Матвѣевичъ прозваніемъ Хитрой, а умомъ и совѣстію простой и доброй человекъ, вѣдая, что Государь лядю Ивана Милославскаго, человека коварнаго и злостнаго возьметъ, опасаяся, чтобъ не усилится (сдѣлается, до-сего смелъ не былъ) и ему вреда не нанесъ, оное открылъ пріятелю своему изъ незнатныхъ дворянъ Ивану Языкову, человеку остраго ума и разсужденіями хитрыми недостатокъ онаго министра достаточно награждающему. Сей Языковъ присовѣтовалъ Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность часто при Дворѣ быть отвѣтъ, — положили на него труднѣйшіе восемь приказовъ. Товарищей въ оныя Милославской по своей совѣсти выбрали, въ чемъ ему умышленно со-

позволила, дабы жалобами на оныхъ Милославскаго изъ иже-
сты у Государя отбить, что и удалося».

Милославскій потому и поднималъ интриги противъ своихъ соперниковъ Нарышкиныхъ, и особенно противъ Матвѣева, что ему все не удавалось достигнуть высокой степени значенія и могущества. Такъ онъ и умеръ, не сдѣлавшись временщикомъ. Стрѣлцкая трагедія, какъ называлъ ее сынъ Матвѣева, была сочинена и поставлена на сцену все изъ тѣхъ же побужденій. Въ теченіе долгаго времени, съ неутомимостью, съ необыкновенною энергіею и постоянствомъ, онъ успѣлъ привести между стрѣльцами въ такую ненависть имя Нарышкиныхъ, что стрѣльцы во всякое время, при всякомъ сколько нибудь удобномъ случаѣ, готовы были идти на новую трагедію. Вотъ почему такъ легко поднималась эта буря и такъ легко было управлять ею. Это было сѣмя *Ивана Михайловича* — такъ выразился Ромодановскій въ письмѣ къ Петру о послѣднихъ бунтахъ стрѣльцовъ, увѣдомляя, что *сѣмя Ивана Михайловича растетъ*... Но хитрость, тонкое умѣнье пользоваться обстоятельствами были такъ велики у этого человѣка, что о его продѣлкахъ узнали только спустя тринадцать лѣтъ послѣ его смерти. Извѣстно возмездіе, какое получилъ онъ за свои дѣла и послѣ смерти: гробъ его, вырытый изъ могилы, привезенъ былъ въ Преображенское на свиньяхъ, поставленъ у плахъ измѣнничьихъ «и какъ головы имъ сѣкли, и руду (кровь) точили въ гробъ на него Ивана Милославскаго»; а послѣ останки его были разсѣчены палачами на части и «во всѣхъ застѣнкахъ въ Москвѣ подъ дыбами закопаны на вѣчную его Милославскаго кровопролитную память».

Вообще мы принуждены замѣтить, что авторъ освѣтилъ Милославскаго не съ надлежащей точн., и оттого фигура

потеряла свою правильность и удалилась от истины исторической.

Нельзя также согласиться съ авторомъ въ опредѣленіи состава и силы партій Нарышкинскою и Милославскими. Она говоритъ:

«Приверженцы Петра считали *въ рядахъ своихъ* лучшія имена тогдашней аристократіи, каковы были: Оловенские, Гелицыны, Долгорукіе, Черкасскіе, Троекуровы, Ромодановскіе, Куракины, Лыковы, Урусовы, Репнины, Шереметевы и многіе другіе. Въ старой Россіи, гдѣ такъ строго соблюдался разграниченія, гдѣ простолюдины кланялись до земли всякому боярину, много значило имѣть на своей сторонѣ бѣдливую часть родовой и служебной аристократіи; духовенство и во главѣ его патриархъ, было также расположено къ Петру, сыну щедрой къ церквамъ, набожной Наталіи Киріловны; къ нему же наконецъ, какъ уже сказано, было обращено и народное сочувствіе. Не многіе изъ партизановъ Петра и его матери не любили Нарышкиныхъ, и отъ того партія эта не имѣла цѣлости; народъ, напротивъ, преданный *молодому царевичу и царю*, не любилъ ихъ родню, неприступную и надменную (поужали только за это не любилъ народъ, кланявшійся въ землю каждому боярину? — вѣдь такіе качества отличались въ отношеніи къ монарху все старинное боярство). То же самое должны были чувствовать весьма многіе дворяне, которые по безъ основанія считали себя выше Нарышкиныхъ, какъ по происхожденію, такъ и по заслугамъ и даже сохранившимся еще остаткамъ истинности. Наконецъ главнѣе несправедливости партіи было то, что она не имѣла руководителя. Петръ былъ еще почти мальчонка, для него и для его, какъ люди сличившіе посредственность, не могли отойти во главѣ партіи, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ того времени. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, по-

дежды партіи обратились на Артамона Сергѣевича Матѣева, котораго и по опытности его въ дѣлахъ, и по любви къ нему народной и по близкимъ отношеніямъ къ Наталіи Кирилловнѣ всѣ признавали единственнымъ человекомъ, способнымъ управлять интересами и силами приверженцевъ Петра.»

Изъ этого же объясненія уже видно, что, несмотря на аристократію, партія Нарышкиныхъ была очень слаба. Аристократія была расположена къ Петру по той же причинѣ, по какой расположено было и духовенство, и циталъ сочувствіе народъ: въ Петрѣ видѣли всѣ данныя, какія нужны для будущаго государя и какихъ не видали въ больномъ и слабомъ отъ рожденія братѣ его Ювнѣ. Это было общее мнѣніе, и потому ни духовенство, ни аристократія, ни народъ не составляли партіи и не стояли въ рядахъ ея. Царскіе родственники, Нарышкины, повидиму были люди безцвѣтные, и вся партія, можно сказать, заключалась въ одномъ лицѣ — Матѣевѣ, котораго Милославскіе, какъ сильнѣйшіе, и постарались въ время удалить отъ двора. Припомнимъ, что и двое братьевъ царицы, Иванъ и Аванасій Нарышкины, при Федорѣ были также сосланы.

Увеличивъ такимъ образомъ силу и значеніе партіи Нарышкиныхъ, г. Щебальскій продолжаетъ:

«Совсѣмъ другое зрѣлище представляла противная партія. Въ ней насчитывалось мало именъ: сама Царевна Софія, Иванъ Милославскій, племянникъ его Александръ, да двое другихъ его родственниковъ, Толстыхъ, — и только. (А Голицынъ, *великій* Голицынъ?) Но эта партія имѣла на своей сторонѣ то важное преимущество, что она была сильно связана единствомъ цѣли и воли. Притомъ она опиралась на вооруженную и организованную массу стрѣльцовъ.»

Нѣтъ, и кромѣ стрѣльцовъ, партія Милославскихъ была сама по себѣ несравненно сильнѣе Нарышкинской. Нужно за-

мѣтять, что Милославскихъ вывелъ въ люди еще Морозовъ; съ 1648 года Милославскіе получали ходъ, и съ того времени, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ сила ихъ увеличивалась съ каждымъ годомъ. Въ ряды ихъ постепенно и непрерывно прибывали новые родственники и друзья, которые, разумѣется, и прибывали для того, чтобъ занять тамъ или здѣсь, то или другое мѣсто. Тѣми же правами и средствами Нарышкины пользовались только пять лѣтъ: въ пять лѣтъ нельзя было такъ распространиться и укорениться, какъ въ двадцать слишкомъ. Вотъ почему, когда, съ новымъ бракомъ царя, въ 1671 году, явился на сцену Нарышкины, хотя дѣйствія партіи Милославскихъ и значительно были ослаблены, но сама партія, то-есть, масса людей, связанныхъ однимъ интересами, не могла пасть слишкомъ низко, такъ, какъ пала, наоборотъ, партія Нарышкиныхъ, когда, по смерти Алексѣя, вступилъ на царство Федоръ, не могла пасть низко, потому что почти все семейство царя Алексѣя было рождено царицею Марією Ильиничною, и на Наталью Кирилловну все семейство смотрѣло какъ на начальу. Въ царствованіе Федора Милославскіе опять стали твердою ногою и на своихъ прежнихъ и на новыхъ мѣстахъ. Было все сдѣлано, чтобъ удалить наибольшее вліяніе Нарышкиныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, болѣе важные, братья царицы, Иванъ и Афанасій, и др. были сосланы. Братья царицы были обвинены въ заговорѣ лишить жизни царя Федора. Матвѣевъ еще прежде былъ сосланъ; а сначала заговорались даже удалить и самъ Крестъ и царицу Наталью Кирилловну съ Петромъ. Отчего жъ, если въ ряды партіи Нарышкинскихъ стояла почти вся аристократія, отчего жъ эта аристократія допустила ссылку, заговоръ Матвѣева, лучшего и сильнѣйшаго человѣка партіи? Можно возразить, что это было еще при Федорѣ, когда партія еще рѣзко не могла обобщиться; но можно также сказать, что

партій не создаются въ одни сутки, или даже въ нѣсколько часовъ. Избраніе Петра послѣдовало въ день смерти Федора, а въ это время, по описанію автора, ужь дѣйствовали партіи, и партія Нарышкиныхъ была несравненно сильнѣе, хоть по числу лицъ: къ ней ужь принадлежала почти вся аристократія... И почему такъ поздно надежды партій обратились на Матвѣева, когда партія, по своей аристократической силѣ, и при Федорѣ могла отстоять Матвѣева и воспрепятствовать по крайней мѣрѣ его ссылкѣ?

Но, придавъ небывалую силу партіи Нарышкиныхъ и увидѣвъ совершенное ея бездѣйствіе въ роковую минуту, авторъ поневолѣ долженъ былъ обвинить ее. Обвиненіе Нарышкиныхъ и обвиненіе Матвѣева изложено съ тою же живостью и драматичностью разсказа; оно занимаетъ полныя три страницы. Авторъ обвиняетъ *правленіе Нарышкиныхъ* (замѣтимъ, правленіе семнадцатидневное) въ безпрерывныхъ ошибкахъ... Эти ошибки заключались въ томъ, что со стороны Нарышкиныхъ, по случаю мятежа стрѣльцовъ, не было показано ни малѣйшаго брагоразумія, ни малѣйшей энергіи... Никакихъ, совершенно никакихъ мѣръ не было принято для предотвращенія бури... Не было собрано войско... *) Никто не подумалъ препятствовать сношеніямъ Милославскаго съ стрѣльцами (а кто зналъ эти сношенія?)... Онъ не былъ заключенъ или хотъ высланъ изъ Москвы, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлаться слишкомъ опаснымъ и неприкосновеннымъ... Далѣе: «

«Матвѣевъ былъ рѣшительно ниже роли, которую ему указывали надежды его друзей и важность настоящихъ обстоятельствъ... Въ минуту столкновенія партій при испровер-

---

*) Въ послѣдней своей статьѣ авторъ указываетъ, какъ скоро можно было собрать войско.

женіи народа, предводительствовать одною изъ этихъ партій онъ былъ не въ состояніи... Для начальника партіи нужно болѣе быстроты и энергіи, чѣмъ спокойной мудрости, болѣе смѣлости, чѣмъ правоты чувства, а этихъ именно свойствъ ему и недоставало. Человѣкъ, рожденный для дѣйствіемъ среди политическихъ бурь, не сталъ бы дожидаться приназначенія ѣхать въ Москву. Узнавши отъ гонимыхъ, равнославныхъ послѣ кончины Θεодора, о воцареніи Петра, Матвѣевъ могъ бы тотчасъ же пуститься въ путь, *поспѣть въ Москву 1 или 2 мая* и, принявши рѣшительныя мѣры, *вѣроятно успѣлъ бы еще предупредить мятежъ*. Но онъ, какъ видно, *не очень торопился вѣрздомъ*. Тутъ онъ *останавливался, чтобъ принять приоткровенный для него обѣдъ, тамъ, чтобъ отслушать обѣдню или отодвинуть ее впередъ*... Такъ ли должно ему было снѣшиться?... *Видно, что онъ хорошился впередъ, не исправился почти не было* тогда въ Россіи, *знаешь, что Матвѣевъ былъ не только и очень восторженъ лещеніемъ и страданіемъ послѣднихъ годовъ, но если не было вѣсть, то были яны, вѣсть было почти безостановочно, а энергія души есть бодрость и преданію тѣмъ?* Такихъ образомъ *бодрость звать, на которую возлагали свои надежды вся партія, кричалъ въ Москву только 12 мая, когда мятежъ готовъ былъ вспыхнуть*. Но вѣдь *возможно ли? или ничего нельзя было сдѣлать, чтобъ обезопасить въ будущемъ нѣтъ перекрѣпить фантасъ? Мы знаемъ, каково малодушіе было, но большей части предвѣстель Петру, было 14 мая въ Москвѣ, чѣмъ онъ сдѣлалъ на снѣгѣхъ своемъ въ 1714 году, восторженно иносъ чѣмъ сдѣлалъ: "чѣмъ онъ въ 1714 году не собралъ в Москву?" *Видно, что бодрость не составляла партіи Петра, Матвѣевъ въ 1714 году былъ восторженъ въ снѣгѣхъ 1714... Мы знаемъ, что Петру предвѣстель былъ почти въ 1714 году в Москвѣ**

ки; большинство народа тоже было на его сторонѣ, это доказано избраніемъ, — какими же образомъ могла побѣдить противная партія? Въ чемъ заключалась ея сила? Въ непрерывныхъ ошибкахъ, ознаменовавшихъ правленіе Нарышкиныхъ. Нѣтъ, какъ ни расположены мы сочувствовать несчастнымъ Нарышкиныхъ, добродѣтелямъ Матвѣева — мы не можемъ не высказать ихъ ошибокъ, также какъ не можемъ повторить столь часто произносимыхъ проклятій (для историка проклятій не должно существовать: это принадлежитъ только партизанамъ дѣла) противъ честолюбія царевны и интригъ Милославскаго, не отдавши справедливой даня искусству и твердости, съ которыми стремились они къ своей конечно преступной цѣли. Нѣтъ, противъ этихъ двухъ борцовъ, тайно, но сильно поддерживаемыхъ Голицынымъ, Матвѣеву устоять было трудно, хотя люди даже противной партіи говорятъ, что онъ былъ «остръ въ разумѣ и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло» (стр. 35—36).

Много нужно было бы говорить, чтобъ раскрыть полную несправедливость этихъ обвиненій, эту необыкновенную легкость, съ какою авторъ подчиняетъ и, такъ-сказать, нагибаетъ къ своей цѣли историческую истину... Ограничимся нѣсколькими замѣтками. Выше мы указали, что Нарышкины, какъ партія, слишкомъ были слабы, чтобъ предупредить бурю; и это тѣмъ было невозможно, что почти всѣ части управленія находилась въ рукахъ или приверженцевъ Милославскихъ, или людей нейтральныхъ, хотя и склонявшихся на сторону Петра, но еще не видѣвшихъ, чѣмъ можетъ кончиться возникавшая борьба. Какъ было распоряжаться Нарышкинымъ, когда они всюду встрѣчали себя недоброжелателей, или людей сомнительной преданности; да, въ добавокъ, и когда все это было дѣлать? Съ того времени, какъ они возвысились избраніемъ Петра, и до мятежа 15 мая протекло только 17-ть дней;

въ это время еще нужно было возвратитъ ссыльныхъ. Но, главное, объ этой бурѣ Нарышкины, какъ и большинство боярства, не могли имѣть надлежащаго понятія. Мы видѣли, что продѣлки Милославскаго, его сношенія съ стрѣльцами и возбужденіе ихъ къ мятежу оставались тайною даже нѣскольکو лѣтъ послѣ его смерти — такъ осторожно велъ себя этотъ замѣчательный хитрецъ! Въ самый день мятежа онъ притворился больнымъ и не явился на дѣло, гдѣ легко могли разоблачитъ его замыслы и скрытныя дѣйствія. Какъ же можно было предупредить все это, сослать перваго заводчика дѣлу?

Обвиненіе Матвѣеву существенно заключается въ томъ, что онъ опоздалъ вернуться изъ ссылки: зачѣмъ онъ не явился въ Москву по собственной волѣ къ 1 или 2 мая? Но разберите дѣло. Городъ Лухъ, по календарю, отстоитъ отъ Москвы на 476 верстѣ. Царь Ѳеодоръ скончался 27 апрѣля къ вечеру; въ этотъ же день послѣдовалъ выборъ Петра, продолжавшійся, конечно, нѣсколько часовъ; затѣмъ нужно было заготовить бумаги о вступленіи на престолъ новаго государя для разсылки съ гонцами... Положимъ, что рано утромъ 28 апрѣля гонецъ поскакалъ въ Лухъ; когда онъ могъ туда пріѣхать? И какъ бы успѣлъ Матвѣевъ черезъ четыре и пять дней съ отправленія къ нему гонца, явиться въ Москву, пройдя 476 верстѣ? — это нѣсколько мудрено. Мы уже не говоримъ о весенней времени, вообще о дорогахъ и о прочемъ тому подобномъ. Матвѣевъ, напротивъ, пріѣхалъ весьма скоро, такъ скоро, какъ только можно было пріѣхать, не имѣя притомъ понятія о приближавшейся бурѣ. Напрасно авторъ упрекаетъ его, что онъ промѣнялъ свое первенство на чечевичу — на обѣды и отдыхи; онъ, дѣйствительно, не очень торопился, когда, въ мартѣ этого же года, ѣхалъ съ Мезени въ Лухъ: торопиться было совершенно нѣ къ чему, ибо тогда царствовалъ еще Ѳеодоръ... Эту-то весѣннюю поѣздку Матвѣева и

принялъ авторъ за поѣзду его въ Москву, сославшись даже на источникъ. Но источникъ — «Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева», свидѣтельствуесть, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля Матвѣева уведомили о кончинѣ Федора, а въ *первыя числа мая* послали за нимъ въ Лухъ стольника Алмазова съ повелительнымъ указомъ, чтобъ бояринъ и съ сыномъ *неукоснительно съ поспѣшеніемъ ѣхали въ Москву*. Согласно съ царскимъ указомъ они и ѣхали *спѣшно, не останавливаясь ни гдѣ*, и вечеромъ 12 мая прибыли въ Москву. Неизвѣстно, какого именно числа отправился въ Лухъ Алмазовъ, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь не утрачено ни одного дня, чтобъ проѣхать взадъ и впередъ 476 верстъ не гондомъ, а въ повозѣ, да еще и не по шоссе. Буря же, о которой и большинство и Нарышкины не имѣли яснаго понятія, была даже приостановлена, чтобъ дожидаться Матвѣева *). На третьи сутки послѣ его пріѣзда она и разразилась.

Съ большимъ сожалѣніемъ мы должны снова замѣтить автору, что поднятыя имъ обвиненія на Нарышкиныхъ и Матвѣева не имѣютъ прочныхъ и вѣрныхъ основаній. Съ такимъ же талантливымъ изображеніемъ дѣла можно было бы легко обвинить и партію Милославскихъ, почему она такъ неосмотрительно, такъ беззаботно, безъ всякой энергіи и быстроты въ дѣйствіяхъ, допустила единодушный и единогласный выборъ на престолъ *одного* только Петра, когда и патріархъ, стоявшій на сторонѣ Петра, спокойно предлагалъ вопросъ: одному или обоимъ царствовать? Почему Милославскіе допустили это? Или имъ нужно было кровопродитіе, нужна была смерть Нарышкиныхъ, Матвѣева и другихъ? На эту тѣму можно также было бы написать самыя интересныя, оживленныя варьяціи.

---

*) «Исторія о невинномъ заточеніи», 420.

Да! Въ такой прекрасной статьѣ, какъ «Правленіе Царевны Софіи» мы вовсе не желали бы встрѣчаться съ слишкомъ носительными и до крайности рѣшительными приговорами историческимъ лицамъ. Талантливая статья, возбуждая большой интересъ въ публикѣ, можетъ принести въ этомъ отношеніи много вреда историческому дѣлу. Какъ живой посредникъ, проводникъ между наукою и публикою, она можетъ разлить въ обществѣ, внести въ общій оборотъ знанія ложныя положенія, ложныя изображенія событій и лицъ. Публика воспитывается подобными статьями. Каждый ей сообщаемый фактъ она принимаетъ безъ повѣрки. Если вы скажете, напримѣръ, «что при Дворѣ древнихъ царей *всѣ должности, отъ дворецкихъ до истопника включительно* были исправляемы людьми болѣе или менѣе *родовитыми*» (III, 535), публика вполнѣ будетъ вѣрить этому, потому что съ историками она вообще мало знакома и потому у ней нѣтъ средствъ открыть истину. Съ такою же вѣрою она приметъ, что въ семейные праздники царя, которые были праздниками общественными, *богатыми и бѣдными* (слѣдовательно, всему народу, хочеть сказать авторъ) *раздавались именные калачи*, что «царь, влѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, *рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось* (!)». Все это выраженія повидяному незначительныя; но сообразите, какую тѣнь они могутъ наложить на нашу старину. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ могутъ повѣрить, что и низшія служебныя придворныя должности занимались фамиліями аристократическими, людьми *родовитыми*; что царь, дѣлая свои семейные праздники праздниками общественными, и въ самомъ дѣлѣ рѣдко обѣдывалъ въ семействѣ, то есть съ супругою, а съ дочерьми почти никогда не обѣдывалъ... Однакожь предѣлы нашихъ замѣтокъ не по-

звоятъ долго останавливаться на этомъ сочиненіи, хотя можно было бы и многое сказать по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ его, мало соответствующихъ здоровой критикѣ и вообще требованіямъ историческаго дѣла. Не можемъ только пропустить безъ замѣтки второй статьи, которая посвящена движению раскола въ описанную эпоху и замысламъ Хованскаго. Авторъ смотритъ на расколъ слишкомъ односторонне; взглядъ его чисто полемическій и вовсе не историческій. Какъ историческое явленіе, расколъ имѣетъ несравненно болѣе сторонъ своего развитія, нежели сколько представилъ ихъ авторъ.

Въ заключеніе своего труда, г. Щебальскій дѣлаетъ какъ бы небольшую параллель между описанною имъ эпохою и временемъ Петра, и становится, хотя и не очень рѣшительнымъ, но тѣмъ не менѣе усерднымъ партизаномъ правленія царевны Софій. Онъ говоритъ:

«О семи годахъ правленія царевны Софій упоминалось только вскользь, мимоходомъ, въ учебникахъ; отдѣльнаго же изученія ихъ никто не предпринималъ до сего времени. Это образовало *пробѣлы* въ нашей исторической литературѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. Царствование Петра представляется намъ безъ всякой почти связи съ предшествующими; мы *слишкомъ буквально* приучились понимать слова: *Петръ создалъ Россію*. Петръ произвелъ въ ней огромную реформу — переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный (а этого развѣ мало для того, чтобъ сказать: Петръ создалъ Россію?); но въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ, и при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая такъ называемую древнюю, до-петровскую Русь съ Россіей новою, европейскою. Укажемъ, наприимѣръ, на мѣстничество, истреб-

ленное за нѣсколько лѣтъ до воцаренія Петра: не было ли *соборное дѣланіе* царя Θεодора явнымъ переходомъ отъ понятій о старшинствѣ родовъ къ понятію о старшинствѣ чиновъ, отъ заслуги рода къ заслугѣ лица... Петръ, говорятъ, первый открылъ доступъ иностранцамъ; мы думаемъ, что онъ только шире своихъ предшественниковъ открылъ иностранцамъ двери въ Россію, настойчивѣе вызывалъ ихъ, но мы видѣли выше, что и прежнія правительства не были имъ враждебны, а *царевна имъ покровительствовала даже въ отмошеніи къ ихъ происхожденіямъ*... Мы не думаемъ отвергать мысли, что Петръ *далеко опередилъ* (будто только?) *своихъ предшественниковъ*; мы только говоримъ, что онъ *во многумъ нашелъ болѣе или менѣе явные качатки нововведеній*.

«Немнѣе ошутительна связь древней Россіи съ новою и въ отношеніи къ вѣтшней политикѣ. И царь Іоаннъ IV и Годуновъ стремились къ Балтійскому Морю, къ стариннымъ вотчинамъ своимъ: Юрьеву, Копорью, Ижерской землѣ. Царь Алексѣй, не успѣвъ въ войнѣ со Шведами, *сдѣлалъ первый шагъ къ югу приобрьтеніемъ Украины* (извѣстно, что Украина сама присоединилась къ государству). Царевна укрѣпила за собою Запорожье, то есть устья Днѣпра, и привела Россію въ соприкосновеніе съ Чернымъ Моремъ, къ которому она и *устремилась*, какъ мы видѣли, всѣми силами (!?). Преобладаніе Россіи надъ Польшею началось Андрусовскимъ миромъ и сильно утвердилось договоромъ 1686 года. Наконецъ первая наша наступательная война противъ Турціи, также какъ первый обширный Европейскій союзъ, суть явленія, относящіяся къ эпохѣ правленія Софіи. Конечно Петръ *въ долгое* царствованіе свое далеко оставилъ за собою слабую и часто неуспѣшныя попытки прежнихъ правленій, но эти попытки были: вотъ на что стараемся мы указать, не думая

нѣрную для цѣлой Европы *терпимость* въ отношеніи къ религіи:

«Въ то самое время, какъ Лудовикъ XIV, глава образованнѣйшаго народа, объявлялъ жестокое религіозное гоненіе, когда послѣдовало отмиженіе Нантскаго Эдикта, когда толпы преслѣдуемыхъ протестантовъ принуждены были оставлять Францію, Россія объявила, что она готова дать приютъ этимъ несчастнымъ изгнанникамъ. Какъ имъ, такъ и другимъ иновѣрцамъ, находившимся въ Россіи, разрѣшено было свободное отправленіе ихъ богослуженій; духовенству строго было воспрещено обращать ихъ *силою* въ православіе; также какъ, съ другой стороны, объявлено было иновѣрцамъ, что обращеніе не спасетъ ихъ отъ наказанія за совершенныя ими преступленія; и что люди, пользующіеся покровительствомъ русскихъ законовъ, совершенно равны передъ ними, будутъ ли то православные, католики или протестанты; идея слѣдовательно столько же справедливая, сколько свѣтлая, мудрая, просвѣщенная и далеко опережавшая духъ современнаго общества *). За то не мало протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, переселилось въ Москву, въ Нѣмецкую Слободу, принесъ съ собою *многую просвѣщенія, правда, неуслышаную разцѣпъсть при Софіи (1)*, но *которымъ безъ сомнѣнія воспользовался нашъ великій преобразователь*. Къ концу правленія царицы въ Москвѣ было пять иновѣрческихъ церквей, въ числѣ которыхъ одна каменная: явное доказа-

*) Распоряженіе, на которомъ авторъ преимущественно и основываетъ свое объясненіе небывалой дотогдѣ религіозной терпимости, относится въ 1689 году, то есть въ послѣдному году правленія Софьи. Весьма любопытно, что въ охранной грамотѣ, о дозволеніи пріѣзжать въ Россію французскимъ изгнанникамъ, нѣтъ имени Софьи — обстоятельство, по нашему мнѣнію, весьма важное: оно заставляетъ насъ сильно сомнѣваться въ участіи здѣсь Софьи; вѣроятно, это идетъ отъ Петра, которому было тогда уже 17 лѣтъ и который въ томъ же году рѣшилъ судьбу Софьи.

тельство покровительства иновѣрцамъ со стороны правительства» (III, 544).

Такое покровительство иновѣрцамъ, приписываемое авторомъ почти одной Софѣ, принадлежитъ исконному обычаю нашихъ государей. Въ отношеніи къ религіи и къ гражданской жизни иностранцы всегда пользовались у насъ свободою, за исключеніемъ католиковъ, которые и при Софѣ не получили главнаго, то есть не приобрѣли позволенія публично, въ своихъ церквахъ, отправлять богослуженіе. Възъездъ же иностранцевъ, художниковъ, ремесленниковъ и военныхъ, заселившихъ въ послѣдствіи Нѣмецкую Слободу, не прекращался со временъ Іоанна III и особенно былъ силенъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Значительное расселеніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ Москвы вызвало даже устройство особой слободы, въ которую ихъ всѣхъ и переселили. Пять нѣмецкихъ церквей существовали уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1670 году, въ томъ числѣ въ Нѣмецкой Слободѣ было четыре церкви и нѣмецкая школа. Кромѣ того, по самому своему положенію, по своимъ отношеніямъ, принужденная всегда видѣть опору въ стрѣльцахъ, ненавидѣвшихъ Нѣмецкую Слободу, Софья не могла особенно усердно, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ ея предшественники, покровительствовать иностранцамъ, и Нѣмецкая Слобода всегда составляла надежную партію Петра, какъ послѣ и оказалось.

Начатки нововведеній, попытки нововведеній, конечно, были; но что они значили и въ силу чего являлись? Они, можно сказать, служили только домашними средствами для организма страшно больного, уже разлагавшагося, для котораго, слѣдственно, требовалось радикальное леченіе. Эти начатки и попытки не представляютъ ни малѣйшей органической связи съ великими дѣломъ Петра, никакимъ образомъ не порождаютъ этого дѣла, и внимательное, добросовѣстное, безпри-

страстное изученіе докажетъ, напротивъ, не связь, а совершенный, всесторонній разрывъ Руси европейской съ Русью азіатскою. Дѣло Петра породило полное, ясное сознаніе общественной несостоятельности и живая потребность выйти на иной путь. Съ этой только стороны реформа и имѣетъ связь съ до-петровскою Русью. Что Петръ создалъ Россію — *не по-вѣрье*, а глубокая, непоколебимая *вѣра* всякаго образованнаго русскаго, который знакомъ съ своею исторіею. Различіе между эпохою Петра и эпохою предшествовавшей (авторъ разумѣетъ правленіе Софьи) *слишкомъ рѣзко* не потому, что женщина введена была въ жизнь общественную, что явились европейскій костюмъ, европейская наружная обстановка общественной жизни — нѣтъ, женщина постепенно могла быть введена въ общественную жизнь и Софьею, показавшею яркій примѣръ этого на самой себѣ; но не тѣ бы изъ этого вышло. Здѣсь важно не одно только: *вести*, но еще важнѣе: *какъ* вести, такъ же точно, какъ и въ отношеніи всѣхъ вообще преобразованій, важно не одно только, чтобъ слѣзлатъ полезную реформу, но еще важнѣе, какъ ее сдѣлать, какую основу, какую силу дать ей... Дѣло Петра потому слишкомъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ попытокъ и не имѣетъ съ ними ни малѣйшей родственности, что великій преобразователь внесъ въ нашу жизнь совершенно новыя и дотолѣ небывалыя начала жизни. Не даромъ онъ промѣнялъ пышную, богатую, блистательную царскую одежду на одежду корабельнаго плотника: это была только внѣшняя форма глубокой и великой сущности, форма такой же перемѣны, произведенной имъ и въ общественномъ и въ нравственномъ быту — однимъ словомъ, повсюду. Московское государство носило еще въ себѣ глубокіе слѣды *вотчиннаго* характера, который былъ основою развитія, которому *все служило*, которымъ *все управлялось*. Петръ вдохнулъ иную жизнь

въ это Московское государство. Онъ первый изъ русскихъ людей понялъ и глубоко созналъ цѣль и сущность государственнаго организма. Эпохи, предшествовавшія даже и въ этомъ отношеніи, обнаруживали только попытки и начатки. Съ народомъ онъ сталъ лицомъ къ лицу, прямо и непосредственно, первымъ работникомъ для него и самымъ дѣятельнымъ и дальновиднымъ до мелочей хозяиномъ. Не изъ Приказовъ и не черезъ Боярскую Думу онъ узнавалъ о нуждахъ и потребностяхъ народа: лично, на мѣстѣ, входя во всѣ малѣйшія подробности, изучалъ онъ не только важнѣйшія части управленія, но даже и то, какъ выгоднѣе и лучше плести лапти. При немъ, однимъ словомъ, на первое мѣсто поставлено было дѣло, а не лице, не церемонія и чинопоклоненіе, что все вѣстѣе и прежде и послѣ Петра управляло всѣми отношеніями и совершенно разобщило правительство отъ страны.

ФЕЛЬЕТОНИЗМЪ ВЪ КРИТИКЪ.

(Нѣсколько словъ о мнѣніяхъ «Современника» касательно новѣйшихъ трудовъ по русской исторіи 1854 г.)

Съ нѣкотораго времени «Современникъ» началъ довольно часто разсуждать о полезности и бесполезности извѣстныхъ отдѣловъ науки, извѣстныхъ ученыхъ трудовъ, прииѣривая тѣ и другіе къ какой-то связи съ настоящимъ, къ какой-то прииѣнимости къ настоящему, приложимости къ жизни... Чтò такое настоящее, чтò такое жизнь, и чтò такое наука, какъ прилагаемое къ настоящему и жизни, «Современникъ» этого не объясняетъ; но сужденія его о нѣкоторыхъ наукахъ и о нѣкоторыхъ ученыхъ трудахъ смѣлы и оригинальны... Это бы еще ничего: въ пользѣ и приложимости наукъ до смѣль поръ еще де всѣ согласны, и не одинъ «Современникъ» смотритъ на этотъ предметъ только съ *насуцной* точки зрѣнія, съ точки зрѣнія самыхъ первыхъ, ближайшихъ потребностей... Важно то, что въ ученыхъ сужденіяхъ этого журнала являются иногда приговоры, недостойные науки, недостойные журнала, какъ важнѣйшаго посредника между наукою и публикою, какъ одного изъ самыхъ живыхъ органовъ науки и просвѣщенія: таково по крайней мѣрѣ истинное значеніе журнала...

По поводу «Архива Историко-Юридических Свѣдѣній» г. Калачова и «Историческаго Обзорѣнія царствованія Алексѣя Михайловича» г. Медовикова, рецензентъ «Современника» (№ IX и X, годъ 1854) высказалъ совершенно неожиданное *воззрѣнiе* на современную нашу ученую дѣятельность. — Если хотите — воззрѣнiе это не ново: оно давно ужъ и съ бѣльшею энергiею высказывалось «Москвитяиномъ», но оно ново и совершенно неожиданно въ «Современникѣ», который нѣкогда, въ цвѣтущее свое время, самъ ратовалъ (и какъ ратовалъ!) по этому поводу съ «Москвитяиномъ»... Какъ все измѣнчиво на бѣломъ свѣтѣ!... Кто могъ предвидѣть, что «Современникъ» дойдетъ до того, что слѣдается послѣдователемъ «Москвитянина»? Воззрѣнiе, о которомъ мы говоримъ, въ «Москвитяинѣ» было у мѣста, оно тамъ было дома, поэтому никто ему и не удивлялся. Всѣ очень хорошо понимали, въ чемъ дѣло... Но, высказанное въ «Современникѣ», оно удивило многихъ.. Неужели и здѣсь тѣ же побужденiя и тѣ же причины?...

Разборъ «Архива» г. Калачова написанъ по тому методу, весьма обыкновенному въ нѣкоторыхъ журналахъ, по которому можно разбирать любую книгу, хотя бы рецензентъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятiя не только о ея содержанiи, но и о предметѣ, о которомъ она трактуетъ. Эти журналы, за недочетомъ специальныхъ знанiй, необходимыхъ при разборѣ специальныхъ книгъ, чтобъ поправить дѣло и не остаться въ долгу у публики, стали доказывать, что специальные разборы книгъ бесполезны, скучны; что «литературному журналу» нужна только *легкость*, легкость въ самомъ обширномъ приложенiи. Съ *легкостью* мы беззабавчиво можемъ болтать не только объ «Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣнiй», но даже о значенiи трудовъ Грима, о бесполезности такъ на-

зываемой исторической филологіи, о недобросовѣстности молодыхъ русскихъ ученыхъ, и т. д.

Задача не въ томъ, чтобъ выяснитъ читателямъ существенное значеніе разбираемой книги — это *тяжело*, серьезно, мрачно; для этого необходимо знать предметъ и по крайней мѣрѣ прочесть книгу; а кто же изъ порядочныхъ фельетонистовъ станетъ читать такія, на примѣръ, тяжелыя, серьезныя статьи, какъ статья г. Буслаева въ «Архивѣ»? Да притомъ это и бесполезно. Статья филологическая — а филологія въ лицѣ Гримма и всѣхъ его учениковъ и послѣдователей доказываетъ только то, что ужь давно было всѣмъ извѣстно... Такимъ образомъ поболтаемъ лучше о бесполезности филологическихъ знаній — это будетъ легко и занимательно и не обременитъ порядочной головы ни одною здоровою мыслью, ни однимъ *тяжелымъ*, серьезнымъ знаніемъ, отъ которыхъ иногда придется, пожалуй, потерѣть себѣ лобъ и разстроитъ гладкую прическу своихъ мыслей и понятій.

Извѣстное дѣло, труды нашихъ молодыхъ изслѣдователей о древнѣйшемъ нашемъ бытѣ основываются преимущественно на изысканіяхъ Гримма. А что такое Гриммъ? Какое значеніе имѣютъ его труды? Боже мой, да вы ничего не понимаете!... Во первыхъ, для *филологическихъ изслѣдователей*, во главѣ которыхъ стоитъ Гриммъ, старина важна потому, что она старина... Что такое въ сущности узнали мы отъ Гримма? То, что нѣмцы жили въ глубокой древности, почти совершенно такъ же, какъ и всѣ кочующіе народы, имѣли всѣ отличительныя черты ихъ характера, всѣ ихъ семейныя и общественныя обычаи... Да что жь это за новость? Стоило ли доказывать, что дикари — дикари?... Гриммъ подтвердилъ только фактами общія соображенія, задолго до него всѣмъ извѣстныя — вотъ его существенная заслуга.

Притомъ и «открытія, сдѣланныя Гриммомъ, не имѣютъ почти никакой связи съ настоящимъ... Они только объясняютъ нѣкоторые обычаи, потерявшіе серьезное значеніе въ народной жизни, нисшедшіе на степень простой забавы или пустой привычки, напримѣръ, зажиганіе огней и скаканіе черезъ нихъ, игры дѣтей и молодыхъ людей, свадебные обряды, имѣющіе просто значеніе церемоній, и т. д. Все это перестало имѣть смыслъ и важность въ дѣйствительной жизни, и кажется драгоценнымъ для науки только какъ остатокъ древности. А наука должна быть служительницею чловѣка. Чѣмъ болѣе можетъ она имѣть вліянія на жизнь, тѣмъ она важнѣе. Неприложная къ жизни наука, достойна занимать собою только схоластиковъ». Вотъ хоть въ отношеніи къ нашей исторіи: *въ чемъ живая органическая связь между дохристіанскимъ бытомъ и нынѣшними нравами и учрежденіями? Она ограничивается лишними теперь серьезнаго значенія суеврѣями и церемоніями... Ясно теперь, какое научное значеніе должны имѣть труды русскихъ ученыхъ, занимающихся историческою филологіею* (Соврем. 1854 г. № IX).

Поговоря такимъ образомъ о Гримиѣ и о «матерьяхъ важныхъ», мы, для того, чтобы представить отчетъ о самой книгѣ, можемъ выписать ея оглавленіе: этого совершенно достаточно для читателей.

Разбирая по этому методу «Архивъ» г. Калачова, «Современникъ» высказываетъ слѣдующее:

«Важнѣйшій по объему трудъ въ этой книгѣ — «Русскія пословицы и поговорки» г. Буслаева. Имѣя подъ руками довольно большое количество сборниковъ пословицъ, почтенный ученый вздумалъ воспользоваться ими для дополненія книги г. Снегирева «Русскія народныя пословицы и притчи» и напечаталъ теперь въ «Архивѣ» собраніе пословицъ, занимаю-

шее около девяноста страниц сжатой печати въ два столбца. Трудъ прекрасный и полезный; можно было бы не одобрить только того, что г. Буслаевъ вступаетъ въ мелочную полемику противъ своего предшественника, подробно исчисляя всѣ неточности, какія могъ отыскать въ его текстѣ. Что собраніе столь обширное, какъ сборникъ г. Снегирева, по необходимости должно заключать въ себѣ *нѣсколько* ошибокъ, само собою разумѣется; и неужели мы должны съ нѣкоторымъ самодовольствомъ выставять на видъ, что намъ удалось исправить *пять* или *шесть* изъ нихъ, прибавляя «вотъ какъ я исправляю текстъ: посмотрите, какъ мой текстъ хорошъ, и какъ дуренъ текстъ моего предшественника! Мой предшественникъ не умѣлъ пользоваться матеріалами» и т. д. — все это читатель найдетъ на 64 и слѣдующихъ страницахъ статьи г. Буслаева. Не знаемъ, должно ли наше послѣдующее замѣчаніе относиться и къ г. Буслаеву, но оно относится къ дозволено многимъ изъ молодыхъ изслѣдователей нашей старины. Гордые своимъ знакомствомъ съ Гриммомъ, гордые аппаратомъ «высшихъ филологическихъ соображеній», тѣмъ, что они стоятъ наравнѣ съ современнымъ положеніемъ филологіи, они слишкомъ много придаютъ цѣны тѣмъ ученымъ тонкостямъ, которыми превосходятъ предшествовавшихъ имъ собирателей, не получившихъ специально филологическаго образованія, но трудившихся съ такою любовью, съ такимъ неутомимымъ усердіемъ, какое рѣдко можно найти и въ специальныхъ ученыхъ; многіе нынѣ изъ-за мелочныхъ недостатковъ забываютъ о достоинствахъ изданій гг. Сахарова и Снегирева, которые оказали гораздо болѣе услугъ изученію русской народности, нежели люди, такъ свысока трактующіе о нихъ. Мы рады успѣхамъ, которые дѣлаетъ наука, и не сомнѣваемся, что эти успѣхи очень велики; но съ тѣмъ виѣсть мы думаемъ, что ученые, дѣйствительно далеко ушедшіе впередъ, не

долженъ слишкомъ выставлять впередъ мелочныхъ улучшеній, которыя удалось ему сдѣлать въ предшествующихъ трудахъ: знающій дѣло читатель (а для такой публики, если не ошибаюсь, издается «Архивъ») не нуждается въ полемическихъ указаніяхъ, чтобы замѣтить улучшения. Будемъ снисходительны къ мелочнымъ, извинительнымъ въ людяхъ, непретендующихъ на знаніе Велъ и Ульфилы, ошибкамъ; только тогда мы можемъ требовать, чтобы наши, можетъ быть, болѣе крупныя ошибки были намъ извинены» (стр. 10—11).

Вы называете трудъ г. Буслаева прекраснымъ и полезнымъ и тутъ же обвиняете его въ мелочной полемикѣ противъ г. Снегирева, приписываете автору нѣкоторое самодовольство, съ которымъ онъ будто-бы выставляетъ на видъ мелочныя улучшения въ текстѣ пословицъ г. Снегирева, прибавляя: «вотъ какъ я исправляю текстъ», и т. д. Однимъ словомъ, говорите, что молодые изслѣдователи изъ за мелочныхъ недостатковъ забываютъ о достоинствѣ изданій гг. Сахарова и Снегирева... Тутъ что нибудь не такъ: или вы совсѣмъ не читали статьи г. Буслаева и вовсе незнакомы ни съ изданіями гг. Сахарова и Снегирева, ни съ трудами молодыхъ изслѣдователей и въ особенности съ трудами г. Буслаева; или намѣренно унижаете новый трудъ предъ старымъ. Въ первомъ случаѣ негодится дѣлать рѣшительный приговоръ тамъ, гдѣ ничего не знаешь; во второмъ — болѣе нежели негодится, извративъ намѣренно прѣстое и ясное дѣло, вводить въ заблужденіе неопытныхъ читателей.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ числѣ памятниковъ русскаго народнаго быта существуютъ, между-прочимъ, и пословицы. Любители очень давно обратили на нихъ вниманіе и стали записывать, собирать. Нѣсколько такихъ сборниковъ *рукописныхъ* составлены еще въ XVII столѣтіи. Великій Петръ

также заботился о собираніи русских пословицъ и предполагалъ ихъ издать. Но *первый* печатный сборникъ пословицъ, сколько извѣстно, появился въ 1770 году, подъ заглавіемъ: *Собраніе 4291 древнихъ російскихъ пословицъ* (М. въ 12). Съ тѣхъ поръ сборники пословицъ весьма различнаго объема и достоинства появлялись въ разныхъ изданіяхъ и перепечатывались. Такъ Д. Княжевичъ въ 1822 году перепечаталъ въ своемъ *полномъ* изданіи пословицъ упомянутое «Собраніе», а г. Снегиревъ въ 1848 г. въ своемъ *полномъ* изданіи взялъ за *основаніе* текстъ Княжевича. Само собою разумѣется, что каждый издатель потому и называлъ свое изданіе *полнымъ*, что старался собрать все, что только могъ собрать въ данное время. Следовательно, сборникъ пословицъ — не какое либо ученое изысканіе, ученый трудъ, а просто-на-просто *материалъ*, который тѣмъ драгоценнѣе, чѣмъ вѣрнѣе и добросовѣстнѣе изданъ. Издать сборникъ пословицъ — то же, что издать простой алфавитный книгопродавческій каталогъ. Какъ великъ трудъ собрать нѣсколько рукописныхъ сборниковъ, нѣсколько печатныхъ сборниковъ, списать оттуда пословицы, сдѣлать имъ алфавитный сводъ, попросить знакомыхъ о доставленіи пословицъ, записывать пословицы самому при каждомъ удобномъ случаѣ — какъ великъ, *достойнъ* и *драгоцѣненъ* этотъ механическій трудъ? И нужно ли на это посвящать *три десятильтія*, какъ свидѣтельствуетъ г. Снегиревъ? (Предисл. стр. IV.) Другое дѣло, если издатель собиралъ пословицы не изъ *готовыхъ* сборниковъ, а прямо изъ устъ народа, какъ то дѣлалъ, на примѣръ, г. Даль; тогда, не говоря уже о другихъ достоинствахъ, одинъ только трудъ *собиранія* становится несравненно выше простаго *списыванія* да *выписыванія*. Мы знаемъ, на примѣръ, что г. Даль, если не собственно для этой цѣли, то всегда имѣя въ виду эту цѣль, побывалъ во

въ одномъ краю обширнаго нашего отечества, проѣхалъ вдоль и поперекъ русскую землю, внимательно изучая русскую народность, внимательно прислушиваясь къ народной рѣчи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это совсѣмъ иное дѣло! Можно быть увѣрену, что собраніе пословицъ г. Даля — единственное по своимъ достоинствамъ.

Въ чемъ же заключается *достоинство* и *драгоценность* изданія г. Снегирева? Въ томъ, что онъ собралъ и издалъ *все*, что встрѣтилось ему *печатнаю* и *записаннаю* въ разное время и разными лицами, такъ точно, какъ издалъ свой сборникъ Княжевичъ, какъ издавали другіе. Но въ такомъ случаѣ достоинство сборника г. Снегирева ограничивается только полнотою его. Что жъ за особенная заслуга сдѣлать то, что необходимо было сдѣлать, чего нельзя было не сдѣлать? Г. Снегиревъ никакъ не могъ издать *не полнѣе* своихъ предшественниковъ, ибо онъ издавалъ пословицы, которыя накаплиются съ каждымъ днемъ, которыя, по его же свидѣтельству, *живущи*, *плодущи* и *неисчерпаемы*. Доказательствомъ служить его же сборникъ, который, на другой день по выходѣ въ свѣтъ, оказался уже неполнымъ. Да притомъ и число лицъ, участвовавшихъ въ собраніи пословицъ г. Снегирева, какъ видно изъ предисловія къ его книгѣ, ни въ какомъ случаѣ не могло допустить прежней неполноты. Впрочемъ, кромѣ полноты, въ изданіи подобныхъ матеріаловъ важно то, *какъ* они изданы, потому что поспѣшное, на скорую руку изготовленное изданіе, съ ошибками, опісками, неправильнымъ чтеніемъ стариннаго текста и т. п., всегда уменьшаетъ цѣну самыхъ памятниковъ. Г. Снегиревъ самъ выставляетъ достоинства своего сборника въ этомъ отношеніи. Онъ говоритъ:

«Хотя бы въ моемъ изданіи не восполнены были *всѣ недостатки* и *не исправлены всѣ ошибки предшествен-*

никовъ (замѣтьте), хотя бы и самъ я не избѣжалъ погрѣшностей; но, *безъ всякаго привязанія*, могу сказать, что *текстъ у меня исправленъ и отчѣтливѣе прежнихъ изданій*, полнѣ нѣсколькими тысячами, потому что въ Спб. изданіи Р. П. 1828 (т. е. 1822 г. въ изданіи Княжевича) на первую букву 28 пословицъ и поговорокъ, у меня однихъ пословицъ 128» (Предсл. VIII).

Внимайте, г. рецензентъ «Современника»! Припомните слова, сказанныя вами г. Буслаеву: *«Неужели мы должны съ нѣкоторымъ самодовольствомъ выставлать на видъ»* и проч., да сверхъ того узнайте, что такъ называемое вами самодовольство г. Буслаева основывается на прямыхъ, фактическихъ выводахъ, а самодовольство г. Снегирѣва погрѣшаетъ въ свою пользу. Авторъ свидѣтельствуетъ, что у него на первую букву *одныхъ* пословицъ 128, для того, разумѣется, чтобы выставить свою полноту противъ 28, чтобы усилить выраженіе: «текстъ мой полнѣ нѣсколькими тысячами». Между тѣмъ на лицѣ оказывается не 128, а 106, и не *одныхъ* только пословицъ, но и поговорокъ вѣсть, и даже разныхъ апофегмъ и библейскихъ изреченій. Вообще въ изданіи г. Снегирева счетъ пословицъ весьма невѣренъ; собиратель пересчитываетъ иногда даже и *строчки*, отчего и выходятъ неправильные итоги; напримѣръ, кромѣ приведеннаго недосмотра, на букву Б, у издателя § 19 пословицъ, а въ дѣйствительности ихъ только 480. Такъ сочтены и нѣкоторыя другія буквы. Сборникъ г. Снегирева полнѣ сборника Д. Княжевича 4000 пословицъ или около того: прибавленіе значительное, но оно легко могло быть увеличено еще двумя-тремя тысячами изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ дополнялъ собиратель. Сборникъ Княжевича, изданіе весьма добросоудѣстное и умное, заключаетъ въ себѣ 5365 пословицъ.

Въ другомъ мѣстѣ г. Снегиревъ говоритъ:

«Чѣмъ болѣе я вникалъ въ этотъ, столь разносторонній и столь многосложный предметъ, обнимающій вѣшнюю и внутреннюю жизнь народа, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости *возможно полною собранія и отчетливою издавля* текста русскихъ пословицъ и притчей; потому что напечатанныя гг. Кургановымъ, Новиковымъ, Богдановичемъ и Д. К. (Княжевичемъ) *неполны, невѣрны, смѣшаны съ поговорками и стихами, нерѣдко переименованы такъ, что излажены первобытный изъ пошибъ*».

Каково г. Снегиревъ отзывается о своихъ предшественникахъ! Что вы скажете, гг. рецензенты «Современника»? Что выражаетъ такое опредѣленіе дѣятельности предшественниковъ? «Непризнательность, неуваженіе къ предшественникамъ, или преувеличеніе важности собственныхъ открытій?» Все это и по такому же поводу вы приписали молодымъ нашимъ ученымъ... (Соврем. № X). Но, что бы ни выражалъ этотъ приговоръ г. Снегирева о трудахъ его предшественниковъ, онъ все-таки высказанъ голословно, бездоказательно, какъ обыкновенно высказываютъ свои приговоры гг. Снегиревъ и Сахаровъ. Этимъ ихъ приговоры и отличаются отъ приговоровъ ученыхъ, которые каждый свой выводъ всегда подтверждаютъ фактами, очевидными доказательствами. Такъ, напримѣръ, и самъ «Современникъ» въ 1849 году доказалъ съ большою основательностью, хотя и съ одностороннимъ взглядомъ на значеніе пословицъ, что сборникъ г. Снегирева, *какъ и предыдущія собранія народныхъ русскихъ пословицъ, неполонъ, невѣренъ, смѣшанъ съ поговорками и стихами, нерѣдко искаженными такъ, что не доберешься смысла, однимъ словомъ не казистъ и не блестящъ, тотъ и не излишекъ*. На все это «Современ-

никъ» 1849 года представилъ осязательныя доказательства (См. т. XV. Отд. III, стр. 36).

Изъ предъидущаго можно отчасти видѣть отношеніе книги г. Снегирева къ трудамъ, ей предшествовавшимъ. Теперь нужно знать, какое отношеніе къ сборнику г. Снегирева имѣетъ новый трудъ г. Буслаева. Это отношеніе раскрываетъ самъ авторъ, молодой ученый, высказавшій несравненно большее уваженіе къ труду г. Снегирева, нежели неволькій защитникъ его, не представившій ни одного доказательства не только въ пользу своего отзыва о трудахъ г. Буслаева, но даже и въ пользу своего знакомства съ книгою г. Снегирева. Отношеніе своего труда къ книгѣ г. Снегирева г. Буслаевъ объяснилъ на первой же страницѣ своего изслѣдованія:

«Предлагаемое читателямъ сочиненіе обязано своимъ происхожденіемъ внимательному изученію книги г. Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи». Чтобы дать себѣ ясный отчетъ о собранныхъ въ этомъ изданіи матеріалахъ, мы должны были обратиться къ источникамъ, откуда были они взяты, а также къ современному употребленію пословицъ въ устахъ народа. Такимъ образомъ составилось у насъ значительное собраніе поговорокъ и пословицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя казались намъ замѣчательными по содержанію и выраженію, нѣкоторыя же предлагали весьма любопытные варианты и поправки напечатанному г. Снегиревымъ. *Такъ какъ правильность и точность текста при изданіи пословицъ самое существенное дѣло; то мы надѣялись и читателямъ и издателю „Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей“ оказать нѣкоторую услугу исправленіемъ того, что, по крайнему разумнѣю, нашли неточнымъ и неправильнымъ въ этомъ изданіи.* Такая—какъ всякій видитъ — утомительная критика не могла объять всего собранія г. Снегирева, потому что мы не могли видѣть подѣ

рукою всѣхъ источниковъ, которыми пользовался этотъ почтенный ученый, болѣе двадцати лѣтъ извѣстный въ нашей литературѣ собираніемъ и объясненіемъ пословицъ. По крайней мѣрѣ *предлагаемъ читателямъ столько исправленій и дополненій къ книгѣ г. Снегирева, сколько могли мы сдѣлать, руководимые надеждою, что и малое оцѣнится по достоинству* въ настоящее время, когда со всѣхъ концовъ Россіи сносятся богатства роднаго слова въ Русское Географическое Общество, когда Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издаетъ превосходный «Словарь областныхъ реченій» и когда такой глубокой знатокъ народной рѣчи, какъ Даль, предпринимаетъ въ обширныхъ размѣрахъ трудъ надъ русскими пословицами. Собраніе народныхъ реченій есть дѣло столь трудное, что его не выполнить никогда одному человѣку: чѣмъ больше рукъ работаетъ надъ книгъ, тѣмъ успѣшнѣе будетъ оно подвигаться впередъ. Поэтому мы вполне увѣрены, что въ нашихъ исправленіяхъ изданія г. Снегирева разсудительный читатель увидитъ только желаніе общей пользы и внимательное изученіе, какового заслуживаетъ эта книга. Мы увѣрены также, что изъ немногаго нами собраннаго вновь, не все окажется годнымъ, и кое что, въ свою очередь, подвергнется исправленіямъ».

Мы вполне увѣрены, что этой страницы да и всей статьи г. Буслаева рецензентъ «Современника» не читалъ; въ противномъ случаѣ, онъ не сказалъ бы, что *„имѣя подѣ руками довольно большое количество сборниковъ пословицъ, г. Буслаевъ воспользовался ими для дополненія книги г. Снегирева“*. Мы видѣли, что г. Буслаевъ, изучая книгу г. Снегирева, повѣрялъ ее съ ея же источниками и съ устнымъ употребленіемъ пословицъ въ народѣ: дополненіе вышло, какъ результатъ такого изученія. Не пенявъ въ чемъ дѣло, рецензентъ «Современника» извратилъ

значение труда г. Буслаева и отношеніе его къ труду г. Снегирева. Важнымъ слѣдствіемъ такого неправильнаго объясненія сущности дѣла было то, что рецензентъ «Современника» поступилъ еще опрометчивѣе, упрекнувъ г. Буслаева въ мелочныхъ будто-бы придиркахъ къ сборнику г. Снегирева и поднявъ затѣмъ бездоказательное обвиненіе не только на г. Буслаева, но и на всѣхъ молодыхъ ученыхъ въ какомъ-то неуваженіи къ предшествовавшимъ имъ трудамъ. Не нужно имѣть большой учености, чтобъ понять, что вся сущность труда г. Буслаева, о чемъ онъ и самъ свидѣтельствуетъ, заключается именно въ этихъ *мелочныхъ* замѣчаніяхъ и исправленіяхъ, которыя есть конечный результатъ внимательнаго, добросовѣтнаго изученія книги г. Снегирева, не унижающій ея, а придающій ей новое достоинство, какого она не имѣла, достоинство—вѣрно, тщательно изданныхъ матеріаловъ, такъ что, послѣ изслѣдованій и дополненій г. Буслаева, сборникъ г. Снегирева становится несравненно важнѣе для науки, нежели какъ онъ былъ прежде, ибо только критически-очищенный, вѣрно изданный матеріалъ можетъ служить прочною основою для ея разысканій и изслѣдованій.

Чтобы дать себѣ ясный отчетъ о матеріалахъ, напечатанныхъ въ сборникѣ г. Снегирева, г. Буслаевъ обратился къ тѣмъ же источникамъ, которыми пользовался и г. Снегиревъ. При внимательномъ изученіи этихъ источниковъ и, рядомъ съ ними, книги г. Снегирева, тотчасъ же открылось, что г. Снегиревъ, хотя и пользовался, напримѣръ, архивскимъ рукописнымъ сборникомъ пословицъ XVII-го столѣтія, *но далеко не исчерпалъ всего собранія*, такъ что г. Буслаевъ въ своемъ дополненіи напечаталъ *болѣе семисотъ* пословицъ изъ этого сборника, *не вошедшихъ въ изданіе г. Снегирева*, кромѣ исправленій; причѣмъ на одну первую букву оказалось такихъ 55 пословицъ! Та же участь пала и

на другіе сборники, какъ рукописные, такъ и печатные, и невниманіе г. Снегирева къ полнотѣ собранія простерлось до того, что далъ г. Буслаеву возможность внести въ свое дополненіе нѣсколько пословицъ, не только изъ письменника Курганова (не говоря уже о сборникѣ Княжевича), но даже— что еще страннѣе — изъ сочиненія того же г. Снегирева, изданнаго только гораздо раньше, именно изъ книги «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Г. Снегиревъ въ изданіи *полмаго* текста пословицъ не вѣдѣвъ воспользовался изъ этого собранія, которое имѣло совершенно другую цѣль и было по необходимости неполно. Кроме того, многія пословицы выписаны г. Снегиревымъ изъ этихъ сборниковъ съ такими *измѣненіями*, какъ скромно замѣтилъ г. Буслаевъ, то есть съ такими ошибками, которыя не только измѣняютъ, но даже и совсѣмъ затемняютъ смыслъ. Такихъ пословицъ оказалось не нѣтъ, какъ говоритъ рецензентъ «Современника», и ошибки въ нихъ оказались нельзя сказать чтобъ мелкія; все это можно осязательно видѣть на 64-й и слѣдующихъ страницахъ изслѣдованія г. Буслаева. Вотъ примѣры: у г. Снегирева «жена пряди рубашки, а мужъ вези гужъ»; въ Архивскомъ Сборникѣ — «*вези гужъ*»; у г. Снегирева, «за скудость ума, *искасть* будетъ сума»; въ Архив. «*таскать* будетъ сума»; у г. Снегир. «завидливый, что песь обидливый»; въ Архив. «завидливый что песь, обидливый что бѣсъ»; у г. Снегир. «мошна не квашня, какъ въ нее прибываетъ, такъ ее *примымаютъ*»; въ Архив. «такъ ее *прикисаетъ*»; у г. Снегир. «не дорога *людья*, дорога *обида*»; въ Архив. «не дорога *людья*»; у г. Снегир. «*пошла боля* на хлѣбы да соль своротила»; въ Архив. «пошло было на хлѣбы»; у г. Снегир. «радъ *скопрахъ* о своихъ *добрахъ*»; въ Архив. «*домрахъ*», что понятно, ибо *домражи* назывался старинный музыкальный инструментъ; у г. Снегир. «рѣдко *спать* легко *вѣять*»;

въ Архив. «рѣдко слытъ»; у г. Снегир. «стребца *баюютъ* не поголовкѣ глядять»; въ Архив. «стреба *ваблятъ*» и пр. Печатное собраніе Княжевича, взятое г. Снегиревымъ за основу, хотя онъ нигдѣ объ этомъ и не упоминалъ, подверглось въ рукахъ новаго собирателя нѣкоторымъ передѣлкамъ. Г. Снегиревъ выпускалъ слова, урѣзывалъ цѣлыя половины пословицъ — глубокиа по смыслу и изящныа по выраженію; напримѣръ, у г. Снегирева пословица говоритъ: *малая искра города пожмаетъ*; у Княжевича та же пословица продолжаетъ: *а сама прежде всѣхъ погмаетъ*. У г. Снегирева «*чужіе хлѣбы прѣдчмв*»; у Княжевича продолжаетъ: *люди хотъ кормятъ да смѣтчивы, даромъ дадутъ ломоть да заставятъ недѣлю молотъ*. Тѣмъ непонятнѣ такіе выпуски, что въ изданіи г. Снегирева иногда цѣлыя страницы перепечатаны изъ сборника Княжевича. Иныя пословицы г. Снегиревъ повидимому намѣренно передѣлывалъ. Такъ, напримѣръ, пословицу, заимствованную изъ сборника г. Погодина: «кушанье познавается по впусу, а мастерство по искусству», онъ неудачно подновилъ замѣненіемъ слова *мастерство* словомъ *искашельство*.

Еслибъ и дѣйствительно всѣ такія извращенія первоначальнаго текста произошли *только* отъ описокъ, опечатокъ, то и въ этомъ случаѣ сборникъ г. Снегирева теряетъ всю цѣну хорошаго изданнаго матеріала. Изъ многихъ исправленій г. Буслаява, видно даже, что нѣкоторыя ошибки могли произойти только отъ незнакомства съ старинною грамотою. Во всякомъ случаѣ, какъ уже мы отчасти и видѣли, трудъ г. Снегирева обличаетъ чрезвычайную поспѣшность, совершенное отсутствіе ученаго вниманія и точности надательской; между тѣмъ правильность и точность текста при изданіи такого матеріала, какъ пословицы, составляютъ самое существенное дѣло. Очевъ естественно, что наука въ лицѣ г. Буслаява никакъ

не могла допустить подобных недостатков в изданных материалах, ибо непреложный закон науки, ее вечное стремление заключается в томъ, чтобы вслѣду отыскивать, возстановлять истину, вскрывать ее изъ-подъ груды ошибокъ. Въ своихъ неутомимыхъ поискахъ истины она съ бѣльшимъ вниманіемъ останавливается на десяткѣ исправленныхъ мельчайшихъ ошибокъ, нежели на сотнѣ полновѣсныхъ книгъ, гдѣ количество извращенныхъ, изуродованныхъ фактовъ посылаетъ недоверіе и къ тѣмъ, которые остались неприкосновенными въ первоначальной ихъ чистотѣ. Возстановляя истину къ десяткѣ мелкихъ фактовъ, наука движется, приобретаетъ новые силы, идетъ впередъ, какъ бы ни былъ незначителенъ шагъ ея въ этомъ случаѣ; но, преклоняясь предъ грудю ложныхъ, невѣрныхъ данныхъ, она останавливается, зарастаетъ пустоцвѣтомъ.

Прежніе издатели матеріаловъ ищли, а нынѣ и до сихъ поръ ищутъ свой особенный взглядъ на дѣло изданія, или, вѣрнѣе, не ищутъ никакого взгляда и руководствуются разными случайными соображеніями, изобличающими вообще малое знакомство съ смысломъ и значеніемъ памятниковъ. Благодаря ихъ трудолюбію, наука приобретаетъ многое въ изданныхъ или матеріалахъ; но, благодаря также ихъ малому знакомству съ дѣломъ, она приняла въ себя столько ошибокъ, ложныхъ положеній, что и въ настоящее время, чѣмъ бы идти впередъ, разрабатывать новые источники, она не необходимости должна задерживать свой ходъ очищеніемъ старыхъ ошибокъ, надѣланныхъ трудолюбивыми, но неприготовленными и несѣтельными издателями. Прибѣговъ въ доказательство можно привести великое множество. Ограничимся малымъ. Припомнимъ сначала, какъ издавались въ прошломъ столѣтіи наши лѣтописи, въ которыхъ изъ выраженій *умлече* или *ловче* дѣлали географическія названія *умече* и *Ми-*

*ловцы; зайчыми ловцы — поле зайчъ и Миловцы, изъ арганаго греца — Арганаго греца, то есть Грека по прозванію Арганаго, и проч. Тогдашній издатель Львовъ пошелъ еще далѣе. Въ предисловіи къ изданной имъ «Лѣтописи» *) онъ добродушно рассказываетъ, что дѣло его при изданіи заключалось, между прочимъ, въ томъ, чтобъ *вычеркнуть нѣкоторыя нелѣпости*, и вотъ въ древнемъ текстѣ лѣтописи подъ 1149 годомъ мы читаемъ, что объ *арміи* (полки князей Юрья и Иаяслава) начали битися... что Ростиславъ (1160 г.), *арестовавъ* новгородцевъ, велѣлъ сослать по городамъ, что в. к. Іоаннъ III-й въ Новгородѣ велѣлъ *арестовать* Ивана Афанасова и проч., что Шуйскому государю (Іоаннъ III-й) приказалъ себѣ *репортовать*, что Іоаннъ велѣлъ *посадить подъ караулъ* Аристотеля, и пр. Кромѣ того, въ томъ же текстѣ можно встрѣтить *фундаментъ* при описаніи закладки Успенскаго Собора, *амортаментъ* вмѣсто подклѣта и т. д., не говоря ужъ о совершенномъ и полномъ искаженіи всего текста.*

Конечно, это изданіе лѣтописи перешеголяло всѣ другія, и своею крайностью вполне себя обличило: каждому легко было оцѣнить его по достоинству. Но ошибки другихъ текстовъ, менѣе потерпѣвшихъ, оставались долго ошибками и для позднѣйшихъ изслѣдователей, такъ что въ иныхъ случаяхъ нужно было ожидать *счастливаго открытія*, чтобъ возстановить истину. Не такъ давно *открытіе*, сдѣланное княземъ Оболенскимъ, дало совершенно иной смыслъ весьма любопытному лѣтописному извѣстію, которое дотогѣ повторялось безъ дальнихъ справокъ всѣми, кто только касался этого предмета, начиная съ Карамзина. Въ одномъ изъ ста-

---

*) „Лѣтописецъ руской отъ пришествія Рюрика“ и пр. Слб. 1792. пять частей.

рысь изданій лѣтописи записатьъ подъ 1490 годомъ выѣздъ въ Москву художниковъ по вызову Іоанна: и привелеша мастеровъ стѣнныхъ... пумечнаго... серебряныхъ... и между прочимъ каплана бѣлыхъ чернцовъ августинова закона Ивана Спасителя, Арганнагой греца (Карамзинъ: грека Арганнагой) безъ означенія ихъ занятій, такъ что изслѣдователи не знали, куда ихъ причислить, къ какому разряду художниковъ. Князь Оболенскій доказалъ, что здѣсь слѣдуетъ читать вмѣсто *араннаго греца* — *араннаго шреца*. Такимъ образомъ изъ двухъ лицъ дѣлается одно — аранный игрецъ, и наука въ этомъ исправленіи приобретаетъ новый любопытный фактъ для исторіи внутренняго быта Россіи. Г. Снегиревъ, описывая памятники московской древности, нашелъ, что, при совершеніи въ XVII-мъ столѣтіи *дѣйства страшнаго суда*, у Успенскаго Собора въ Москвѣ, предъ патриаршимъ мѣстомъ, поставленъ былъ деревянный *козель*, обитый краснымъ сукномъ — вѣроятно, говоритъ авторъ, въ *поучительное намощаніе части шуйцы* *). Свѣдѣніе любопытное; но что жъ вышло? Г. Забѣлинъ, писавшій о томъ же предметѣ въ «Москвитинѣ» 1850 г. (№ 5-й), замѣтилъ, что въ «Древней Вивлюонкѣ», откуда г. Снегиревъ заимствовалъ свѣдѣніе о козлѣ, козломъ названъ собственно рундукъ, подмостки, или, какъ говорятъ и теперь — *козлы*. Понять нельзя, для чего должно было обивать именно краснымъ сукномъ козла, который служилъ такимъ напоминаніемъ!

Но еслибъ мы стали продолжать эту анекдотическую исторію ученыхъ изысканій и издательскихъ промаховъ, то ей не было бы конца. Да и эти факты мы привели къ тому только, чтобъ спросить рецензентовъ «Современника» что должно дѣлать съ ошибками предшественниковъ, не исправляя

*) «Памятники Московской Древности» М. 1842—1845, стр. 53.

ихъ и слѣдовательно не вступая въ мелочную полемику, что, по понятіямъ «Современника», какъ видѣли мы, одно и то же. * Издавателя лѣтописи Львова напоминаетъ издатель древнихъ русскихъ словарей, г. Сахаровъ. И тотъ и другой въ основѣ одинаково смотрѣли на издаваемые ими памятники, хотя, разумеется, послѣдній отдалается отъ перваго слишкомъ на пятьдесятъ лѣтъ и, стало быть, пользуется несравненно большимъ развитіемъ науки. Но посмотрите, какъ г. Сахаровъ взглянулъ на древніе русскіе словари. Виѣсто того, чтобъ объяснить ихъ истинное значеніе, онъ критикуетъ ихъ, говоритъ почти то же, что говорилъ Львовъ, издавая древнюю лѣтопись, что *за словъ отвѣчать не можеть!*

«Великорусскіе словари, говоритъ г. Сахаровъ, составляютъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Кромѣ лексикографіи, они виѣщаютъ въ себѣ другія разнообразныя свѣдѣнія. Изъ состава ихъ мы видимъ, что наши предки *желали изучать знанія и художества*, что они любопытствовали знать о бѣломъ свѣтѣ не по однимъ рассказамъ паломниковъ. Всѣ географическія ихъ свѣдѣнія состоятъ изъ описанія городовъ, горъ, рѣкъ и земель... Этнографическая часть, исполненная баснословныхъ сказаній, заимствована изъ сочиненія Козьмы Индикоплова, изъ хожденія Александра царя Македонскаго и хронографовъ. Виѣна въ этомъ (въ чемъ?) не нашихъ предковъ, но самыхъ писателей, съ которыми они знакомились. Певѣроятность такихъ сказаній изумительна и превосходить всякое ожиданіе... Изъ естественной исторіи наши предки любопытствовали знать о звѣрахъ, птицахъ и камняхъ. Сказанія объ этихъ предметахъ наполнены баснословными преданіями... Замѣчательна здѣсь мнѣологическая часть; но и это все (что?) представлено въ смѣшномъ (!) и уродливомъ (!!)

*) „Сказанія Русскаго Народа“ т. II, предисл. XVI.

Все это объясненіе нисколько не объясняетъ истиннаго значенія словарей, а, напротивъ, даетъ самое превратное понятіе о нихъ составѣ, приписывая имъ то, чего по цѣли и сущности своей они никогда не были въ виду. Изъ словъ г. Сахарова можно заключить, что азбуковники суть наши древнія энциклопедіи, удовлетворившія *желаніе* нашихъ предковъ *изучать знавія и художества*, что, кромѣ того, иные предметы, напримѣръ, мнѳологическіе, представляемы въ нихъ въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ!

Древніе наши словари и азбуковники, какъ они сами свидѣтельствуютъ въ своихъ предисловіяхъ, составлены съ тою единственною цѣлю, чтобъ объяснить чужеземныя слова, вошедшія въ церковныя книги. Объясненіе этихъ словъ, особенно историческихъ, этнографическихъ, мнѳологическихъ и т. п. замѣстовано большею частью изъ тѣхъ же источниковъ, откуда взяты и самыя слова. Вмѣстѣ съ словомъ въ азбуковники вносилось и цѣлое сказаніе о предметѣ, который обозначало слово. Составъ азбуковника въ этомъ отношеніи подвергался чистѣйшей случайности; все зависѣло отъ источника; сколько подробностей встрѣчалъ тамъ редакторъ, на столько расширялъ онъ и объясненіе слова. При этомъ азбуковники весьма тщательно и точно обозначаютъ на поляхъ свои источники. Весьма понятно, какъ важны, драгоценны для науки эти обозначенія источниковъ. «Для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о старинныхъ азбуковникахъ и словаряхъ (говоритъ г. Буслевъ въ первомъ томѣ «Архива историческихъ свѣдѣній»), необходимо объяснять ихъ въ связи съ тѣми произведеніями, откуда брались въ нихъ цитаты, потому что всякій историческій фактъ тогда только можетъ быть основательно понятъ, когда имѣя извѣстныя всѣ обстоятельства, при которыхъ онъ возникъ; а обстоятель-

ства, окружающія словарь — его литературные и ученые источники».

Но что жъ сдѣлалъ съ этими указаніями литературныхъ и ученыхъ источниковъ г. Сахаровъ? Онъ ихъ *выкинулъ* всѣ безъ исключенія! И на какомъ же основаніи? На томъ, что *всѣ* эти ссылки *явно показываютъ, что составитель Словаря имѣлъ подъ рукою рукописныя книги, и чтобы повѣрять его по рукописямъ XVI-го вѣка, какія онъ имѣлъ тогда, въ наше время есть дѣло невозможное...* Почему? — Г. Сахаровъ объясняетъ это въ коротенькомъ предисловіи къ словарю Берында: «Въ объясненіи нѣкоторыхъ словъ (говоритъ онъ) Берында ссылался на рукописи и современныя ему печатныя книги. Перепечатывать такія ссылки я считалъ ненужнымъ. Старопечатныя книги нынѣ не всѣмъ доступны: самыя библіоманы не могутъ досеѣ хвалиться полными собраніями; о рукописяхъ и говорить нечего. Послѣ сего, *не имѣя старопечатныхъ книгъ и рукописей, кому принесутъ пользу перепечатанныя ссылки?*» Вотъ ученое воззрѣніе прежнихъ издателей! вотъ ихъ понятія о значеніи памятниковъ, ихъ уваженіе къ старинѣ, о которой они такъ много говорятъ въ своихъ предисловіяхъ и которую такъ часто искажаютъ! Можно сдѣлать вопросъ г. Сахарову: для чего онъ перепечатывалъ и самыя словари и азбуковники, потому-что, *не имѣя старопечатныхъ книгъ и рукописей, изъ которыхъ и для которыхъ они составлены, кому принесутъ пользу эти перепечатанныя старинныя слова?*

Какъ бы то ни было, древніе наши словари въ изданіи г. Сахарова явились безъ указаній источниковъ, безъ опредѣленій, къ какому языку предки наши относили то или другое слово, наконецъ съ весьма значительными сокращеніями въ толкованіи словъ и даже произвольными перемѣнами. При-

томъ, хотя г. Сахаровъ и говоритъ, что, напримѣръ, текстъ азбуковника онъ издалъ по шестымъ спискамъ, но этого на самомъ дѣлѣ рѣшительно видѣть не видно, не указано ни одного варианта, чего при шести спискахъ не быть не могло. Видно только, что выбранный г. Сахаровымъ для изданія списокъ не принадлежитъ къ особенно полнымъ и особенно важнымъ, въ отношеніи къ другимъ. Издавая старопечатный словарь Памвы Берында, г. Сахаровъ печаталъ текстъ его только по первому изданію, между тѣмъ, какъ есть второе, представляющее нѣкоторыя, весьма значительныя варианты. Все это можетъ служить яснымъ указаніемъ того, какое именно достоинство имѣютъ изданія г. Сахарова. Мы говорили объ однихъ словаряхъ для примѣра; но то же самое должно сказать и о всѣхъ другихъ матеріалахъ, напечатанныхъ г. Сахаровымъ. Послушайте, что говоритъ, напримѣръ, «Москвитянинъ» (1854, № 15-й) о пѣсняхъ, изданныхъ г. Сахаровымъ:

«Г. Сахаровъ началъ съ того, что въ своемъ предисловіи *уничтожилъ* всѣ прежніе сборники пѣсенъ (замѣтьте это, г. рецензентъ «Современника!»), обвинивши ихъ, отчасти и справедливо, въ искаженіяхъ, поправкахъ, однимъ словомъ въ измѣненіяхъ чисто народнаго и въ маломъ уваженіи къ чисто народному; но спрашивается: какъ же самъ г. Сахаровъ относится къ этому чисто народному? Всякаго, кто знакомъ съ русскими пѣснями, не по печатнымъ только источникамъ, всякаго, кто хотя сколько нибудь ихъ слышалъ въ народѣ, чье ухо хоть сколько нибудь привыкло къ ихъ музыкально-гармоническому складу, и въ чье сердце, хотя сколько нибудь проникло ихъ содержаніе, сборникъ г. Сахарова удивляетъ едва ли не болѣе, чѣмъ «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ», содержащій въ себѣ собраніе отборныхъ и доселѣ извѣстныхъ употребительныхъ и новѣйшихъ всѣхъ рода пѣсенъ — раздѣленныхъ на нѣжныя, любовныя, пѣ-

народныя, пастушескія, военныя, патріотическія, хороходныя, святочныя, подблюдныя, свадебныя, малеросойскія, театральныя, *мэдльочныя*, *выговорныя*, *критическія*, веселыя и печальныя, плясовыя, цыганскія и проч., изданный въ Спб. 1818 г. Г. Сахаровъ, какъ собиратель новыи и притомъ *съ притязаніями, сообщивъ своему собранію значеніе научное*, конечно, не далъ своему сборнику этого пышнаго заглавія, выписаннаго нами съ буквальною точностію, не ввелъ такихъ категорій раздѣленія, какъ пѣсни *мэдльочныя*, *выговорныя*, *критическія*, не напечаталъ чувствительныхъ романсовъ въ родѣ «Стонетъ сизый голубчикъ» о бокъ съ народными пѣснями, но за то: 1) ввелъ свои, не такъ смѣшныя, но за то болѣе исполненныя претензіи категоріи; 2) не напечаталъ многого множества настоящихъ народныхъ и всякому русскому человѣку знакомыхъ изъ дѣтства пѣсень; 3) искажалъ во имя условнаго размѣра многія пѣсни, не лучше кн. Цертелева, только на новыи манеръ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое значать у г. Сахарова категоріи пѣсень: семейныя, разгульныя, сатирическія? какое различіе разгульныхъ отъ плясовыхъ? Почему въ сборникѣ народныхъ русскихъ пѣсень не встрѣчается множества пѣсень, которыя услышишь, какъ только подойдешь, гдѣ нибудь въ отдаленныхъ городскихъ переулкахъ, къ поющей толпѣ, и которыя не встрѣчаются въ сборникѣ г. Сахарова? Или однѣ рѣдкости только собиралъ г. Сахаровъ? — Но у него безпрестанно попадаются пѣсни вовсе не рѣдкія, сто разъ печатанныя, даже въ тѣхъ несчастныхъ собраніяхъ, которыя онъ уничтожаетъ безъ малѣйшаго милосердія. Г. Сахаровъ сѣтуетъ на искаженія, которыя пѣсни потеряли въ Чулковскомъ, Новиковскомъ, Цертелевскомъ, Кашинскомъ и другихъ сборникахъ, но у него: 1) очень часто въ записанныхъ пѣсняхъ народныхъ попадаются стихи *дѣльные* и вставочныя, и 2) размѣръ пѣсень

большою частію не понятъ и весьма часто искаженъ, подвонъ подъ условное ярие...»

Все это «Москвитянинъ» подтвердилъ самыми очевидными, убѣдительными доказательствами.

Послѣ этого да позволено будетъ спросить г. рецензента «Современника»: возможно ли непогрѣшительно пользоваться изданіями г. Сахарова? Должны или нѣтъ позднѣйшіе изслѣдователи раскрыть и указать въ подобныхъ изданіяхъ всѣ намѣренныя и ненамѣренныя перемены, неточности, мелкія ошибки, мелкіе недостатки и проч. и проч.; должны ли, однимъ словомъ, критически оцѣнить эти и подобные имъ сборники, раскрыть ихъ истинное достоинство?

Какъ вы думаете, чтò говорятъ по этому поводу рецензенты «Современника»? Въ X-мъ номерѣ этого журнала прошлаго года они разбираютъ книгу г. Медовикова «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича». Само собою разумѣется, что книга г. Медовикова — дѣло постороннее; главное — размышленія по поводу этой книги, а размышляютъ рецензенты «Современника» слѣдующимъ образомъ:

«Сочиненіе г. Медовикова не отличается ни полнотою, ни особенными достоинствами изложенія; оно не уясняетъ ни одного вопроса. Что давно было извѣстно всякому, хотя нѣсколько занимавшемуся русскою исторіею, только то и повторилъ авторъ въ своей книгѣ; *новаго не сказала она ничего*; факты изложены въ такомъ объемѣ, что нѣкоторые отдѣлы, главы о царствованіи Алексѣя Михайловича въ «Руководствѣ» г. Устрялова полнѣе соответствующихъ отдѣловъ книги г. Медовикова; другія событія разсказаны полнѣе въ такихъ общезвѣстныхъ сочиненіяхъ, какъ «Исторія Россійской Церкви». Поэтому казалось бы, что не можетъ быть основаній считать сочиненіе г. Медовикова заслуживающимъ большой похвалы. Правда (!), написано оно добросовѣстно;

*авторъ пересмотрѣлъ всю важнѣйшія издавія, въ которыхъ могъ найти что нибудь нужное для себя; ему хорошо извѣстны не только отдѣльныя сочиненія, но и статьи періодическихъ изданій, касающіяся его предмета... (Слѣдовательно сочиненіе, вопреки прежнему опредѣленію, должно отличаться полнотою, ибо г. Медовиковъ пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшія изданія и даже журнальныя статьи, чтобы извлечь изъ нихъ нужное для себя?). Но не это одно достоинство (добросовѣстность труда, при которой, повторимъ еще, не можетъ быть неполноты) мы находимъ въ трудѣ Медовикова; *есть въ немъ качества болѣе рѣдкія* — отсутствіе ученаго самолюбія и опрометчивыхъ претензій на то, чтобы «выставить предметъ въ новомъ свѣтѣ; открыть въ немъ новыя стороны, поднять новыя вопросы, показать неосновательность, односторонность прежнихъ объясненій», однимъ словомъ — придумать какое нибудь «новое воззрѣніе на предметъ».*

Сочиненіе не заслуживаетъ похвалы, потому что авторъ *новаю* не сказалъ ничего, а что сказалъ, то *немолно*. Но сочиненіе имѣетъ достоинство труда добросовѣстнаго (слѣдовательно, полнаго), слѣдовательно заслуживаетъ похвалу, и тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что заключаетъ въ себѣ болѣе рѣдкія качества — отсутствіе новаго воззрѣнія на предметъ; или, прежними словами, потому заслуживаетъ похвалу, что авторъ *новаю не сказалъ ничего...*

Что-то будетъ думать г. Медовиковъ о такой оригинальной оцѣнкѣ своего труда? Впрочемъ, «умыселъ другой тутъ былъ»: дѣло было не въ книгѣ г. Медовикова, а въ тѣхъ *рѣдкихъ качествахъ*, по поводу которыхъ необходимо было распространиться.

«Эти качества дѣйствительно довольно рѣдки! (воскликаетъ рецензентъ «Современника»). Сколько есть ученыхъ, несправедливыхъ къ своимъ предшественникамъ! Недавно мы

указали одинъ подобный случай, говоря о мелочныхъ критическихъ замѣчаніяхъ на *дрозоцаллыи трудъ* г. Сногирева. А такихъ приѣтровъ сотни. Одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ считаетъ нужнымъ аналитически разбирать «Исторію Государства Россійскаго», отыскивая, не взялъ ли Карамзинъ у Щербатова или Хилкова мысль о томъ, что «просвѣщеніе смягчаетъ нравы», не заимствовалъ ли онъ у Татищева или Болтуева понятія о томъ, что Святославъ былъ отважный воевода, а Олегъ привелъ въ тропеть Византійцевъ. *Зачѣмъ онъ тратитъ время на подобныя сближенія? (!)* Что «Исторія Государства Россійскаго» имѣетъ свои недостатки, было уже доказываемо двадцать лѣтъ назадъ Арцыбашевымъ и Полевымъ; *а теперь напрасно и говорить объ этомъ*; что Карамзинъ пользовался трудами своихъ предшественниковъ, также вещь извѣстная всякому, и столь же естественная, какъ и то, что ученые, занимающіеся исторіею русскою исторіею, пользуются трудами Карамзина и, напри- мѣръ, Эверса, который уже давно говорилъ о развитіи государственнаго быта изъ племеннаго (тонкій намекъ, что мысль о *родовомъ* бытѣ заимствована новын изслѣдователями у Эверса!). Наконецъ, что Карамзинъ занялъ у Щербатова мысль о благотвѣльномъ вліяніи просвѣщенія на нравы, столь же очевидно, какъ и то, что новѣйшіе математики заняли у Магницкаго правила сложенія и вычитанія. Неужели нужно анализировать исторію Карамзина для того, чтобы наши читатели лучше могли постичь превосходство нашихъ собственныхъ трудовъ? Уже одно опасеніе, что читатели наши могутъ придти къ такой мысли (никогда и никому въ голову не придетъ такая мысль, кромѣ рецензентовъ «Современника»), надѣется, несправедливой — относительно нашихъ чувствъ, должно было бы удержатъ насъ отъ безполезнаго труда, ставящаго насъ въ самое нелокное положеніе» (!!).

Затѣмъ приводится *другой примѣръ*—именно монографіи по части исторіи русской литературы, въ которыхъ «Современникъ» слышитъ увѣренность авторовъ, что до нихъ ничего, ровно ничего не было сдѣлано, что они дѣлаютъ что-то небывалое... однимъ словомъ, слышитъ какое-то неуваженіе къ трудамъ предшествовавшимъ...

«Отчего происходитъ эта *примдирчивость*, это стремленіе показать, что заслуги нашихъ предшественниковъ были не такъ велики, какъ воображаютъ неспеціалисты? Мы никакъ не думаемъ, чтобъ это происходило отъ какихъ нибудь сознательныхъ побужденій, и рѣшительно отвергаемъ всякіе толки о *неблагодарности, непризнательности, неуваженіи*, будучи твердо убѣждены, что подобныя чувства очень рѣдко совмѣщаются съ характеромъ ученаго человѣка, по самой натурѣ своей чистымъ; гораздо основательнѣе объяснять дѣло мелочнымъ преувеличеніемъ важности собственныхъ открытій, и эту мелочность приписывать преимущественно чистосердечному, но слишкомъ восторженному увлеченію; а причиною увлеченія мелочами надобно, разумѣется, считать то, что увлекающіеся мало успѣли еще сдѣлать истинно важнаго. Свое каждому дорого; и кому принадлежитъ еще одно только не слишкомъ важное, тотъ почти всегда поставляетъ въ этомъ неважномъ чрезвычайную важность».

Итакъ въ дѣятельности нашихъ новѣйшихъ ученыхъ «Современникъ» прежде всего видитъ только *примдирчивость*, стремленіе показать, что заслуги предшественниковъ были не такъ велики, мелочное преувеличеніе важности собственныхъ открытій, анатомическій разборъ предшествовавшихъ трудовъ для того, чтобъ читатели лучше могли постичь превосходство трудовъ, принадлежащихъ новѣйшимъ ученымъ, между-тѣмъ, какъ эти молодые ученые мало успѣли еще сдѣлать истинно-важнаго, и въ своемъ неважномъ поставляютъ

чрезвычайную важность, стараюсь поколебать доверіе къ предшествовавшимъ трудамъ, чтобъ контрастомъ возвысить достоинство собственныхъ трудовъ?... Ко всему этому при-
соединенъ тонкій намекъ на неблагодарность, непризна-
тельность, неуваженіе... Такъ «Современникъ» понимаетъ
вашу настоящую ученую дѣятельность!

Читатели могли замѣтить, что факты, приведенные рецен-
зентомъ «Современника» въ подтвержденіе его *размышле-*
ній, говорятъ только, что вся несправедливость со стороны
новѣйшихъ ученыхъ къ трудамъ предшественниковъ заклю-
чается единственно въ томъ, что эти ученые посягнули на
разборъ, на критическую оцѣнку всего, что до нихъ было
сдѣлано. Стремленіе привести все въ ясность, разобратъ,
подвести по возможности вѣрные итоги ко всей предшество-
вавшей ученой дѣятельности вызвано самымъ развитіемъ у
насъ науки, и молодые ученые, въ этомъ случаѣ, служатъ
ей только орудіемъ. Люди, внимающіе въ дѣло, сдѣлающіе за
ходомъ науки, видятъ въ этомъ стремленіи огромный шагъ
впередъ, шагъ, который служитъ вѣрнымъ ручательствомъ
за богатую будущность. Люди неопытные въ дѣлѣ науки ви-
дятъ въ немъ только пустую, бесполезную придирчивость,
которую ложно и несовсѣмъ прилично объясняютъ какими-то
личными цѣлями, намѣреніемъ унижить предшествовавшій трудъ
съ тѣмъ, чтобъ возвысить свой собственный... Они не въ си-
лахъ понять, что *анатомическій разборъ, анатомиче-*
ское изученіе, изслѣдовательность, характеризующіе
настоящую ученую дѣятельность, выражаютъ только естест-
венный ходъ и ростъ науки; анатомическое изученіе, изслѣ-
довательность — такая же неотъемлемая сущность науки,
какъ неотъемлема способность мыслить у человѣка. Наука
же — результатъ человеческой мысли, результатъ умствен-
ной жизни человѣка. Человѣкъ мыслить, разсуждаетъ, сдѣ-

довательно разбирает что хорошо, что худо, что истина, что ложь... Само собою разумеется, что анатомическій разборъ, анатомическое изученіе, какъ и всякое дѣло, имѣетъ свои недостатки, наприимѣръ, излишнее увлеченіе въ достоинствѣ и значеніи открываемыхъ истинъ. Но сущность науки— истина. Открывая истину, гдѣ бы ни было, человѣкъ всегда, можетъ быть, съ излишкомъ увлекается ею. Раскрытая правда радуется его, какъ ребенка, и въ этомъ заключается его высшее наслажденіе, всегда присущее его духу. Въ такой же силѣ все ложное оскорбляетъ его, и снисхожденіе ко лжи для него тяжело, невыносимо... Близорукіе видятъ въ этомъ ученое самолюбіе, опрометчивыя претензіи, придрчивость и т. п., между тѣмъ, какъ въ этомъ выражается только существенное и животворное свойство умственной дѣятельности человѣка во всѣхъ сферахъ. Поэтому въ анатомическомъ разборѣ, въ придрчивости нельзя обвинять исключительно извѣстное поколѣніе ученыхъ: придрчивость и разборъ являются вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ объ истинѣ.

Такъ, наприимѣръ, великая заслуга Шлёцера чѣмъ характеризуется, какъ не тѣмъ, что онъ внесъ въ разработку русской исторіи всестороннюю, до мелочей подробную *придрчивость*, которая дала надлежащій ходъ, самое здравое направленіе нашимъ историческимъ трудамъ и воспитала нѣсколькихъ полезныхъ дѣятелей, научивъ по тому же пути до сихъ поръ? Но когда анатомическій разборъ или, что одно и то же, критическій разборъ становится главнымъ, существеннымъ направленіемъ ученой дѣятельности, это значить, что наука входитъ въ свои силы, что возникаетъ *научная* обработка предмета, которой прежде или совсѣмъ не было, или которая являлась только одиноко, уединенно, составляла исключительную принадлежность только немногихъ трудовъ. Теперь, благодаря критическому (шлёцеровскому) направле-

нью, этой неутолимой предприимчивости, едва-ли кто изъ ученыхъ въ состояніи издать матеріалы и древніе манускрипты такъ, какъ издавались они прежде...

Кто хорошо знакомъ съ разработкою русской исторіи и исторіи русской литературы, тому весьма будетъ ясно отношеніе настоящихъ ученыхъ трудовъ къ предшествовавшимъ. Онъ увидитъ, съ какою постепенностью и какъ медленно водворались тѣ научныя условія въ обработкѣ предмета, которыя въ настоящее время требуются уже отъ каждаго ученаго труда... Какъ легко было прежде составить себѣ извѣстное имя, авторитетецъ! Требованій со стороны публики не было никакихъ; да и что можно было требовать, когда публикѣ нужно было еще только первоначальное, элементарное, собственно фактическое знаніе?... Вотъ почему публика съ благодарностью принимала все ей предлагаемое, не разбирая, какъ и въ какомъ видѣ оно было предложено. Ей еще нужны были только факты, *опыты*, простыя данныя...

Издавъ двѣ-три книги, нѣкоторые сочинители тотчасъ же пріобрѣтали наименованіе «извѣстныхъ ученыхъ». Публика была права, принимая съ такимъ вниманіемъ труды этихъ дѣятелей, ибо запасъ ея свѣдѣній былъ такъ незначителенъ, что она не могла *научнымъ образомъ* оцѣнить ихъ. При общемъ, ошутительномъ недостаткѣ фактическихъ знаній въ то время, каждая лёгонькая журнальная статейка представляла научный интересъ и доставляла автору болѣе или менѣе громкое имя... Но постоянные лестные отзывы, такъ легко пріобрѣтаемые, вредно дѣйствовали на авторовъ: авторы, обольщенные этими отзывами, слишкомъ поспѣшно убѣждались въ своей *учености*, въ высокомъ достоинствѣ своихъ трудовъ и болѣею частью останавливались на первыхъ шагахъ, въ полной увѣренности, что дальше идти незачѣтъ... Первые, еще нескладные *опыты* они принимали за окончен-

ный трудъ; въ первыйъ, еще слабыя попытки научной обработки видѣли уже полный, удовлетворительный ученый методъ. Самодовольство ихъ росло съ каждымъ днемъ. Они все болѣе и болѣе углублялись въ сознаніе своихъ относительныхъ, временныхъ только, достоинствъ, и не замѣчали, что наука, отчасти даже на основаніи ихъ же собственныхъ трудовъ, идетъ впередъ, удаляется отъ нихъ.

Такое отношеніе публики къ авторамъ, а авторовъ къ своимъ трудамъ породило весьма любопытное явленіе въ нашей ученой дѣятельности — именно отсутствіе всякой живой, непосредственной связи, всякаго живаго, непосредственнаго преемства между учеными. *Извѣстные* ученые, скоро и легко составившіе себѣ авторитетъ, оставшіе среди поля, въ то время, когда все неслось мимо нихъ къ завѣтной цѣли, перестали подъ-конецъ узнавать «своихъ» въ новыхъ толпахъ, стремящихся по ихъ слѣдамъ туда же, куда была направлена и ихъ дѣятельность; они стали видѣть какую-то враждебность, встрѣтили ихъ непріязненно, не какъ послѣдователей, а какъ противниковъ. Неподвижность, происшедшая отъ самодовольнаго сознанія своихъ заслугъ, оторвала ихъ отъ общаго хода дѣлъ. Усвоивъ себѣ разъ навсегда извѣстное историческое пониманіе, извѣстный образъ сужденія, извѣстный взглядъ на предметы, эти ученые не могли уже оцѣнить ни новыхъ изслѣдованій, ни новыхъ вопросовъ, возникавшихъ въ наукѣ. Очень естественно, что каждый новый трудъ, чѣмъ онъ былъ самостоятельнѣе, тѣмъ болѣе затруднял остановившихся на ученомъ пути, тѣмъ болѣе удалялъ ихъ отъ общаго теченія ученыхъ работъ... Намъ ненужно приводить здѣсь доказательства этому: кто со вниманіемъ слѣдитъ за успѣхами русской науки, тому очень хорошо извѣстенъ ходъ ея и подробности развитія.

Наука уважаетъ авторитетъ, какъ массу оказанныхъ ей заслугъ; но она никогда не признавала его за самую истину, никогда не допускала, чтобы во имя заслугъ уважались и оставались неисправленными ошибки авторитета, свойственные всѣмъ, кто только что нибудь дѣлаетъ. Въ лицѣ своихъ истинныхъ друзей, истинныхъ служителей, или, какъ говорить обыкновенно, специалистовъ, она очень хорошо знаетъ и понимаетъ истинныя достоинства всякаго авторитета и убѣждена, что, исправляя ошибки, уклоненія отъ истины, она никогда не можетъ уронить никакой дѣйствительно заслуженный авторитетъ. Такими исправленіями она возвышаетъ только цѣну всякаго дѣльнаго труда, очищая его отъ всего, что препятствуетъ ему занять достойное мѣсто въ ряду ея положительныхъ пріобрѣтеній. Въ этомъ отношеніи для науки каждый авторитетъ есть также предметъ изученія. Она стремится опредѣлить, что именно пріобрѣла трудами извѣстнаго авторитета. Съ этою цѣлью, безъ-сомнѣнія, предпринято и сочиненіе г. Соловьева: «Критическій обзоръ Исторіи Государства Россійскаго», печатаемый въ «Отечественныхъ Запискахъ». Всѣмъ извѣстно, что авторитетъ Карамзина заслужилъ собою всю предшествовавшую дѣятельность. Это было такое свѣтило, въ лучахъ котораго скрылись всѣ заслуги, всѣ достоинства прежнихъ дѣятелей. Жаръ увлеченія и общій восторгъ поддерживались и тѣмъ еще, что Карамзинъ стоялъ непошрѣно высоко надъ всѣмъ, что было тогда ученаго и талантливаго. Кто тогда въ силахъ былъ критически и достойнымъ образомъ оцѣнить его трудъ? Восторгъ былъ полный и справедливый. Такъ дѣлаютъ поколѣнія, но не такъ дѣлаетъ наука: она никого не забываетъ, кто хоть малую лепту внесъ въ ея сокровищницу. Кто же будетъ думать о предшественникахъ Карамзина, что они не сдѣлали ничего важнаго, что труды ихъ не имѣютъ никакого значенія? Въ

настоящее время общее стремленіе узнать, что дѣлали предшественники, не могло не остановиться и на трудахъ Карамзина — и въ обзорѣ г. Соловьева заслуги Карамзина предстають намъ во всей ихъ истинѣ, со всею ихъ обстановкою, со всѣми ихъ корнями, о которыхъ до сихъ поръ вообще мало думали. Кромѣ того, этотъ обзоръ познакомитъ будущее поколѣніе съ историческимъ взглядомъ, историческимъ пониманіемъ не только Карамзина и его предшественниковъ, но и съ пониманіемъ нашего времени. Говорить, что это трудъ *безполезный*, ставящій самого автора въ какое-то неловкое положеніе, предпринятый для того, чтобъ читатели лучше могли постичь превосходство его собственныхъ трудовъ — говорить это можно только при фельетонномъ воззрѣніи на науку...

Другое дѣло авторитеты, возникшіе случайно, среди фельетонистовъ и дилеттантовъ, за совершеннымъ отсутствіемъ специалистовъ, которые могли бы во время оцѣнить ихъ по достоинству: такіе авторитеты не любятъ критикъ и разборовъ; всякое дѣльное замѣчаніе принимается ими какъ личное оскорбленіе... Фельетонисты, незнакомые непосредственно съ источниками и вообще съ самымъ дѣломъ, стоятъ поэтому всегда ниже такихъ авторитетовъ, хвалятъ ихъ сплошь, хвалятъ съ чужаго голоса, по привычкѣ съ-издѣтства думать и говорить затверженные зады, наконецъ потому, что нельзя же хулить того, чего не знаешь и не понимаешь. На такихъ-то условіяхъ и утверждаются сказанные авторитеты. Когда же настаетъ время добросовѣстнаго, спеціальнаго изученія ихъ, время разбора и опредѣленія, въ чемъ именно состоитъ заслуга каждаго, когда дѣйствительно являются *мелочныя критическія замѣчанія*, тогда авторитеты, и еще болѣе фельетонисты возвышаютъ голосъ и, не имѣя возможности добросовѣстно доказывать, что дважды-два — пять, прибѣга-

ють къ другимъ доказательствамъ, толкуютъ о неблагодарности, неуваженіи, придирчивости и проч. и проч. Весьма ново, почему иные авторитеты прибѣгаютъ къ подобнымъ доказательствамъ; но иные фельетонисты толкуютъ такъ совершенно безкорыстно, какъ мы сказали, по привычкѣ думать и говорить затверженное одно и то же, съ чужаго голоса, при совершенномъ незнаніи предмета, о которомъ идетъ рѣчь...

РАЗРЯДНЫЯ КНИГИ.

*Дворцовые Разряды. Томъ первый. 1612—1628 г.
С.-Петербургъ 1850 г.*

«Государю Императору, во время послѣдняго пребыванія въ Москвѣ, какъ говоритъ предисловіе къ этому изданію (стр. XIII), благоугодно было повелѣть, всѣ дошедшія до насъ, какъ официальные, такъ и принадлежавшія частнымъ лицамъ, но въ послѣдствіи дошедшія до правительства рукописи Разрядовъ, привести въ точную извѣстность, слѣчить ихъ, повѣрить однѣ другимъ и издать при Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи». Такимъ образомъ «Дворцовыми Разрядами» полагается начало полному изданію Разрядныхъ Книгъ. Начинаясь съ государствованія Іоанна III, Разрядная Книга, какъ записки служебнаго распорядка мѣсть, почти безпрерывно продолжаются до новыхъ установленій Петра Великаго и составляютъ лѣтопись правительственной и служебной дѣятельности въ Россіи во все продолженіе московскаго періода нашей исторіи. Всѣ доселѣ извѣстныя рукописи Разрядныхъ Книгъ, какъ по мѣсту храненія, такъ особенно по самому ихъ составу, должны быть раздѣлены на два рода: 1) официальные, сохранившіеся въ дѣлахъ Разряднаго Приказа въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ при московскихъ департаментахъ Правительствующаго Сена

(имені Архивъ Министерства Вѣщій, и 2^й неофициальный, принадлежавшій частному лицу; сего рода есть неофициальныя книги писаныя въ разныя времена и частныя библіотеки. Значеніе и общеніе содержанія разнятся неофициальныя, къ истиннымъ документамъ, какъ по своему происхожденію, такъ и по составу «Дирекціе Государств. — воеводъ лично сиречь: А. Валуевымъ въ вѣдѣніи къ казенной книгъ Государственной «Слѣдственной Сиречь» (М. 1844).

Разрядныя книги (говоритъ г. Валуевъ), еслибы онѣ и всѣ были каковы, отъ начала существованія до уничтоженія истиннаго царя (сиречь Александрова), не открыли бы, въ-общемъ, ни одного важнаго событія, до сего вѣра неизвѣстнаго въ нашей исторіи, не объяснили бы ничьего. Ведены онѣ были въ разрядныя приказы преимущественно для того, чтобъ сиречь въ разныя времена чиновначаліе военной и отчасти придворной и гражданской службы и потомственнаго по службѣ старшинства военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ сановниковъ, а потому въ эти разряды, отъ начала и до конца, постоянно записывались всѣ походы, всѣ пріѣзды иностранныхъ пословъ, всѣ назначенія военныхъ начальниковъ на мѣста пограничной стражи, и какія мѣста занимали во всѣхъ этихъ случаяхъ какія именно лица; а иногда записывались придворныя церемоніи, царскіе столы, производства придворныхъ чиновниковъ и т. д. Слѣдовательно разряды для исторіи могутъ часто служить повѣркою годовъ, чиселъ и княжескихъ, боярскихъ и дворянскихъ родословій — обширнымъ повременнымъ и потомственнымъ послужнымъ спискомъ всѣхъ чиновъ, важнымъ для исторіи объясненіемъ военнаго и частію гражданского и придворнаго чиновначалія и самой службы и, наконецъ, любопытнымъ исчисленіемъ существовавшихъ тогда городовъ и указаніемъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ были пограничныя стражи для защиты государства

вероятно отличное от того, которое в главных списках, что особенно замечается при рѣшеніях по дѣлам о иѣстинности, тогда мы оставляемъ въ неизмѣнъ текстъ описанію главныхъ списковъ, но отличное отъ него изъ списковъ сокращенныхъ вносимъ въ примѣчаніе. Также въ книгъ примѣчаній, во въ концѣ годовъ, помѣщены изъ сокращенныхъ списковъ извѣстія, концы вовсе нѣтъ въ спискахъ главныхъ, когда нельзя опредѣлить съ достовѣрностію къ какому иѣстину и числу принадлежать означенныя въ нихъ происшествія». Такимъ образомъ въ этотъ превосходный изданіи мы получаемъ самый полный сводъ Разрядовъ начала XVII столѣтія. Вообще слѣченіе рукописей, несмотря на чрезвычайныя затрудненія, съ которыми сопряжены всѣ подобныя работы, исполнено превосходно, съ особенною тщательностію и добросовѣстностію. Въ предисловіи, какъ мы уже отчасти видѣли, весьма подробно изложены всѣ правила, которыми руководствовалась редакция, какъ въ слѣченіи списковъ, такъ и въ изданіи свѣреннаго текста — описать, такъ-сказать, весь процессъ труда, что, по нашему иѣзнію, въ высшей степени важно и необходимо при всѣхъ подобныхъ изданіяхъ.

Въ исторической части предисловія весьма основательно опровергается господствовавшее до сихъ поръ иѣзніе, будто бы всѣ Разрядныя Книги были сожжены при царѣ Феодорѣ Александровичѣ, во время уничтоженія иѣстинчества. Изъ соборнаго акта по этому дѣлу дѣйствительно видно, между прочимъ, что сожжены были *прошенія о случаяхъ и замиски о мѣстахъ*. Самый актъ названъ «соборнымъ дѣяніемъ объ отставкѣ отеческихъ случаевъ и иѣстинчества». Несмотря на то, все еще неясно, какого именно рода документы преданы огню въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, особе для того назначенныхъ. Разрѣшить это недоразумѣніе можно только въ такомъ случаѣ, когда допу-

стимъ, что или истинческіе акты сожжены были не всё, или всё истребленные документы были особаго рода. Но если въ первомъ случаѣ можно указать на *дѣла по мѣстничеству*, изданныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, какъ на *прошенія о случаяхъ*, а на всё известныя до сихъ поръ Разрядныя — какъ на *записки о мѣстахъ*, то во всякомъ случаѣ мудроно допустить, чтобы такое официальное, даже торжественное сожженіе важнѣйшихъ по тому времени государственныхъ документовъ могло совершиться для одной формы, и чтобы сожжена была въ это время только часть актовъ, случайно попавшая подъ руки. Это необходимо наводитъ на предположеніе, что сожженные документы непременно были документы особаго рода, и что всё сохранившіеся доселѣ разряды и истинческія дѣла, можетъ быть, только источники сожженныхъ актовъ. Во всякомъ случаѣ мы рѣшаемся предполагать, что въ Разрядномъ Приказѣ между прочимъ велись особыя книги, главнымъ предметомъ которыхъ было собственно истинчество, и въ которыхъ, поэтому, записывался каждый распорядокъ истѣтъ, касался ли онъ военнаго похода, разиѣщенія воеводъ по городамъ, царскаго выхода, *стола съ чымажи* (въ отличіе отъ стола приватнаго, безъ чиновъ) и даже царской свадьбы. Сюда заносились и всё прошенія о мѣстахъ, истинческіе счета, царскіе указы и боярскіе приговоры по этому предмету. Эти-то самыя книги вѣроятно и были сожжены. Полное о нихъ понятіе мы получаемъ изъ разрядныхъ книгъ неофициальныхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и именно изъ изданныхъ теперь «Дворцовыхъ Разрядовъ». Предположеніе наше мы основываемъ на слѣдующемъ: такъ-называемыя официальныя разрядныя книги, сохранившіяся въ Разрядномъ Архивѣ, сколько можно судить о нихъ по изданнымъ тремъ книгамъ во «Временникѣ» Мо-

сковскаго Общества Исторіи и Древностей (№№ 1, 2 и 3), суть не что иное, какъ официальные журналы Разряднаго Приказа, въ которыхъ съ чрезвычайною подробностью излагаются всѣ *общія* правительственныя распоряженія касательно службы, какъ военной, такъ и гражданской. Въ нихъ находимъ подробныя наказы чиновникамъ, царскія грамоты, отписки и донесенія воеводъ, подробныя расчисленія военныхъ силъ и т. п. Это ихъ *существенное* содержаніе. Записки же по мѣстничеству входили въ составъ этихъ книгъ *иногда*, и то болѣею частію въ краткомъ изложеніи, безъ подлинныхъ прошеній и документовъ, и вообще какъ *случайное дополненіе* къ существенному ихъ содержанію. Следовательно, мѣстничество въ этихъ официальныхъ книгахъ было предметомъ постороннимъ или, вѣрнѣе, побочнымъ, относилось какъ часть къ цѣлому. Вотъ почему и истреблять эти книги не было никакой нужды, такъ точно, какъ не было нужды истреблять и всѣ дѣла Разряднаго Приказа, которыя по своему содержанію, конечно, были всегдашнимъ источникомъ мѣстническихъ счетовъ. По той же самой причинѣ и составленіе этихъ книгъ продолжалось въ Разрядномъ Приказѣ и послѣ 1682 года, то есть по уничтоженіи мѣстничества. Но составляя такимъ образомъ подробныя официальные записки или журналы всѣмъ *общимъ* распоряженіямъ правительства по службѣ, Приказъ необходимо долженъ былъ вести *записки частныя по одному только мѣстничеству*, которое, какъ извѣстно, принадлежало также его вѣдомству. Эти-то записки и составляли собственно *разрядныя книги мѣстничества*, гдѣ главнѣйшимъ предметомъ было *мѣсто*, а не служба вообще, распорядокъ мѣсть, мѣстническіе случаи съ подлинными прошеніями и другими документами, а не подробности чисто-служебныхъ назначеній и дѣйствій. Такія книги были необходимы при разрѣшеніи всѣхъ споровъ,

счетовъ и недоразумѣній мѣстничества, слѣдовательно, были необходимы и для Приказа, который завѣдывалъ мѣстническими дѣлами. Существованіе такихъ книгъ вполне подтверждается тѣмъ же соборнымъ актомъ объ уничтоженіи мѣстничества. На соборѣ, когда все чины согласились *разрядные случаи* отставить и совершенно искоренить, царь Феодоръ Алексѣевичъ, «призирая милостиво на своихъ государевыхъ бояръ и окольныхъ и думныхъ выборныхъ людей, исполняя оное государское о Божѣ намѣреніе, указалъ боярину князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову, да думному дьяку Василью Григорьевичу сыну Семенову, принести къ себѣ, Великому Государю, *все разрядныя книги, въ которыхъ писаны бышіе случаи съ мсты*, при прежнихъ Вел. Государяхъ Царяхъ и Вел. Князѣхъ Россійскихъ и при его Вел. Государя державѣ. И по тому его Великаго Государя указу книги принесены». Здѣсь, кажется, весьма положительно говорится о *книгахъ*, въ которыхъ главнымъ предметомъ было мѣстничество. Государь, повелѣвая эти книги, какъ основу мѣстничества, предать огню, «чтобъ та злоба и не любовь совершенно погибла, и впредь непамятна была, и соблазна бы и преткванія никто никакого не имѣлъ», наименовалъ въ своей рѣчи только одно ихъ содержаніе: *„прошенія о случаяхъ и о мстатхъ замыски“*, какъ главный предметъ, о которомъ шло дѣло. «И того жъ числа (сказано въ актѣ) тѣ книги преданы огню въ преднихъ сѣняхъ. А при томъ стояли: отъ Государя бояринъ князь Михайло Юрьевичъ Долгоруковъ, да думный дьякъ. А отъ Патріарха — все преосвященные митрополиты и архіепископы, до тѣхъ мѣсть, какъ тѣ книги совершенно сожгли».

Такимъ образомъ все официальные документы мѣстничества, которыми оно, такъ-сказать, жило, погибли навсегда, и мы не имѣли бы о нихъ никакого понятія, еслибъ такъ же

скоро было уничтожено и самое иѣстиничество. Но еще на са-
момъ дѣлѣ, въ жизни, оставалось еще долго и хотя на нѣтъ
уже законныхъ основаній для своихъ счетовъ, зато бѣднѣе
частію *отбавлялось* отъ своихъ потерь: это можно видѣть
изъ нѣсколькихъ случаевъ во иѣстиничеству, бывшихъ послѣ
его уничтоженія. Къ тому же болѣе иѣстиничались даже въ
коллегіяхъ, при Петрѣ Великомъ. Такимъ образомъ не легко
было истребить и разрядныя книги иѣстиничества, находившія-
ся въ частныхъ рукахъ. Эти книги составлялись, разумѣется,
изъ официальныхъ посредствомъ выписокъ и даже полныхъ
копій, которыя или официально выдавались изъ Разряднаго
Приказа, или просто списками покупались у подъячихъ. Каж-
дому боярину и вообще каждому лицу, во желавшему имѣть
иѣстинической *потерки*, такая книга была необходима. Ею
руководствовались въ спорахъ, почерпая доказательства
правъ на то или другое мѣсто. Само собою разумѣется, что
эти *домашнія* книги составлялись иногда сокращенно, нѣтъ
въ виду службу и мѣста только того боярскаго рода, въ ко-
торому принадлежало лице, составлявшее для себя книгу.
Весьма хорошее понятіе о характерѣ домашнихъ разрядныхъ
книгъ иѣстиничества даетъ намъ одна такая книга, хранящая-
ся въ библиотекѣ г. Царскаго *). Особенно важны и любо-
пытны въ ней слѣдующія приписки. На первомъ листѣ руко-
писи: «Сія книга окольного Федора Васильевича Бутурли-
на, и сына его Ивана Федоровича, и внука его Ивана Ивано-
вича, Бутурлиныхъ; а списана сія книга съ Молентьевоу
книги Клементьевича Квашнина, а Молентьева книга Фомин-
ская книга Ивановича Квашнина *не злы справчива, мною
и затеекъ написано: писалъ затейки мною Фома
Ивановичъ Квашнинъ, чего въ Государевыхъ разря-*

*) „Рукописи Славянскія и Россійскія“. Москва, 1848 г., № 715.

даже и не бывало, своими приломи, для своего Квашнича роду; а идѣ ево заметки писаны и тутъ справдело подѣ тѣми статьями, что онъ неправдою писалъ своею заметкою». По листамъ внизу: «Сія книга окольникового Федора Васильевича Бутурлина и сына его стольника Ивана Федоровича, и внука его стольника Ивана Ивановича Бутурлина, а писана сія книга съ Фоминской книги Квашнина; а прочитать сію книгу самому государю (то-есть владѣльцу), у кого въ дому сія книга будетъ, съ разумомъ великимъ, а чего самъ въ сеѣ книгѣ не разумѣетъ, ино умѣющаго разумнаго человека спроситъ не стыдно о разумѣ сіѣ книги, чтѣ въ ней писано. И сія книга отдана брату своему, Петру Ивановичу Бутурлину, ее переписать и переписавши опять ее отдать мнѣ, Ивану Федоровичу Бутурлину, и сыну моему Ивану; а сію книгу разрядную никому ея не отдавать и не показывать, потому что въ сеѣ книгѣ писано про все мѣсте роды, потому никому не казѣ, выдаѣ самъ себя. А подписалъ сію книгу я, Иванъ, своею рукою. А которія статьи надобно про себя, и ты себя тетрадку сдѣлай особую и выписывай себя именко, которою яду и кто съ кѣмъ бывалъ безссловно». Вообще эта разрядная книга, наполненная поправками, дополненіями и отиѣтками рукою самого владѣльца, представляетъ въ высшей степени любопытный образецъ книгъ домашнихъ, родовыхъ.

Несмотря на строгое запрещеніе соборнаго дѣянія: *держать у себя въ дому* такія книги и вообще записки, относившіяся къ прежде бывшимъ отеческимъ случаямъ — боярамъ, запоздалымъ представителямъ мѣстничества, все-таки тяжело было разстаться съ своими домашними разрядами, и они берегли ихъ, какъ единственные признаки своей прежней родовой самостоятельности. Такимъ образомъ до насъ дошло

восьма много домашнихъ разрядныхъ книгъ мѣстничества, которыхъ образа, оригинала доселѣ не найдено въ дѣлахъ бывшаго Разряда, но той, разумѣется, достоверной причинѣ, что всѣ официальные оригиналы этихъ книгъ сожжены на соборѣ. Нося на себѣ одинъ общій характеръ, домашніе разряды различаются только въ отношеніи объема времени. Некоторые изъ нихъ начинаются княженіемъ Дмитрія Донскаго и оканчиваются временемъ царя Іоанна Васильевича; другіе содержатъ въ себѣ разряды царствованія Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича; бѣльшая же часть суть отрывки и заключаютъ въ себѣ разряды разныхъ царствованій.

Дворцовые Разряды, по своему происхожденію, принадлежатъ также къ домашнимъ разряднымъ книгамъ. Внимательное ихъ разсмотрѣніе вполне убѣждаетъ, что это списки съ тѣхъ именно официальныхъ сожженныхъ книгъ, существеннымъ содержаніемъ которыхъ, какъ мы уже говорили, было одно только мѣстничество. Это подтверждаетъ почти каждая страница разрядовъ. Здѣсь главную роль играетъ мѣсто во всѣхъ его распредѣленіяхъ: поэтому и всѣ записки о государственныхъ событіяхъ и вообще о правительственныхъ распоряженіяхъ сокращены и, повидимому, внесены только для объясненія того или другаго распорядка мѣсть и возникшихъ, вслѣдствіе этого, мѣстническихъ случаевъ. Лучшее всего это можно видѣть изъ сравненія Дворцовыхъ Разрядовъ съ напечатанными во «Временникѣ» Московскаго Историческаго Общества официальными Разрядными Книгами, содержащими въ себѣ преимущественно одни общія распоряженія правительства. Кроме того, въ Дворцовыхъ Разрядахъ, какъ въ Разрядныхъ Книгахъ мѣстничества, всѣ событія, вызывавшія распредѣленіе мѣсть и мѣстническіе случаи, записаны въ хронологическомъ порядкѣ, что и придаетъ этимъ Разрядамъ характеръ официального журнала, протокола. Въ официаль-

ныхъ же книгахъ мѣстническіе случаи записывались частію между общими распоряженіями и преимущественно въ концѣ, какъ дополненіе — не всегда, однакожъ, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка, который строго сохранялся только въ отношеніи къ главному содержанію этихъ книгъ, то есть къ общимъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ по службѣ.

Дворцовыи же рассматриваемые нами Разряды называются единственно потому, что бѣольшая половина ихъ заключаетъ въ себѣ распорядокъ мѣстъ по службѣ придворной, то есть содержитъ въ себѣ записки о царскихъ выходахъ и походахъ, о столахъ *съ чинами*, о посольскихъ пріѣздахъ и вообще о всѣхъ церемоніалахъ, совершавшихся при Дворѣ. Такой особенный характеръ этихъ Разрядовъ подалъ поводъ къ заключенію, что они составлялись собственно по Двору и въ Приказѣ Бѣольшаго Дворца, и что въ нихъ означалось *почти все* происходившее при царскомъ Дворѣ *). Заключение это, сколько мы знаемъ, не подтверждается ни однимъ положительнымъ указаніемъ и тѣмъ болѣе сомнительно, что нельзя съ достовѣрностію опредѣлить, что именно изъ общаго содержанія этихъ разрядовъ должно отнести къ запискамъ Приказа Бѣольшаго Дворца. «Многое въ нихъ» (какъ весьма основательно замѣчено въ Предисловіи) «заимствовано и изъ книгъ Приказа Разряднаго, т. е., изъ разрядовъ военныхъ и гражданскихъ, а можетъ быть и изъ записныхъ книгъ. Таковы, напримѣръ, ежегодныя назначенія воеводъ по городамъ, и бояръ и окольничихъ по приказамъ». Сверхъ того, извѣстія о придворной службѣ, которыя могли бы относиться къ запискамъ по дворцу, встрѣчаются также въ разрядныхъ и особенно въ записныхъ книгахъ Разряднаго же Приказа и встрѣчаются не случайно, а какъ официальныя дѣла этого При-

*) «Временникъ», № 1-й.

каза по его Московскому Столу. Но список подлинный и подлинъ опроверженіемъ этого заключенія служить указъ царя Алексея Михайловича (1669), въ которомъ распоряженіи занятія подъячій Разряднаго Приказа. Этотъ указомъ велѣно, между прочимъ: «Въ Разрядѣ вѣдать подъячій Московскаго Стола: Семену Дамашеву» (вѣрнѣе, Дамашеву) списокъ боярскій и полковая роспись, и дѣлать разрядная книга... Агафоннику Пиннову записывать въ городскую (?) книгу Великаго Государя *выходи, изъ Москвы походи, и столы съ чинами*, и изъ окрестныхъ государствъ *по-солскихіе привяди*». Последнія слова вполнѣ подтверждаютъ, что даже и черновая записная книга 7183 года *), въ которой дѣйствительно есть много извѣстій собственно по двору и которая, по тому, служитъ основаніемъ подтвержденіемъ упомянутому заключенію, составлена также въ Разрядномъ Приказѣ, а не въ Приказѣ Большаго Дворца. Въ этой книгѣ, рядомъ съ извѣстіями о придворныхъ событіяхъ, находится весьма много такихъ записокъ, которыя, по своему содержанию, непосредственно относятся къ занятіямъ Приказа Разряднаго. Въ ней, на примѣръ, записаны назначенія воеводъ въ города, извѣстія о воеводскихъ отпискахъ и даже статейный списокъ о привозѣ въ Москву и о казни сзозванца, называвшагося царевичемъ Симономъ Алексѣевичемъ **), и т. п. Приказъ же Большаго Дворца былъ чисто-хозяйственнымъ вѣдомствомъ и ни въ какомъ случаѣ не касался разрядовъ, распоряжковъ *общей* службы. Вообще не видно цѣли, для чего именно нужно было вести разрядныя росписи или записки въ этомъ Приказѣ. Если для того, чтобы записывать всѣ

*) Хранилище въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

***) „Автъ Историческіе“, т. IV.

дѣйствіи при Дворѣ лицъ, повѣдомственныхъ этому Приказу, и всю придворную службу, то необходимо припомнить, что всѣ лица, состоявшія въ этомъ вѣдомствѣ, принадлежали къ низшему разряду служилыхъ людей, для которыхъ вѣстничество, слѣдовательно, и разрядныя записки были предметомъ постороннимъ. Предположить же, что Приказъ Большаго Дворца велъ *лѣтовисъ* придворныхъ событій, также нельзя, ибо это опровергается самымъ содержаніемъ дворцовыхъ разрядовъ и записокъ. Какія именно придворныя событія внесены въ нихъ? Посольскіе пріѣзды, царскіе выходы и выѣзды, свадьбы и, особенно, часто, столы съ чинами. Не ясно ли, что всѣ эти событія сопряжены были съ распределеніемъ *мѣстъ*, слѣдовательно, съ вѣстничествомъ, и потому неизбѣжно должны были записываться въ разрядную книгу вѣстничества, которая могла носить особое специальное названіе «Городовой» въ томъ смыслѣ, что *мѣста* по ней распределялись лишь въ *городъ*, въ Москвѣ, столицѣ государства, въ противоположность *мѣстамъ* по разрядамъ или распорядкамъ въ *городнымъ*, по крайнимъ государства, напр. на случай войны и всякой обороны.

Если же Приказъ Большаго Дворца и велъ *записки* книги, то эти книги были особаго рода. Въ нихъ отмѣчались только расходы, напримѣръ, кушанью и боярскимъ такъ называемымъ подачамъ, и вообще хозяйственныя дѣйствія Приказа; а если входили въ составъ этихъ книгъ записки о церемоніяхъ, о царскихъ столахъ и пр., то это дѣлалось по необходимости объяснить причину расхода и вообще причину того или другаго дѣйствія Приказа. Такъ, напримѣръ, *Выходныя Книги*, есть собственно записка царской Мастерской Палаты (гардероба) о томъ, когда и какое платье подзвалось государю — а между тѣмъ въ нихъ записаны всѣ царскіе *выходы*, для которыхъ подавалось платье и отъ которыхъ книги

получили даже свое названіе. Вообще, за совершенныя отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, едва-ли можно допустить, чтобы въ Приказѣ Большаго Двора составлялись когда либо разрядныя книги и записки.

Но почему же въ Дворцовыя Разряды вошло такъ много извѣстій о придворныхъ церемоніалахъ? Потому именно, что эти Разряды, какъ мы уже старались доказать—не что иное, какъ копія официальныхъ протоколовъ истинчества, веденныхъ въ Разрядномъ Приказѣ. Поэтому и записки о придворныхъ церемоніалахъ, особенно же о столѣхъ съ чинами, какъ собственно *записки о мѣстахъ*, составляли главнѣйшій и существеннѣйшій предметъ этихъ протоколовъ. Это, такъ сказать, истинческое значеніе придворныхъ обрядовъ и церемоній яснѣе всего раскрыто въ сочиненіи г. Валуева о «Истинчествѣ». «Ничѣмъ не было такъ вызываемо истинчество ко всей строгости своихъ распределеній и требованій (говоритъ г. Валуевъ), какъ ежедневной постоянно представлявшеюся необходимостью (какъ въ быту семейномъ, такъ и при дворѣ, или на службѣ) нѣсколькимъ лицамъ сидѣть вѣстѣ, *по мѣстамъ*; такъ, напримѣръ, за столомъ или въ приказной избѣ и т. д. Всѣ *мѣста* за столомъ или на лавкѣ были необходимо цѣлою единицею одно почетнѣе другаго, тогда какъ стоять или ходить вѣстѣ легко можно было и *безмѣстно*; и даже въ придворныхъ церемоніяхъ, въ крестныхъ ходахъ и т. д. нельзя предполагать той рѣзкой, представлявшей *нумерическою единицею* опредѣленности взаимныхъ отношеній почета, ибо нельзя представлять себѣ эти церемоніи и пр. какъ фронтovou службу, шагъ въ шагъ и рядъ въ рядъ, которая одна бы могла допустить такую опредѣленность чести въ вѣстѣ каждаго. Сверхъ того, напримѣръ, правая сторона могла быть, въ извѣстной степени, почетнѣе чѣмъ безчестнѣе лѣвой, но однакожь не цѣлымъ *мѣстомъ*, не

цѣлою единицею... Вспомнимъ при этомъ, что самое *мѣстничество* имѣетъ свой корень отъ *мѣста*. *Мѣстомъ* же назывался въ старину всякій городъ, также какъ доселѣ зовется всякая служба, и наконецъ, всякое мѣсто за столомъ, на лавкѣ и пр. — и только въ этихъ-то трехъ значеніяхъ *мѣста* находило мѣстничество свои точныя, опредѣленныя единицы, образуя изъ этихъ мѣстъ (во всѣхъ трехъ значеніяхъ его) нумерическія (другъ другу соответствующія) лѣстницы, въ конхъ каждое звено или *мѣсто* являлось для своего предшествующаго и послѣдующаго нумерическою вычитаемою или прилагаемою единицею. И потому очень естественно, что когда судъ и разбирательство мѣстническихъ споровъ перешли изъ непосредственнаго родоваго и семейнаго круга въ область государства и слѣзались одною изъ принадлежностей его судебной власти, то вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ обязанностей этого суда, при всякомъ нѣсколько сложномъ и объемистомъ отношеніи, было опредѣлять съ точностью *мѣсто* каждаго, *кому за кѣмъ сидѣть*, ибо такое *сидѣніе* по мѣстамъ было самымъ обыкновеннымъ, ежедневнымъ обстоятельствомъ, которымъ вызываемо было мѣстничество въ жизнь и дѣйствительность; а потому и самое мѣстничество принимало его какъ-бы за норму всѣхъ своихъ прочихъ служебныхъ и другихъ отношеній*).

Вотъ достаточныя причины, почему дворцовые разряды содержать въ себѣ такъ много извѣстій о службѣ придворной, въ ея древнѣмъ значеніи, и почему мы предполагаемъ, что эти разряды суть копіи, списки официальныхъ разрядныхъ книгъ или протоколовъ мѣстничества, на которыхъ оно утверждалось, и которые оно, въ лицѣ своихъ запоздалыхъ представителей, заботливо сохранило до нашего времени.

*) „Самбирскій Сборникъ“, Москва. 1845, стр. 53.

Дворовые Разряды, какъ протокалы истинчества, содержатъ въ себѣ весьма много истинчестныхъ случаевъ, прельсти и рѣшениі по этому предмету и представляютъ богатѣйшіе материалы для всѣхъ послѣдовацій и размыслиній о истинчествѣ. Многие запутанныя, темныя вопросы этого замѣчательнаго явленія нашей древней жизни выдуть въ нихъ удовлетворительное объясненіе и разрѣшеніе. Вообще, что касается историческаго хода и развитія истинчества — эти разряды составляютъ замѣчательнѣйшее приобретение для науки. Но влода въ подробное ихъ разсмотрѣніе, мы замѣтимъ только, что изъ множества *случаевъ*, въ нихъ записанныхъ, есть особенно важныя и любопытныя въ томъ отношеніи, что указываютъ, какъ легко возникали истинчестскіе счеты даже у людей не родословныхъ на людей родословныхъ и великихъ въ отеческихъ случаяхъ, и какъ дорого стоилъ каждый такой счетъ тому лицу, которое начинало его безъ всякихъ основаній. Особенно часто подобныя случаи возникали между рындъ — чиновниковъ, стоявшихъ, какъ извѣстно, у царскаго трона во время посольскихъ аудиенцій. Въ рынды выбирали обыкновенно людей молодыхъ и красивыхъ; слѣдовательно, выборъ не всегда падалъ на людей родословныхъ. Весьма часто рындами бывали люди *молодые* и въ родовомъ истинчестскомъ значеніи. Несмотря на это, они также истинчестались и болѣею частію безъ всякихъ основаній.

Вотъ примѣръ: «1628 года, генваря въ 19-й день былъ у государя посланикъ Свиской, и государь былъ въ царскомъ платьѣ. А рындами указалъ государь быть въ бѣломъ платьѣ: Ивану Васильевичу сыну Морозову, князю Юрью княжѣ Андрееву сыну Сицкому, князю Офонасью княжѣ Григорьеву сыну Шеховскому да Ивану Петрову сыну Чихачеву. И Иванъ Чихачовъ въ городъ не поѣхалъ, а сказался болѣнъ. И бояре, по государеву указу, по Ивана послали, а велѣли его поста-

вить передъ собою. И Иванъ пришелъ къ боярамъ, въ Золотую полату, о лву посохахъ. И бояре его спросили: для ты чего въ городъ не выѣхалъ, а сказано тебѣ, велѣно быть въ бѣломъ платьѣ? И онъ сказалъ, что лошадь ногу изломила, какъ государь тѣшилса за лосми, за тѣмъ де и въ городъ не поѣхалъ. И думной розрядной дьякъ Томило Луговской говорилъ ему: большое де, *отбаливаешь* отъ князь Офонася Шеховскаго, за тѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать. И Иванъ бояромъ билъ челомъ, а сказалъ, что де билъ челомъ государю на князь Офонася и впредь стану бить челомъ и милости просить у государя, чтобы государь пожаловалъ, въ отечествѣ велѣлъ дать мнѣ на князь Офонася судъ, и менши его мнѣ быть невмѣстно. И бояре сказали: мочно де тебѣ быть менши князь Офонася, и приговорили было Ивана Чихачова, за князь Офонасьево безчестье, велѣли бить кнутомъ. И думной дьякъ Томило Луговской сказалъ бояромъ: долго де того ждать, да, взявъ у него посохъ, и сталъ его бить по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичъ другимъ посохомъ билъ по спинѣ и по ногамъ же, а говорили: не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою иѣру и, бивъ его, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ, по прежней сказкѣ».

Дворцовые Разряды. Томъ второй. Съ 1628 по 1645 годъ. С.-Петербургъ. 1851.

При обзорѣ перваго тома «Дворцовыхъ Разрядовъ» мы старались опредѣлить существенное значеніе этого интереснаго памятника, какъ коніи съ тѣхъ именно мѣстическихъ книгъ, на которыхъ основывались родовые счеты и которыя, поэтому, при уничтоженіи мѣстичества, официально сожжены были на соборѣ, во дворцѣ государя. Второй томъ «Дворцо-

накъ *Разрядный*. въ приписку *Смертныхъ*, почему не отлучивъ отъ верной *Летописи*, на историч. сказанномъ или вообще о *Смертныхъ Разрядныхъ* и о личности историковъ, которые они представляють или испытываютъ, ограничивши въ назначенныя случаи упомянуть тѣхъ событий и случаевъ, которые повелели писать въ известному *разрядному* кнѣзю и *судово*. къ означеннымъ *столцамъ* и *спороу* за кнѣзя. *37)* послужить *повелѣніемъ* къ *предшествующему* *повелѣнію* *обороу* *Разрядныхъ*.

Чаще всего въ *Дворцовыхъ Разрядныхъ* встрѣчаются *сказы* съ *человѣки*, то есть *обычи* *переносимыя*, *обычи* съ *известными* *образцами*. Въ *отмѣнкахъ* *другихъ* *случаяхъ*, *этихъ* *разрядныхъ* *кнѣзю*, то есть *кому* за *кнѣзю* *сидѣть* за *столомъ*, *представлялся* почти *ежедневно*, «былъ *санкты* *объявленныи*, *ежедневныи* *обстоятельствами*, *которыхъ* *возможна* было *истинность* въ *жизни* и *дѣятельность*». Оттого въ *Дворцовыхъ Разрядныхъ* *записки* о *столомъ* *встрѣчаются* почти на *каждой* *страницѣ*. Но это не самое *противорѣчить* *общему* и *доселѣ* *обыкновенному* *опредѣленію* *разрядныхъ*, *къ* *запискѣ* о *правительственной* *служебной* *дѣятельности*, о *всѣхъ* *распоряженіяхъ* по *государственной* *службѣ*. Въ *сановъ* *дѣлѣ*, *всѣхъ* *вельязи*, *камернѣрѣ*, *лукать*, чтобы *приглашеніе* къ *карскому* *обѣду*, *сидѣть* за *карскимъ* *столомъ* *составляло* для *бодръ* *службу*, хоть бы и *придворную*; *запретить*, это была *почесня*, *оказываемая* *государствѣ* *людямъ* *бодрѣ* или *небѣ* *родовыи*, *разрядными*, *людямъ* *спороу* *чесныи*, или *внѣшнѣ*, *людямъ*, *совершившии* *дѣятельныи* *заслуги*. А такъ какъ *всякая* *почесня* въ *древней* *Руси* *связывалась* *всегда* съ *родовою* *честью*, съ *родовыи* *старинствомъ*, то, *следовательно*, *необходимо* было съ *точностью* *опредѣлять* *кнѣзю* *каждаго* и *такимъ* *образомъ* *востановить* *вести* *записки* о *распорядкѣ* *кнѣзю* по въ

отношеніи службы и служебной дѣтельности, а въ отношеніи почета.

Мы упоминали уже, что столы давались весьма часто. Каждый годовоіи праздникъ, церковный или царскій, семейный (именины, родины, крестины, свадьба и проч.), каждое особенное торжество, какъ напримѣръ, поставленіе патріарха или митрополита, каждый пріѣздъ иностраннаго посла не проходилъ безъ *почетнаго столованія*. Царскій столъ съ чинами накрывался всегда одинаково; противъ государева мѣста, которое большею частію, находилось въ переднемъ углу палаты и на которомъ за особымъ столомъ садился самъ государь, ставили такъ называемый *большой столъ*, примыкавшій къ лавкамъ у стѣны; съ другой его стороны тянулись скамьи. Потомъ въ углу палаты располагался *кривой столъ*, въ видѣ глаголя. Первые мѣста въ большомъ столѣ начинались отъ государева мѣста; слѣдственно, сидѣть въ большомъ столѣ, то есть ближе къ государю, безъ сомнѣнія было почетнѣе, нежели въ кривомъ. Потомъ сидѣть на *лавкѣ* за большимъ столомъ, то есть у стѣны въ переднемъ углу палаты, считалось также почетнѣе, нежели сидѣть *въ скамьѣ* съ другой стороны стола; то же самое должно замѣтить и о *кривомъ* столѣ. Вообще лавка во всякомъ случаѣ была почетнѣе скамьи, и всѣ бояре, приглашаемые къ столу, всегда сидѣли въ лавкѣ, а всѣ окольные въ скамьѣ (сравни стр. 435, 620). Къ столу приглашались обыкновенно бояре, окольные, думные дворяне и дьяки, постельничій, ясельничій, ловчій, человекъ 30 дворянъ, дьяки приказные, стрѣleckіе головы съ дворцовыхъ карауловъ и гости (купцы). Число бояръ, обѣдавшихъ у государя, ограничивалось, впрочемъ, двумя-тремя лицами; изъ окольных же приглашался большею частію только одинъ и весьма рѣдко двое. Объ остальныхъ лицахъ, указанных нами выше «Дворцовые Разряды» не говорятъ ни слова, вовсе не

увоинная ит. Это также весьма любезнито, потому что именованъ подтверждаетъ чисто-истиническій характеръ «Дворцовыхъ Разрядовъ». Въ самомъ дѣлѣ: какія именна лица могли быть занисаны въ журналѣ истиничества? Конечно, люди старовой чести, люди родовые, итѣвно полное право, по свесну родовому старинству, занять то или другое итѣсто. Поэтому въ занискахъ о столахъ изъ всѣхъ обѣдавшихъ у государя мы излодитъ занисанными только однихъ бояръ и окольныхтъ; объ остальныхъ же ни слова. Всѣ остальные, люди перодословные, не итѣвнѣ никакого права считаемся не только съ родовыми людьми, но даже и между собою, никогда и не могли быть иписываемы въ книгу истиничества и внесены въ текстъ издаваемыхъ разрядовъ изъ особыхъ не разрядныхъ занисокъ о государевыхъ столахъ, такъ что, безъ помощи этихъ занисокъ, по однимъ только Дворцовыхъ Разрядовъ, мы никогда не узнали бы о присутствіи за царскимъ столомъ, наприхтѣръ, постельничаго, ясельничаго, известнаго числа дворянъ, дьяковъ и прочихъ.

Укажемъ теперь на придворную службу за царскимъ столомъ. У стола, на которомъ кушалъ самъ государь, стояли обыкновенно крайчій и стольникъ, принимая и подавая кушанье и вина. *Въ столы смотрѣли и сказывали* также стольники. «Смотрѣть въ столъ» значило вообще распоряжаться угощенемъ. Обязанность стольниковъ, которые *сказывали въ столы*, заключалась въ томъ, что они, отъ имени государя, угощали гостей при слѣдующемъ обрядѣ: подавая гостю кубокъ съ виномъ, или хлѣбъ, посылаемый самимъ государемъ, они обращались къ нему съ обычною рѣчью, наприхтѣръ: «Иванъ, князь Иванъ! великой государь жалуетъ тебѣ хлѣбъ, или жалуетъ тебя чашею». Гость, выинивъ чашу, билъ челомъ, то есть низко кланялся, а стольникъ докладывалъ государю, «Иванъ, выинивъ чашу, челомъ бьетъ». Татищевъ присо-

вокумляетъ къ этому, что при обращеніи къ знатнымъ лицамъ, стольникъ произносилъ ихъ имена съ особыми приставками; такъ напримѣръ, кто познатнѣе, того онъ называлъ *Иванъ-ста*, менѣе знатнаго — *Иванъ-су*, а ко всемъ прочимъ обращался безъ этихъ почетныхъ частицъ и называлъ просто Иваномъ.

Вообще всѣ должности при столѣ занимали стольники. Они носили кушанье и подавали вина; одинъ изъ нихъ попочетнѣе, *маржасалъ вина* то есть приготовлялъ къ столу и вообще распорядился винами, другой — *итъ калмсалъ*. Съ бѣльшимъ великолѣніемъ и обрядностью царскіе столы давались иноземнымъ посламъ: тогда въ сѣняхъ устраивалось нѣскольکو поставцовъ (государевъ, боярскій, посольскій) съ винами и ѣствами. Число стольниковъ и дворянъ, которые *передъ юстей итъ носили* и *ѣсть ставили*, доходило иногда до сотни и болѣе.

Послѣ царскихъ столовъ справлялась всегда *государева чаша*, то есть пили государево здоровье, причемъ царь самъ подавалъ боярамъ чашу, къ которой они и подходили по порядку родового старшинства, то есть такъ какъ сидѣли за столомъ.

Важное мѣсто въ отношеніи церемоніальныхъ должностей и вообще обрядности московскаго двора, занимаютъ также посольскіе *пріѣзды* и *отпуски*, подававшіе всегда множество случаевъ къ иѣствическимъ счетамъ.

На посла смотрѣли у насъ какъ на дорогаго гостя; а такъ какъ по древнему русскому обычаю, одною изъ первыхъ почестей для гостя была *встрѣча*, то и посольскій пріѣздъ сопровождался всегда болѣе или менѣе почетными встрѣчами, смотря по значенію державы, откуда шелъ посолъ. Сначала встрѣчать посла выѣзжалъ царскій приставъ почти на границу или по крайней мѣрѣ, въ самый ближайшій къ границѣ городъ.

Затѣмъ, во вѣрѣ приближенія посла къ столицѣ, къ нему высылали иногда новыхъ приставовъ для встрѣчи, изъ которыхъ одинъ встрѣчалъ посла ужь у самаго города. При въѣздѣ посла въ Москву, встрѣча сопровождалась особенною пышностью и блескомъ. По дорогѣ, откуда былъ въѣздъ, выстраивали всѣхъ столянковъ, стражничихъ, дворянъ, дьяковъ, жильцовъ, даже похвальчихъ изъ приказовъ, одѣтыхъ въ *царскомъ лучшемъ платьѣ*; «а многіе были на армянакахъ и на конѣхъ добрыхъ, въ чюгахъ въ золотыхъ и въ бархатныхъ, и въ шапкахъ въ горлатныхъ»; а на иныхъ были сабли оправныя и полати, а на ломадахъ наряды конскіе большіе: чѣни гренажія и поводныя, и кутазы, и наузы и всякіе конскіе наряды. Всѣхъ чиновниковъ на въѣздѣ бывало около тысячи человекъ. Для большаго пышности и великолѣпія и вообще для того, чтобъ было людно и многонародно, на въѣздахъ были также дворевые люди бояръ, окольныхчихъ и вообще богатыхъ людей, обязанныхъ на этотъ случай выставить известное число всадниковъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ. Пользуясь въ настоящемъ случаѣ только изданными Разрядами, мы не приводимъ свидѣтельствъ иностранцевъ, которые всегда съ изумленіемъ описываютъ великолѣпіе этихъ посольскихъ въѣздовъ, имѣвшее въ ихъ глазахъ характеръ восточный. Съ тою же пышностью было и представленіе посла государю. Отъ посольскаго двора и до крыльца царскихъ палатъ по обѣ стороны стояли стрельцы съ пищалями, а иногда и упомянутые выше даточные люди съ боярскихъ дворовъ, въ цвѣтномъ платьѣ. По лѣстницѣ и по крыльцу до сѣней пріемной залы стояли дворяне и приказные люди, тоже въ цвѣтномъ платьѣ. Въ сѣняхъ кругомъ по лавкамъ сидѣли дворяне, дѣти боярскіе и гости *въ золотѣ*, то есть въ золотыхъ кафтанахъ и въ горлатныхъ шапкахъ. Во дворцѣ послу также дѣлали *встрѣчу* а лѣстницѣ, въ сѣняхъ и у порога пріемной палаты. Для

встрѣчниковъ, то есть для лицъ, которыхъ посылали встрѣчать, все это были мѣста, одно честиѣе другаго.

Встрѣчать посла въ сѣняхъ было честиѣе, нежели на крыльцѣ, а встрѣчать у порога палаты—честиѣе, нежели въ етняхъ. Вообще значеніе и честь мѣста условивались бѣльшимъ или меньшимъ близостью къ царю. То же самое замѣчаемъ, напримѣръ, и между рындъ, которые во время представленія посла стояли по обѣ стороны царскаго трона, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ, съ золотыми цѣпами на груди и съ топорами въ рукахъ. Довольно часто и они мѣстничались, потому что стоять по правую руку и ближе къ государю было, разумѣется, почетнѣе, нежели стоять по лѣвую и вторымъ отъ государя. Но, когда по родовому счету оказывалось, что мѣстничавшіеся по родству были равны, то ихъ дѣлали *мѣстниками*, то есть, равными, и они стояли у трона, *мѣшаясь*, то есть перемѣняясь мѣстами (стр. 175).

Въ залѣ, гдѣ былъ пріемъ посла, по всѣмъ лавкамъ сидѣли бояре и окольничіе въ богатѣйшихъ золотныхъ кафтаныхъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. Посла *объявлялъ* или *обещалъ*, то есть представлялъ государю окольничій. Рѣчь послу говорилъ думный дьякъ. По окончаніи аудіенціи, посла провожали изъ пріемной палаты тѣ же встрѣчники и до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали. Посольскій столъ шелъ по тѣмъ же обрядамъ, какъ и всѣ прочіе *чиновные* государевы столы. Нерѣдко государь посылалъ объѣздъ къ послу на домъ. Въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» сохранился довольно подробный наказъ, объ одномъ подобномъ случаѣ.

«Лѣта 7142 году генваря въ 12 день государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руссіи велѣлъ стольнику Никифору Сергѣевичу Собакину: ѣхать ему къ Якову Руселю (нѣмчину короля шведскаго Густава) съ своимъ го-

сударевыхъ жалованьемъ съ столомъ, съ ѣствомъ и съ питьемъ. И стольнику Никифору Сергѣевичу, прѣхавъ къ Якову на дворъ, выйти изъ саней у лестницы и идти къ Якову въ хоромы, а за собою велѣть нести скатерть и судки (солонку, уксуеницу и переминицу) и ѣству и питью. А пришелъ въ хоромы, молвить рѣчь толпачамъ: «Божію милостию великій государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ государствъ обладатель, тебя Якова жалую, прислалъ къ тебѣ своего государскаго стола ѣству и питью». Да велѣть на столъ скатерть послать и судки поставить и вина и ѣству и питью велѣть подать по росписи. А подавъ вина и поставя ѣству на столъ по росписи, взявъ ковшъ питья, молвить: «Чаша великаго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича и многихъ государствъ государя и обладателя, дай Господи, великій государь нашъ царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, здоровъ былъ». Да ковшъ выпить напередъ, да поднести Якову и приставу Ѳеодору Рагозину, и дворяномъ, которые съ Яковомъ Руселемъ, подати. А послѣ того пить чашу про царевичевы здоровья, а молвить: «Чаша великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царскаго величества дѣтей, государя царевича князя Алексѣя Михайловича и государя царевича Ивана Михайловича, дай Господи, они государи здравы были на многія лѣта». А выпивъ, Якову и приставу и дворянамъ подать. И будетъ Яковъ Русель учнетъ говорить, чтобъ онъ (Собакинъ) съ ними виѣстѣ сѣлъ за столъ и государево жалованье ѣлъ и пилъ, и стольнику Никифору Собакину за столъ сѣсти, по конецъ стола, и подносить послу вино и меды, и ѣству ~~в~~ ставить по росписи. А будетъ Яковъ напередъ станеть чашу великаго государя царя и великаго князя Михаила

Федоровича всеа Русіи, и ему подати, а подавъ чашу, вхаты къ государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи. А будетъ Яковъ учнетъ его чѣмъ дарити, и ему подарки принять. А о чемъ съ нимъ Яковъ поговорить и ему съ нимъ противъ его сиросу говорить, что будетъ пригоже, чтобъ къ государеву имени къ чести и къ повышенію и Московскому Государству къ добру. А пріѣзавъ, сказати про до государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи».

Весьма важны для мѣстничества были также царскіе богомольные походы и выѣзды въ подмосковныя села на потѣху. Они, какъ и другіе подобные случаи, всегда вызывали новый распорядокъ мѣсть и, слѣдовательно, новыя мѣстническія отношенія. Отправляясь изъ Москвы въ дальній или ближній монастырь, или въ подмосковное село на охоту, государь поручалъ оберегать Москву двумъ боярамъ, одному или двумъ окольниковымъ и двумъ думнымъ дьякамъ. Это былъ особый правительственный комитетъ, который завѣдывалъ всѣми дѣлами въ отсутствіе царя и который назначался даже и тогда, когда царь выходилъ въ Успенскій Соборъ или въ какую либо кремлевскую церковь на богомолье. Чаше всего, то есть ежегодно, а иногда и раза два-три въ годъ, государь путешествовалъ въ Троицкій Монастырь. Во всѣ дальніе походы за день до отъѣзда посылался впередъ для приготовления *стимовъ* окольниковій, или дворяне, *въ окольниковцаю мѣсто*. На этомъ выраженіи Миллеръ въ своемъ «Извѣстіи о дворянахъ російскихъ» основывалъ объясненіе и самаго слова и первоначальной должности окольникаго, которая состояла въ томъ, чтобъ готовить и оберегать путь для государя, занимая *около* дороги мѣста для становъ. Несмотря на то, что это объясненіе Миллеръ выдавалъ, какъ болѣе вѣроятную догадку, оно дѣйствительно вѣрно, хотя и требуетъ бо-

лѣе подробныхъ разысканій. Почти во всѣхъ походахъ государя сопровождали постельничій, страпчій съ ключомъ, страпчій у крюка въ комнатѣ, страпчій у крюка въ передней, шатерничій, ловчій. Одинъ изъ стольниковъ назначался также за государемъ въ *рынды* и везъ царскій *саадамъ*, то есть лукъ и колчанъ со стрѣлами. Изъ стольниковъ же были *возница* и *ухабничій*. Первый собственно былъ кучеромъ и сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, запряженныхъ въ царскій возокъ; другой *столякъ на ухабъ*, то есть на занаткахъ, отчего и назывался ухабничинъ.

Любопытны также нѣкоторыя подробности относительно родинъ и крестинъ въ царскомъ быту. Въ 1629 году у царя Михаила Феодоровича родился сынъ Алексѣй Михайловичъ; въ тотъ же день «Государь указалъ послать съ вѣстью жильцовъ къ боярамъ, и окольныхъ и къ думнымъ дворянамъ; а велѣлъ имъ сказать свою государскую радость, что ему государю Богъ далъ сына царевича князя Алексѣя Михайловича». «Крестили царевича, по обыкновенію, въ Чудовѣ Монастырѣ, у Алексѣя чудотворца, въ трапезѣ. А государь царь и святѣйшій государь Патріархъ были тутъ же; а восприемникъ Троицы Сергіева Монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ, а восприемница Ирина Никитична (тѣтка царя); а крестилъ благовѣщенскій протопопъ Максимъ Максимовъ, государевъ царевъ духовникъ». Когда везли царевича въ церковь, священникъ впереди окроплялъ путь святою водою. У каптаны царевича (родъ кареты) шелъ бояринъ Ѡ. И. Шереметевъ, да отецъ царицы, Лукьянъ Степановичъ Стрешневъ, и 50 человекъ дворянъ большихъ, то есть старшихъ. «А изъ каптаны къ крещенью и отъ крещенья къ каптанѣ царевича несла Ирина Никитична (крестная мать), да съ нею два боярина, а за ними боярынь съ 30». При рожденіи Марыи Михайловны описанъ обрядъ поздравленія и при-

носа даровъ: на третій день государь торжественно шествовалъ въ Золотую Палату, куда приходилъ и патриархъ съ духовенствомъ; потомъ вмѣстѣ, въ сопровожденіи духовныхъ властей и бояръ, они шли въ Золотую Палату царицы. «И царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣ Лукьяновнѣ *здравствования*, и образы благословлялъ святѣйшій Патриархъ и всѣ власти». Затѣмъ бояре, окольные и всѣ думные люди также ходили къ царицѣ здравствовать и *дары носили*: кубки, и соболи, и атласы золотые и камки». «И царица и великая княгиня даровъ у нихъ принимать не велѣла, а пожаловала дарами ихъ, кто что приносилъ; и жаловала бояръ и окольныхъ и думныхъ людей *зваромъ* и ковришками и романею». Сверхъ того, въ такіе торжественные дни всегда давался столъ въ Грановитой или въ Золотой Палатѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ такіа подробности встрѣчались часто въ издаваемыхъ «Разрядахъ». Какъ записки собственно о мѣстахъ, эти разряды ограничиваются обозначеніемъ только мѣсть и лицъ, занимавшихъ эти мѣста; постороннія же подробности они вносятъ единственно только для объясненія причины извѣстнаго распорядка мѣсть.

Въ этомъ обзорѣ мы указали только на тѣ разряды мѣсть, которые случались чаще другихъ и которые поэтому составили самую большую половину всего содержанія издаваемыхъ нынѣ «Разрядовъ». Другіе разряды, какъ, напримѣръ, назначеніе воеводъ по городамъ или начальниками по приказамъ, также объѣзжими головами по разнымъ частямъ Москвы для береженья отъ пожара—дѣлались только одинъ разъ въ годъ. Иные, какъ, напримѣръ, распределеніе воеводъ по полкамъ въ военное время, бывали еще рѣже, такъ что существеннымъ содержаніемъ «Дворцовыхъ Разрядовъ» дѣйствительно становится одна придворная служба, въ той, однакожъ, мѣрѣ,

въ какой она соприкасалась съ мѣстничествомъ, по случаю назначенія и распредѣленія церемоніальныхъ должностей.

Въ приложеніяхъ къ этому тому помѣщена весьма любопытная записка о принесеніи изъ Персіи въ Москву ризы Христа Спасителя и о послѣдовавшихъ отъ нея чудесахъ и исцѣленіяхъ. Святая риза прислана была персидскимъ шахомъ Аббасомъ съ посломъ Русамбекомъ въ 1625 году. «Какъ ни знаменательно и ни отраднo было приобрѣтеніе такой святыни для Церкви Русской, но отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ, основывався на которыхъ можно было бы положительно признать сію ризу истинною, и нахожденіе оной въ рукахъ невѣрныхъ — все сіе заставило Патріарха Филарета дѣйствовать осторожно. Званіе духа вѣры и осторожность — два качества, которыми постоянно отличалась дѣятельность Патріарха во всѣхъ дѣлахъ церкви, были имъ вполне обнаружены и при семъ случаѣ. Получивъ святыню, Патріархъ говорилъ сыну своему, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи, что прислалъ къ нему Великому Государю Персидскій Аббасъ Шахъ ковчегъ золотъ, а въ немъ, посолъ его сказалъ, срачица Господа нашего Иисуса Христа, и по досмотру въ томъ самомъ ковчегѣ часть нѣкая полотняная, а отъ давныхъ лѣтъ кабы видошъ красновата, кабы на мели (родъ матеріи) походила; а подъ нею писаны распятіе и вины страсти Спасовы Латинскимъ письмомъ; а Латине еретики, а та святыня, что называютъ Христовою срачицею, прислана отъ нновѣрнаго царя Аббаса Шаха, и безъ истиннаго свидѣтельства тое святыни за истину пріяти опасно, и тоебъ святыню свидѣтельствовати чудеса и пѣти молебны, и ходити съ нею къ болящимъ, и полагати на нихъ и просвяти Всещедраго Человѣколюбца Бога, чтобъ Милосердый Богъ тое святыню увѣрилъ, вѣсть святая Его воля, понеже истиннаго свидѣтель-

ства о той святыхи нѣсть, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во свидѣтельство не приѣмается. И уложили для того великій государь святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, ему государю, и митрополиту, и архіепископу, и архимандритомъ, и игуменомъ и въ монастырохъ старцомъ поститися недѣлю цѣлую; а протопопомъ и попомъ служити литургіи Божіи и молитися, чтобъ Господь Богъ о той святыхи проявилъ имъ святую Свою волю, а святыхю повелѣть носити и пѣти молебны, и воду святити и полагати на недужныхъ и болящихъ»... Послѣдовавшія за сими отъ ризы чудеса и исцѣленія убѣдили, что она дѣйствительно риза Господня. Вѣстѣ съ этимъ признаніемъ, патріархъ, установивъ празднованіе ризѣ, поручилъ крутицкому митрополиту Кипріяну составить особую службу. Риза сохраняется и донынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Дворцовые Разряды. Томъ третій (съ 1645 по 1676 г.). С. Петербургъ. 1852.

Третій томъ «Дворцовыхъ Разрядовъ» заключаетъ въ себѣ періодъ времени, обнимающій все государствованіе царя Алексѣя Михайловича, со дня вступленія его на престолъ, 12 іюля 1645 года, и до кончины государя, 30 января 1676 года. По содержанию, этотъ томъ несравненно любопытнѣе двухъ предъидущихъ. Весьма многія записки о придворныхъ событіяхъ и церемоніяхъ составлены здѣсь гораздо подробнѣе, можетъ быть, по той причинѣ, что и самыя обряды съ этого времени принимаютъ болѣе чинности, отправляются съ болѣею торжественностью и великолѣпіемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ давать всему *урядъ* и *чинъ*, любилъ блестящую, пышную обстановку и церемоніаль, потому что все это

было необходимо, какъ самое наглядное выраженіе царскаго сана и того величія, которымъ окружали себя древніе цари. Особенно въ этомъ отношеніи достопамятны записки о посольскихъ приѣмахъ и церемоніальныхъ встрѣчахъ 1654, 1658, 1664 и 1666 годовъ и потомъ записки цѣлаго 7183 (1674—1675) года, въ которыя, кромѣ того, занесено весьма много важныхъ и въ высшей степени любопытныхъ извѣстій.

Несмотря на то, мы остаемся въ прежнемъ нашемъ убѣжденіи, что эти разряды и записки составлялись не въ Приказѣ Большаго Дворца, а въ самомъ Разрядѣ, т. е. въ Приказѣ Разрядномъ. Въ этомъ третьемъ томѣ встрѣчаются новыя и весьма ясныя подтвержденія нашимъ словамъ, сказаннымъ при обзорѣ перваго и втораго томовъ «Дворцовыхъ Разрядовъ».

Такъ подъ 7174 (1665) годомъ (стр. 596) записано, между прочимъ: «Октября въ 23 день, *въ разрядѣ къ дьякомъ*: къ думному Дементью Башмакову, да къ Ѳеодору Грибоѣдову, да къ Василью Семенову (пришелъ) стольникъ Ѳеодоръ Львовъ сынъ Плещеевъ и говорилъ: нынѣ де Октября въ 23 день Великому Государю, билъ челомъ онъ, Ѳеодоръ, чтобъ Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ его отпустить въ деревню. И великій де государь его пожаловалъ, велѣлъ его отпустить въ деревню до зимы. А докладывалъ де объ немъ Великому Государю крайчей князь Петръ Семеновичъ Урусовъ». Для какого другаго приказа могло быть важно это свидѣніе, какъ не для Разряднаго? и въ какомъ другомъ приказѣ могло быть оно занесено въ книгу или въ столбецъ, какъ не въ Разрядномъ, въ этомъ Инспекторскомъ Департаментѣ того времени, прямою обязанностью котораго было— слѣдить за каждымъ служащимъ лицомъ, дѣлать назначеніе на службу, а слѣдственно и имѣть въ виду ихъ отпуски? (стр. 855): «177 (1669) году іюля въ 2 день, въ 15

часу дни, приходилъ въ Разрядъ блаженныя памяти великіе государыни царицы и великія княгини Марьи Ильичпы стольникъ Тимошей Ивановъ сынъ Ржевской, а сказалъ: прислалъ де его бояринъ князь Юрьи Алексѣевичъ Долгоруково, а велѣлъ сказать въ Разрядъ: Великій де Государь указалъ быть у гроба блаженныя памяти благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, іюля въ 3 числѣ, ему боярину князь Юрью Алексѣвичу и околыничему и дьяку, и стольникомъ прежнимъ, которые были съ нимъ бояриномъ у гроба іюля 19 числа».

Къ подобнымъ же указаніямъ могутъ относиться и записки о посылкѣ изъ Разряда грамотъ (стр. 597, 600 и др.). Даже вся книга 7183 года, безъ-сомнѣнія, черновая и потому весьма-любопытная, составлена также въ Разрядѣ, а не въ Приказѣ Большаго Дворца, о чемъ мы уже нѣсколько разъ говоримъ при обзорѣ перваго тома. Изъ нея положительно видимъ, что назначенія о придворныхъ церемоніяхъ выходили изъ Разряда, а не изъ Приказа Большаго Дворца, какъ бы слѣдовало ожидать, еслибъ она составлялась въ этомъ послѣднемъ приказѣ. Напримѣръ, февраля 13, въ субботу на масленицѣ, т. е. въ *прощеный день*, записано слѣдующее: «Сказалъ думной дьякъ *разрядной* Герасимъ Семеновъ сынъ Дохтуровъ бояромъ и околыничимъ и думнымъ дворяномъ и комнатнымъ и думнымъ дьякомъ и стольникомъ и стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ, и жильцамъ и головамъ и полуголовамъ и иныхъ разныхъ чиновъ всякимъ людемъ, быть въ городѣ, въ третьемъ часу дни и готовымъ всемъ къ рукѣ Великаго Государя (для прощенія). И того числа у великаго государя у руки не было».

Вообще въ этой книгѣ свѣдѣнія о событіяхъ двора и о придворной службѣ, т. е. собственно о мѣстахъ и размѣщеніи

* *
*

служебныхъ чиновъ, плутъ рядомъ съ самыми разнообразными свѣдѣніями не только по общей администраціи, но и о всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ событіяхъ того времени, разунтается, по преимуществу московскихъ, городовыхъ. Притомъ сюда внесены записки и распоряженія по разнымъ приказамъ почти въ равномъ объемѣ, напр., кромѣ Разряднаго, по Посольскому, Стрѣльцкому и др., такъ что на долю Приказа Большаго Дворца остаются одни только распоряженія объ угощеніяхъ и вообще о жалованіи столовыхъ, чтимъ собственно и завѣдывалъ этотъ приказъ. Соображая все это, можно скорѣе предполагать, что рассматриваемая нами книга составлялась въ Посольскомъ Приказѣ, еслибъ неизвѣстно было, что именно въ томъ же характерѣ составлялись книги собственно въ Разрядномъ Приказѣ. Это-то насъ и убѣждаетъ въ справедливости нашего положенія, высказаннаго въ предыдущихъ обзорахъ.

Обращаемся къ тѣмъ любопытнымъ свѣдѣніямъ, которые ярко выступаютъ изъ общаго, почти утомительнаго однообразія собственно разрядныхъ записокъ. Въ этомъ случаѣ Дворцовые Разряды принимаютъ характеръ обыкновенной летописи. Разрядному дяку или подъячому, который вносилъ официальныя извѣстія на-черно, любопытнымъ показалось, напр., и слѣдующее событіе: «Тогожь году, Іюня въ 14 день, изволтнѣемъ Божиимъ были громы великіе и молніи большія. И того числа ѣхалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской изъ подмосковной своей вотчины изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило; да у него жъ дву рабятъ верховыхъ, которые съ нимъ сядѣли въ каретѣ, оглушиложь, и привезли къ Москвѣ чуть живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у него жъ боярина убило дву человекъ служивыхъ людей до смерти, а человекъ съ десять оглушиложь и молніею обожгло; да у негожь боярина убило

громомъ въ каретѣ дву возникоу (лошадей) до смерти. Тогожь году Іюня въ 15 день былъ громъ великой и молніи большій, и отъ того грому убило сокольника до смерти, да трехъ человекъ за Москвою рѣкою посадскихъ, да на Устрѣтинской улицѣ и за Покровскими вороты и за Яузскими побито всякихъ разныхъ чиновъ людей громомъ 20 человекъ, да отъ молніи многіе башни и дворы загоралися» (стр. 1464).

Любопытны записки о пожарахъ, объясняющія тогдашніе полицейскіе порядки и способы тушенія. «Тогожь году (1675) Іюня въ 12 день былъ пожаръ большой за Пречистенскими вороты, а погорѣли отъ того пожару многіе дворы всякихъ чиновъ; а загорѣлось въ 4 часу ночи въ полы и горѣло до самаго до свѣту. А на пожарѣ были: Окольниковъ Князь Иванъ Петровичъ Барятинскій, да думный дворянинъ Иванъ Афонасьевичъ Прончищевъ, да думной стрѣлцкой дьякъ Ларивонъ Ивановъ; да на пожарѣ жъ былъ стольникъ Андрей Прокофьевичъ Елизаровъ, да съ нимъ земскіе дьяки его жъ приказу и прикащики земскіе. Да на пожарѣ жъ были: головы и полуголовы московскихъ стрѣльцовъ, да сотники стрѣлцкіе со всѣми своими приказы, да земскаго приказу рѣшеточные прикащики съ земскими ярышки съ трубами и съ парусы и съ крюки и съ щиты» (стр. 1458).

При общихъ недостаткахъ устройства городской и земской полиціи встарину въ Москвѣ и подъ Москвою нерѣдко случались грабежи и разбои. Въ разрядныхъ запискахъ мы находимъ весьма любопытныя извѣстія по этому предмету.

«Тогожь числа (1675 г. Апрѣля 13) взяты люди въ земской приказъ, по указу великаго государя, въ буйственныхъ дѣлахъ, окольниковаго Родивона Матвѣевича Стрѣшневъ 2 человека, да князь Ивана Андреевича Голицына 2 человекъ жъ, да стольника князь Степана княжъ Ивана сына Татова человекъ, въ томъ, что чинится у нихъ на Дмитров-

ской улицѣ убійство великое, и дурно всякое, и всякимъ людемъ отъ нѣхъ воровства нѣтъ ни проходу ни проѣзду въ день вечернею перою; да трижь человекъ взято побитыхъ и мертвыхъ ограбленныхъ людей подл дворомъ околичнаго Редивона Матвѣевича Стрѣшнева...» (стр. 1138).—«Тогожь году посланъ по указу Великаго Государя въ посылку за разбойники по Коломенской дорогѣ съ Воробьевой горы голова московскихъ стрѣльцовъ Степанъ Ивановъ сынъ Яновъ, да съ нимъ сотникъ его жъ приказу, да 300 человекъ стрѣльцовъ, да подъячей стрѣлецкаго приказу Старой...» (стр. 1514).—«Тогожь году по указу великаго государя изъ Розряду, отъ дужнаго дьяка отъ Герасима Дохтурова съ товарищи, посланы дворяне по всѣмъ дорогамъ чистить дороги для разбойныхъ приставищъ и всякихъ воровскихъ людей, чтобъ около Москвы разбоевъ и душегубства большаго не было. А велѣно, по указу великаго государя, чистить отъ Москвы длиннику 50 верстъ, а по берегу (вѣроятно, ошибка: поперегъ) по 100 сажень уѣздными людьми государевыми дверцовыми и боярскими и княженецкими и митрополичьи и архіенискуцкии и епискупкии и всякихъ чиновъ людьми...» (стр. 1522).

Чистить дороги такимъ образомъ было необходимо, потому что Москва была окружена почти непроходимыми лѣсами, остатки которыхъ еще теперь на памяти у московскихъ старожиловъ. Лѣса, а главное—недостатки гражданскаго устройства давали много средствъ нарушать общую безопасность всѣмъ празднымъ людемъ, каковы, напримѣръ, были дворовые разныхъ боярскихъ домовъ, гдѣ, по свидѣтельству Кошкина, тунеядствовало иногда отъ 100 до 1000 человекъ. Дворовые не только грабили въ Москвѣ, какъ мы видѣли выше, но выѣзжали даже и за Москву, особенно къ урочищу Красной Соснѣ, по ярославской дорогѣ, какъ самой многолюдной и торговой (См. объ этомъ у Желябужскаго). Кромѣ розъ-

исковъ по разбойнымъ дѣламъ, въ этихъ разрядахъ записаны и другія слѣдствія, напримѣръ о какой-то *вѣдомой ворихлѣ и ворожбѣ дѣвкѣ Ѳенкѣ Слѣмой*, жившей у боярина князя Ѳ. Ѳ. Куракина и вѣдлившей по боярскимъ дворамъ, безъ-сомнѣнiя, для ворожбы (стр. 1428 и слѣд.)

«Тогожь году (1675) извѣщаль Святѣйшему Іоанниму Патриарху московскому и всеа Росiи, отецъ духовной на Григорья Касагова и подалъ извѣтную челобитную въ еретичествѣ, что онъ Григорей живеть не по правилу святыхъ отецъ и держитъ у себя еретическія книги» (стр. 1288).

Любопытна записка о постройкѣ на Вологдѣ *обтекарскаго двора*: «Тогожь году Іюля въ 21 день по указу Великаго Государя указано построить Вологотцкому гостю на Вологдѣжъ Гаврилу Тимофееву сыну Евстифѣеву обтекарской дворъ также, что и на Москвѣ; да велѣно ему же взять по указу Великаго Государя на Вологдѣ у воеводы выбрать съ собою головъ вѣрныхъ, и цѣловальниковъ добрыхъ посадскихъ полныхъ и богатыхъ людей и подьячихъ стараго да двухъ молодыхъ... Да съ нимъ же Гавриломъ указалъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ) отпустить всякіе вотки и лекарства для образца; да съ нимъ же указано послать дохтуровъ и лекарей... А что станеть съ той обтеки казны денежной Великаго Государя собиратья и тое казну указано ему присылать къ Великому Государю къ Москвѣ въ Посольской Приказъ...» (стр. 1544).

Изъ этой же разрядной книги заимствованы Миллеромъ (*) первыя извѣстія о театральныхъ представленіяхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

«Тогожь году (записано послѣ 8 декабря) была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія и тѣшили

(*) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранiя ч. 4 стр. 108. М. 1778.

отъ Императора Государя императрицы и царицы. Александр царь царю
 явился въ балахъ и на арканскъ играхъ... Писаны да люди бояр
 родомъ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Да за нить
 великаго государя были въ комедии бояре и околицыи и
 думные дворяне и думные ямши и ближние люди всѣ, и столы
 яны и стряпчие: а пострелы... не было въ комедіи (то-есть
 въ Преображенской), и за нить записаны были... кратко
 сообщены до комедіи стряпчинны...

«Тогожь году была у великаго государя въ селѣ Преобра-
 жевской другая комедія, и съ нить в. государень была го-
 сударьши царьши, государя царевичи и государьши царевны.
 И тѣшли в. государя Ирины жъ изъ люди боярина Артемона
 Сергѣевича Матвѣева: князь Артемьеръ велѣлъ повѣстити
 Анжасъ во паршалу челоубить и во Шарилеишу мучить; и
 въ арканы играли, и на флялахъ и въ стряпчинны и танцовали.
 А за нить в. государень въ комедіи были бояре и околицыи
 и думные дворяне и думные ямши и ближние люди и столы
 яны и всакии чиновъ люди. Тогожь году въ томъ же селѣ
 въ Преображенской была у в. государя потѣха на заговенье,
 а тѣшали его в. государя императрицы Ирины да люди боярина
 Артемона Сергѣевича Матвѣева на аркангахъ и на флялахъ и
 на стряпчингахъ и танцовали и всакии потѣханы различни.»
 (стр. 1131).

«Тогожь году в числа (февраля 11) была у в. государя
 комедія въ 5 часу ночи, а тѣшали его в. государя императрицы
 да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева всакии раз-
 ныи играми. И отошла комедія у великаго государя до свѣту
 за три часа.» По нашему счету эта комедія началась въ 10
 часу вечера, и кончилась въ 4 часа утра; слѣдовательно,
 продолжалась 6 часовъ.

О другихъ старинныхъ и обыкновенныхъ царскихъ увесе-
 леніяхъ мы находимъ здѣсь, между прочимъ, записку, что

1 июля 1675 года съѣхшися великій государь подъ Дѣвичьнимъ монастыремъ (въ Москвѣ), въ лугахъ и на водахъ съ соколами и съ кречетами и съ ястребы, и съ государынею царцею и съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Феодоромъ Алексѣевичемъ и съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ каретахъ. (стр. 1501.) Но особенно-любопытна записка о царскомъ нирѣ, данномъ 21 октября 1675 года всѣмъ боярамъ и двумъ думнымъ дьякамъ:

«Тогожъ году, Октября въ 21 день, было у великаго государя вечернее кушанье (ужинъ въ Потѣшныхъ Хоронахъ (въ Кремлевскомъ Потѣшномъ Дворцѣ). Да у негожъ великаго государя ѣли бояре всѣ безъ мѣсть, да думные дьяки (разрядный) Герасимъ Дохтуровъ да (стрѣлецкаго приказа) Ларивонъ Ивановъ. У стола стоялъ крайчей Князь Петръ Семеновичъ Урусовъ да съ нимъ стольникъ Дмитрій Никитинъ сынъ Наумовъ. За поставцомъ великаго государя сидѣлъ бояринъ и Оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да съ нимъ дворцовые дьяки да ключники степенные со всѣхъ дворцовъ. А чашничали передъ великаго государя и ѣсть ставили ближніе люди. Да у кушанья жъ былъ у великаго государя благовѣщенской протопопъ, духовникъ великаго государя, Андрей Савиновичъ. А передъ духовника и передъ бояръ ѣсть ставили и питье носили стольники жъ и ближніе люди. А послѣ кушанья изволилъ великій государь себя тѣшить всякими игры. И его великаго государя тѣшили, и въ органы играли, а игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ билижъ во всѣ. Да великій же государь жаловалъ протопопа своего, великаго государя духовника, и бояръ и дьяковъ думныхъ, которые были у кушанья вечерняго, водками, ренскимъ и романею и всякими разными питіи, и по-

жаловалъ ихъ своею государевою милостію, напоилъ ихъ всѣхъ пивныхъ. А послѣ стола жаловалъ тожъ поилъ всякими разными пивьями своихъ государевыхъ стольниковъ и ближнихъ людей. А кушанье у великаго государя отошло вечернее и бояре поѣхали изъ города и ближніе люди въ 12 часу ночи (то-есть, потеперешнему счету, въ 4 часу утра)» (стр. 1080).

Приведенныя выписки могутъ служить весьма достаточнымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, что третій томъ «Дворцовыхъ Разрядовъ» несравненно любопытнѣе двухъ предъидущихъ. Правда и то, что болѣе интересныя записки теряются во множествѣ другихъ, не столько любопытныхъ, но зато онѣ вполне выкупаютъ трудъ внимательнаго чтенія.

Что касается собственно изданія, то замѣтимъ слѣдующій недосмотръ: въ запискахъ 1675 года о царскихъ выходахъ на Святой Недѣлѣ (стр. 1320) встрѣчается перерывъ: *Того жь году, апрѣля въ 8 день, былъ великому...* затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ: *А за нею государынею были и пр.* Въ подстрочной выноскѣ объяснено, что *здесь въ подлинникѣ не достаётъ нѣсколькихъ листовъ*. Однакожъ, при внимательномъ чтеніи слѣдующихъ страницъ, оказывается, что листки всѣ цѣлы и, по всему вѣроятію, были только въ подлинникѣ переиѣшаны. Послѣ словъ на стр. 1320: *Того жь году апрѣля въ 8 день былъ великому...* слѣдуетъ читать продолженіе на страницѣ 1350: *Великому государю былъ выходъ по московскимъ монастырямъ* и т. д. до страницы 1355, гдѣ записки оканчиваются 11 числомъ апрѣля: «Того жь году апрѣля въ 11 день ходила государыня «царица и великая княгиня Наталья Кирилловна въ загородные «монастыри: въ Новодѣвичей монастырь, въ Зачатейской монастырь, къ Пречистой Богородицѣ въ Страстной монастырь «сз государемъ царевичемъ и сз государыни царевны...» Отсюда нужно снова обратиться къ 1320 страницѣ, къ шѣсту

перерыва, и продолжать. *А за нею государынею были и въѣзды* и т. д. Послѣ записокъ о выходахъ начинаются записки о разныхъ другихъ событіяхъ, также почти съ начала апрѣля; и продолжаются на 1355 страницъ съ 26 апрѣля.

*Книги разрядныя, по официальнымъ оныхъ спискамъ.
Томъ первый. С. Петербургъ. 1853.*

Въ этихъ Разрядныхъ Книгахъ, по официальнымъ спискамъ, заключаются *разряды* собственно такъ называемые, Разряды въ первоначальномъ ихъ значеніи. Это не что иное, какъ официальный журналъ, въ которомъ записывались поводъ и порядокъ употребленія въ данныхъ случаяхъ военныхъ силъ государства, то есть вообще распределеніе, размѣщеніе *служимыхъ* людей соответственно тѣмъ обстоятельствамъ, которыя требовали *службы*. Службою же въ собственномъ смыслѣ называлась только служба военная, служба на защиту отечества, почему и служилые люди по преимуществу носили это названіе въ то время, когда находились на службѣ, то есть когда сидѣли на конѣ или пѣшіе выходили въ поле на врага. Однимъ словомъ, «идти на *службу*» значило идти на войну, такъ какъ въ противоположность этому «быть *на приказѣ*» значило исполнять всякую другую службу гражданскую, *приказную*.

Службою въ собственномъ значеніи, или вообще ратнымъ дѣломъ и завѣдывалъ *Разрядъ, Разрядный Приказъ*. Само собою разумѣется, что въ его непосредственномъ вѣдомствѣ было и все служилое сословіе, то есть все *дворянство*, пользовавшееся за службу помѣстьями и вообще правомъ владѣть поземельною собственностью.

Всѣ правительственныя распоряженія и назначенія по службѣ записывались въ журналъ Разряднаго Приказа — въ разрядныхъ книгахъ, одно за другимъ, хронологически. Въ началѣ записывали случай, или обстоятельство, которое вызывало службу, слѣдовательно и известный распорядокъ служебныхъ лицъ, а также и всѣ распоряженія касательно этой службы, до подробностей. Важнѣйшіе государственные вопросы обсуживались иногда на соборѣ; здѣсь обыкновенно подробно излагалась причина предпринимаемаго дѣла... Общій единодушный голосъ рѣшалъ: «за православную крестьянскую вѣру и за святыя Божіи церкви и за государя царя и в. к. всея Русіи и за свою *природу* стоять крѣпко и мужественно, биться съ врагами, не щадя головъ своихъ». На основаніи соборнаго приговора, или царскаго рѣшенія, Разрядъ начиналъ свои распоряженія. Прежде всего онъ посылалъ по городамъ царскія грамоты, въ которыхъ излагалось подробно соборное опредѣленіе и объявлялась *служба*, чтобъ на службу были готовы. Такъ, напримѣръ, по случаю войны съ Польшою въ 1621 году въ такихъ грамотахъ писали:

«Вѣдомо всѣмъ людямъ Московскаго Государства, что издавна литовскаго короля и пановъ сенатарей къ Московскому Государству многіе неправды и крестопреступленіе (исчисленіе неправдъ и всякихъ *задоровъ*). И мы великій государь, не истерпя такихъ многихъ грубостей и неправдъ и нашихъ украиннымъ городомъ обидъ и насильствъ, совѣтовавъ о томъ съ отцомъ своимъ, съ великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всеа Русіи, и говоря съ бояры своими, учиня соборъ и призвавъ къ себѣ на соборъ митрополитовъ и архіепископовъ и весь освященный соборъ, и бояръ, и всѣхъ думныхъ людей и дворянъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и изъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всѣхъ чиновъ людей Московскаго Государства, и

янтовскаго короля и пановъ радъ неправды и задоры и нашему царскому величеству укорительные слова, такъ же и боярамъ нашимъ позоръ и всѣхъ людей Московскаго Государства отъ нихъ лаю и безчестье, и что владѣли и нынѣ владѣютъ нашими землями послѣ мирнаго договору, и всякіе ихъ неправды и задоры и насильства всѣмъ людямъ объявили и говорили о томъ на соборѣ: толко они въ своихъ неправдахъ передъ нами не исправятца и учнутъ тожь дѣлати; и мы великій государь, прося у Бога милости, за ихъ многія неправды хотимъ за святыя Божія церкви и за нашу православную хрестыанскую вѣру и за свою честь и за всѣхъ людей Московскаго Государства неправды мстити, сколько намъ милосердый Богъ помочи подастъ, а за нашу правду и терпѣнье чаемъ Бога поспѣшествующа намъ...»

Граминату повелѣвалось прочесть всѣмъ людямъ въ слухъ, «чтобъ наше терпѣнье и правда, а польскаго короля и пановъ радъ неправда и крестопреступленье всѣмъ людямъ было вѣдомо... А дворяномъ бы есте и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ нашу *службу* сказать, чтобъ они на нашу службу были готовы, лошади кормили и запасъ себѣ всякой пасли, а ожидалибъ нашихъ грамотъ, какъ имъ великии быти на нашей службѣ». Въ то же время Разрядъ посылалъ въ города для *разбору* служилыхъ людей, *сборщиковъ*, бояръ, дворянъ и дьяковъ, снабдивъ ихъ *наказами*, въ которыхъ назначались слѣдующія распоряженія: боярину, пріѣхавъ въ городъ, который служилъ центромъ, *сборнымъ мѣстомъ*, тотчасъ разослати по дворянъ и по дѣтей боярскихъ, чтобъ они явились немедленно. Пріѣздъ ихъ назначался однакожь не вдругъ всѣмъ, со всѣхъ окружныхъ городовъ, но порознь, «которому городу напередъ полатно пріѣхати въ главный городъ». Которые были ближе, тѣ вѣхали напередъ, а которые подалѣ, тѣ съѣзжались къ *разбору*

послѣ, чтобъ дворянамъ и дѣтамъ боярскимъ, прїѣхавъ въ городовъ всѣмъ вдругъ, лишняго житья въ главномъ городѣ не было. Дворяне и дѣти боярскія, какъ извѣстно, составляли нашу военную силу; они служили съ помѣстій и были приписаны къ тѣмъ городамъ, въ уѣздахъ которыхъ находились ихъ помѣстья.

Какъ только собирались служилые люди извѣстнаго города, то бояринъ пересматривалъ ихъ по списку всѣхъ на-лицо, а пересмотря, говорилъ имъ рѣчь, какъ она прописывалась въ наказѣ. Объяснивъ государственныя причины настоящей службы, соборное и царское рѣшеніе по этому предмету, бояринъ предлагалъ имъ выбрать изъ себя добрыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ *окладчики*, а выбрать *городомъ*, то есть всѣми лицами, причисленными къ извѣстному городу. *Окладчики* цѣловалъ крестъ, присягалъ на томъ, что онъ про дворянъ и про дѣтей боярскихъ скажетъ правду, *какъ кто государеву службу послужитъ, кто каковою службою* и каково за кѣмъ помѣстье и вотчина и какъ кому точно государева служба служить и сколько у кого дѣтей и сколь велики и пр. Вотъ въ чемъ заключалась обязанность окладчика: онъ долженъ былъ раскрыть правительству отношенія службы каждаго лица къ его помѣстью и вотчинѣ, съ которыхъ была несена эта служба. Каждый помѣщикъ обязанъ былъ, какъ помѣщикъ, на государеву службу *тягати конемъ, людемъ и дослѣшемъ*, противъ своего помѣстья и вотчины, соответственно количеству земли и денежному окладу. Поэтому, если при разборѣ оказывалось, что кто-либо тянетъ службу не вполне, не противъ помѣстья, о томъ дѣлали подробный розыскъ, почему онъ не могъ служить, или почему *избывается* службы.

Худыги, то есть малопомѣстныхъ, *стодобляки*, то есть равняли съ хорошими въ этомъ отношеніи, прибавляли не-

мѣстной земли; вмѣсто старыхъ и увѣчныхъ, верстали помѣстьями ихъ дѣтей, а не было дѣтей—племянниковъ и другихъ родственниковъ, чтобъ помѣстье службою не пустовало. Въ томъ случаѣ, когда сами помѣщики были *худы* и въ службу ихъ не ставало и не было у нихъ дѣтей и братья и племянниковъ, тогда брали у нихъ даточныхъ людей натурою, или за люди деньгами. Если же кто избывалъ службы воровствомъ, то есть укрывательствомъ, у того советъмъ отнимали помѣстье, отписывали на государя и потомъ отдавали другимъ. Вообще этотъ *разборъ* заключался въ самомъ подробномъ и строгомъ изслѣдованіи количества и достоинства помѣстій и вотчинъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ также подробно и строго опредѣлять самую службу, то есть число лицъ со всѣми ихъ служебными средствами. Все узнанное и опредѣленное въ этомъ случаѣ вносилось въ особыя росписки, изъ которыхъ составлялись *десятники* (списки по десяткамъ) и всѣ другіе акты, подробно и точно обозначавшіе и число людей, и средства, съ которыми каждый обязанъ былъ явиться по назначенію.

Затѣмъ Разрядъ назначалъ главные военные пункты, то есть города для сбора полковъ, для каждаго полка особый городъ, важный въ стратегическомъ отношеніи и въ общей системѣ полковъ Большаго, Передоваго, Правой и Лѣвой Руки и Сторожеваго. Въ эти-то города и должно было собираться къ назначенному сроку войско, по тому расчисленію, росписямъ и десятнямъ, какія составлялись въ Разрядѣ.

Въ воеводскихъ наказахъ подробно обозначались всѣ передвиженія полковъ въ извѣстныхъ случаяхъ, всѣ распоряженія, какія только предполагались въ данныхъ обстоятельствахъ; впрочемъ, въ концѣ всегда присовокуплялись выраженія дѣйствовать, *смотря по тамошнему дѣлу, сколько Богъ помочи подастъ, какъ Богъ вразумитъ* и т. п.

Характеръ нашего древняго ратнаго дѣла былъ по преимуществу оборонительный; война велась по преимуществу изъ городовъ, которые, слѣдовательно, всѣ болѣе или менѣе были укрѣплены, были крѣпостями; да и не одни города были крѣпостями: многіе изъ монастырей своими сильными укрѣпленіями превосходили даже и города. Поэтому въ воеводскихъ наказахъ находимъ весьма подробныя назначенія о защитѣ и укрѣпленіи городовъ. Такъ въ 1617 году, по случаю защиты Новгорода отъ Шведовъ и Литвы предписывалось слѣдующее: «Боярину и воеводамъ—пересмотрѣти на городѣ (на стѣнахъ) наряду, пушекъ и пищалей, и зелья (пороху) и здеръ, и всего пушечнаго запаса, и всякихъ городовыхъ крѣпостей, да гдѣ пригоже какой нарядъ поставити, и имъ въ тѣхъ мѣстѣхъ таковъ нарядъ изоставити, и пушкарей росписати и всякихъ людей дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ, и изоставити и росписати, какъ которымъ быти въ осадное время, и которымъ людямъ быти для вылазки съ головами, чтобъ всякой свое мѣсто вѣдалъ; и ворота боярину и воеводамъ вѣдати, кому которые пригоже, и головъ съ дѣтми боярскими по воротамъ изоставити, по колку гдѣ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу; а въ городничіе имъ vybrати дворянъ дву человекъ добрыхъ и велѣти имъ всякой хлѣбъ и городовое всякое береженье и у наряду у всѣхъ воротъ вѣдати во всеи, и въ городѣ ворота замыкати и отмыкати велѣти городничимъ же, а ключи городовыхъ воротъ велѣти принести боярину и воеводѣ къ себѣ въ каменной городъ... А какъ городъ замыкати и отмыкати, и тому учинити колоколъ; а ратной вѣстовой держати иной колоколъ... По дорогамъ, гдѣ пригоже, *подъезды* посылать частые и вѣстей велѣти правѣдывать, да и лазутчиковъ, куды пригоже, приведчи ко кресту, посылати, и вѣстей потомужъ велѣти правѣдывать, чтобъ всякія вѣсти у нихъ были вѣдомы, чтобъ безвѣстно къ горо-

ду Литовскіе и Нѣмецкіе люди не пришли и дурна какова не учинили... А будетъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди учнутъ приходить войною на новгородскіе мѣста и для береженья посылати тѣхъ мѣстъ оберегати головъ съ сотнями съ дворяны и съ дѣтми боярскими и съ стрѣльцы и со всякими ратными людьми, смотря по тамошнему дѣлу; а будетъ почаять подлинно Нѣмецкихъ и Литовскихъ людей приходу къ Новугороду и имъ тотчасъ разослати отъ себя въ уѣздъ дѣтей боярскихъ, а велѣти всякимъ людемъ съ женами и съ дѣтми и съ людьми и съ хлѣбомъ и со всѣми животы ѣхати тотчасъ въ осаду въ Новгородъ, чтобъ ихъ воинскіе люди не повоевали и въ половъ не поимали. А будетъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди учнутъ у города стояти, и боярину и воеводамъ — дѣломъ государевымъ, стрѣлбою пушечною, съ города надъ Нѣмецкими и надъ Литовскими людьми промыслати, какъ ихъ Богъ вразумитъ, чтобъ даяъ Богъ, тѣ люди городу и государевымъ людемъ которые порухи не учинили.. А на вылазкѣ быть, и гдѣ пригоже, посылать головъ и приказывати имъ накрѣпко, чтобъ они ходили бережно и усторожливо, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ ихъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди отъ города не отошли; а о всякихъ вѣстехъ писать ко Государю по часту, чтобъ Государю было вѣдомо, и Государь пришлетъ въ помощь людей многихъ; да и въ города, куда пригоже, отъ себя къ воеводамъ о вѣстехъ и о помощи писатижъ... А о которыхъ дѣлехъ въ наказѣ не писано, и тѣмъ дѣламъ промыслати и строити, какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу и какъ Богъ вразумитъ, чтобъ его Царскому Величеству къ славъ и къ повышенью, а государству къ разширенью и къ прибавленью во всемъ... »

Изъ распоряженій о защитѣ Москвы отъ польскихъ людей въ 1618 году узнаемъ, что въ Бѣломъ Каменномъ Городѣ было вѣрностныхъ *боекъ* верхнихъ, то есть по стѣнамъ межъ

зубцовъ, 4,192; въ самыхъ стѣнахъ, среднихъ и подошвенныхъ 948; при нихъ людей приставлено въ верхнихъ у двухъ оконъ по человѣку, а въ нижнихъ у окна по человѣку, всего 4,381 человекъ. Города съ деревянными стѣнами отбивались также *катками, кольями, каменьями*, что и составляло, ихъ осадныя орудія.

Совсѣмъ другой характеръ имѣло ратное дѣло на Южной Украинѣ съ Крымскими Татарами. Тамъ оборона, кромѣ городовъ, состояла изъ *застѣкъ и сторджъ*; поэтому и условія службы были совершенно другія. Условія эти раскрываются также въ воеводскихъ наказахъ. Сторожевая станичная служба начиналась раннею весною съ благовѣщеньева дня и кончалась глубокою осенью, въ заморозы. Главная цѣль этой службы заключалась въ наблюденіяхъ о движеніи на Русь Татаръ и воровъ-черкасъ (малорусскихъ и запорожскихъ казаковъ), которые дѣлали набѣги и грабили ближнія мѣста. Для такихъ наблюденій устроена была сторожевая линія изъ застѣкъ и разныхъ другихъ укрѣпленій. Въ извѣстныхъ мѣстахъ на этой линіи должны были стоять сторожи «безпрестанно въ день и въ ночь, крѣпко и усторожливо»; межъ сторджъ дѣлались частыя проѣзды, или разъѣзды, чтобъ про Татаръ вѣстей провѣдывать накрѣпко, чтобъ они на украинные города безвѣстно не пришли и не завоевали.

Кромѣ того, особыя станицы дѣлали безпрестанные разъѣзды къ извѣстнымъ урочищамъ, которыя вдавались въ степь, переѣзжали дороги и *сакмы*, то есть слѣды татарскаго похода, рассматривали и объѣзжали эти сакмы, смекали, какіе воинскіе люди и сколько ихъ и куда чаятъ походу ихъ, разыскивали по этимъ слѣдамъ все подробно и тотчасъ посылали увѣдомленіе въ главный городъ. Каждая станица состояла изъ боярскаго сына, атамана, шести человекъ ѣздоковъ и двухъ *вождей*; каждый станичникъ имѣлъ во время похода по два коня.

Къ службѣ принадлежало также *воеводство* по городамъ; поэтому въ разрядныхъ книгахъ находимъ ежегодныя росписи бояръ и воеводъ и приказныхъ людей по всѣмъ городамъ, иногда съ подробнымъ обозначеніемъ состава и числа собственно городскихъ служилыхъ людей — дѣтей боярскихъ, стрельцовъ, веротниковъ, розсыльщиковъ, пушкарей, затишниковъ, казенныхъ кузнецовъ, плотниковъ, ямскихъ охотниковъ и посадскихъ людей съ пималани, съ рогатины, съ саадаки, обязанныхъ въ случаѣ нужды защищать городскія укрѣпленія.

Сверхъ того въ Разрядныхъ Книгахъ записывались ежегодно объязіе головы въ Москвѣ для береженія отъ огня и отъ всякаго воровства. Съ ними въ объязѣ было пять человекъ рѣшеточныхъ прикащиковъ, да тамъ, гдѣ они ѣздили, сторожей съ пяти или десяти дворовъ по человекъ. Это была оборона полицейская.

Разрядная книга каждаго года заключалась *запискою о счетныхъ дѣлахъ*. Но по всему видно, что записки эти не составляли существеннаго, неизбежнаго дополненія къ общимъ разрядамъ, а вносились случайно, безъ опредѣленной цѣли, можетъ быть, только потому что подьячій, вносившій въ книгу общіе разряды и составляя иногда, по случайному порученію, записку о счетныхъ дѣлахъ, вносилъ въ свой журналъ въ концѣ и эту записку. При иныхъ годахъ такихъ записокъ вовсе нѣтъ, а въ концѣ другихъ счетныя записки обозначаютъ только нѣсколько мѣстныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ въ дворцовыхъ разрядахъ ихъ встрѣчается несравненно болѣе и, можетъ быть, тамъ они записаны всѣ сполна. Вообще отношеніе изданныхъ теперь официальныхъ Разрядныхъ Книгъ къ Дворцовымъ Разрядамъ таково, что первыя составляютъ только часть послѣднихъ, часть, которая обнимаетъ только распоряженія и назначенія по военному

дѣлу и отличается отъ цѣлаго, то есть отъ Дворцовыхъ Разрядовъ, или собственно *записокъ о мѣстахъ*, только тѣмъ, что содержитъ въ себѣ *исходящія* бумаги по означеннымъ распоряженіямъ. Чтожь касается до случаевъ и обстоятельствъ, которые вызывали эти распоряженія, то они почти слово въ слово всѣ записаны и въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Такимъ образомъ Разрядныя Книги есть *исходящій журналъ* Разряднаго Приказа, записка официальныхъ *отписокъ* только по военному дѣлу; слѣдовательно, онѣ никакъ не могутъ быть тѣми Разрядными Книгами, на которыхъ исключительно утверждалось мѣстничество, и излишне опровергать мнѣніе, что при уничтоженіи мѣстничества онѣ были сожжены: онѣ не были сожжены, а сожжены были другія книги, въ которыхъ писаны *случаи съ мѣстами*.

БОЯРСКІЯ КНИГИ.

Алфавитный Указатель фамилий и лиц, упоминаемых въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I-мъ Отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждаго лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. Составленъ П. И. Ивановымъ. М. 1853.

Изданіе полезное, впрочемъ, относительно, то есть въ томъ только отношеніи, что, при теперешнемъ направленіи трудовъ по русской исторіи, всякій матеріалъ, какъ бы онъ ни былъ изданъ, всегда найдетъ какое либо примѣненіе и, слѣдовательно, будетъ полезенъ. Труды г. Иванова извѣстны: все они безъ исключенія полезны, но въ то же время, къ сожалѣнію, лишены ученой критической обработки и представляютъ одни только не совсѣмъ толковыя извлеченія. Составить и издать, напримѣръ, «Обозрѣніе Писцовыхъ Книгъ» (М. 1840 г.) можно было бы и ученымъ образомъ, какъ, напримѣръ, издавъ изслѣдованіе о «Пятинахъ и Погостахъ Новгородскихъ» г. Неволіна; можно и такъ, что о существенномъ содержаніи писцовыхъ книгъ не сказать почти ни слова, и выписать изъ нихъ только фамиліи землевладѣльцевъ да имена владѣній, и думать, что составлено обстоятельное обозрѣніе... Такъ составленъ и «Алфавитный Указатель», въ который, однакожъ,

вносено, какъ мы видѣли въ заглавіи, обозначеніе служебной дѣятельности каждаго лица.

Авторъ, вслѣдъ за Д. Языковимъ, предполагаетъ, что боярскія книги, изъ которыхъ составлялъ этотъ алфавитъ, заведены при Іоаннѣ III, потому-де что «быстрое распространеніе Московскаго Государства присоединеніемъ къ нему владѣній Казней Удѣльныхъ, увеличеніе численности и блеска двора великокняжескаго, согласно съ достоинствомъ Государя новаго, по уже могучей державѣ, наковенъ бракъ Іоанна III съ Греческою Царицею и введеніе многоты византийскихъ придворныхъ обычаевъ, все это необходимо требовало значительнаго увеличенія числа чиновъ и должностей. Но такое увеличеніе, вмѣстѣ съ введеніемъ точнѣйшаго разграниченія служебныхъ отношеній и обязанностей, а въ особенности система помѣстныхъ окладовъ и споры по истиничеству заставляли правитель-ство постоянно имѣть въ виду всѣхъ служащихъ лицъ и строго слѣдить за ихъ служебною дѣятельностію; поэтому и заведены были всѣхъ этихъ лицъ особые списки, получившію названіе боярскихъ книгъ». Все это такъ; но еще правильнѣе думать, что списки бояръ въ книгахъ, или столбцахъ, начались съ того времени, съ котораго бояре стали служить у великихъ князей и пользоваться за свою службу окладами содержанія денежнаго и помѣтнаго, слѣдовательно, за-долго до Іоанна III. Самъ авторъ указываетъ на подобный списокъ, относящійся къ 1462 году, году вступленія на великокняженіе Іоанна III (*); слѣдовательно, списки существовали и при отцѣ Іоанна; по крайней мѣрѣ совершенно неизвѣстно, чтобъ Іоаннъ первый и именно въ этомъ году завелъ такой порядокъ.

(*) Этотъ списокъ, или, вѣрнѣе, сводъ боярскихъ списковъ съ 1462 года до Петра I-го, былъ сначала напечатанъ въ *Опытъ Трудовъ Волынскаго Россійскаго Собранія* и перепечатанъ потомъ въ *Древней Россійской Визлословинѣ*, на 2, т. XX.

Боярскихъ книгъ сохранилось только *двѣнадцатъ*, съ 7135 г. по 7200 годъ, съ промежутками годовъ въ среднѣхъ. Всѣ ли здѣсь книги, или нѣкоторыя изъ нихъ утрачены—опредѣлить съ точностью весьма трудно, потому что книги составлялись по видимому не каждый годъ: въ нихъ находятя отиѣтки о переиѣнахъ и за всѣ промежуточные годы. Въ отношеніи книгъ, это предположеніе весьма вѣроятно, и потому г. Ивановъ напрасно опровергаетъ (стр. 11) Д. Языкова, который говорилъ, что боярскіе списки (замѣтьте: списки, а не книги) составлялись каждый годъ (*), что, вопреки г. Иванову, не только вѣроятно, но даже и положительно вѣрно. Такой списокъ для служебнаго порядка былъ необходимъ, да и составлялся онъ весьма легко—выписывались одни только имена по разрядамъ должностей.

«Въ Боярскихъ Книгахъ (продолжаетъ авторъ) означались не только чины и должности служащихъ, но и получаемые ими оклады, помѣстные и денежныя, а также всѣ переиѣны, происходившія въ ихъ служебной дѣятельности (повышеніе въ чины, прибавка окладовъ, отставка и проч.). При нѣкоторыхъ лицахъ дѣлались даже особыя біографическія отиѣтки, заключающія извѣстія о какомъ нибудь особенно важномъ случаѣ ихъ жизни (о постигавшемъ ихъ тяжкомъ недугѣ и болѣзни, о плѣненіи ихъ непріателями, объ ихъ опалѣ, казни, поступленіи въ монастырь и проч.). Такимъ образомъ (говоритъ авторъ далѣе) понятно значеніе, которое Боярскія Книги должны имѣть въ ряду историческихъ памятниковъ. Раскрывая намъ *полную картину служебной дѣятельности* въ Россіи за извѣстное время, сообщая драгоценныя и досихъ поръ неизвѣстныя біографическія свѣдѣнія о разныхъ историческихъ лицахъ, книги эти представляютъ богатые матеріалы

(*) „Виднѣмокопдескѣй Лексиконъ“, т. VI, ст. *Боярскіи Списки*.

для внимательнаго изслѣдователя. Изъ нихъ можно получить понятіе объ устройствѣ придворной службы и о великолѣпнн двора государя и московскихъ, которые, по мѣрѣ увеличенія своего могущества, постепенно умножали число и разнообразія должности окружавшихъ ихъ чиновниковъ. Но особо важное значеніе имѣютъ эти книги, какъ документы официальные, при розысканіи о происхожденіи древнихъ родовъ дворянскихъ и при доказательствѣхъ дворянскаго происхожденія: въ нихъ дворянинъ найдетъ не только имена своихъ предковъ, но узнаетъ, какія должности занимали они, *какое участіе принимали въ историческихъ событіяхъ своего времени*, какія услуги оказали царю и отечеству.»

Все это, въ извѣстной степени справедливо, хотя съ нѣкоторыми положеніями совсѣмъ нельзя согласиться. Съ содержаніемъ боярскихъ книгъ мы знакомы изъ сочиненія его же, г. Иванова: «Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива» (М. 1842 г.), гдѣ приведены на нѣсколькихъ страничкахъ выписки изъ нихъ—впрочемъ, въ такомъ объемѣ, что мы вообще можемъ судить о характерѣ и значеніи этого памятника. Имѣя въ виду эти выписки, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобъ боярскія книги *раскрывали полную картину служебной дѣятельности* въ Россіи за извѣстное время и давали *понятіе о великолѣпнн московскаго двора*. Это заимствовано изъ упомянутой выше статьи г. Языкова, который сказалъ, что изъ боярскаго списка можно составить себѣ вѣрное понятіе о постепенномъ умноженіи великолѣпнн московскаго двора. Но все это должно разумѣть въ отношеніи только учрежденія новыхъ чиновъ, которые даютъ понятіе только объ устройствѣ двора, а не о великолѣпнн его. *Множество* чиновниковъ никакъ не можетъ составить великолѣпнн, а можетъ представить только большую *чинность*, въ древнемъ значеніи этого слова. Для *великолѣпнн* требуется

совсѣмъ другое, о чемъ понятіе получается не изъ боярскихъ книгъ, или списковъ, а, напримѣръ, изъ дворцовыхъ разрядовъ, царскихъ выходныхъ книгъ, статейныхъ списковъ и другихъ подобныхъ памятниковъ. Что жъ касается до картины служебной дѣятельности, то картину эту весьма трудно раскрыть изъ отиѣтокъ, что, напримѣръ, окольникову Ѡ. Л. Бутурлину за *волуйскую розмѣлу* придано къ 300 р. еще 50 р., или боярину Ѡедору Иванову Шереметеву за литовскія за два посольства придано 200 р. Здѣсь картина не обозначаетъ даже, какія это были посольства, и что это за «волуйская розмѣла», трудно объяснимая даже для знакомыхъ не съ одними боярскими книгами. Такими же отиѣтками описывается и участіе бояръ въ историческихъ событіяхъ того времени.

Какъ бы то ни было, познакомить публику съ боярскими книгами, какъ говорить авторъ, полезно и даже необходимо.

«Всякій, знакомый съ трудами подобнаго рода, легко пойметъ всѣ препятствія, какія должно преодолѣть при составленіи Алфавита, въ которомъ помѣщено въ должномъ порядкѣ и въ строгой хронологической послѣдовательности десятки тысячъ лицъ и болѣе чѣмъ вдвое разныхъ при нихъ отиѣтокъ. Особенно представлялись затрудненія при размѣщеніи отиѣтокъ: требовалось безпрерывныхъ справокъ и соображеній для удостовѣренія, дѣйствительно ли то лицо, противъ котораго гдѣается отиѣтка, находится въ слѣдующемъ спискѣ. Но несмотря на всѣ старанія сообщить въ Алфавитѣ съ возможною точностію и ясностію всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ боярскихъ Книгахъ, представились однако при этомъ нѣкоторые недоразумѣнія: такъ въ спискахъ встрѣчаются лица, сначала въ вышнихъ чинахъ, а впоследствии въ низшихъ. Отъ чего происходитъ такая непослѣдовательность—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что самыя книги, даже темиими намеками, не

разрѣшаютъ этого вопроса; можетъ быть то были два разныхъ лица—однофамильцы и соименники, а можетъ быть и одно, разжалованное почему либо Государемъ.»

Составленіе какого бы то ни было алфавита—трудъ тяжелый и скучный. Главная задача въ подобныхъ трудахъ—все-возможная точность, пунктуальность въ отношеніи сообщаемыхъ извѣстій. Посмотримъ, успѣшно ли авторъ преодолѣлъ представляемыя имъ затрудненія, на сколько дѣйствительны эти самыя затрудненія, и вѣрно ли, точно ли все передано? Работа заключалась въ томъ, чтобъ слѣлать сводъ именъ, записанныхъ въ 12 боярскихъ книгахъ съ обозначеніемъ должности или чина при каждомъ имени, и года, подъ которыми записано извѣстное лицо или въ который сдѣлано производство этого лица въ извѣстный чинъ или должность. Слѣдственно, стоило только взять первую, то есть древнѣйшую книгу, выписать по алфавиту изъ нея всѣ имена съ ихъ чинами, и потомъ изъ слѣдующихъ 11 книгъ дополнять алфавитъ новыми именами, которыя будутъ встрѣчаться, и отмѣчать переищны въ чинахъ и должностяхъ прежнихъ, ужъ обозначенныхъ именъ. Важнѣйшія затрудненія при этой работѣ могли представиться только тамъ, гдѣ встрѣчались одинакія имена и фамиліи въ разныхъ книгахъ и подъ разными годами. Должно было опредѣлять: одно это лицо или два, бывшія только однофамильцами и соименниками? При внимательной работѣ, это опредѣлить нетрудно. Напримѣръ: Хрущовъ, Иванъ Лукинъ, въ 7135 году показанъ московскимъ дворяниномъ, а въ 7137 году—стряпчимъ. Весьма ясно, что это одно и то же лицо, и нечего раздѣлять его на два, какъ то дѣлаетъ г. Ивановъ. Нельзя также раздѣлять и Стрѣшневыхъ Леонтыя Афанасьева и Степана Федорова. Даже Стрѣшневъ Никита Нехорошево, показанный съ 7135 по 7185 г. московскимъ дворяниномъ и стольникомъ, одно лицо съ Стрѣшневымъ Ники-

тою Константиновымъ, который съ 7187 по 7200 г. показанъ окольнымъ и бояриномъ, безъ извѣстiя о предъидущей службѣ. Отчество *Негоросево*—только прозвище. Къ той же категорiи относятся Пушкины Никита Астафьевъ, Петръ Петровъ, Федоръ Ивановъ и такъ далѣе... Въ книгѣ г. Изнова такихъ примѣровъ множество. Обстоятельство немаловажное для алфавита, и на первый разъ весьма ясно показывающее, что безпрерывныя справки и соображенiя хотя и требовались, но не были дѣйствительно употреблены. Подобный беспорядокъ можетъ произойти въ такомъ только случаѣ, когда сводъ именъ дѣлается разными лицами, безъ общаго соображенiя и руководства. Одинъ, напримѣръ, возьметъ для составленiя алфавита одну книгу, другой—другую и т. д. Оттого одно и то же лицо, записанное въ двухъ книгaxъ, по способу работы, является вдвойнѣ. Впрочемъ, для тѣхъ, которые будутъ пользоваться книгою, указанныя неточности не слишкомъ важны: каждый можетъ съ перваго же взгляда узнать въ чемъ дѣло—итакъ, пойдемъ далѣе:

Пушкинъ, Григорiй Гавриловичъ показанъ стольникомъ въ 7135, 7137, 7144, 7148 годахъ, и потомъ окольнымъ въ 7135 году, то есть въ первомъ году его стольничества. Что это такое? Извѣстно, впрочемъ, что Григорiй Гавриловичъ Пушкинъ былъ еще прежде окольного думнымъ дворяниномъ, а послѣ окольного—бояриномъ и оружейничимъ. Гдѣ жь въ алфавитѣ извѣстiя объ этомъ?... По дворцовымъ разрядамъ, Пушкинъ пожалованъ въ думные дворяне въ 7152 году въ февралѣ (Т. II, стр. 731), изъ думныхъ дворянъ въ окольные, въ 7153 г. ноября 27, (Т. II, стр. 743), а изъ окольныхъ въ бояре въ 7154 г. августа 15 (Дв. Разр., т. III, стр. 42). Всѣхъ этихъ свѣдѣнiй въ «Алфавитѣ» не имѣется: мудрено согласиться, чтобъ ихъ не было и въ боярскихъ книгaxъ. Во всякомъ случаѣ, окольнымъ въ 7135 г. Пуш-

★ ★

книгъ быть не могъ. *Морозовъ*, Борисъ Ивановичъ, извѣстнѣе лико, въ «Алфавитѣ» показанъ стольникомъ въ 7135 г. и бояриномъ въ 7137 году. Между тѣмъ извѣстно, что онъ пожалованъ въ бояре при назначеніи его въ дядьки къ царевичу Алексию Михайловичу въ 7142 (1634) г. января 6. (Дв. Разр. т. II. 354). *Морозовъ* Иванъ Васильевичъ показанъ бояриномъ съ 7148 года, а дѣйствительно былъ пожалованъ въ 7142 году (Дв. Разр. т. II. 365). *Куракинъ* Федоръ Семеновичъ показанъ бояриномъ съ 7148 года, а дѣйствительно пожалованъ въ 7154 г. сентября 30 (ibid. т. III. стр. 19). *Стрѣльцовъ* Василій Ивановичъ показанъ окольнымъ съ 7144 г., а дѣйствительно пожалованъ въ 7142 г. января 6 (ibid. II. 354). *Стрѣльцовъ* Федоръ Степановичъ окольнымъ съ 7144 г., а пожалованъ въ 7142 г. февраля 2 (ibid. II. 360). *Стрѣльцовъ*, Лукьянъ Степановичъ, показанъ въ 7135, 7137 г. московскимъ дворяниномъ, а съ 7148 года бояриномъ, между тѣмъ въ 7142 году марта 1 онъ пожалованъ изъ *окольныхъ* въ бояре (ibid. II. 365), и такъ далѣе.

Для новаго соображенія возьмемъ «Выписку изъ Боярскаго Книги» 7137 года, помѣщенную г. Ивановымъ въ «Описаніи Разряднаго Архива» (стр. 5—12) и сверимъ ее съ «Алфавитомъ». Напримѣръ, въ «Выпискѣ» значится, что въ 143 г. (ср. Дв. Разр. II. 467) государь пожаловалъ въ бояре князя Петра Александровича Репнина. Кажется, ясно? Въ «Алфавитѣ» же отмѣчено, что онъ былъ въ 7137 г. московскимъ дворяниномъ, а съ того же года—бояриномъ, а 7144 страпчимъ и потомъ 7148 г. снова бояриномъ. Какъ сообразить эти показанія? За Репнинымъ слѣдуетъ въ «Выпискѣ», какъ бояринъ, вновь внесенный въ книгу Иванъ Петровичъ Шереметевъ, показанный въ «Алфавитѣ» бояриномъ съ 7137 г., между тѣмъ, какъ онъ пожалованъ въ бояре въ 7142 г. (Дв.

Р. II. 360). Далѣ въ «Выпискѣ» означено: 147 (должно быть 146), мая 15 князь Юрій Андреевичъ Спской (то-есть пожалованъ въ бояре, что можно видѣть и во II т. Дв. Р. стр. 574); въ «Алфавитѣ» же указано, что онъ бояриномъ съ 7137 года. Почему здѣсь всѣ указанія о боярствѣ отнесены, вопреки истинѣ, къ 7137 году? Потому что книга принадлежитъ къ 7137 году. Составитель не утруждалъ себя—не те чтобы безпрерывными справками, а простыми соображеніями, наприимѣръ, что въ книгѣ 7137 года могутъ быть, и дѣйствительно есть, какъ онъ самъ выше удостовѣряетъ, отиѣтки и записки позднѣйшихъ годовъ. Ясно, что онъ не останавливалъ своего вниманія на этихъ отиѣткахъ, а вносилъ въ «Алфавитъ» имена и обозначалъ ихъ чины годовъ книги, 7137, не обращая вниманія на то, что въ эту же книгу вписывались производства и 7142, и 7143, и 7147 годовъ!

Далѣ: Аничковъ Иванъ Михайловичъ показанъ въ «Алфавитѣ» стряпчимъ—съ ключомъ, 7137 и 7144 г., постельничимъ 7148 г. и наконецъ (разжалованнымъ) московскимъ дворяниномъ въ 7166 г. Въ «Выпискѣ» же изъ «Боярской Книги», изъ которой составлялся «Алфавитъ», сказано, что въ 7144 г. онъ пожалованъ только въ стряпчіе съ ключомъ. (Въ этомъ случаѣ сохраненъ годъ и книги—7137, и производства—7144!). По Дворцовымъ же Разрядамъ, въ постельничіе онъ пожалованъ не въ 7148, а въ 7154 г. сентября 8 (т. III. стр. 13), изъ постельничихъ же въ думные дворяне въ 7155 г. сентября 1 (*ibid.* III. стр. 47). Этого послѣдняго производства въ «Алфавитѣ» совсѣмъ нѣтъ. — Дьякъ Иванъ Грязевъ по «Выпискѣ» пожалованъ въ думные дьяки въ 7140 году, а по «Алфавиту» въ 7137, потому что книга, гдѣ записано это производство, относится къ 7137 году. Думный дьякъ Михайло Волошениновъ, по «Алфавиту», въ этомъ чинѣ съ 7148 года, а пожалованъ дѣйствительно въ 7153 году

(Дв. Разр. II. 743)... Но остановимся. Судя аналогически, *дальнейшее* насъ устрашаетъ! При всемъ томъ должно замѣтить, что мы не рылись кротами въ «Алфавитъ» г. Иванова, а развернули только II и III томы «Дворцовыхъ Разрядовъ», и какія пожалованія (производства) встрѣчались намъ на первый разъ, тѣ и свѣрялись съ «Алфавитомъ», не указывая даже на то, что во многихъ случаяхъ, по разрядамъ эти производства указывались раньше годомъ. Это мы объяснили себѣ тѣмъ, что самое количество боярскихъ книгъ не полно, и такимъ образомъ хронологической послѣдовательности отыскивать въ нихъ нельзя; впрочемъ г. Ивановъ утверждаетъ противное, сказавъ, что «всѣ эти книги содержатъ въ себѣ отмѣтки о служебной дѣятельности лицъ и за промежуточные года» (стр. 111)..(*)

(*) На этотъ краткій обзоръ „Алфавита“ послѣдовалъ отвѣтъ автора въ Сѣверной Пчелѣ 1854, № 124 на который наши замѣчанія см. въ Отеч. Запискахъ 1854 г., августъ.

РОДОСЛОВНЫЯ КНИГИ.

*Россійская Родословная Книга, издаваемая князем
Петромъ Долгоруковымъ. Спб. 1854—1856.*

Начало своему обширному труду кн. Долгоруковъ положилъ еще въ изданіи «Россійскаго Родословнаго Сборника», въ составъ котораго предполагалось внести всѣ *ныль существующіе* роды: а) Россійско-княжескіе, б) внесенные въ Бархатную Книгу, в) боярскіе XVII вѣка, въ бархатную Книгу не внесенные, и г) Россійско-графскіе. Неудовольствіемъ изъискатель и собиратель русскихъ родословій не удовлетворился, однакожь, этимъ первоначальнымъ планомъ, и теперь передъ нами начало новаго труда, болѣе полнаго и обширнаго—начало цѣлой «Россійской Родословной Книги». Но и здѣсь предположенный планъ былъ несравненно обширнѣе, нежели назначенное выполненіе:

«Первоначальною мыслию моею, при составленіи Россійской Родословной книги (говоритъ кн. Долгоруковъ), было помѣщеніе въ ней всѣхъ дворянскихъ фамилій и древнихъ и новыхъ, и существующихъ и угасшихъ, изъ всѣхъ областей, вошедшихъ въ составъ Россійской Имперіи. Но, приступая къ исполненію, я увидѣлъ ясно, что подобная программа выходить изъ размѣра предѣловъ, доступныхъ труду одного человека, и по необходимости, долженъ былъ ограничиться помѣ-

щеніемъ въ Россійскую Родословную книгу фамилій, нынѣ существующихъ, по слѣдующимъ главамъ: Глава 1, Россійскіе Князья. 2, Россійскіе Графы. 3, Россійскіе Бароны. 4, Фамиліи, имѣющія титулы Князей, Графовъ и Бароновъ иностранныхъ. 5, дворянскія Фамиліи, отъ Великаго князя Рюрика происшедшія. 6, Фамиліи, внесенныя въ бархатную книгу. 7, Фамиліи, оуществовавшія въ Россіи прежде 1600 года. 8, Фамиліи, существовавшія въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи въ эпоху Ливонскаго Ордена. 9, Фамиліи, существовавшія въ Польшѣ и въ Литвѣ прежде 1600 года. 10, Фамиліи, иностранныя, существовавшія въ своемъ отечествѣ прежде 1600 года, а нынѣ состоящія въ русскомъ полонствѣ. 11, Фамиліи, члены коихъ находились, въ семнадцатомъ вѣкѣ въ званіи бояръ, экольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. 12, Фамиліи Малороссійскія, члены коихъ находились въ числѣ генеральной старшины и полковничковъ войска Малороссійскаго до 1764 года. 13, Фамиліи, члены коихъ служили, со времени Петра Великаго и до нашихъ дней въ первыхъ двухъ классахъ государственной службы. 14, Въ ней помѣщены будутъ родословныя самыхъ извѣстнѣйшихъ изъ русскихъ угасшихъ фамилій.

Характеръ источниковъ для нашихъ древнихъ родословій вполне обуславливается характеромъ тѣхъ началъ, на которыхъ создавалась *честь* родовъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ ходомъ русскоѣ исторіи, тому весьма легко замѣтитъ, что основаніемъ родовой чести, основаніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ дворянскаго сословія въ древней Россіи, или того, что мы теперь разумѣемъ подъ именемъ дворянства—была *служба*. Службою же въ древнее время называлась исключительно одна только служба военная, на защиту Русскоѣ Земли отъ враговъ. Даже первыя пополювія князей нашихъ, призванныхъ сѣверными племенами владѣть и править Русскою Землею,

вначалѣ иначе и не понимали своихъ отношеній къ славянскому земству, какъ подъ видомъ службы. «Стоять на стражѣ Русской Земли», «утирать потъ за Русскую Землю» — вотъ обязанности, о которыхъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ сами князья. Къ тому же военное дѣло, *служба*, въ древнѣмъ нашемъ обществѣ была первою и единственною формою службы *общественной* — государственной; въ такой только службѣ народное сознаніе видѣло общественное, земское дѣло; всякая другая дѣятельность была частною, *опричною, приказною*, предпринимавшею для лица, а не для земства. Весьма понятно; что князь, какъ представитель общаго, земскаго дѣла — службы, имѣлъ полное право пользоваться за свою службу *всѣми тѣми*, что кавало земство на устроеніе своей безопасности, *всѣми данями* и *пошлинами*, что *шло* изстари на такое устроеніе. Отсюда князья-родичи пользуются *кормленіемъ* въ волостяхъ, можетъ быть, точно такъ же, какъ въ послѣдующее время пользовались такимъ кормленіемъ царскіе воеводы — за службы. Отсюда же и права дружины на поземельное владѣніе, помѣстное, изъ котораго потомъ уже образовалось вотчинное. При существованіи такихъ отношеній наше древнее *владѣтельное право* не могло имѣть феодальнаго характера. Сущность началъ нашей исторической жизни не представляла и малѣйшихъ условій для образованія такого характера. «Власть княжеская (говоритъ Валуевъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о иѣстничествѣ) никогда не доходила въ удѣльной Россіи до личнаго значенія, отъ котораго наоборотъ отправлялось все общество западное. Князь являлся лишь однимъ изъ необходимыхъ органовъ общественнаго порядка, блюстителемъ закона и Божіей правды на землѣ; а потому такъ легко и уступила удѣльная Россія одному высшему блюстителю этой правды и представителю всей Земли Русской, какимъ явился московскій князь для русскаго на-

рода, уже показавшего невозможность своего разумного существованія въ уэльской и нежлоусобной Россіи. И потому самому каждый уэльскій князь, какъ скоро утрачивалъ свое княжество и тотъ верховный санъ, въ который онъ былъ облеченъ понятіями народными, прямо переходилъ въ ряды народные и наравнѣ со всѣми народами служилъ новому государю. Уэльскій князь не вынесъ отъ своего княжества ни налѣжнаго отбѣлка личнаго отношенія, и потому въ древней Россіи не только не дорожили княжествомъ, но даже едва-ли имѣли понятіе о его законѣ либо высшемъ, почетномъ значеніи въ обществѣ. Большая часть княжескихъ родовъ добровольно теряетъ и *забываетъ* свое княжество (примѣръ: дворянскіе роды, происшедшіе отъ Рюрика, 21), а другіе княжескіе роды, не продолжая службы государевой, *замолодавъ* и *закудавъ*, переходили въ народъ, или такъ-называемыя низшія сословія. Такъ и доселѣ еще есть на Руси князья чистой крови Владиміра въ однопоркахъ и сами памуютъ свою землю. На то же совершенное отсутствіе личнаго начала указываютъ намъ и свидѣтельства Котошнина о свойственникахъ царскихъ (по браку), что свойство это не давало имъ никакого юридическаго повышенія въ обществѣ, все это явленія непонятныя и невозможныя въ западномъ обществѣ; всякій разъ упраздненный владѣтельный герцогъ, или графъ, не могъ не сохранить своего первенства въ обществѣ, котораго былъ недавнимъ владыкой, какъ своя личность, а не представитель извѣстнаго высшаго понятія. Такимъ высшимъ понятіемъ для древняго русскаго общества была *служба*; сознательно и безсознательно каждый членъ его понималъ себя только органомъ общественнаго устройства.

Понятно послѣ этого, что и основаніемъ родовой *чести* была также служба, что признавалась честь только служебная, возникшая чрезъ службу и поддерживаемая службою.

На служебную честь опиралась и самое мѣстничество, въ которомъ существеннымъ доказательствомъ права были *разряды*—распорядокъ служебныхъ мѣстъ. При такихъ условіяхъ ни одно лице и ни одинъ родъ не имѣлъ никакого значенія и никакого права самъ по себѣ, какъ отдѣльная самостоятельная личность, а потому и не владѣлъ никакими положительными, ему лично принадлежащими правами, а имѣлъ только известное *кандидатство* на совокупность правъ и обязанностей, принадлежащихъ вообще всѣмъ служилымъ людямъ общества, кто бы они ни были. Въ этомъ заключалось одно изъ существенныхъ отличій мѣстничества отъ западныхъ и другихъ аристократій. Вслѣдствіе этого, въ древней Россіи о дворянствѣ, какъ о *сословіи*, не было никакого юридическаго понятія. До самаго Петра изъ общей массы народа, съ его естественными подраздѣленіями по образу жизни и занятій крестьянина-пахаря, посадскаго, ремесленника, гостя-купца и т. д., выдѣлялся только одинъ разрядъ людей служилыхъ, также на основаніи его занятія въ обществѣ, но занятія не дѣломъ частнымъ, а *общественною* службою, а потому и могло существовать только понятіе о людяхъ служилыхъ вообще и служащихъ въ *данное время*, какъ ратныхъ людяхъ изъ всякихъ чиновъ, или *царскихъ* людяхъ, которые отпущены семьей на службу, будь то изъ крестьянъ, изъ посадскихъ, дворянъ и пр. Когда же, при Петрѣ I-мъ классъ людей служилыхъ былъ обращенъ въ *дворянство*, какъ *сословіе*, то, разумѣется, вошли въ него лишь тѣ, которые находились въ то время на службѣ и преимущественно всѣ, имѣвшіе помѣстья, или вотчины, и потому *обязанные* службою. Многіе же, принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ, или чьи отцы бывали въ чинахъ не менѣе высокихъ, не попали на службу, не попали и въ дворяне и постепенно перешли въ нашия сословія; другіе же изъ тогдашнихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не желая

получаться службы, какъ ее поималъ Петръ I, нарочно *хоромялись*, чтобъ казнить службы, но тѣмъ самымъ казнили и дворянства для себя и своего потомства. •

Итакъ служба была единственнымъ и главнѣйшимъ основаніемъ родовою чести, родового почета въ казенныя древности общества. Чобъ удержать эту честь, этотъ почетъ, сдѣлать его принадлежностью фамиліи, необходимо было встать наслѣднику родичамъ постоянно служить; не служа, они тотчасъ же *молодали и худали*, изъ кѣтей бояръ переходили въ *дѣтскіе боярскіе*, въ толпы народа. Служба отъ выдѣла кѣтей и потонковъ вверхъ; во происхожденіе отъ такого отца не значило ничего безъ собственной, личной службы, которая была единственнымъ средствомъ для того, чтобъ поддерживать приобретенное родовое достоинство. Почету честь, почетъ, известное значеніе фамиліи всегда подтверждено было болѣе или менѣе значительнымъ колебаніемъ. Прочнаго, твердаго въ этомъ отношеніи не было ничего, кромѣ той же службы.

Собразивъ все сказанное, мы можемъ составить себѣ довольно удовлетворительное понятіе о характерѣ источниковъ и всякаго рода матеріаловъ для нашихъ дворянскихъ родословій и для исторіи заслуженныхъ родовъ, объ этомъ совершенно отсутствіи фамильныхъ хроникъ, фамильныхъ архивовъ, гербовъ и т. п., о совершенномъ забвеніи въ родословныхъ женщинахъ и всѣхъ особенныхъ событіяхъ касавшихся рода. Сами *родословныя*, *родословцы* появились у насъ какъ только средства для разрѣшенія истиническихъ споровъ, слѣдовательно были вызваны правительственными распоряженіями, а не самостоятельнымъ развитіемъ понятій о дворянскомъ достоинствѣ и чести. Феодалныя понятія объ этомъ принесены къ намъ въ концѣ XVII-го столѣтія и стали возвращаться со времени преобразования. Съ этого времени и родо-

словные источники получают иной вид и иную полноту. Въ концѣ прошлаго столѣтія возникаетъ уже потребность разработать этотъ отдѣлъ исторіи, собираются и печатаются матеріалы, издается родословная такъ-называемая «Бархатная Книга», издаются извѣстія о дворянствѣ и т. п., и наконецъ предпринимается огромный трудъ составить «Описаніе служебъ благородныхъ російскихъ дворянъ» (М. 1810. 2 части). Трудъ этотъ частью изданный частью хранящійся въ рукописи, принадлежитъ сенатору М. Спиридову. Главнымъ источникомъ для «Описанія служебъ» послужили разрядныя книги—матеріалъ не слишкомъ плодотворный, ибо онъ заключаетъ въ себѣ не описаніе службы собственно, а только назначенія на службу, но матеріалъ почти единственный не только для описанія служебъ, но даже и для повѣрки родословія. Вѣрныя хронологическія указанія для родословныхъ можно черпать большею частью только изъ разрядныхъ книгъ. Но и родословная «Бархатная Книга» и «Описаніе служебъ» Спиридова, расположенное также по родамъ, не могли удовлетворять ни требованій публики, для которой дѣлались эти изданія, ни требованій науки. Составъ «Бархатной Книги» трудно понять: родословія такъ запутаны и перепутаны, что иной разъ неостанетъ никакого терпѣнія отыскать желаемое. Съ большимъ толкомъ, но также неудобно составлено и «Описаніе служебъ».

Превосходный трудъ князя Долгорукова, «Россійская Родословная Книга», выкупаетъ теперь всѣ неудобства и всѣ недостатки прежнихъ изданій. Необыкновенно простой, ясный составъ ея не заставляетъ ничего желать больше въ этомъ отношеніи. И для науки и для родословныхъ фамилій эта книга будетъ драгоценнымъ приобретеніемъ. Конечно, требованія науки всегда обширнѣе другихъ требованій, и потому съ этой стороны мы пожелаемъ бы болѣе подробнаго указанія источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для составленія «Россійской

Родословной Книги», ибо такое указаніе въ настоящемъ изданіи — дѣло первой важности. Весьма полезно было бы также, не ограничиваясь годомъ рожденія и смерти, внести, гдѣ такихъ годовъ не имѣется, и другія хронологическія указанія, какія только могутъ встрѣтиться при данномъ имени и, слѣдовательно, могутъ обозначить время, въ которое, или около котораго существовало извѣстное лице. Но разумѣется, это трудъ огромный, который можетъ только замедлить изданіе «Родословной Книги», тѣмъ болѣе, что главнѣйшій источникъ для этого — «Разрядныя книги», еще не окончены изданіемъ. Въ первыхъ двухъ частяхъ сочиненія кн. Долгорукова разработаны только три главы его общаго плана для всего изданія.

Третья часть «Россійской Родословной Книги» заключаетъ въ себѣ родословныя фамиліи, имѣющія иностранныя почетныя титулы, въ томъ числѣ 49 княжескихъ, 1 маркизовъ, 86 графскихъ, 84 баронскихъ и 82 дворянскихъ, относящихся къ ветитулованнымъ вѣтвямъ упомянутыхъ фамилій. Фамиліи эти принадлежатъ потомкамъ царей грузинскихъ, имеретинскихъ, сибирскихъ, потомкамъ владѣтелей Мингрелии, Абхазіи, Сванетіи, Гуріи, потомкамъ владѣтелей калмыцкихъ, князьимъ, графамъ и баронамъ Римской Имперіи, Австрійской Имперіи, Королевства Прусскаго, Королевства Баварскаго, Шведскаго, Саксонскаго, Сардинскаго, Венгерскаго, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго, графамъ и баронамъ французскимъ, баронамъ гессен-даринштадтскимъ, потомкамъ владѣтелей въ некоторыхъ русскихъ городахъ и княжескимъ родамъ, которыхъ княжеское достоинство было признано въ XIX вѣкѣ.

Само собою разумѣется, что лучшими критиками этого изданія будутъ тѣ самыя фамиліи, родословныя которыхъ въ немъ помѣщены. Матеріалы, послужившіе къ составленію книги, болѣею частію еще не обнаружены, и потому намъ

остаётся говорить лишь о тѣхъ научныхъ приёмахъ въ изложе-
ніи и вообще въ обработкѣ матеріала, которые должны сопро-
вождать всякій подобный трудъ и о которыхъ мы уже выразили
свое мнѣніе. Впрочемъ, просматривая изданныя нынѣ родо-
словныя, принадлежащія бѣльшею частью фамиліямъ ино-
страннымъ, мы невольно остановились на нѣкоторыхъ рус-
скихъ княжескихъ именахъ, напр.: Болховскихъ, Лукомскихъ,
Мышецкихъ, Несвижскихъ, отнёсенныхъ авторомъ къ тому
же разряду фамилій иноземныхъ, или вообще къ фамиліямъ,
имѣющимъ иностранныя почетныя титула. Намъ кажется, пра-
вильнѣе было бы обозначить, что эти фамиліи не иностран-
наго, а неизвѣстнаго происхожденія, ибо иностранное произ-
хожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Болховскихъ, весьма
сомнительно.

«Фамилія эта (говоритъ авторъ) принадлежитъ къ числу
древнѣйшихъ въ Россіи и происхожденіе ея покрыто мракомъ
неизвѣстности. Въ одной изъ родословныхъ книгъ, напечатан-
ныхъ во «Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древ-
ностей», сказано, что князя Болховскіе происходятъ отъ пра-
внука св. Михаила Черниговскаго, князя Ивана Андреяновича
Звѣнигородскаго, имѣвшаго прозвище *Болхъ*. Это *неспра-
ведливо*: во первыхъ потому, что въ бархатной книгѣ князь
Иванъ Андреяновичъ показанъ бездѣтнымъ и даже не сказано,
чтобы онъ имѣлъ какое либо прозвище, а во вторыхъ потому,
что князя Болховскіе не могли происходить отъ правнука св.
Михаила Черниговскаго, когда самъ св. Михаилъ Чернигов-
скій, изъ за князей Болховскихъ, ходилъ войною на Данила
Галицкаго. Мы полагаемъ, что нынѣшніе князя *Болхов-
скіе* потомки древнихъ князей Болховскихъ, первоначальное
происхожденіе коихъ совершенно неизвѣстно, но которые
были удѣльными князьями города *Болохова* въ южной Рос-
сіи, въ вѣкахъ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ. Древній городъ

Земельный участок не должен относиться к имуществу Казанской епархии, принадлежность которой должна быть установлена. Но результаты проверки принадлежности, проведенные по старинным документам: Казанским, древней Казанью принадлежали не только часть восточная, но почти вся Казань на Галль-Черемшанской, по преданию принадлежал Казанской губернии. Земельный участок должен был принадлежать упоминается в древней книге Лавровских, в числе: на 1150 году Казанская книга Лавровских, часть по Лавровским в Казань через Казань, в 1171 году. Истинный И через Казань Казань по Казань в Казань-Восточный. В 1240 году, Давид Лавровских часть герцога князя Болховитиних: Давидов, Лавровских, Казань-Казань и Давидов и принадлежали к князю князю князю. Но освобождение их получили от князя Давидов с. Михаил Черемшанский. В следующем же году, старший князь Михаил, князь Ростислав, князь с. князем Болховитиних и дружины их, освободил герцога Болгову (на левом берегу Давидов, князь Казань). *Князь Болговитиних князь от древней России единственными удельными князьями, непринадлежавшими к князю с. Владимира.* От него ведут они начало? от древних ли князей Давидовских, или от князя Половецкого, князьство; несомненно только, что они были волынскими князьями: долго держались на удель и при удельном раздроблении России Монголами, утратив князю удель свой от разорения, обязавшись сдаться для татарь князю и просо! Но в начале четырнадцатого века, Галицкий завоевал землю Подольскую, князь князь Болховитиних и освободил их удель...»

Все это объяснение слишком поспешно обвиняет свой предмет и значитально отсутствием строгой критической

разработки материала. Съ своей стороны и мы можем сказать как говорить вначале авторъ, что это несправедливо и несправедливо. Прежде всего здѣсь особенно бросается въ глаза то, что авторъ «Бархатной Книги» считаетъ какъ-то неограниченно авторитетомъ, противъ котораго не принимаются никакія другія указанія, хотя бы они были совершенно вѣрны. «Это несправедливо» восклицаетъ авторъ, «потому что въ Бархатной Книгѣ показано иначе». Какія основанія существуютъ для того, чтобы предпочитать указанія «Бархатной Книги» указаніямъ другихъ книгъ родословныхъ, также не менѣе древнихъ—намъ неизвестно. Начавъ свой трудъ, авторъ не подвергъ критической оцѣнкѣ этого важнѣйшаго для него памятника... Но, при сравненіяхъ и сличеніяхъ родословій, каждый легко можетъ убѣдиться, что если, напр., въ родословныхъ, изданныхъ Московскимъ Историческимъ Обществомъ («Временникъ», № 10) и находятся неточности, ошибки, описки и вообще какая-то небрежность въ составленіи, то въ изданной «Бархатной Книгѣ» такія неточности, ошибки, описки и небрежность являются несравненно въ большемъ размѣрѣ, такъ что исправить все это можно единственно только при пособіи другихъ родословныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти другія родословныя помогали и кн. Долгорукову.

«Бархатная Книга», обновленная и пополненная въ 1686 году въ Разрядѣ, имѣетъ поэтому характеръ officialный; но, несмотря на эту officialность, обновленіе ея и пополненіе было подвержено чистѣйшимъ случайностямъ. Пренная родословная книга, хранившаяся въ Разрядѣ, была неполна; многіе княжескіе и честные роды, многія поколѣнія записанныхъ родовъ въ ней записаны не были. Это потому, что Разрядъ, занимающійся только распорядкомъ службы и имѣетъ, смотрѣлъ на родословныя какъ на предметъ побочный, обращая къ нимъ на столько, на сколько это нужно было для разрѣшенія воз-

никающихъ споровъ, и то въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда тѣ-
гались гѣствицею. Разрядъ составлялъ разрядныя, а не родо-
словныя книги, и мы до сихъ поръ еще не имѣемъ положи-
тельного свидѣтельства о томъ, чтобы онъ занимался родосло-
вными. Существеннымъ его занятіемъ было опредѣлить, *кто*
кою больше или меньше и вверсту, а не кто къ кому
порядку каковъ близокъ: этимъ попреимуществу зани-
мались уже сами спорившіе о мѣстахъ. *Они* подавали *къ сче-*
ту свои родословцы, и свои гѣствицы. *Государевы*, то есть
официальные, родословцы, упоминаются, напримѣръ, въ 1600
году; но тутъ же и обозначается, что они не были полны. Родо-
словная книга въ Разрядѣ стала составляться тотчасъ по уни-
чтоженіи мѣстничества и составлялась не для чего иного, какъ
только *на память* настоящимъ и будущимъ *родомъ*, въ за-
мѣтъ мѣстъ и счетовъ о мѣстахъ. При обновленіи и пополне-
ніи этой родословной, названной въ послѣдствіи «Бархатною
Книгою», откуда было взять родословныя росписи незаписан-
ныхъ родовъ? Конечно, отъ этихъ же самыхъ родовъ; это
былъ единственный источникъ. Такимъ образомъ и было по-
велѣно взять у незаписанныхъ фамилій росписки ихъ родамъ
за руками, то есть скрѣпленные ихъ рукоприкладствомъ. Са-
мо собою разумѣется, что росписи эти должны были основыва-
ться частью на родословныхъ, частью на разрѣдахъ и домаш-
нихъ актахъ, если такіе акты существовали. Но все ли могли
однаковр полно и отчетливо доказать свое *честное* проис-
хождение? Припомнимъ, что многіе прежде и *честные* роды,
но потомъ *захудавшіе* и совершенно вытѣсненные изъ круга
разрядныхъ счетовъ, въ это время не имѣли уже никакого зна-
ченія, а иные, можетъ-быть, даже не имѣли и понятія о сво-
емъ *честномъ* происхожденіи. Живя гдѣ нибудь по далекимъ
украинамъ государства, многіе изъ нихъ весьма затруднялись
дать ясный отвѣтъ о древности своего происхожденія. А такъ

какъ требованія правительства въ отношеніи родословныхъ росписей не представляли строгой обязательной силы и были предложены почти на волю каждаго, то многія княжескія и дворянскія фамиліи, происходившія даже отъ Рюрика, не подали требуемыхъ росписей къ пополненію и обновленію родословной книги, а слѣдственно и записаны не были; таковы, напримѣръ, князья Болховскіе, Мышецкіе и др.; таковы и дворянскіе роды, произшедшіе отъ Рюрика, въ «Бархатную Книгу» невнесенные. Вотъ первая случайность, опредѣлившая характеръ составленія «Бархатной Книги». Другіе вели свой родъ отъ знатныхъ поколѣній, но, захудавъ, потеряли всякую связь съ этими поколѣніями, *разошлись далеко*, низошли на степень простыхъ *дѣтишекъ боярскихъ*. Не имѣя долгое время мѣста въ разрядахъ, чѣмъ они могли доказать свое честное происхожденіе? — Своими родословіями? Но рядомъ съ родами, которые дѣйствительно происходили отъ знатныхъ колѣній, этимъ обстоятельствомъ могли воспользоваться и такіе, которые вовсе не были съ-родни знатымъ. Безъ сомнѣнія, подобные случаи представлялись при обновленіи и пополненіи родословной, ибо 27 марта 1682 года, послѣдовалъ по этому поводу слѣдующій указъ: «Которыхъ княжескихъ и иныхъ родовъ въ разрядѣ въ родословной книгѣ не написано, а они въ росписяхъ своихъ напишутъ прозваніе свое, что они пошли отъ родословныхъ людей, а родословные люди тѣхъ родовъ въ поколѣнныхъ своихъ росписяхъ ихъ прозванія не напишутъ, и о тѣхъ родѣхъ *у родословныхъ людей для свидѣтельства имать сказки за руками*, впрямь ли они отъ тѣхъ ихъ родовъ, къ кому кто напишется, пошли; и буде въ сказкахъ своихъ напишутъ или по допросу скажутъ, что они повелись отъ предковъ ихъ, и такихъ писать въ родословную книгу съ тѣми родами отъ кого они пошли. А буде въ сказкахъ своихъ напишутъ, что они не ихъ родовъ, и та-

книжъ отказывать, и вѣстѣ съ ними въ родословную книгу не писать, а написать ихъ въ книгу особы, а очныхъ ставокъ межъ ими въ томъ не давать» (*). Такимъ образомъ, представляя свои родословія, иные, при всей правдѣ съ своей стороны, вполнѣ должны были завистѣть отъ воли знатныхъ родовъ, которымъ предоставлялось, какъ видимъ, полное право свидѣтельствовать достовѣрность происхожденія извѣстныхъ лицъ и которые, повтому, могли допустить эти лица къ себѣ въ сродство и могли поданнымъ *свидѣтельствомъ* опровергнуть это сродство. Весьма важную роль въ родословныхъ играла небольшая отмѣтка при нѣкоторыхъ именахъ *умре бездѣтенъ*, или просто *бездѣтенъ*, подававшая поводъ еще въ мѣстныхъ счетахъ къ большимъ спорамъ. Этимъ знаменательнымъ словомъ *бездѣтенъ* было уничтожено, напр., и происхожденіе отъ Рюрика князей Болховскихъ, какъ увидимъ ниже. При обновленіи родословной было обращено вниманіе и на это обстоятельство и повелѣно: «А въ которыхъ родѣхъ кто были бездѣтны, и тѣхъ писать имянно, чтобъ впередъ о томъ спору не было (слѣдовательно, споры бывали), и чтобъ въ нынѣшней книгѣ про все роды вѣдомо было подлинно, отъ кого которые роды сначала пошли и поколѣніями разошлись, и прозваніями слыть начали».

Вообще изъ всѣхъ распоряженій по составленію «Бархатной Книги» ясно видно, что она переписана съ старой, неполной; что все пополненія произведены единственно только по *рописямъ*, *свидѣтельствамъ* и *сказкамъ*, кто какія подалъ; что въ сомнительныхъ случаяхъ не навели родословныхъ и лѣтописныхъ официальныхъ справокъ, а довольствовались свидѣтельствомъ знатныхъ, родословныхъ людей, которое принималось, какъ сильнѣйшій авторитетъ въ этомъ

(*) Родославная Книга Князей и дворянъ, М. 1787. 1, стр. 6.

случаѣ. Это обстоятельство, съ другой стороны, показываетъ, что Разрядъ не занимался составленіемъ полныхъ, подробныхъ и отчетливыхъ родословій и что такія родословія хранились и составлялись только у родословныхъ людей, какъ необходимое пособіе при мѣстныхъ спорахъ, слѣдовательно, не имѣя officialнаго значенія; однимъ словомъ, обновленіе и пополненіе древней родословной книги, произведшее новый ея видъ — такъ называемую «Бархатную Книгу», не носитъ въ себѣ того officialнаго, документальнаго характера, который давалъ бы ей полную, чистую, непогрѣшимую достовѣрность и тѣмъ ставилъ бы ее выше другихъ, такъ называемыхъ частныхъ родословныхъ, не скрѣпленныхъ дьяками. Къ тому жь должно замѣтить, что всѣ наши древнія родословныя росписи представляютъ, въ отношеніи своихъ разнорѣчій и несогласимыхъ показаній, такія мудренныя задачи, которыя во многихъ случаяхъ едва-ли когда будутъ разрешены. Но какъ бы то ни было, отдавать преимущество «Бархатной Книгѣ», какъ достовѣрнѣйшему источнику — совершенно нельзя. Въ изданныхъ до сихъ поръ трехъ спискахъ родословныхъ (XVI и начала XVII столѣтій) весьма часто встрѣчаются такіе варианты и разнорѣчія, которые явно обнаруживаютъ древнѣйшее ихъ происхожденіе и, слѣдовательно, во многихъ случаяхъ бѣльшую достовѣрность показаній. Такъ, напримѣръ, въ родословной лѣтвицѣ князей Звѣнигородскихъ у князя Александра Федоровича Звѣнигородскаго въ «Бархатной Книгѣ» показано три сына: *Глѣбъ*, *Иванъ* и *Иванъ* же, по прозвищу *Катлече*, бездѣтный; а во всѣхъ трехъ спискахъ родословной, изданной Московскимъ Историческимъ Обществомъ, значится четыре сына — *Глѣбъ*, *Феодоръ* прозваніемъ *Котельничей* (Котелчой, Кетелчей) бездѣтный, *Иванъ* и *Евлахъ* (Ивлахъ) бездѣтенъ. Какъ согласить такія показанія? Не нельзя не замѣтить, что текстъ

прозванія Котельничей читается въ этихъ родословныхъ гораздо правильнѣе, чѣмъ въ «Бархатной». Далѣе, у князя Ивана Глѣбовича въ «Бархатной» показаны сыновья *Иванъ Барашъ, Михайло Спячей*, а въ двухъ упомянутыхъ спискахъ родословной, древнѣйшихъ, значится сверхъ того, *Василій Спячей*. Въ своихъ росписяхъ авторъ, всегда вѣрный «Бархатной Книгѣ», пользовался, кажется, и этими прибавками и дополнял ими свой трудъ.

Но мы не станемъ утомлять читателей приведеніемъ подобныхъ примѣровъ: ихъ множество. Такимъ же примѣромъ служить и родословная князей Болховскихъ. У князя Андрея или Андреяна Звѣнигородскаго были дѣти Оеодоръ да Иванъ. Въ «Бархатной Книгѣ» объ Иванѣ сказано, что онъ *бездѣтенъ*, между тѣмъ во всѣхъ трехъ спискахъ изданной родословной этого не сказано, а въ двухъ и одномъ, древнѣйшемъ, записано и его прозвище *Болхъ*. Въ этомъ же древнѣйшемъ спискѣ находимъ и родословную Болховскихъ, изложенную слѣдующимъ образомъ: «А у князя Андрея Звѣнигородскаго дѣти: князь Оеодоръ Звѣнигородской да князь *Иванъ Болхъ*; а у князя *Ивана Болховскаго* сынъ князь Иванъ Адашъ, а у князя Ивана Адаша сынъ князь Александръ, а у князя Александра сынъ князь Василій, а у князя Василія сынъ князь Романъ, а у князя Романа пять сыновъ: князь Иванъ, да князь Василій, да князь Юрьи, да князь Михайло, да князь Илья. А у князя Ивана Романовича три сына: князь Дмитрій, да князь Василій, да князь Левонтей, убили его на Молодахъ крымскіе люди; а у князя Дмитрія три сына, князь Семень, а былъ на службѣ въ Сибири въ воеводахъ, а посланъ въ Сибирь въ лѣто 7092 и тамъ преставися въ лѣто 7094, — князь Петръ, а былъ въ заставѣ подь Москвою въ Черкизовѣ и того году преставися въ моръ и положенъ въ Черкизовѣ; третій сынъ князь Иванъ; а у князя Левон-

«тія одинъ сынъ князь Григорій; у князя Григорія одинъ сынъ князь Θεодоръ» (Врем. 10, 244). Эта родословная писана въ то время, когда родъ князей Болховскихъ имѣлъ еще служебное значеніе, бывалъ на воеводствахъ и пр., а записка «Бархатной Книги», что Иванъ Болхъ *бездѣтенъ*, явилась тогда, когда этотъ родъ уже ничего не значилъ, затерялся совершенно въ средѣ дѣтей боярскихъ, и, когда было нужно, не подалъ своей родословной, не подалъ, быть можетъ, за малолѣтствомъ родичей, за болѣзью, за старостью, по невниманію къ своей чести, и т. п. Какое жь мы имѣемъ основаніе вѣрить «Бархатной Книгѣ», въ которую, не смотря на пополненіе, все-таки многіе роды не попали, и не вѣрить цѣлой родословной, да еще по списку конца XVI вѣка? Кн. Долгоруковъ говоритъ, что князья Болховскіе не могли происходить отъ правнука Михаила Черниговскаго, потому что самъ Михаилъ за князей Болховскихъ воевалъ съ Даниломъ Галицкимъ. Дѣйствительно, въ лѣтописяхъ Южной Руси XIII столѣтія упоминаются князи *Болоховсци*, принимавшіе участіе въ тогдашнихъ междоусобіяхъ. Авторъ напрасно только присовокупляетъ, что въ древней Россіи они были единственными удѣльными князьями, не принадлежавшими къ племени св. Владиміра, и потому напрасно предлагаетъ вопросъ: отъ кого ведутъ они начало — отъ древнихъ ли владѣтелей древлянскихъ, или отъ хановъ половецкихъ? Князья Болоховскіе владѣли *землею Болоховскою*, въ предѣлахъ нынѣшней Подольской Губерніи. Древній Болоховъ находился на берегахъ Буга Восточнаго, по дорогѣ изъ Кіева въ Галичъ. Карамзинъ относилъ этихъ князей къ племени Ольговичей (III пр. 346). Это тѣмъ достовѣрнѣе, что Михаилъ Черниговскій и Ізяславъ Владиміровичъ называли ихъ *своею братьею* — «дай нашу братью, или придемъ на тя войною» говорили они Данилу Галицкому, взявшему въ 1235 году

въ плѣнь князей Болоховскихъ (П. С. Р. Л. II, 174). Во всякомъ случаѣ, это свидѣтельство не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что князья Болоховскіе принадлежали къ потомкамъ Владиміра. Сомнительно только, изгнали ли ихъ (и куда?) Гедеминъ, покорившій вначалѣ XIV вѣка землю подольскую; авторъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, утвердительно, положительно. Однакожь дѣло вотъ въ чемъ: происходятъ ли князья Болховскіе Сѣверской Руси отъ князей Болоховскихъ Волынской Руси? Карамзинъ въ примѣчаніи 381 къ IX тому «Исторіи» осторожно замѣтилъ: *можетъ быть*. Родословная ихъ ему не была извѣстна. Но почтенный издатель настоящей книги, несмотря на очевидное свидѣтельство — именно эту родословную, которая не показываетъ ни малѣйшаго соотношенія двухъ фамилій, опираясь единственно только на замѣтку «Бархатной Книги», что Иванъ Болхъ былъ бездѣтенъ, и основываясь только на сходствѣ именъ, рѣшительно полагаетъ (не предполагаятъ), что Болховскіе — потомки Болоховскихъ. Родословную ихъ, по неизвѣстной причинѣ, онъ начинаетъ съ князя Александра Ивановича Болховскаго, внука Ивана Болха, который былъ родоначальникомъ фамиліи, оставляя безъ вниманія и безъ малѣйшаго объясненія прямое и ясное происхожденіе послѣдняго, отъ князя Андрея или Андреяна Звѣнигородскаго, родоначальника Звѣнигородскихъ. Неужели замѣтка «Бархатной Книги» о безчадіи Ивана Болхана столько достовѣрна и непогрѣшима, что позволяетъ, безъ дальнихъ разсужденій, вопреки яснымъ указаніямъ другихъ источниковъ, свободно отдѣлать цѣлую вѣтвь отъ родословнаго древа и дать небывалое значеніе ея происхожденію отъ чуждыхъ рюрикову роду князей-владѣтелей? Въ древней Руси, какъ всѣмъ извѣстно, титуломъ князя и соединеннымъ съ этимъ титуломъ правомъ владѣнія русскою землею, извѣстнымъ ея участкомъ

могли пользоваться и пользовались только одни потомки Рюрика. Иноплеменные же князья владѣльцами бывали только въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтали землю завоеваніемъ, какъ, напримѣръ, князья польскіе, литовскіе; такъ бывало въ древней Руси до раздѣленія ея на Восточную, Московскую, и Западную, Литовскую. Съ этого времени самостоятельное значеніе князей мало по малу угасаетъ, и они, дѣлаясь слугами, получаютъ уже землю за службу и для службы великимъ князьямъ московскому и литовскому.

Что же касается происхожденія князей Болховскихъ отъ одного родоначальника съ Звѣнигородскими и другими, донынѣ существующими, то достовѣрность его, кромѣ родословной, можетъ подтверждаться и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Почти всѣ фамиліи, происшедшія отъ Михаила Черниговскаго, получили свои имена отъ мѣстъ, которыми онѣ первоначально владѣли, на которыхъ сидѣли и кормились, и которыя всѣ принадлежатъ *Сверской* .Землѣ. Сыновья Михаила назывались *Карачевскими*, *Глуховскими-Новосильскими*, *Торусскими-Оболенскими*, правнуки *Масальскими*, *Козельскими*, и наконецъ *Болховскими* отъ мѣста, которое, вѣроятно, приняло названіе по прозвищу перваго поселившагося на немъ князя. Чаше бывало, впрочемъ, наоборотъ: сами князья получали прозваніе отъ мѣстъ, гдѣ жили. Новая селитьба, городокъ князя Ивана Болха сталъ называться *Болховымъ*. Князья, происходившіе отъ Болха и жившіе въ его удѣлѣ, Болховѣ, стали называться Болховскими, какъ другіе назывались Карачевскими, Козельскими, Масальскими и проч. Болховъ (нынѣ уѣздный городъ Орловской Губерніи) окружаютъ Карачевъ, Козельскъ, Одоевъ, Новосиль и другіе городки, гдѣ сидѣли потомки Михаила Черниговскаго и родоначальники существующихъ княжескихъ фамилій. Авторъ, впрочемъ, говоритъ,

слѣдуя указанію Карамзина, что Болховъ основанъ въ XVI столѣтіи. Но Карамзинъ говоритъ собственно о построеніи крѣпости, укрѣпленія, и вѣроятно на новомъ мѣстѣ, ибо въ XVII столѣтіи упоминается и старое, оставленное, Болховское Городище. Какъ бы то ни было, но вѣроятностей въ пользу *сѣверскаго* происхожденія князей Болховскихъ, какъ видимъ, несравненно болѣе, чѣмъ въ пользу ихъ происхожденія отъ князей Болховскихъ южныхъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ предметъ требовалъ хотя небольшого разысканія, которое, сверхъ того, совершенно убѣдило бы автора, что и Болоховскіе и Болховскіе князья происходятъ отъ св. Владиміра. До сихъ поръ ни одинъ изъ нашихъ историковъ въ этомъ не сомнѣвался; и еслибъ авторъ могъ доказать противное, то мы приобрѣли бы весьма любопытное и весьма важное данное для объясненія древняго общественнаго нашего быта.

Вообще, по поводу этихъ замѣтокъ, нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ у насъ не сдѣлано своднаго критическаго изданія древнихъ родословныхъ книгъ. Не говоримъ о ихъ общемъ значеніи для исторіи: и въ частности, именно въ отношеніи теперешнихъ дворянскихъ родословіи, такое изданіе послужило бы важнѣйшимъ документомъ и устранило бы многія невѣрныя положенія, которыя почти неизбѣжны при недостаткѣ матеріаловъ, хорошо изданныхъ, обследованныхъ критически. Намъ кажется, что такое изданіе должно бы предшествовать родословнымъ росписямъ «Россійской Родословной Книги»; мы говоримъ, разумѣется, въ отношеніи только русскихъ родословныхъ. Самая «Бархатная Книга» требовала предварительной критической оцѣнки.

ПАТИНЫ И ПОГОСТЫ.

*О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI-вѣкѣ,
съ приложеніемъ карты. Соч. К. А. Неволна.
Спб. 1853.*

Вся VIII книга «Записокъ Географическаго Общества» занята сочиненіемъ г. Неволна «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложеніемъ карты».

«Древняя Новгородская Область, раздѣлялась иѣкогда на пять частей, носившихъ названіе пятинъ, а каждая пятина— на множество болѣе или менѣе обширныхъ округовъ, именованныхъ погостами, изъ которыхъ въ каждомъ почти было свое главное селеніе, называвшееся также погостомъ». Главная задача труда г. Неволна состояла въ томъ, чтобъ разъяснить по возможности происхожденіе, равно какъ географическое и правительственное значеніе такого раздѣленія. Вопросъ этотъ, по обширности его отношеній къ другимъ вопросамъ историческимъ, географическимъ, бытовымъ, правительственнымъ и проч., представляетъ для изслѣдователя немовѣрныя трудности и при настоящемъ состояніи нашихъ историческихъ изысканій едва-ли можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно. Поэтому весьма понятно, что трудъ г. Неволна долженъ былъ по необходимости ограничиться одними только первоначальными, приуготовительными работами, ко-

*
* *

торыя оковчены ученымъ авторомъ съ необыкновенною добросовѣстностью и полнотою, такъ что во всякомъ случаѣ составляютъ замѣчательнѣйшее пріобрѣтеніе историко-географической литературы въ послѣднее время. Самъ авторъ замѣчаетъ, что настоящія его изслѣдованія представляютъ только первый періодъ работъ, самый общій очеркъ Новгородской Области — очертаніе самаго существеннаго въ ней; что средоточіе всего труда заключается въ картѣ, которой авторъ даетъ такое заглавіе: *Карта пятины новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ показаніемъ въ нихъ городовъ и поустовъ*. Все прочее должно служить только къ поясненію и оправданію этой карты. Изъ заглавія карты можно видѣть и границы труда. Авторъ поставилъ себѣ задачу: «изобразить положеніе пятины новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, означивъ тогдашнія ихъ границы и бывшіе въ нихъ тогда не только города, но и тѣ главныя селенія и вообще мѣстности, отъ которыхъ получили свое наименованіе новгородскіе погосты, принимая послѣднее слово въ смыслѣ округовъ».

Что касается до раздѣленія Новгородской Области на пятинны, то многіе изъ прежнихъ изслѣдователей приписывали этому раздѣленію глубокую древность, относили его къ началу нашей исторіи. Но, по достовѣрнымъ официальнымъ свидѣтельствамъ, раздѣленіе на пятинны является только послѣ 1477 года, то-есть по окончательномъ покореніи Новгорода Іоанномъ III-мъ; по крайней мѣрѣ до того времени о пятиннахъ не упоминается. Но если нигдѣ въ древнихъ памятникахъ и лѣтописяхъ не встрѣчается слово «пятинна», за-то самыя имена пятины упоминаются лѣтописцами довольно часто; этими именами они обозначаютъ отдѣльныя области, волости, новгородской территоріи. Еще изъ ярославова устава о мостовыхъ Новгорода видимъ, что въ немъ были, между прочимъ, сотни *Блѣжичкая, Вочкая, Обониская*. Безъ

всякаго сомнѣнія, эти названія сотенъ обозначали пришлыя части населенія и пришлыя именно изъ тѣхъ областей, имена которыхъ были усвоены сотнями. Въ лѣтописяхъ словами: вожане, бѣжичане, обоничане, Шолона, Луга, по-Мостье обозначались также или жители извѣстныхъ волостей, земель, или самыя эти земли (Шолона, Луга, Деревя и проч.).

Такимъ образомъ, если самое слово «пятина», какъ мы упомянули, нигдѣ раньше конца XV вѣка не встрѣчается, то во всякомъ случаѣ дѣленіе новгородской территоріи на области съ тѣми же самыми названіями существовало гораздо прежде. Основаніемъ такому дѣленію послужили, можетъ быть, еще первобытныя, племенные отношенія... Въ концѣ XV-го вѣка это древнѣйшее, такъ сказать, народное дѣленіе, получило только большую административную опредѣленность; пять главнѣйшихъ областей древней территоріи Новгорода были названы «пятнами». Впрочемъ, опредѣлить точно, въ какой мѣрѣ древнее раздѣленіе послужило основаніемъ новому — нельзя, потому что для этого мы не имѣемъ никакихъ данныхъ... «Область пятинъ (говоритъ авторъ) не обнимала всѣхъ древнихъ владѣній Новгорода, а ограничивалась наиболѣе близкими къ нему, внутренними его землями. Въ область «пятинъ» не входили многія земли, лежавшія на сѣверѣ, востокъ и югъ, именно земли, лежавшія въ глубокомъ сѣверѣ по берегамъ Студенаго Моря; земли по рѣкамъ Онѣгѣ и Двинѣ и далѣе къ востоку; Бѣжичи, Торжокъ, Великія Луки, Ржевъ и земли вокругъ этихъ городовъ».

Слишкомъ большая величина пятинъ сдѣлала необходимымъ раздѣленіе каждой изъ нихъ на двѣ половины. Такъ, напримѣръ, Вотская Пятина дѣлилась на половины Корѣльскую и по-Лужскую, Шелонская на за-Русскую и за-Лѣсскую и т. д. «Это раздѣленіе пятинъ относится ко времени Іоанна IV; по крайней мѣрѣ ранѣе того не встрѣчается.

По отношенію къ гражданскому управленію, раздѣленіе Новгородской Области на пятины, а пятинь на половины имѣло слѣдующее значеніе: По пятинамъ и половинамъ было опредѣляемо географическое мѣстоположеніе селеній и по нимъ же былъ производимъ счетъ обывателей и податнаго имущества ихъ, а равно недвижимаго казеннаго имущества, слѣдовательно, счетъ податей, повинностей и казенныхъ отъ недвижимыхъ имуществъ доходовъ. Такимъ образомъ это раздѣленіе имѣло правительственно-статистическую важность. Вслѣдствіе сего, раздѣленіе по пятинамъ и половинамъ было полагаемо въ основаніе правительственныхъ распоряженій и получало практическое значеніе всякій разъ, какъ скоро изъ жителей Новгородской Области надлежало образовать, для удовлетворенія какой-либо потребности государственной, большія единицы. Сюда относятся слѣдующіе случаи: 1) дворяне и дѣти боярскіе каждой пятины составляли особое цѣлое въ отношеніи къ отправленію воинской службы, были верстаны однимъ сановникомъ, отправлялись на службу въ одномъ ополченіи, образовали, слѣдовательно, особый отрядъ въ цѣломъ войскѣ и подвергались общему распоряженію. 2) Безъ сомнѣнія, и посонная служба лицами городского и сельскаго состоянія была отправляема по пятинамъ, такъ что городскіе и сельскіе обыватели одной пятины образовали въ этомъ отношеніи одно цѣлое. 3) Когда для дѣлъ уголовныхъ учреждено было особое управленіе, извѣстное подъ именемъ губнаго, то пятины, или половины ихъ, составляли, каждая, особую губу. 4) По указу царя Алексѣя Михайловича, для слушанія сочиненнаго удоженія, велѣно было избрать изъ новгородцевъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ пятины по человѣку. Такимъ образомъ обыватели каждой пятины, или половины, соединялись между собою внутренними связями и образовали особое общество: дворяне и дѣти боярскіе по отношенію къ

помѣстной службѣ, городскіе и сельскіе обыватели по отношенію къ службѣ посошной, всё вообще по отношенію къ губному устройству».

Учрежденіе *погостовъ* авторъ положительно приписываетъ Ольгѣ. «*Знамяня мудрой Ольги—погосты ея—суть и до сего дне*». Этими словами заключаетъ онъ даже свое изслѣдованіе. Основаніемъ этому положенію служитъ только одно извѣстное мѣсто лѣтописи: «Иде Вольга Новгороду и уставы по Мьстѣ пов(г)осты и дани, и по Лузѣ оброки и дани, ловища ея суть по всей земли, знамяня и мѣста и пов(г)осты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Дятпру перевѣсяща и по Деснѣ и есть село ея Ольжичи и доселѣ». Изъ этого мѣста лѣтописи видно, что Ольга *установила* погосты только по Мьстѣ, а не по всей Новгородской Области. По крайней мѣрѣ расширять, распространять смыслъ этого мѣста безъ натяжекъ нельзя. Чтожь касается до значенія этого слова, то изъ того же мѣста ясно, что въ первомъ случаѣ оно значить дань, извѣстный оброкъ, урокъ, а во второмъ можетъ означать и мѣсто, какъ административный центръ. Впрочемъ, авторъ подробно излагаетъ всё высказанныя печатно мнѣнія о значеніи слова «погость» и склоняется къ тому, что учрежденные Ольгою погосты могутъ быть понимаемы только въ смыслѣ правительственно-географическихъ округовъ и въ смыслѣ главныхъ мѣстностей такихъ округовъ. За тѣмъ, приводя послѣдующее значеніе слова «погость», какъ дани, пошлины (*погоста имѣ не платити*), онъ не придаетъ особой важности этому значенію, хотя и замѣчаетъ, что оно могло бы очень приличествовать извѣстію лѣтописей, въ которыхъ погосты, дани, оброки соединяются вмѣстѣ: *уставы, погосты и дани, оброки и дани*. «Оброки второй части этого извѣстія, говоритъ авторъ, не соотвѣтствуютъ ли, не равнозначительны ли погос-

... и ... в ...

... и ... в ...

именно для увеселенія и угощенія ихъ. Собирая къ себѣ и къ своимъ пріиждивцамъ окрестныхъ жителей, мѣста богослужебныя открывали случай для торговли (гостьбы въ этомъ смыслѣ) между ними. Такія мѣста могли быть и пристанищами для путешественниковъ (какъ бы гостинницами). Довольно отношеній, чтобъ во времена отдаленнѣйшей древности могли за мѣстами богослужебными утвердиться названія погостовъ! Во всякомъ смыслѣ разные лица, и особенно окрестные жители, пріѣзжали и приходили сюда гостить (погостить). Но эта самая древность не позволяетъ въ настоящемъ случаѣ произносить приговоръ слишкомъ рѣшительный. Исслѣдованія по славянской мнѳологiи только начались...»

Во всемъ этомъ есть своя доля правды, хотя въ сущности это одни только гаданія... Вопросъ, за совершеннымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, такъ теменъ, что даже нѣтъ возможности и опровергать предположенія автора... Могло быть и такъ, могло быть и иначе...

Значеніе погоста въ историческое время, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, опредѣляется слѣдующими чертами: погость былъ земскимъ центромъ, центромъ извѣстной общины, центромъ *мѣстнымъ*—географическимъ и бытовымъ, правительственнымъ, юридическимъ. Это значеніе погоста такъ осязательно, что вполне признается всѣми изслѣдователями. Скажутъ, впрочемъ, что это уже позднѣйшее его значеніе, выясняемое вполне только при помощи позднѣйшихъ указаній и свидѣтельствъ. Но такъ было въ XIII столѣтіи отчего же иначе могло быть за три или четыре столѣтія прежде, когда, спустя слишкомъ пять столѣтій, погость все еще сохраняетъ нѣкоторыя черты своего первобытнаго значенія, несмотря на многія административныя перемѣны, дѣленія и подраздѣленія земель?

ствомъ лѣтописей и другихъ древнихъ памятниковъ... Какое же было его значеніе въ болѣе отдаленной древности?... Выше мы замѣтили, что для разсужденій объ этомъ предметѣ нѣтъ твердой, положительной опоры.

Въ доисторическое время, родовая, племенная община собиралась для общаго дѣла въ извѣстное мѣсто; выборъ этого мѣста, разумѣется, былъ случайный; мѣсто это, вслѣдствіе многихъ земскихъ и другихъ отношеній, само собою дѣлалось центромъ, къ которому тянуло все окрестное населеніе. Тамъ, наприимѣръ, могъ жить старшина рода, племени, слѣдственно и общины... Это самое сборище, мирской сходъ, съѣздъ, можетъ быть, въ глубокой древности носилъ названіе *погоста*, а отъ него и самое мѣсто получало также названіе погоста, точно такъ, какъ, по замѣчанію г. Буткова, *погостиною* до сихъ поръ на богемскомъ нарѣчій называютъ съѣзжее мѣсто. Есть и позднѣйшія указанія на такое значеніе погоста. Въ писцовой книгѣ Обонѣжской Пятины 1615—1617 годовъ о церквахъ Мегорскаго Погоста замѣчается: «Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большіе за трапезы мѣсть, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне». По описаніи церкви Шимозерской Волости замѣчается: «Да на погостѣ жъ изба схожая, а сходятца въ ней крестьяне по воскресеньямъ».

Кромѣ того, слово «погость», какъ названіе мѣста, можетъ указывать цѣлый рядъ словъ, въ которыхъ заключено понятіе *зощенія*, *зощитъ*. Въ той же Новгородской Области мы встрѣчаемъ географическія названія: гостица, гостино поле, гостунья, гостибицы, гостижицы, гостилицы, не-гостицы, ю-гостицы, рад-гостицы, могло-гость, видо-гоща, з-гоща, про-гоща, ле-гоща, у-гоща, утро-гоща, сто-гоща, под-гощи и проч., равно и въ другихъ славянскихъ областяхъ: о-гоща, по-госты, за-гость, слово-гощъ, радо-гость, радо-

гоцъ, радо-гоца и т. д. Настоящій смыслъ этихъ словъ для насъ потерявъ вѣстѣ съ земскими, общинными отношеніями древнѣйшаго населенія нашей земли. Точно также мы не знаемъ, напримѣръ, в настоящаго смысла такъ-называемыхъ *клязмихъ* и древнихъ народныхъ личныхъ именъ: Святославъ, Ярославъ, Изяславъ, Вячеславъ, Всеславъ, Мстиславъ, Ярополкъ, Святополкъ, Владиміръ, Остромиръ, Наславъ и т. п. Все это слова, которыя нѣкогда были понятны, ясно выражали тѣ представленія, которыми наши древнѣйшіе предки опредѣляли характеры или свойства лицъ. Судя по позднѣйшему значенію словъ *юстимъ*, *юстимбу дьякъ* и *юсть*, во всѣхъ приведенныхъ выше географическихъ названіяхъ должно заключаться понятіе о торгѣ и сѣзжемъ *мѣстѣ* для торга. Такъ объясняетъ слово погостъ и г. Тюрьнѣ. Онъ говоритъ: «Мѣсто временнаго соединенія (родовъ) съ торговою цѣлью, вѣроятно, называлось *полюстомъ*; по крайней мѣрѣ, сколько можно заключать по буквальному смыслу этого слова — должно полагать, что таково было его первоначальное значеніе».

Какъ бы то ни было, но погостъ былъ земскимъ, общиннымъ центромъ. Необходимость такого центра обуславливалась древнѣйшимъ бытомъ Славянъ, бытомъ родовыхъ общинъ, которыя неизбежно должны были тянуть къ какому либо центру, потому что въ немъ, въ этомъ земскомъ центрѣ, только и могли сохраняться, имъ только и могли поддерживаться общинныя основы ихъ быта. И потому *полюсты* существовали по всей русской землѣ, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ было искони славянское населеніе, на сѣверѣ также, какъ и на югѣ. Само собою разумѣется, что, при появленіи въ жизни этихъ общинъ новаго элемента — элемента государственнаго, погосты должны были утратить свое первобытное значеніе и особенно тамъ, гдѣ княжескія отношенія стали пре-

обладать надъ прочими, слѣзались первенствующими — на-
примѣръ, въ южной половинѣ древней Руси. На сѣверѣ, ко-
торый оставался почти всегда въ сторонѣ отъ центра дѣй-
ствій, погосты, какъ и многая другая *старина* и *пошлина*,
сохранялись долѣ....

Что же касается до того вопроса, что погосты были нѣ-
когда мѣстами языческаго богослуженія, то хотя на это нѣтъ
никакихъ опредѣленныхъ, твердыхъ указаній и свидѣтельствъ,
однако отвергать этого предположенія тоже нельзя. Въ языче-
ской древности погосты, какъ географическіе и земскіе центры,
по необходимости должны были служить и мѣстами богослу-
женія. Вопреки противоположнымъ мнѣніямъ, это тѣмъ болѣе
вѣроятно, что языческое богослуженіе было, въ свою оче-
редь, одною изъ важнѣйшихъ формъ соединенія, связи пле-
менъ, или общинъ, такъ что едва ли оно не было и первымъ,
главнымъ узломъ для торговаго соединенія въ извѣстныхъ
мѣстахъ, или въ такъ называемыхъ погостахъ. Припомнимъ
пирь и *братчины* — эти мірскія складчины на общее уго-
щенье, на пиво и брагу; въ настоящее время имъ приписы-
ваютъ языческую древность, видятъ въ нихъ остатки древ-
нѣйшаго языческаго богослуженія, что совершенно справед-
ливо. Если въ историческое уже время братчинское уго-
щенье сосредоточивалось у *праздника*, то есть у сельска-
го храма, гдѣ совершалось общее годовое празднованіе, то
гдѣ же сосредоточивалось это угощеніе въ языческое время,
въ то время, когда оно носило въ себѣ положительный рели-
гіозный смыслъ? Безъ сомнѣнія, также у мѣста, гдѣ проис-
ходили жертвенные обряды, куда для этого собиралась общи-
на, міръ. Сборище это, мірской сѣздъ, и называлось пого-
стомъ. Нося въ себѣ не одно только религіозное значеніе,
но по преимуществу общинное — значеніе земскаго сѣзжа-
го, сборнаго мѣста, *погостъ*, при введеніи христіанства,

потерялъ первое и легко удержалъ послѣднее, съ которымъ и является въ лѣтописныхъ и другихъ извѣстiяхъ. Во время общаго, всенароднаго распространенiя христіанства, гдѣ прежде всего могло явиться новое ученіе, какъ не въ общинномъ центрѣ, въ томъ мѣстѣ, куда тянуло окрестное населеніе? Весьма естественно, что здѣсь впервые оно было предложено населенію; здѣсь же построенъ былъ миромъ на общую, мирскую складчину и первый христіанскій храмъ и, можетъ быть, даже на мѣстѣ языческаго требища... Подлѣ храмовъ, по христіанскому обычаю, полагались всегда покойники: кладбище это стало также именоваться погостомъ. Но и въ этомъ случаѣ слово погостъ удерживаетъ свой первоначальный смыслъ — сборнаго, съѣзжаго мѣста, потому что въ извѣстные годовые дни сюда окрестные, приходскіе, поселяне собираются обыкновенно для справленiя поминковъ *по родителямъ*. Самое кладбище, какъ сборное мѣсто покойниковъ, называлось погостомъ въ томъ же смыслѣ. Вотъ пословицы: *Жаль батьку да везти на погостъ. Живучи на погостѣ, всѣхъ не оплачешь. Мертвыхъ съ погоста не волокутъ, не возятъ. Было бѣ пиво на погостѣ, а у пива будутъ гости.*

«Большая часть погостовъ (говоритъ авторъ) имѣла составное, двойное наименованіе. Одно изъ сихъ названій болѣею частью было заимствовано отъ церкви, или церквей, бывшихъ въ главномъ селеніи погоста; другое — отъ имени этого главнаго селенiя; напримѣръ, погостъ Андреевской Грузинской и пр. Къ составному наименованію присоединялась еще иногда какая нибудь отличительная черта, заимствованная отъ рѣки, народа, обширной мѣстности, гдѣ находилось главное селеніе погоста, напримѣръ, Успенской Коломенской на Волховѣ, Воздвиженской Опольской въ Чуди и пр.»

«Нѣсколько погостскихъ округовъ не имѣли ни главнаго селенiя, ни церкви. Таковы были: Заверяжье, Малая Лопца

и, можетъ быть, погосты Паозерскій и Каргальскій. Въ смыслѣ географическаго округа погостъ образовалъ непрерывное пространство земель, лежавшихъ однѣ подлѣ другихъ и въ одномъ мѣстѣ». Во всѣхъ пятинахъ было 343 погоста, включая сюда и равные имъ отдѣлы пятинъ, хотя и не называвшіеся прямо погостами, но имѣвшіе одинаковое съ ними значеніе.

Величина погостскихъ и подобныхъ имъ округовъ была весьма различна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они, по количеству земли, были весьма необширны и на небольшомъ пространствѣ скоплялось ихъ нѣсколько; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ округи погостскіе были очень обширны, и главныя селенія одного и другаго погоста находились въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Первое было особенно съ погостами, расположенными близъ Новгорода; второе — преимущественно съ погостами Вотской и Обонѣжской Пятинъ, лежавшими на сѣверныхъ ихъ оконечностяхъ.

«Кромѣ раздѣленія на пятинны и погосты, Новгородская Область раздѣлялась еще на *уѣзды*, которые иначе назывались *присудами*. Это раздѣленіе имѣло одинаковъй смыслъ съ подобнымъ раздѣленіемъ на уѣзды, которое было извѣстно и въ иныхъ частяхъ Россіи. Въ Новгородской Области раздѣленіе на уѣзды существовало подлѣ двухъ другихъ, рассматриваемыхъ выше, и не смѣшивалось съ ними. Одна и та же пятина и даже одинъ и тотъ же погостъ могли принадлежать и дѣйствительно принадлежали къ-разнымъ уѣздамъ». Изъ слова *присуды* можно заключить, что главною причиною этого дѣленія былъ *судъ* княжескій или вообще правительственный: центромъ уѣзда былъ городъ, гдѣ обыкновенно и сосредоточивалась судебная власть. Само собою разумѣется, что это раздѣленіе на уѣзды возникло гораздо послѣ первоначальнаго раздѣленія всего земства на погостскіе округи.

«Въ приложеніяхъ къ тексту моего сочиненія (говоритъ авторъ) представлены подробныя выписки изъ писцовыхъ

новгородскихъ книгъ, бывшихъ у меня въ рукахъ. Онѣ сдѣланы преимущественно съ тою цѣлью, чтобъ представить читателямъ доказательства для многихъ частей моего изслѣдованія, но и кромѣ того вообще съ цѣлью — сообщить желающимъ ближайшее знакомство съ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ познанія о древней русской жизни и при удобномъ случаѣ наглядно указать, какія самыя разнообразныя свѣдѣнія могутъ быть извлечены изъ этого источника.»

Дѣйствительно, для исторіи внутренняго быта, для исторіи собственно-земства, писцовыя книги представляютъ единственный, богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ, и, конечно, нельзя не желать вмѣстѣ съ авторомъ (стр. 32), чтобъ изданіе писцовыхъ книгъ не отлагалось въ долгій ящикъ. Въ настоящее время этотъ матеріалъ даже необходимо всякаго другаго: безъ него нѣтъ возможности рѣшить многихъ и многихъ вопросовъ нашей исторіи, не говоря ужъ о томъ, что взглядъ на наше прошлое, пониманіе нашей исторической жизни никогда не достигнетъ той истины и полноты, той ясности и опредѣленности, которыя даются только какъ результатъ подробнаго, внимательнаго изученія народнаго, земскаго быта, раскрываемаго въ писцовыхъ книгахъ съ важнѣйшей его стороны.

Притомъ и самыя географическія названія въ высшей степени драгоценны: въ нихъ хранится географическій языкъ древнѣйшей эпохи, языкъ, въ которомъ отъ насъ утаенъ цѣлый міръ племенныхъ и земскихъ отношеній, вѣрованій и воззрѣній на природу и т. п. Ходаковскій первый приподнял завѣсу, скрывающую отъ насъ этотъ доисторическій міръ. Нынѣшнія работы надъ исторіею языка многое освѣтили на этомъ пути. Наука ожидаетъ новаго Ходаковского — по крайней мѣрѣ для разбора указанныхъ матеріаловъ, потому что и здѣсь подвигъ будетъ труденъ и малозамѣтенъ.

ЗАМѢТКИ О КНИГАХЪ.

О мѣстоположеніи Древняго Новгорода. Историческое изслѣдованіе Ивана Красова. Новгородъ. 1851.

Вопросъ о мѣстоположеніи Новгорода чрезвычайно *мѣстный* вопросъ и въ самой археологіи; результаты его, какъ бы ни были добросовѣстно и тщательно добыты, не могутъ представить слишкомъ значительнаго пріобрѣтенія для науки. Главная задача археологіи — узнать древняго человѣка во всѣхъ сферахъ его нравственнаго и физическаго быта: поэтому для нея и самые памятники вещественные, и мѣста, гдѣ жилъ человѣкъ, важны въ томъ только отношеніи, на сколько они объясняютъ этотъ бытъ. Городъ, улица, напримѣръ, получаютъ значеніе только по отношенію къ протекшей жизни, которая одна и можетъ придать мѣсту какой либо исторической интересъ. Но этимъ мы не хотимъ сказать, что города и улицы, особенно «историческіе», не заслуживаютъ развѣсканій. Напротивъ, труды по этой части имѣютъ гораздо большее значеніе, нежели какъ понимаетъ и какъ принимаетъ ихъ обыкновенно большинство публики. Дѣло въ томъ, что безъ такихъ приготовительныхъ трудовъ невозможно сдѣлать шагу въ дальнѣйшихъ археологическихъ развѣсканіяхъ: на нихъ-то собственно и утверждается наука. Но, само собою разумѣется, подобные труды, чтобы вполне соответствовать

цѣлямъ науки, должны отличатся добросовѣстнымъ, тщательнымъ и точнымъ исполненіемъ. Историческое изслѣдованіе г. Красова, по добросовѣстности и строгости, съ кот ороу онъ предлагаетъ свои выводы—одна изъ лучшихъ книгъ въ нашей литературѣ по части археологіи. Главный вопросъ, предложенный авторомъ для своего сочиненія состоитъ въ опредѣленіи, по какимъ именно мѣстамъ въ нынѣшнемъ Новгородѣ пролегавъ улицы, упоминаемыя въ лѣтописяхъ и особенно въ описи Новгорода, составленной въ 1623 году. Существенно вся работа заключается въ томъ, чтобы на планъ нынѣшняго Новгорода наложить древній его планъ, подтвердивъ проведенныя линіи лѣтописными и другими фактами. Безъ древнихъ чертежей это сдѣлать чрезвычайно трудно, несмотря даже на то, что, можетъ-быть, ни объ одномъ городѣ не сохранилось столько топографическихъ указаній въ лѣтописяхъ, какъ о Новгородѣ. Но этотъ недостатокъ древнихъ чертежей и долженъ былъ вызвать изслѣдованіе г. Красова—изслѣдованіе, которое нерѣдко на однихъ только лѣтописныхъ данныхъ съ самою удовлетворительною точностью опредѣляетъ линіи древнихъ улицъ и указываетъ мѣста несуществующихъ уже монастырей и церквей. Конечно, не обошлось и безъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ толкованій, но всѣ они большею частью произошли отъ скудости и отрывочности лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Главный и существенный недостатокъ въ изслѣдованіи г. Красова—недостатокъ плана *древняго* Новгорода съ наложеніемъ на нынѣшній. По нашему мнѣнію, этотъ планъ долженъ составлять результатъ всего изслѣдованія; при немъ только и можно читать съ пользою книгу г. Красова, а безъ него она теряетъ по крайней мѣрѣ на половину. Приложенный къ книгѣ нынѣшній планъ не восполняетъ этого недостатка. Болѣе замѣчательные выводы или *положенія* автора заключаются въ слѣдующемъ: Новгородъ до начала XVII ст. занималъ

почти такое же пространство, какое онъ занимаетъ нынѣ. Въ началѣ XIII ст. было, кажется, неболѣе четырехъ концовъ. Пространство, извѣстное подъ именемъ Гончарскаго Конца, носило прежде названіе Конца Людина...

Исторія Россіи, т. Соловьева, томъ второй, М. 1852; томъ третій, М. 1852.

Во второмъ томѣ своей исторіи г. Соловьевъ представляетъ весьма подробный обзоръ событій отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, съ 1054 до 1228 г., или общія черты явленій нашей древней исторіи. Но все эти событія, все эти явленія заключаются въ однихъ лишь междукняжескихъ отношеніяхъ, въ борьбѣ князей за отчій столъ и за волости; слѣдственно, въ безпрестанныхъ походахъ, войнахъ и т. п. Предъ вами проходитъ безчисленныя ряды лицъ, спорящихъ и воюющихъ почти на каждой страницѣ. Войны эти разнообразятся только войнами съ сосѣдями, болѣею частью кочевыми варварами. Въ этомъ собственно и состоятъ все внутреннія и внѣшнія отношенія, разсматриваемыя авторомъ въ каждой главѣ. И отъ этого занимательность втораго тома далеко уступаетъ занимательности перваго. Притомъ мы видимъ здѣсь одну только исторію великокняжескаго дома; авторъ слѣдитъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ княжескихъ счетовъ и отношеній, считаетъ пульсъ cadaго событія, вызваннаго этими отношеніями... Подробности же внутренняго быта русскаго общества въ эту эпоху авторъ намѣренъ представить въ слѣдующемъ, третьемъ томѣ. Мы не думаемъ, однакожь, чтобъ такое изложеніе событій могло быть вѣрно. Намъ кажется, что внутренній бытъ общества въ исторіи долженъ предшествовать внѣшнему или внѣшнимъ событіямъ; прежде необходимо показать почву, на которой

совершались внѣшнія явленія, показать всѣ условія, которыя вызывали или ограничивали эти явленія, давали имъ извест- ный ходъ и направленіе. Вѣдь мы начинаемъ же исторію на- рода съ описанія земли, на которой живетъ этотъ народъ. Если это считается необходимымъ, то весьма необходимо по- знакомиться съ человѣкомъ прежде, нежели онъ выйдетъ на сцену, познакомиться съ характеромъ и обстановкою жизни дѣйствателя, со всѣми условіями, которыя слагали тотъ или другой историческій образъ, то или другое событіе. Да притомъ и отдѣлять внутренній бытъ отъ внѣшняго можно только страницами, а не томами. Каждое событіе или рядъ однородныхъ, известныхъ явленій, безъ-сомнѣнія, должны представлять въ изложеніи цѣльный, живой организмъ, въ которомъ должны быть указаны всѣ отправленія, всѣ силы взаимно дѣйствующія, всѣ условія, которыя дали жизнь этому организму: тогда только и понятна будетъ исторія. Въ про- тивномъ случаѣ, не будетъ даже и исторіи, а будутъ отдѣль- ныя изслѣдованія по поводу того или другаго историческаго вопроса. Такъ и у насъ, рядомъ съ княжескими отношеніями или отношеніями *земства*, отношенія, напримѣръ, городского населенія къ князьямъ, не говоря ужъ о другихъ многихъ от- ношеніяхъ.

Авторъ самъ нѣсколько разъ повторить, напримѣръ, что южное населеніе отличалось отъ сѣвернаго, а въ сѣверномъ бытъ Новгорода весьма отличался отъ быта остальныхъ сѣ- верныхъ областей (стр. 429). Все это и требовало по край- ней мѣрѣ такого же подробнаго объясненія и изображенія, какое посвящено обзору войнъ и княжескихъ отношеній, тѣмъ- болѣе, что на различіи сѣвернаго населенія отъ южнаго, на раз- личіи новыхъ городовъ отъ старыхъ авторъ утверждаетъ свое положеніе объ установленіи государственнаго порядка въ древней Русь.

Третій томъ «Исторіи Россіи», законченъ смертью в. к. Дмитрія Іоанновича Донскаго. Первая глава этого тома посвящена обзору *внутренняю состоянкія русскаю общества отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаю. 1054—1228*. Здѣсь собраны всѣ лѣтописныя и другія данныя о частной и общественной жизни нашихъ предковъ въ первый періодъ гражданскаго ихъ быта. Авторъ вначалѣ опредѣляетъ общее, то-есть земское значеніе князя, потомъ значеніе князя, старшаго въ родѣ, его отношенія къ младшимъ, его обязанности земскія, права, доходы, частную собственность и хозяйство, наконецъ образъ жизни князя отъ дня рожденія до смерти. Изобразивъ князя древней Руси, авторъ переходитъ къ дружинѣ; за дружиною слѣдуетъ полкъ—земское войско, способы войны и проч. Затѣмъ авторъ обращается къ земству, то-есть къ народонаселенію городскому и сельскому, и рассматриваетъ сначала города, ихъ устройство, а потомъ вообще земское или волостное населеніе, его число, пособія и препятствія къ его умноженію. Отъ этого прямой переходъ къ обзору торговли съ монетною системою, и за тѣмъ къ искусству. Отъ торговли зависѣло матеріальное благосостояніе, слѣдовательно и удобства частной, домашней жизни, которыя и служатъ предметомъ слѣдующаго обзорѣнія. Отъ матеріальнаго состоянія русскаго общества онъ обращается къ нравственному его состоянію, и прежде всего обзорѣваетъ состояніе религіи и церкви, то-есть излагаетъ исторію церкви съ подробностями ея управленія и матеріальнаго благосостоянія, описываетъ частную благочестивую жизнь князей и другихъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, объясняетъ значеніе и подвиги монашества... Изложивъ исторію вѣры, дававшей главное направленіе нравственности, авторъ переходитъ къ юридическимъ понятіямъ, господствовавшимъ въ тогдѣшнемъ обществѣ, къ понятіямъ о народномъ правѣ,

къ борьбѣ лучшихъ христіанскихъ понятій и стремленій со страстями и, главное, съ прежними языческими вѣрованіями, которыя были еще довольно сильны въ то время. Сдѣлавъ такой подробный и прекрасный очеркъ нравственнаго состоянія русскаго общества въ разсматриваемый имъ періодъ, авторъ переходитъ къ исторіи грамотности и за нею къ памятникамъ языка и словесности, начиная съ посланій и оканчивая лѣтописями (стр. 90—149).

Изъ этого перечня можно ужъ видѣть, сколько занимательнаго представляетъ эта превосходная глава исторіи г. Соловьева; и вообще нужно замѣтить, что въ русской исторіи въ первый разъ является такая полная и живая картина внутреннего состоянія русскаго общества въ древнѣйшій періодъ его исторической жизни, хотя въ то же время нельзя умолчать и о томъ, что впечатлѣніе читателя нарушается иногда эпизодическими отступленіями, которыя, въ строгомъ смыслѣ не имѣли бы мѣста въ этомъ живомъ обзорѣ. Къ такимъ отступленіямъ, задерживающимъ ходъ повѣствованія, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, прекрасное изслѣдованіе о лѣтописяхъ... Оно могло бы занять болѣе видное, болѣе почетное мѣсто въ критическомъ обзорѣ источниковъ для избраннаго періода.

Мы упоминали здѣсь о періодахъ; но въ исторіи г. Соловьева нѣтъ періодовъ. Еще въ началѣ своего труда авторъ положилъ: «не дѣлать, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи» (Предисловіе къ 1 т.). Устраняя такимъ образомъ дѣленіе русской исторіи на періоды, авторъ доказываетъ, напримѣръ, что о норманскомъ періодѣ, о монгольскомъ періодѣ и пр. не должно быть и рѣчи, потому что такими обозначеніями необ-

ходимо закрываються главныя явленія, главныя причины этихъ явленій. Все это такъ и до извѣстной степени можетъ быть справедливо: намъ нужны начала, непосредственное преемство формъ—хорошо. Но какъ же мы распорядимся съ матеріаломъ? какъ легче изучить, уразумѣть этотъ матеріалъ — въ цѣлой ли необозримой грудѣ, или по частямъ, которыя должны выяснять цѣлое, всю массу минувшихъ событій и фактовъ исторической жизни народа?

Обзоръ событій и вообще лѣтописныхъ фактовъ авторъ распредѣлялъ по главамъ, по извѣстнымъ отдѣламъ, или частямъ времени, которыя и служатъ, такъ-сказать, рамками для изложенія событій. Въ каждой такой главѣ событія и лѣтописные факты авторъ располагаетъ группами — по участкамъ или княжествамъ древней Россіи, существовавшимъ въ то время; онъ дѣлаетъ обзоръ событій на югѣ, сѣверѣ, западѣ; сначала обозрѣваетъ въ каждомъ отдѣльномъ участкѣ событія *внутреннія*, то-есть событія, совершавшіяся въ границахъ этого участка, потомъ событія *внѣшнія*, то-есть событія, происходившія за границами участка, или отношенія участка къ сосѣдямъ, одноплеменнымъ и иноземцамъ. Въ концѣ главы авторъ сводитъ обыкновенно извѣстія о дружинѣ, или о боярахъ. Такимъ-образомъ каждая глава «Исторіи» г. Соловьева, по сущности изложенія, носитъ характеръ цѣлаго періода, и, слѣдовательно, вся исторія излагается синхронистически: въ данное время, определенное главою, авторъ обозрѣваетъ всѣ событія, совершившіяся въ тогдашней русской области, слѣдитъ за всѣми явленіями, возникшими во всѣхъ ея концахъ.

Само собою разумѣется, что выясненіе основнаго начала много терпитъ отъ такого изложенія. Авторъ отвергнулъ дѣленіе на періоды, но за-то раздробилъ русскую исторію на главы, предлагая такое дробное обозрѣвіе главныхъ исто-

рических началъ, непосредственнаго преемства формъ, что для читателя весьма трудно выкинуть въ это непосредственное преемство формъ, весьма трудно дать себѣ отчетъ въ нихъ равномъ, послѣдовательномъ шествіи. Группы событій, долженствующія изобразить проявленіе, дѣятельность начала, разорваны по главамъ, послѣдовательность ихъ переходитъ изъ одной главы въ другую, раздробляясь въ то же время другими группами, поставленными нарѣдко безъ связи съ главными. Если всякое историческое начало въ своемъ развитіи представляетъ непосредственное преемство формъ, то смена одной формы другою по необходимости должна дѣлать грань и въ самомъ изложеніи; слѣдовательно, изложеніе, то-есть распоряженіе матеріаломъ, должно сойтись въ періоды соотвѣтственно этому преемству формъ, и содержаніемъ каждаго періода будетъ исторія извѣстнаго начала. Всѣ побочныя явленія должны примыкать къ основной нити историческаго изложенія, какъ явленія или ослабляющія главное начало, или дающія ему новую силу, крѣпость. Масса же событій и фактовъ, которыми не выясняется главное, управляющее начало, только мѣшаетъ послѣдовательности, ослабляетъ живость повѣствованія и къ тому же, ничего не говоритъ уму читателя; умъ скучаетъ и теряется во множествѣ событій, значенія которыхъ не можетъ понять. Желаніе занести въ исторію всѣ событія, упоминаемыя лѣтописцами, можетъ повести къ тому, что изъ исторіи выйдетъ сволъ лѣтописей.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Дѣтскіе годы Петра Великаго. (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. Книга третья, Спб. и М. 1861. Писано въ 1857 г.)	1
Характеръ начальнаго образованія въ деиетровское время. (Отеч. Записки 1856 г., Мартъ)	51
Русская личность и русское общество наканунѣ Петровской реформы (С. Петербургскія Вѣдомости 1863 г. Денябрь, №№ 279 и 283)	82
Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ. (Русскій Вѣстникъ 1857 г. Май)	129
Изъ книги „Златоустъ.“ (Архивъ, изд. Н. Калачовымъ, книги второй половинѣ второй, М. 1854.)	179
Замѣтка о старинныхъ новѣстяхъ. (Отеч. Записки 1853 г. Іюль)	189
Для биографіи Сильвестра Медвѣдева. (Лѣтопись Русской Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. V. М. 1863)	194
Царь Алексѣй Михайловичъ. (Отеч. Записки 1857 г. Январь)	203
Охотничій дневникъ царя Алексѣя Михайловича. (Журналъ Охоты, изд. Г. Манюсъ, 1858 г. Январь)	281
Современныя взгляды и направленія въ русской исторіи. (С. Петербургскія Вѣдомости 1863 г. Февраль, № № 35, 36, 38)	301
Математическій методъ въ исторіи. (Атоной 1858 г. Май)	355
Драматическія прикрасы въ исторіи. (Отеч. Записки 1856 г. Іюль)	396
Фельетонизмъ въ критикѣ. (Отеч. Записки 1855 г. Мартъ)	432

	<i>Стр.</i>
Разрядныя книги. (Отч. Записки 1850 г. Августъ; 1851 г. Октябрь; 1853 г. Октябрь; 1854 г. Декабрь)	466
Боярскія книги. (Отч. Записки 1833 г. Ноябрь)	515
Родословныя книги. (Отч. Записки 1855 г. Май; 1856 г. Апрель)	525
Пятницы и погосты. (Отч. Записки 1854 г. Май)	545
Замѣтки о книгахъ. (Отч. Записки 1852 г. Мартъ; 1853 г. Февраль, 1854 г. Февраль)	559

